СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

VIII

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ им. Н. Я. МАРРА

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

VIII

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1946 ЛЕНИНГРАД

Ответственный редактор
академик Б. Д. Греков

Редакционная коллегия: М. И. Артамонов, А. В. Арциховский, С. Н. Замятнин (ответственный секретарь), С. В. Киселев, В. И. Равдоникас, А. Ю. Якубовский.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Статьи

С. Н. Замятнин (Ленинград). Скифский могильник «Частые курганы» под Воронежем (Раскопки Воронежской ученой архивной комиссии 1910—1915 гг.) 9

Г. П. Сосновский (Ленинград). Раскопки Ильмовой пади 51

В. Н. Кононов (Ленинград). Технологическая характеристика тканей из могил Ильмовой пади 69

И. В. Синицын (Саратов). К материалам по сарматской культуре на территории Нижнего Поволжья 73

Л. А. Ельницкий (Москва). Из истории эллинистических культов в Причерноморье (Дионис-Сабазий) 97

Г. И. Мосберг (Таллин). К изучению могильников римского времени юго-западного Крыма 113

М. И. Артамонов (Ленинград). Древний Дербент 121

Н. Н. Воронин (Ленинград). Социальная топография Владимира XII—XIII вв. и «чертеж» 1715 г. 145

М. К. Каргер (Ленинград). Раскопки и реставрационные работы в Георгиевском соборе Юрьева монастыря в Новгороде (1933—1935) 175

В. И. Лесючевский (Ленинград). Вышгородский культ Бориса и Глеба в памятниках искусства 225

В. П. Таранович (Минск). К вопросу о древних лапидарных памятниках с историческими надписями на территории Белорусской ССР . . . 249

А. Л. Якобсон (Ленинград). Из истории средневековой архитектуры в Крыму. III. Средневековые бани Херсонеса 261

Мелкие сообщения

Н. Н. Грибановский (Якутск). Сведения о писаницах Якутии . . . 281

А. П. Окладников (Ленинград). Новая «скифская» находка на Верхней Лене 285

С. М. Сергеев (Бийск). О резных костяных украшениях конской узды из «скифского» кургана на Алтае 289

А. А. Мансуров (Москва). Старо-рязанские и пронские гончарные клейма 293

Н. П. Милонов (Москва). Тверская печать XV в. 299

Н. Н. Воронин (Ленинград). Хутынский столп 1535 г. (К проблеме шатровой архитектуры) 300

М. П. Грязнов (Ленинград). Техника графической реконструкции формы и размеров глиняной посуды по фрагментам 306

SOMMAIRE

Page

Mémoires

S. Zamiatnin (Leningrad). Le cimetière scythique «Častye kurgany» près de Voronež (fouilles de la Commission scientifique des archives de Voronež, 1910—1915) 9

G. Sosnovskij (Leningrad). Les fouilles d'Iljmovaja padj 51

V. Kononov (Leningrad). Caractère technologique des tissus provenant des sépultures d'Iljmovaja padj 69

I. Sinicyn (Saratov). Les monuments de la culture sarmate dans la région de la Basse Volga 73

L. Elnickij (Moscou). Sur quelques cultes hellénistiques du Bosphore Cimmérien (Dionysos-Sabazius) 97

G. Mosberg (Tallinn). Sur l'exploration des cimetières de l'époque romaine dans le sud-ouest de la Crimée 113

M. Artamonov (Leningrad). Le Derbent ancien 121

N. Voronin (Leningrad). La topographie sociale de la ville de Vladimir aux XII—XIIIe siècles et le «plan» de 1715 145

M. Karger (Leningrad). Les fouilles et les travaux de restauration de la cathédrale de St Georges au monastère Jurjev à Novgorod (1933—1935) 175

V. Lesjucevskij (Leningrad). Le culte de Boris et de Glèbe à Vyšgorod dans les monuments d'art 225

V. Taranovič (Minsk). Sur les monuments lapidaires anciens à inscriptions historiques sur le territoire de la République Biélorusse 249

A. Jakobson (Leningrad). Contribution à l'histoire de l'architecture médiévale en Crimée. III. Les bains médiévaux de Chersonèse 261

Brèves communications

N. Gribanovskij (Yakoutsk). Sur les dessins rupestres («pisanki») de la Yakoutie 281

A. Okladnikov (Leningrad). Un nouvel objet «scythique» trouvé sur la Haute Léna 285

S. Sergejev (Bijsk). Sur les ornements en os sculpté de la bride de cheval provenant d'un tumulus «scythique» de l'Altaï 289

A. Mansurow (Moscou). Les marques de fabrique sur poterie de Staraja Rjazanj et de Pronsk 293

N. Milonov (Moscou). Un sceau de Tver du XVe siècle 299

N. Voronin (Leningrad). Le «pilier» de Hutyn de 1565 (à propos de l'architecture du type «en tentes») 300

M. Grjasnov (Leningrad). La technique de la restauration de la forme et des dimensions de la vaisselle en argile d'après les fragments 306

ОТ РЕДАКЦИИ

Издаваемый ныне сборник «Советская археология», том VIII был составлен и набран еще до начала Великой Отечественной войны. Выйти из печати он, однако, не успел: война прервала работу Ленинградского Отделения Издательства АН СССР. С возобновлением деятельности Института и Издательства в Ленинграде работа по выпуску Сборника в свет была продолжена, вновь были изготовлены клише, утраченные во время войны. К сожалению, некоторые иллюстрации к статьям так и не удалось восстановить. Тем не менее, редакция оставляет эти статьи в составе сборника, как представляющие большой научный интерес. Сборник в целом содержит важные материалы и исследования, в том числе такие, появления которых в печати давно уже ожидают советские археологи. К тому же, некоторые публикуемые археологические материалы, хранившиеся в местных музеях в городах, временно оккупированных немецко-фашистскими захватчиками, были или варварски уничтожены или разграблены.

Во время войны, в осажденном Ленинграде погибли двое из авторов помещенных в Сборнике статей: Г. П. Сосновский и В. И. Лесючевский. На фронте борьбы с гитлеровскими захватчиками пал смертью храбрых А. А. Мансуров. Смерть их является тяжелой утратой для нашей науки. Память о героях и жертвах беспримерной борьбы за счастье нашего народа и всего человечества всегда будет жить в наших сердцах.

СТАТЬИ

С. Н. ЗАМЯТНИН

СКИФСКИЙ МОГИЛЬНИК «ЧАСТЫЕ КУРГАНЫ» ПОД ВОРОНЕЖЕМ

(Раскопки Воронежской ученой архивной комиссии 1910—1915 гг.)

Скифские курганы являются тем видом археологических памятников, который привлекал к себе, кажется, наиболее длительное и наиболее постоянное внимание дореволюционной русской археологии. Примерно с середины прошлого столетия начинается почти непрерывный ряд раскопок, ведущихся не только Археологической комиссией, столичными и провинциальными научными обществами и музеями, но и частными лицами. Среди последних мы видим и специалистов и любителей-коллекционеров, которых влекло богатство погребального инвентаря скифских курганов, нередкие в его составе изделия из драгоценных металлов и произведения как античной художественной промышленности, проникавшие в Скифию через греческие колонии Северного Причерноморья, так и своеобразного местного, варварского «звериного стиля».

Наряду с этими работами, различными по своей значимости, но вызванными, в основном, научным интересом, параллельно велись не менее многочисленные (несмотря на борьбу с ними) раскопки, преследующие чисто хищнические цели, цели наживы. Широкое распространение хищничества приводило к разграблению и расхищению большого числа ценнейших памятников, из которых удавалось спасать для науки лишь отдельные, нередко сомнительно документированные вещи. Но и эти разрозненные, далеко не полностью сохраненные находки также образовали весьма внушительный фонд в составе музейных коллекций.

Накопленные в результате более чем столетних раскопок и собирания материалы по скифским древностям составляют сейчас одну из ценнейших частей собраний Эрмитажа, Исторического музея в Москве, Исторического музея в Киеве и ряда провинциальных музеев.

Однако, несмотря на этот повышенный интерес к скифским древностям (а, в известной мере, именно поэтому) состояние наших знаний по археологии скифов является далеко не удовлетворительным. Исследователи, бравшие на себя нелегкий труд подытожить накопленные данные, наталкивались на большие затруднения и вынуждены были неоднократно отмечать недостаточную точность раскопок и недостаточную полноту наблюдений не только в старых, но и в относительно недавних исследованиях, недостаточно полную публикацию собранных материалов (что в особенности относится к рядовым погребениям по сравнению с богатыми царскими гробницами), почти полное отсутствие раскопок поселений при большом числе

раскопанных погребений, и, наконец, неравномерное географическое распространение исследований.[1]

Для возможности использования в качестве полноценного исторического источника наличных материалов по скифской археологии, в не меньшей, а пожалуй в большей степени, чем для памятников какой-либо другой эпохи, требуется не только организация новых раскопок (хотя бы и не столь широких, но полностью отвечающих современным требованиям к методике полевых исследований), но и новая публикация многих из старых коллекций. Одной из таких коллекций, требующих публикации в первую очередь, безусловно, являются материалы из могильника Частые курганы.

Раскопки Воронежской ученой архивной комиссии на урочище Частые курганы близ Воронежа (1910—1915), являющиеся предметом настоящего сообщения, представляют до настоящего времени наиболее значительные по объему исследования скифских памятников на среднем Дону.[2]

Однако, несмотря на то, что один из первых раскопанных в этой группе курганов (1911) дал находку знаменитого серебряного сосуда с изображением скифов, получившего международную известность и явившегося темой специальной публикации,[3] картина этих раскопок в целом не нашла сколько-нибудь полного отражения в печати. Результаты же исследований последующих лет (1912 и 1915), доставивших данные, значительно дополняющие наши сведения об этом памятнике, остались совершенно неопубликованными. Между тем как по богатству материалов, полученных раскопками, так и по самому географическому положению этой курганной группы, Частые курганы представляют памятник первостепенного значения и вполне заслуживают введения в широкий научный оборот.

Раскопки Частых курганов велись Воронежской архивной комиссией в течение четырех полевых сезонов: в 1910, 1911, 1912 и 1915 гг.[4]

Всего за четыре года было подвергнуто исследованию 13 насыпей. К сожалению, не весь отчетный материал сохранился полностью, так что не все из раскопанных курганов могут быть характеризованы с достаточной полнотой. Сказалась, в известной мере, и неопытность исследователей, на которую указывает в цитированной выше работе А. А. Спицын (стр. 133), и связанные с этим недостатки как в ведении раскопок, так и в наблюдениях. Однако последнее применимо больше к первым годам раскопок, о которых у А. А. Спицына и идет речь. Работы 1912 и 1915 гг. проведены и документированы гораздо лучше.

---

[1] А. А. Спицын. Курганы скифов-пахарей. ИАК, вып. 65, стр. 87—143. — М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. Л., 1925.

[2] Кроме Частых курганов в Воронежской области скифские погребения раскапывались у с. Мастюгина в 1905—1906 гг. А. А. Спицыным (2 кургана) и в 1908 Н. Е. Макаренко (5 курганов) (ОАК, 1905, стр. 82 и 97; 1906, стр. 109 и ИАК, 43, стр. 47—74). В курганной группе у с. Владимировка, исследованной в 1900 г. В. Н. Тевяшовым, два кургана содержали бедные скифские погребения (Тр. Ворон. УАК, т. I, стр. 93—112). В 1899 г. по поручению Археологической комиссии С. Е. Зверевым производилось доследование хищнически раскопанного скифского кургана в с. Мазурки близ Новохоперска (ОАК, 1899, стр. 101). Кроме того, имеется несколько случайных находок отдельных вещей. Этим исчерпываются сведения о скифских памятниках для бассейна среднего течения Дона.

[3] М. И. Ростовцев. Воронежский серебряный сосуд. МАР, № 34, стр. 79—93.

[4] Открытый лист на раскопки был выдан Археологической комиссией еще в 1909 г. и тогда же осенью членами комиссии А. И. Мартиновичем и С. Е. Зверевым была сделана попытка раскопать один курган собственноручно, с помощью двух рабочих и двух «добровольцев» — учащихся средней школы. Попытка эта закончилась, естественно, неудачей и была прекращена в связи с началом озимого сева на месте работ. В следующем году раскопки были проведены уже с привлечением достаточного количества рабочих.

В 1910 г. были подвергнуты раскопке две наиболее крупные насыпи группы, расположенные в южной ее части. Раскопки вели члены комиссии А. И. Мартинович, С. Е. Зверев и В. Д. Языков. Сведения о раскопках этого года наиболее полно даны в рукописном отчете А. И. Мартиновича о раскопках 1910 и 1911 гг., хранящемся в делах Археологической комиссии.[1] К отчету приложен разрез и план погребения в кургане № 1, составленный, видимо, не в поле, а по материалам дневника. Частично данные Мартиновича дополняются корреспонденциями о раскопках, печатавшимися в местной газете «Воронежский Телеграф».[2] Другой план погребения и разрез по северной стене могилы кургана № 1 (автора чертежа я установить не мог) хранится в Воронежском музее; он имеет довольно существенные расхождения в деталях с планом Мартиновича, находящие некоторое подтверждение в упомянутых уже газетных заметках. Чертежного материала по кургану № 2 не имеется.

В следующем 1911 г. раскопано было еще три кургана — №№ 3, 4 и 5.[3] Раскопки вели те же лица, что и предыдущий год (отчет ВУАК за 1911 г. называет еще в качестве участника работ А. Л. Дольского). Кроме упомянутого рукописного отчета А. И. Мартиновича, в основном говорящего о кургане № 3, имеются его же краткие печатные публикации, повторяющие в сокращенном виде данные рукописного отчета.[4] Кроме того, для кургана № 3 имеется рукописный отчет С. Е. Зверева, хранящийся в Воронежском музее, а также изготовленный В. Д. Языковым (из пластилина на картоне) план могильной камеры кургана № 3. В рукописи Зверева и плане Языкова имеются некоторые расхождения с данными Мартиновича, которые будут оговорены ниже.[5] Курганы №№ 4 и 5, не давшие богатых коллекций, очень кратко упоминаются Мартиновичем и лишь мельком отмечены Зверевым; коллекции из этих курганов, хранящиеся в Воронеже, не вполне совпадают с данными Мартиновича.

Ряд промахов в ведении раскопок, особенно обративших на себя внимание благодаря исключительному характеру находок, но, пожалуй, еще в большей мере, запоздание с отчетом и невыполнение ВУАК обычного порядка представления коллекций в Археологическую комиссию вызвали сильное недовольство последней.[6] На ходатайства ВУАК о выдаче открытого

---

[1] Архив ИИМК, дело АК № 38 за 1909 г., стр. 82—113.

[2] Наиболее обстоятельные из них за подписями «Гр. Б—о» и «В. Л—в.», принадлежащие местному библиографу, члену Архивной комиссии В. В. Литвинову, перепечатаны в ИАК (прил. к вып. 37, стр. 136—137; прил. к вып. 44, стр. 66—67; прил. к вып. 44, стр. 33—34; прил. к вып. 48, стр. 52—53).

[3] В рукописи Мартиновича они имеют отдельную нумерацию: 1, 2 и 3. Придерживаюсь нумерации не по годам, а сквозной, принятой в раскопках последующих лет и при хранении коллекций в Воронежском музее.

[4] А. Мартинович. Археологические раскопки. Вестн. постройки Воронежск. Губ. Музея, 1914, № 2, 4°, стр. 16—18, с 3 рис. — Он же. Воронежская ваза 1911 г. из раскопок на урочище «Частые курганы». Русск. военно-историч. журн., 1912, кн. 8—9, стр. 203—207, с 2 рис.

[5] См. также: а) Отчет ВУАК за 1911 г., Воронеж, 1912 стр. 11 и 29—32; б) дополнение к каталогу XV А. С. в Новгороде (Новгород, 1911, стр. 13—15). В цитированных выше работах М. И. Ростовцева и А. А. Спицына имеются краткие сведения о раскопках курганов №№ 1—3, по данным Мартиновича.

[6] Согласно обычному порядку, вещи из раскопок, произведенных по открытым листам, выдаваемым Археологической комиссией, представлялись ей вместе с отчетом. Археологическая комиссия (состоявшая в ведомстве императорского двора) устраивала ежегодно отчетную выставку, которую председатель комиссии, гофмейстер граф А. А. Бобринский, представлял «на высочайшее воззрение» (выражение, фигурировавшее на открытых листах, выдававшихся комиссией). Другой «придворный чин» егермейстер граф П. Н. Апраксин, бывший в 1911 г. председателем Воронежской Архивной комиссии, решил самостоятельно устроить это «представление на высочайшее воззрение» богатейших находок 1911 г. в Частых курганах. Им было организовано поднесение царю вазы из кургана № 3 делегацией Воронежской архивной комиссии, причем это было ловко использовано для продвижения ходатайства о передаче

листа на раскопки в 1912 г., представленное вместе с отчетом Мартиновича за предыдущий год, Археологическая комиссия, не выдавая листа, ответила лишь отношением с разбором недостатков предыдущего отчета. Открытый же лист на раскопки Частых курганов в 1912 г. был выдан Н. Е. Макаренко вместе с ассигнованными на это средствами, причем извещение об этом не было послано в Воронежскую архивную комиссию, а лишь воронежскому губернатору, согласно общему порядку.[1]

Как протекало далее дело с организацией раскопок в этом году, из имеющихся архивных материалов не видно. Однако предполагавшиеся раскопки Н. Е. Макаренко на Частых курганах не состоялись и работы в 1912 г. производила опять Воронежская архивная комиссия.

В этом году было раскопано еще 4 кургана (№№ 6, 7, 8 и 9) главным образом в центральной части группы. Были приняты меры к более тщательному ведению работ. Ближайшее участие в раскопках, кроме А. И. Мартиновича и С. Е. Зверева, принял А. Л. Дольский.

В Воронежском музее сохранились хорошие планы расположения вещей на дне могильной ямы курганов №№ 6, 8 и 9, выполненные А. Л. Дольским, несомненно, в поле (к сожалению, план кургана № 7 был утрачен). О раскопках 1912 г. А. И. Мартиновичем был сделан отчетный доклад на заседании Воронежской архивной комиссии (1 II 1914). Однако рукописи этого отчета не удалось обнаружить ни в делах Воронежской архивной комиссии, ни Археологической комиссии.

Работы 1915 г., во время которых было раскопано еще четыре кургана (№№ 10, 11, 12 и 13), велись А. Л. Дольским и С. Е. Зверевым. Работы этого года были документированы наиболее полно. Для всех курганов имеются дневники и полевые планы погребальных камер, составленные А. Л. Дольским; имеется также несколько фотографий. В раскопках 1915 г. мне довелось принимать непосредственное участие на всем их протяжении. За время этих раскопок, помимо ряда личных впечатлений и наблюдений, я имел возможность получить от А. Л. Дольского ряд указаний относительно работ предшествующих лет, в частности указания на последовательность раскопок и расположение исследованных ранее курганов.

Коллекции, добытые раскопками 1910—1915 гг. на Частых курганах, хранятся в Воронежском областном музее (часть материалов из курганов №№ 1 и 2 и полностью материал из курганов №№ 4—13) и в Эрмитаже (полностью материалы из кургана № 3 и часть находок из курганов №№ 1 и 2).[2]

Частые курганы находятся в 4 км к СЗ от холодильника при железнодорожной станции Воронеж II, у дороги, проходящей с западной стороны нового городского кладбища к южному краю с. Подгорного.[3] Курганы

Воронежскому музею принадлежавшего казне старинного дворца, построенного в Воронеже для последнего крымского хана Шагин Гирея. В подобном образе действий Археологическая комиссия усмотрела нарушение своих интересов. Курьезная переписка по этому поводу имеется в цитированном выше деле Археологической комиссии, хранящемся ныне в архиве ИИМК.

[1] Дело АК № 145 за 1912 г. и «Воронежский телеграф», № 106, от 15 V 1912.

[2] В 1925 г. еще одну насыпь, совершенно разграбленную в древности, раскопали по поручению Воронежского музея Д. Д. Леонов и М. Е. Фосс (материал находится в Воронеже). В 1927 г., по поручению Государственного Исторического музея в Москве, раскопки на Частых курганах производил В. А. Городцов, подвергший вскрытию еще шесть насыпей (коллекции хранятся в Историческом музее в Москве). Таким образом всего в настоящее время на Частых курганах раскопано 20 насыпей, т. е. около половины могильника.

[3] В годы описываемых раскопок местность Частые курганы лежала в расстоянии 4 км от города и была занята пахотными полями. За последнее время сильно выросший город вплотную придвинулся к курганной группе, вошедшей в городскую черту. На плане г. Воронежа, изданном в 1937 г, на месте курганной группы показаны распланированные, но незастроенные кварталы. В 1939 г. я мельком из окна самолета мог видеть, что застраиваются участки в непосредственной близости от Частых курганов.

расположены довольно компактной группой на пространстве около квадратного километра, занимая водораздельную возвышенность между большой балкой Песчаный лог и долиной р. Дона. На этом пространстве расположено около 40 насыпей, из которых некоторые сильно распаханы и еле заметны (на карте окрестностей Воронежа в масштабе 1 : 21 000, изданной в 1892 г., показаны 28 насыпей; А. И. Мартинович в рукописном отчете отмечает 32 насыпи; приведенный выше подсчет принадлежит А. Л. Дольскому). Очертания даже более крупных насыпей мягкие; распаханные полы курганов незаметно сливаются с окружающей местностью.

КУРГАН № 1

В южной части группы. Одна из наиболее крупных насыпей. Высота (по данным Мартиновича) ок. 2.5 м. Диаметр 15 м (?!). По отчету Мартиновича раскопан квадратным колодцем 6 × 6 м. По газетным сведениям[1]

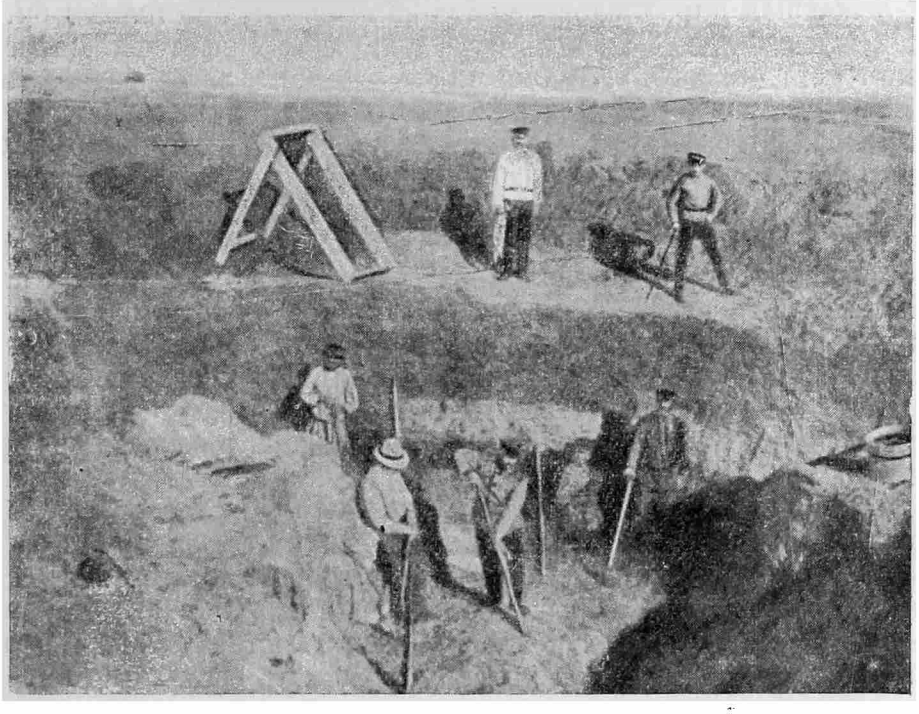

Рис. 1. Раскопки кургана № 1.

На задней стенке раскопочного колодца видна светлая линза древнего выкида. В центре, внизу — А. И. Мартинович (в форме, с лопатой).

раскопка, по снятии верхушки насыпи, была поведена круглым колодцем диаметром 8 арш. (= 5.70 м), который, пройдя насыпь, пришлось расширять. На сохранившейся фотографии хорошо видны приемы раскопки (рис. 1). В стене раскопа ясно различается светлая прослойка древнего выкида при сооружении могильной камеры. Деревянный настил, обнаруженный на глубине 2.5 м, т. е. на уровне современной дневной поверхности, и прикрывавший могилу, за ее пределами шел горизонтально, а далее круто обрывался вниз, образуя воронкообразную впадину. Согласно чертежу Мартиновича, настил шел в два слоя наперекрест, нижний в направлении В—З и верхний в направлении С—Ю; в тексте об этом не упоминается. Обнаруженная под настилом могильная камера имела прямоугольные очертания. Ее размеры 5×4 арш. (3.55×2.84 м). Могила была ориентиро-

[1] ИАК, вып. 37 (Хроника и библиография, вып. 18), стр. 136.

вана сторонами по странам света и вытянута с С на Ю. Глубина могилы около 2 м, причем при сооружении ее были пройдены слой чернозема и бурого суглинка и нижележащий песок, последний на глубину ок. 60 см. Стены могильной камеры были облицованы деревом, за исключением участка северной стены, протяжением ок. 1.5 м, примыкающего к с.-в. углу могилы, где облицовка отсутствовала. Облицовка располагалась вертикально, причем отдельные пластины дерева имели 23—32 см ширины и 11—15 см толщины. Судя по чертежу Мартиновича, брусья облицовки были укреплены нижними концами в канавке, выкопанной вдоль стен могилы.

В центре могильной ямы и по углам ее имелись столбы, от которых сохранились в дне могилы круглые ямки диам. 25—30 см и глуб. до 1 м, заполненные остатками перегнившего дерева (на анонимном плане Воронежского музея показаны, в отличие от плана Мартиновича, не 5, а 4 столба, расположенные не по углам, а в центральной части могилы). На дне могильной камеры были обнаружены остатки человеческого костяка, частично потревоженного. В первоначальном положении находилась нижняя половина скелета, лежавшая параллельно восточной стене, в расстоянии ок. 1 м от нее. Кости ступней лежали непосредственно у северной стены. Далее, в анатомическом порядке располагались кости голеней, левое бедро, таз, крестец, поясничные позвонки. Положение этих костей показывает, что покойник был положен в вытянутом положении на спине, головой на Ю. Остальные кости скелета оказались разбросанными по дну могилы: 4 шейных позвонка рядом с поясничными, лежавшими in situ; правое бедро южнее, в расстоянии 2 м от северной стены и 0.5 м от восточной стены; далее на полметра, непосредственно у восточной стены, — череп и правая плечевая кость. Остальные кости верхних конечностей, а также нижняя челюсть, ребра и грудные позвонки, обнаружены в западной половине могильной ямы, перемешанные с костями лошади (ребра). По указанию отчета Мартиновича все кости лошади (на его чертеже можно узнать еще череп, половину таза, бедро) и лежавшие вместе с ними кости человека были окрашены в зеленый цвет окислами меди. Указание это любопытно, потому что, во-первых, свидетельствует о наличии в могиле до разграбления обычного бронзового котла (небольшой выломанный от края фрагмент его был обнаружен в с.-з. углу могильной камеры); позеленевшие кости (большей частью бараньи), выкинутые при ограблении, находились и в других курганах группы. Во-вторых, если часть позеленевших костей действительно принадлежала человеческому скелету (трудно ожидать ошибки в этом у врача Мартиновича), надо допустить двукратное ограбление кургана в древности (до окончательного обвала могильной камеры), причем отброшенные при первом ограблении кости человеческого скелета должны были довольно длительное время находиться в непосредственной близости с котлом, унесенным при вторичном расхищении погребения. Кости лошади в западной половине могилы рассматриваются Мартиновичем как остатки захоронения коня, однако гораздо вероятнее видеть в них лишь остатки напутственной пищи.[1]

Из погребального инвентаря сохранились после разграбления лишь отдельные вещи, лежавшие большей частью в беспорядке и собранные при расчистке дна могилы: а) пачка железных наконечников стрел, сильно окислившихся и скипевшихся вместе — у левого бедра in situ; б) 5 золотых круглых штампованных бляшек с изображением свернувшегося льва, из них одна у поясничных позвонков костяка, остальные разбросаны в разных местах, две в центре могилы и две ближе к южной стене; в) к Ю от поясничных позвонков на 20—30 см — цилиндрическая буса-амулет синего стекла, с грубым изображением лица, 2 золотые полые биконические бу-

[1] Ср. ниже, курган № 10, и Мастюгино, курган № 5 (ИАК, вып. 43, стр. 58—59).

синки и маленькое проволочное золотое колечко; г) упомянутый выше обломок бронзового котла в с.-з. углу могилы. В западной половине могильной камеры в описанном скоплении лошадиных и человеческих костей были собраны: д) железная круглая пряжка в виде кольца с несомкнутыми концами, е) золотая оковка ручки и части венчика деревянного сосуда с изображением медведя (к ней, несомненно, имелась парная, похищенная грабителями), ж) небольшая бронзовая гладкая ворворка.[1] Несколько ближе к западной стене лежали: з) костяная ворворка, а непосредственно у деревянной облицовки западной стены могильной камеры, и) фрагмент обычного железного ножа с закругленной тыльной частью, к) оковка нижнего конца дротика, л) небольшой бронзовый цилиндр без отверстия, возможно

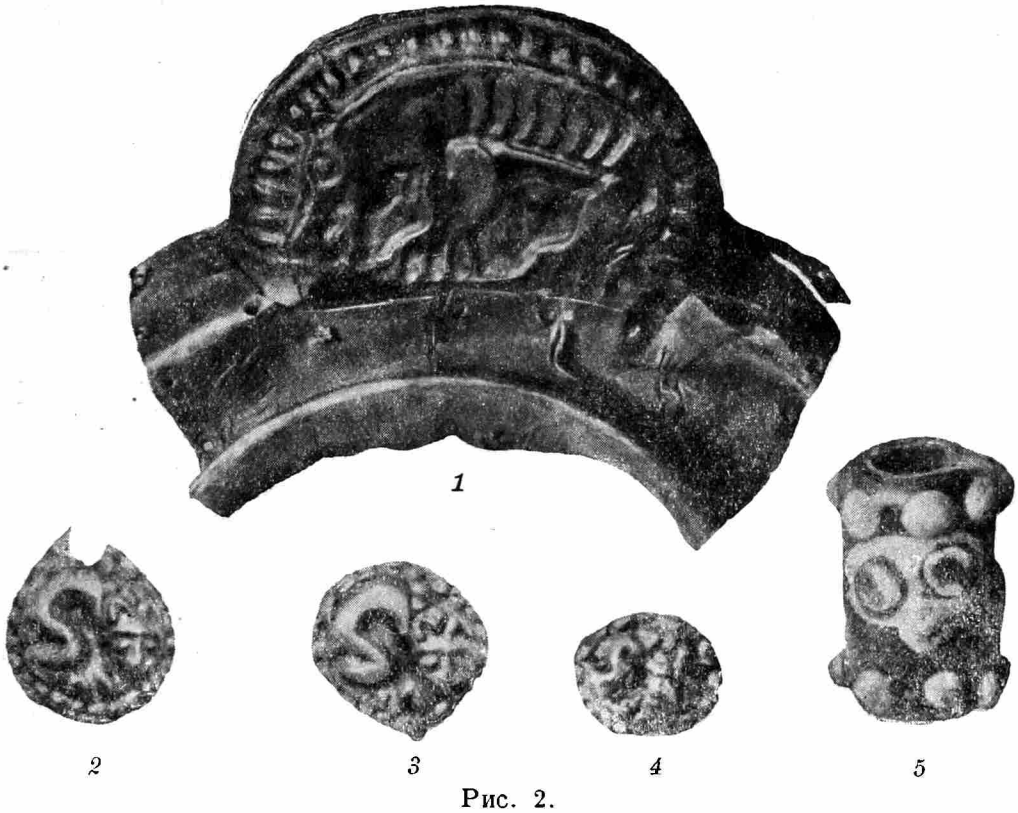

Рис. 2.

1 — золотая оковка ручки деревянного сосуда; *2—4* — золотые нашивные бляшки; *5*—стеклянная пронизка-амулет. Курган № 1.

фрагмент какой-то более крупной поделки. Тут же, непосредственно у западной стены (по Мартиновичу, в тайнике за деревянной облицовкой могилы, вернее же прикрытая деревом от обрушившегося настила над могилой) лежала м) большая чаша из тонкой листовой бронзы, в которой помещались н) 4 уздечки с набором, состоявшие из 4 железных удил с псалиями и бронзовых колокольчиков, налобных и нащечных блях, узорных и звериного стиля и т. д. (см. ниже). Наконец, в ю.-з. углу могилы (в 1.5 м от южной стены и 0.7 м от западной) был найден о) край терракотовой чернолаковой чашки.

В корреспонденции В. Л[итвино]ва,[2] при описании устройства погребальной камеры этого кургана, упоминаются какие-то ниши, не отмеченные в окончательном отчете Мартиновича. Однако на плане Воронежского музея, по северной и западной стенам могильной ямы, также показаны «простенки

[1] В отчете указываются также найденные здесь медные бусы плохой сохранности, о них см. ниже.

[2] ИАК, вып. 42, прилож., стр. 67.

ниш», направленные внутрь могильной камеры от деревянной облицовки. План этот, как уже отмечалось, носит более любительский характер, чем чертеж Мартиновича, но в этом случае совпадение его данных с приведенным выше указанием заслуживает внимания. Повидимому, здесь отражен ход раскопок. Первоначально углубленный до дна могильной камеры раскоп, очевидно, не захватил ее западной и северной стен, что выяснилось лишь позднее, при разборке дна камеры. Сначала эти стены были прослежены при помощи «ниш»-подбоев и лишь после раскоп был вероятно расширен до необходимых размеров.

Находки в кургане № 1.[1]

а) Железные наконечники стрел (скипевшиеся вместе — около 100 экз. и несколько отдельных) со втулками, трехгранные и листовидные удлиненные. Размеры 3.5—4 см.

б) 5 золотых штампованных бляшек с изображением лежащего льва, обращенного вправо, в рубчатом ободке (рис. 2, *2—4*), 4 из них одного штампа, диам. 2 см, пятая, более грубой работы, несколько меньше — диам. 1.6 см (близкие по характеру изображения бляшки из Гермесовой Близницы см. ДГС, табл. XXIII, рис. 8). По краям отверстия для нашивания (Э).

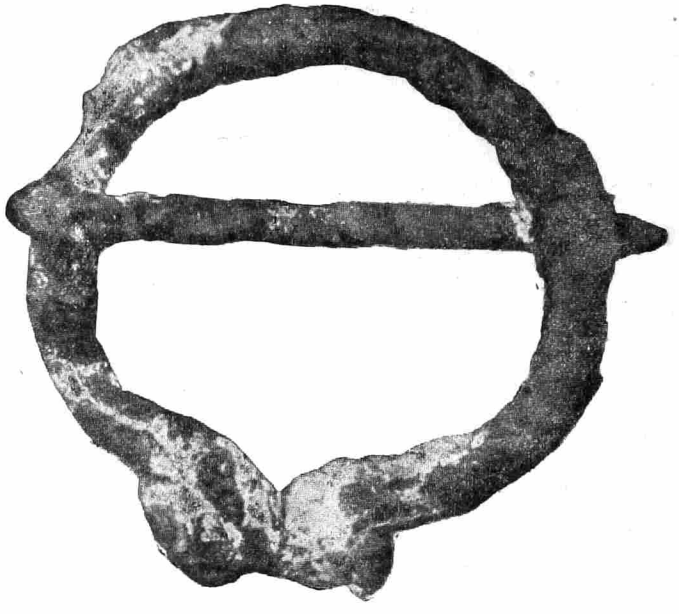

Рис. 3. Железная пряжка (нат. вел.). Курган № 1.

в) Большая цилиндрическая буса-амулет из темно-синего стекла, с выпуклыми крупными глазками бирюзового цвета по краям; посредине грубое схематическое изображение лица (глаза, нос) из белой массы (рис. 2, *5*). Длина 2.5 см, диам. 1.5 см (Э). Найденные рядом 2 биконические золотые бусины и золотое же проволочное колечко составляли, повидимому, одно целое с описанной стеклянной бусой и входили в один амулет.

г) Обломок края медного котла с сильно закопченной наружной поверхностью, разм. 6.5 × 4 см.

д) Круглая пряжка из массивного железного дрота в виде незамкнутого кольца, концы которого, отогнутые наружу, спирально загнуты (рис. 3); игла пряжки массивная, также железная. Диам. 7 см.

В отчетах о раскопках скифских курганов неоднократно встречаются упоминания о находке пряжек, но обычно они не воспроизводятся в рисунках и остаются неизданными. Форма пряжки интересна, так как в дальнейшем она ложится в основу излюбленного украшения восточнофинских племен, сохраняющегося на протяжении многих столетий. Находка в Частых курганах (ср. ниже пряжки из кургана № 11) фиксирует время проникновения этой формы через верховья Дона в бассейн Оки.

е) Золотая оковка края деревянного сосуда (рис. 2, *1*), обхватывавшая часть венчика и плоскую, горизонтально расположенную ручку (Э), по устройству сходную с ручками деревянного (ОАК, 1913—1915, рис. 193) и ряда серебряных сосудов (там же, рис. 191, 192 и др.) из Солохи и серебряного сосуда из Чмырева кургана (ОАК, 1909—1910, рис. 199). Оковка состоит из двух листков — гладкого, охватывавшего венчик и часть горла сосуда, и другого, покрывавшего ручку, с вытисненным изображением медведя, обращенного влево (повторение рисунка, вырезанного на дереве). К сосуду оковка прикреплялась золотыми же гвоздиками. Ручки у сосуда, повидимому, были парные. Форма сосуда довольно ясно восстанавливается. Венчик слегка отогнут наружу. Диаметр горла (по верхнему краю венчика) — 7.5 см, высота венчика 1.8 см, плечики слабо намечены и переходят в сильно выпуклые бока. Ручки расположены горизонтально. Сосуд, вероятно, был круглодонный, приближаясь по форме и размерам к серебряному сосуду из кургана № 3 и многочисленной серии сходных с ним

[1] При описании находок из курганов №№ 1 и 2, частью хранящихся в Воронежском музее, а частью в Эрмитаже, находящиеся в последнем отмечены буквой (Э).

(скорее несколько меньше). Мартинович, интерпретируя оковку как часть седельной луки, видел в этой находке подтверждение своего мнения о захоронении воина с конем. Правильное же понимание ее, наоборот, указывает на то, что кости лошади составляли здесь часть напутственной пищи.

ж) Бронзовая гладкая ворворка в форме усеченного конуса диам. 2.2 см, высота 1.3 см; диаметр верхней площадки 0.5 см.

з) Костяная ворворка той же формы, плохой сохранности. Диам. 2 см, высота 0.8 см; диаметр верхней площадки с отверстием 0.7 см.

и) Железный нож обычного типа с утолщенной тыльной частью, закругленной в сторону лезвия. Рукоятка обломана в древности. Длина сохранившейся части 7.5 см.

к) Железная оковка нижней части древка копья (не сохранилась).

л) Небольшой бронзовый цилиндрик, массивный, без отверстия (обломок какого-либо более крупного предмета ?), украшенный четырьмя выпуклыми валиками, двумя по краям и двумя посредине. Длина 2.8 см, диам. 0.8 см.

Рис. 4. Чаша бронзовая. Курган № 1.

м) Чаша из тонкой листовой бронзы (рис. 4), на наружной стороне стенок украшенная двумя рельефными головками Медузы (рис. 5), служившими вместо ручек. Диам. чаши 29 см, высота 8 см; диаметр дна 17 см. Один край чаши разрушен. М. И. Ростовцев [1] высказывает догадку, что чаша могла быть использована как часть конского убора, может быть нагрудная фалара, однако никаких отверстий или других приспособлений для подвешивания на ней не имеется и подкреплением этого мнения могут служить лишь найденные в чаше:

н) 4 набора от уздечек, в состав которых входили: 1) 4 пары железных удил с псалиями; концы псалий отогнуты в противоположные стороны и заканчиваются полукруглыми шляпками. Длина удил 12—13 см × 2, длина псалий 14—15 см. 2) 4 бронзовых полушаровидных колокольчика с круглым ушком (рис. 6, *6*). Внутри — железная дужка для подвешивания железного же язычка (сохранился в одном случае). Диам. 4.5—5 см. 3) 4 круглых прорезных бляхи со стилизованным изображением птицы (рис. 6, *2*). На оборотной стороне ободка четыре небольших ушка. Диам. бляхи 7 см. 4) 4 налобных бляхи в форме листовидного щитка с прикрепленным к нему изображением птичьей головки на длинной изогнутой шее (рис. 6, *1*). На обороте щитка ушко. Длина бляхи 7 см, высота 3 см, ширина щитка 2 см. 5) 4 пары блях в виде обычных изображений оленя с подогнутыми ногами. В каждой паре один олень обращен вправо, другой влево. Сзади большое, горизонтально расположенное ушко (рис. 6, *4* и *5*); размер блях 3.5 × 4 см. 6) 7 (первоначально было, вероятно, 8) прорезных блях своеобразного рисунка, на первый взгляд орнаментально геометрического, однако, повидимому, имеющего изобразительный реалистический характер [2] (рис. 6).

Рис. 5. Ручка бронзовой чаши (рис. 4) в виде головы Медузы (нат. вел.).

Размеры бляхи 6.5 × 4 см; сзади горизонтально поставленное ушко. 7) Бляха круглая с изображением свернувшегося животного (рис. 6, *8*). Диам. 4.2 см. В отчете Мартиновича изображенное на бляхе животное рассматривается как онагр. Принимая

[1] Скифия и Боспор, стр. 537.

[2] А. И. Мартинович и вслед за ним М. И. Ростовцев объясняют эти бляхи как изображения кистей. Но, видимо, дело обстоит сложнее. Несколько неожиданным явилось открытие начертаний, повторяющих рисунок бляхи и разнящихся лишь в деталях,

во внимание короткий хвост и лапы без копыт, но с пальцами, изображенное животное скорее можно рассматривать как зайца — один из распространеннейших сюжетов скифского изобразительного искусства. 8) 5 экз. удлиненных конических трубочек — ворворки от кистей. По нижнему краю у раструба окаймлены выпуклым, шнуровидно-орнаментированным валиком. У верхнего узкого края такой же, но гладкий валик (рис. 6, *3*). Длина 4.7 см. Диам. раструба 2 см. В одной из трубочек сохранился обрывок узкого ремня, на котором нанизаны до 50 плоских колечек-обоймиц, только согнутых, но не склепанных. Примерно такое же количество их сохранилось отдельно. [1]

о) Край чернолаковой чашки. Лак ровный, блестящий. Диаметр чашки, определяющийся по сохранившемуся краю, ок. 25 см.

Кроме того, в Воронежском музее хранится не упоминаемый в отчете, отнесенный к инвентарю этого кургана, п) небольшой фрагмент железного кольца или пряжки из круглого дрота.

КУРГАН № 2

Расположен также в южной части группы, в расстоянии ок. 100 м к З от кургана № 1. Эти два кургана являются наиболее значительными насыпями в группе. Высота насыпи 3 м, диам. 28.5 м, окружность ок. 80 м.[2]

В насыпи в восточной части кургана, на глуб. 70 см, был найден поздний (татарский?) железный наконечник стрелы, трехлопастный с черенком, длиной 8 см. В северной поле, на глуб. 1 м — черепки амфоры.[3] Под насыпью в центральной части кургана обнаружен деревянный настил, отдельные бревна которого, ориентированные с В на З, достигали 22 см в диаметре. Второй слой настила располагался поперек, с С на Ю. Центральная часть настила обрушилась в могильную камеру. Под настилом — могильная яма квадратной формы, размерами 4 × 4 м, ориентированная по странам света. По отчету Мартиновича, могильная камера, так же как и в первом кургане, облицована деревом. По другим сведениям [4] этой облицовки не было. Деревянное перекрытие могилы было укреплено на 5 столбах, следы которых сохранились в виде ям в песчаном дне могилы глубиной 90 см—1 м (4 по углам и 1 в центре могилы). В западной половине могильной ямы вдоль западной стены на дне лежала хорошо сохранившаяся деревянная балка (обвал с перекрытия?).

среди писаниц, нанесенных красной краской на скалах р. Лены в ряде пунктов между Олекминском и Якутском (отделенные огромным пространством от воронежской бляхи, писаницы Лены не столь далеко отстоят от нее во времени, так как среди их начертаний имеются и изображения характерного бронзового скифского котла на ножке). А. П. Окладников, демонстрировавший снимки якутских писаниц на докладе в ИИМК 4 XI 1940, интерпретирует интересующую нас группу изображений (сопровождающихся иногда фигурками человека), как изображения жилища (чума, кибитки). Подтверждение возможности подобного объяснения и для бляхи из Частых курганов можно найти при сопоставлении ее рисунка с устройством задней стенки глиняной повозочки из Керчи (ОАК, 1911, стр. 32, рис. 56 б), безусловно воспроизводящей характерные черты местных, туземных кибиток. Подобными сопоставлениями вопрос, конечно, не решается. Появление в репертуаре скифских украшений изображения жилища (если и принять такую трактовку) само по себе требует еще объяснения. К сожалению, выяснение смыслового содержания не только подобных своеобразных и немногочисленных изображений, но и основной массы памятников так наз. скифского звериного стиля, все еще остается делом будущего.

[1] По отчету Мартиновича и печатной описи находок в кургане (Отчет ВУАК за 1911 г., стр. 30, № 21) отмечены, как найденные в чаше *М*, лишь 4 трубочки. Положение пятой наличными дневниками и материалами не определяется. Повидимому, обоймицы на ремне пятой ворворки и есть бусы, упоминаемые в отчете как найденные в скоплении костей лошади.

[2] Размеры по данным В. Л[итвино]ва (ИАК, 37 приб., стр. 137). Мартинович ограничивается указанием, что размеры те же, что и у № 1. В той же корреспонденции есть указание на попытку применить иные приемы, чем при исследовании первого кургана, начав раскопки от подошвы насыпи (траншеей?). Это подтверждают и находки в полах кургана. В дальнейшем курган все же, видимо, копался круглым колодцем с уступами.

[3] Там же, стр. 137.

[4] ИАК, вып. 42, приб., стр. 67.

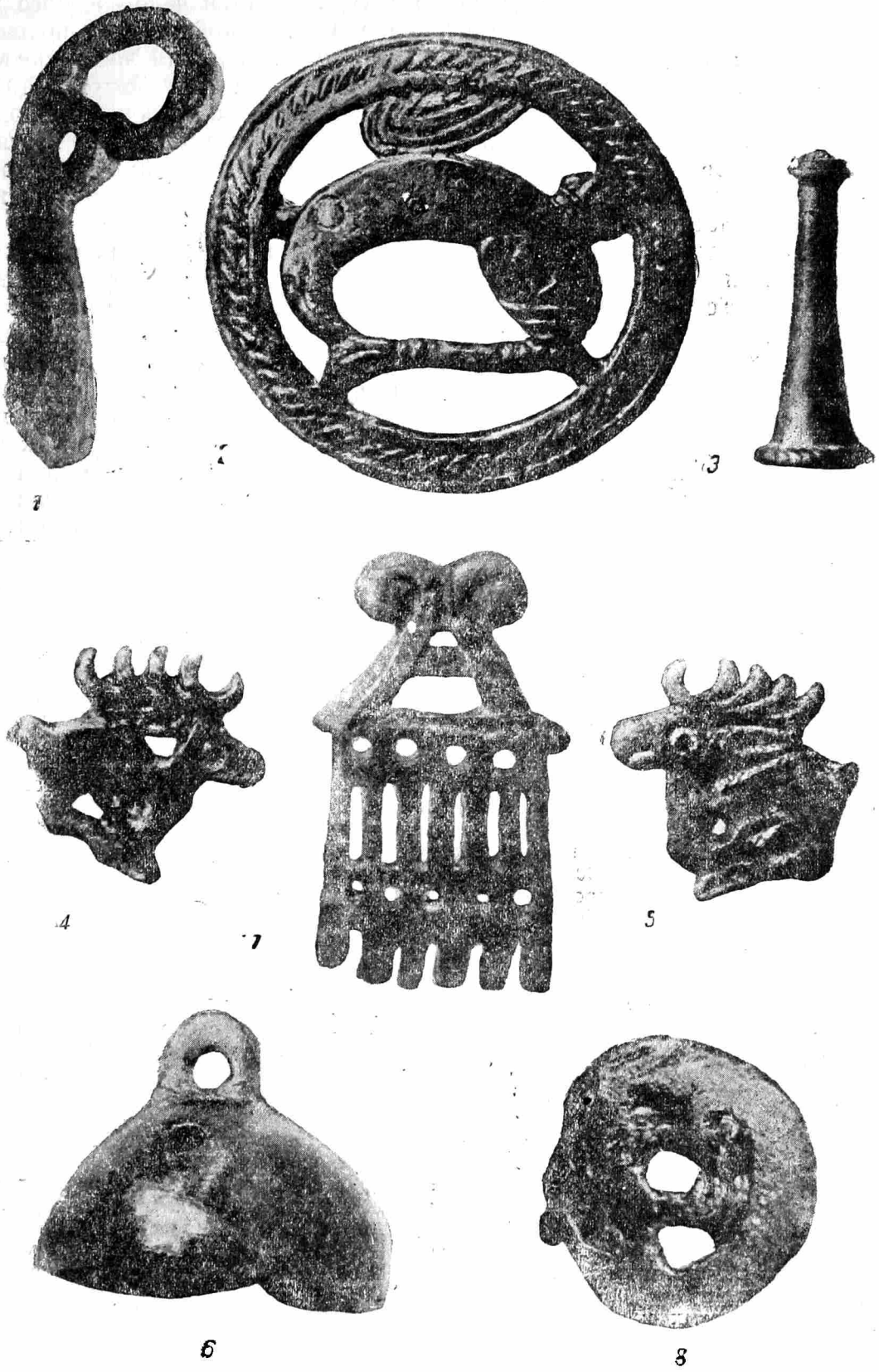

Рис. 6. Набор бронзовых украшений уздечки (нат. вел.). Курган № 1.

Остатки погребения, в виде плохо сохранившегося человеческого костяка, обнаружены в восточной половине ямы. Покойник был положен ногами на С, в вытянутом положении на спине. Верхняя часть скелета потревожена, раздавленный череп найден около тазовых костей. Далее к Ю, в той же восточной половине могилы, лежали кости лошади плохой сохранности. На расстоянии около 1 м к З от бедер человеческого костяка лежало большое количество железных чешуек от панцыря, причем некоторые из них были обтянуты тонким золотым листком, и 5 железных же, обтянутых золотом пуговиц. Часть чешуек панцыря была разбросана по дну могилы. Ближе к левому бедру лежали железные наконечники стрел, помещавшиеся видимо в колчане, истлевшие остатки которого были отмечены. Здесь же собрано 9 маленьких золотых пуговок (украшения колчана?). В непосредственной близости от костяка лежали 4 железных оковки нижнего конца дротиков. Наконечники же их и ряда других копий и дротиков (всего 9 экз.) найдены отброшенными в ю.-в. угол могилы. На окислившейся поверхности некоторых наконечников были заметны отпечатки ткани. У тазовых костей — небольшая золотая нашивная бляшка с схематическим изображением грифона. Вместе с отмеченными выше костями лошади найдены золотые и серебряные оковки трех различных деревянных сосудов и железное кольцо. Курган подвергался разграблению в древности, очевидно раскопом сверху, так как единичные наконечники стрел и чешуйки панцыря попадались и в насыпи, над могильной ямой.

Находки из кургана №

а) Остатки панцыря в виде чешуек прямоугольных очертаний с закругленными нижними углами. Два размера: 2 × 1.5 см и 1.5 × 1.2 см. По трем углам — отверстия для пришивания. Среди них 23 экз. обтянуты тонким золотым листком (рис. 7, *5*) (из них 18—Э). К панцырю же относятся и 5 железных обтянутых золотом пуговиц (рис. 7, *3* и *4*), упоминаемых отчетом; из них сохранились: одна в Воронежском музее, полушаровидной формы, диам. 2 см, с круглым отверстием посредине и две, того же размера, но более уплощенных, в Эрмитаже.

б) Железные наконечники стрел со втулками, двух типов, трехгранные и листовидные. Перо листовидных наконечников большей частью трехугольное, реже неправильно ромбовидное. Около 80 экз. Длина от 3.5 до 5 см.

в) 9 маленьких полушаровидных золотых пуговок с небольшим ушком на оборотной стороне (рис. 7, *2*). Диам. 0. 7 см. Являлись украшением колчана (?).

г) Штампованная золотая бляшка со схематическим изображением грифона (рис. 7, *1*). По углам четыре отверстия для пришивания. Размеры 2.5 × 2.3 см.

д) 9 железных наконечников копий и дротиков и 4 оковки их нижних концов. Из них 2 экз. больших копий, с пером листовидной формы (рис. 8, *1*), на котором хорошо выражена продольная грань. Длина наконечника 50 см, длина пера 26 см, ширина 6 см, диаметр втулки 3.5 см. 6 экз. наконечников дротиков (рис. 8, *3*), имеющих небольшое трехугольное перо с жалами. Длина 39 см, длина пера 6.5 см, диаметр втулки 2.2 см. Один наконечник довольно необычного вида (рис. 8,*2*) по размерам сходный с наконечниками копий (длина 50 см, диаметр втулки 3 см), но по форме пера (длина 16 см) повторяющий более легкие дротики.

е) Пара серебряных оковок плоских ручек деревянного сосуда (рис. 9, *2*; Э). По краям отверстия для прикрепления оковки гвоздиками. Ширина ручки — 5 см. Ручки прикреплялись не горизонтально, а несколько покато, как на упоминавшемся серебряном сосуде Чмырева кургана. К последнему, вероятно, приближалась и форма деревянного сосуда, на котором оковки были укреплены. Диаметр сосуда (по изгибу участка бортика, охваченного оковкой) определяется в 8 см. Бортик сосуда, гладко срезанный, имел толщину ок. 0.5 см.

ж) Пара золотых оковок от ручек деревянного сосуда (рис. 9, *3*; Э), близкого по размерам и форме к предыдущему. Оковки по краям также имеют отверстия, в которых частью сохранились золотые же гвоздики с полушаровидной шляпкой, диам. 0.4 см. Ширина ручек 4.5 см. Укреплялись ручки горизонтально. Диаметр сосуда ок. 7.5 см, бортик закругленный. Совершенно сходная оковка имеется из Александропольского кургана.[1]

з) 6 вырезных фигурных золотых пластинок (рис. 9, *1*; Э) и небольшой обломок седьмой такой же оковки большого деревянного сосуда. Размеры пластинок

[1] ДГС, табл. VI, рис. 4.

6.7 × 6.3 см. Верхний край их слегка загнут внутрь. По краям многочисленные мелкие дырочки для прикрепления. Сосуд, который был украшен этими оковками, гораздо крупнее двух предыдущих и отличен по форме. Скорее всего, это широкая чаша или миска с прямыми или слегка наклоненными внутрь боками. Венчик, в отличие от обоих предыдущих сосудов и сосуда из кургана № 1, прямой, тонкий, без закраин, сходящий на-нет. Ближайшая аналогия этим оковкам как по характеру рисунка, так, видимо, и по форме сосуда, имеется в том же Александропольском кургане.[1]

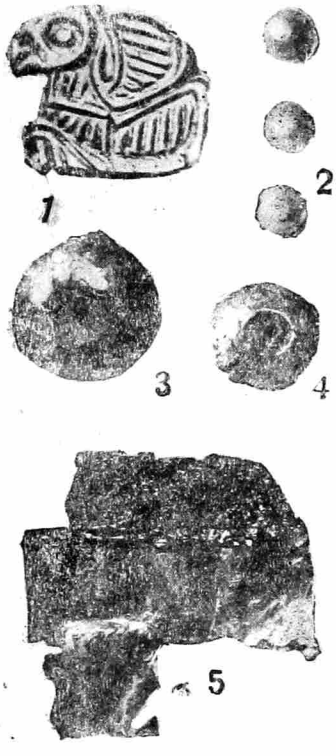

Рис. 7.
1, 2 — золотые бляшки; *3, 4* — железные обтянутые золотом пуговицы; *5, 6* — железные, частью обтянутые золотом чешуйки панцыря (нат. вел.). Курган № 2.

Рис. 8. Железные наконечники копья (*1*) и дротиков (*2, 3*). Курган № 2.

и) Железное кольцо диам. 3.5 см с небольшим острым шипом.

Кроме перечисленных находок в Воронежском музее имеются из этого кургана не отмеченные в отчете Мартиновича:

к) Бронзовая рубчатая пуговка диам. 1.5 см, плохой сохранности.[2]

л) Небольшой обломок железного ножа, длина 4.5 см.

КУРГАН № 3

Также находится в южной части группы (к ЮЗ от кургана № 2). По размерам он меньше двух предыдущих. Расположен был на меже, благодаря чему центральная часть насыпи сохранилась лучше, а западная и восточная полы сильно распаханы. Диаметр насыпи ок. 15 м, высота ок. 2 м (несколько меньше). Раскопан квадратным колодцем, размерами 7 × 6.5 м. Ориентировка бревен настила (по Звереву) с С на Ю.

Хорошо прослеживался обвал центральной части настила в глубь могилы. Под настилом обнаружена могильная камера размерами 5 м

[1] Там же, табл. , рис. 7.

[2] ИАК, вып. 37, приб., стр. 139: «бусинка из зеленой мастики с остатками ремешка внутри ее».

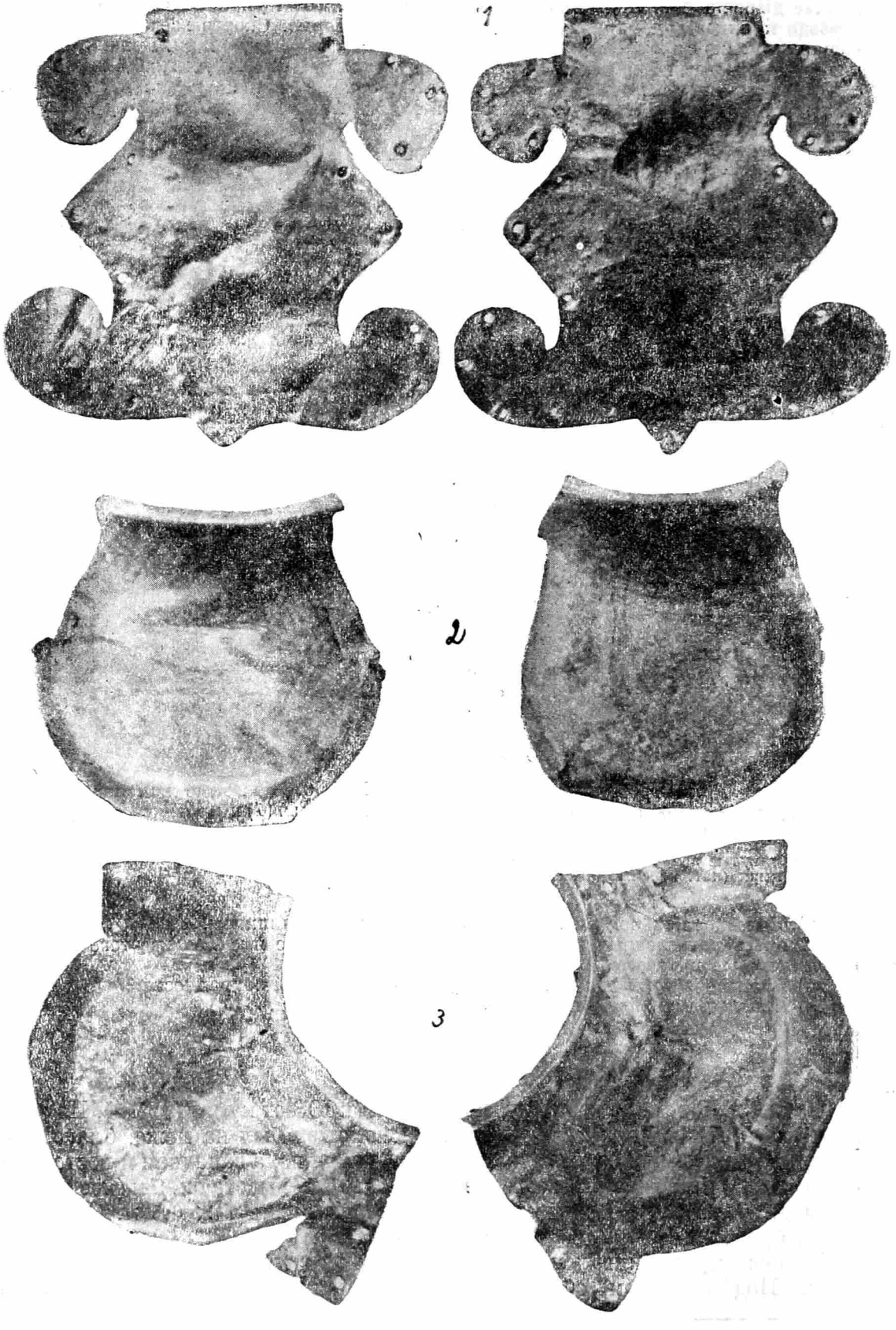

Рис. 9. Золотые (*1*, *3*) и серебряные (*2*) оковки трех деревянных сосудов (нат. вел.). Курган № 2.

(В—З) × 4 м (С—Ю) и глубиною около 2 м.[1] Стены могильной камеры были облицованы деревом, причем Мартинович отмечает, что эта облицовка располагалась горизонтально наподобие сруба и что часть облицовки подалась внутрь камеры и приняла неправильное положение. В центре могилы — остатки столба в виде круглой ямки, диам. ок. 25 см и глубиною до 1 м, заполненной остатками истлевшего дерева. На дне могильной камеры располагались, по указанию обоих отчетов, остатки плохо сохранившихся двух человеческих костяков и костяк лошади.

Остатки первого костяка, к которому относится и большинство найденных в могиле вещей, сохранились лишь в виде продолговатого белого известкового пятна, вытянутого параллельно восточной стене могилы в 24 см от нее; пятно имело ок. 2 м в длину и до 70 см ширины. Из костей уцелели лишь надколенная кость плохой сохранности и рядом фрагмент трубчатой кости (левого бедра?), лежавшие в северной половине пятна. Из положения этих костей, а главным образом обнаруженных здесь вещей, сделано заключение, что покойник был ориентирован головой на Ю. На этом участке были собраны следующие предметы: а) пара бронзовых круглых прорезных бляшек в виде колесиков с 4 спицами; в одной сохранились остатки ремня (на северном краю пятна); б) железный меч, с обтянутой золотым листком рукояткой и следами деревянных ножен, лежал рукояткой на Ю (на восточном краю пятна); в) крупная железная застежка, обтянутая золотым листком, украшенная двумя головами животных (под мечом); г) такой же техники железный обтянутый золотом браслет (близ рукоятки меча); д) точильный камень веретенообразной формы; е) кольцо из спирально согнутой золотой проволоки; ж) пачка железных, сильно окислившихся стрел; з) бронзовая ворворка в форме розетки из 8 полушаровидных лепестков (с западной стороны площадки, т. е. слева от костяка);[2] и) 203 тонких штампованных золотых бляшки трех рисунков, простых и тройных розеток и прямоугольных с изображением грифона, с отверстием для нашивания (собраны в наиболее широкой части известкового пятна, на пространстве 70 × 60 см). В непосредственной близости к южному краю костного пятна был найден к) небольшой серебряный сосуд с изображениями 6 скифов, сильно поврежденный обвалом.

К западу от центрального столба лежали кости лошади,[3] вместе с которыми найдена л) золотая оковка истлевшей деревянной скульптурной головки хищной птицы.

Наконец, в ю.-з. углу, параллельно южной стене, исследователями отмечались остатки второго костяка, повидимому, не лучшей сохранности. Вещей при нем не обнаружено, лишь у самой южной стенки найдены: м) 2 фрагмента окислившейся бронзы — остатки котла.

Кроме этих находок, были еще обнаружены: н) лежавший на боку в ю.-в. углу могильной камеры хорошо обожженный сосуд желтоватой глины

---

[1] Данные Мартиновича. По Звереву, дающему те же размеры могильной камеры, большую длину (5 м) имели восточная и западная стены. План Языкова, повторяя данные Мартиновича и Зверева относительно находок на дне могилы, отличается указанием ориентировки (углами по странам света). Кроме того, на этом плане северная (по Языкову северо-западная) стена значительно (на 1.5 м по западной и на 2 м по восточной стене могилы) отодвинута и могильная камера, таким образом, имеет не прямоугольные, а трапециевидные очертания и значительно большие размеры. Никаких находок в этой части могилы на плане не отмечено.

[2] По Мартиновичу находки д) и е) лежали вместе с мечом, б) а по Звереву — западнее, вместе со стрелами ж).

[3] Мартинович указывает, что сохранились «длинные кости конечностей и несколько ребер и зубов»; на плане Языкова показаны лишь несколько ребер в анатомическом порядке, и не к З, а к Ю от столба. Мартинович восстанавливает положение «скелета лошади» головой на Ю, Зверев головой на С. Вероятнее всего, что здесь был не полный скелет а лишь остатки напутственной пищи.

с узким горлом и отбитой в древности ручкой, о) пачка железных стрел (в ямке от столба, в центре могильной ямы).

Курган, несмотря на богатое содержание, несомненно, подвергался ограблению в древности, на что указывают обломки котла. Последнее обстоятельство, вместе с чрезвычайно плохой сохранностью костей, заставляет с большой осторожностью отнестись к восстанавливаемой отчетом картине захоронения. Не говоря уже о более чем сомнительном положении лошади в могиле, наличие следов второго костяка в ю.-з. части могилы также недостаточно достоверно и может быть истолковано как результат деятельности грабителей.

Находки в кургане № 3.

Как уже указывалось, находки из этого кургана были опубликованы М. И. Ростовцевым, правда, большей частью в сильных уменьшениях.[1] Воспроизводятся здесь в натуральную величину.

а) Два бронзовых массивных колесика с четырьмя спицами (рис. 10, *9*), диам. 2.5 см. В данном случае — принадлежность обуви. Могли служить как пуговицы; они укреплялись на конце ремня, продевавшегося через отверстие в середине; затем ремень завязывался узлами с обеих сторон. Такого вида поделки довольно распространенный вид украшения. В данной группе колесики имеются в кургане № 10 (см. ниже), встречались в Мастюгине (ИАК, вып. 43, стр. 63), где они составляют принадлежность пояса; известны также на Северном Кавказе; Н. Е. Макаренко указывает наличие их в памятниках ананьинской культуры.

б) Железный меч, длиной 68 см, с рукояткой, обтянутой золотом (рис. 11). Подробно описан М. И. Ростовцевым, приведшим и ряд аналогий.

в) Крупная железная или, быть может, бронзовая с железным крючком застежка, обтянутая золотым листком (рис. 10, *1*). Широкая ее часть украшена симметрично удвоенным изображением головы фантастического зверя с длинным ухом и зубастой открытой пастью; противоположный узкий конец заканчивался крючком, оформленным, как это обычно на подобного рода застежках, в виде головки грифона с круглыми ушами и хоботовидно-изогнутым клювом. Крючок в древности обломан, благодаря чему виден основной материал поделки, скрытый в других местах золотой облицовкой. Обычная петелька на обороте широкой части поделки также отломана в древности и для прикрепления застежки небрежно проделано сквозное отверстие. Длина 13.5 см.[2]

г) Браслет железный, обтянутый золотым листком (рис. 10, *2*). Диам. 7.5 см. Орнамент наружной стороны — выпуклые линии, поперечные и диагональные, чередующиеся попеременно. Обратная сторона гладкая. Близкий по характеру орнамента браслет М. И. Ростовцев отмечает в Чертомлыке (ДГС, XXXVIII, рис. 17).

д) Точильный камень веретенообразной формы из серовато-белой, слегка просвечивающей породы (рис. 12). Дл. 16.5 см. Форма камня неоднократно отмечена для скифских древностей; см., напр., Чертомлык (ДГС, XXXVII, рис. 1), Карагодеуашх (МАР, № 13, табл. II, рис. 7), имение Кара-Кият в Крыму (ОАК, 1891, рис. 57) и др.

е) Кольцо из гладкой толстой золотой проволоки не спаянной, а согнутой спирально в $1^1/_2$- оборота (рис. 10, *8*). Диаметр кольца 3 см, сечение проволоки около 2 мм.

ж) Железные наконечники стрел (не сохранились).

з) Ворворка бронзовая (рис. 10, 7) в виде розетки, состоящей из полой центральной части в форме усеченного конуса, окруженного 8 круглыми лепестками. Диам. 3 см.

и) 203 штампованных золотых бляшки с отверстиями для нашивания по краям трех различных рисунков (рис. 10, *4—6*): 1) простых розеток диам. 1 см—65 экз.; 2) подтреугольных фигурных бляшек, состоящих из трех подобных розеток, соединенных вместе, — 63 экз. и 3) прямоугольных бляшек с изображением грифона, обращенного влево, разм. 2 × 1.5 см—74 экз. М. И. Ростовцев (МАР, № 34, стр. 83) бляшки первых двух типов описывает как украшения оторочки кафтана, а бляшки с грифоном — как части поясного набора. Определение это сделано не на основании условий их находки, так как какой-либо определенной картины расположения бляшек на костяке, более детальной, чем приведено выше, в рукописях Мартиновича и Зверева не имеется.

---

[1] МАР, № 34, стр. 83 и табл. II.

[2] М. И. Ростовцев (МАР, № 34, стр. 83) описывает эту вещь как «украшение в виде накладной двойной распластанной рыбы»; в другой работе (Скифия и Боспор, стр. 538), перечисляя содержимое кургана, он ошибочно называет ее дважды, один раз как «железное обложенное золотом украшение ножен меча с изображением животного» (следуя отчету Мартиновича) и другой раз как «накладное бронзовое украшение в виде распластанной зубастой рыбы».

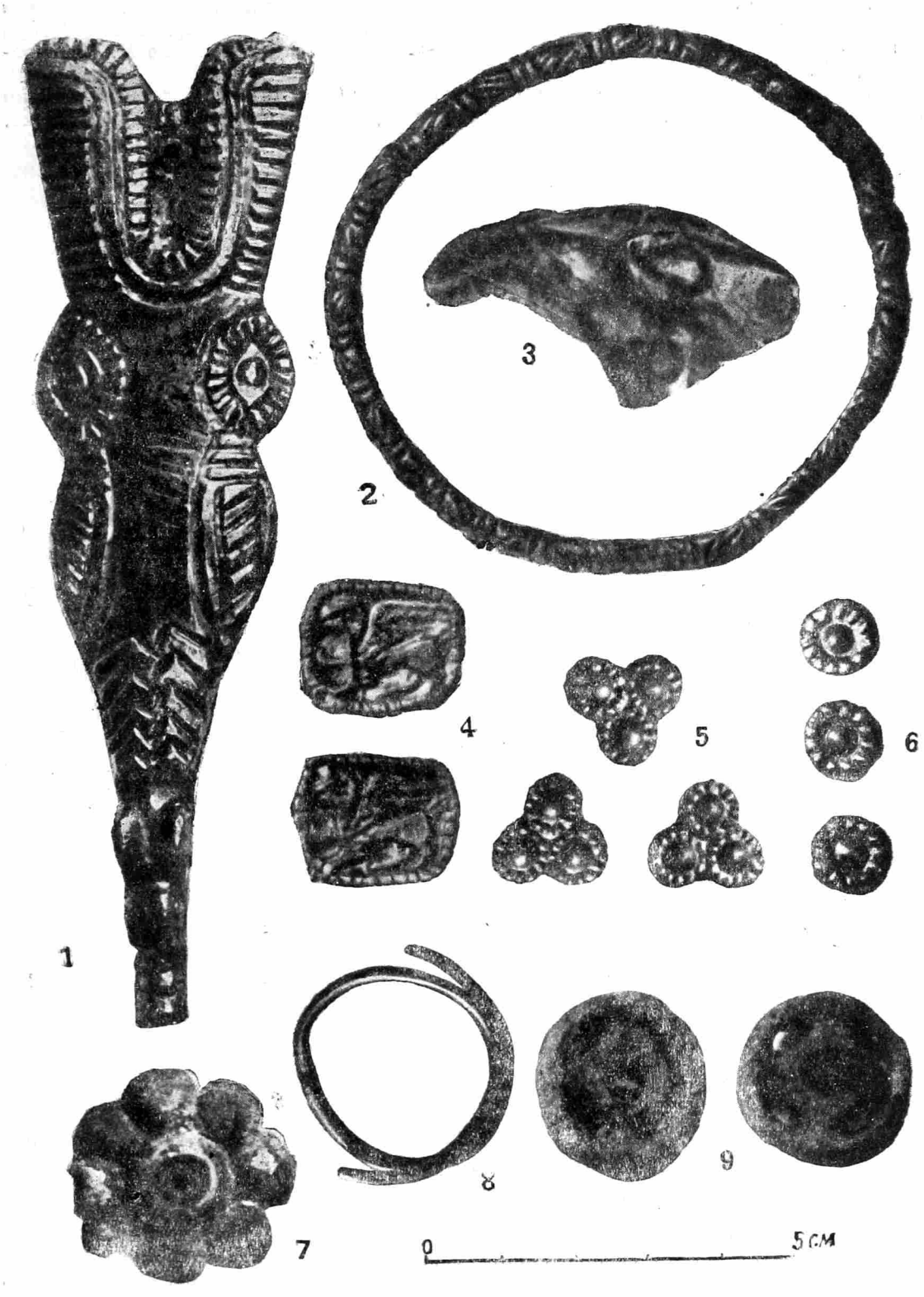

Рис. 10. Железные, обтянутые золотом застежка (*1*) и браслет (*2*); золотые оковка (*3*), бляшки (*4—6*) и кольцо (*8*); бронзовые ворворка (*7*) и бляшка от шнуровки обуви (*9*) (нат. вел.). Курган № 3.

к) Известный серебряный сосуд с изображением скифов детально изучен и описан М. И. Ростовцевым, поэтому останавливаться подробнее на нем здесь нет необходимости. Пользуюсь лишь случаем дать воспроизведение этой замечательной находки в современном ее состоянии, после реставрационной работы по распрямлению (сосуд был найден в измятом землей виде), выполненной недавно в Эрмитаже М. М. Герасимовым (рис. 13).

л) Золотая оковка в форме головы хищной птицы (рис. 10, *3*), полая, из довольно толстого листка металла, который был наложен на, видимо, деревянное изображение,

Рис. 11. Рукоять железного меча, обтянутая золотом (нат. вел.). Курган № 3.

Рис. 12. Точильный камень (белый кварцит) ($^2/_3$ нат. вел.). Курган № 3.

полностью истлевшее. Листок оковки был небрежно пригнан, вернее обмят и недостаточно передает детали изображения. Сверху головка орнаментирована восемью попарно расположенными точками. Оковка прикреплялась не гвоздиками, как обычно, а тонкой золотой же проволокой, местами припаянной. Размеры 5 × 2.5 см. Мартинович рассматривает оковку как украшение конской узды (налобник). Более вероятным является предположение А. П. Манцевич, что оковка украшала фигурную ручку деревянного сосуда.

м) 2 фрагмента бронзового котла, документирующие ограбление кургана в древности (не сохранились).

н) Сосуд из желтоватой глины с узким горлом и следами отбитого в древности ушка, имевший форму «вроде молочного горшка», согласно указанию Мартиновича (не сохранился).

КУРГАН № 4

Расположен в с.-в. части урочища. Высота насыпи 1 м, очертания расплывчатые. Курган сильно распахан. Был раскопан квадратным колодцем 4 × 4 м. Почва этой части урочища состоит из супеси, что объясняет худшую сохранность насыпи. Под насыпью следы деревянного настила над могилой. Размеры могильной камеры 3 м (С—Ю) × 2 м (В—З), глубина 1.5 м. Деревянной облицовки стен камеры не обнаружено. Следы человеческого костяка в виде слабого известкового пятна отмечены в восточной половине могилы. Из костей сохранилась здесь лишь головка бедра. При расчистке дна могилы

Рис. 13. Серебряный сосуд (после реставрации; нат. вел.). Курган № 3.

были обнаружены: а) довольно значительное количество пластинок железного панцыря, разбросанных в беспорядке в разных местах северной половины могильной камеры; б) две маленьких гладких бронзовых пуговки и в) одна более крупная, найденные в с.-в. углу могилы; г) пластинка из белого сплава с изображением головы лося — в расстоянии 1 м от северной стены и 0.5 м от восточной стены могильной камеры; д) 5 бронзовых наконечников стрел в ю.-з. углу могилы. Курган подвергнут ограблению в древности.

Находки в кургане № 4.

а) Железные пластинки от панцыря двух форм. Большинство с прямыми углами в верхней части и полукруглые в нижней части, размерами 2.2 × 1.2 см и несколько экземпляров более вытянутой формы, со слегка закругленными нижними углами, размером 2.5 × 0.9 см.

б) Две небольших бронзовых пуговки-бляшки ременного набора с гладким овальным щитком и массивной дужкой. Размер щитка 1.3—0.9 см (сохранилась одна).

в) Гладкая бронзовая, слегка выпуклая, массивная круглая пуговица с обломанной дужкой. Диаметр щитка 2.2 см.

г) Бляха от набора конской уздечки из белого сплава (серебро?) в форме головки лося, обращенной вправо (рис. 14, *6*). Края изображения (конец морды, рога) слегка обломаны. Ухо передано в виде маленького изображения головы какого-то животного. Размеры бляхи 4.5 × 3.5 см. Сзади — горизонтально расположенное ушко. Близкие по характеру бляхи в виде голов лося, но несколько более крупного размера, известны из раскопок А. А. Бобринского у с. Турьи близ Чигирина, Кировоградской обл.[1] УССР и несколько более отличающиеся — у с. Журавки, той же области.[2]

д) Бронзовые трехгранные наконечники стрел. По отчету их найдено 5; в Воронежском музее хранится с этикеткой данного кургана 11 экз., двух разных типов. Возможно, что часть стрел относится к кургану № 6 или 8, давшему большое количество бронзовых стрел, совершенно сходных по типу.

Кроме этих предметов в Воронежском музее имеется ряд вещей с указанием на происхождение из кургана № 4, не упоминаемых в отчете Мартиновича (большое бронзовое кольцо, серебряная и костяная ворворки, раковины Cyrgaea moneta, наконечник и две оковки нижнего конца дротика, мелкие металлические обломки). Часть из этих вещей весьма близка по характеру и сохранности к вещам из кургана № 7, единственного, по которому не сохранилось никаких отчетных сведений. Описание их приводится ниже, после описания инвентаря кургана № 7, к которому они, по всей вероятности, и относятся.

КУРГАН № 5

Расположен в с.-в. части урочища, рядом с курганом № 4, к З от него. Размеры насыпи, по данным отчета, «такие же, как кургана № 4». Размер раскопа не указан. Следы деревянного настила над могилой обнаружены на глубине 1.5 м. В насыпи, выше настила, был найден фрагмент плечевой кости человека. Под настилом — могильная яма «такой же величины, как в кургане № 4». Близ южной стены могильной ямы был найден полуистлевший человеческий череп и еще несколько костей человеческого скелета, а близ западной — два перержавевших железных наконечника копий и одна железная оковка древка. Фрагмент одного наконечника копья из этого кургана имеется в Воронежском музее.

КУРГАН № 6

Расположен в центральной части курганной группы. Высота насыпи 1.85 м, диам. 32 м. Могильная камера, обнаруженная под курганом, имела размеры 3.9 м (З—В) × 2.55 м (С—Ю), глубина могилы 1.55 м. По углам могильной камеры и в центре ее следы столбов, поддерживавших деревянную настилку, в виде круглых ям, около 30 см в диаметре. Могила разграблена в древности. Остатки человеческого костяка, в виде черепа и нескольких длинных костей, найдены в куче, брошенными у южной стены могилы. Из вещей в разных местах были собраны: а) железный нож обычного типа; б) небольшая бляшка в виде головы зайца; в) 2 соединенных вместе колечка с тремя выступами каждое (все три предмета в центре могилы, к З от центрального столба); г) железный наконечник дротика (в с.-в. углу могилы); д) 110 бронзовых наконечников стрел (в с.-з. углу).

Находки в кургане № 6.

а) Железный нож с прямым лезвием и закругленной тыльной частью, вдоль обеих сторон которой утолщение в виде валика. Хорошо сохранилась костяная рукоятка, приклепанная тремя гвоздиками (рис. 15); конец и низ ее слегка обломаны. Длина 12.5 см, ширина 2.5 см; длина лезвия 9.5 см.

б) Бронзовая налобная бляшка от набора уздечки в виде скульптурной головки зайца, укрепленной на небольшом щитке (рис. 14, *8*). Размеры 3 × 2.5 см.

в) 2 соединенных колечка из белого сплава (серебро?), украшенные каждое тремя полушаровидными выступами (рис. 14, *9*). Диаметр одного кольца 2 см, толщина 0.4 см. На одном сохранились остатки ремешка. Подобные двойные кольца неоднократно встречались в скифских погребениях. Выяснению их назначения и хронологии посвящена специальная публикация.[3]

---

[1] ИАК, вып. 20, стр. 7, рис. 5 (из кургана № 459).

[2] ИАК, вып. 14, стр. 15, рис. 33 (из кургана № 401, в урочище Криворуково).

[3] Б. Е. Деген. О «загадочных предметах» из скифских погребений. Краткие сообщ. ИИМК, № 7, стр. 93—97.

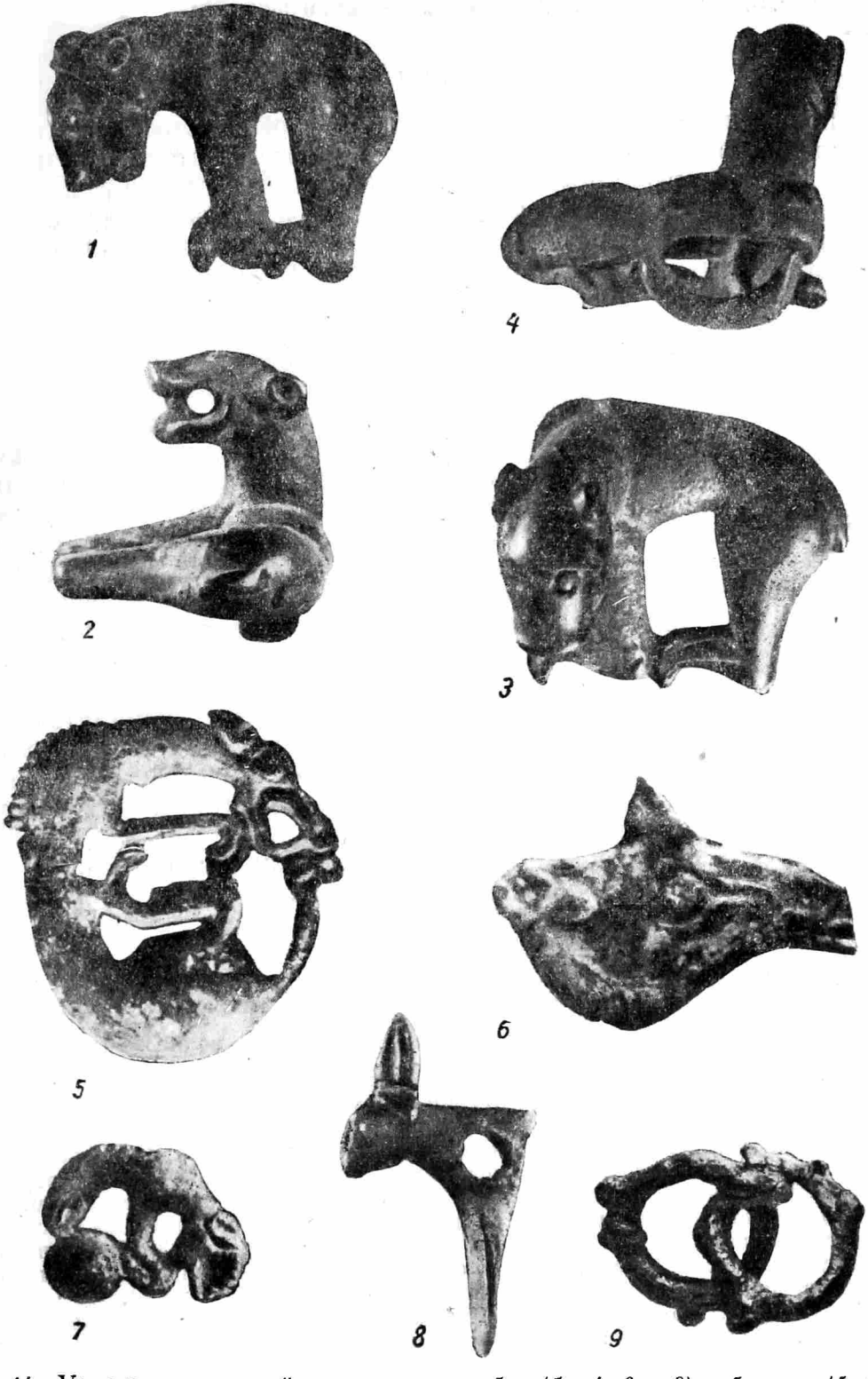

Рис. 14. Украшения конской уздечки из серебра (*1—4*, *6* и *9*) и бронзы (*5*, *7* и *8*).
1—4, *5* и — из кургана № 8 (последняя из насыпи); *6* — из кургана № 4; *8* и *9* — из кургана № 6. (все в нат. вел.).

г) Железный наконечник дротика обычного типа. Длина 32 см, длина пера 6 см, диаметр втулки 2.5 см.

д) 110 бронзовых трехгранных наконечников стрел четырех различных типов (большинство близко к изданным в ИАК, вып. 3, рис. 6, *6*, некоторые — к изданным также на рис. 6, *1* и *2*). Длина их, в среднем, 2—3 см, в некоторых сохранились кусочки древка.

КУРГАН № 7

Расположен в центральной части группы, поблизости от кургана № 6. К сожалению, никакой полевой документации этого интересного по инвентарю кургана не сохранилось. В состав находок входят наконечники копий, остатки чешуйчатого панцыря, любопытный набор инструментов в виде топора-молота, двух стамесок или долот и неопределенного острия, точильный камень с отверстием для подвешивания к поясу и, наконец, уздечные наборы, частью сохранившиеся на довольно значительных фрагментах ремня, по которым можно восстановить их взаимное расположение. Органические остатки чрезвычайно плохо сохраняются в могилах Частых курганов из-за того, что дно могил, как правило, устраивалось на песке или частично углублялось в него. Лучшую, чем обычно, сохранность в данном случае можно объяснить тем, что уздечки были помещены в могиле повешенными на столбе или деревянной облицовке стены и при обвале потолка камеры не попали на дно, а были засыпаны глиной или черноземом. По сведениям, полученным мною в свое время устным путем от А. Л. Дольского и С. Е. Зверева, за полную точность которых я сейчас ручаться не могу, упомянутый набор железных инструментов располагался у бедра костяка,[1] лежавшего, насколько помню, у западной стены могильной камеры. При костяке же был найден и точильный камень.

Большинство прочих находок было сделано также близ стен могилы, но в других местах.

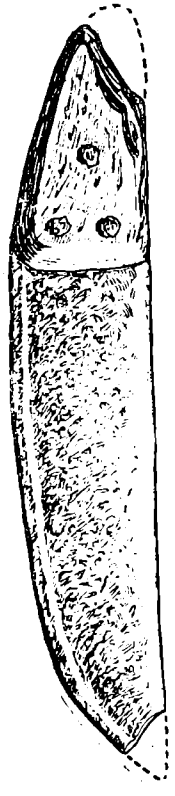

Рис. 15. Нож железный с костяной рукояткой. Курган № 6.

Находки в кургане № 7

а) 2 железных наконечника копья и 2 оковки нижних концов их, несколько необычной формы: перо наконечника имеет длину в $\frac{2}{3}$ всего наконечника; оковки нижнего конца — без перехвата, как обычно, а прямые, цилиндрической формы. Длина наконечника 37 см, диаметр втулки 3.5 см, длина оковки 18.5 см, диаметр втулки 3 см.

б) Железные чешуйки от панцыря, трех различных размеров: 1) Большинство — почти квадратные, с закругленными нижними концами и прямоугольными верхними; верхние углы снабжены отверстиями для пришивания; размеры 1.6 × 1.6 см. 2) Чешуйки удлиненных пропорций, размеры 1 × 2 см, с 2 дырочками для пришивания не в углах, а в средней части пластинки, расположенными рядом. 3) Небольшое количество крупных, 5 × 2.7 см, чешуек со слегка срезанными нижними углами и обычным расположением отверстий (в верхних и правом нижнем углах).

в) Железный топор-молот (рис. 16, *1*), массивный клиновидный с прямым лезвием; обух квадратный в сечении и по всей окружности на гранях имеет заусенцы — следы интенсивной работы (ковка). Проушина для топорища круглая, со следами дерева внутри. Длина орудия 14.5 см, ширина обуха 4.5 см, ширина лезвия 3.5 см.

г) Долото или стамеска с прямым лезвием (рис. 16, *2*), укреплявшаяся в расщепе деревянной рукоятки, следы которой сохранились в нижней части инструмента. В месте прикрепления к рукоятке долото снабжено двумя полукруглыми выступами. Длина

[1] На последнее обстоятельство имелись указания и на планшете с находками из этого кургана, монтированном А. Л. Дольским.

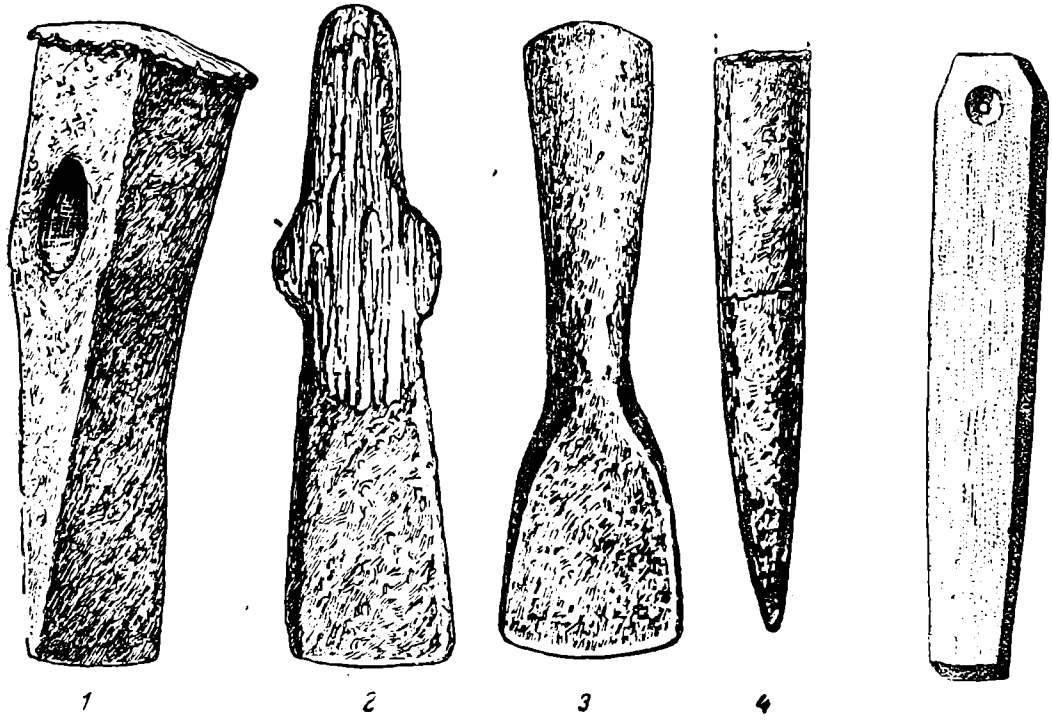
15 см, толщина 0.8 см, ширина лезвия 3.8 см. Сходное орудие известно из раскопок Мазараки у хут. Поповки близ Аксютинцев.[1]

д) Орудие, близкое по назначению предыдущему, но не с прямым, а несколько выпуклым лезвием и укреплявшееся на рукоятке при помощи втулки, а не в расщепе (рис. 16, *3*). Длина 14.5 см, длина втулки 9 см, ширина лезвия 4.5 см, диаметр втулки 3 см.

е) Обломанный конец железного клинка (м. б., конец меча?), чечевицевидного в сечении. Длина 13.5 см, ширина 2.5 см. На поверхности следы дерева от ножен.

ж) Точильный камень темносерого цвета, прямоугольный в сечении, суживающийся к нижнему концу. В верхней части биконическая сверлина. Длина 10.5 см, ширина 1.8—1.2 см (рис. 17).

з) Наборы четырех уздечек (сохранившиеся не полностью), в которые входят: 1) 4 пары железных удил с железными же псалиями; отогнутые в противоположные стороны концы псалий заканчиваются коническими расширениями или расплющены. Длина половины удил 10 см, длина псалии 11 см. 2) 2 железных колечка, диам. 3 см. 3) Большое угловато-овальное бронзовое кольцо из массивного (0.5 см) квадратного

1 *2* *3* *4*

Рис. 16. Железный топор (*1*), стамески или долота (*2* и *3*) и обломок острия (*4*) ($^1/_2$ нат. вел.). Курган № 7.

Рис. 17. Точильный камень. Курган № 7.

в сечении дрота; размеры 5 × 3 см. Сохранились остатки двух прикрепленных к кольцу ремней. 4) Бронзовое плоское, с одной стороны несколько выпуклое, кольцо, диам. 6 см, также со следами прикрепления двух ремней. 5) 3 конических бронзовых бляшки с отверстием посредине. Высота их 0.5, 1 и 1.5 см, диам. 1.5, 1.5 и 2 см. 6) 5 бронзовых бляшек с щитком в форме полуцилиндра и массивной дужкой. Размеры щитка 1.5 × 0.5 см. 7) 98 бронзовых бляшек с щитком полушаровидной формы и массивной дужкой на обороте. Диам. 1.3—1.4 см. 8) 4 бронзовых бляшки в виде львиных голов с раскрытой пастью (рис. 18 и 19, *1*), составляющие два парных комплекта, в которых одна голова обращена направо, другая налево. Размеры блях 4 × 3 см. 9) Бронзовая бляха в виде головки кабана (рис. 19, *2*). Размеры 3.5 × 1.5 см. Должна была иметь парную. 10) Массивная гладкая золотая ворворка в форме усеченного конуса. Диам. 4 см, диаметр верхней площадки 1.8 см, высота 2 см, толщина 0.1 см. 11) Золотая ворворка, такая же массивная, той же формы, но несколько меньшая. Диам. 2.4 см,

[1] А. А. Бобринский. Смела, II, табл. XXV, № 3. Из того же кургана № 3 происходит и топор. Но топор, воспроизведенный на этой же таблице под № 1, как происходящий из того же кургана, явно более позднего времени и другой сохранности. Воспроизведенный здесь же под № 16 топор, той же сохранности, что и стамеска, и происходящий «из курганов №№ 16—41» у Поповки, весьма близок к топору из Частых курганов. Весьма вероятно, что в купленной Бобринским старой коллекции Мазараки этикетки этих двух топоров были перепутаны и в Поповке имело место то же сочетание топора-молота и стамески, что и в Частых курганах.

диаметр верхней площадки 1 см, высота 1.1 см. 12) Золотая ворворка полушаровидной формы, гладкая и массивная, как предыдущие. Диам. 1.6 см, выс. 0.7 см. Бляшки №№ 5, 6, 7, 8 сохранились вместе с довольно значительными фрагментами ремней, на которых они были укреплены, и хотя полностью форма уздечки по сохранившимся фрагментам не восстанавливается, они могут иметь большое значение для документирования такой реконструкции.

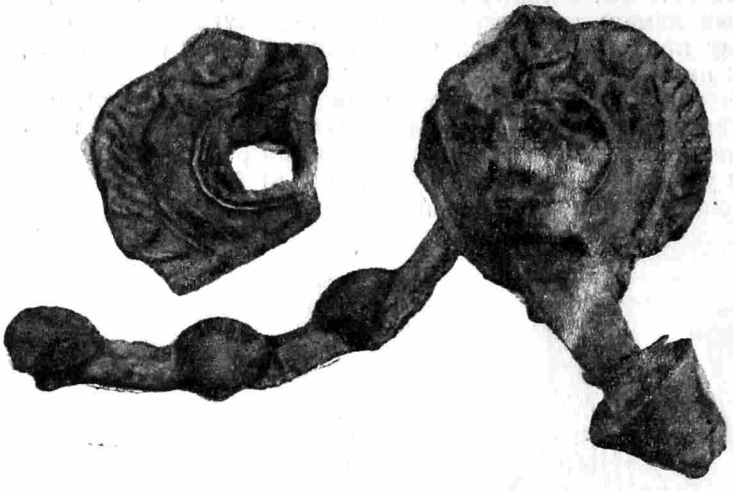

Рис. 18. Украшения уздечки, сохранившиеся на фрагменте ремня (нат. вел.). Курган № 7.

На рис. 20 схематически воспроизводится один из таких более крупных фрагментов, показывающий взаимное расположение блях на этой части уздечки. К бляхе в виде головы льва подведены 4 ремня, из которых один — двойной, скрепленный через промежутки ременными же перемычками. Ремни густо унизаны мелкими полушаровидными бляшками; коническая бляшка завершает ряд более мелких полушаровидных и является переходной к еще более крупной.

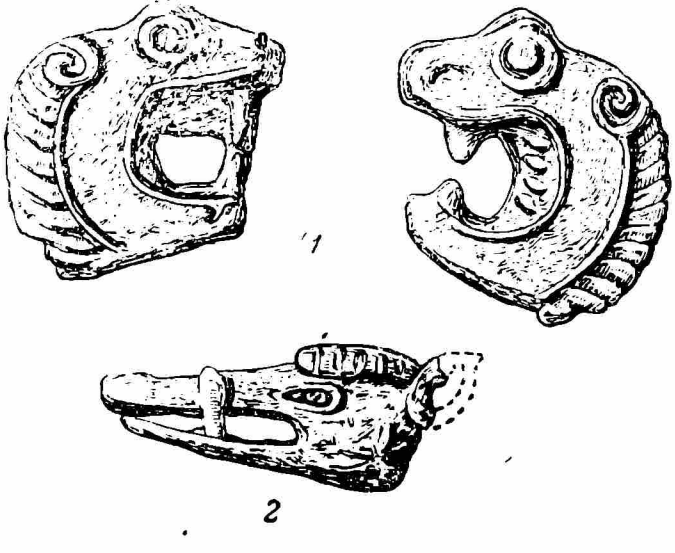

Рис. 19. Украшения уздечки в виде львиных (*1*) и кабаньей (*2*) голов. Курган № 7.
1 — серебро; *2* — бронза (нат. вел.).

Как выше указывалось, в Воронежском музее имеется ряд вещей, относимых (в противоречии с достаточно определенными указаниями отчета) к кургану № 4. Хотя и нельзя настаивать с полной категоричностью на принадлежности этих вещей и к кургану № 7, однако это представляется мне наиболее вероятным, почему описание их и отнесено сюда. Вещи следующие:

α) массивное бронзовое кольцо, диам. 4.5 см из круглого дрота 0.7 см в сечении; β) массивная коническая трубочка-пронизка из низкопробного серебра; высота ее 2 см, диаметр верхний 1 см, нижний 1.9 см; γ) маленькая костяная коническая бляшка с отверстием посредине, диам. 1.3 см, диаметр отверстия 0.8, высота 0.5; δ) раковина

Cyrgaea moneta со срезанным верхом; з) железный наконечник дротика, обычного вида; длина его 32 см, длина пера 6 см, диаметр втулки 2.5 см; и)2 небольших обломка тонкой металлической (серебро или медь?) пластинки (обломки металлического сосуда?).

КУРГАН № 8

Расположен, как и два предыдущих, в центральной части группы. Высота насыпи 1.60 м, диам. 37 м. Курган подвергался ограблению в древности, вероятно, раскопом сверху, так как в насыпи его, выше могилы, были встречены 2 крупных фрагмента глиняного сосуда (повидимому греческой амфоры), бронзовые бляшки ременного набора, железные чешуйки панцыря и наконечники стрел, а также небольшая бронзовая бляшка с изображением птицы. Обнаруженная под насыпью могильная яма имела почти квадратную форму. Размеры ее 4 м (В—З) × 3.80 м (С—Ю). На дне могильной ямы обнаружены следы пяти деревянных столбов, поддерживавших настил над могилой в виде обычных круглых ямок ок. 30 см в диаметре. Четыре из них были размещены по углам могильной камеры, пятый — посредине, но не в центре, как обычно, а был значительно смещен в сторону восточной стены (в расстоянии ок. 1 м от нее). На дне могилы были найдены разбросанными в беспорядке: а) железный обтянутый золотом стержень, украшенный четырьмя выпуклыми валиками (в центре могилы); б) 2 узких длинных бронзовых ножа и в) 122 бронзовых наконечника стрел (несколько ближе к южной стене в расстоянии 70 см от нее); з) золотая ворворка; д) маленькая бронзовая обоймица (обе на середине могилы, в расстоянии 1.20 м от западной стены); е) серебряная скульптурная фигурка медведя; ж) бронзовая цилиндрическая бляшка (обе в с.-з. углу могилы); з) 8 ромбических бронзовых бляшек (частью с двумя предыдущими вещами, частью в разбросанном виде, в разных местах могилы); и) бронзовая круглая бляшка в виде свернувшегося животного и к) чешуйки железного панцыря (бóльшая часть у среднего столба с северной его стороны).

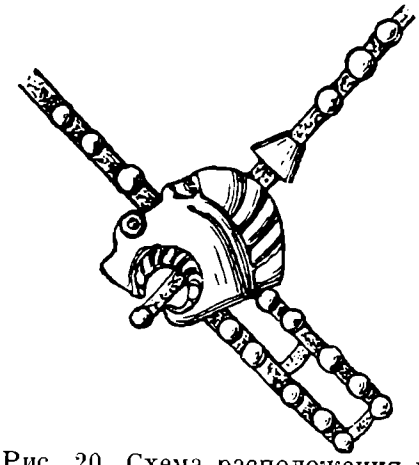

Рис. 20. Схема расположения украшений на уздечке по сохранившимся фрагментам ремня. Курган № 7.

Недостаточно ясным остается, полностью ли принадлежат обнаруженные в насыпи вещи к составу инвентаря погребальной камеры под курганом. В последней найдены только бронзовые наконечники стрел, в насыпи же только железные. Не сохранились, к сожалению, ни бронзовые бляшки, ни чешуйки панцыря из насыпи, упоминание о которых имеется лишь в легенде плана могильной камеры.

Из числа находок в насыпи сохранились:

1) Небольшая бронзовая бляшка в виде птицы, клюющей придерживаемую лапами добычу; один край бляшки несколько обломан (по мотиву изображение сходно с круглыми бляхами из кургана № 1). На оборотной стороне сохранилось ушко для ремня. Размеры 2.5 × 2 см (рис. 14, 7).

2) Фрагмент сосуда красной глины толщиною 1.2 см.

3) Несколько довольно крупных железных листовидных наконечников стрел длиною 4.5—5 см (ширина пера 1.8—2 см).

Находки на дне могильной камеры.

а) Круглый железный стержень, украшенный четырьмя выпуклыми валиками (2 близ краев, 2 в средней части). Участки между валиками имеют боченкообразно-выпуклые очертания. Предмет обтянут тонким золотым листком, маскирующим один

конец; другой, остававшийся необлицованным, обломан. Возможно, это рукоять ножа (?). Длина 8.5 см, диам. 1.3 см (рис. 21).

б) 2 бронзовых ножа, узких и длинных. Рукоять, сделанная из одного куска с клинком, имеет небольшой перегиб в сторону лезвия. Тупая тыльная часть имеет толщину 0.2 см. Длина каждого из ножей 35 см, ширина у рукояти 2 см (рис. 22). Близкие по форме бронзовые ножи имеются среди скифских находок в бассейне Днепра.[1]

в) 122 бронзовых трехгранных наконечника стрел, трех типов. Длина их 2.5—2—1.8 см (сохранилось в музее 102 экз.).

г) Гладкая массивная золотая ворворка в форме усеченного конуса, сходная с найденными в кургане № 7; диам. 2.2 см.

д) Бронзовая плоская обоймица от ременного набора с несомкнутыми концами, размеры 1.3 × 0.8 см.

е) Серебряное скульптурное изображение медведя, обращенного влево (рис. 14, *1—4*), составлявшее часть украшения уздечки (налобник ?). Животное изображено лежащим, с настороженно приподнятой головой; пасть, в которой видны клыки, приоткрыта, круглые уши приподняты; глаза обозначены врезанными двойными кружками; тщательно показаны большие когти лап. Длина фигурки 4 см, ширина 3.5 см, высота 3 см. На нижней стороне ушко для ремня. Наиболее близкими к этой находке являются: известная бронзовая обтянутая золотом фигурка львицы из Золотого кургана близ Симферополя[2] и такое же изображение (но укрепленные на фигурном щитке) из кургана близ Журовки, хищнически раскопанного местными жителями.[3]

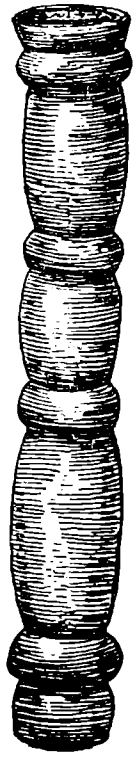

Рис. 21. Железный, обтянутый золотом стержень. Курган № 8.

ж) Бронзовая цилиндрическая бляшка (не сохранилась).

з) 8 (сохранилось 7) ромбических бляшек от ременного набора; размеры 2 × 1.5 см. На оборотной стороне — дужка высотой 1 см.

и) Бронзовая круглая прорезная бляха в виде свернувшегося фантастического животного (рис. 14, *5*), с широкой зубастой пастью, острым ухом, каким-то гребнем на спине меж лопаток, длинным хвостом и когтистыми лапами. На обороте — следы обломанной дужки. Размеры 4 × 3.5 см. Наиболее близкой в серии подобных изображений является бронзовая бляха из окрестностей Симферополя,[4] передающая то же животное.

к) Железные чешуйки панцыря. В кургане их найдено много. Часть была роздана экскурсантам-школьникам.[5] В музее уцелело около 10, плохой сохранности, с полукруглым нижним концом, размеры 2 × 2 см.

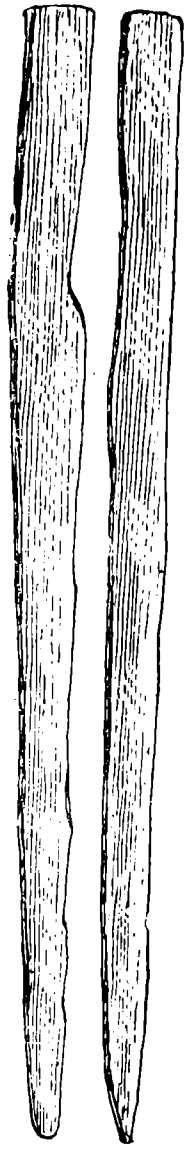

Рис. 22. Бронзовые ножи. Курган № 8.

КУРГАН № 9

Расположен в южной части группы, близ кургана № 1, к В от него. Высота насыпи 1 м, диам. 17 м. Под насыпью кургана была обнаружена прямоугольная могильная камера размерами 5.6 м (З—В) × 3.6 м (С—Ю), глубиною 1.4 м. На дне ямы следы пяти столбов, четырех по углам и одного в центре. Остатки человеческого костяка, в виде одного фрагмента длинной трубчатой кости (голени?), ориентированного С—Ю, обнаружены в с.-в. углу могилы, в расстоянии ок. 1 м от северной и восточной стен. Здесь же

---

[1] Например, д. М. Мошки близ Черкас Киевской обл. УССР (ОАК, 1894, стр. 37).
[2] ОАК, 1890, стр. 6, рис. 3.
[3] ИАК, вып. 14, стр. 27, рис. 4.
[4] ОАК, 1895, стр. 118. Раскопки Ю. А. Кулаковского.
[5] ИАК, вып. 48, приб., стр. 53. Экскурсия была 29 августа, 25—31 августа производились раскопки кургана № 8.

в восточной половине могилы, на площади размером ок. 2.20 × 0.7 м, начиная от восточной стены (в расстоянии 1 м от с.-в. угла) и далее на ЮЗ, почти до центра могилы, собраны: а) 61 золотая бляшка пяти различных рисунков; б) ажурная удлиненная золотая пластинка (часть головного убора), разломанная на три части и лежавшая в южной части площадки, на которой лежали бляшки. В западной половине могильной камеры, в расстоянии ок. 1 м от северной и западной стен лежал в) большой бронзовый котел на ножке, упавший на бок и раздавленный землею. Частью среди обломков котла, частью рядом с ним, лежало большое количество овечьих костей, пропитанных окислами меди и принявших яркозеленую окраску. Среди этих костей найден г) железный нож с костяной рукояткой. В с.-з. углу могилы найден д) большой кувшин желтой глины.

Погребение, по составу инвентаря, очевидно женское. Повидимому, курган не подвергался ограблению. Костяк, так же как и в соседних курганах №№ 1, 2 и 3, располагался у восточной стены и, судя по положению золотой пластинки от головного убора, также головой на Ю. Золотые бляшки, судя по их положению, видимо не были нашиты на одежду, в которую была одета погребенная, а являлись украшением покрова или полога,

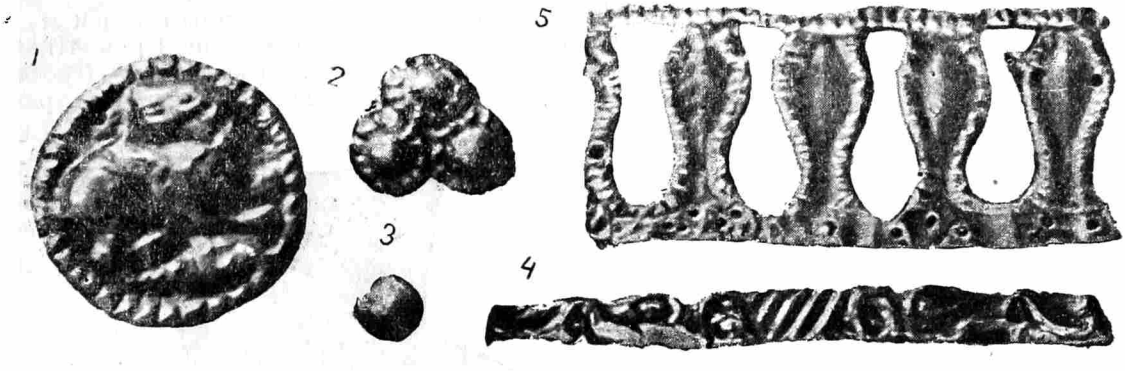

Рис. 23.

1—4 — золотые бляшки; *5* — золотая прорезная пластинка (деталь) от головного убора (нат. вел.). Курган № 9.

который был наброшен сверху или подвешен над нею. Не исключено, что и прорезная пластинка из золота, упомянутая выше, также была прикреплена к краю покрова, который, в таком случае, являлся может быть составной частью головного убора.

Находки в кургане № 9.

а) 61 золотая нашивная бляшка, пять различных видов: 1) 4 круглых, с изображением льва, обращенного вправо, голова повернута назад, хвост перекинут через спину (рис. 23, *1*). Под ногами у льва — голова зайца. По краю бляшки выпуклый бортик с редкими рубчиками. Диам. 3 см. 2) 17 удлиненных, сильно выпуклых бляшек с изображениями двух голов кабана на противоположных концах (рис. 23, *4*). Длина 6.5—6.8 см, ширина 0.8—0.9 см, высота 0.5 см (сохранилось 14 экз.). 3) 34 тройных розетки того же рисунка и размеров, что в кургане № 3, но несколько более грубых по выполнению (рис. 23, *2*) (сохранилось 32 экз.). 4) 4 полушаровидных маленьких пуговки, с ушком на обратной стороне (рис. 23, *3*); диам. 0.8 см (сохранилось 3). 5) 2 маленьких гладких пластинки трапециевидной формы, с проколотыми отверстиями для пришивания; размеры их 1.8 × 0.8 см и 0.7 × 0.6 см.

При рассмотрении этого набора бляшек бросаются в глаза их числовые отношения. Число удлиненных бляшек (17), кратное числу тройничков (34), повидимому, не является случайным; отношение это заставляет думать о таком расположении бляшек на ткани, при котором каждая удлиненная бляшка сопровождалась двумя тройничками. На плане расположения находок в могиле, составленном А. Л. Дольским, отмечено положение всех бляшек. Однако указанная выше довольно значительная площадь, на которой они были встречены, вместе с относительно небольшим их количеством (в данном случае полностью отвечающим тому, что было помещено в могилу при погребении), говорят о том, что бляшки не сохранили своего первоначального

положения, а потерпели смещение в результате, видимо, обвала могильной камеры. Тем не менее, некоторые указания на их первоначальное положение условия находки все же дают. Так, напр., 3 из более крупных бляшек с изображениями льва лежали в непосредственной близости от длинной ажурной пластинки (четвертая — отдельно с противоположной стороны, у восточной стенки). Четыре мелкие пуговки лежали все вместе и рядом с ними 2 трапециевидные пластиночки (и те и другие близ восточной стены).

б) Удлиненная тонкая прямоугольная золотая пластинка (рис. 23, 5), украшенная прорезным орнаментом в виде слегка выпуклых продолговатых закругленных лепестков, окаймленных рубчатым валиком. Такой же валик идет по одному краю пластинки. Пластинка разломана на 3 части; ширина ее 3.7 см, длина (в целом виде) ок. 15 см.

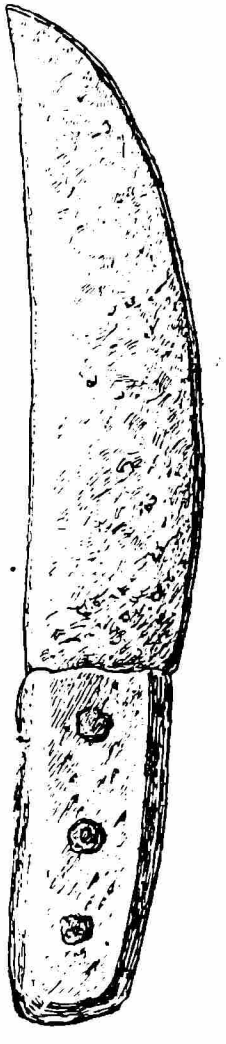

Рис. 24. Железный нож с костяной рукояткой. Курган № 9.

в) Большой бронзовый котел на ножке обычного вида, раздавленный землею. Снабжен двумя парами полукруглых ручек; одна пара помещена на борту вертикально и снабжена характерными выступами в виде шипов, по три на каждой ручке. Другая пара, гладкая, — на боковых стенках близ борта, ниже первой пары. Высота котла 54 см, высота ножки 14 см, высота ручки 7 см, ширина бортика по краю 1.5 см, толщина стенок 0.6 см. Совершенно сходный, но орнаментированный выпуклым валиком на ножке, имеется в кургане № 4 у с. Мастюгина.[1]

г) Железный нож (рис. 24) с прямым лезвием и закругленной тыльной частью, с костяной рукояткой, укрепленной тремя железными гвоздиками (гвозди вытянуты в линию, в отличие от расположенных трех-

Рис. 25. Кувшин светлой глины. Курган № 9.

угольниками на рукояти ножа из кургана № 6). Длина 12 см, длина рукоятки 4 см, ширина лезвия 2.2 см.

д) Большой кувшин (рис. 25) красновато-желтой, местами с серыми пятнами глины, хорошо обожженной. Ручка с двумя углубленными бороздками. Высота сосуда 37 см, диаметр тулова 30 см, высота горла 10 см, диаметр 12.5 см, диаметр дна 11 см.

КУРГАН № 10

Расположен в южной части группы к СЗ от курганов №№ 2 и 3. Сильно распахан. Высота насыпи 0.7 м, диам. ок. 20 м. Раскопан прямоугольным колодцем размерами 6.8 м (В—З) × 6.4 м (С—Ю).

[1] ПАК, вып. 43, стр. 57, рис. 63.

По снятии насыпи, на глубине 10 см ниже дневной поверхности — следы деревянного настила плохой сохранности, уложенного в направлении С—Ю. Под настилом — могильная яма, размерами 4 м (В—З) × 2.6 м (С—Ю), глубиною 1.75 м. Отмечены плохо сохранившиеся следы вертикальной облицовки деревом стен могилы. Столбов для поддержания настила при исследовании дна могилы не встречено. При расчистке могильной камеры над могилой, у западного ее края найден плохо сохранившийся зуб лошади. Погребение в этом кургане, как и в предыдущем (№ 9), найдено непотревоженным.

Остатки костяка, положенного головой на С, встречены у западной стены могилы. От костяка сохранились незначительные фрагменты черепа, несколько зубов, остатки крестца и таза, позволившие определить ориентировку; от остальных костей сохранились лишь следы в виде белесоватого известкового пятна на песке. При костяке были положены: а) золотая серьга или височная подвеска из гладкой проволоки, согнутой в форме восьмерки (лежала в северной части известкового пятна у самой стены); б) набор бронзовых бляшек от поясного ремня, одна большая круглая и 45 мелких в виде двойных крючков, лежавшие в средней части пятна близ остатка таза и крестца. Тут же были найдены: в) бронзовая застежка с крючком в виде головки грифона и г) обломок железного кольца.

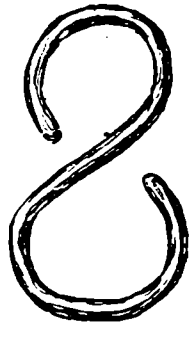

Рис. 26. Серьга из золотой проволоки (нат. вел.). Курган № 10.

За пределами пятна, но рядом с ними, поблизости от поясного набора (у левого бедра) лежали: д) 13 железных наконечников стрел. Немного в стороне, к СВ, лежали порознь: е) железный нож и ж) точильный камень с отверстием для подвески. Наконец, в самом центре могилы был найден з) бронзовый котел на ножке, раздавленный землей и наполненный костями овцы, принявшими характерную зеленую окраску. Любопытно наблюдение А. Л. Дольского, что среди этих костей не было черепа и ребер. Эти части (повидимому, одной и той же овцы) были обнаружены в другом месте, положенные отдельно. Часть ребер (один бок) в анатомическом порядке лежала недалеко от котла, к ЮЗ от него. Другая часть ребер (также в анатомическом порядке) и вместе с ними череп овцы обнаружены в ю.-в. углу могилы (в расстоянии 1 м от южной стены и 1.30 м от западной). Такова характерная картина расположения напутственной пищи, которая объясняет значение лошадиных костей и в курганах №№ 1 и 2.

Находки в кургане № 10.

а) Золотая серьга из гладкой проволоки в форме восьмерки (рис. 26). Размеры 3.4 × 2.2 см; диаметр проволоки ок. 0.2 см. Не сохранилась. Воспроизводится по имевшемуся у меня рисунку, сделанному в 1915 г.

б) 46 бронзовых бляшек поясного набора, из них одна круглая в виде розетки, состоящей из выпуклого круглого центрального щитка, диам. 2.5 см, окруженного двенадцатью мелкими полушаровидными лепестками. Диаметр всей бляшки 4 см. Остальные 45 — довольно замысловатых очертаний (рис. 27, 7) в виде двух соединенных серповидных фигур (возможно, схематизированное изображение клюва хищника, столь распространенное в скифских древностях). Размеры 2.5—3 × 2 см. На обороте маленькое ушко. Сходные известны в Гляденовском костище.

в) Бронзовая застежка (рис. 27, *3*) с крючком в виде обычной головки грифона. Широкая часть щитка застежки украшена удвоенным изображением головы осла (весьма близким к изображению на застежке из кургана № 3; точно так же два изображения частично сливаются; верхняя губа одного животного является в то же время нижней губой другого). Длина 8 см, ширина щитка 2 см.

г) Фрагмент железного кольца из овального в сечении дрота. Сохранность плохая; диаметр целой поделки ок. 7 см.

д) 13 железных наконечников стрел, из них 12 листовидных и 1 трехгранный. Во втулках сохранились остатки дерева. Длина 3—4 см.

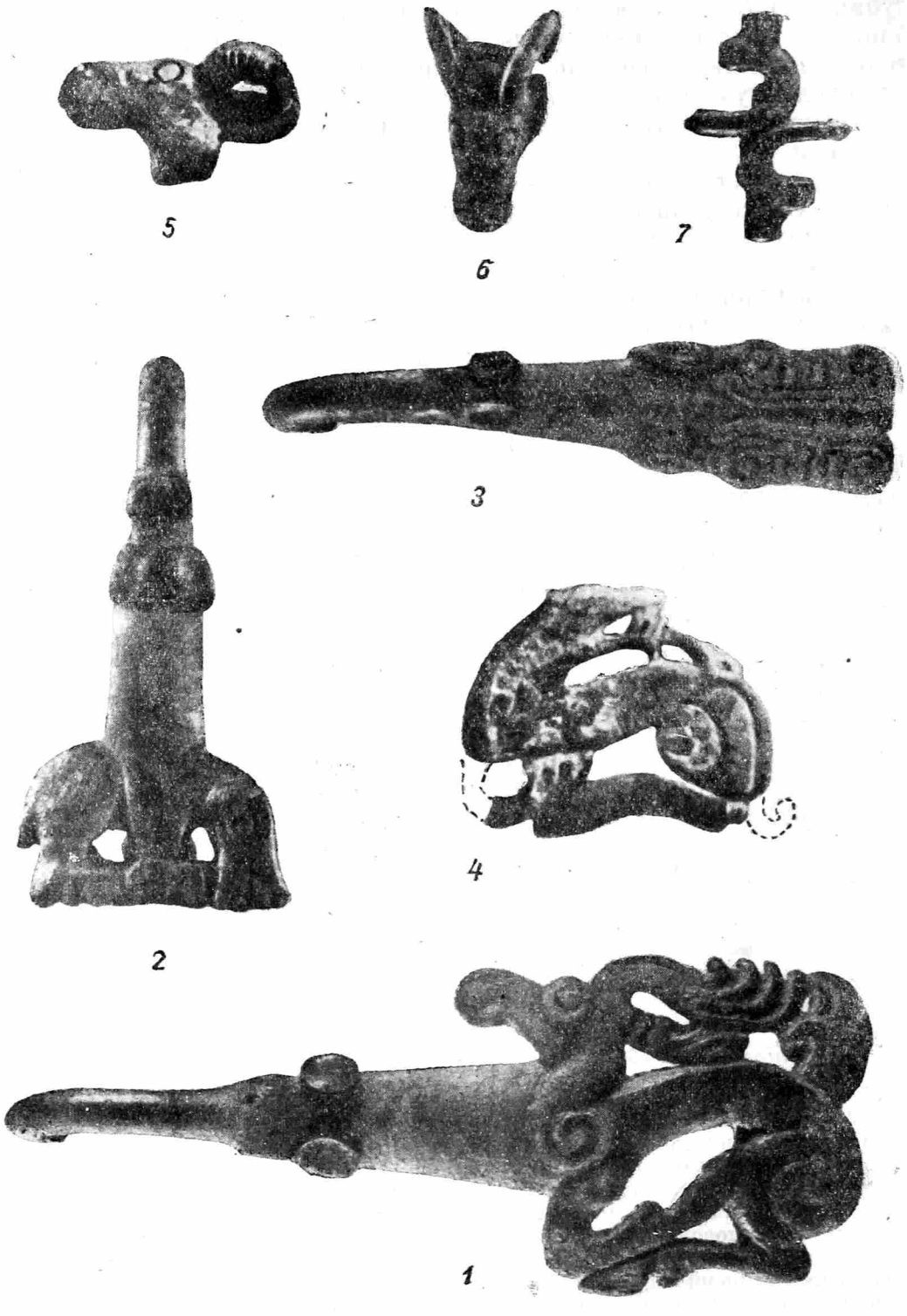

Рис. 27. Бронзовые украшения звериного стиля.
1 — из кургана № 12; *2*, *4*, *5* и *6* — из кургана № 11; *3* и *7* — из кургана № 10.

е) Железный нож обычного вида с закругленной тыльной частью и прямым лезвием. Ручка обломана в древности. Длина лезвия 10.5 см.

ж) Точильный брусок из светлосерого камня, неправильно-четырехугольных очертаний, со сглаженными гранями и закругленными углами (рис. 28). В верхней части — отверстие для подвешивания. Сверлина цилиндрическая, небрежно сделанная. Длина 7.5 см, ширина 2.5—2 см, толщина 0.8 см.

з) Бронзовый котел на ножке. По краям две вертикальные ручки с тремя шипами. Ножка украшена выпуклым валиком. С наружной стороны сильно закопчен. Диам. 38.5 см, высота 38 см, высота ножки 10 см, толщина стенок 0.3 см, закраина 2 см.

КУРГАН № 11

Расположен в южной части группы, поблизости от кургана № 3 (к ЮЗ от него). Насыпь почти полностью распахана и с трудом различалась (вернее угадывалась). Высота ее всего 0.45 м, диаметр, приблизительно, 27 м. Раскопка произведена квадратным колодцем 9 × 9 м. В насыпи выше следов деревянного настила, в северной части раскопа, на глуб. 0.2 и 0.4 м были встречены 2 небольших фрагмента трубчатых костей лошади (?). Остатки деревянного настила над могилой, уложенного в направлении С—Ю, были встречены на глубине 0.10 м ниже дневной поверхности. Центральная часть настила была обрушена в глубь могильной камеры. При расчистке могилы, почти на высоте деревянного настила, были найдены железный трехгранный наконечник стрелы, железная оковка нижнего конца дротика и 2 овечьих кости, окрашенные окислами меди, — свидетельство древнего ограбления могилы раскопом сверху. В дальнейшем, по расчистке могильной камеры, удалось проследить это направление грабительского хода, так как работами грабителей была частично повреждена северная стена могилы.

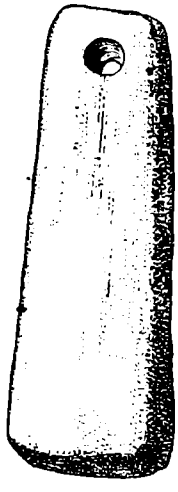

Рис. 28. Точильный камень (нат. вел.). Курган № 10.

Обнаруженная могильная камера имела размеры 5.40 м (З—В) × 3.5 м (С—Ю), при глубине 1.75 м. По стенам кое-где сохранились следы деревянной вертикальной облицовки. Обычных следов от столбов для поддержки настила не обнаружено.

Картину захоронения восстановить по расположению остатков на дне могилы представляется затруднительным. Прежде всего потому, что большая часть камеры была основательно потревожена грабителями и только с.-в. угол могилы и остатки железного панцыря в ю.-з. углу остались непотревоженными; кроме того, следует иметь в виду исключительно плохую сохранность костных остатков, вообще свойственную этой курганной группе; наконец, в этом кургане можно было проследить перенос отдельных вещей роющими грызунами.[1] Тем не менее, положение одного костяка определяется достаточно хорошо. Остатки его, в виде значительного фрагмента черепа и фрагментов длинных костей рук, обнаружены в ю.-в. углу могилы. Далее к С, вдоль восточной стены, лежали две большие берцовые кости того же скелета. Хотя кости были, очевидно, несколько смещены грабителями, но в основном сохранили положение, близкое к первоначальному, и можно с уверенностью говорить, что и здесь, как и в курганах №№ 1, 2, 3, 4, 9, погребенный (главный, если их было несколько) был положен у вос-

[1] А. Л. Дольский в своем дневнике пытался восстановить первоначальную картину захоронения и считал, что в могиле было погребено четыре человека: один вдоль восточной стены, в ю.-в. углу, головой на Ю, второй вдоль северной стены в с.-в. углу, третий — в центре кургана и четвертый — вдоль южной стены. Эту картину фактическими данными обосновать, по-моему, трудно.

точной стены головой на Ю. По наблюдению А. Л. Дольского, череп лежал на 35 см выше дна могилы, устроенного на чистом желтом песке. Под черепом находилась прослойка серого, окрашенного органическими остатками песка; к В и З от черепа этот серый песок, круто понижаясь, сразу выклинивался, в направлении же к С прослойка эта постепенно сходила на-нет и берцовые кости лежали уже непосредственно на дне. На пространстве между голенями и черепом, на дне, под серым песком прослежена тонкая фиолетовая прослойка какого-то разложившегося органического вещества, занимавшая площадь 1 × 0.5 м. Ниже этой прослойки найдены: а) 2 наконечника стрел, бронзовый и железный трехгранный; б) совершенно разложившаяся тонкая квадратная серебряная бляшка; извлечь ее в целом виде и сохранить не удалось. Наконечники стрел, в разбросанном виде, были встречены также у восточной стены близ голеней (1 бронзовый), рядом с черепом, к ЮЗ от него (3 бронзовых и несколько железных), и довольно много вдоль южной стены в разных местах (железные трехгранные). Тут же у южной стены найдены остатки разложившихся костей, среди которых фрагменты двух трубчатых костей крупного животного (лошади?) и несколько человеческих зубов. Среди этих остатков собраны: в) коническая бронзовая бляшка; г) бронзовые бляшки от ременного набора в виде двух и трех соединенных кружков; д) разломанная круглая железная пряжка. В ю.-з. углу обнаружены е) остатки панцыря, причем чешуйки его лежали в несколько слоев, все в одном месте. Панцырь был помещен или в сложенном виде на полу, или повешен на стене. Далее, вдоль западной стены были обнаружены: ж) чернолаковая чашка с обитым краем; под нею з) бронзовый колокольчик.

Ближе к северной стене: и) наконечник копья; к) 2 наконечника дротиков и оковка нижнего конца копья (в с.-з. углу). Рядом с дротиками, у северной стены, лежало большое количество овечьих костей, окрашенных окислами меди, в том числе 2 черепа — несомненное свидетельство о наличии в погребальном инвентаре кургана обычного бронзового котла, похищенного грабителями. К В от костей — еще одна оковка дротика.

В центральной части могильной камеры были встречены: л) остатки уздечки с богатым серебряным набором, состоявшим из налобной и нащечных блях и большого числа пронизок, бляшек, бус и пуговиц. Серебро очень сильно окислилось, частью совсем разложилось и более тонкие вещи уцелели лишь в виде белого порошка, принимавшего на воздухе серо-фиолетовую окраску. Удалось взять лишь более массивные предметы и самое незначительное число более тонких.[1] От центра могилы к северной стене и далее вдоль нее до с.-в. угла шла нора грызуна, по которой были частично перетащены как отдельные частицы набора уздечки, так и отдельные золотые бляшки из с.-в. угла могилы. В углу могилы нора заканчивалась небольшим логовом, имевшим овальные очертания. Дно логова находилось на 35 см ниже пола могильной камеры. При расчистке земли, заполнявшей логово, в нем были, между прочим, обнаружены, кроме ряда золотых бляшек, 2 фрагмента от края чернолаковой чашки, найденной у западной стены могилы. В с.-в. углу пространство дна могилы размерами, приблизительно, 1 × 1.5 м было усеяно м) большим количеством (около 800) золотых штампованных бляшек разнообразных рисунков, повидимому, нашитых некогда на покров или полог. Среди этих бляшек были также найдены: н) круглая железная пряжка, обтянутая золотым листком, с серебряным язычком; о) большая тонкая двойная золотая пластинка с прорезью посредине; п) бронзовая бляшка в виде скульптурной головы барана; р) бронзовая плоская бляшка в виде собаки (?); с) бронзовая застежка украшенная гру-

[1] А. Л. Дольский, рассматривая набор как поясной, видел в нем указание на одно из человеческих захоронений.

бым изображением медведя; т) 9 бус (6 синих стеклянных и 3 коричневых с зеленым из непрозрачной массы).

Наконец, в самом углу, при расчистке земли, заполнявшей упомянутое логово зверька, найдены: у) 5 тонких золотых пластинок, из которых 3 являются оковками деревянного сосуда и 2 — оковками неопределенного конического предмета.

Таким образом самая незначительная по размерам насыпь Частых курганов (из числа подвергнутых исследованию) дала наиболее богатое содержание.

Находки в кургане № 11.

а) Наконечники стрел бронзовые и железные. Первых всего 9 экз. (2 в обломках), все трехгранные, трех разных видов. Длина 3.5—4 см. Железных наконечников более 80 экз., они трехгранные с втулками разной величины (длина от 5.5 до 2.5 см, большею частью ок. 4.5 см). Любопытны сохранившиеся на одном наконечнике следы привязывания тонким ремешком или шнурком.

б) Серебряная штампованная квадратная бляшка размерами 3 × 3 см, упоминаемая в дневнике. Среди золотых бляшек этого кургана подобных по форме и размерам нет.

в) Бронзовая гладкая коническая ворворка: диам. 3 см; диаметр отверстия 0.5; высота 0.8 см.

г) Бронзовые бляшки от ременного набора, двух рисунков: 1) 5 экз. в виде двух соединенных плоских кружков, диам. 1.5 см (длина бляшки 3 см); на обороте небольшое ушко. 2) 2 экз. в виде трех полушариков (диам. 0.9 см), помещенных один над другим. Длина бляшки 3 см. Сзади такое же ушко.

д) Железная круглая пряжка, подобная найденной в кургане № 1, но несколько меньшая, из круглого дрота (диам. 0.6 см). Разломана на 3 части. Диаметр пряжки 6 см (рис. 29).

Рис. 29. Железная пряжка (нат. вел.). Курган № 11.

е) Чешуйки железного панцыря, по-видимому, сохранившиеся полностью, двух размеров, основная масса 2 × 1.5 см с тремя отверстиями и небольшое количество удлиненных, 5.5 × 1.5 см, S-видно изогнутых, с двумя отверстиями лишь по верхнему краю (обрамление ворота).

ж) Чернолаковая чашка на невысоком поддоне. Лак довольно тусклый и небрежно наложенный. Диам. 19 см, диаметр дна 10.5 см, высота 6.5 см. На дне чашки узор из 10 оттиснутых штемпелем пальметок, расположенных концентрически в 2 ряда; пальметки внешнего ряда соединены проведенными циркулем дугами; весь рисунок обрамлен окружностью, нанесенной косой штриховкой в 2 ряда. Находки подобных чашек обычны. В скифских могилах окрестностей Танаиса они составляют наиболее распространенный (после амфор) вид греческой керамики.[1]

з) Бронзовый конический колокольчик с массивным круглым ушком. Диам. 5 см, выс. 6.5 см (рис. 30, *1*).

и) Железный наконечник копья. Длина 48 см, длина пера 24 см, диаметр втулки 3.5 см.

к) 2 железных наконечника дротиков, длина 43 см, длина пера 10 см, диаметр втулки 2 см, и 2 оковки нижних концов, длиной 12 см каждая.

л) Остатки уздечки с набором преимущественно серебряных украшений, в состав которых входили: 1) Обломки железных удил с псалиями (к псалиям приржавели обломки серебряных трубочек-пронизок). 2) 4 железных полушаровидных рубчатых пуговицы, обтянутых золотым листком, с массивной дужкой на обороте. Диам. 2 см. 3) 2 железных пуговицы в виде плоских массивных кружков с закругленными краями и отверстием посредине. Диам. 1.5 см. 4) Серебряная налобная бляха в виде фигурного щитка, на котором вертикально укреплено изображение головы барана (рис. 31, *1*

[1] А. А. Миллер. Раскопки в районе древнего Танаиса. ИАК, вып. 35, стр. 96 и 110, рис. 5, №№ 13—15 и рис. 13, №№ 9—12.

и 2). Размеры щитка 6 × 2.5 см; высота фигурки 3 см. 5) 2 серебряных нащечных бляхи размером 6 × 5.5 см (рис. 31, *3* и *4*). Щиток налобника и оба нащечника орнаментированы довольно сложным рисунком, нанесенным грубой нарезкой, как на известных серебряных бляхах конского убора из Краснокутского кургана. 6) 12 серебряных сложных подвесок, состоящих каждая из цепочки в три крупных звена (диаметр одного звена 2.5 см), к нижнему из которых прикреплена подвеска в виде четырехгранного стержня (рис. 32, *1*). Длина всей подвески ок. 9 см, толщина проволоки колец 0.2 см. 7) 5 массивных серебряных полушаровидных пуговиц с большой дужкой на обратной стороне. Диам. 2.5 см (рис. 32, *2*). 8) 5 серебряных массивных конических ворворок различного размера; более крупные (диам. 2.5 и 2 см) — с круглым отверстием посредине, мелкие (диам. 1.5 см) — с квадратным (рис. 32, *3* и *4*). 9) 6 серебряных полушаровидных бляшек, штампованных из тонкого листка; по краям 2 отверстия для пришивания. Диам. 1.5 см. Сохранившиеся бляшки — это незначительная часть бывших в составе набора. Большая часть разрушилась от окисления (рис. 32, *6*). 10) Серебряные тонкие штампованные бляшки в виде равнобедренного (высота 2.2 см) треугольника, орнаментированные выпуклыми точками.[1] В

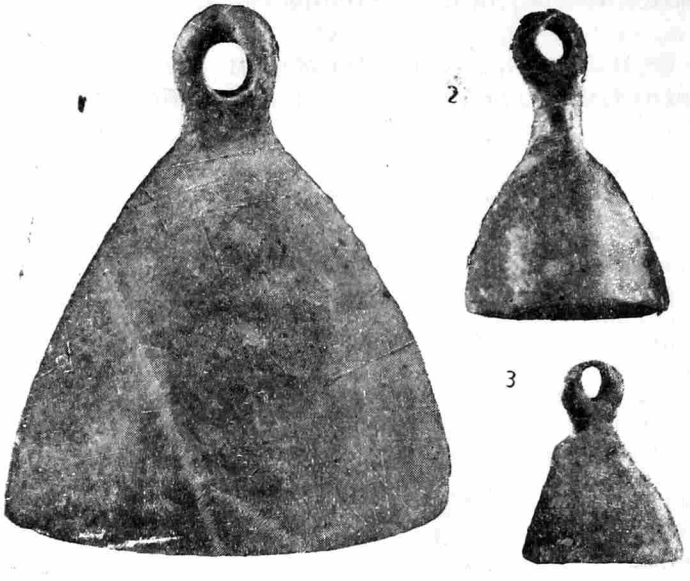

Рис. 30. Колокольчики: бронзовый из кургана № 11 (*1*) и серебряные из кургана № 13 (*2* и *3*) (нат. вел.).

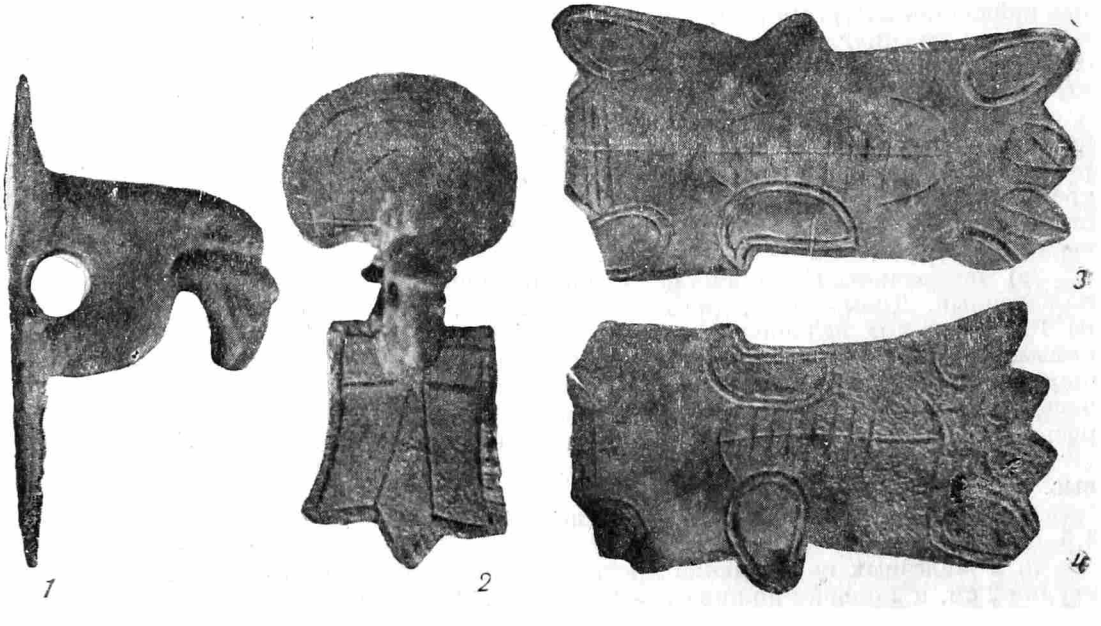

Рис. 31.

1, *2* — серебряный налобник; *3*, *4* — нащечники (нат. вел.). Курган № 11.

Воронежском музее сохраняется отпечаток такой бляшки на фрагменте дерева (рис. 32, *9*). Было их значительное число, но извлечь из земли не удалось ни одной.

[1] См. выше о квадратной бляшке (б). Серебряные штампованные нашивные бляшки того же вида, что и золотые, были не менее распространены. Только легкой разрушаемостью материала объясняется то, что в музейных собраниях, наряду с огромным количеством золотых бляшек, имеется совершенно ничтожное число серебряных.

Известны совершенно аналогичные, золотые. 11) Серебряные полые биконические бусы (рис. 32, *б*), диам. 0.8 см, совершенно сходные с такими же золотыми из кур-

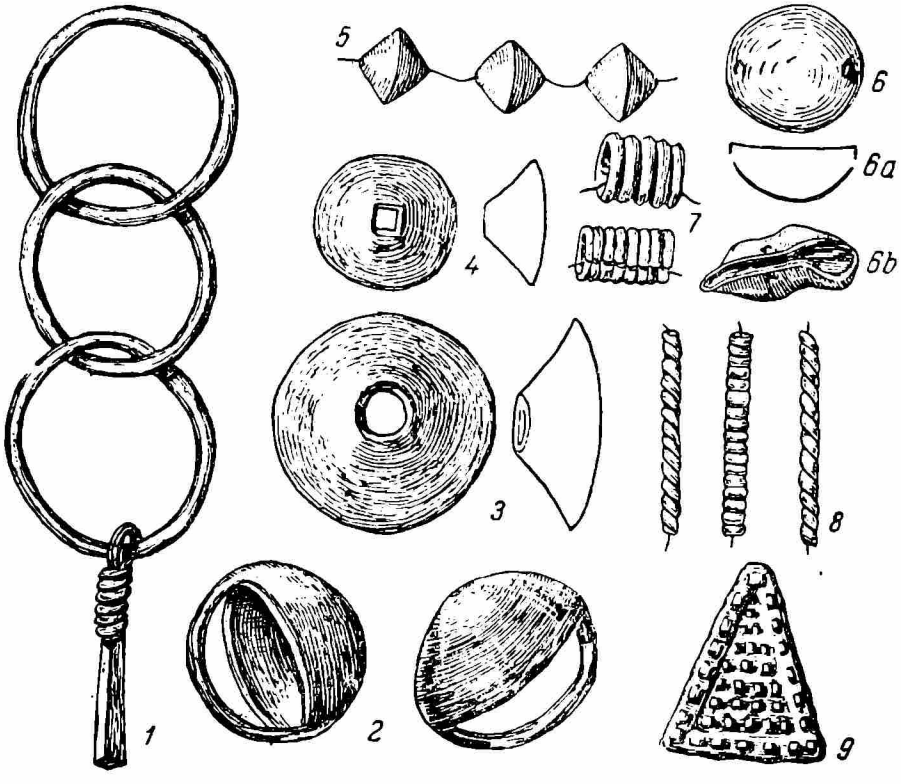

Рис. 32. Мелкие серебряные украшения уздечки (нат. вел.). Курган № 11.

гана № 1 (см. выше под «в»). Извлечено из земли 39 экз. целых и ряд обломков. Было намного больше. 12). Пронизки в виде широких и коротких рубчатых трубочек; 2 из них низкопробного золота и 38 серебряных (много серебряных разрушилось

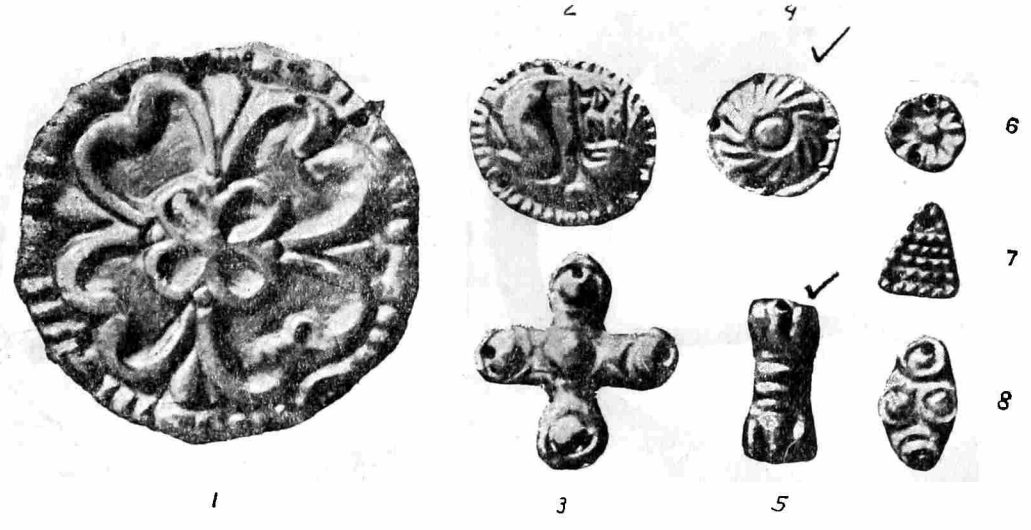

Рис. 33. Золотые штампованные бляшки (нат. вел.). Курган № 11.

при извлечении из земли). Длина пронизок 0.6 — 1 см, диам. 0.5 — 0.8 см (рис. 32, 7). 13) Пронизки серебряные в виде узких и длинных рубчатых трубочек, не спаянных, а свернутых из тонкого листка. Рубчики разных размеров, крупные и мелкие. Сохранилось 25 экз., большая же часть разрушилась при извлечении. Длина 2.5 см, диам. 0.2—0.3 см (рис. 32, *8*).

м) 794 золотые бляшки — нашивные украшения полога, различных размеров и рисунков. В состав их входят: 1) 5 крупных круглых бляшек, с рисунком розетки

в 4 лепестка. Диам. 4.5 см (рис. 33, *1*). 2) 8 бляшек того же рисунка, но меньшего размера. Диам. 3.5 см. 3) 42 круглых полушаровидных бляшки с изображением лежащего льва, того же рисунка, что и в кургане № 1, но другого штампа (рубчики бордюра мельче, глаза переданы прямоугольниками, врезанными вглубь). Диам. 2 см (рис. 33, *2*). 4) 21 крестовидная бляшка из пяти соединенных полушариков. Размеры 2.4 × 2.4 см (рис. 33, *3*). Рисунок бляшки — очень распространенный (напр., Серогозские курганы — ОАК, 1894, стр. 80; Александропольский курган — ДГС, табл. IX, *12*). 5) 275 ромбовидных бляшек, украшенных четырьмя кружками (рис. 33, *8*). Размеры 1.5 × 1 см. 6) 126 бляшек в виде банта, размером 1.8 × 0.6 см (сходные: Александропольский курган — ДГС, табл. IX, *28*; Елизаветовская, курган № 4 — ИАК, 35, рис. 5, № 6 и др.) (рис. 33, *5*). 7) 130 мелких розеток (рис. 33, *6*): диам. 0.8 см (сходные, но крупнее в Мастюгино — ОАК, 1905, стр. 96). 8) 77 мелких трехугольных бляшек, двух штампов, с мелкими (рис. 33, *7*) и более крупными выступами; вторые — более светлого золота. Размеры 1—0.9 см. 9) 16 круглых рубчатых бляшек с кружком посредине (рис. 33, *4*) (сходные также: Мастюгино, ОАК, 1905, стр. 96, рис. 119). 10) Бочонковидная массивная буса, длина 0.8 см, диам. 0.60 м. 11) 12 круглых полушаровидных пуговок с ушком на обороте (сходных с найденными в курганах №№ 2 и 9). Диам. 0.7 см (1 экз. —1 см). 12) 70 зерен массивного золотого бисера. Диам. 0.2 см. 13) 2 удлиненных бляшки с головами кабана на концах, сходные с найденными в кургане № 9 (рис. 34), длина 6.5 см.

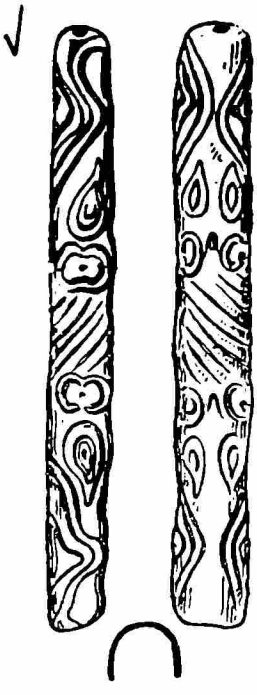

Рис. 34. Золотые штампованные бляшки (нат. вел.). Курган № 11.

н) Пряжка железная в виде незамкнутого кольца, из квадратного перевитого дрота. Концы пряжки заходят один за другой и оформлены в виде головы кабана. Обтянута золотым листком. Игла, четырехгранная в основании и круглая на конце, сделана из серебра. Диаметр пряжки 8 см (рис. 35 *a* и *b*).

о) Двойная золотая пластинка с овальной прорезью посредине, орнаментированная двумя схематическими изображениями голов животного (видимо, дикого козла), обращенных в разные стороны. В нижней части пластинки узор из зигзагообразных линий. По нижнему краю и прорези — отверстия для гвоздиков. Рисунок обеих сторон сходный. Размеры 8 × 3.5 см (рис. 36). Пластинка представляет собой оковку уплощенного предмета (ок. 0.3 см толщиной), совершенно истлевшего и несохранившегося. Вероятнее всего оковка украшала верхнюю часть гребня. Реконструкция первоначального вида поделки

Рис. 35. Железная, обтянутая золотом пряжка с серебряной иглой. Курган № 11. *а* — современное состояние; *б* — реконструкция.

(рис. 37) была мною произведена с учетом размера зубьев известного золотого гребня из Солохи. При таком толковании находит свое объяснение и прорезь в оковке, служившая для подвешивания гребня, вероятно носившегося на поясе (между прочим к поясному набору относятся найденная рядом пряжка (н) и описываемая ниже застежка с крючком). Гребень был изготовлен, вероятно, не из дерева, а из кости (в условиях Частых курганов сохраняющейся хуже первого). Среди собственно

скифских древностей аналогичных воронежской находке не имеется, что всего скорее объясняется непрочностью материала, из которого гребни, очевидно достаточно распространенные, изготовлялись. Зато среди сибирских находок удалось подобрать памятник, убедительно свидетельствующий в пользу предложенной реконструкции

Рис. 36. Золотая оковка гребня (нат. вел.). Курган № 11.

(рис. 38). Превосходный гребень из Сале-Харда, изданный В. С. Адриановым[1] (по времени несколько более молодой — гляденовский), разительно совпадает с воронежской пластинкой характером использования головы животного как орнамен-

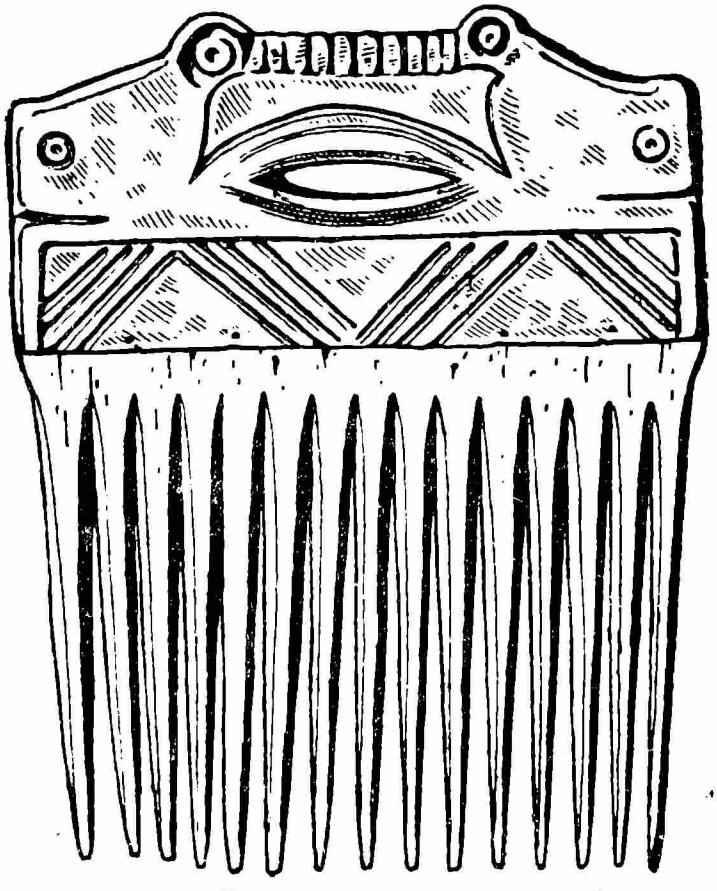

Рис. 37. Реконструкция того же гребня.

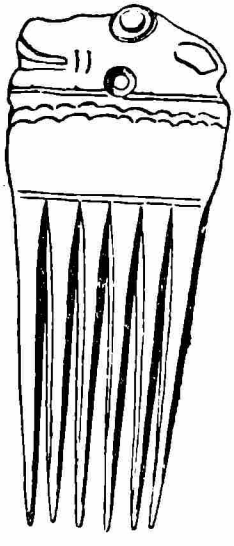

Рис. 38. Гребень из мамонтовой кости. Сале-Хард.

тального мотива, расположением отверстия для подвешивания, и с гребнем Солохи — размерами зубьев.

п) Бронзовая бляшка в виде скульптурной головки барана (рис. 27, *5* и *6*). Размеры 3 × 1.5 см. Видимо, от поясного набора.

[1] Отчет о командировке в Сале-Хард. ПИДО, 1934, стр. 173—176.

р) Бронзовая плоская бляшка в виде лежащего животного (волк? собака?), обращенного влево, с головой, повернутой назад (рис. 27, *4*). Размеры 4 × 3 см.

с) Бронзовая застежка с обычным крючком в виде головы грифона; на широкой части щитка — грубое изображение медведя, идущего вправо (рис. 27, *2*). Размеры 7 × 3.5 см.

т) 9 бус, из них три крупных округлых из непрозрачной коричневой массы с зелеными разводами (волнистая линия в 2 ряда), диам. 1.5 см; 6 бус мелких (диам. 0.4 см) темносинего стекла, рубленых в виде плоских кружков.

у) 5 оковок из тонкого листка золота, из них: 1) 3 удлиненных прямоугольных пластинки с закругленными нижними углами. Верхний край загнут, по краям дырочки для гвоздей. Размеры пластинок: длина 12.5, 10 и 9.5 см, ширина 4.5—4 см; оковки служили украшениями одного сосуда с тонким, сходящим на-нет прямым краем; 2) 2 оковки конического предмета, маскировавшие его полностью. Диаметр по краю оковок 3.3 см,[1] высота 4.5 см.

КУРГАН № 12

Расположен недалеко от кургана № 10, к ЮЗ от него. Высота насыпи 0.8 м, диам. 20 м, раскопан четырехугольным колодцем 6.20 м (З—В) × × 5.5 м (С—Ю). Под насыпью следы деревянного настила, уложенного

Рис. 39. Бронзовый браслет. Курган № 12.

в направлении С—Ю. Под настилом могильная камера, заполненная землею. Обрез ее четко обрисовался лишь по трем стенам. Четвертая, северная, была прослежена лишь на глубине 1 м.[2]

Форма могильной камеры прямоугольная, размеры 4.75 м (З—В) × 3 м (С—Ю), глубина 1.75 м. По стенам — слабые следы вертикальной облицовки деревом. В средней части могилы следы столба в виде круглой ямки, диам. ок. 30 см и глубиной 1 м, заполненной почти целиком остатками перегнившего дерева.

[1] А. П. Манцевич, которой я показывал рисунки этих вещей, считает две последние оковкой нижнего конца ритона. Это объяснение мне представляется весьма вероятным. Возможно, что все пять оковок относятся к одному сосуду.

[2] Возможно, что к северной стене примыкает какое-либо устройство вроде пониженного хода в могилу, обрез которого не был захвачен площадью раскопа.

Курган был ограблен в древности через раскоп сверху. На дне могильной ямы оказались разбросанными в полном беспорядке несколько мелких обломков человеческих костей, кости овцы, окрашенные окислами меди, выброшенные из похищенного бронзового котла, и следующие вещи:

а) Кольцо из гладкой золотой проволоки, спирально согнутой в $2^1/_2$ оборота. Диам. 2.4 см; сечение проволоки 0.2 см.

б) Бронзовая застежка с крючком в виде головки грифона и изображением лежащего оленя, обращенного вправо, на щитке. Концу откинутых на спину рогов оленя придан вид птичьей головы (рис. 27, *1*); длина 11 см. Фигурка оленя 4.5 × 3.5 см.

в) Массивный бронзовый браслет, украшенный 17 выпуклыми шипами. Сильно окислен и разломан на 4 части (рис. 39). Диам. 8 см.

г) Железный наконечник копья и оковка его нижнего конца. Длина наконечника 43.5 см, длина пера 23 см; диаметр втулки 2.5 см, длина оковки 11 см, диаметр втулки 2.5 см.

д) 2 железных наконечника дротика и оковки от них. Длина наконечника 33.5 см, длина пера 9 см, диаметр втулки 2.5 см, длина втулки 7.5 см, диаметр втулки 2.5 см.

е) Небольшая костяная коническая бляшка (не сохранилась).

ж) Обломок железного ножа обычного типа со следами костяной рукоятки. Длина 6.5 см.

з) Железные чешуйки от панцыря, двух размеров: 2.5 × 1.5 см (большинство) и 3.8 × 1 см (немногие, принадлежавшие обрамлению ворота); у последних верхний край слегка отогнут наружу.

КУРГАН № 13

Расположен рядом с курганом № 12, к ЮЗ от него. Курган сильно распахан. Высота насыпи 1 м, диам. ок. 20 м. Раскопан прямоугольным колодцем 7 м (З—В) × 5.75 м (С—Ю), который, пройдя насыпь, пришлось расширить, так как могильная камера, ориентированная, в отличие от других курганов группы, углами по странам света, находилась не под вершиной насыпи, а была смещена, уходя под ю.-з. полу кургана.

Могильная камера прямоугольных очертаний имела размеры 4.85 × × 3.55 м (длинные стороны с.-в. и ю.-з.) при глубине 1.75 м. Деревянный настил, прикрывавший могилу, был уложен параллельно более коротким с.-з. и ю.-в. стенам и поддерживался пятью столбами (один посредине и четыре по углам могильной камеры), следы которых в виде круглых ям ок. 35 см диам. были обнаружены при расчистке дна.[1] При расчистке дна могилы в с.-з. углу ее были обнаружены два деревянных бруса, каждый длиной 1.5 м и шириной 0.2 м, лежавшие один вдоль с.-в., другой вдоль ю.-з. стены.

Курган был в древности разграблен через раскоп сверху. На это указывала находка отдельных золотых бляшек не на дне его, а выше, в заполнявшей могилу земле, на высоте от 1 до 0.1 м над дном могилы. Остатки человеческого костяка в виде почти полностью истлевшего черепа (лучше сохранилась часть зубов) были встречены в северном углу могилы. В разных местах на дне могилы были собраны:

а) немного золотых бляшек, сходных по штампу найденным выше (в засыпи могилы), б) 2 золотых перстня (и то и другое в северном углу, близ остатков черепа), в) небольшой глиняный сосуд на ножке и рядом с ним, г) 2 небольших металлических колокольчика (у ю.-з. стены близ западного угла), д) крупные фрагменты сосуда красной глины, е) фрагмент обычного железного ножа (между центральным столбом и восточным углом могилы). Здесь же, в восточной части могилы, лежало значительное количество позеленевших бараньих костей и такой же череп (последний в самом углу), выброшенные из унесенного котла.

[1] У меня в заметках 1915 г. отмечены еще два столба посредине ю.-з. и с.-в. стен, т. е. всего 7.

Находки в кургане № 13.

а) Мелкие золотые украшения трех видов: 1) 3 полые грушевидные подвески (рис. 40, *2*) с маленькими ушками, сзади плоские, спереди выпуклые и украшенные рубчиками в нижней части, длина 2 см; 2) 4 пронизки в виде узких рубчатых трубочек, подобных серебряным из кургана № 11, но короче (рис. 40,*4*), длина 1 см, диам. 0.2 см; 3) 14 нашивных бляшек в виде розеток нечеткого, грубого штампа, диам. 1.1—1.2 см (рис. 40, *1*).

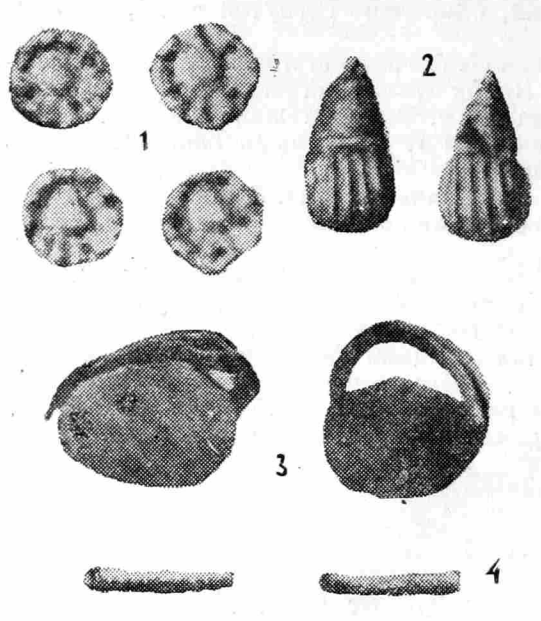

Рис. 40. Золотые украшения из кургана № 13.

б) Два золотых перстня, вырезанных из тонкой пластины. Щиток круглый; от него отходят две узкие ленточки, не связанные, как обычно, а лишь изогнутые по форме пальца, заходящие концами одна за другую (рис. 40, *3*). Диаметр щитка 1.6 см.

в) Небольшой глиняный сосуд полусферической формы на невысокой ножке (форма напоминает очертания бронзовых котлов). Изготовлен без гончарного круга, стены толстые, поверхность сосуда серая, залощенная, нижняя половина сосуда украшена глубокими бороздками-каннелюрами; на широкой закраине сосуда проколоты два тонких отверстия; диаметр ножки 5 см (рис. 41). Совершенно сходный сосуд, отличный лишь по орнаменту, известен из кургана № 2 в Мастюгине.[1]

г) Два массивных небольших колокольчика из белого металла (низкопробное серебро?) (рис. 30, *2* и *3*). Размеры их: высота 4 см, диам. 2.5 см и высота 2.7 см, диам. 2 см.

д) 15 фрагментов крупного сосуда красной глины (греческой амфоры?).

е) Фрагмент железного ножа с закругленной тыльной частью и почти истлевшей костяной рукояткой (в музее не сохранился, упоминается в дневнике А. Л. Дольского).

Кроме того, из этого кургана в музее имеется не отмеченный в дневнике конец железного клинка (обломок меча?), двояковыпуклый в сечении, длиной 6.5 см, шириной 2 см и толщиной 4 см, на котором сохранились следы деревянных ножек.

Рис. 41. Глиняный сосуд из кургана № 13.

Интерес совершенно не публикованных ранее материалов из курганов №№ 4—13 заключается, между прочим, и в том, что они позволяют сделать вывод о значительно более длительном времени существования курганного могильника, чем об этом можно было говорить на основании известных уже курганов №№ 1—3. Инвентарь этих последних, изученный М. И. Ростовцевым, определяется им как относящийся ко второй половине IV — первой половине III в. до н. э.

Значительно старше по возрасту курганы №№ 4, 6, 7, 8. Время их определяется такими характерными вещами в составе инвентаря, как серебряная фигурка медведя (курган № 8), бляхи в виде головы лося (курган № 4) и львиных голов (курган № 7), парные кольца с тремя выступами (курган № 6), массивные золотые ворворки (курганы №№ 7 и 8), бронзовые ножи (курган № 8), бронзовые наконечники стрел (при полном отсутствии железных).

[1] ПАК, вып. 43, стр. 52, рис. 57.

Сходство ряда этих вещей с находками из Золотого кургана близ Симферополя, кургана № 459 у с. Турьи, датированного чернофигурным сосудом VI в., кургана V у с. Журовки, датированного самосским сосудом VI в., и вещами из других ранних скифских курганов было отмечено выше. Дата названных курганов определяется М. И. Ростовцевым как начало V в. Эту дату можно принять и для перечисленных насыпей Частых курганов. К первым трем курганам группы примыкают раскопанные позже насыпи №№ 9 и 11, роднящиеся с ними пышным набором штампованных бляшек, иногда одних и тех же рисунков, и некоторыми другими вещами.

Промежуточное звено между этими двумя группами составляют курганы №№ 10, 12 и, видимо, 13.

В задачу настоящей работы входит только публикация материала Частых курганов. Оставляя разбор его лицам, специально занимающимся этими памятниками, я вынужден был коснуться вопроса датировки для того, чтобы иметь возможность отметить одно любопытное обстоятельство. Насыпи наиболее поздней и наиболее богатой группы располагаются все по ю.-з. краю группы и вытянуты в более или менее правильный ряд с ЮЗ

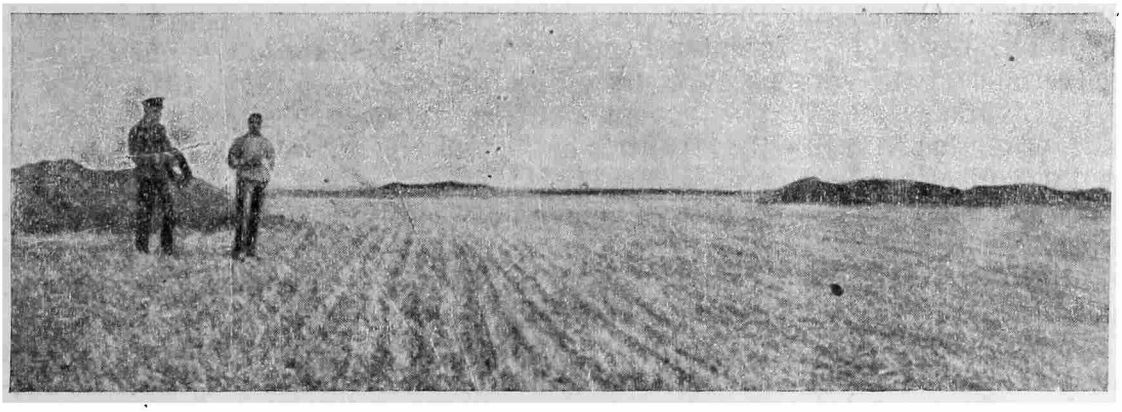

Рис. 42. Общий вид урочища Частые курганы. Раскопки 1915 г.
Слева, на переднем плане курган № 10, справа, в одну линию с ним, курганы №№ 12 и 13. На заднем плане, в центре, курган № 11, расположенный южнее, в одну линию с курганами №№ 9, 1, 2, 3 (на фотографии не видны, помещаются левее). Курганы №№ 6, 7 и 8 — за спиной зрителя.

на СВ в такой последовательности: №№ 11, 3, 2, 1, 9. К С от них, рядом, также вытягиваясь в линию, располагаются насыпи №№ 13, 12 и 10 (рис. 42). Наконец, далее, в центре группы, расположены курганы №№ 6, 7, 8 и далее, к СВ, №№ 5 и 4.

Таким образом можно проследить известную последовательность, в которой пристраивались вновь насыпанные курганы группы, постепенно нараставшей в ю.-в. направлении. Середина III в. до н. э. была временем, когда прекратился дальнейший рост могильника, продолжавшийся не менее двух с половиной столетий.

Является ли начало V в. временем возникновения могильника, или его нужно отнести к более глубокой древности — сказать трудно. Во всяком случае возможность этого не исключена. Находки скифских вещей архаических типов (литые бронзовые удила, наконечники бронзовых стрел листовидной формы, с шипом у основания втулки) известны из случайных находок на юге Воронежской обл.[1] Насыпи в северной части группы раскопаны еще в недостаточном числе и могут дополнить уже обрисовавшуюся картину.

[1] В 1929 г., в группе курганов со скорченными костяками у с. Засосенки, при впадении Быстрой Сосны в Дон (т. е. значительно севернее Частых курганов) мною был раскопан один курган, давший погребение в вытянутом положении на спине, без вещей, с одним глиняным сосудом раннего скифского типа.

Во всяком случае постановка дальнейших работ на Частых курганах представляет значительный интерес. Организация раскопок на Частых курганах является настоятельно необходимой и потому, что в течение ближайших нескольких лет площадь могильника будет застроена и навсегда утрачена для исследования.

S. ZAMIATNINE

LE CIMETIÈRE SCYTHIQUE «ČASTYE KURGANY» PRÈS DE VORONEŽ

Résumé

L'auteur décrit les fouilles de 13 tumulus du lieu dit «Častye kurgany» près de Voronež. Ce cimetière a acquis une large notoriété grâce à la trouvaille en 1911 dans le tumulus № 3 du vase en argent bien connu à représentations de Scythes décrit en détail par M. Rostovcev. Le compte-rendu de l'exploration des deux premiers tumulus fournit aussi quelques renseignements sommaires. Quant aux autres matériaux, ils n'avaient pas été publiés jusqu'ici. Les fouilles furent accomplies par la Commission scientifique du gouvernement de Voronež au cours de quatre années — 1910, 1911, 1912 et 1915. L'auteur a pris part seulement aux travaux de 1915, quand furent fouillés les tumulus №№ 10—13; les autres ne sont décrits que d'après les documents et les collections conservés à Leningrad et à Voronež.

Les fouilles des deux dernières années ont établi que le cimetière renferme des sépultures encore plus anciennes que celles des trois premiers tumulus ici fouillés (attribués à la fin du IVe ou au début du IIIe siècle avant notre ère). Il a servi durant 250 ans environ, depuis le début du Ve siècle.

Les tumulus plus anciens (№№ 4, 6, 7 et 8) sont situés dans les parties nord et centrale du cimetière. Les sépultures ultérieures s'y ajoutaient successivement du côté sud. La plupart des tumulus ont été violés dans les temps anciens, les pilleurs y ayant pénetré par un étroit passage pratiqué d'en haut. Il est curieux que ceux-ci s'intéressaient moins aux objets de parure en or, qui subsistent en grand nombre dans certaines des sépultures pillées, qu'aux marmites en bronze. Ces dernières n'ont été trouvées que dans deux sépultures intactes et étaient remplies d'os de mouton. Presque toutes les sépultures violées fournissent des vestiges de la présence de marmites sous forme de nombreux os de mouton imprégnés d'oxyde de cuivre et ayant pris de ce fait une couleur d'un vert intense. Ces os sont soit éparpillés au fond de la tombe et dans le passage ayant servi aux pilleurs, soit jetés en tas près des murs.

Г. П. СОСНОВСКИЙ

РАСКОПКИ ИЛЬМОВОЙ ПАДИ

(Предварительное сообщение)

В 1928 и 1929 гг. в связи с интересными открытиями Монголо-Тибетской экспедиции П. К. Козлова в горах Ноин-Ула, обнаружившей богатые погребения гуннских вождей, Академией Наук СССР было организовано археологическое обследование территории Бурято-Монгольской АССР в бассейне р. Селенги.[1]

В Западном Забайкалье в большом числе сохранились остатки далекого прошлого. Природные условия края благоприятствовали пребыванию здесь человека с ранних времен. По берегам рек, в степях и горных долинах имеется не мало различных памятников, оставленных древними племенами и народами.

В районе с. Усть-Кяхта мое внимание привлек могильник Ильмовой пади. Первые археологические исследования в Ильмовой пади были произведены в 1896—1897 гг. Ю. Д. Талько-Грынцевичем, раскопавшим здесь 33 могилы, отнесенные им к типу «погребений в срубах».[2] В них попадались обломки железных предметов, различные костяные изделия, глиняные сосуды, китайские зеркала, обрывки материи, листочки золота и пр. После Талько-Грынцевича в течение 30 с лишним лет никто из археологов не посещал этот могильник.

Ильмовая падь представляет собою живописную долину, окаймленную холмистыми возвышенностями и отрогами горного хребта; устьем она выходит к равнине, покрытой степной растительностью. Часть площади, занятой древним кладбищем, покрыта сосновым лесом, перемешанным с осинником; на открытых местах ближе ко дну пади растут ильмовые деревья. В примыкающих к Ильмовой пади горах еще в настоящее время встречаются горный козел, дикая кошка, около степи — дрофа и другие представители фауны Селенгинской Даурии и Монголии.

Могильник расположен на пологом склоне возвышенности, по правую сторону русло пади. Древнее кладбище занимает площадь длиною около 3 км и шириною 0.5 км. На его территории находится не менее 260 отдельных могил. В восточной части могильника среди небольших плоских каменных насыпей округлой формы выделяются своими размерами три больших каменных кургана со шлейфами. Они имеют подквадратную форму со сторонами до 18—20 м, посредине — обширные воронки; в углублении могилы растут сосны. В 1897 г. один из этих курганов начал раскапывать Ю. Д. Талько-Грынцевич. Другой, по рассказам бурят, копал какой-то приезжий лама. Поблизости имеется еще четвертый курган меньшего размера

[1] В состав археологического отряда кроме меня входили: научные сотрудники Л. М. Нурк, А. М. Виноградова и др.

[2] Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Русского географического общества, т. I, вып. 2.

(диам. 14 м). В 120—150 м к СЗ от этой группы больших могил-курганов находится вторая группа подобных же четырехугольных могил в количестве 4 (две из них имеют стороны в 15 м). Третья группа в 0.5—0.75 км расположена к З от первой. В центре ее находится курган со сторонами в 16.5 и 15.5 м и шлейфом в 12 м длины (рис. 1). Его окружают несколько могил того же типа, но меньшего размера. Всего на территории Ильмовой пади мы насчитали 18 могил-курганов крупного и среднего размера (рис. 2). В западной половине могильника они не встречаются.

По своему внешнему устройству и величине четырехугольные могилы-курганы резко отличаются от обычных небольших могил древнего кладбища Ильмовой пади. Форма их квадратная или прямоугольная с ясно выраженными четырьмя углами и параллельными сторонами (рис. 3). Насыпь у этих курганов-могил устраивалась из камней, сложенных в не-

Рис. 1. Наружный вид одной из крупных могил (восточной группы).

сколько рядов и достигала 1.25 м высоты. Стороны могил описываемого типа всегда строго ориентированы по странам света (С—Ю и З—В).

Особенностью могил этого типа, кроме формы и размера, является также наличие шлейфа — узкой и невысокой насыпи, обложенной по краям камнями, примыкающей к каменному основанию могилы-кургана посредине южной стороны.[1] Шлейфы у всех осмотренных нами курганов имели правильную ориентировку С—Ю. У больших курганов-могил они имеют длину 8—12 м, реже 5 м. Ширина их в основании до 4—6 м. Наиболее крупные курганы-могилы находятся друг от друга на некотором расстоянии. Обычно могилы этого типа занимают по отношению к мелким рядовым могилам центральное место или несколько обособленную площадь. Рядовые могилы редко располагаются в интервалах между четырехугольными большими могилами; чаще — примыкают к ним с какого-нибудь края, а иногда окружают их.

[1] Такие же шлейфы были обнаружены на курганах-могилах Ноин-Улы. При раскопке одного из этих курганов удалось установить, что насыпь шлейфа прикрывала карьер, служивший входом, через который вносили в могильную яму покойника.

Могилы второго типа имеют плоскую, едва заметную насыпь из камней и земли (диам. 5—7 м). Посредине их заметна впадина диаметром от 2—3 м до 4.20 м и глубиной 5.25 см. Малые могилы (рис. 4 и 5) часто образуют значительные скопления (до 80 могил в одной группе) и в таких случаях тесно располагаются, без особого порядка, друг около друга. Местами они разбросаны поодиночке по всей обширной площади, занятой могильником.

При осмотре Ильмовой пади мое внимание прежде всего привлекли большие насыпи. Их внешний вид имел много общего с могилами этого типа в Ноин-Уле. Об этом свидетельствовали и некоторые данные из описания раскопок Ю. Д. Талько-Грынцевича.

В 1896 г. он начал раскапывать один из больших курганов (№ 10) в первой группе, продолжив работы и в 1897 г.

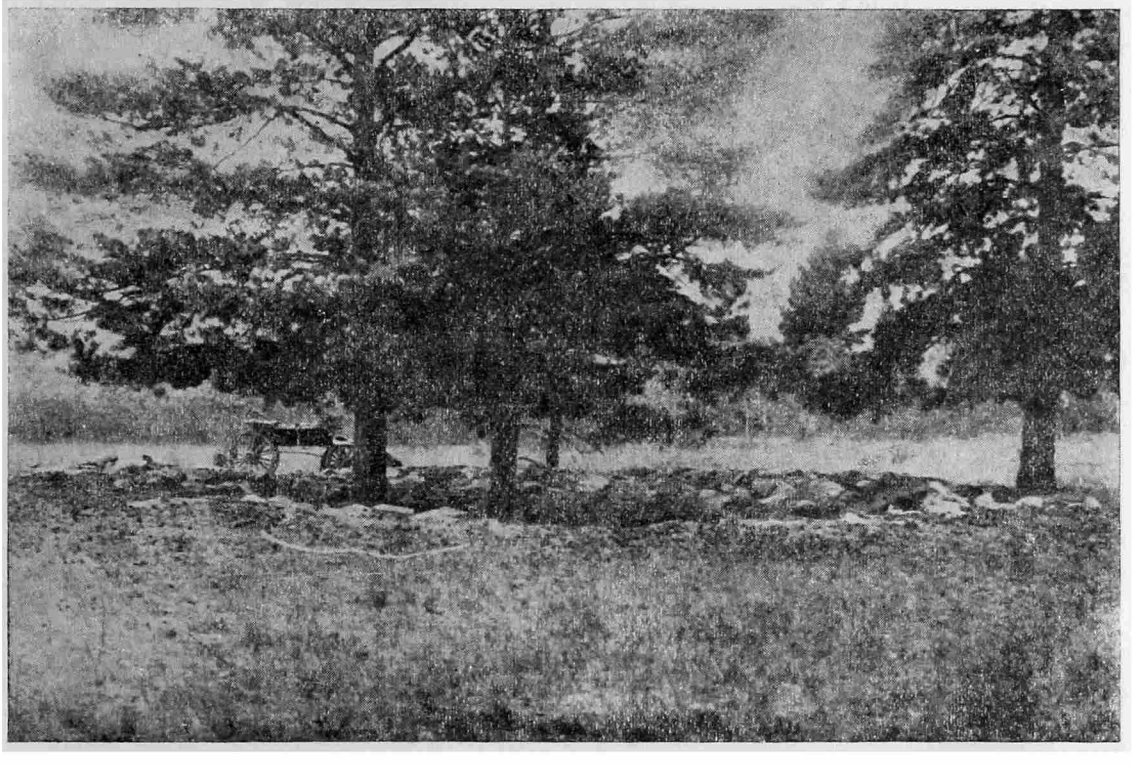

Рис. 2. Насыпь могилы со следами ограбления.

Насыпь была четырехугольной формы (17 × 15 м) и имела высоту до 1.25 м. В середине насыпи находилось воронкообразное углубление, глубиной 2.75 м. С южной стороны к стенке могилы примыкал шлейф длиной 13.5 м и шириной 3 м. После удаления большого количества камней из ямы, на глубине 3.25 м от поверхности стали попадаться угли, а на глубине 5.5—6 м встретились обломки человеческих костей. На глубине 7 м встретились каменные плиты, перемешанные с землей; лом, введенный на 1 м глубже, показывал мягкую землю. Случившийся вскоре обвал стенки раскопа, засыпавший камнями значительную часть могилы, заставил прекратить ее исследование.

Ю. Д. Талько-Грынцевичу не удалось дойти до дна могилы — до сруба. Все же он сделал заключение о том, что большие насыпи «служили, вероятно, тоже местом погребения».

С целью проверить эти наблюдения и выяснить внутреннее устройство четырехугольных могил, я выбрал в третьей группе больших могил плоскую каменную насыпь (12 × 11 м), имевшую посредине небольшую впадину

(глубиною 0.60 м).[1] Раскоп был произведен в пределах границ наружной выкладки из камней.

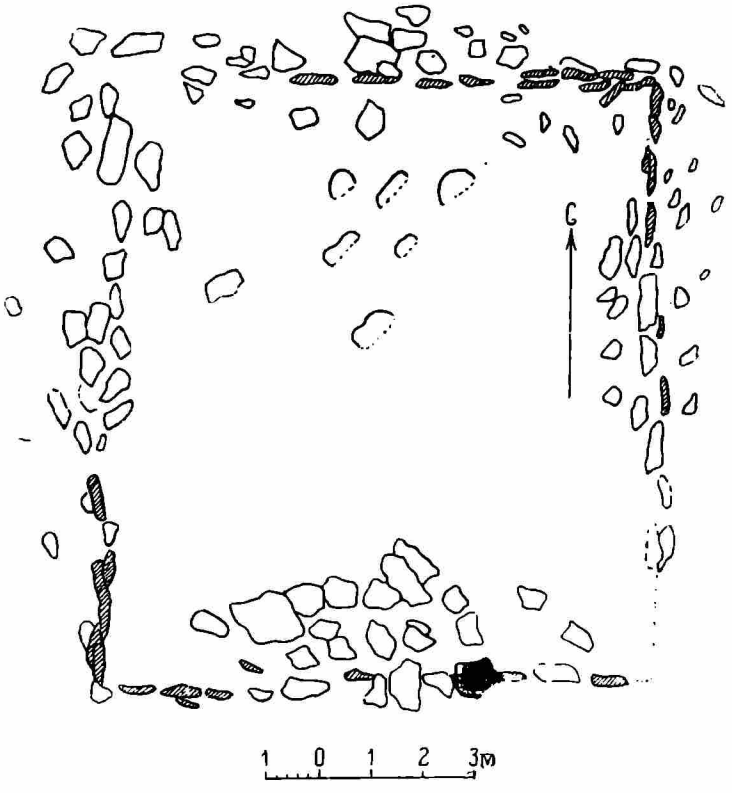

Рис. 3. План могилы № 40.

Рис. 4. Внешний вид рядовой могилы.

По снятии дерна и камней насыпи в центре обозначилось темное пятно овальной формы (длиной 6 м при наибольшей ширине в 4 м), которое оказалось началом грабительского хода, пробитого вертикально ко дну могилы.

[1] По дневнику могила № 40.

В нем при дальнейшей раскопке начали попадаться различные вещи — кости животных, обломки большого глиняного сосуда серого цвета, бронзовая фигурка коня, позвонок и плечевая кость человека и пр. На глубине 4 м встретились остатки разрушенного накатника, состоявшего из пяти толстых, продольно положенных лесин. Ниже, на глубине 6 м, в центре были найдены части лиственичного сруба, ориентированного ССВ—ЮЮЗ. Длина сруба 3.35 м, ширина с.-с.-в. конца 1.3 м, ю.-ю.-з. 1.1 м, высота 0.42 м.

Сруб оказался сильно разрушенным. На ЗЮЗ длинная стенка, как удалось установить, была сделана из трех плах. В сруб был поставлен и плотно придвинут одним концом к короткой (ю.-ю.-з.) стенке деревянный гроб. От гроба уцелели лишь незначительные остатки. Он был покрыт тонкой крышкой и имел деревянное дно (в 1—0.8 см толщины).

Судя по частично сохранившемуся ю.-ю.-з. концу гроба, на наружной стенке которого имелись бронзовые четырех- и трехконечные украшения в виде розеток с остатками тканей, он первоначально был весь обит снаружи плотной цветной шелковой материей и украшен на равном расстоянии друг от друга упомянутыми бронзовыми позолоченными трехконечными и четырехконечными пластинками. На дне гроба обнаружены обрывки легкой яркокрасной шелковой ткани, служившей внутренней обивкою гроба. В погребальной камере были найдены в полном беспорядке кости одного взрослого человека и различные предметы (рис. 6). Наибольшее число их лежало кучей в с.-с.-в. части сруба. Здесь были найдены следующие кости человека: ребра, позвонки, ключица и локтевая, а из вещей: бронзовая позолоченная фигурка коня, серебряная штампованная бляшка, кусок тонкой серебряной пластинки, небольшой обломок резного украшения из белого нефрита, фигурка птицы из мергеля, разрушившиеся кусочки железа, часть днища глиняного сосуда большого размера, обломки которого попадались выше в границах грабительской ямы, а также бронзовые позолоченные трехконечные украшения от гроба и некоторые другие предметы. Ближе к середине, на дне могилы найден рог оленя, а около з.-с.-з. стенки сруба — мелкие кости рук; около них лежали рядом 2 костяные палочки для еды и лопаточка, ребро, ключица, обломки черепа, а несколько в стороне плечевая и локтевая кости.

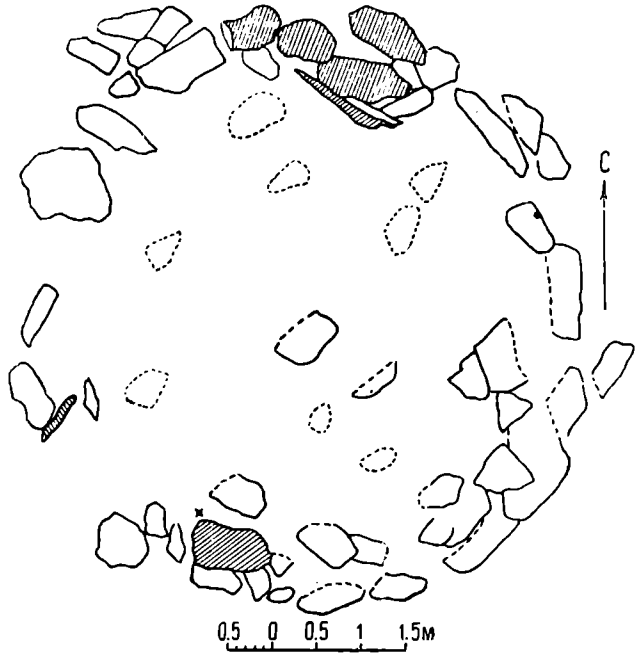

Рис. 5. План малой могилы.

Раскопка этой могилы, доведенная до конца, подтвердила предположение о том, что большие каменные насыпи Ильмовой пади представляют собою погребальные памятники и содержат богатые захоронения. Несмотря на разграбление могилы № 40, в ней были обнаружены отдельные вещи из серебра, белого нефрита, остатки китайских шелковых вышитых тканей и другие изделия, указывающие на «знатность» погребенного.

Помимо того, удалось установить, что чем больше насыпь, тем глубже находится захоронение.

Кроме могилы № 40, в 1928—1929 гг. нами были раскопаны еще 10 могил

этого же времени, но меньшего размера. Погребальные камеры обнаружены на глубине от 1.65 до 4.20 м от поверхности почвы и состояли из бревенчатого сруба, сверху покрытого деревянным настилом с досчатым гробом внутри.

Вариацией погребального сооружения этого типа является замена деревянного сруба каменной гробницей (одна могила). В могиле № 41 находился один гроб без сруба.

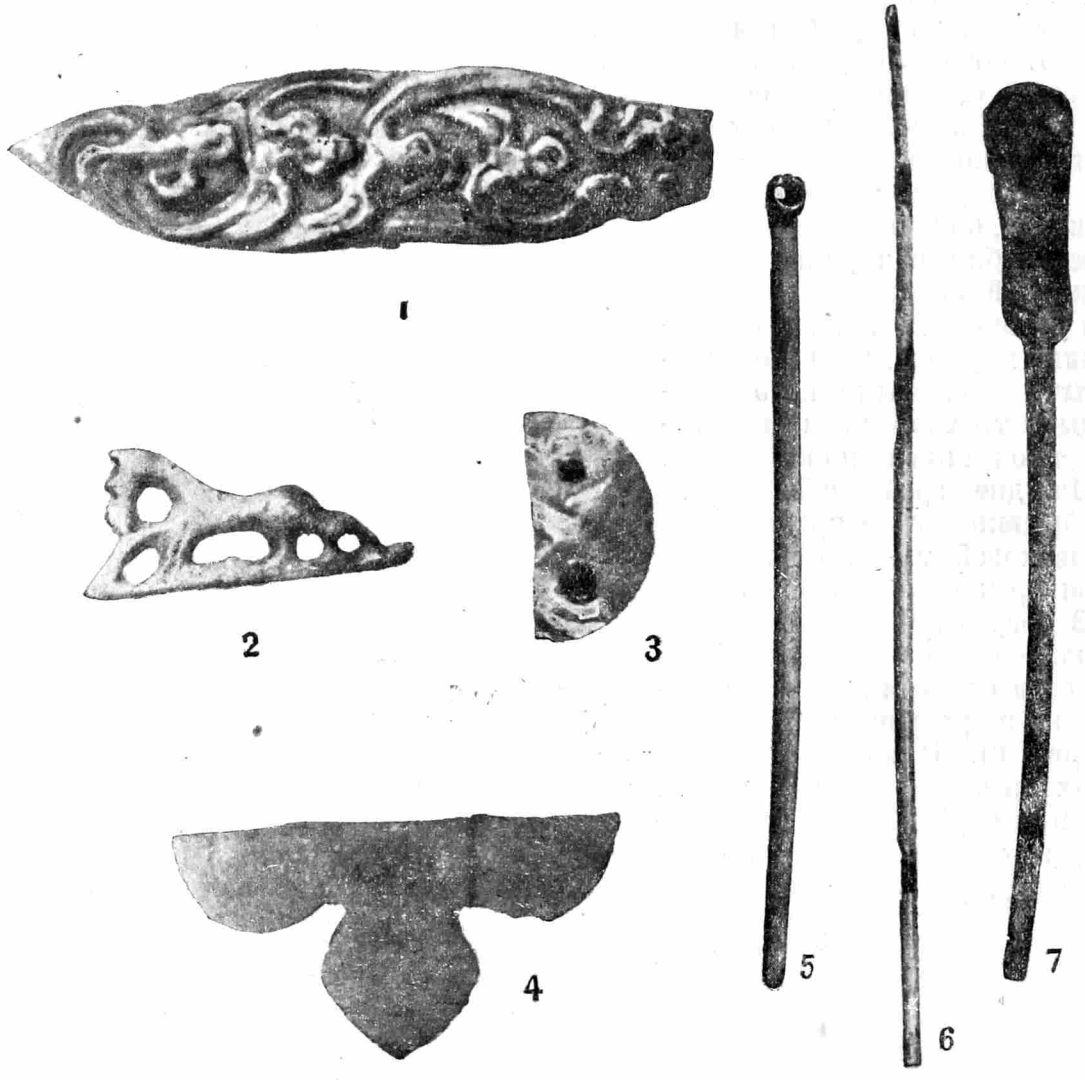

Рис. 6. Предметы из могилы № 40.

1, *2* — бронзовые позолоченные пластинки, украшения гроба; *3* — бронзовая фигурка коня; *4* — серебряная бляшка; *5*, *6* — костяные палочки; *7* — костяная «лопаточка».

Остатки настила — верхнего покрытия погребальной камеры — нами были найдены в восьми могилах. Настил имел прямоугольную форму и по размерам соответствовал длине и ширине сруба. В семи могилах настил состоял сплошь из лесин, расположенных параллельно коротким стенкам сруба, и лишь в одной могиле половина его была сделана из продольно положенных бревен в направлении длины сруба, а другая из поперечных (грабители обычно прорубали всю середину настила).

Сруб имел прямоугольную форму и в большинстве случаев был ориентирован С—Ю (рис. 7). Размеры сруба: длина 1.68—3.35 м, ширина 0.62—

1.30 м. Ширина сруба на концах обычно была не одинаковой. В северном (в головах) — несколько шире, чем в южном (в ногах), на 10—30 см. Высота сруба не превышала 40—60 см. Стенки сруба складывались из сосновых лесин в 1, 2 и 3 ряда. В одной могиле короткая стенка сруба состояла из четырех однорезей. Иногда это были полубревна, в других случаях толстые бруски. На углах сруб имел скрепление. Короткие стенки были вставлены в длинные или врублены, для чего в последних иногда делался вырез. Наружные концы у длинных стенок обычно выступали на 5—15 см по отношению к коротким.

Гроб делался, так же как и сруб, из сосны. Форма — прямоугольная с расширéнием у головного конца. Ориентировка такая же, как у сруба. Части гроба сохранились хуже, чем сруб, так как больше пострадали при разрушении погребальной камеры грабителями. Остатки гроба нами были

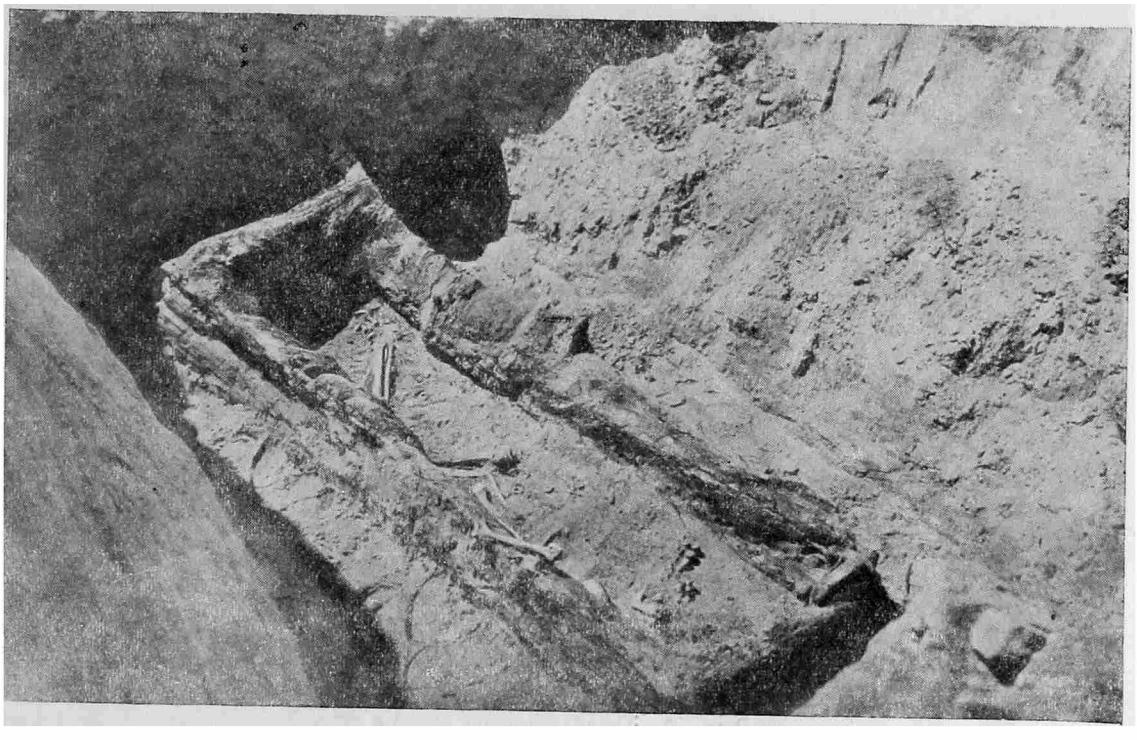

Рис. 7. Сруб одной из раскопанных могил.

констатированы в шести могилах. Гробы, найденные в могилах, имевшие сруб, не превышали длиною 1.75—1.90 м при 50—70 см ширины. В могиле № 41, где стоял только один гроб, он имел несколько бóльшую длину,— 2.10 м при ширине 41—51 см (рис. 8 и 9). Ширина головного конца гроба превышала противоположный не более чем на 10 см. В отличие от срубов, стенки гроба делались из одной или нескольких досок толщиною 1.5—2.0 см или более толстых (5.5—7.0 см). Дно у гроба изготовлялось из досок толщиной 1—3 см. Крышка — также из досок толщиною до 4 см. Стенки гроба на углах были скреплены без гвоздей. Короткие стенки входили четырехугольным зубом в пазы, сделанные в длинных стенках, или были врублены или вставлены так же, как у срубов. Необходимо отметить особенность формы отдельных гробов, у которых длинные стенки были вогнуты к середине, а кверху расширялись в виде раструба. Таким образом край верхней части стенок гробов оказывался отогнутым.

Снаружи гробы обивались плотной узорчатой шелковой тканью, а внутри более тонкой. Остатки этих тканей были найдены кроме могилы № 40 еще

в двух. Боковые стенки гроба и крышка поверх ткани украшалась металлическими накладками, прибивавшимися к дереву.

Под гробами в двух могилах были найдены сосновые шишки с хвоей — остатки веток, которые вероятно клались на дно сруба, прежде чем туда ставили гроб.

Могильная яма вырывалась в песке или в каменном щебне. В трех могилах стенки могильной ямы были обложены каменными плитами, к которым плотно прилегал сруб. В одной могильной яме верхние края ее имели деревянное обрамление (крепление ?) толщиной 1.5 см и высотою 30 см.

Следует отметить нахождение вещей и костей человека выше погребальной камеры в засыпке грабительского хода. В самой камере они в большинстве случаев лежали в беспорядке, нередко оказывались поломанными

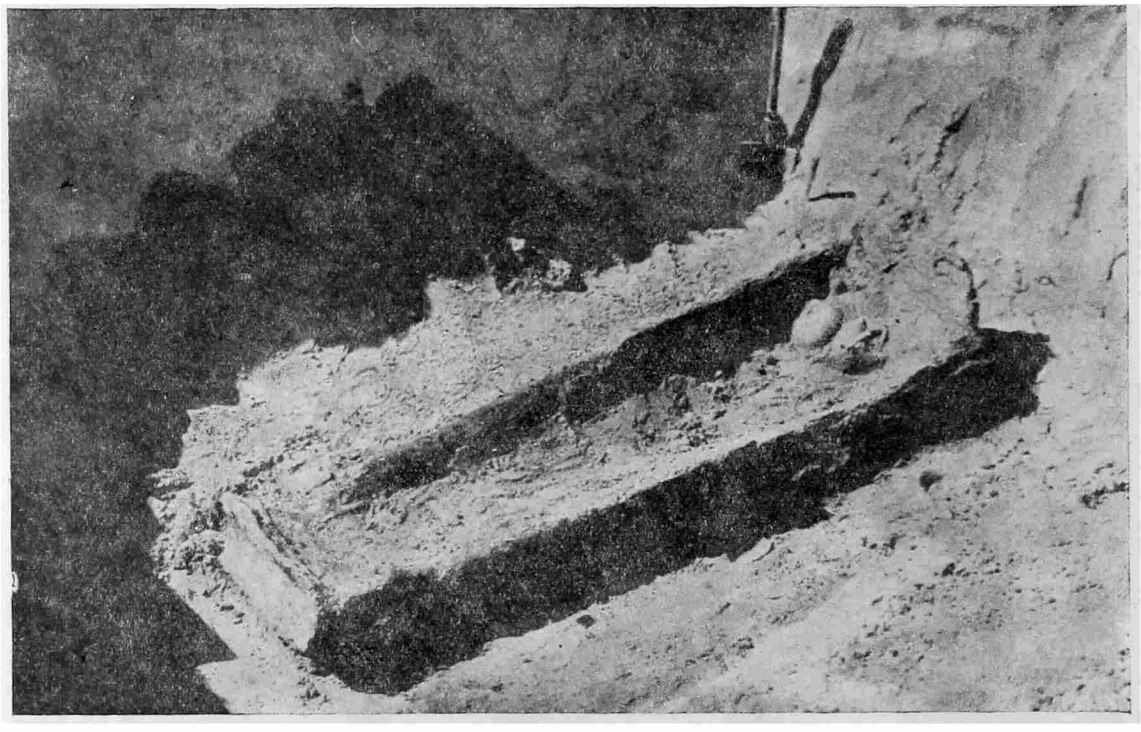

Рис. 8. Гроб могилы № 41.

и группировались иногда в куче около грабительского отверстия, сделанного в настиле сруба, что явно говорило о расхищении могилы.

В нескольких могилах наблюдалось расположение некоторых частей скелета погребенного в анатомическом порядке, что отчасти свидетельствует о времени разграбления могил, т. е. о том, что они были расхищены вскоре же после похорон умершего, когда труп его еще не успел окончательно разложиться и части костяка были еще соединены сухожилиями. Так, напр. в одной могиле кости голени находились в естественной связи с костями ступни и лежали на верхнем крае северной стенки гроба. В другой могиле в с.-в. части грабительского хода выше уровня погребальной камеры были обнаружены кости правой руки, согнутые в локте, с лежавшими около запястного сочленения мелкими косточками кисти, налегавшими на локтевую кость левой руки. (Верхние конечности человека здесь оказались выброшенными из сруба.)

В некоторых могилах по частям костяков, находившихся на своем первоначальном месте, можно было восстановить положение погребенных. Умершие клались на спину с вытянутыми ногами (пятками внутрь) или слегка согнутыми в коленях (обращенными влево). Голова ориентирована к С.

Руки погребенных, судя по положению костей в исследованных могилах, были вытянуты параллельно туловищу с кистями около таза.

Как правило, в могилу клался только один покойник, но при наших раскопках в могиле № 38 совместно с частями скелета женщины были найдены кости ребенка.

Что касается расположения вещей в могилах, то большинство их было найдено на дне срубов в беспорядке. Они лежали вперемешку с разрозненными костями человека в различных местах погребальной камеры. Значительное число предметов поломано и найдено в фрагментах. Наиболее ценные вещи из благородных металлов (золото, серебро) и других редких материалов, кроме случайно забытых или потерянных, были унесены грабителями. Сохранившиеся в могилах предметы сделаны преимущественно из кости и глины (горшки) или представляют перержавевшие кусочки железа; лишь изредка попадаются обломки изделий из бронзы, кусочки шелка и др.

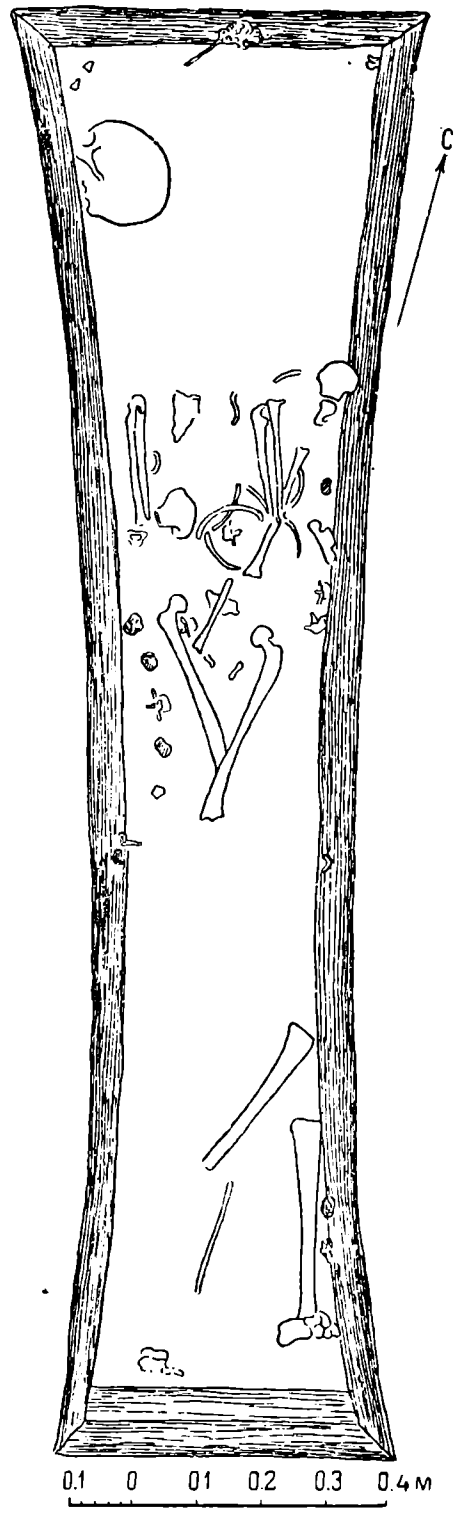

Рис. 9. План погребения № 41.

Из вещей, найденных нами при раскопках могил в Ильмовой пади, особый интерес представляют китайские изделия, позволяющие выяснить время сооружения могильника. К их числу относятся прежде всего остатки лакированных чашечек и кусочки лака, найденные при наших раскопках в трех могилах. Сохранность их плохая. Все же удалось установить, что чашки Ильмовой пади имели такую же форму и размеры, как и лакированные китайские чашки из находок П. К. Козлова в Ноин-улинском могильнике, датируемые эпохой Хань. Они были овальной формы с плоским дном (9 × 5 см), а посредине длинных сторон имели полукруглые ручки, обложенные по краям бронзовыми пластинками. Внутренняя поверхность чашечек Ильмовой пади была покрыта красным лаком, а снаружи черным. По стенкам имелся узор из красных линий вдоль края, ниже их были изображены «чечевицеобразные» фигуры красного цвета и около днища снова кайма из красных линий.

Большой интерес представляют остатки тканей. Обнаруженные в могилах куски шелка относятся преимущественно к ткани, служившей внутренней и наружной обивкой стенок гроба, отличавшейся расцветкой, плотностью и техникой переплетения (толстая узорчатая ткань, узорчатый тюль, плотная ткань с вышитым шелком рисунком, малоплотная кисея и пр.). Кроме кусков полуистлевшей шелковой ткани в могилах были найдены остатки

грубой плотной ткани, прочно соединившиеся с ошлакованным железом.

Наиболее разнообразная серия тканей была найдена в могиле № 128. Из нее происходит 14 значительного размера кусков обивки гроба. Наружные стенки гроба облегала трехцветная, узорчатая шелковая ткань (рис. 10). На трех стенках она была однородна; часть южной короткой стенки была надставлена куском двухцветной шелковой ткани. Крышка гроба сверху была обита плотной одноцветной шелковой тканью, которая, нижним краем спускалась на боковые стенки гроба, закрывая на 1.3 см ткань узорчатую. Внутренняя сторона крышки гроба была покрыта более редкой одноцветной шелковой тканью. Местами она налегала на более плотную одноцветную

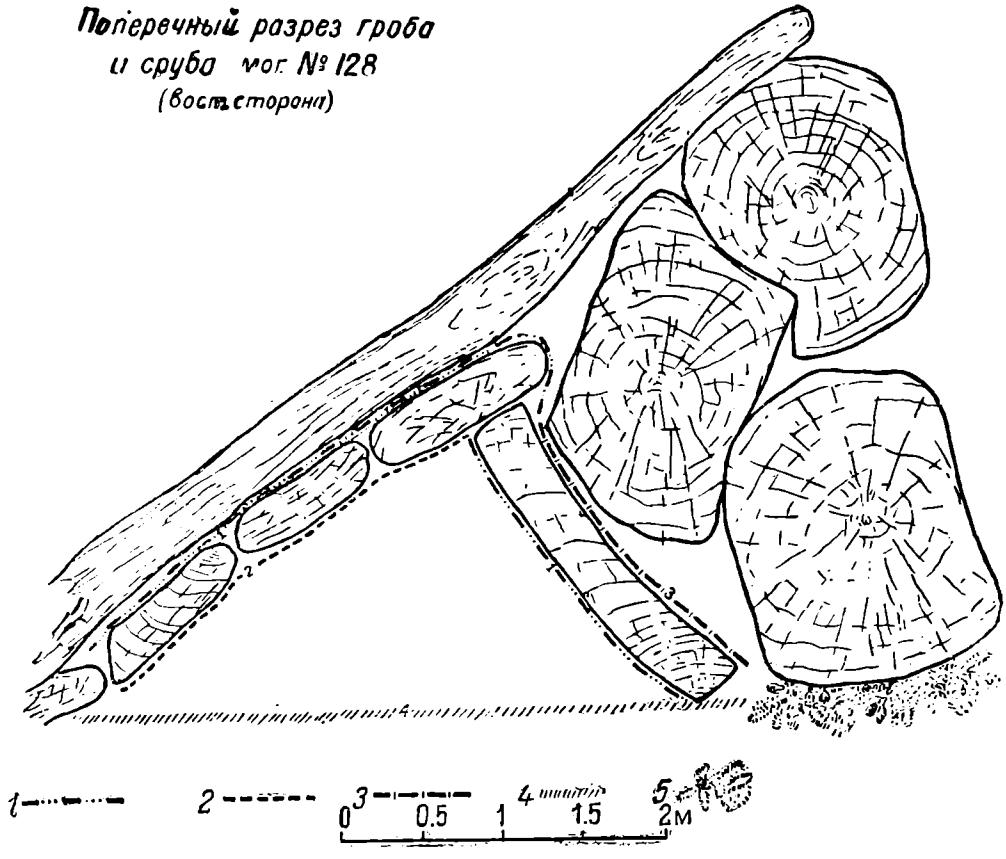

Рис. 10. Поперечный разрез гроба и сруба могилы № 128 (восточная сторона).

1 — плотная одноцветная ткань; *2* — редкая одноцветная ткань; *3* — трехцветная узорчатая ткань; *4* — дно гроба; *5* — остатки сосновых веток.

шелковую ткань внутренней обивки боковых стенок гроба (аналогичную ткани, покрывавшей наружную часть крышки гроба). Прежде всего обращает на себя внимание трехцветная узорчатая ткань, имеющая сложный рисунок (рис. 11 на вкладном листе).

Она довольно толстая и плотная, сработана из цветной пряжи тремя разноцветными нитями, ясно выступающими на лицевой стороне ткани. Нити — красного, синего и желтого цвета.[1] Рисунок ткани образован из полосы стручкообразных фигур желтого цвета, к которым примыкают такого же очертания фигуры синего цвета, но меньшего размера, поме-

[1] На найденных образцах от долгого пребывания в земле красный цвет принял бурую окраску, а синий — зеленую. Натуральная расцветка ткани восстановлена В. Н. Кононовым посредством специальных химических реактивов. Технологическое изучение тканей произведено сотрудниками Сектора археологической технологии ИИМК АН СССР.

1

2

Рис. 11. Рисунок шелковой ткани (Ильмовая падь, могила № 128).
1 — в современном состоянии; *2* — восстановленная натуральная расцветка ткани.

щающиеся в изгибе желтого «стручка». Далее на красном фоне располагается сложный орнамент из желтых спиралей, завитков и волют, составляющих в целом окружность, заполненную ими и граничащую со стручкообразным узором. С противоположной стороны край окружности украшен гребнем синего цвета. В промежутке между желтыми стручками и синими гребнями округлого орнамента — квадратные иероглифические знаки. Узор ткани чередуется в прямолинейном направлении правильными рядами. Орнаментальный ряд имеет ширину в 8.5 см.

Трехцветной ткани было найдено 7 кусков крупного размера и несколько мелких обрывков. Наибольший кусок имеет до 1.05 м длины и 26 см ширины. На одном куске поперек рисунка ткани проходит шов от сшивания шелковыми нитками двух полотнищ материи. Имеются куски края ткани, обрамленные желтой каймой в 1.2 см ширины. Трехцветная ткань покрывала наружные стенки гроба.

Хуже сохранилась двухцветная ткань, представленная одним крупным куском (29 × 15 см) и одним небольшим обрывком. Ткань эта по построению плотная и толстая, по характеру переплетения аналогична образцам вышеописанной трехцветной ткани. Рисунок более мелкий, чем в трехцветной ткани, причем обнаружено только два оттенка: желтоватый и темнокоричневый. Детали рисунка плохо различимы: повидимому он состоял из волют и завитков.

Кроме многоцветных толстых тканей в могиле № 128 была найдена одноцветная тонкая ткань, представленная несколькими разновидностями. От плотной тонкой ткани имеются куски, достигающие 70 см длины и 14 см ширины. Среди ее образцов можно различить два сорта; на-глаз эти отличия не всегда заметны, но установлены при технологическом изучении. Цвет описываемой ткани желтоватый или темнобурый.

К одноцветной ткани относится также тонкий шелк (типа кисеи); найден он в меньшем числе образцов. Одноцветная ткань покрывала наружную и внутреннюю стороны крышки гроба.

В другой могиле № 40 найдено свыше 15 мелких обрывков шелковых тканей различных сортов. Один экземпляр желтоватого оттенка и другой темнобурого, с более светлыми красноватыми пятнами, относятся к толстой ткани, построенной усложненным, применяемым для многоцветных тканей переплетением, что дает основание предполагать их изготовление из разноокрашенной пряжи. Тонкая плотная ткань желтоватого цвета представлена несколькими мелкими образцами. На некоторых кусочках видно, как к ней прилегает красная кисея. Заслуживают внимания два кусочка тонкой ткани темнокоричневого цвета, вышитые шелковой нитью рисунком, состоявшим из волютообразного орнамента. В этой же могиле были найдены также мелкие обрывки очень тонкой и редкой кисеи красного и серого цвета.

Из обнаруженных в могиле № 123 комочков ткани удалось расправить и смонтировать около 12 кусочков небольшого размера. Один образец материи темнокоричневого цвета принадлежит к плотной толстой ткани, построенной усложненным переплетением, что дает основание предполагать, что эта ткань сработана из разноокрашенной пряжи, так же как узорчатая ткань из могилы № 128. Один небольшой кусок представляет собою красного цвета узорчатый тюль, с вытканным рисунком в виде ромбиков. Это чрезвычайно тонкая и красиво сделанная ткань.[1]

Остальные образцы материи, происходящие из этой могилы, относятся к тонкой плотной ткани. Интересны мелкие обрывки желто-золотистой ткани этого вида, по которой шелковой ниткой был вышит какой-то узор. Тонкая ткань из этой могилы представлена также несколькими образцами

[1] Аналогична по рисунку и по строению с тюлем из ноин-улинских погребений (раскопки П. К. Козлова).

темнокоричневого цвета. На некоторых кусочках ее видно, как с этой тканью соприкасается более светлая желтоватого и красноватого оттенка ткань, отличная от первой, но тоже очень тонкая.

Таким образом при раскопках 1928 и 1929 гг. в Ильмовой пади найдены шелковые ткани следующих видов: 1) многоцветная плотная ткань (два сорта); 2) тонкая плотная ткань; 3) ткань типа тонкой кисеи и более грубой кисеи; 4) узорчатый тюль; 5) тонкая ткань, вышитая шелком. Все эти образцы тканей имеются и в коллекции из ноин-улинских курганов.

Из других предметов следует отметить находку на дне могилы № 40 небольшого обломка резной пластинки из белого нефрита.

Цельный экземпляр нефритовой ажурной пластинки известен из ноин-улинского могильника. Заслуживает внимания и фрагмент китайского зеркала из белого сплава (рис. 12), обнаруженный в одной из могил Ильмовой пади. Одна сторона у зеркала была гладкая, другая штампованная с узором. На орнаментированной поверхности видно стилизованное изображение тигра.

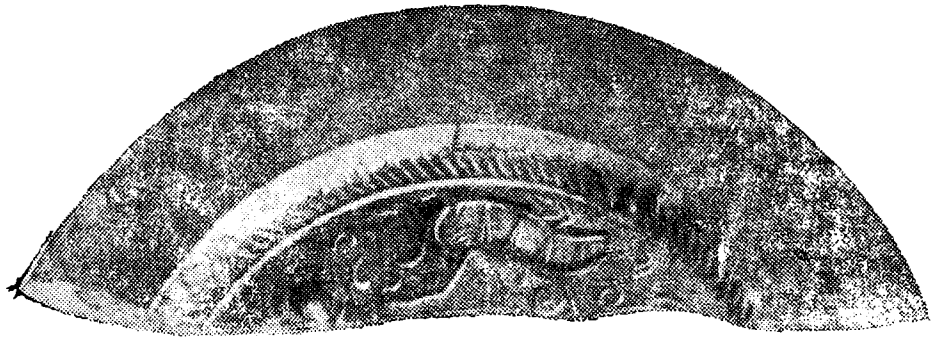

Рис. 12. Обломок китайского металлического зеркала с изображением тигра.

Найдены были также бусы из стекла голубого цвета. Из листового золота имеется небольшая пластинка полукруглого очертания, из серебра — тонкая штампованная бляшка овальной формы со следами позолоты на выпуклой орнаментированной стороне и другие предметы. Интересно небольшое скульптурное изображение птицы из куска белого мергеля. Из бронзовых предметов обращают на себя внимание две плоских позолоченных фигурки коня. Следует также упомянуть о бронзовой ажурной пластинке небольшого размера. Из принадлежностей конского снаряжения найдены железные удила с псалиями. Сохранность их плохая.

Обнаруженные в могилах остатки вооружения представлены костяными частями лука (накладки) и железными наконечниками стрел с костяными «свистунками». Удалось установить, что сложный боевой лук, имевшийся у населения, оставившего могильник Ильмовой пади, состоял из 7 костяных накладок (4 концевых и 3 срединных) и достигал около 1.40 м длины (рис. 13). Он был дугообразно изогнут (с наибольшим изгибом посредине и слегка отогнутыми концами). Железные наконечники стрел из Ильмовой пади имеют трехлопастную форму, заостренный конец, и отличаются некоторой массивностью. У насада они снабжались костяными «свистунками» боченкообразной формы с 3—4 отверстиями посредине. При полете стрела с таким приспособлением издавала свист.

Обычную принадлежность могил Ильмовой пади составляют глиняные сосуды (рис. 14). Они были обнаружены при наших исследованиях в пяти могилах. По характеру своего изготовления глиняные сосуды распадаются на две группы. К первой из них относятся глиняные горшки плохого обжига, имеющие в изломе черепка черный цвет с значительной примесью песка

в составе глины; они отличаются более простой формой и имеют широкую шейку. Облик этих сосудов говорит о местном их изготовлении.

Другую группу составляют серые сосуды, сделанные из хорошо отмученной глины, превосходно обожженные, с блестящей лощеной поверхностью. Форма их более совершенная. Многие сосуды этого типа имеют узкое горло, а на дне некоторых из них заметны квадратные вдавления, указывающие на закрепление горшков при их выделке на твердой основе (на гончарной доске с шипом). Из этой серии керамики интересны обломки большого сосуда, найденного в могиле № 40.По своим размерам он приближается к глиняным урнам, добытым при раскопках П. К. Козлова в курганах Ноин-Улы. На боковой стенке сосуда из могилы № 40 несколько выше дна, так же как и у одного из ноин-улинских, имеется небольшое круглое отверстие. Другую разновидность сосудов этой группы составляют горшки, имеющие слегка отогнутый венчик и широкое горло. Для серой керамики Ильмовой пади характерен накладной орнамент в виде валиков и резной из волнистых линий.

Рис. 13. Костяные накладки лука.

Чаще всего в могилах Ильмовой пади встречаются изделия из кости. Это вполне понятно, так как при расхищении могил грабители брали наиболее ценные изделия (прежде всего из драгоценных металлов) и оставляли обычные бытовые предметы из железа, кости и глины. Первые плохо сохранились (в виде бесформенных шлакообразных кусков), вторые не подверглись в такой степени разрушительному влиянию времени, но многие из них оказались поломанными грабителями. В качестве материала для поделок шли рога оленя и другие кости животных. На костяных предметах из могил Ильмовой пади можно проследить технические приемы, употреблявшиеся при их изготовлении: распилку кости, сверление и выдалбливание костного вещества для получения чашевидных углублений, полировку поверхности, обравнение контуров поделки обрезом ее краев и пр.

Обращают на себя внимание костяные палочки для еды. При наших раскопках парные экземпляры костяных палочек были найдены в нескольких могилах. Они имеют вид тонких костяных стержней, круглых в поперечном сечении, с гладкой отполированной поверхностью. Они утончаются к одному концу, причем конец этот бывает иногда слегка изогнут. Эти предметы очень напоминают употребляющиеся поныне в Китае и на востоке Азии костяные палочки для еды риса и других растительных продуктов. Кроме того был найден целый ряд вещей неизвестного назначения: «чашечка», сделанная из розетки рога оленя, граненая палочка с маленьким углублением на одном конце, просверленный астрагал быка и пр.

Из деревянных изделий обнаружены пластинки прямоугольной формы, пробитые по углам бронзовыми гвоздиками. Большой интерес представляет находка в двух могилах зерен проса.

Из остатков домашних животных обнаружены кости овцы или козы, лошади и быка, а из диких — благородного оленя, кабана и антилопы.

Подводя некоторый итог результатам исследования могил Ильмовой пади и обнаруженных в них вещей, нельзя не отметить черты сходства между памятниками этого времени в Забайкалье и в Северной Монголии, известными по раскопкам экспедиции П. К. Козлова в горах Ноин-Улы, где в могилах-курганах на большой глубине были найдены замечательной сохранности шелковые и шерстяные ткани, войлочные ковры, изделия из дерева, бронзы и железа, золотые предметы и пр. Расстояние между Ноин-Улой и Ильмовой падью всего лишь 250—270 км. Оба могильника расположены в живописных горных долинах, на склонах хребтов, у границы с хвойной тайгой, с далеким видом на окружающую местность. По данным, приводимым участниками экспедиции П. К. Козлова, на могильных полях Ноин-Улы можно установить три типа искусственных образований:[1] могилы-курганы, отдельные небольшие холмики и небольшие впадины. Здесь, так же как и в Ильмовой пади, наряду с крупными могилами, по-видимому, имелись и рядовые погребения, заметные с поверхности по остаткам грабительских ям или невысоким насыпям.

Рис. 14. Глиняные сосуды.

В могильнике Ильмовой пади могилы-курганы квадратной формы со шлейфами имеют ближайшую аналогию в ноин-улинских насыпях. Могила, раскопанная в 1924 г. в Ноин-Уле, является типичным памятником этого рода; по размерам (16 × 14 м) и особенностям внешнего вида она соответствует большим курганам этого времени в Забайкалье. Одинаковая ориентировка больших могил рассматриваемой эпохи на территории Бурято-Монгольской АССР и в Северной Монголии, наличие у них шлейфа, квадратная форма, близкие размеры, обкладка основания кургана камнями и пр. служат доказательством их принадлежности к одной культурной группе. Если мы обратимся к внутреннему устройству интересующих нас могил этих двух разных районов, то в больших могилах и там и здесь найдем погребальную камеру из дерева, опущенную на значительную глубину (в Ноин-Уле 6—7 м и больше; в Ильмовой пади 6.5 м). Сруб и гроб являются принадлежностью могил как забайкальских, так и северомонгольских, причем ориентировка погребальных камер у них одинаковая. Наконец, при наших раскопках в Ильмовой пади в 1928—1929 гг. были найдены изделия, имеющие большое сходство с предметами, добытыми экспедицией П. К. Козлова: 1) китайские шелковые разноцветные ткани; 2) остатки китайских лакированных чашечек; 3) обломки глиняных сосудов серого цвета; 4) фрагмент китайского зеркала из белого металла (такие же два зеркала ранее были найдены

[1] Краткие отчеты экспедиции по исследованию Северной Монголии. Л., 1925, стр. 13.

Ю. Д. Талько-Грынцевичем); 5) 2 позолоченные бронзовые фигурки лошадок. Точно такие же лошадки в количестве 6 экз. были найдены в кургане Ноин-Улы, исследованном в 1925 г.;[1] 6) железные удила; 7) трехлопастные железные наконечники стрел; 8) костяные накладки на лук; 9) металлические украшения на гроб в виде розеток (в коллекции из Ноин-Улы они сделаны из листового золота, в наших находках — из позолоченной бронзы и железа); 10) обломок ажурной пластинки из белого нефрита.

Инвентарь могилы, раскопанной в 1925 г. в Ноин-Уле, более бедной по сравнению с ранее исследованными курганами, особенно близок к обычному комплексу находок в погребениях этого времени в Забайкалье.

Установление сходства между могильными сооружениями и погребальным инвентарем Ноин-Улы и Ильмовой пади дает нам возможность довольно точно датировать древние могильники этого типа в Селенгинской Даурии временем около нашей эры. За это прежде всего говорит надпись на китайской лакированной чашечке, найденной в Ноин-Уле (2-й год до н. э.) и другие китайские изделия ханьской династии: ткани, зеркала из белого сплава и пр. Весь комплекс находок в названных могильниках позволяет относить их к указанной нами эпохе (точнее к первой половине I в. н. э.). Некоторые различия, наблюдающиеся в составе инвентаря могил Ильмовой пади и больших курганов Ноин-Улы, объясняются не хронологической их разновременностью, не этническими особенностями населения, их оставившего, а должны быть связаны с социальным положением погребенных и их имущественным состоянием (богатые могилы Монголии и более бедные в Забайкалье).

Раскопки 1928—1929 гг. в Ильмовой пади дали весьма интересный материал, позволяющий по-новому подойти к датировке могильника. Эти исследования более полно характеризуют его погребальные сооружения, состав могильного инвентаря и расширяют наши представления о материальной культуре населения, оставившего это кладбище. Древние обитатели края в начале нашей эры занимались преимущественно скотоводством. В могилах Ильмовой пади встречаются кости быка, лошади, барана и козы. Из остатков диких животных, указывающих на существование охоты, обнаружены кости кабана, антилопы и благородного оленя. О наличии земледелия свидетельствуют находки зерен проса. Об известной оседлости населения Забайкалья в рассматриваемую эпоху говорит также умение его возводить деревянные постройки (срубы в могилах) и присутствие среди предметов домашнего инвентаря глиняных сосудов. Обращает внимание и наличие большого количества погребений в могильниках. В хозяйстве этого времени широкое применение находила обработка продуктов скотоводства (шерсти, кож, изготовление сыра). Древним насельникам края знакома была и выделка костяных изделий, глиняной посуды и обработка металла.

Находка в могилах Ильмовой пади шелковых тканей, остатков лакированных чашечек и других предметов указывает на существование культурных связей между древним населением Забайкалья и Китаем в эпоху около начала нашей эры.

Результаты последних исследований позволяют рассматривать Ноин-Улу и Ильмовую падь как памятники одновременные. Если о Ноин-Уле мы можем с достаточной определенностью говорить, как о могильнике, принадлежащем гуннам, то забайкальские древние кладбища типа Ильмовой пади (погребения в срубах») также следует считать гуннскими. Исторические сведения о пребывании гуннов в Северной Монголии и соседних районах географически и хронологически подтверждают возможность отнесения к гуннам как Ноин-Улы, так и интересующих нас забайкальских памятников. В Ильмовой пади и в Ноин-Уле обнаружен обряд погребения,

[1] Отчет не опубликован. Коллекция хранится в Гос. Эрмитаже.

подтверждающий сведения китайских летописей о похоронном ритуале гуннов: «покойников хоронят в гробах, употребляют наружный и внутренний гробы». Наружному гробу китайских летописей по данным раскопок соответствуют срубы, внутреннему — собственно гробы. Сведения китайских летописей о занятиях гуннов, о жилище, об особенностях их вооружения, бытовом инвентаре и пр. находят подтверждение в вещевом материале, добытом при археологических раскопках.

Совпадение археологических и исторических данных о гуннах не является случайностью.

А. Н. Бернштам в своей работе «Гуннский могильник Ноин-Ула» [1] дал подробный разбор текста китайских письменных источников, касающихся дани, полученной гуннами около начала нашей эры, подтверждаемый находками в 6-м кургане ноин-улинского могильника. Забайкальские погребения рассматриваемой эпохи со своей стороны указывают на большое количество подарков, посылавшихся китайским двором гуннам. Китайские шелковые ткани у гуннов находили разнообразное применение (одежда, обивка гробов и пр.).

Могилы Ильмовой пади, так же как и богатые курганы Ноин-Улы, относятся ко времени упадка гуннского племенного союза, отражают китаизацию верхушки гуннского общества и указывают на широкое проникновение китайских изделий в быт северных кочевников около начала нашей эры.[2]

G. SOSNOVSKIJ

LES FOUILLES D'ILJMOVAJA PADJ

Résumé

Des travaux archéologiques ont été exécutés en 1928—1929 dans la vallée de la Selenga (République soviétique socialiste autonome Bouriato-Mongole).

Dans la région du village d'Ustj-Kiachta fut exploré l'ancien cimetière d'Iljmovaja Padj, qui occupe une surface d'environ 3 km de longueur sur 0.5 km de largeur. Il renferme au moins 160 tombes. Dans la partie orientale du cimetière s'élèvent trois tumulus en pierre à talus, auprès desquels on voit un quatrième tumulus. On remarque des tombes à terre de pierres et de terre, intéressantes par leur ressemblance avec les tombes de Noin-Ula. Dans la tombe № 40, on a trouvé au centre, à la profondeur de 6 m, des restes fortement détériorés de charpente en bois de mélèze, à l'intérieur de laquelle était placé un cercueil en bois, dont il ne subsistait que des vestiges. Ici gisaient en désordre des ossements d'un homme adulte et auprès d'eux des objets en argent et en néphrite et des restes de soie de Chine, qui indiquent que le mort était un «homme de qualité».

En 1928—1929 furent fouillées encore 10 petites tombes. Une variante du type de sépulture décrit est le remplacement de la charpente en bois par un tombeau en pierre.

Dans quelques tombes, on a pu reconstituer la position du mort d'après les parties du squelette encore *in situ*. La plus typique est la position couchée

[1] Известия Академии Наук СССР по Отделению общественных наук за 1937 г.

[2] В 1929 г. в центральной части могильника Ильмовой пади среди древних могил, характерных для гуннской эпохи, нами было раскопано 6 небольших плоских каменных насыпей, содержавших поздние погребения с иным обрядом захоронения, датируемые началом II тысячелетия н. э. На дне могильных ям обнаружены костяки в вытянутом положении. Некоторые из них находились в сосновых колодах. При погребенных — берестяные колчаны с железными наконечниками стрел, принадлежности конского снаряжения (железные стремена, удила, остатки седел) и другие вещи. В богатом мужском погребении найдены остатки шелковых одежд и серебряные бляхи от пояса. На одной из них заметна китайская надпись.

Публикация этих находок будет нами дана в другой статье.

sur le dos, la tête au nord (plus rarement au sud), les bras allongés ou partiellement repliés, les mains à hauteur du bassin et les jambes allongées.

Les objets subsistant dans les tombes sont en os ou en argile. Particulièrement intéressants sont les objets chinois, qui permettent de dater le cimetière — restes de tasses laquées et fragments de tissus: 1) deux sortes d'étoffes multicolores, 2) tissu de toile fine, 3) tissu du type de la mousseline fine et d'une mousseline plus grossière, 4) tulle ornementé, 5) tissu fin brodé de soie. Comme autres objets, il y a lieu de signaler la trouvaille au fond de la tombe № 40 d'un fragment de lame en néphrite blanche sculptée et un morceau de miroir chinois provenant d'une autre tombe. Il convient de mentionner également une petite sculpture d'oiseau et deux figurines de cheval en bronze doré.

Les armes sont représentées par des parties d'arc en os (garniture) et des pointes de flèche en fer.

Les vases en argile se subdivisent en deux groupes: pots mal cuits et pots faits d'une argile pure et de forme plus parfaite.

Les plus nombreux sont les objets en os, parfois avec des parties en fer. A remarquer des bâtonnets en os pour manger, rappelant ceux qui sont aujourd'hui en usage en Chine et dans l'est de l'Asie.

La trouvaille dans deux tombes de grains de mil offre un grand intérêt.

Comme restes d'animaux domestiques, on a découvert des os de mouton ou de chèvre, de cheval et de taureau, comme restes d'animaux sauvages — des os de cerf et de sanglier.

Les fouilles de 1928—1929 à Iljmovaja Padj ont permis d'établir que les anciens habitants du pays s'occupaient d'élevage. Les constructions en bois (charpentes) indiquent un certain sédentarisme de la population.

Le cimetière d'Iljmovaja Padj présente des traits de ressemblance avec celui de Noin-Ula. La similitude constatée dans le mode de construction des tombes et le mobilier funéraire fait rapporter les anciens cimetières de ce type découverts dans la Daourie de la Selenga à la première moitié du I-r siècle.

L'attribution du cimetière de Noin-Ula aux Huns peut être étendue avec une certitude suffisante à ceux du type d'Iljmovaja Padj (sépultures «à charpente»).

Le rite funéraire à Iljmovaja Padj et à Noin-Ula confirme les renseignements fournis par les chroniques chinoises sur le rite funéraire des Huns.

Les données qu'on trouve dans ces chroniques sur le genre d'occupation, l'habitation et les objets usuels des Huns sont corroborées par le matériel livré par les fouilles archéologiques.

Les tombes d'Iljmovaja Padj, comme les tumulus de Noin-Ula, se rapportent à l'époque de la décadence de l'union des tribus des Huns; elles reflètent la «sinisation» des couches supérieures de la société et attestent une large pénétration des articles chinois dans la vie quotidienne des nomades du nord au début de notre ère.

В. Н. КОНОНОВ

ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТКАНЕЙ ИЗ МОГИЛ ИЛЬМОВОЙ ПАДИ

При технологическом изучении археологического вещественного памятника исследование его возможно производить или изолированно или в сравнении с аналогичными, достаточно изученными ранее памятниками. При установлении технологической характеристики тканей из погребений Ильмовой пади, раскопанных Г. П. Сосновским в 1928 и 1929 гг., было целесообразно итти по последнему пути.

Как показало технологическое изучение тканей из гунпского могильника Ильмовой пади, их характерные особенности полностью совпадают с особенностями аналогичных тканей из курганных погребений Ноин-Улы, раскопанных в 1924-25 г. в Монголии, близ Урги в Судзуткэ.

Природа волокна тканей из погребений в Ильмовой пади №№ 40, 123 и 128 — натуральный шелк культурного типа, с достаточно тонким волокном, толщина которого колеблется от 7.26 до 14.52 микрона (отсюда, в коконном состоянии от 14.52 до 29.00 микрон).

По переплетению и по плотности ткани из Ильмовой пади распределяются на ряд типов. К типу разноцветной узорчатой ткани относятся некоторые ткани из погребений №№ 128 и 123. Краски их пострадали от времени и очень сильно от загрязнений из почвы (соединения железа); особенно пострадала от этого ткань из погребения № 123. Несмотря на очистку от загрязнений, получить фотоспимок с достаточно хорошо выявленным рисунком на ткани пока не удалось. В статье Г. П. Сосновского воспроизведена зарисовка в натуральную величину орнамента ткани из погребения № 128 (рис. 11). На рисунке не показана «фактура» (т. е. переплетение) ткани; дана лишь расцветка ее, состоящая из синего, красного и желтого тонов. Определение красного и желтого красителей пока не произведено, а синим красителем является индиго (определение сделано автором). Узорчатые ткани сработаны тремя разноцветными нитями, достаточно заметно выступающими с лицевой стороны ткани. Нити не крученые. На прилагаемом фотомикро-снимке поперечного разреза ткани из погребения № 128 (рис. 1, увел. 32) — заметна неоднородность окраски нитей утка и переплетение ткани из двух утков, придающих ей значительную прочность.

Сравнивая переплетение и поперечный разрез трехцветной шелковой ткани из Ильмовой пади (рис. 2, *I*) из погребения № 128 с переплетением тканей из Ноин-Улы (рис. 2. *II*) и их разрезами из раскопок П. К. Козлова 1924 г. из кургана № 1 (Мокрого кургана) и раскопок 1925 г. из курганов №№ 6 и 23, вряд ли можно сомневаться в сходстве, если даже не тождественности, их технического выполнения.

На трехцветной шелковой ткани из Ильмовой пади (погр. № 128) в общую систему ее рисунка введен иероглиф. Ткани с очень близким по рисунку орнаментом имеются и среди находок в Ноин-Уле: из курганов №№ 6 (раскопки П. К. Козлова в 1925 г.) и 1 (Мокрого кургана, его же

раскопок 1924 г.). Сходство тканей из Ильмовой пади с тканями из Ноин-Улы устанавливается и при сравнении тюля, украшенного ромбами, из погребения № 123 (рис. 3) с таким же тюлем из Ноин-Улы (курган № 6 раскопки П. К. Козлова): тот же рисунок в виде тройки из ромбов, то же переплетение. Тюль из Ильмовой пади окрашен в красный цвет киноварью (определение автора); точно такие же образцы тюля, окрашенные в красный цвет киноварью (определение автора), имеются и среди тканей из Ноин-Улы (курган № 6).

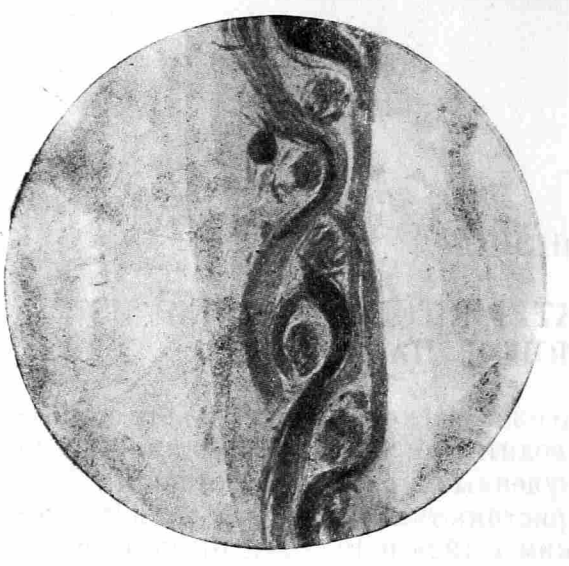

Рис. 1. Трехцветная ткань. Поперечный срез (Ильмовая падь, могила № 128).

Из погребения № 128 извлечена шелковая узорчатая ткань — двухцветная того же типа, что и вышеописанная трехцветная ткань из этого же погребения. Ткань очень пострадала и установить имевшийся на ней рисунок пока невозможно.

Следует обратить внимание на очень небольшой фрагмент шелковой тонкой плотной ткани из погребения № 40, вышитой шелком. Совершенно аналогичные ткани с вышитым шелком рисунками в большом количестве найдены при раскопках могильника Ноин-Улы (Мокрый курган № 1, раскопки П. К. Козлова; курган № 6, раскопки С. А. Теплоухова; курган № 2, раскопки С. А. Кондратьева).

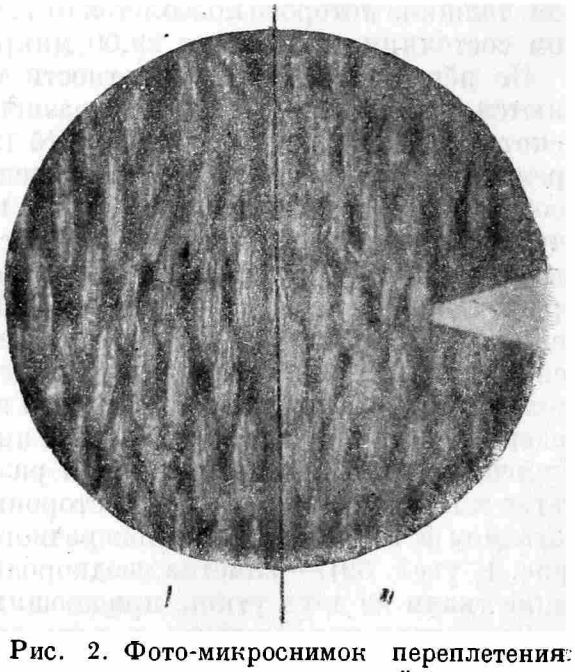

Рис. 2. Фото-микроснимок переплетения шелковых тканей.
I — из могилы № 128 в Ильмовой пади; *II* — из Ноин-Улы (раскопки П. К. Ковлова в 1924 г.).

Другой тип представляют собой ткани Ильмовой пади с простым полотняным переплетением (рапорт ткани слагается из переплетения двух нитей основы и двух нитей утка). Ткани этого типа различаются лишь толщиной и плотностью. Все они в настоящее время имеют темнокоричневый цвет, приобретенный в результате почвенных загрязнений. В первоначальном состоянии ткани могли быть неокрашенными или цветными. Аналогичные типы тканей имеются в большом количестве в погребениях Ноин-Улы (во всех курганах). Особо обращает на себя внимание ткань из погребения № 40 — кисея, окрашенная в красный цвет киноварью (определение автора), представляющая, опять-таки, полную аналогию с подобной же тканью из Ноин-Улы. Характерным является то, что тонкая и плотная ткань обычно наложена на более грубую и редкую, как бы на подкладку; аналогичное использование тканей наблюдается и на образцах из Ноин-Улы.

Систематический технологический анализ каждого образца тканей из Ильмовой пади произвести было невозможно в виду их плохой сохранности и, в большинстве случаев, недостаточного размера.

Нити у всех тканей некрученые. О плотности тканей дает представление следующая табличка:

Вид ткани	Место находки (№№ погр.)	Количество нитей на 1 см² по основе	Количество нитей на 1 см² по утку
а) Трехцветная ткань	40	41	23
	123	43	31
	128	43	23
б) Ткань полотняного плетения	123	130	68
	123	115	53
	123	87	47
	128	71	30
	128	77	35
	128	63	58
	128	40	33
в) Тонкий шелк	128	35	24

Тонина волокна шелка кисеи и тонкой плотной ткани — от 3.63 до 14.52 микрона.

У одного из фрагментов ткани из Ильмовой пади (погр. № 40) был обнаружен пришитый к ткани кусок шелкового шнура, который представляет

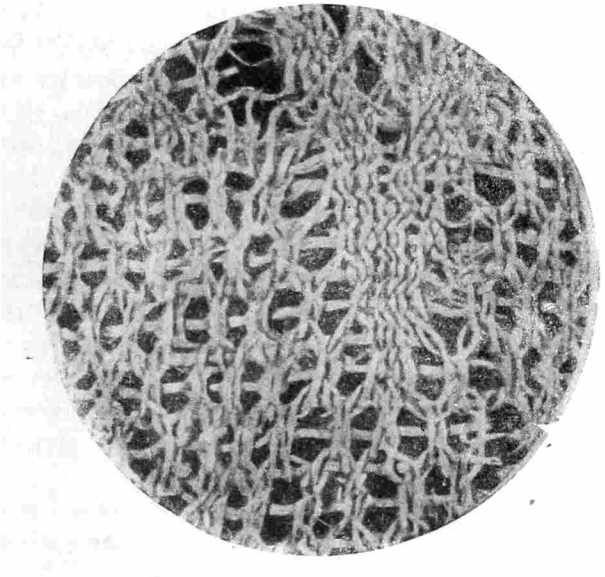

Рис. 3. Фото-микроснимок переплетения ткани типа тюля (Ильмовая падь, могила № 123).

собою пряжу из двух нитей, перекрученных вокруг своей оси четыре раза на расстоянии около 2.5 см.[1]

[1] Шелковые ткани из более поздних погребений Западного Забайкалья (Ильмовая падь № 122, Саянтуй № 11) сходны с вышеописанными тканями из погребений №№ 123 и 128 только тем, что имеют простое полотняное плетение, но они значительно разнятся по своему качеству и чистоте работы и в отношении равномерности толщины пряжи в одной и той же ткани. Так как эти ткани относятся к началу II тысячелетия н. э., то создается впечатление сильного упадка культуры производства.

Все ткани Ильмовой пади при извлечении из погребений до камеральной их обработки в Академии истории материальной культуры совершенно не подвергались ни механической обработке, ни промывке водой или какими-либо жидкостями. В лаборатории ткани размягчались и очищались действием водяного пара, причем одновременно с них механически осторожно удалялись корни растений, мох, песок, кусочки дерева и т. д. После этого на тех фрагментах тканей, на которых это было возможно сделать, определялись плотность и переплетение нитей (рапорт ткани) и были отделены части в несколько квадратных миллиметров для микроскопического и микрохимического анализа.

V. KONONOV

CARACTÈRE TECHNOLOGIQUE DES TISSUS PROVENANT DES SÉPULTURES D'ILJMOVAJA PADJ

Résumé

L'auteur expose les résultats de l'étude technologique d'échantillons des tissus trouvés dans les sépultures de l'époque des Huns d'Iljmovaja Padj, fouillées par G. Sosnovskij en 1928 et 1929.

Leurs traits caractéristiques sont entièrement conformes à ceux des tissus analogues fournis par les tumulus de Noïn-Ula, explorés par les membres de l'expédition Kozlov en Mongolie et au Thibet. Ces tissus sont en soie naturelle assez fine. Ils se répartissent en plusieurs types d'après le mode d'entrelacement et la densité: tissus multicolores ornementés (tricolores, bicolores), tulle à rhombes, tissu brodé de soie, mousseline et tissus à simple entrelacement de toile.

И. В. СИНИЦЫН

К МАТЕРИАЛАМ ПО САРМАТСКОЙ КУЛЬТУРЕ НА ТЕРРИТОРИИ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

Скифским памятникам, их датировке, распространению различных групп памятников этого времени, затем выяснению общественных отношений у кочевников более позднего времени уделялось немало внимания. Эти вопросы в последние годы явились предметом специальных исследований и дискуссий. Что же касается вопросов, связанных с изучением памятников сарматской культуры эллинистического и римского времени, то они менее всего разработаны. Большой период (III—I вв. до н. э. и I—IV вв. н. э.) господства в степной полосе Восточной Европы сарматских племен остается одним из наименее разработанных разделов истории народов СССР. Это отставание в значительной степени объясняется тем, что вещественные памятники, которые позволили бы сделать более конкретные выводы о сарматской культуре, мало еще изучены. Наиболее полное изучение этого материала приобретает поэтому особый интерес и значение.

Нижнее Поволжье если и не являлось центром обитания сарматских племен, то, во всяком случае, было густо заселено в период с III в. до н. э. вплоть до IV в. н. э. В результате больших археологических исследований, проведенных в Нижнем Поволжье в последние годы, памятники сарматской культуры в виде курганных погребений обнаружены в огромном количестве в ряде районов. Большая часть этих памятников известна по ряду публикаций, где изложены результаты раскопок и добытый материал. Однако многие памятники сарматского времени, вскрытые на территории нижнего Поволжья, до сих пор не опубликованы. В частности, не опубликованы материалы раскопок П. Д. Рау, произведенных им в 1927—1929 гг. Между тем результаты раскопок этих лет представляют несомненный интерес.

Изучая материалы центрального музея г. Энгельса, я имел возможность полностью восстановить вещевой и иллюстративный материал к дневникам раскопок 1927 г. Публикацию материалов из раскопок 1928—1929 гг. предполагается осуществить отдельно.

Раскопки в 1927 г. были произведены Рау в районах, ранее совершенно неизвестных в археологическом отношении. Проведено обследование нагорной стороны (правобережье р. Волги) у сс. Бальцер, Каменка, Усть-Грязнуха, в верховьях р. Иловли. В Заволжье раскопки проводились у с. Баратаевки и на Калмыцкой горе у с. Боаро. По нижнему течению р. Большой Караман произведены были раскопки у с. Райнвальд и Эндерс; район этот до 1927 г. был также не обследован. По р. Еруслану были произведены раскопки у с. Старая Полтавка. Небольшое обследование было произведено в окрестностях с. Краснополья (Прейс), там же раскопан курган, давший до 20 погребений. В том же году был доследован

курган D 4 у хутора Шульц на р. Торгуне, раскопки которого были начаты П. Д. Рау еще в 1926 г.[1]

Всего в 1927 г. раскопками было вскрыто 32 памятника, давших более 100 погребений разного времени. Из указанного количества 48 погребений относятся к сарматскому времени. Частично материалы раскопок 1927 г. (погребения бронзовой эпохи, скифского времени и погребения с сожжением) были опубликованы П. Д. Рау.[2]

Переходя к краткой характеристике добытого материала, следует, прежде всего, отметить, что раскопки 1927 г. не только дали интересный материал, но и выявили новые пункты, имеющие памятники сарматской культуры. Особый интерес представляет район с. Боаро и район с. Краснополье (Прейс), где вскрыт курган Е 14, давший интересный материал для выяснения хронологической последовательности обнаруженных в нем погребений (переход от позднеэллинистического к раннеримскому времени). Отмеченный факт является важным в смысле стадиального изучения отдельных групп сарматских погребений Нижнего Поволжья.

Как известно, типы сарматских погребений Нижнего Поволжья довольно разнообразны как по устройству могильных сооружений, так и по содержимому в них могильному инвентарю. Это позволяет в основном выявить хронологические взаимоотношения между отдельными погребениями, а также установить общий характер различных групп памятников этого времени.

Публикуемые здесь погребения раскопок 1927 г. по устройству могил, инвентарю и ритуалу можно разделить на три группы: 1) погребения эллинистического времени (III—I вв. до н. э.), 2) погребения римского времени (I—II вв. н. э.) и 3) погребения позднеримского времени (III и нач. IV в. н. э.).

К эллинистическому времени более определенно можно отнести погребения из Краснопольского (Прейс) кургана Е 14, погребения №№ 8, 9, 10, 15, 19 (2), 20 (1 и 2). Отличительные признаки, объединяющие данную группу, сводятся к следующему: погребения имеют камерную могилу с прямоугольной входной ямой, размером до 2.60 м в длину, от 1 до 1.10 м в ширину и от 2.20 до 2.60 м в глубину. Размеры катакомбы (длина и ширина) обычно соответствуют размерам входной ямы. Исключение представляет погребение № 16, имеющее прямоугольную грунтовую яму со ступеньками. Могилы рассматриваемой группы сверху закрывались тонкими жердями и мелким хворостом — шелюгой, ивняком. Устье катакомбы также закрывалось бревешками или плетнем. Покойники положены в гробах, имеющих форму прямоугольного ящика, боковые стенки которого состояли из дощечек, поставленных на ребра, а дно и крышка из продольных досок. Ориентировка покойников — головою на Ю, иногда с незначительным отклонением к ЮЗ или ЮВ. В мужских и женских могилах положена пища — найдены кости овцы, лошади (погр. № 8). Помимо описанного ритуала, для данного типа погребения характерен также могильный инвентарь, имеющий много общих черт с памятниками этого времени в других районах.

Не останавливаясь на детальном сопоставлении отдельных предметов могильного инвентаря, необходимо, однако, отметить, что наиболее характерной для него является посуда — круглодонные или уплощенно-круглодонные сосуды разной формы и величины. Примером может служить посуда

---

[1] P. R a u . Prähistorische Ausgrabungen auf der Steppenseite des deutschen Wolgagebiets im Jahre 1926. Pokrowsk, 1928.

[2] P. R a u. Höckergräber der Wolgasteppe. Pokrowsk, 1928. — П. Р а у. Курганы с кострищами и кострища в курганах нижнего Поволжья. ТСАРАНИОН, т. IV, 1928, стр. 431 сл. — P. R a u. Die Gräber der frühen Eisenzeit im unteren Wolgagebiet. Pokrowsk, 1929.

из погребения № 15 кургана Е 14 (рис. 10), а также шаровидный сосуд с высокой суживающейся кверху шейкой из погребения № 8 того же кургана. Не менее характерным является сосуд из погребения № 2 кургана Е 20 (рис. 19). Типичным также является сосуд яйцевидно-круглодонной формы с высоким узким горлом (рис. 14) из кургана Е 14, погребение № 20, могила № 1.

Керамика указанного типа особенно отчетливо была выявлена раскопками 1927 г., а затем раскопками 1928—1929 гг. Во всяком случае, она представляет своеобразный тип посуды, отличающийся от керамики, хорошо известной в сарматских погребениях более позднего времени.

Кроме керамики, в некоторых могилах найдены предметы быта; в двух мужских могилах (кург. Е 14, погр. № 10 и погр. № 20, мог. № 1) обнаружены железные трехгранные со стержнем наконечники стрел, в некоторых погребениях найдены короткие железные однолезвийные ножи, при одном погребении (кург. Е 14, погр. № 16) — железное шило. Следует отметить, что в 1928 г. такие же железные наконечники стрел были найдены в сарматских погребениях вместе с железными мечами, имеющими серповидное навершие и прямое перекрестие. Подобная форма мечей, как известно, служит хорошим датирующим материалом для сарматских погребений. Мечи этого типа хорошо известны в раннесарматских погребениях, относящихся к IV—I вв. до н. э., и совершенно неизвестны в погребениях более позднего времени.

Все вышеотмеченные погребения тесно связаны друг с другом единством обряда погребений и инвентаря, совпадающего в основных чертах с погребениями эллинистического времени других районов.

В качестве ближайших аналогий из других районов следует, прежде всего, указать на погребения Уральско-Оренбургских степей, материал которых изучен М. И. Ростовцевым,[1] Б. Н. Граковым[2] и др. Особенно близким является инвентарь из погребений, раскопанных Б. Н. Граковым в 1927 г. в окрестностях поселка Нежинского б. Оренбургского у. Правда, в погребениях этого района керамика, напр., имеет особые, уже местные, несколько отличные от поволжских, варианты, но в основном она дает те же типы, что и поволжские курганы. Указанный тип погребений Б. Н. Граков определяет временем с IV по I в до н. э. Эти хронологические даты соответствуют выше разобранным погребениям. Причем материал поволжских погребений позволяет отнести эту группу памятников к позднеэллинистическому времени — II—I вв. до н. э.

Следующая группа погребений раннего и позднеримского времени выявлена значительно полней. Раскопками 1927 г. было вскрыто 40 погребений (включая 3 погребения с сожжением),[3] инвентарь и ритуал которых представляет ярко выраженный комплекс сарматских погребений, датируемых I—IV вв. н. э. Для поволжских погребений этой группы характерным является невысокий курган, содержащий одну основную или несколько впускных могил. Встречаются эти погребения и в курганах, где основная могила содержит погребение бронзовой эпохи. Поздние погребения в подбойных могилах всегда являются одиночными, имея каждое свою насыпь.

Для раннеримского времени преобладающим типом погребального сооружения являются широкие прямоугольные или удлиненно-прямоугольные ямы, сверху перекрытые тонкими бревешками и мелким хворостом. Инвен-

[1] М. И. Ростовцев. Курганные находки Оренбургской области. МАР, № 34, 1919.

[2] Б. Н. Граков. Курганы в окрестностях поселка Нежинского, Оренбургского уезда по раскопкам 1927 г. ТСАРАНИОН, т. IV, 1928, стр. 145 сл.

[3] П. Рау. Курганы с кострищами и кострища в курганах Нижнего Поволжья. ТСАРАНИОН, т. IV, 1928, стр. 431 сл.

тарь и некоторые ритуальные особенности этих погребений имеют сходные черты с предшествующей (эллинистической) группой погребений. Во многих из них также встречаются куски мела, зола, кости животных (овцы). Покойники в большинстве случаев ориентированы головою на Ю, реже на ЮЗ или ЮВ.

Отметить эту связь погребений эллинистического времени с погребениями римского времени важно в смысле установления отдельных этапов развития сарматской культуры. Следует также упомянуть, что, на основании изучения палеоантропологического материала сарматских погребений Поволжья (куда входят и публикуемые ниже материалы), Г. Ф. Дебец сделал очень интересные выводы, отметив, что более поздние погребения римского времени связаны с эллинистическими рядом переходов; это позволяет считать, что здесь мы имеем дело с различными этапами развития одной «сарматской» культуры. «По хронологическим этапам (эллинистическое — римское время) антропологических различий не обнаружено».[1]

Наиболее типичными предметами в сарматских мужских могилах раннеримского времени являются короткие железные мечи или кинжалы с прямым перекрестием и кольцевидным навершием (рис. 24, кург. Е 25, погр. № 19), железные черешковые треугольные наконечники стрел (кург. Е 25, погр. № 19, кург. Е 26, погр. № 6) и др. Указанные мечи в курганах Нижнего Поволжья в раннеримское время являются обычной находкой в мужских погребениях. Эта форма меча сменяет более раннюю, известную в эллинистическое время. Железные наконечники стрел изучаемых погребений хотя и встречаются в более раннее время, все же наиболее характерны для погребений, относимых к I—III вв. н. э.

Среди вещей погребального инвентаря женских могил встречается разнообразный набор украшений и туалета: бусы из пасты, янтаря, сердолика, бронзовые фибулы, бронзовые зеркала в обломках или в целом виде. Обычай класть зеркала в обломках — факт, хорошо известный среди погребений скифо-сарматских: он не может поэтому считаться отличительной чертой, присущей только погребениям римского времени.

Из предметов могильного инвентаря раскопок 1927 г. особо следует отметить китайское зеркало, найденное в погребении № 19 кургана Е 25 близ с. Старая Полтавка (рис. 26). Зеркало — очень хорошей сохранности; оно сделано из белого металла (белая бронза).[2] Одна сторона зеркала плоская, обратная — орнаментирована; в середине — выпуклый бугорок с отверстием-дырочкой, вокруг выступа нанесены знаки — китайский текст, край имеет выпуклый ободок; диаметр диска 6.6 см. Аналогичные зеркала из сарматских погребений не только Нижнего Поволжья, но и ближайших районов мне не известны. В качестве полной аналогии можно указать на зеркало из южнокорейских находок, опубликованное проф. Умехара и перепечатанное Jenny.[3] По своей форме и технике зеркала являются настолько близкими, что кажутся вылитыми из одной и той же формы. В обоих случаях имеется поднятый по краю ободок, выпуклое ушко в середине; расположение знаков и рельефного орнамента совершенно одинаково. Во всяком случае данные зеркала указывают на единый центр их изготовления и на культурные связи сарматского населения Поволжья с далеким Востоком.

Из других предметов особого внимания заслуживает костяное навершие от гребня в виде изображения двойных коньков, головы которых обращены в противоположные стороны (рис. 16; погр. № 8 из кургана D 4.[4] Такого же

[1] Г. Ф. Дебец. Материалы к палеоантропологии СССР (Нижнее Поволжье). Антропол. журн., № 1, 1936, стр. 70.

[2] Анализ металла не производился.

[3] Wilhelm A. Jenny. Verzierte Bronzespiegel aus nordkaukasischen Gräbern. Praehistorische Zeitschrift, 1928, т. XIX, ч. 3—4, стр. 354, рис. 4[3].

[4] Гребень и некоторые другие предметы из раскопок 1927 г. опубликованы Эбертом (Reallexikon der Vorgeschichte, т. XIII, Берлин, 1928, табл. 40 в и 40с).

типа костяные навершия (4 экз.) найдены Рау в сарматских погребениях раскопок 1928 г. (материал не опубликован). Данные предметы интересны по характеру стилизации конских голов, имеющей определенное смысловое содержание и позволяющей говорить о культовом характере изображений коня у сарматских племен Поволжья.

Как известно, воспроизведение конских голов на самых разнообразных предметах было широко распространено в разное время у народов Поволжья, Прикамья и др. Среди археологических и этнографических памятников можно найти огромное количество материала по затронутому вопросу. Так, напр., в Прикамье изображения двойных коньков с головами, обращенными в противоположные стороны, получают особенно широкое распространение в так наз. ананьинскую эпоху в начале II тысячелетия н. э. и позже.[1]

Воспроизведение конских голов на гребнях и других предметах быта хорошо известно среди памятников более позднего времени, в частности у поволжской мордвы. В мордовских могильниках XVII—XVIII вв. известны костяные или медные (желтая бронза) гребни с изображением конских голов, обращенных также в противоположные стороны.[2] Этот же мотив распространен среди древнерусского и мордовского орнамента на вышивке, деревянной резьбе и других предметах. Интересно отметить, что все эти многочисленные изображения в виде коньков на резьбе и вышивках носили культово-магический характер.

Приводя указанные выше аналогии, археологические и этнографические, я тем самым хотел не только отметить бытование у сарматских племен Поволжья культовых изображений коня, но и поставить вопрос о возможности установления их генетической связи. В этом плане В. А. Городцов, в одной из интереснейших своих работ «Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве» [3] делая обзор сарматского иконографического материала, весьма обстоятельно выяснил смысловое значение указанных сюжетов на отдельных памятниках. Во всяком случае, начальный смысл воспроизведения конских голов заключался не в декоративном значении их, а был тесно связан с культом производственного животного — культом коня.

К числу наиболее полно представленных предметов, входящих в состав могильного инвентаря погребений римского времени, принадлежит глиняная посуда. Добытая раскопками 1927 г. посуда отличается многообразием форм. Наряду с грубыми плоскодонными горшками (кург. Е 14, погр. № 7, кург. Е 20, погр. № 2) типа горшков из погребений эллинистического времени, найдена посуда высокого качества, изготовленная при помощи гончарного круга, часто лощеная (кург. Е 20, погр. № 3 и др.).

Характерными для данной группы погребений являются также небольшие толстостенные сосудики-плошки из алебастра, служившие, вероятно, для растирания в них красок-румян (кург. D 4, погр. №№ 6 и 8). При одном погребении (кург. Е 25, погр. № 19) найден алебастровый сосудик в форме фляги. Керамика этой группы имеет ряд аналогий среди посуды погребений римского времени, раскопанных в разных районах Нижнего Поволжья.

Помимо указанных предметов, во многих могилах найдены глиняные пряслица, железные ножи, железные и бронзовые пряжки от одежды и конской сбруи и др. Все эти бытовые предметы получили широкое распро-

[1] МАР, № 26, табл. XI, рис. 3 и др.

[2] Медные гребни с изображением конских голов, обращенных в противоположные стороны, известны в мордовских могильниках XVII—XVIII вв., раскопанных А. А. Кротковым и А. А. Гераклитовым у с. Гузынцы, Мордовской АССР. Аналогичные гребни имеются среди мордовских коллекций в экспозиции Саратовского областного музея.

[3] Труды ГИМ, вып. I, 1926.

странение и имеют ряд аналогий среди погребений этого же времени Прикубанья и Приуралья.

Наконец, последняя группа погребений, определяемая как позднесарматская (III и нач. IV в. н. э.) представлена небольшим количеством могил. Наиболее определенно к этой группе можно отнести погребения из курганов Е 8, Е 21, Е 24. Характерным признаком их является устройство могил. Как правило, погребения устроены в узких подбойных могилах, костяки ориентированы головой к С, реже к Ю. Весьма показательная бытовая черта для погребений этого типа — обычай деформирования черепа. Состав погребального инвентаря как в мужских, так и в женских могилах характеризуется типичным набором вещей. Правда, в указанных выше курганах обнаружены женские костяки, поэтому погребальный инвентарь представлен комплексом вещей, характерных для женских погребений.[1] Среди вещей погребального инвентаря наиболее характерными предметами являются: фибулы, маленькие бронзовые зеркала с ушком, разнообразный набор бус и др. Одним из типичных предметов могильного инвентаря являются небольшие глиняные ритуальные сосудики-курильницы, обычно кубической формы (рис. 2, кург. Е 8). Аналогичные глиняные сосудики, часто с отверстием-дырочкой с одной или двух сторон, составляют особенность позднесарматских погребений. Во всяком случае, главные признаки, характеризующие устройство могильных сооружений, ритуал погребений и могильный инвентарь отчетливо выявляют своеобразие бытовых черт позднесарматских погребений.

Заканчивая краткий обзор раскопок 1927 г., следует отметить, что одним из важных моментов для изучения погребений является Краснопольский курган-могильник Е 14, отражающий в своих погребениях процесс постепенного захоронения и тем самым переход от позднеэллинистической и раннеримской стадии сарматской культуры.

Публикуемый материал является полноценным источником изучения сарматской культуры Нижнего Поволжья. Только в результате большого накопления археологических источников из отдельных районов можно рассчитывать на удовлетворительное выяснение основных вопросов совершенно неизученной истории сарматских племен и их роли в процессе исторического развития степной полосы восточной Европы в последние века до нашей эры и первые века нашей эры.

Приложение

ДНЕВНИК АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАСКОПОК, ПРОИЗВЕДЕННЫХ В НИЖНЕМ ПОВОЛЖЬЕ ЛЕТОМ 1927 г.[2]

Село Каменка на р. Иловле. Группа курганов у северной окраины села. *Курган Е 8*. Насыпь: суглинок с галькой. Диаметр кургана 11 м, высота 0.30 м. Вокруг насыпи заметны следы кольцевидного углубления. Исследован раскопом 4 × 4 м в центре. В северо-западном, северо-восточном и юго-восточном углах траншеи кучи грунтового выкида — песок с крупной галькой. Под западной половиной насыпи узкая грунтовая яма, вытянутая с ССВ на ЮЮЗ. Длина могилы 1.87 м, ширина 0.90 м, глубина 1.75 м. В насыпи и за северным краем ямы, на горизонте, остатки продольных березовых брусков от перекрытия. В засыпи же найдено несколько осколков жженой трубчатой кости небольших размеров. По мере углубления яма расширяется по продольному разрезу. Длина ее по дну 2.20 м, ширина по дну 0.64 м. На дне

[1] Необходимо отметить несоответствие в сделанных Рау определениях половой принадлежности некоторых костяков. Например, костяк из кургана Е 24, по определению Рау, принадлежал мужчине, а по определению Г. Ф. Дебец — женщине. Уточняется также определение половой принадлежности костяка из кургана Е 30. См.: Г. Ф. Дебец. Материалы по палеоантропологии СССР. Антропол. журн., № 1, 1936, стр. 74.

[2] Дневник печатается без особых изменений; в текст дополнительно введено лишь краткое описание предметов и приведен размер их.

ямы, выстланной берестой, следы совершенно истлевшего костяка, лежавшего вытянуто на спине головой к С. В области шеи и верхней части туловища найдены беспорядочно рассеянные бусы из разноцветного стекла и янтаря. Среди стеклянных преобладали мелкие шаровидные зеленого, голубого, синего, белого, желтого и кирпично-красного цвета (рис. 1, 6). Зеленых собрано 81, синих 85, белых 107, желтых 38, красных 75, голубых очень много, но плохой сохранности (из земли удалось извлечь всего 5 штук). Крупных шаровидных синего цвета (рис. 1, 5) собрано 2, плоских из желтого стекла (рис. 1, 4) —2, кольцевидных в нераздельных столбиках из светлокоричневого стекла (рис. 1, 3) — 2), крупных янтарных плоских (рис. 1,1) — 6. Кроме того, найдена бусинка из алебастра веретенообразной формы с шаровидно-утолщенными концами. В середине груди на низке янтарных бус лежала бронзовая фибула с перевязанной дужкой (рис. 1, 8). Рядом с янтарными бусами проходила низка из одних голубых бус.

Выше кисти левой руки собраны беспорядочно лежавшие бусы из гешира. Всего собрано 74 штуки в форме цилиндрических плоских кружков и сплющенных шариков (рис. 1, 7). У восточной стенки ямы взяты на уровне бедер бронзовые спиральки,

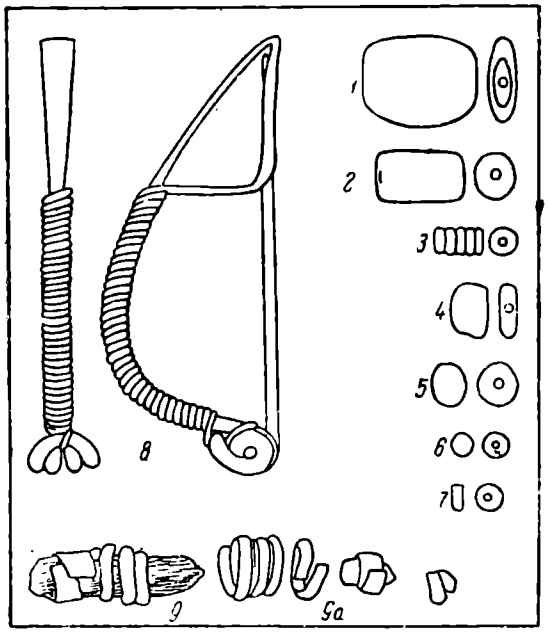

Рис. 1. Предметы из погребения в кургана Е 8 близ с. Каменка на р. Иловле.

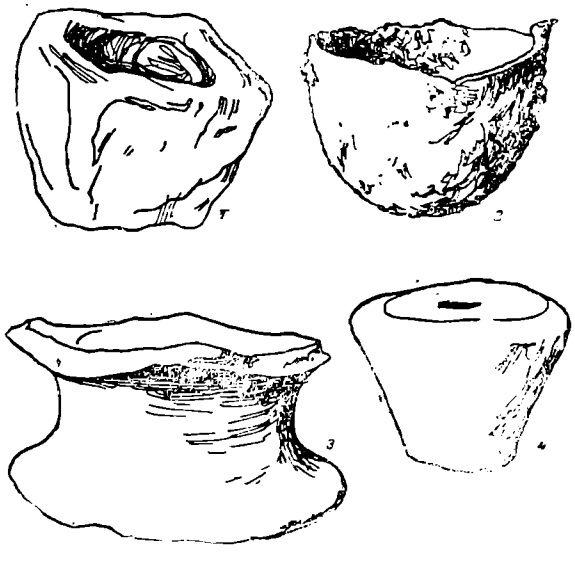

Рис. 2. Предметы из погребения в кургане Е 8 близ с. Каменка на р. Иловле.

надетые на сложенный и сшитый трубочкой ремешок (рис. 1, 9). Около спиралек сохранились незначительные обрывки шерстяной ткани, сотканной из толстых ниток. В ногах скелета, в юго-восточном углу могилы, лежал на боку маленький глиняный горшок яйцевидной формы, сделанный от руки, высотой 10 см, диаметром по горлу 7 см; рядом с ним стоял перевернутый поддон какого-то обломанного глиняного сосуда станковой работы, превращенный в терку для измельчения мела, краски — высота предмета 4 см, диаметр по верхнему краю 8 см (рис. 2, 3). Здесь же лежал кусок мела цилиндрической формы, рядом грубо изготовленная глиняная четырехугольная баночка с плоским дном (рис. 2, 1), глиняное пряслице (рис. 2, 4), истлевшая раковина, два куска мела и опрокинутый железный ковшик полусферической формы (рис. 2, 2) с обломанной ручкой. Высота ковшика 2.5 см, диаметр по верхнему краю 4.5 см.

Курган Е 9. Расположен рядом с курганом Е 8, к З. Насыпь: суглинок с галькой. Диаметр 10 м, высота 0.30 м. Исследован траншеей 4 × 4 м.

Могила обнаружена в западной половине траншеи. Прямоугольная яма 2 м длины, 1.60 м ширины и 1.54 м глубины, расположенная по длине с С на Ю. В засыпи на разной глубине остатки пяти березовых плах, положенных вдоль и составлявших часть накатника. На дне слой гальки 25—30 см толщины с незначительной примесью земли. Дно в глинистой прослойке, тщательно выглаженное, с лоснящимися следами волокнистой подстилки (камыш?). На дне вытянутый из угла в угол лежал женский костяк головой к ЮЗ, правая рука вытянута вдоль туловища, левая слегка откинута в сторону (рис. 3). У подбородка низка агатовых бус. На груди у подбородка две бронзовые арбалетовые фибулы (рис. 4, 1, 2). На груди же, у левого плеча, совершенно

распавшееся бронзовое зеркальце с боковым ушком (диам. 5 см, слегка выпуклый ободок). Вдоль левой берцовой кости лежала низка голубых стеклянных бус, рассыпавшихся в пыль от одного прикосновения. В северо-западной части могильной ямы, на уровне бедра лежало коническое глиняное пряслице, истлевшая раковина и порошок бледнорозовой краски в незначительном количестве. Костяк плохой сохранности; череп раздавлен. Возраст 30—40 лет. Рост 1.74 м.

Село Краснополье (на Волге, левый берег). Группа курганов на выгоне к В и СВ от села (около 50 редко расположенных насыпей). На поверхности некоторых насыпей более выпуклой формы замечены комки жженой почвы. Один из таких курганов и был раскопан.

Курган Е 14 расположен в южном конце группы, в 2 км от северо-восточного края села. Диаметр насыпи 20 м, высота центральной части 0.80 м. Почва — серый гумус. Кругом основания — следы затекшего рва 6—7 м ширины. Часть северной полы срезана дорогой. Раскопка начата центральной траншеей 8 × 4 м, проложенной через центр с В на З, и рядом параллельных траншей и раскопов, заложенных один за другим.

Десятидневными раскопками в кургане Е 14 обнаружено 20 могил, из которых 18 имели вид более или менее глубоких грунтовых ям и только 2 не доходили до древнего уровня почвы. Расположение их показано на чертеже (рис. 5).

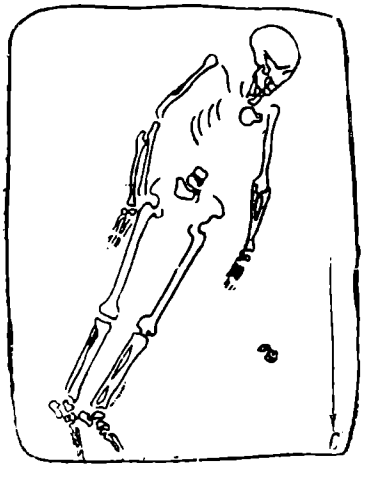

Рис. 3. Погребение в кургане Е 9 близ с. Каменка на р. Иловле.

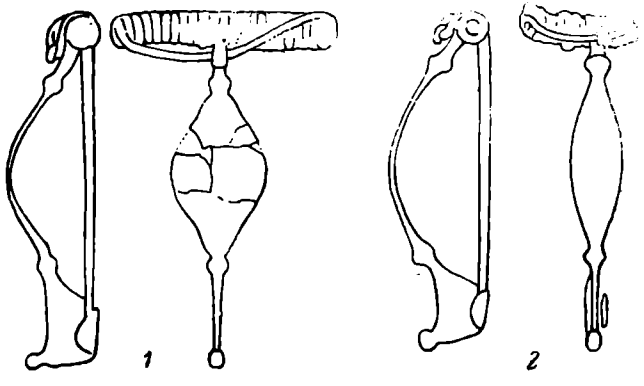

Рис. 4. Две бронзовые арбалетовые фибулы из погребения Е 9 близ с. Каменка на р. Иловле.

В процессе раскопок сделаны следующие наблюдения относительно устройства и возникновения насыпи. Курган состоит: 1) из насыпи бронзовой эпохи, максимальные размеры которой определяются наличием кольцевидного рва диаметром 9.50 м. Ров этот резко обрисовывается на фоне светлой глинистой подпочвы в виде темного пятна мешаной земли. Ширина его 1—1.25 м, глубина от 0.25 до 0.60 м. По мере углубления он суживается ступеньками. 2) Из повторных надсыпок, число которых определить не удалось. Максимальные размеры второй насыпи определяются внутренним диаметром наружного рва, заплывшего почвой от размытой насыпи. Диаметр этот равняется 15—16 м.

В верхнем слое средней части насыпи (до глубины 0.20 м) к почве примешана докрасна пережженная земля в виде мелких крупинок и редко рассеянных крупных комков. В центре насыпи пятно сыпучей мешаной земли с пережженными комками идет до уровня почвы и до дна грунтовых ям №№ 3 и 4. Пятно это кругловатой формы; диаметр у поверхности 2.50 м и на уровне почвы 1.50 м. В жженой почве попадались обломки дубовых плах и мелкие обломки человеческих костей.

Погребение № 3, под центром.[1] Удлиненная яма 1.90 м длины, 0.65 м ширины и 0.40 м глубины, расположенная с С на Ю. На дне обломки обугленных березовых брусков, угольки и комки прокаленной земли.

Погребение № 4, под центром. Удлиненная грунтовая яма 2.25 м длины, 0.90 м ширины и 0.30 м глубины, ориентированная по длине с СЗ на ЮВ. В нижних слоях засыпки обломки старческого мужского черепа, нижней челюсти, ребер и рук. В южном углу на дне передняя нога овцы с лопаткой.

---

[1] Могилы №№ 1, 2 данного кургана заключали погребения бронзовой эпохи и опубликованы П. Д. Рау [P. Rau. Hockergräber der Wolgasteppe. Pokrowsk, 1928.

Погребение № 5, к В от центра. Удлиненная прямоугольная яма 1.70 м длины, 0.85 м ширины, 1.80 м глубины, расположенная по длине с В на З. Западный конец срезан в северной части ямой № 4. Засыпь — чистая, сухая грунтовая глина. На глубине 0.50 м в юго-западном углу — череп овцы, мордой к В. На глубине 0.80 м слой сероватого тлена от камыша, положенного стеблями вдоль. На дне, в особом углублении, устроенном в виде продольного желобка, лежал липовый ствол с сучьями, имевший в диаметре 0.35 м. Лучше всего сохранилось лыко, от сердцевины сохранились лишь трухлявые кусочки. По сторонам, по дну и в засыпи торчали остатки истлевших веток. Ни костей, ни вещей в этой яме не найдено.

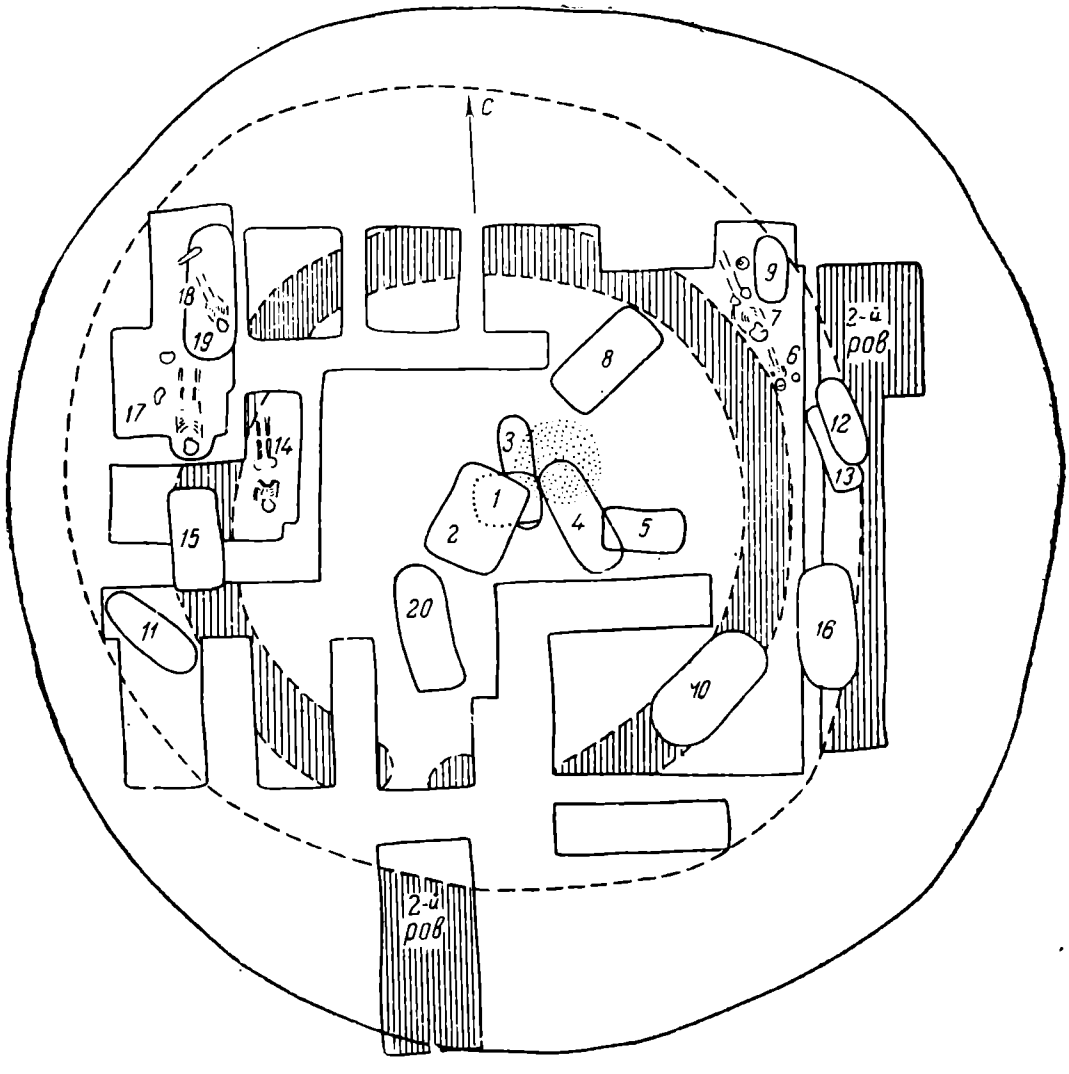

Рис. 5. План расположения погребений в кургане Е 14 близ с. Краснополье.

Погребение № 6, в восточной поле насыпи. Скелет ребенка в насыпи кургана на глубине 0.55 м. Положение вытянутое на спине. У правой руки грубый горшок с сильно выраженными плечиками и коротким горлом, сделанный без гончарного круга, высота горшка 16 см, диаметр по верхнему краю 10.7 см, дно 6 см. Около ребрышек собрано несколько бусинок; 2 из бесцветного стекла, 5 из голубой пасты, 1 из гешира. У левого бока и у ног обломки железного предмета — меча или кинжала.

Погребение № 7, там же к С от 6-го. Яма с неопределенными очертаниями, врезанная на 0.25 м в грунт. На дне скелет мужчины, вытянутый на спине, головой на ЮВ. Рост 1.55 м. У голеней справа раздавленный шаровидный сосуд с узкой шейкой и отогнутым венчиком, по плечикам орнамент из параллельных линий, опускающихся вниз; высота 21 см.

Погребение № 8, к СВ от центра. Могила камерная. Удлиненная четырехугольная входная яма 2.25 м длины, 1.03 м ширины, ориентированная по длине с СВ на ЮЗ. Верхний почвенный слой кругом ямы разрушен до глубины 0.30 м.

В том же горизонте в засыпи ямы лежали остатки человеческого костяка; подвздошная, позвонки, крестцы, а также несколько позвонков крупного животного. Засыпь — грунтовая глина. В подбой затекла черная крупнокомковатая почва из насыпи, вместе с костями лошади: подвздошной, крестцом и позвонками. Камера устроена в подбое длинной юго-восточной стенки; в плане она представляет удлиненный прямоугольник, параллельный входной яме (рис. 6).

На глубине 1.75 м дно входной ямы образует ступеньку шириной 0.25 м, от которой начинается пологий спуск на дно камеры, лежащей на глубине 2.25 м от поверхности почвы. Длина катакомбы равняется длине входной ямы, глубина ее 0.87 м, высота около 1 м.

Устье катакомбы было закрыто заслоном из наклонно поставленных дубовых березовых и ивовых бревешков. Бревешков насчитано 12 штук; все они провалились в катакомбу. В ней среди незначительных остатков липового гроба — женский костяк, вытянутый на спине, головой к ЮЗ. Гроб имел форму прямоугольного ящика, боковые стенки которого состояли из дощечек, поставленных на ребра, а дно и крышка из продольных досок. Толщина остатков дощечек 12 мм. Длина гроба 1.88 м, ширина 0.65 м, высота 0.33 м. У правой руки и левого плеча дощечки дна местами обуглены. Скелет принадлежит молодой женщине.

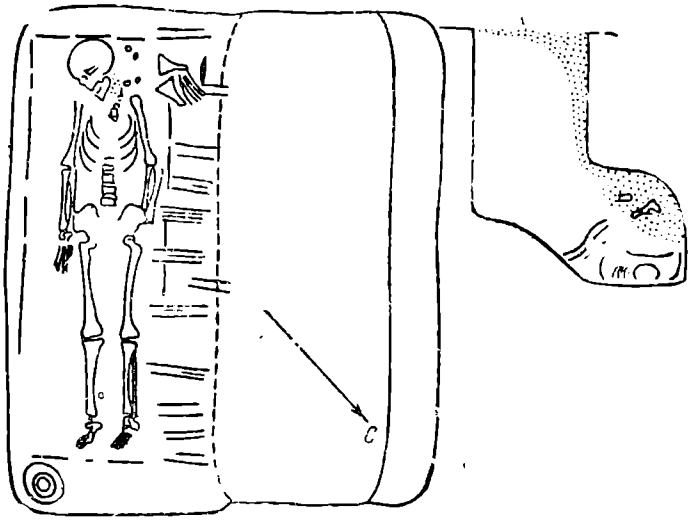

Рис. 6. Погребение № 8 в кургане Е 14.

Около шейных позвонков найдены бусы: 58 стеклянных позолоченных в виде цилиндриков, 70 штук шаровидных и кольцевидных стеклянных позолоченных, 3 из бесцветного стекла. У левого плеча гнилой обломок дерева, кусок мела, кусок реальгара, обломок бронзового зеркала с возвышающимся ободком по краю (диаметр, судя по обломку, до 17—19 см). Рядом лежал маленький камешек, обточенный в форме зуба и просверленный. Здесь же кругловатый бронзовый плоский предмет в виде неправильного кружка. Влево от плеча ребра овцы и железный ножик (10 см в длину, лезвие сильно сточено). Кости овцы лежали также на ступени у восточного конца входной ямы. На ступнях ног бусы. На самой ступне и на пальцах бисер в форме горошин, позолоченный. Около голеней на каждой берцовой по одной крупной бусе с инкрустацией зеленоватой глазурью. В ногах в углу катакомбы глиняный шаровидный сосудик (в обломках) с узким горлом, высота до 18 см. Рядом с сосудиком железный предмет в виде шильца. В стенке северо-восточной части подбоя обнаружено в сурчине бедро ребенка.

Погребение № 9, под северо-восточной полой. Подбойная могила с продолговатой входной ямой 1.40 м длины, 0.65 м ширины и 1.57 м глубины, ориентированной по длине с С на Ю. У восточной стенки входной ямы оставлена ступенька 0.30 м ширины и 0.25 м высоты. Подбой в западной стенке несколько короче входной ямы, глубина 0.65 м, высота, приблизительно, 0.40 м. На дне подбоя вытянутый на В скелет ребенка. Рост — 1.02 м. На костях и под костями остатки сгнивших дощечек толщиной до 3 мм. У левой руки лопатки овцы. Рядом с левой голенью упавший на бок округлый сосудик из красноватой глины, высота его 13 см, диаметр по верху 8.5 см, по дну 4 см. В устье подбоя найдены два ребрышка овцы.

Погребение № 10 под юго-восточной полой насыпи. Подбойно-камерная могила (рис. 7). Входная яма, имевшая форму прямоугольника с закругленными углами 2.42 м длины, 1.10 м ширины и ориентированная по длине с ЮЗ на СВ, врезалась в кольцевидный ров первой насыпи, выделяясь на фоне темного рва светло-

пятнистым обрезом засыпи, замеченным уже в нижних слоях насыпи. Камера устроена под северо-западной длинной стенкой параллельно входной яме. В юго-восточной половине входной ямы на глубине 1.85 м оставлена ступенька 0.60 м ширины. Дно ямы на глубине 2.40 м. Камера углублена на 10 см. Форма ее в плане прямоугольная. Длина ее 2.40 м, высота 0.90—1 м, глубина 0.73 м. Устье катакомбы было закрыто плетением из крупных веток диаметром до 8 см.

В катакомбе мужской костяк в деревянном гробу в виде прямоугольного ящика. Длина его 2 м, ширина 0.60 м, высота 0.67 м. Боковые стенки как длинные, так и концевые, состояли из дубовых дощечек неодинаковой ширины, поставленных вертикально на концы. Крышка состояла из продольных досок. Толщина сохранившихся частей 8 мм. Скреплений не замечено. Дощечки остались, образовав промежутки в 2—4 см. От дна гроба замечены поперечные дубовые дощечки, лежавшие концами на продольной раме. На крышке в области таза — железные трехперые черешковые стрелы плохой сохранности, остриями к ногам. На стенках камеры следы плоского орудия, 5 см ширины. Скелет лежал вытянуто на спине, головой к З. Нижняя челюсть упала на грудь. В тех местах, где среди комков глины имелись полые про-

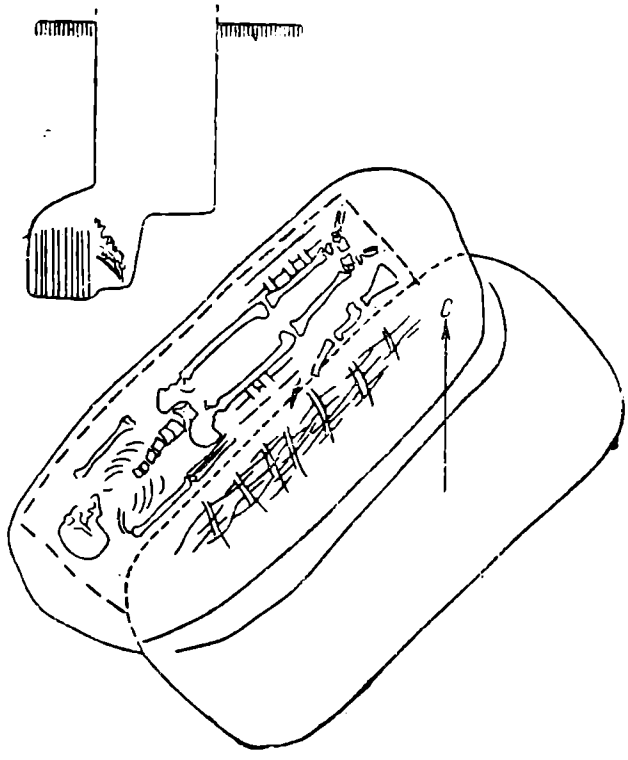

Рис. 7. Погребение № 10 в кургане Е 14.

странства, кости совершенно истлели, превратившись в белый порошок; части, покрытые глиной, наоборот, хорошей сохранности. То же самое замечено и в других катакомбах этого кургана. Рост костяка 1.72 м, возраст 25—30 лет. Недостает костей левой руки ниже локтя. Лучевая кость лежала на ступеньке, в западном конце входной ямы. У правой ноги лежали кости передней ноги овцы и окислившийся железный нож, длина клинка 8 см, ширина лезвия 2 см.

Погребение № 11 под западной полой насыпи. Узкая продолговатая яма с закругленными концами 1.18 м длины, 0.75 м ширины и 1.95 м глубины, ориентированная по длине с СЗ на ЮВ. Засыпь — глина с черноземом. По мере углубления в грунт яма суживалась. Ширина по дну 0.45—0.60 м. В засыпи обнаружены остатки опустившегося сверху перекрытия: поперечные дубовые дощечки, лежавшие на продольных дубовых брусках диам. 10 см; части этого покрытия опустились вглубь до самого костяка. На дне ямы скелет женщины на спине, головой на ЮВ. Обе руки на бедрах. Рост 1.55 м. Кости плохой сохранности. Под костями и по обе стороны костяка следы дерева от гробовища. На ногах толстый слой золы. У правого плеча грубый глиняный сосуд яйцевидной формы с коротким горлом, по плечикам проходит орнамент в виде треугольников; высота сосудика 20 см, диаметр по горлу 11 см, диаметр дна 9.5 см. В ногах глиняное пряслице в обломках. Там же кусок мела и маленькая деревянная пластинка с бронзовой заклепкой. Рядом с правой ногой женского костяка в таком же положении, уходя наполовину в маленький подбой, лежал костяк ребенка $1^1/_2$—2 лет, плохой сохранности.

Погребение № 12, под восточной полой. Удлиненная яма с закругленными концами, ориентированная с С на Ю. Длина 1.78 м, ширина 0.75 м, глубина (над уровнем почвы) 0.82 м. Яма восточным своим краем врезалась во второй ров, проходящий кольцом под периферией кургана. В насыпи эта яма обозначалась в виде столба пятнистой почвы, по сторонам которого шел горизонтальными прослойками выкид на глубине 0.55 м под поверхностью насыпи (15—20 см выше поверхности почвы). Западный край врезался в более древнюю и более глубокую могилу — 13-ю. В уровне дна лежал опустившийся в засыпь древней могилы костяк подростка 10—12 лет, положенный вытянуто на спине, головой к Ю. Кости туловища потревожены сурками. У левой берцовой кости лежал раздавленный черный сосудик яйцевидной формы с отогнутым венчиком, высота его 14 см, диаметр по верху 11.5 см. На голенях зола, кости плохой сохранности. Под костяком продольные дубовые дощечки.

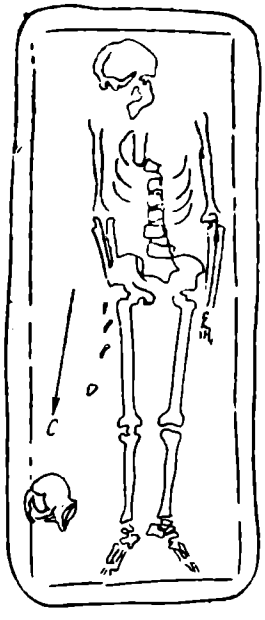

Рис. 8. Погребение № 13 в кургане Е 14.

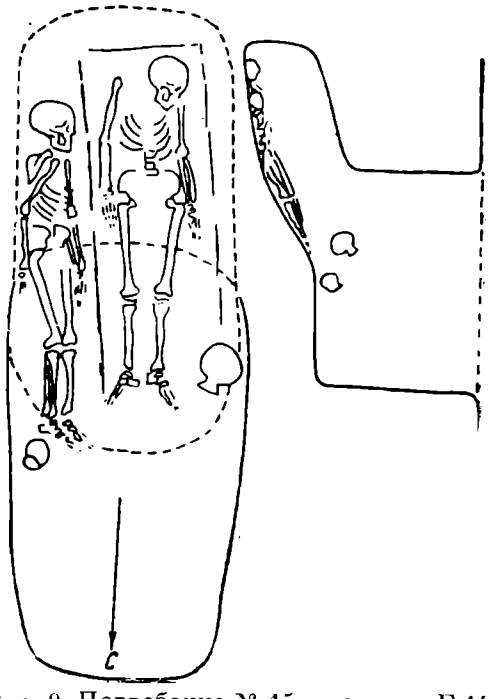

Рис. 9. Погребение № 15 в кургане Е 14.

Погребение № 13, под могилой 12-й. Удлиненная грунтовая яма в форме правильного прямоугольника 1.75 м длины, 0.70 м ширины и 1.10 м глубины, ориентированная с С на Ю (рис. 8). Засыпь — пятнистая глина с черноземом. На дне, в прямоугольном гробу, вытянутый человеческий костяк на спине, головой к Ю. Кости в сильнейшей степени истлели, череп раздавлен. Рост 1.50 м. Гроб имел форму прямоугольного ящика 1.74 м длины, 0.74 м ширины. Боковые и концевые стенки из липовых дощечек, поставленных на ребро. Дно из тонких дубовых дощечек. На костях толстый слой луба с большим количеством лыка, а поверх луба лежали продольные липовые ветки. У правого бедра скелета обломок бронзового зеркала, рядом с правой голенью раздавленный глиняный черный сосудик с высоким горлом сарматского типа, высота сосудика 9 см, диаметр по верху 5 см, дно 5 см. В ногах, в засыпи, на 15 см выше дна — орнаментированное глиняное пряслице.

Погребение № 14, под западной полой. Сильно истлевший человеческий костяк в насыпи на глубине 0.62 м, на спине, головой к Ю, руки на груди, левая нога слегка согнута в колене. Рост 1.45 м. Возраст юный. Череп раздавлен почвой. Вещей не оказалось.

Погребение № 15, под западной полой. Камерная могила с прямоугольной входной ямой 1.10 м длины, 1 м ширины и 1.50 м глубины, ориентированная по длине с С на Ю (рис. 9). В засыпи кожица от коры ивняка. Засыпь состоит из глины с гумусом. Катакомба вырыта в узкой южной стенке входной ямы в виде продолговатой прямоугольной ниши, длинная ось которой совпадает с осью входной ямы. Начиная от середины входной ямы, дно постепенно понижается в катакомбе, доходя до горизонта 2.25 м под уровнем древней почвы. Глубина катакомбы 1.30 м, высота 0.70 м, ширина равна ширине входной ямы. На дне камеры лежало рядом два костяка подростков, нижние конечности которых выходили во входную яму. Середину занимал

скелет мужчины, лежавший вытянуто на спине головой к Ю, левая щека на плече. Рост 1.40 м. На голенях зола. На уровне ступней, у западной стенки входной ямы, выше дна, в засыпи ямы, лежал шаровидный с высоким узким горлом сосуд. Горло от корпуса отделяется резким выступом, от которого по плечикам проходит орнамент из параллельных полос, опускающихся вниз. Высота 27 см, высота горла 11 см, диаметр по верхнему краю 10 см (рис. 10). Около костяка заметны остатки деревянного гроба из дощечек неопределенной древесной породы, имевшего форму прямоугольного ящика. Между гробом и восточной стенкой могилы лежал на боку, как бы вытянутый, скелет девочки лет 14. На обеих руках, выше запястья, бусы: шаровидные, цилиндрические и кольцевидные из позолоченного стекла, всего 47 штук, лежавшие редкой низкой вокруг костей рук. Рост 1.48 м. В ногах, выше дна, в засыпи, глиняный сосуд с коротким широким горлом, без орнамента, на стенках черный нагар, высота 12 см, диаметр по верхнему краю 10.5 см, по дну 6 см.

Погребение № 16, под восточной стеной. Удлиненная грунтовая яма с закругленными концами, 2.30 м длины, 1.10 м ширины и 3 м глубины, ориентированная с С на Ю. В верхних слоях засыпи обломки бараньих костей. На глубине

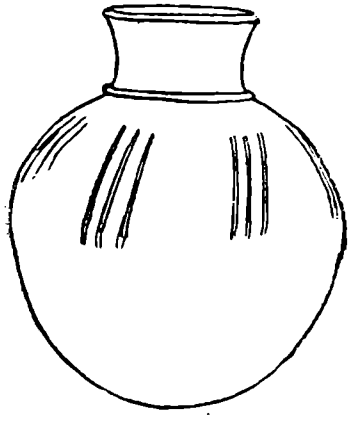

Рис. 10. Шаровидный сосуд из погребения № 15 в кургане Е 14.

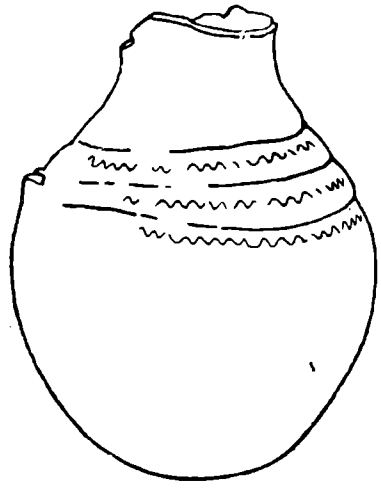

Рис. 11. Фрагментированный круглодонный горшок из погребения № 19 в кургане Е 14.

2.10 м и 2.20 м длинные стенки образуют ступени 0.15 м ширины. По мере углубления все стенки слегка суживаются. Длина ямы по дну 2.05 м, ширина 0.65 м. На ступеньках покоился накат, от которого сохранились остатки поперечных бревешков, диаметром около 10 см, и обрывки липовой коры и шелюги. На дне ямы скелет молодого мужчины, головой к Ю. На костях и под костями следы продольных дощечек (порода не установлена). В ногах, на крышке гроба, кости молодой овцы; две лопатки и кости ног. Влево от берцовых костей, вне гроба, бедро овцы. Под правым бедром покойника лежало проржавевшее железное острие со следами дерева на одном конце (шильце). На стенках следы орудия с закругленным режущим краем. Ширина 5 см.

Погребение № 17, под северо-западной полой. На глубине 0.30 м от древней поверхности обнаружен костяк мужчины на спине, головой к Ю. Часть костей от покойника (ступни ног и др.) найдены в засыпи могилы № 19. У левого колена раздавленный толстостенный горшок, сделанный без гончарного круга; по плечикам он орнаментирован двумя параллельными линиями, в середине которых расположены по три в ряд короткие линии, образующие треугольники. Других вещей не оказалось.

Погребение № 18, в засыпи могилы № 19. На глубине 0.25 м над уровнем древней почвы обнаружен костяк ребенка в вытянутом положении на спине, головой к ЮВ. Возраст около двух лет.

Погребение № 19, под северо-западной полой. Удлиненная грунтовая яма с закругленными концами 2.50 м длины, 0.95 м и 0.80 м (у северного конца) ширины и 1 м глубины (в могиле № 19 обнаружено два костяка один под другим). В засыпи этой ямы на глубине 0.50 см скелет мужчины, лежавший вытянуто на спине головой к Ю, слегка потревоженный и повернутый на левый бок. Над костяками остатки березовых бревешков и куски ивовых веток. В головах небольшой кувшин с обломанной ручкой и венчиком (рис. 11). По плечикам идет орнамент из трех горизонтальных зигзагообразных линий, разделенных прямыми; дно полуокруглое. Рядом с сосудом кости барана (плечо, лопатка). Левое бедро скелета имеет заживший излом.

Костяк № 2. В засыпи, 5 см выше дна ямы костяк женщины. Положение вытянутое, головой к Ю. Рост 1.48 м, возраст средний. Кости хорошей сохранности. Над костяком замечены куски сгнивших бревешков. В ногах небольшой круглодонный (в обломках) горшок, без орнамента (рис. 12), венчик отогнут наружу, высота 9 см, диаметр по верхнему краю 8 см. Рядом кусок мела и пряслице из красноватого камня. Рядом с левым коленным сочленением среди обрывков бересты со следами швов кучка камешков из известняка (32 шт.). Между коленями железное шильце в обломках. У левого плеча распавшийся железный ножик, у правого плеча — обломок бронзового зеркала, одна сторона плоская, с другой по краю выступает широкий ободок, размер зеркала до 17 см. Под зеркалом сохранилась часть липовой дощечки 4—5 мм толщины, лежавшей волокнами поперек могилы. Снизу к дощечке пристали остатки черного войлока из шерсти. В ногах найден черепок глиняной плошки. Все вещи вместе с костяком лежали выше дна ямы на 5 см.

Рис. 12. Фрагментированный круглодонный горшок из погребения № 19 в кургане Е 14.

Погребение № 20, под серединой насыпи. Подбойно-камерная могила со входной ямой в виде удлиненного прямоугольника с закругленными северными концами 2.45 м длины, 0.95 м ширины и 2.60 м глубины, ориентированной по длине с С на Ю с небольшим отклонением к СЗ — ЮВ. Засыпь — чистая грунтовая глина, сухая, сыпучая. Могила № 20 содержит два погребения (рис. 13).

Погребение № 1 А. Костяк мужчины в подбое западной стенки на глубине 1.57 м (под уровнем древней почвы). Вся засыпь над погребением была перемещена с лепестками коры и ветками шелюги, лежавшими вдоль. Особенно густо лежали эти остатки непосредственно над погребением. В юго-восточном углу, на глубине 1.20 м, глиняный круглодонный сосуд, орнаментированный по плечикам зигзагом, образующим треугольники; высота горшка 19 см, диаметр по горлу 9.5 см (рис. 14). Покойник лежал в деревянном гробу, имевшем форму прямоугольного ящика. Боковые стенки состояли из липовых дощечек 1 см толщины. Сверху гроб закрывался продольными дощечками 5—6 мм толщины. На дне гроба лежал скелет в вытянутом положении головой к Ю. Рост 1.55 м, возраст средний, сохранность костей плохая. Рядом с черепом, влево, лежал обломанный железный ножик; сохранившаяся часть его длиной 7 см, ширина лезвия 1.3 см. На левом бедре несколько ребер овцы, у левого колена железный ножик (длина 13 см) и лопатки овцы. Под гробом и на костях мел. Подбой, в который наполовину уходил гроб с костями, равнялся длине входной ямы; глубина его 0.25 м, высота незначительная.

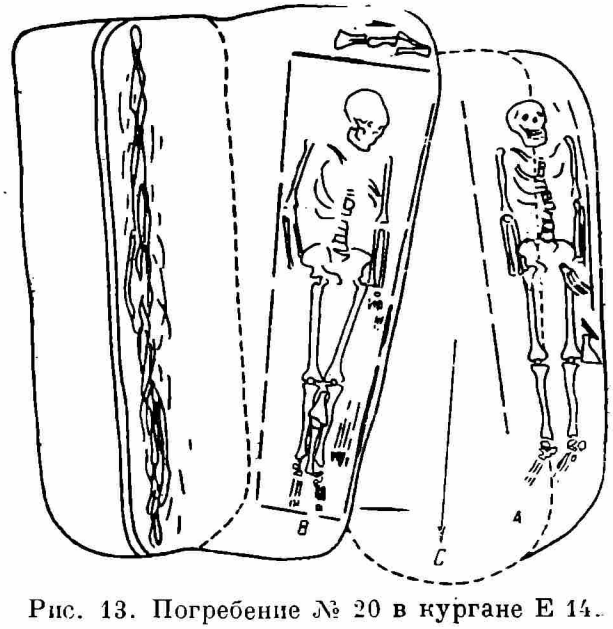

Рис. 13. Погребение № 20 в кургане Е 14.

Погребение № 2 В. Мужской костяк находился в камере, устроенной в западной стенке, под подбоем погребения № 1. Дно камеры на одном уровне с дном входной ямы. У восточной стенки ямы оставлена ступенька 0.38 м ширины, 0.68 м высоты. Длина камеры равна длине входной ямы. Глубина ее у южного конца 1.05 м, у северного 0.55 м. Свод полуцилиндрический, высота около 1 м. Устье, имевшее форму прямоугольника, закрывалось плетением из шелюги, остатки которой лежали в засыпи в большом количестве. На своде и стенках камеры можно было хорошо видеть следы инструмента, которым была выдолблена гробница: полосы от инструмента имели 50, 47 и 14 мм ширины; углы режущего края инструмента были закруглены. Покойник лежал в липовом гробу, приставленном вплотную к длинной стенке камеры. Гроб в плане и разрезе имел форму прямоугольника, но в южном конце он был шире. Длина 2.10 м, ширина 0.70 и 0.45 м. Бока образованы из дощечек, поставленных на боковые ребра. Толщина головной концевой доски 1 см. На дне гроба на спине лежал

мужской костяк (1.70 м роста). Кости плохой сохранности. Возраст средний. В головах, вне гроба, — железный нож (длина лезвия 10 см) и кости овцы, передняя нога с лопаткой. Между ступнями ног кости молодой овцы — ноги, лопатки. Рядом со ступней левой ноги скипевшиеся наконечники нескольких железных черешковых стрелок.

Раскопки на р. Торгуне у хутора Шульц

Курган Е 15 находится в группе из трех насыпей, расположенной в нескольких сотнях метров к С от большого торгунского могильника. Форма насыпи — круглое плато. Диаметр 13 м, высота 0.40 м. Исследован траншеей 8 × 3 м, проложенной с В на З через центр насыпи. В насыпи обнаружено: в восточном конце траншеи на глубине 0.20 м небольшое зольное пятно, в западном конце на древнем уровне обломок камня с полированной поверхностью и обломок створки речной раковины; у южной стенки, под серединой насыпи, черепок от толстостенного сосуда бронзовой эпохи и обломок человеческой кости — плечо. Под центром насыпи находилась грунтовая яма 1.75 м длины, 0.80 м ширины и 1.58 м глубины. Яма ориентирована с СЗ на ЮВ; в верхней части она расширена, по всей вероятности, при расхищении. В плотной засыпке лежали в беспорядке кости человеческого костяка и куски дерева.

Рис. 14. Круглодонный сосуд из погребения № 20 кургана Е 14.

Курган Е 16. Курган расположен в большом могильнике. Диаметр 8 м, высота 0.30 м. Форма круглая. Могила обнаружена под западной половиной насыпи в виде слегка изогнутой ямы 2 м длины, 0.53 м ширины и 1.93 м глубины, ориентированной с С на Ю. Яма идет вглубь не вертикально, а с наклоном под западную стенку. Засыпь отличалась большой плотностью. В яме ничего не оказалось.

Курган D 4 — хутор Шульц.[1] Насыпь с диаметром в 15 м, копаная в 1926 г. центральным колодцем 5 × 5 м, доследованная в западной, южной и восточной полах траншеями 2 м ширины, проложенными параллельно стенкам старого раскопа на расстоянии 1 м от них. Все три траншеи доведены до грунта, причем в южной оказалось одно погребение и в западной — два.

Погребение № 6. Прямоугольная могила под западным концом южной траншеи 1.90 м длины, 0.76 м ширины и 0.40 м глубины, ориентированная с СЗ на ЮВ. Над северо-западным концом ямы, в уровне древней поверхности, лежали части детского костяка — ребра, позвонки и кости руки, затащенные, повидимому, сусликами из соседнего детского погребения № 7. В засыпи ямы кусочки дерева и потревоженные сусликами мелкие кости человеческого костяка и кусочки алебастровой плошки. На дне могилы вытянутый женский костяк, головой на ЮВ. Левая нога согнута в коленном сочленении. Головка левого бедра ненормально согнута и уплощена. Рост 1.54 см. Возраст преклонный. Кости средней сохранности. Около бедер замечены угольки. В головной части могильного дна лежали обломки алебастровой плошки, высота до 3 см, диаметр по верхнему краю 8.5 см.

Погребение № 7. Изрытая лисьей норой детская могила 1.32 м длины, 0.55 м ширины и 0.40 м глубины. Открыта под южным концом западной траншеи, ориентирована по длине с ССЗ на ЮЮВ. В засыпи несколько беспорядочно разбросанных детских костей.

Погребение № 8. Неправильной формы четырехугольная яма под восточной стеной западной траншеи, расположенная по длине с С на Ю. Длина 2.15 м, ширина у северного конца 1.40 м, у южного 1.70 м. Глубина от поверхности почвы 0.30 м (рис. 15). В засыпи лежали две берцовые кости человеческих ног и у западной стенки, в рыхлом состоянии, обломок тонкого бронзового зеркала. Одна сторона его плоская, на другой по краю проходит ободок, сбоку ручка; диаметр зеркала 7 см. На дне ямы, посыпанном порошком мела с крупными комками, лежал вытянутый костяк женщины преклонного возраста, головой к юго-западному углу. На костях

[1] Раскопки кургана D 4 являются дополнительными. Указанный курган был копан П. Д. Рау в 1926 г. Отчет о раскопках см.: P. Rau. Prähistorische Ausgrabungen auf der Steppenseite des deutschen Wolgagebiets im Jahre 1926, Pokrowsk, 1928.

остатки дощечек от гроба. У левого плеча яйцевидное алебастровое пряслице, несколько деформированное давлением почвы, плохой сохранности. На груди костяная фигурная пластинка — навершие от гребня длиной 14 см, высотой 2.8 см (рис. 16). У левого локтя кучка бус из желтого, синего, и витого из разноцветных прутиков стекла и из гешира. Там же, в засыпи, сильно окислившаяся бронзовая пластинка. На уровне левой руки след совершенно искрошившегося сероглиняного узкошейного округлого сосуда; рядом с ним массивная алебастровая чашечка, диаметром по верхнему краю 13 см, высотой 5 см (рис. 17). Между сосудами и северной стенкой, среди мелового порошка, стеклянные бусы в виде колечек — белые, желтые, синие, расположенные без всякого порядка. У левой руки продолговатая синяя буса с шишечками на ребрах. На правой руке агатовые мелкие бусы бочоночной формы. На голенях зеленоватые бусинки цилиндрической формы. Среди бус одна крупная шаровидная из зеленоватого стекла, 4 бочоночных из гешира и цилиндрические из желтой пасты, гешира и стекла разных оттенков. На гробовой крышке в области колен задняя нога овцы (бедро и берцовая) с подвздошной частью и кости птичьего крыла. Рядом с правой рукой раздавленный почвой рыхлый сосудик небольшого размера, железный ножик и кости овцы. В засыпи кое-где замечены угольки.

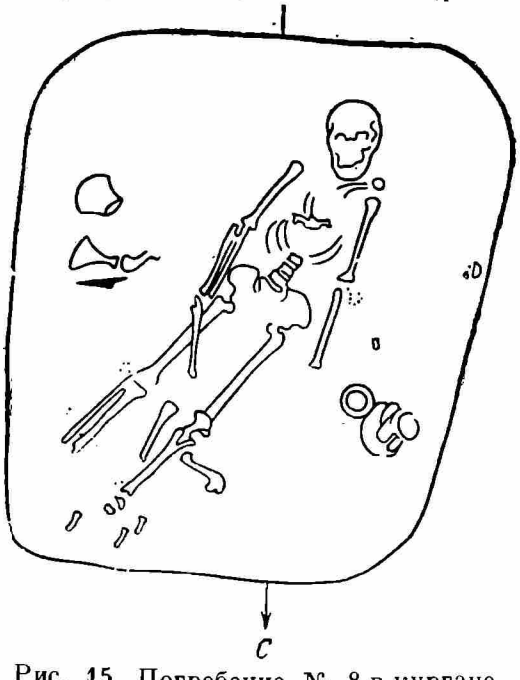

Рис. 15. Погребение № 8 в кургане D 4 на р. Торгуне у хут. Шульц.

С. Боаро. Курганный могильник на Калмыцкой горе.

Курган Е 20. Округлая насыпь с углублениями у основания. Диаметр 11 м, высота 0.60 м. Исследование ведено двумя траншеями: главной 8 × 4 м, проложенной через центр с З на В, и добавочной — 5.50 × 2 м, проложенной через южную полу, параллельно первой. Под главной траншеей обнаружено 7 погребений.[1]

Погребение № 1. Плохо сохранившиеся косточки детского скелета и обломки детского черепа в западном конце рископа — на горизонте и частью в засыпи ямы погребения № 2. Возраст ребенка 6—8 лет.

Погребение № 2. Скелет женщины в прямоугольной яме 1.70 м длины, 0.75 м ширины и 0.30 м глубины (под горизонтом почвы), ориентированной с ССЗ на ЮЮВ. Скелет — на спине, головой к ЮЮВ (рис. 18). Возраст средний, рост 1.38 м, кости плохой сохранности. У правого бедра двускатной формы глиняное пряслице, у левой голени круглодонный, шаровидный сосуд с отбитой шейкой и ручкой, сосуд

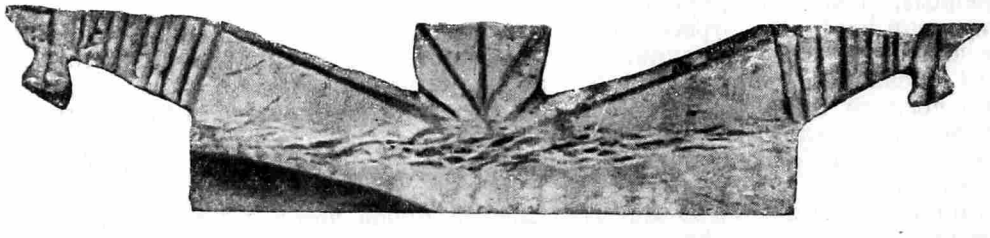

Рис. 16. Костяная фигурная пластинка-навершие от гребня из погребения № 8 в кургане D 4 на р. Торгуне у хут. Шульц. (3/4 н. в.).

орнаментирован желобчатыми линиями, нанесенными по плечикам сосуда (рис. 19). У левой руки передняя нога овцы с лопаткой. В засыпи замечены кусочки сгнившего дерева.

Погребение № 3. Скелет женщины в овально-вытянутой яме 2 м длины и 0.30 м глубины под центром насыпи. Костяк вытянут на спине, ориентирован головой к Ю. Возраст преклонный. Рост 1.48 м. Под костями обнаружена береста, волокнами поперек. В засыпи следы продольных дощечек от покрытия или от крышки истлевшего гроба. В области ног зола. Около левой берцовой кости найдены бусинки

[1] Погребение № 7 опубликовано П. Д. Рау в его работе Die Gräber der frühen Eisenzeit im unteren Wolgagebiet (Pokrovsk, 1929).

из зеленоватой пасты. У правой берцовой стоял, наклонившись к ноге, красноглиняный кувшин и высокий кувшин станковой работы. Высота кувшина 24 см, диаметр горла 9 см. В засыпи у западной стены обломок бронзового зеркала. Рядом с погребением № 3, в одном и том же пятне мешаной земли, но несколько глубже, а именно на глубине 0.50 м, находилось погребение № 6.

Погребение № 6. Детский костяк плохой сохранности в вытянутом положении, головой на Ю. Размеры ямы определить с точностью было трудно. Возраст 10—14 лет, рост 1.25 м. Над ступнями ног, в засыпи, в горизонте дна погребения № 3, стоял глиняный горшочек грубой ручной работы, без орнамента. Высота горшка 14 см, диаметр горла 9 см, диаметр дна 7 см.

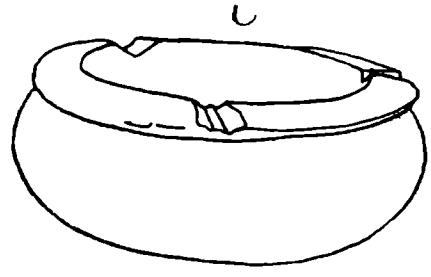

Рис. 17. Алебастровая чашечка из погребения № 8 в кургане D 4 на р. Торгуне у хут. Шульц.

Погребение № 4. Центральная яма — под восточной полой насыпи, 1.25 м длины, 0.55 м ширины и 0.25 глубины, ориентированная с С на Ю. На дне скелет ребенка на спине, головой к Ю, лицом к З. Рост 1.78 м. Перед лицом глиняный горшок.

Погребение №.5. Узкая грунтовая яма рядом с погребением № 4 к З. Длина ямы 1.85 м, ширина 0.55 м, глубина 0.65 м (под горизонтом). Ориентировка ямы С — Ю. В засыпи и в особенности на костях большое количество золы. На дне вытянутый костяк женщины, головой к Ю. Рост 1.60 м. Рядом с левым плечом железный предмет в форме заостренного с обоих концов и согнутого под прямым углом стержня. Под костяком замечено два слоя бересты, оба волокнами вдоль костяка.

Курган Е 21 расположен рядом с кург. Е 20. Диаметр 8 м, высота 0.20 м. Исследован траншеей 6 × 4 м, проложенной с З на В через центр. Под южной полой обнаружена подбойная могила с узкой входной ямой 1.80 м длины, 0.37 м ширины и 1.52 м глубины, ориентированной по длине с С на Ю. Вся нижняя половина ямы была зава-

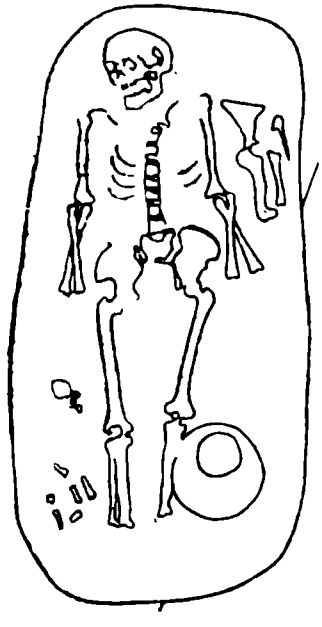

Рис. 18. Погребение № 2 в кургане Е 20, с. Боаро, курганный могильник на Калмыцкой горе.

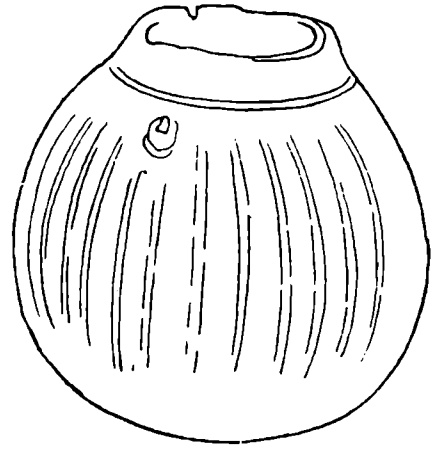

Рис. 19. Фрагментированный круглодонный шаровидный сосуд из погребения № 2 в кургане Е 20, с. Боаро, курганный могильник на Калмыцкой горе.

лена продольными древесными стволами большей частью неопределенной древесной породы (диаметр 0.10—0.12 м), среди которых находился один дубовый ствол, имевший в диаметре 0.25 м. Концы стволов обрублены. Подбой устроен в западной стенке (рис. 20). Форма: удлиненная ниша, углубленная против дна ямы на 0.15 м; высота около 0.25 м. В подбой затекла черная почва.

На дне подбоя костяк женщины среднего возраста, вытянут (несколько на правом боку) головой на С. Рост 1.54 м. Череп деформирован. На костях следы сгнивших

деревянных дощечек и белый налет. Вблизи головы костяка находились два двускатных глиняных пряслица. Перед черепом стоял распавшийся на рыхлые черепки горшок. Горшок грубой работы, плохого обжига; высота 11 см, диаметр горла 9 см. У засыпки три створки речных раковин и простой камешек. Перед лицом в мешаной почве черная кольцевидная бусина (рис. 21, *2*). В головах, в засыпке же, найдено около десятка мелких камешков из известняка. На уровне левой руки, на дне входной ямы — железный ножик. Под спиной найдены бусы: одна в виде плоского прямоугольного параллелепипеда на бронзовой проволоке (рис. 21, *3*), одна тройная стеклянная, позолоченная (рис. 21, *4*) и одна черная кольцевидная, рубчатая (рис. 21, *1*).

Курган Е 23 расположен рядом с курганом Е 21 к СВ от него в виде правильной выпуклой насыпи. Диаметр 13 м, высота 0.65 м. Исследован траншеей 10 × 5 м, проложенной с З на В через центр. Курган содержал два погребения.[1]

Рис. 20. Погребение в кургане Е 21, с. Боаро, курганный могильник на Калмыцкой горе.

Погребение № 1. В засыпь основной могилы (Е 23, *2*) врезалось впускное погребение № 1; вытянутый мужской костяк положен в удлиненную яму 2.20 м длины, 0.75 и 0.70 м ширины и 0.25 м глубины; ориентирован с С на Ю, головой к Ю. Рост 1.65 м. Возраст выше среднего. Левая нога несколько согнута в колене. У черепа, справа, передняя нога барана с лопаткой. На лопатке совершенно окисливший ся железный ножик.

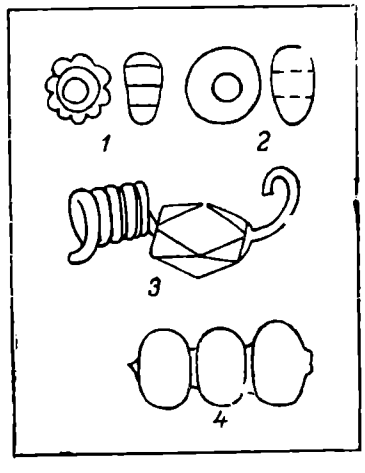

Рис. 21. Бусы из погребения в кургане Е 21, с. Боаро, курганный могильник на Калмыцкой горе.

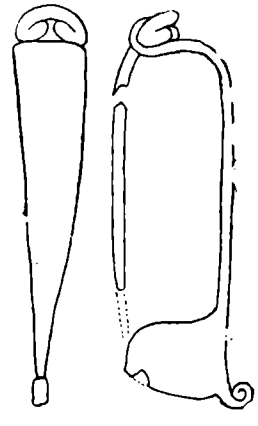

Рис. 22. Бронзовая фибула из погребения в кургане Е 24, с. Боаро, курганный могильник на Калмыцкой горе.

Курган Е 24 расположен метрах в 30 к З от Е 23. Диаметр 8 м, высота 0.25 м. Раскопка велась траншеей 2 м ширины, проложенной с З на В через центр. Под центром насыпи, на древнем уровне, лежали в беспорядке кости ребенка. Могила расположена под восточной половиной насыпи. Удлиненная яма с закругленными концами 2.40 м длины, 0.71 м ширины и 1.31 м глубины, ориентированная с З на Ю. Яма заполнена крупнокомковатой сухой засыпкой. В южном конце ямы на глубине 0.70 м найден черепок тонкостенного сосуда сероватой глины с мелкой дресвой. На дне ямы, в ивовой колоде, прикрытой колодой же, костяк мужчины на правом боку, головой к С со слегка скорченными ногами. Руки вытянуты перед животом. Длина колоды 2 м, ширина около 0.49 м, высота около 0.12 м. От крышки сохранились лишь незначительные остатки, на которых замечен густой слой золы. Рост костяка 1.66 м, череп деформирован. На левом бедре бронзовая фибула с пластинчатой дужкой (рис. 24). Ко дну яма суживается до 0.57 м ширины.

Старая Полтавка, река Еруслан. В районе с. Старой Полтавки по р. Еруслану П. Д. Рау зарегистрирован ряд отдельных курганов и курганных групп.

Курган Е 25, раскопанный П. Д. Рау, расположен в северной группе около дороги на с. Фриденберг. В кургане было обнаружено около 25 могил, из которых значительная часть находилась в насыпи в виде отдельных детских погребений. Кроме

[1] Основное скифское погребение (2-е) данного кургана опубликовано (P. Rau. Die Gräber der frühen Eisenzeit im unteren Wolgagebiet. Pokrovsk, 1929).

того, в кургане обнаружен ряд вещей и разрушенных костей, отнесение которых с определенностью к тому или иному из вскрытых погребений представляется затруднительным. Большая часть погребений относится к бронзовой эпохе и только 3 погребения (№№ 13, 19, 22) к сарматской культуре. Материалы погребений бронзовой эпохи своевременно опубликованы П. Д. Рау в его работе,[1] где он приводит описание характера почвы у места кургана, способ ведения раскопок, а также дает общий план раскопок кургана. Диаметр насыпи кургана 22 м, высота в центре 1 м.

Погребение № 13. Центральная часть насыпи. Костяк ребенка под насыпью, 0.15 м в грунте. Положение вытянутое, головой на СВ. Возраст 8 лет. В головах раздавленный глиняный горшок с округлыми боками. В области таза 10 шт. бусинок (бисер) из голубой пасты.

Погребение № 19. Прямоугольная яма 2.40 м длины, 1.17 м ширины и 1.87 м глубины, расположенная к Ю от центра; ориентирована длинными стенками

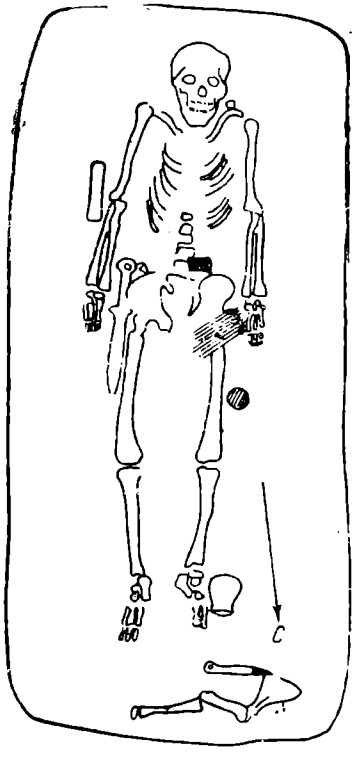

Рис. 23. Погребение № 19 из кургана Е 25 в районе с. Старой Полтавки по р. Еруслану.

Рис. 24. Кинжал с кольцевидным набалдашником в деревянных ножнах из погребения № 19 в кургане Е 25 в районе с. Старой Полтавки по р. Еруслану.

с С на Ю. К В и З от этой ямы проходит через насыпь на глубине 0.15 м от поверхности горизонта слой грунтового выкида, подстилавший черный слой подсыпки. Отсюда можно заключить, что подсыпка из черной почвы была сделана после совершения погребения в яме № 19. Засыпь сверху черная, сыпучая, внизу чистый песок. Объясняется это явление, повидимому, тем, что нижний слой засыпи образовался очень скоро после похорон и, во всяком случае, до разрушения наката из материалов, упавших от рыхлых стенок. На дне ямы человеческий костяк в вытянутом положении головой к Ю (рис. 23). Пол установить было невозможно. Под левым плечом комки розовой массы (мел с красной краской). Вдоль правой руки двойная пленка красной краски от какого-то истлевшего удлиненного окрашенного предмета. У правого бока железный с кольцевидным набалдашником кинжал в деревянных ножнах и с деревянной обкладкой ручки, окрашенных в цвет киновари; длина кинжала (рукояти и клинка) 38 см (рис. 24). Под набалдашником кинжала железная пряжка (рис. 25, *3*). На поясных позвонках железная пластинка вроде пряжки с остатками прикипевшей к ней полотняной ткани (рис. 25, *2*). На левом бедре скипевшийся пучок трехперых железных стрелок, остриями влево. Ширина пучка 17 см. У левого бедра бронзовое

[1] P. Rau. Höckergräber der Wolgasteppe. Pokrowsk, 1928.

орнаментированное китайское зеркало (рис. 26) прекрасной сохранности. У ступни левой ноги плохой сохранности алебастровый сосуд в форме фляги, верхняя часть обломана, высота 10 см (рис. 27). В ногах передняя нога барана с лопаткой и железный ножик с деревянной ручкой и набалдашником в виде кольца (рис. 25, *1*). Под клинком ножа сохранились следы дерева от дна гробовища. Рост костяка 1.73 м, возраст ниже среднего, кости с виду хорошей сохранности, но чрезвычайно ломкие. Череп растрескался резкими изломами на куски.

Погребение № 22 — под восточной полой. Узкая грунтовая яма 1.80 м длины, 0.92 м ширины и 1.38 м глубины, ориентированная по длине с С на Ю. Засыпь у поверхности почвы крупнопятнистая с преобладанием черной супеси. В уровне горизонта в засыпи лежали две лопатки крупного животного. Нижние слои засыпи изрыты норками сусликов, в которых попадались обрывки пленки красной краски (киноварь) от какого-то истлевшего окрашенного предмета. В области дна крупинки мела. На дне скелет молодой женщины 15—17 лет, сильно потревоженный сурками. Положение вытянутое, голова к Ю. На местах остались лишь кости бедер, таза, позвонки, череп и правое плечо. Кости плохой сохранности. У правого бедра скелета железный кинжал без перекрестия, длина 24.5 см, ширина лезвия 4 см (рис. 28). Под кинжалом сильно разрушенная тонкая костяная пластинка, составлявшая часть ножен (рис. 30). У левого бедра кости передней ноги овцы.

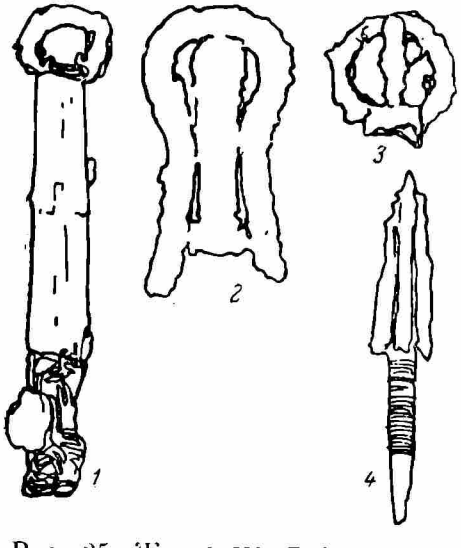

Рис. 25. Железные предметы из погребения № 19 в кургане Е 25 в районе с. Старой Полтавки по р. Еруслану.

Рис. 26. Бронзовое орнаментированное китайское зеркало из погребения № 19 в кургане Е 25.

Курган Е 26 расположен в группе курганов в 2 км к З от села за р. Таловкой. Сравнительно выпуклая насыпь с сильно размытым южным и западным склоном. Диаметр 24 м, высота 1.30 м. В кургане Е 26 обнаружены остатки 10 погребений.[1]

Погребение № 6 — в грунтовой могиле, под северной половиной насыпи. Могила эта, расхищенная в древности через широкую яму, прокопанную сверху и направленную сначала ошибочно западнее могилы, обозначалась уже с поверхности насыпи в виде широкого черного пятна, в котором были рассеяны обломки толстостенного грубого сосуда и каменной терки из песчаника. На дне грабительской ямы, прокопанной до глубины 0.75 м ниже поверхности почвы, лежали плохой сохранности человеческие кости: плечо, большая берцовая, обломки локтевой, нижней и верхней челюсти. В плотной крупнокомковатой засыпи могилы лежали лопатка и кость передней ноги коровы; кроме того части человеческого костяка: 2 бедра, локтевая, лучевая кости, ребра и истлевший череп, обломки железного меча или кинжала со следами деревянных ножен и лепестки красной краски (киноварь). Яма имела прямоугольную форму. Длина ее 2.20 м, ширина 1.35 м, глубина 1.90 м. Бо́льшая часть дна оказалась перекопанной хищниками. На дне могилы лежали лишь следующие части костяка: кисть левой руки, левая подвздошная, левая голень со ступней и правая малоберцовая. Ненарушенным оказался весь северо-западный угол могилы между стенками и голенью. Очевидно, что костяк лежал на спине в вытянутом положении,

[1] Погребения №№ 1, 2, 3, 4, 5, 8, 9 и 10 относятся к эпохе бронзы и опубликованы П. Д. Рау в указанной выше работе, там же дан и план раскопок кургана, стр. 49.

головой к Ю. Левая нога была слегка согнута в колене. Дно ямы было выстлано волокнистым растением с большим содержанием кремнезема. Под костями черный перегной, поднимавшийся к стенкам; над костями такой же перегной. Особенно густо этот тлен обволакивал ступни и голени. Под сохранившейся голенью лежал небольшой каменный неправильной призматической формы предмет, а рядом с ним полоски железа с золотой инкрустацией плохой сохранности. К поверхности пластинок припеклось дерево. В северо-западном углу лежал комок желтого красящего вещества (охра), шильце с костяным черенком и круглая железная пряжка. На пряжке сохранились остатки тончайшей ткани. Ближе к ноге лежала вторая железная пряжка четырехгранной формы. На уровне коленного сочленения лежал пучок скипевшихся железных трехперых стрелок шириной 21 см. На сгнивших древках найдено железное кольцо с крючком; рядом — обломки второго кольца. У пятки левой ноги лежал отбитый широкий носик сероглиняного кувшина. В ногах — пяточная кость коровы и железный ножик; длина его 10.5 см. В поврежденной части дна найдено лишь несколько человеческих позвонков и ребер; в области правого бедра — обломки железного меча или кинжала со следами деревянных ножен и лепестками красной краски.

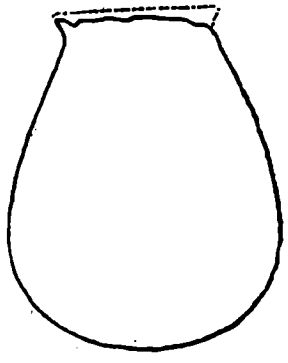

Рис. 27. Алебастровый сосуд в форме фляги из погребения № 19 в кургане Е 25.

Погребение № 7, под восточной полой. Костяк женщины на горизонте, в вытянутом положении на спине, головой к Ю. Левая рука вдоль туловища, кисть правой покоилась на левой руке. Череп и левое плечо отсутствовали. Возможно, что он был выброшен лисицами, норки и скелеты которых были неоднократно обнаруживаемы при раскопках.

Курган Е 28, у северо-западной окраины села. Насыпь срезана со всех сторон карьерами при добыче глины. Высота насыпи 0.65 м. Под насыпью четырехугольная грунтовая яма с сильно закругленными углами, длиной 2.35 м, шириной 2.15 м, глу-

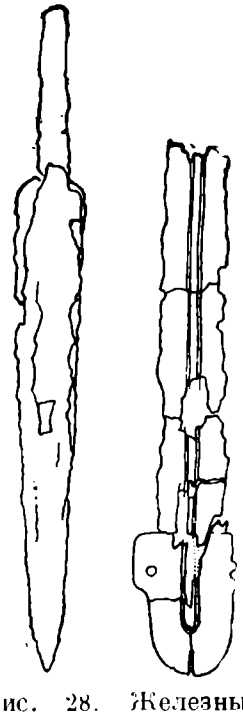

Рис. 28. Железный кинжал из погребения № 22 в кургане Е 25.

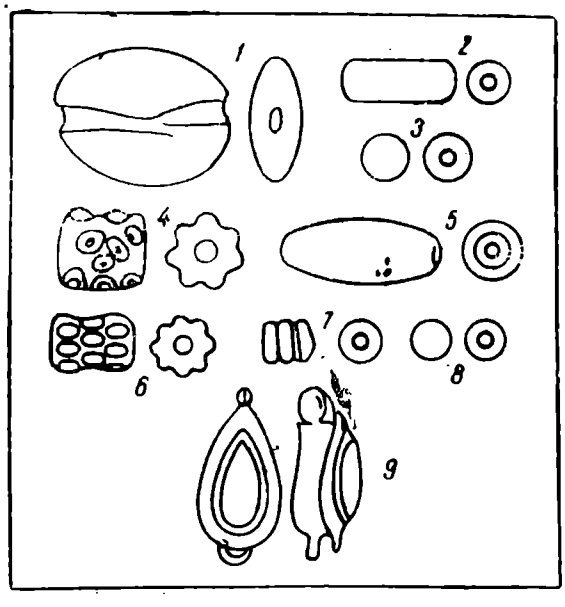

Рис. 29. Предметы из погребения в кургане Е 28, с. Боаро, курганный могильник на Калмыцкой горе.

биной 1.75 м, ориентированная с ССЗ на ЮЮВ. У западного края ямы, на выкидке остатки перекрытия из тонких ветвей шелюги, опустившейся слоем в яму. За восточным краем, на горизонте человеческое плечо, обломок крестца, лопатки и черепок от красноглиняного сосуда станковой работы. Черепки того же сосуда попадались во всей засыпи. Засыпь состояла из крупнокомковатых слоев светлогрунтовой и черной почвы, имевших общий наклон к западному концу. На дне, под толстым слоем затекшей грунтовой глины, лежал слой черной почвы мощностью до 0.30 м, в котором

найдены кости женского костяка, черепки трех сосудов, кости птицы и мелкие вещи, рассеянные по дну без всякого порядка. Особенно много черепков найдено от кувшина и от горшка. Оба сосуда ручной техники и несовершенного обжига. В черной засыпи найдены на разной глубине: кусок мела, кругловатый тяжелый предмет (железный?), призматический четырехгранный предмет из темного камня, золотая привеска со стеклышком, имевшим при снятии с места сиреневый цвет (рис. 29, *9*), и бусы: одна из горного хрусталя (рис. 29, *1*), 5 из темного стекла с глазками (рис. 29, *4*), одна веретенообразная из стеклянной пасты (рис. 29, *5*), одна цилиндрическая стеклянная с позолотой (рис. 29, *2*), 7 из желтой пасты, кольцевидной формы (рис. 29, *3*), 7 стеклянных в виде тройных колечек (рис. 29, *7*), одна в виде двойного колечка и несколько штук в форме кружков из темного стекла (рис. 29, *8*), одна цилиндрическая с шишечками (рис. 29, *6*), одна из красного стекла или камня и несколько обломков стеклянных бус. В засыпи встречено много обрывков коры от шелюги, ближе ко дну — остатки деревянных брусков и следы плетения из куги; по дну — поперечными слоями древесная кора.

Курган № 29 расположен близ кургана Е 28. Диаметр 7 м, высота 0.25 м. Исследован траншеей 2.50 м ширины, проложенной с В на З через центр. Под центром изрытая грызунами грунтовая яма 0.50 м ширины, 1.55 м длины и 1 м глубины, ориентированная по длине с С на Ю. В засыпи и в прилегающих областях насыпи, в сусличьих норках найдены: человеческая ключица, несколько позвонков, обломок малой берцовой, нижняя челюсть в обломках, мелкие кости ног и мелкие обломки сарматского сосуда ручной техники и слабого обжига.

Курган Е 30 расположен среди глиняных карьеров близ курганов Е 28, 29. Диаметр 9 м, высота 0.30 м. Раскоп 6 × 3 м, с В на З через центр. Под центром удлиненная четырехугольная яма 2.20 м длины, 1.10 м ширины и 0.80 м глубины, расширенная в верхней части при расхищении. В плотной насыпи лежали человеческие кости: бедро, две большие берцовые, нижняя челюсть (женщины?). На дне лежали два плеча, ребра левого бока и часть позвоночного столба. Остальные кости были сдвинуты со своих мест и лежали в нижних слоях насыпи. В насыпи же найдены следы дерева, обломки железа с приставшими частями дерева, обломки горшечка сарматской техники, обломки створки раковин и полоска меди, согнутая в виде незамкнутого кольца. Костяк лежал головой к Ю.

Курган Е 31 расположен там же, рядом с курганом Е 30, к В. Насыпь с неизвестной площадью, изрытая со всех сторон карьерами. Высота 0.45 м. Сохранилась центральная часть насыпи; с В на З длина ее около 7 м, с С на Ю около 9 м. Исследована траншеей 4 м ширины, проложенной с З на В. Под восточной половиной сохранившегося участка насыпи обнаружена грунтовая яма овально-вытянутой формы, расположенная по длине с СЗ на ЮВ. К С и к Ю от ямы непосредственно на старой поверхности лежит грунтовый выкид. Между слоем выкида и бурым грунтовым солонцом проходит прослойка древнего гумуса золотистого оттенка толщиной 8—10 см.

На старой поверхности рядом с могилой лежали обломки человеческих костей и подвздошная кость барана. Длина ямы 2.23 м, ширина 1.05 м, глубина 1.24 м. В слое черной насыпной земли, покрывавшей дно, лежали в большом количестве обрывки коры шелюги, обломки железного кинжала со следами деревянных ножен, кусок смолы, разбросанные кости человеческого костяка и черепки сарматского округлого горшка. Непосредственно на дне замечен буроватый перегной. В засыпи незначительные следы дерева.

I. SINICYN

LES MONUMENTS DE LA CULTURE SARMATE DANS LA RÉGION DE LA BASSE VOLGA

Résumé

La culture sarmate du III-e siècle avant notre ère au IV-e siècle de notre ère est très insuffisamment éclairée dans la littérature relative à l'histoire des peuples de l'URSS, d'où l'importance qu'il y a aujourd'hui de publier et d'interpréter tous les monuments connus de cette culture.

La région de la basse Volga a fourni une quantité énorme de monuments de la culture sarmate, qui sont loin d'être tous publiés. L'auteur en publie un certain nombre, découvert lors des fouilles exécutées en 1927 par P. Rau, qui non seulement ont livré un intéressant matériel, mais ont fait connaître de nouvelles localités de cette culture.

Les fouilles de 1927 ont été effectuées en diverses régions de la basse Volga. Les explorations ont embrassé la haute rive de la Volga (rive droite) près des villages de Balzer, Kamenka, Oust-Griaznoukha, sur le cours supérieur de la rivière Ilovlia; les régions transvolgiennes nord, près du village de Barataévka et à la montagne Kalmytskaia, près du village de Boaro: le cours inférieur de la rivière Bolchoi Karamane, près des villages de Rainwald et Enders; le cours de la rivière Iérouslane, près du village de Staraia Poltavka; les environs du village de Krasnopolié (Preis) et la ferme Schultz sur la rivière Torgoun.

Parmi les sépultures fouillées ici depuis 1927, 48 se rapportent à la culture sarmate. Elles peuvent être reparties en trois groupes d'après leur structure, leur rituel et leur mobilier: 1) sépultures de l'époque hellénistique (III-Ier siècles avant notre ère); 2) sépultures de l'époque romaine (I—IIe siècles de notre ère); 3) sépultures de l'époque romaine tardive (III—IVe siècles).

Les traits distinctifs du premier groupe sont: type de la sépulture — tombes à camera avec fosse d'entrée rectangulaire, recouvertes de perches ou de menus branchages; les morts reposaient dans des cercueils, ordinairement la tête au midi. Un trait typique est le placement d'aliments dans la tombe. L'élément le plus caractéristique du mobilier sont des pots d'argile à fond circulaire de différents types; on y rencontre des pointes de flèches trièdres avec fûts et des couteaux courts à une lame. Ce groupe a des analogies proches dans les sépultures des steppes d'Oural-Orenbourg.

Le deuxième groupe se rapproche du premier par le rituel funéraire et en partie par le mobilier. Il s'en distingue par un nouveau type d'épée à garde droite, la poignée terminée en anneau. La céramique consiste en pots grossiers à fond plat et en vases lissés d'un travail plus parfait; de petits vases en albâtre sont également typiques. Parmi les objets trouvés, les plus intéressants sont un miroir chinois (fig. 26) et un dessus de peigne en os avec de petites têtes de cheval (fig. 16), génétiquement lié avec les reproductions ultérieures de ce motif (par exemple, dans les cimetières mordoves des XVII—XVIII-e siècles). Les sépultures du deuxième groupe ont des analogies dans la région de la Kama et la région subouralienne.

Le troisième groupe diffère nettement des deux précédents. Les sépultures sont ici d'étroites tombes du type «podboiny» (fosse à niche latérale), orientées de préférence au nord, plus rarement au midi. Le mobilier est d'une composition typique: petits miroirs à oreillette, assortiments divers de perles, fibules, petits vases-cassolettes en argile, généralement de forme cubique.

L'auteur publie en annexe le journal des fouilles archéologiques de 1927.

Л. А. ЕЛЬНИЦКИЙ

ИЗ ИСТОРИИ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИХ КУЛЬТОВ В ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

(Дионис-Сабазий)

В 1937 г. в Фанагории был найден обломок небольшой терракотовой статуэтки, изображающей обнаженную мужскую фигуру во фригийском колпаке (рис. 1). Терракота обнаружена в культурном слое, без признаков каких-либо резких нарушений и поэтому может быть связана с материалом, происходящим из того же горизонта, содержащего находки не позднее III в. н. э.

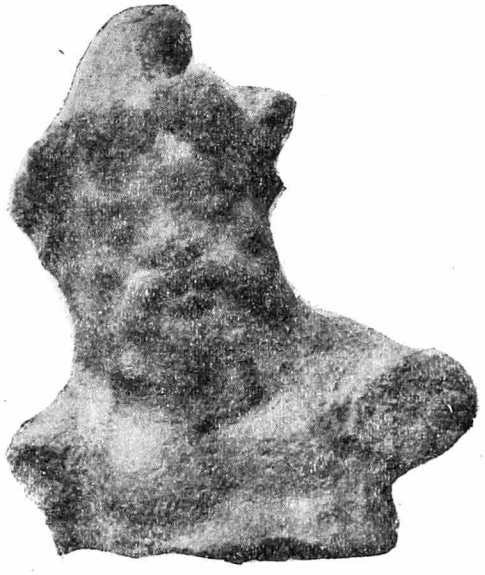

Рис. 1. Обломок терракотовой статуэтки, найденный в Фанагории в 1937 г.

Статуэтка очень пострадала от времени. Сохранились только голова и верхняя часть туловища, с помещенными выше, чем следует, и несколько преувеличенно подчеркнутыми грудными мышцами. Обе руки отбиты, но по положению плеч видно, что левая рука была поднята вверх, а правая, вероятнее всего, опущена вниз, по крайней мере до локтя. Шея почти совершенно не выражена; лицо округлое с длинными опущенными вниз усами и окладистой, слегка вьющейся бородой, на которой выделяются густые симметрично расположенные пряди. Коротковатый и слегка курносый нос, выступающие щеки, широко открытые и немного выпученные глаза сообщают лицу веселое выражение, подчеркивая этим его «сатирический» облик. Верхняя часть фригийского колпака (конец которого обломан) загибается вправо. Нижний край, совершенно скрывающий волосы, имеет довольно большие зубчатые выступы. Моделировка скульптуры — грубая и небрежная настолько, что черты лица и детали головы представляются недостаточно выраженными, как бы смазанными. Задняя сторона не разработана вовсе и только слегка заглажена. Все эти приемы указывают на работу римского времени, вероятно не позднее II в. н. э.

Тип изображения и единственный из уцелевших атрибутов статуэтки — фригийский колпак — заставляют отнести терракоту к статуарному кругу, связанному с изображениями божеств мистических и оргиастических культов, родиной которых были Малая Азия и Фракия, а ареалом рас-

пространения стал постепенно весь эллино-римский мир. В частности фанагорийская статуэтка обнаруживает особенное сходство с некоторыми изображениями Сабазия, известными по находкам, главным образом, в М. Азии, на Балканах, в Италии и Испании. Поскольку изображения Сабазия вообще довольно редки (терракотовые же мне не известны вовсе), наша находка приобретает особый интерес.

Однако всякому, кто пожелал бы видеть в ней именно Сабазия, пришлось бы преодолеть целый ряд весьма серьезных затруднений, заключающихся, прежде всего, в том, что Сабазий в Северном Причерноморье ни разу прямо не засвидетельствован, а с другой и потому, что достоверные изображения этого бога далеко не отличаются устойчивостью типа и единообразием атрибутов, имея всякий раз немало черт, связывающих их с изображениями родственных божеств того же круга: Аттиса, Митры, Мена и некоторых других. Нейтральность же и неустойчивость статуарного типа Сабазия определяется не столько его неопределенностью, сколько очевидной общностью многих черт культа и мифологии Сабазия с культами названных выше божеств. Эта общность, весьма ярко проглядывающая в одинаковых эпитетах этих богов (invictus, magnus, ὕψιστος, κύριος, σωτὴρ и т. п.), сводится прежде всего к единообразию мистической стороны их культов, призванных обеспечить спасение, долголетие и бессмертие более или менее узкому кругу посвященных в мистерии и объединенных для этой цели в религиозные содружества, фиасы, оргеоны, σπεῖραι или коллегии. Подтверждение сходства фанагорийской статуэтки с изображением Сабазия следует искать поэтому не столько путем умножения типологических аналогий, сколько посредством установления господствовавших в Фанагории и вообще на Боспоре связей религиозных культов с культом бога Сабазия. А это нас обяжет вновь поставить несколько вопросов, на которые в русской археологической литературе в свое время был уже дан ответ.

Для установления степени близости фанагорийской статуэтки к изображениям Сабазия, нам придется обратиться в первую очередь к фрагментированной бронзовой пластинке, найденной в Ампуриаде (Испания) и изданной P. Paris.[1] Табличка эта издателем отнесена к числу памятников, связанных с культом Митры, что неверно, так как она весьма близка к двум другим табличкам хорошей сохранности, содержащим изображения Сабазия и его атрибутов. Кроме того, она имеет изображение атрибутов, чрезвычайно тесно связанных с культом Сабазия, известных по многим другим памятникам, о чем речь будет несколькими строками ниже.

Изображенный в центре таблички Сабазий (рис. 2; сохранилась голова, часть рук и ног) имеет на голове фригийский колпак, конец которого загнут вправо, как у фанагорийской статуэтки. Из-под колпака пробиваются кудрявые волосы. Черты лица намечены суммарно и грубо, но без каких-либо резких отличий по сравнению с тем, что дает наша статуэтка. Отчетливо видны опущенные усы и довольно большая борода (сохранившаяся неполностью). Бог представлен в восточной одежде — рубашке с длинными рукавами и плотно облегающих ноги штанах. Вся одежда, включая и фригийский колпак, покрыта своеобразным орнаментом из маленьких квадратиков с точками внутри. Художник, может быть, хотел украсить одежду звездами, наподобие убранных звездами колпаков Митры, Аттиса и Сабазия, известных по другим памятникам и символизирующих, как указывает древняя традиция, небесный свод. В левой руке Сабазий держит длинный, по величине напоминающий копье, скипетр или тирс. Правая же рука поднята вверх, мизинец и безымянный палец на ней загнуты вниз, большой, средний и указательный отбиты, но несомненно, что они были подняты

[1] AA, 1912, стр. 457, рис. 50.

вверх так, как это видно на двух вотивных руках, изображенных на той же табличке влево от фигуры Сабазия, на бронзовой статуэтке из Амьена [1] и на многочисленных бронзовых вотивных руках с атрибутами и изображениями Сабазия. Правая рука, таким образом, воспроизводит жест, известный в христианском культе под названием benedictio latina. Жест этот, имевший символическое значение, самым тесным образом связан с культом Сабазия.

С правой стороны таблички изображена пиния, плоды которой встречаются весьма часто в качестве атрибутов Аттиса, Мена, Митры, а само дерево играет большую роль в мифологии и культе Кибелы. Вокруг ствола пинии обвивается большая змея, столь же характерная для культа Сабазия, сколь и для культа фракийского Диониса. На правой стороне таблички изображен бюст Гермеса в петасе с крыльями и отдельно, несколько выше, его кадуцей. Изображение Гермеса на этой табличке также вполне возможно, поскольку мы не раз встречаем совместные упоминания Сабазия и Гермеса в вотивных надписях, а известные фрески из склепа Вибии и Претекстата, жреца Сабазия (в Риме), изображают его в качестве проводника души Вибии в загробный мир, отводя таким образом место в мистериях Сабазия культу хтонического Гермеса-Психопомпа.[2]

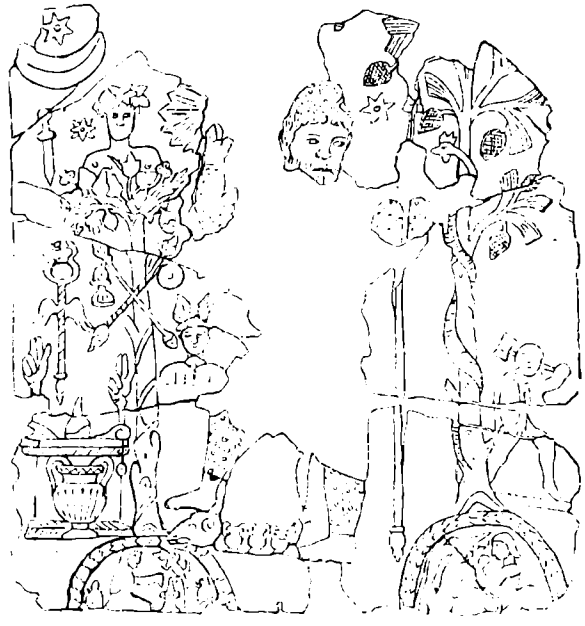

Рис. 2. Фрагментированная бронзовая пластинка с изображением Сабазия и его атрибутов из Амуприады (Испания).

В pendant к пинии, помещенной справа от Сабазия, в левой части таблички мы находим мощный ствол виноградной лозы или плюща, украшенный лентами, над которым возвышается бюст Диониса в венке из виноградных листьев. Таким образом Сабазий представлен на ампурийской табличке в содружестве с божествами, имеющими прямое отношение к его культу, и с большим количеством атрибутов этих и других божеств, так или иначе родственных Сабазию.

Во многих отношениях табличка представляет аналогии подобному же бронзовому рельефу из копенгагенского музея.[3] Мы опускаем здесь целый ряд изображений ампурийской таблички, характеризующих такие стороны культа Сабазия, о которых в данной связи не будет итти речь. Вопрос о родине Сабазия возбудил много споров в новой литературе.[4] Не может он, по состоянию материала, считаться окончательно решенным и сейчас. Имеются две точки зрения, применительно к двум версиям, существовавшим еще в древности. Согласно одной из них (Аристофан) Сабазий малоазий-

---

[1] Eisele y Roscher, Lex. d. Myth, вып. 60, стр. 247, рис. 7.

[2] Фреска склепа Вибии воспроизведена на таблицах, приложенных к книге Maas «Orpheus» (Мюнхен, 1895).

[3] Blinkenberg. Archäologische Studien. Копенгаген, 1904, табл. 12. — Eisele y Roscher, s. v. Sabazios, стр. 247, рис. 8.

[4] Из старых работ следует назвать обстоятельную работу, охватившую большой материал, F. Lenormant, RA, 1874, nov. — déc., стр. 300—306, 380—389; 1875, janv. — juin, стр. 43—51.

ское, точнее, фригийское божество,[1] другая же считает его родственным или идентичным фракийскому Дионису и родиной его называет Фракию.[2]

Наиболее древними свидетельствами о существовании культа Сабазия являются упоминания о нем Аристофана. Так как последний считает его фригийцем, то из этого следует заключить, что культ Сабазия пришел в Грецию именно из М. Азии. Это однако не устраняет вопроса об его фракийском происхождении. Правда, Фракия не дает таких свидетельств о Сабазии, которые могли бы быть отнесены ко времени до начала нашей эры. На основании этого факта некоторые ученые, и прежде всего Томашек,[3] оспаривают его фракийское происхождение [4] и относят появление Сабазия на нижнем Дунае и к югу от него к римскому времени, считая имя божества занесенным во Фракию и Мезию римскими легионами из М. Азии, подобно именам Аттиса, Кибелы, Митры и т. д.

Однако ни в коем случае нельзя игнорировать тот факт, что Страбон (X. 3. 15) заключает о фракийской природе фригийцев, основываясь на сходстве культов Сабазия и Вакха, и что Александр Полигистор [5] считает Сабазия фракийским божеством, идентичным Дионису и Аполлону: item in Thracia eundem haberi Solem atque Liberum accipimus, quem illi Sebadium nuncupantes magnifica religione celebrant.

Имеется также одно место у Диодора (IV, 4), заимствованное у некоего эллинистического мифографа, где указывается на существование Диониса гораздо более древнего, нежели сын Зевса и Семелы. Этот древнейший Дионис происходит от Зевса и Персефоны и его иногда именуют Сабазием. Принимая во внимание эти свидетельства и, главным образом, основываясь на сходстве культов и идентификации имен фракийского Диониса и Сабазия, целый ряд ученых, с Роде,[6] Кретчмером,[7] Фойгтом [8] и Кюмоном [9] во главе, высказываются за его фракийское происхождение. С этой точки зрения имя Сабазия не более как эпитет Диониса, его мистическая и оргиастическая ипостась. В качестве аргументации этой точки зрения большое значение может иметь то обстоятельство, что обряд почитания змеи в культе Диониса несомненно происходит из Фракии. Змея же занимает очень большое место в мистическом культе и мифологии Сабазия. Восклицание εὐοῖ σαβοῖ, раздававшееся на празднествах Сабазия еще в IV в. до н. э., понималось как прямой перевод восклицания εὐοῖ βακχοῖ.[10]

Таким образом βάκχος, в известном ограничительном значении, приобретает тот же смысл, что и σαβός, ἄττης, κύβηβος и т. п. Сабос же — это тот, кто приобщился таинств Сабазия, подобно тому, как аттес — это мист и жрец Аттиса. Вытекающие отсюда представления являются свидетелями теснейшей связи культа Сабазия с культом фракийского Диониса, будучи в то же время лишь звеном в цепи культовых и обрядовых аналогий, связывающих оргиастические и мистические божества М. Азии с фракийским Дионисом-Сабазием.

Греки, заимствовавшие культ Сабазия из М. Азии, уже в V в. до н. э. представляли его себе разновидностью Диониса, т. е. богом растительных сил постоянно умирающей и возрождающейся природы. Таким мы видим его в эпоху раннего эллинизма, причем основание для такого представления дает главным образом описание форм культа Сабазия у Демосфена. В речи

[1] Aristoph. φρύγα, τὸν αὐλητῆρα, τὸν Σαβάζιον.
[2] Scholia Aristoph. Vespae 9; Aves, 847.
[3] Sitzungsber. d. Wien. Akad., 1894, стр. 43.
[4] См. также Eisele у Roscher, стр. 234—235.
[5] Alex. Polyhist. ap. Macr, I, 18. 11.
[6] Rhode, Psyche, 5 и 6 изд. Тюбинген, 1910 г. т. II, стр. 7 сл.
[7] Einl. in .d. Gesch. d. griech. Sprache, стр. 195.
[8] Roscher s. v. Dionysos, стр. 1031, 1085.
[9] Daremberg-Saglio, s. v. Sabazios.
[10] Schol. Aristoph. Aves, 877.

«О венце», напоминая Эсхину грехи его молодости, Демосфен говорит следующее: «Уже будучи взрослым ты читал своей матери, производившей посвящения в мистерии, правила священных книг. На ночных оргиях ты облекался в небриду, кропил посвящаемых водой из кратера, производил над ними обряд очищения; натирал их глиной, посыпал отрубями и, наконец, подняв их с земли по совершении посвящения, приказывал произнести слова священной формулы: я избежал зла, я нашел добро (Ἔφυγον κακὸν, εὗρον ἄμεινον), гордясь тем, что прокричал их громче, чем другие. Днем же ты водил по улицам разукрашенные процессии с венками из укропа и листов тополя, сжимая в руках и размахивая над головою змеями, приплясывая и крича «εὐοῖ σαβοῖ» и «ὗης ἄττης, ἄττης ὗης». Старухи награждали тебя титулами заклинателя, предводителя кистофора, ликнофора и другими подобными именами. За все это ты получал разного рода священные хлебцы и печения. . .» [1]

Эти слова дают довольно ясное представление о формах культа Сабазия в Аттике, правда, лишь в самых внешних чертах и без каких-либо намеков на смысл или хотя бы ритуальное значение перечисленных церемоний. Все это, очевидно, считалось настолько общеизвестным, что Демосфен не находил нужным делать какие-либо пояснения. Он не называет даже имени бога, во имя и в честь которого совершались упомянутые им церемонии. Что речь шла именно о мистериях Сабазия, выясняется лишь из сопоставления этого описания с другими данными о ритуале сабазиевых мистерий, из указаний схолиаста к Демосфену и из слов Страбона (X, 3, 18), отмечающего, что ритуальные восклицания εὐοῖ σαβοῖ и ὗης ἄττης принадлежат культу Сабазия и Великой матери. Тут же он указывает, между прочим, и на то, что слова эти фригийского происхождения и стало быть оставались непонятны произносившим их, как заученную формулу, грекам.

Общедоступные дневные празднества не являлись, конечно, наиболее притягательной частью культа. Таковыми были мистерии, совершавшиеся ночью, в узком кругу посвященных. Впрочем, и эта часть культа, состоявшая, повидимому, из двух церемоний — инициаций и собственно мистерий в первой части, быть может, также была общедоступным зрелищем, поскольку Демосфен сообщает о ней такие подробности, которые в противном случае были бы ему, конечно, неизвестны.

Обрядом посвящения и связанных с ним церемоний очищения руководил жрец или жрица. По Демосфену это была женщина, по другим сведениям [2] жрец. При исполнении инициаций читались вслух священные книги, излагавшие правила ритуала или, может быть, тексты мифологического содержания (ἱερὸς λόγος). Весьма возможно, что эти тексты, подобно тем ритуальным восклицаниям, которые цитировались выше, содержали много фригийских слов и были мало понятны грекам.

Помощник жрицы или жреца, он же чтец священных книг — ἀναγνώστης, подсказывал будущему мисту слова произносимых по ходу обряда формул и руководил всеми его действиями. Он же, очевидно, совершал и самый обряд очищения — κάθαρσις. На нем была надета небрида. Принимавший же посвящение, по общему правилу всех мистерий, вероятно был обнажен. Καθαρτής (очиститель) кропил его водой из кратера, а потом натирал тело глиной и посыпал отрубями. Посвящаемый при этом или был распростерт на земле или может быть сидел на корточках по азиатскому обычаю.[3] По совершении всех очистительных церемоний помощник жреца призывал посвящаемого встать и произнести: «я избежал зла, я нашел

---

[1] Demosth. Pro corona, 259 сл.

[2] Theophrast. Character, 27. — P. Foucart, Des associations religieuses chez les Grecs. Париж, 1873, стр. 72.

[3] P. Foucart, ук. соч., стр. 72.

добро». Плутарх замечает,[1] что эта формула принадлежит также аттическому свадебному обряду. Ее произносит жених во время свадебной церемонии, с венком из дубовых листьев на голове и с корзиной со священными хлебцами в руках.[2] Последнее обстоятельство не может не натолкнуть на мысль о том, что эта заключительная часть инициаций намекала в символической форме на священную свадьбу (ἱερὸς γάμος), мистическое единение посвященного с божеством. В этот момент приобщаемый к культу должен был ощутить в себе частицу божественной сущности, становится Σαβός, получал надежду на бессмертие и ощущение новой блаженной жизни.[3]

Развитие и конкретизация представления о священной свадьбе мисга и бога лежали в основе самих мистерий, о которых мы, впрочем, знаем очень немного. Мистический обряд теснейшим образом связывается с культом змеи, значение которого выясняется из сопоставления мифологических данных с некоторыми изображениями из круга культа Сабазия. Миф в запутанной и искаженной форме дошел до нас через Климента Александрийского,[4] излагающего малоазийскую легенду о мужском божестве (Зевсе), соединяющемся со своей матерью (Део), а затем с порожденными ею дочерьми (Ферефатта, Кора), с последней из которых Зевс вступает в связь в виде змеи. Поэтому, замечает далее Климент, змея служит в мистериях Сабазия символом единения Зевса и Коры и, как бы для воспроизведения божественного акта, мисты Сабазия дают змее проползти под туникой по телу.[5] В связи с этим Фукар приводит [6] описание найденного в Македонии рельефа, на котором изображена сидящая женщина с большой змеей на коленях. Правой рукой она как бы приподымает край плаща, ниспадающего на ноги, левая рука придерживает змею. В этом изображении Фукар хочет видеть сцену приобщения мисга Сабазия богу.

Доказательством того, что миф этот пользовался популярностью далеко за пределами М. Азии, может служить маленькая камея из Руво,[7] на которой с одной стороны представлено мужское божество, хватающее молодую богиню, а на другой стороне изображена змея. Возможно, что это прямая иллюстрация к мифу о происхождении Сабазия, где изображенная отдельно змея символизирует преображение Зевса.

Однако Цицерон, весьма интересовавшийся историко-религиозными вопросами, повидимому не знает этого мифа. Из четырех названных им Дионисов тот, cui Sabazia sunt instituta, и которого regem Asiae praefuisse dicunt, отцом своим имел Кабирра. Сына же Зевса и Персефоны Цицерон с Сабазием не связывает.

Из приведенных свидетельств с достаточной ясностью обнаруживается тенденция к идентификации Диониса и Сабазия, существовавшая не только у мифографов римского времени в эпоху наиболее широкого синкретизма, но дающая себя сильно чувствовать у писателей V—IV вв. до н. э., при этом у таких писателей, которых трудно заподозрить в тенденциозности в вопросах религии.

Но сходство религии Сабазия с дионисийским мистицизмом лежит не в плоскости генеалогических вопросов. Общность многих элементов культа, культового ритуала, дает для этого оснований гораздо больше. Засвидетельствованные Демосфеном обряды кистофории и ликнофории, ношение небриды и культ змеи равным образом характерны для мистерий Диониса.

---

[1] Proverb., 16.
[2] Dieterich, Eine Mythrasliturgie, 2-е изд., Лейпциг и Берлин, 1910, стр. 169.
[3] Eisele y Roscher'a, s. v. Sabazios, стр. 254.
[4] Alex. Suet, Protrepticos, 2, 15. — P. Foucart, ук. соч., стр. 74 и 95. — Eisele y Roscher'a, стр. 252 сл.
[5] P. Foucart, ук. соч., стр. 74.
[6] По Hezey. Un palais grec en Macédoine. Париж, 1872, стр. 30.
[7] Panofka. Collection Purtales. Париж, 1834, табл. XX.

Опубликованная недавно большая надпись Дионисова фиаса Агриппиниллы, происходящая предположительно из Торре Нова в Италии, в перечне разнообразных культовых должностей и званий дает нам цистофоров и ликнофоров. Изображения мистической цисты, встречающиеся почти на всех памятниках культа Сабазия, нередки также на памятниках дионисийского круга, напр. в знаменитой группе фарнезского быка. Как известно, подобная циста участвовала в процессии Великих Дионисий в Афинах. Изображения цисты, ликноса и обряда инициаций, представляющие известные черты сходства с описанием Демосфена, имеются в целом ряде изображений из круга дионисовых мистерий на фресках виллы Итем в Помпеях.[1] Должность апагноста, т. е. чтеца священных книг, которую исполнял при своей матери Эсхин, опять-таки упоминается в перечне должностей фиаса Агриппиниллы (ἀμφιθαλεῦς) и самый процесс этого чтения мы можем видеть на одной из фресок виллы Итем,[2] где изображен юноша с книгой перед глазами, рядом с сидящей пожилой женщиной, очевидно жрицей. Обычай ношения небриды опять-таки является общим для мистов Диониса и Сабазия. Наконец, весьма важным указанием, исходящим на сей раз от самих сабазиастов, как бы подтверждающих установленное нами выше родство Диониса и Сабазия, должно быть признано изображение Диониса на ампурийской бронзовой табличке, где он представлен в качестве паредра Сабазия.

Рис. 3. Мраморная статуэтка Юпитера Долихена из Нижней Мезии.

Для восстановления еще одного, и весьма важного для нас, звена в этой цепи сопоставлений, крепко связывающих два родственных культа, нам предстоит бросить взгляд на предполагаемую родину того и другого богов, на Фракию.

Как уже указывалось, Фракия не дает достоверных или тем более подписных изображений Сабазия. О древних культовых местах этого бога во Фракии мы не знаем почти ничего за исключением одного только факта: по Александру Полигистору (в продолжении цитированного выше отрывка) известно, что культ Сабазия имел место in colle Zilmisso, где этому богу aedes dedicata est specie rotunda, cuius medium interpatet tectum.

Лишь некоторые находки самого недавнего времени позволяют безоговорочно привлечь к кругу религии Диониса-Сабазия весьма богатую категорию памятников, местное происхождение которых не подлежит ни малейшему сомнению. Речь идет о многочисленных вотивных рельефах с изображением так наз. «фракийского всадника», чье имя до сих пор вызывает споры у археологов.

Еще в 1904 г. Пердризе, в связи с публикацией одного из подобных рельефов (из Мельника, в Македонии), поставил вопрос о принадлежности этого круга памятников к культу фракийского Диониса Загрея.[3] На изданном им рельефе изображен всадник в небриде и эмбадах, окруженный со всех

[1] M. Rostowtzeff. Mystic Italy, Нью-Йорк, 1927, табл. IV и V.
[2] Там же, табл. IV.
[3] RA, 1904, III, стр. 19, табл. I.

сторон виноградными лозами с многочисленными и крупными гроздьями плодов. Правой рукой он держит за бороду Пана, ухватившегося за хвост лошади. В верхних углах на лозах маленькие силены, постоянные спутники Диониса; перед лошадью большая фигура старого силена, у ног которого изображена пантера с поднятой вверх головой. Сопоставление этого изображения с многочисленными рельефами, на которых Дионис представлен пешим, в небриде, с тирсом в руках, с пантерой или собакой перед виноградной лозой, в сопровождении фиаса, и которые имеют на себе надписи с именем бога,[1] не может не навести на мысль о том, что мы имеем здесь посредствующее звено между изображениями фракийского Диониса и фракийского всадника, позволяющее дать образу последнего соответствующее истолкование.

Добруски[2] усматривал в этом рельефе синкретический образ Всадника и Диониса, не решаясь их идентифицировать окончательно, что как будто позволяет теперь сделать находка в фасосском Дионисионе маленького антаблемента с посвящением Дионису и с рельефным изображением фракийского всадника на метопе.[3] Любопытно, что этот всадник лишен специфических атрибутов Диониса, — на нем видны лишь развевающийся плащ и копье в руке. Он скачет к дереву, вокруг которого обвилась змея и из-за которого выглядывает кабан. Если принять во внимание, что этот рельеф найден в греческом храме, предназначенном для официального культа Диониса (здесь же, правда, происходили и мистерии этого бога, о чем говорит одна из найденных надписей с посвящением Διονύσῳ [καὶ συ] μυύσταις), придется признать, что присутствие этого варварского изображения, повидимому, совершенно не дисгармонировало с культом и являлось признанным изображением божества.

Привлекая к кругу Диониса многочисленные изображения фракийского всадника, мы должны оговориться, что определенная группа их может быть истолкована не иначе, как в связи с культом фракийского Ареса и Митры.[4] Это однако не противоречит близости фракийского всадника Дионису. Варварский культ Зевса и Ареса не лишен значительной доли оргиазма, из которого современный исследователь прадионисизма склонен выводить дионисовский оргиазм и мистицизм.[5]

Мы имеем теперь известное представление о фракийском божестве, которое греки сближали со своим Дионисом, а фракийцы, по словам греков, именовали Сабазием. Фракийские и македонские рельефы изображают его то в небриде с тирсом и канфаром в руках, то на коне с копьем, в развевающемся плаще.

Остается указать на то, что фракийский Сабазий имел несомненную связь с Сабазием малоазийских памятников, изображавшимся в восточном костюме и фригийском колпаке. Для этого необходимо обратить внимание на одну деталь, встречающуюся на изображениях фракийского всадника. В качестве примера может быть указана еще одна фасосская находка.[6] Речь идет о надгробии с именами Ауфония и Ауфонии и с изображением последней в образе сидящей на троне богини, а первого в образе фракийского всадника с развевающимся за спиной плащом. Правая рука всадника поднята вверх и воспроизводит жест benedictio latina, столь характерный

---

[1] М. И. Ростовцев. Святилище фракийских богов и надписи бенефициариев в Ай-Тодоре, ИАК, вып. 40, табл. III—VIII и текст, стр. 14—30 (согласно с которым дано описание рельефа из Мельника).

[2] Археол. известия на Народния Музей в София, ред. В. Добруски, кн. I. София, 1907, стр. 16.

[3] Henri Seyrig. Quatre cultes de Thasos. BCH, 1927, стр. 198 сл., табл. IX.

[4] М. И. Ростовцев. Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре. ИАК, вып. 49, стр. 46 сл.

[5] В. Иванов. Дионис и прадионисизм. Баку, 1923, стр. 2—3.

[6] H. Seyris. ук. соч. BCH, 1927, тт. I—IV, табл. X.

для Сабазия и встречающийся постоянно на малоазийских памятниках, связанных с его культом.

Круг таким образом замкнулся, связав воедино цепь определенных ритуальных черт, сумма которых создает отчетливое представление о культе Сабазия, выделяя его из общего фона родственных религиозных явлений. Benedictio latina далеко не редкость на стелах фракийского Диониса. Известны десятки происходящих из разных мест Македонии и Фракии изображений, воспроизводящих этот жест, указывая тем самым, может быть, даже на его фракийскую автохтонность.[1]

Эпоха позднего эллинизма и гегемонии Рима становится свидетелем весьма широкого распространения культа Сабазия. В северные и западные провинции Римской империи он проникает вместе с культом Кибелы и Митры, в тесную связь с которыми был поставлен еще в М. Азии.

Наибольшее количество памятников, относящихся к культу Сабазия, дают Фригия и Лидия, области, являвшиеся несомненно древнейшим очагом этого культа. Во фригийских надписях Сабазий выступает неоднократно в качестве паредра местной женской богини, отождествленной с греческой Деметрой.[2] Еще в Малой Азии чрезвычайно распространено было отождествление Сабазия с Зевсом, точнее, придание Зевсу (в котором, всякий раз, может быть, следует видеть местное мужское божество) имени Сабазия в качестве эпитета.[3]

Юпитер-Сабазий получил широкое распространение в северных провинциях империи и в Италии, откуда происходит целый ряд соответствующих ex voto.[4] М. Азия также дает эпиграфические свидетельства о мистериях Сабазия, из которых наиболее важными являются два декрета пергамского царя Аттала III (142-1 г.), чья мать Стратоника (жена Аттала II) перенесла культ Сабазия в Пергам со своей родины — из Каппадокии. Пергамский культ Сабазия предстает в этих надписях, как семейный культ атталидов, в котором жречество передавалось по наследству. Паредром Сабазия в этом культе было местное женское божество с именем Афины Никефорос.[5]

Фракийская, мезойская и вифинская эпиграфика знает несколько посвящений Сабазию с местными топонимическими эпитетами Ἀρσιληνός (повторяется несколько раз), Ἀφυπαρηνός, Πανσαγανὸς. Кроме того, в балканских надписях Сабазий дважды выступает в связи с Великой идейской матерью Кибелой, именуясь в одной из них ее сыном, т. е. идентифицируется с Аттисом (υἱῷ θεᾶς Ἰδείας μεγάλης μητρὸς Διὶ Ἡλίῳ μεγάλῳ κύριῳ Σεβαζίῳ ἁγίῳ Никополис).

Специальный интерес для последующего изложения представляет надпись, найденная в Пироте, с посвящением фиаса сабазиастов Сабазию, богу милостивому, высочайшему (θίασος Σεβαζιανὸς θεῷ ἐπηκόῳ ὑψίστῳ).

В коллекции Государственного Исторического музея в Москве имеется несколько фрагментированных рельефов (из собрания Бурачкова), происходящих из Ольвии и совершенно соответствующих по стилю и технике упоминавшимся выше фракийским рельефом с изображениями Диониса. Среди этих обломков имеется одно изображение фракийского всадника, три изображения Митры тавроктона, одно — бородатого Диониса и одно — Кибелы. Наличие такого большого числа стилистически тесно связанных между собой памятников, происходящих к тому же, возможно, из одного места, позволило в свое время М. И. Ростовцеву высказать предположение

[1] Перечень памятников с указанием литературы см. в BCH, 1927, тт. I—IV, стр. 211, прим. 2.

[2] R a m s e y. Cities and Bishoprics of Frigia, стр. 272 и 305.

[3] E i s e l e y Roscher, стр. 236.

[4] Например. I[ovi] O[ptimo] m[aximo] Sabasio C[onservatori], Германия, Майнц; Iovi Zabasio, Италия, Пренесте; Iovi Sabasio, Мизия (Павликиени); см.: Dessau, Inscriptiones latinae selectae, №№ 9277, 4091, 2189.

[5] См. RE s. v. Sabazios.

о существовании в Ольвии святилища «фракийских богов», подобного тому святилищу, которое было обнаружено при раскопках Ай-Тодора.[1] Для нас факт этих находок интересен главным образом тем, что он позволяет говорить о возможности влияния культа фракийского Диониса-Сабазия на исконный засвидетельствованный надписью IV в. до н. э. культ Диониса в Ольвии.

Айтодорское святилище дает для этого гораздо более богатый материал. Правда, в результате раскопок, произведенных без соблюдения необходимых требований, получены лишь остатки небольшого, четырехугольного в плане помещения, сложенного из монументальных известковых блоков, в котором были найдены три алтаря с надписями айтодорских бенефециариев и 14 фрагментированных рельефов с изображениями Диониса, Артемиды, Митры, фракийского всадника, трехликой Гекаты и, может быть, Гермеса.[2] Никаких сведений ни об обстановке находки упомянутых памятников, ни о сопровождающем материале до нас не дошло.

Фракийское происхождение этих памятников со всей очевидностью было установлено М. И. Ростовцевым на основании стилистического анализа рельефов и на основании связи айтодорского гарнизона с римскими войсками Нижней Мезии. Один из наиболее сохранившихся рельефов изображает Диониса в венке (?), пебриде и эмбадах, с тирсом в руке, на фоне виноградных лоз, с пантерой у ног и в сопровождении фиаса. Другой, значительно более поврежденный рельеф дает почти ту же композицию. С правой стороны, по-моему, отчетливо видна извивающаяся змея.

Таким образом перед нами и здесь культ фракийского Диониса-Сабазия, главного божества айтодорского святилища, выступающего в сочетании с другими весьма популярными божествами фракийско-малоазийских мистических культов.

Обнаруженные в святилище алтари все, однако, имеют на себе посвящение Iovi optimo maximo, один раз с эпитетом conservatori, другой раз в соединении с dis deabusque. На основании этого здесь усматривалось сосуществование официального римского культа с фракийскими и местными религиозными элементами. На мой взгляд, посвящение Юпитеру, находившемуся в подобном окружении, еще ничего не говорит о наличии официального римского культа в данном святилище. Юпитер, которому фракийские, а может быть даже происходящие из более близких к Крыму мест, легионеры посвящали свои ex voto, скорее всего имел самую отдаленную связь с образом Юпитера Капитолийского, и, наоборот, был весьма близок к какому-либо из образов айтодорских рельефов.

В 1911 г. в Керчи при земляных работах (на б. Предтеченской площади) была найдена плита из известняка, чрезвычайно напоминающая по своей форме и характеру изображений фракийские вотивы.[3] В четырехугольном углублении плиты слабым рельефом изображены: посредине — сидящее en face мужское божество с бородой, во фригийском колпаке, с тимпаном (?) в левой руке; вправо от сидящей фигуры — женское божество в профиль в длинной тунике; между ними — большая извивающаяся змея. Слева, также в профиль, Гермес в петасе, с окрыленным кадуцеем в руке. Сцена, несмотря на известное своеобразие, несомненно должна быть сближена с малоазийскими вотивами, изображающими троицу — Кибела, Сабазий, Гермес или Кибела, Аттис, Гермес.[4] Судя по совместным нумизматическим находкам,[5] керченский вотив относится к римскому времени, не позднее

[1] М. И. Ростовцев, ук. соч., ИАК, вып. 40, стр. 46 сл.
[2] Там же, табл. II—V.
[3] В. В. Шкорпил. Отчет о раскопках в Керчи в 1911 г. ИАК, вып. 56, стр. 17, рис. 6.
[4] См., напр.: Graillot. Le culte de Cybèle, III. Париж, 1912.
[5] В. Шкорпил, ук. соч., стр. 16 сл.

II в. н. э. Вероятно он происходит из храма, посвященного культу малоазийских божеств (скорее всего из храма Кибелы), так как в его окружении был найден обломок мраморной статуи Кибелы [1] и две посвятительных надписи Кибеле,[2] датирующейся III—II вв. до н. э.

Рельефы с изображением фракийского всадника-Диониса также известны на Боспоре.[3] Среди происходящих из Керчи терракот имеются фигурки скачущего на коне бога, в плаще и фригийском колпаке, весьма близкие фракийским рельефным изображениям.[4]

Несравненно важнее в нашей связи тот факт, что апофеоз умершего, в качестве бога-всадника, соединенного с сидящей на троне богиней, был обычным представлением на Боспоре в первые века н. э. Как известно, подобные изображения весьма нередки на керченских надгробных стелах I—II в. н. э. и свидетельствуют о какой-то связи этих представлений с образом хтонического Диониса-Сабазия.[5]

Об этом же, надо думать, говорят и фрески в некоторых керченских склепах, которые их исследователь — М. И. Ростовцев в свое время объединил под названием «склепов сабазиастов». Речь идет о девяти земляных погребальных камерах, расположенных обособленной группой, очень близких друг другу по конструкции с весьма примитивной и грубой, нанесенной прямо — по глине, без штукатурки, росписью.[6] Склепы представляют весьма компактную группу в хронологическом отношении; все они принадлежат III, может быть, началу IV в. н. э.

Роспись большей частью сохранилась плохо, но даже и в случаях хорошей сохранности ее скупой, весьма условный и схематичный язык дает очень много поводов для разноречий при определении значения отдельных изображений. Однако общий их смысл довольно прозрачен: это ритуальная живопись, весьма тесно связанная с теми религиозными представлениями, которые культивировались сектами, исполнявшими мистические культы «восточных» божеств.

Перед нами весьма примитивные изображения: человек с копьем или тирсом (склеп 1873 г.); [7] всадники с тимпаном (?) и копьем в руках или с поднятыми вверх руками (склепы 1890 и 1901 гг.); [8] две крайне небрежные, помещенные совсем рядом и, очевидно, связанные между собой головы — одна, бо́льшая по величине, в пышном головном уборе, другая, меньшая, во фригийском колпаке (?) (склеп 1901 г.); шесть танцующих фигур во фригийских колпаках, с копьями и тимпанами в руках, с равным количеством

[1] Там же, стр. 19, рис. 9.

[2] IosPE, I, №№ 16, 17.

[3] S. Reinach. Antiquités du Bosphore Cimmérien. Париж, 1892, стр. 95. — G. Kieseritzky u. C. Watzinger. Griechische Grabreliefs aus Südrussland. Берлин, 1909, табл. XXII, XXVIII сл.

[4] Три таких фигурки, происходящие из керченских покупок В. П. Сизова, имеются в коллекциях ГИМ.

[5] В 1892 г. на северном склоне горы Митридат был найден обломок плиты с надписью: Διονύσῳ [ἐ] Ἀρείῳι. Надпись датируется IV в. до н. э. Вотив с подобным эпитетом Диониса уникален. Вообще же этот эпитет применительно к Дионису засвидетельствован лишь однажды, а именно Orph. Hymni, XXX, 4. «Как бы там ни было надпись свидетельствует о наличии в Пантикапее культа Диониса воинствующего»,— замечает в своем комментарии В. В. Латышев (IosPE, IV, № 199), склонный, видимо, связывать его с Дионисом «индийским». Однако употребление этого эпитета орфиками, пожалуй, скорее говорит в пользу связи его с фракийским Дионисом Загреем-Сабазием. Если это так, то перед нами чрезвычайно важный документ, свидетельствующий о распространении культа фракийского Диониса уже в классическую эпоху в восточном направлении, по северным берегам Эвксина. Эпитет ἀρήιος встречается в орфических гимнах еще раз, применительно к Корибанту (Orph. Hymni XXXIX, 11), божеству, в равной мере связанному с культом Великой матери.

[6] М. Ростовцев. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1914, стр. 425.

[7] Там же, табл. XCIX, рис. 2.

[8] Там же, табл. CI, рис. 2 и табл. XCVIII, рис. 1.

птиц, размещенных соответственно человеческим изображениям (склеп 1905 г.); [1] большая человеческая фигура во фригийском колпаке, с поднятыми вверх руками, в каждой из которых по довольно отчетливо изображенному венку (склеп 1912 г.); [2] много изображений птиц, из которых две сидят на предметах, более всего похожих на cista mistica,[3] а две на ветвях и, повидимому, клюют плоды; [4] пышные виноградные лозы, выходящие из сосуда, напоминающего большую широкогорлую амфору или кратер, причем плоды изображены настолько условно, что более похожи на шишки (пинии?), чем на виноградные грозди. На той же таблице (XCVII) мы видим, кроме того, дерево — на этот раз без сомнения пинию, с сидящей на ней и клюющей плоды птицей. Там же, между лозой и пинией, изображена большая птица, более всего похожая на орла. В одном из склепов [5] мы видим, кроме того, два обычных солярных знака в виде круга с широкими перекрестьями. Во всех склепах имеются орнаментальные фризы с рисунками геометрического характера.

Изображения танцующих людей во фригийских колпаках могут быть связаны лишь с оргиастическими культами Кибелы и Диониса-Сабазия. Чрезвычайно трудно все же дать ответ — в честь какого именно бога исполняют свои мистические танцы люди, изображенные на стене склепа 1905 г. (табл. XCIX). Изображения виноградной лозы (или пинии), птиц, клюющих плоды бессмертного дерева, мистической цисты красноречивы в том отношении, что представляют собой обычную символику культовых изображений, связанных с представлениями о бессмертии души и о способах его достижения посредством определенных мистических обрядов. Пиния, как известно, атрибут не только Сабазия, но в гораздо большей степени Кибелы и Аттиса. В равной степени, для их обрядовой символики характерны cista mistica, птицы, символизирующие свободную от тела душу, так же как для их культа — экстатические танцы с оружием, тимпанами и венками. В цитированной публикации с большими колебаниями все же высказано заключение о принадлежности этой группы склепов мистам Сабазия. К этому побуждало автора, очевидно, главным образом то, что предметы в руках некоторых человеческих изображений были приняты за змей. К сожалению, утверждать это невозможно. Предметы изображены схематично, и, если отбросить домыслы, то глаз воспринимает эти предметы как палки, т. е. копья, или жезлы (тирсы). Изображения двух парусных кораблей на стенах склепов 1901 г. не имеют аналогии на известных памятниках культа Сабазия, и если принять их за изображения культового характера, подобно всем другим рисункам этих склепов, они могли бы найти себе параллель лишь в известных carrus navalis дионисийских процессий, фигурировавших не только на официальных празднествах, но и в мистических «священных свадьбах», как свидетельствует одна помпеянская фреска.[6] Две, рядом изображенные, головы в склепе 1901 г. (табл. XCVIII, рис. 1), если только кривая линия над головой меньшего размера символизирует фригийский колпак, скорее всего могли бы быть приняты за изображение Кибелы и Аттиса.

Вообще, нехарактерность, низкая техника и очень плохое состояние этих рисунков дают слишком большую свободу для всякого рода гаданий. Несомненной, как я уже сказал, является лишь их принадлежность символике хтонического культа в той его форме, какую он приобрел в первые века н. э. К тому же мне представляется, — доказать это конечно было бы трудно, — что рисунки в «склепах сабазиастов» имеют отношение к обряд-

[1] Там же, табл. XCVIII, рис. 2.
[2] Там же, табл. XCIV.
[3] Там же, табл. C, рис. 3.
[4] Там же, табл. C, рис. 2; табл. CXVII.
[5] Воспроизведена у M. Rostowtzeff, Mystic Italy, табл. VIII.

ности, выросшей скорей на малоазийской, чем на фракийской почве. Об этом говорят фригийские колпаки, венки, тимпаны и копья (палки) в руках мистов, пиния и, наконец, орел, как характерный атрибут малоазийских мужских божеств, идентифицировавшихся с Зевсом. Об этом, мне кажется, говорит и самый стиль изображений, параллели которому могут быть подысканы скорее на востоке, чем на западе греко-римского мира.

А в таком случае следовало бы предположить, что перед нами хтоническая символика культа, очень тесно связанного с дионисизмом, и с культом Кибелы, весьма распространенным и глубоко укоренившимся на Боспоре. То, что склепы, будучи близки по времени, похожи один на другой, обладают однообразной росписью и расположены неподалеку друг от друга, объясняется очевидно близостью, объединившей погребенных в них людей. И если это были члены одной религиозной организации, то, поскольку роспись склепов позволяет судить об ее ритуале, перед нами скорее всего нечто вроде фиаса малоазиатских буколов, дендрофоров или дорифоров (hastiferi), очень распространенных в М. Азии в эпоху поздней империи, отмеченных на западном берегу Черного моря (Аполлония, Томы) и в западных провинциях империи.[1] В известной пергамской надписи [2] буколы фигурируют как участники празднеств и мистерий Диониса и имеют характер придворной религиозной организации. Название «Буколы» (пастухи) имело чисто религиозный, переносный смысл.[3] Подобно этому фиасу и другие малоазийские фиасы и братства буколов (дендрофоров, дорифоров, корибантов) выполняли определенные функции в процессиях Великой матери и Диониса-Сабазия: исполняли ритуальные пляски с оружием в руках, участвовали в перенесении священного древа (пинии) и т. п.[4] Известно, кроме того, что коллегии дендрофоров (как и гастиферов) в Италии и в других провинциях имели весьма часто профессиональный характер, объединяя представителей определенного ремесла. В этой связи может быть не лишено основания предположение, высказанное в порядке истолкования изображений кораблей на стенах керченского склепа 1901 г., о том, что владельцы этих склепов были также судовладельцами и составляли может быть фиас навклеров, с определенной религиозной окраской.[5] Впрочем, как сказано выше, изображение кораблей находит свое объяснение в самом ритуале дионисийского мистического культа.

Мне кажется, таким образом, что роспись дает некоторые основания для причисления их владельцев к религиозной ассоциации типа вышеуказанных фиасов, связанных с культом Диониса, Сабазия и Кибелы. Вывод этот важен в том отношении, что он позволяет нам присоединить указанные склепы к группе боспорских памятников, свидетельствующих о наличии широкой среды, с соответствующей религиозно-ритуальной практикой — среды, в которой совершенно закономерно могли найти свое место культ и изображения бога Сабазия. В подкрепление предположения о принадлежности этих склепов сабазиастам в свое время была предпринята попытка связать их с известными надписями религиозных братств из Танаиса, Горгиппии и Пантикапея, имеющими посвящения высочайшему милостивому богу (θεῷ ἐπηκόῳ ὑψίστῳ) или лишенными этих эпитетов объединявшего их божества, но содержащих одинаковую с первыми номенклатуру связанных должностей и достоинств (ἱερεύς, πατὴρ συνόδου, συναγωγός, φιλάγαθος, παραφιλάγαθος и т. д.). В свое время В. В. Латышев [6] на основании сравнения

---

[1] Graillot, ук. соч., стр. 262—263.

[2] Fränkel, Inschrift v. Pergamon, II, стр. 785—87.

[3] Ср. Aristoph. Vespae, 9.

[4] Daremberg-Saglio, s. v. thiasos.

[5] К. М. Колобова. К вопросу о судовладении в древней Греции. ИГАИМК, вып. 61, стр. 64.

[6] IosPE, II, стр. 236 сл.

танаидских посвящений с эпитетами Сабазия в цитированной выше пиротской надписи пришел к выводу об идентичности θεὸς ὕψιστος танаидских votивов с Сабазием, а М. И. Ростовцев (в цитированной публикации) весьма горячо поддержал это предположение. Но не так давно с очень серьезной критикой этой идентификации выступил Н. И. Новосадский,[1] отказавшийся признать в безыменном боспорском боге Сабазия на том основании, что эпитеты, благодаря которым было произведено их отождествление, в литературе и надписях гораздо чаще прилагаются к другим божествам (Зевсу, иудейскому Саваофу, Мену и т. д.). Нет нужды входить в частности этого спора. Но к аргументации Н. И. Новосадского хотелось бы прибавить кое-какие из установленных нами выше фактов, и прежде всего то, что культ и ритуал мистерий Сабазия весьма близки к культу и ритуалу мистерий Диониса. Мы проследили выше целый ряд существенных совпадений, обнаруживающихся как в самых культовых актах, так и в их терминологии, что выясняется из сопоставления демосфеновых слов в речи «О венке» с эпиграфическими данными о вакхических фиасах в Риме и на Востоке (список членов фиаса Агриппинилы и надпись из Аполлонии понтийской, C. I. G. № 2052). В надписях же боспорских синодов мы не встречаем подобных совпадений. Ни один культ, близкий религии Диониса и Кибелы, не мог бы обойтись без цистофоров, канефоров, дендрофоров, иеробакхов и т. д., которые не упоминаются в боспорских надписях. Наоборот, в них имеются должности и достоинства, никогда не встречающиеся в вакхической терминологии.

Впрочем, по общему признанию, имя бога боспорских синодов следует искать все в том же кругу греко-малоазийских синкретических божеств, чьи эпитеты отражают развитие монотеистических религиозных идей, испытавших в какой-то степени влияние иудаизма и из культа которых возникло и распространилось христианство. Мифология и мистический ритуал Диониса-Сабазия содержит немало элементов, воспринятых этими синкретическими религиями, и, стало быть, при определении отношений боспорских синодов к культу Сабазия мы должны констатировать не только наличие одинаковых эпитетов того и другого бога, но скрывающуюся за ними некоторую общность религиозных представлений.

Облик мужских божеств, идентифицируемых с Зевсом, на фракийских и малоазийских рельефах значительно отклоняется от греко-римского типа Зевса-Юпитера. Мне хотелось бы указать здесь на одну происходящую с Нижнего Дуная статуэтку Юпитера Долихена,[2] северносирийского божества, во II в. н. э. распространившегося по всей римской империи, в сопровождении тех же самых эпитетов, которые прилагались к имени Сабазия. Голова ее весьма близка к голове фанагорийской статуэтки Сабазия (рис. 3).

Но облик последнего, насколько можно судить по обломку, все же довольно резко отличается от того образа, который возникает при ознакомлении с изображениями Сабазия, происходящими из М. Азии или близкими к ним. Малоазийский Сабазий, подобно Аттису, Мену, Митре, носит большей частью восточное платье, состоящее из длинной, почти до колен доходящей рубашки, узких штанов и короткого плаща за плечами. Черты лица малоазийского Сабазия мужественны, строги, приближают его к облику Зевса в бо́льшей степени, чем к облику бородатого Диониса.

Фанагорийская же статуэтка воспроизводит обнаженную мужскую фигуру с мягкими дионисо-сатирическими чертами лица, которому может быть трудно подыскать прямые аналогии среди изображений фракийского Диониса; но несомненно, что они к нему ближе, чем изображения малоазийского Сабазия, тем более, что на фракийских рельефах Дионис-Сабазий

[1] Н. И. Новосадский. Боспорские фиасы. ТСАРАНИОН, вып. III, стр. 55 сл.

[2] Изв. Българск. археол. инст., т. VII, 1932—1933, стр. 404, рис. 155.

предстает иногда совершенно обнаженным или только в небриде или коротком плаще.

Фригийский колпак — непременная принадлежность костюма малоазийского Сабазия — имеет у фанагорийской статуэтки одну особенность, а именно зубчатые концы его нижнего края, которых мы не встречаем на фригийских колпаках Сабазия и родственных ему божеств, имеющих этот атрибут.

У некоторых статуэток Аттиса нижний край колпака обрамлен вьющимися, выбивающимися из-под него волосами, что создает впечатление, довольно близкое получаемому при взгляде на фанагорийскую статуэтку. Но все же там это отчетливо различаемые волосы, которые у нашей статуэтки скрыты под колпаком с утолщенными, заостренными выступами, позволяющими лишь предполагать скрывающуюся под ними шевелюру.

Таким образом есть, как будто, некоторые основания к тому, чтобы рассматривать фанагорийскую статуэтку как промежуточное звено между фракийскими и малоазийскими изображениями Диониса-Сабазия. И, как мы могли убедиться, присутствие подобных изображений в Фанагории римского времени — явление вовсе не случайное; оно подтверждается наличием целого ряда памятников, дающих понятие о существовании серьезной почвы для распространения фракийско-малоазийских мистических культов во всем бассейне Северного Причерноморья.

В этой связи менее неожиданной представляется сделанная еще в конце прошлого века находка вотивной бронзовой dextra, с атрибутами Сабазия, на территории Днепропетровского края. Рука, как и все подобные бронзовые вотивы, воспроизводит жест benedictio latina и имеет на себе изображение змеи, шишки пинии, кратера, кадуцея и других знакомых нам атрибутов. Б. В. Фармаковский ее издал [1] как вотив, не определив ее принадлежности к культу Сабазия.

Было это, впрочем, еще до того, как Блинкенберг в своих археологических этюдах [2] собрал и изучил все подобные benedictio latina, положив этим основание археологии культа Сабазия.

L. ELNICKIJ (L. JELNITZKI)

SUR QUELQUES CULTES HELLÉNISTIQUES DU BOSPHORE CIMMÉRIEN (DIONYSOS — SABAZIUS)

Résumé

Publiant une terre cuite fragmentée de l'époque romaine, trouvée au cours des fouilles de Phanagorie en 1937 et représentant un personnage divin avec des traits et des attributs (sort de bonnet phrygien) d'un culte oriental du cycle dionysiaque, l'auteur la rapproche des représentations de Sabazius, provenant surtout de l'Asie Mineure, de l'Europe méridionale et, trouvaille unique, mais très caractéristique, de l'Espagne (Ampuriade).

Vu que le culte de Sabazius n'est pas attesté d'une façon sûre et incontestable sur les bords septentrionaux du Pont-Euxin, l'auteur rapporte quelques faits établissant l'existence de liens entre l'ancienne Thrace et Bosphore en matière de conceptions religieuses.

Le grand épigraphiste russe B. Latychev attribuait au dieu Sabazius les inscriptions votives, rapportées à θεῷ ἐπηκόῳ ὑψίστῳ (sans dénominations plus précises), des associations religieuses de Panticapée, de Gorgippie et de Tanaïs. Latychev fondait son opinion sur l'inscription bien connue de Pirot,

[1] ИАК, вып. 3, табл. XVI.

[2] Blinkenberg. Archäolog. Studien, Копенгаген, 1904.

qui présente les mêmes épithètes liées au nom de Sabazius. Après lui, Rostovtzeff reconnut les procédés et les symboles du culte mystique sabaziaste dans les représentations peintes sur les murs de quelques chambres sépulcrales de Kertch, nommées par lui «sépulcres des sabaziastes».

Mais ces hypothèses, la seconde comme la première, peuvent etre contestées, puisque les dites épithètes se rencontrent à la suite des noms des autres divinités syncrétiques de la basse époque.

Un nouvel examen des dessins sépulcraux montre que les personnages et les symboles religieux figurés, assez vagues et incertains, répondent à un culte mystique de Cybèle et d'Atys plus qu'à tout autre, présentant en même temps quelques traits seulement du culte dionysiaque.

La dénomination spéciale appliquée aux ministres du culte par les thiases sabaziastes en Grèce est très proche de celle des thiases dionysiaques, par exemple du thiase d'Agrippinilla en Italie, dont une inscription très intéressante a été publiée récemment.

On ne trouve, d'autre part, aucun point de rapprochement entre la nomenclature dionysiaque et sabaziaste et celle des associations religieuses du Bosphore.

Il semble pourtant qu'il y ait une autre preuve sûre d'infiltration des rites et des idées dionysiaques-sabaziastes du nord du bassin égéen au Bosphore par la voie côtière septentrionale. On sait que les monuments d'un culte du «cavalier thrace» se trouvent en abondance dans le pays scythe. On en note à Olbie, à Aï-Todor (Charaxe) et au Bosphore.

Or, «le cavalier thrace», comme le montrent les trouvailles récentes faites à Thasos, dans le sanctuaire de Dionysos, n'est autre que Dionysos-Sabazius lui-même. C'est ce qu'avait déjà soupçonné Perdrizet, en examinant un relief provenant de Melnik en Macédoine. Quelques traits, par exemple l'usage constant du geste de «bénédiction latine», l'associe au rituel sabaziaste asiatique.

Il est à constater, enfin, que le culte mystique de Sabazius, qui a trouvé son chemin de Thrace au Bosphore, s'y était peut-etre associé avec le culte de la Grande Mère, comme cela avait eu lieu en Asie Mineure.

Dans ce milieu syncrétique, les représentations de Sabazius aux traits dionysiaques prononcés ne sont que naturelles. Elles montrent un point de contact entre le dionysisme thrace et les conceptions indigènes ou asiatiques.

Г. И. МОСБЕРГ

К ИЗУЧЕНИЮ МОГИЛЬНИКОВ РИМСКОГО ВРЕМЕНИ ЮГО-ЗАПАДНОГО КРЫМА

Культура древних обитателей предгорного и южнобережного Крыма изучена еще очень слабо. Высказанные в последнее время соображения, будучи слабо документированы вещественными материалами, имеют лишь предварительный, скорее теоретический, характер.

Для ранней поры перехода от бронзы к железу мы располагаем данными о наличии в юго-западном Крыму широко распространенной, однородной по характеру культуры с устойчивыми обрядами погребений в каменных ящиках — «дольменах».[1] Наличие «дольменов» в виде отдельных групп установлено в 31 пункте [2] (см. схему, рис. 1).[3]

Значительный материал для суждений о характере культуры более поздних периодов (с конца V до середины VII в.) [4] дали систематические раскопки расположенного на побережье могильника Суук-Су. Эта культура представлена рядом могильников.[5]

Последующее время с достаточной ясностью представлено могильниками VII—VIII и, вероятно, начала IX вв.[6] Они имеют широкое распространение в нагорье, и в настоящее время известны в 5 пунктах.[7] На побережье этот тип могильников представлен каменными гробницами так наз. «второго яруса» могильника Суук-Су.[8]

---

[1] Н. И. Репников. Каменные ящики Байдарской долины. ИАК, вып. 30, стр. 127—155. — Он же. О так называемых «дольменах» Крыма. ИТУАК, вып.44, 1910, стр. 11—22. — Он же. Предполагаемые древности тавров. ИТОИАЭ, т. I, 1927, стр. 137—140. — Он же. О новейших раскопках крымских «дольменов». Матер. Эски-Керменской экспед. 1931—1933 гг., вып. 117, 1935 г., стр. 126—134.

[2] 1) Байдары, 2) Скеля, 3) Саватка, 4) Бага, 5) Уркуста, 6) Биюк-Мускомия, 7) Каньон Черной Речки, 8) Чоргун, 9) Черкес-Кермен (второй кордон), 10) Камышлы, 11) Заланкой, 12) Маркур, 13) Татар-Османкой, 14) Биюк-Узенбаш, 15) Сююрташ, 16) Тиберти, 17) течение речки Марта, 18) там же, 19) Кикенеиз, 20) Симеиз, 21) Мисхор, 22) Гаспра, 23) Ай-Тодор, 24) Ореанда, 25) Аутка, 26) Ялта, 27) Массандра, 28) Кастель, 29) Алушта, 30) Корбеклы, 31) Демерджи.

[3] Прилагаемая схема расположения могильников составлена на основании подготовленных покойным Н. И. Репниковым к печати «Материалов к археологической карте юго-западного Крыма».

[4] Н. И. Репников. Некоторые могильники области крымских готов, ч. I, ИАК, вып. 19, стр. I — 80; ч. II, ЗОО, т. XXVII, стр. 101—148. — Он же. Разведки и раскопки в 1907 г. ИАК, вып. 30, стр. 105—111. — Он же. Раскопки в окрестностях Гурзуфа в 1905 г. ИТУАК, вып. 39, 1906, стр. 106—110.

[5] Известны в 8 пунктах: 1) Бахчисарай, 2) Биюк-Узенбаш на Яйле, 3) Симеиз, 4) Кореиз, 5) Суук-Су, 6) Артек I, 7) Артек II, и 8) Алушта (см. схему).

[6] Н. И. Репников. Разведки и раскопки в 1907 г. ИАК, вып. 30, стр. 113—119. — Он же. Раскопки Эски-Керменского могильника в 1928—1929 гг. Готск. сборн., стр. 153—180.

[7] 1) Скеля, 2) Биюк-Мускомия, 3) Инкерман, 4) Эски-Кермен и 5) Пычки.

[8] См. указанные работы Н. И. Репникова: ИАК, вып. 19, стр. 33—35; ЗОО, т. XXVII, стр. 130—132 и 138—139.

Памятники последних веков до н. э. — первых веков н. э. известны наоборот весьма слабо. Мы имеем единственные случайные раскопки погребений II—I вв. до н. э. и I в. н. э. в Тавеле. К сожалению, этот материал, добытый в 1897 г. Ю. А. Кулаковским, не был надлежаще издан. Раскопаны были две насыпи из камней, заключавшие большие четырехугольные камеры (6 × 3.50 × 1.65 м), сложенные из плит и перекрытые деревянным накатом из бревен. Захоронения оказались коллективными. Погребенные лежали рядами, один на другом. Число захоронений огромно, до сотни скелетов. При них обнаружен разнообразный и характерный инвентарь: большое количество стеклянных, пастовых, янтарных, лигнитовых и других бус; скарабеи, пронизи, фигурки людей и лежащих львов; украшения из бронзы и серебра — браслеты, гривны, кольца, фибулы, пряжки, бляхи и т. п.; бронзовые наконечники стрел, копья и ножи; кроме того, монеты Ольвии и Херсонеса III в. до н. э. и I в. н. э. Керамика — краснолаковая и грубая лепная.[1]

Погребения I—V вв. в юго-западном Крыму также не были еще предметом систематических раскопок. Случайные раскопки Н. М. Печенкина в 1903—1905 гг.[2] и В. Д. Блаватского в 1931, 1932 и 1935 гг.[3] при всей важности добытого ими материала еще не достаточны для решений вопроса о культуре первых веков н. э.

В связи с этим значительный интерес представляет новый, не опубликованный еще материал разведок 1937 и 1938 гг. на Бельбекском могильнике II.[4] Этот могильник находится в районе среднего течения р. Бельбек, на ее правом берегу, на поле д. Нижние Каралезы. Могильник состоит из грунтовых могил, не отмеченных внешними признаками. Он был обнаружен в 1937 г. при работах по расширению дороги, когда у подножия холма была открыта одна могила. В ней при костях погребенного оказалась остродонная амфора I—II вв. н. э. Тогда же экспедицией ИИМК и Севастопольского музейного объединения (СМО) была произведена разведка, подтвердившая наличие здесь могильника. Вскрыто было одно погребение. Размеры могильной ямы 2.15 × 0.64 × 0.50 м. На дне ее оказались лежавшие в беспорядке человеческие кости плохой сохранности; погребенный был положен, повидимому, головой на СВ. Наряду с костями человека обнаружена кость бычачьей ноги. При костяке найдено зеркало с ушком, глиняное пряслице, несколько бус, обломок перстня, фрагменты, фибулы, колокольчик с обломанным ушком и дужка от пряжки (?) (рис. 2). Этот материал относится к II—III вв. н. э.

В 1938 г. экспедицией ИИМК и СМО были вскрыты еще две могилы (к В от раскопанной в 1937 г.). На глубине 0.20—0.25 м над обеими могильными ямами после снятия слоя мягкой светлой глинистой наносной земли обнаружились груды камней. В груде камней над могилой № 2 [5] было значительное количество золы, угля и сильно раздробленных костей, повидимому, коровы; [6] некоторые кости обгорели. Здесь же найдены фрагменты бронзового предмета, может быть фибулы (рис. 3, *1*), бронзовый перстень со вставкой из красной пасты (рис. 3, *2*) и несколько бус. Камни не только перекры-

---

[1] ОАК за 1897, стр. 36—38. — Архив ИИМК, дело Археологической комиссии, 1897, № 88. — ИТУАК, вып. 26, 1897, стр. 173—174; вып. 28, стр. 200—202. — Posta-Bela. Archaeologische Studien auf Russischem Boden, 1905, стр. 477.

[2] Раскопки в окрестностях Севастополя. ИТУАК, вып. 38, 1905, стр. 29—38. — Архив ИИМК, дела АК, 1903, № 109; 1904, № 161; 1905, № 145.

[3] В. Д. Блаватский. Предварительный отчет о раскопках в Хараксе. Проблемы, 1933, № 1—2, стр. 55—60. — Он же. Раскопки в Хараксе в 1931, 1932 и 1935 гг. ВДИ, 1938, № 2(3), стр. 325—328.

[4] Первым называю могильник, вскрытый на Бельбеке Н. М. Печенкиным.

[5] Считая могилу, вскрытую в 1937 г., за № 1.

[6] Приведенные данные заимствую из дневника раскопок, составленного Е. В. Веймарном.

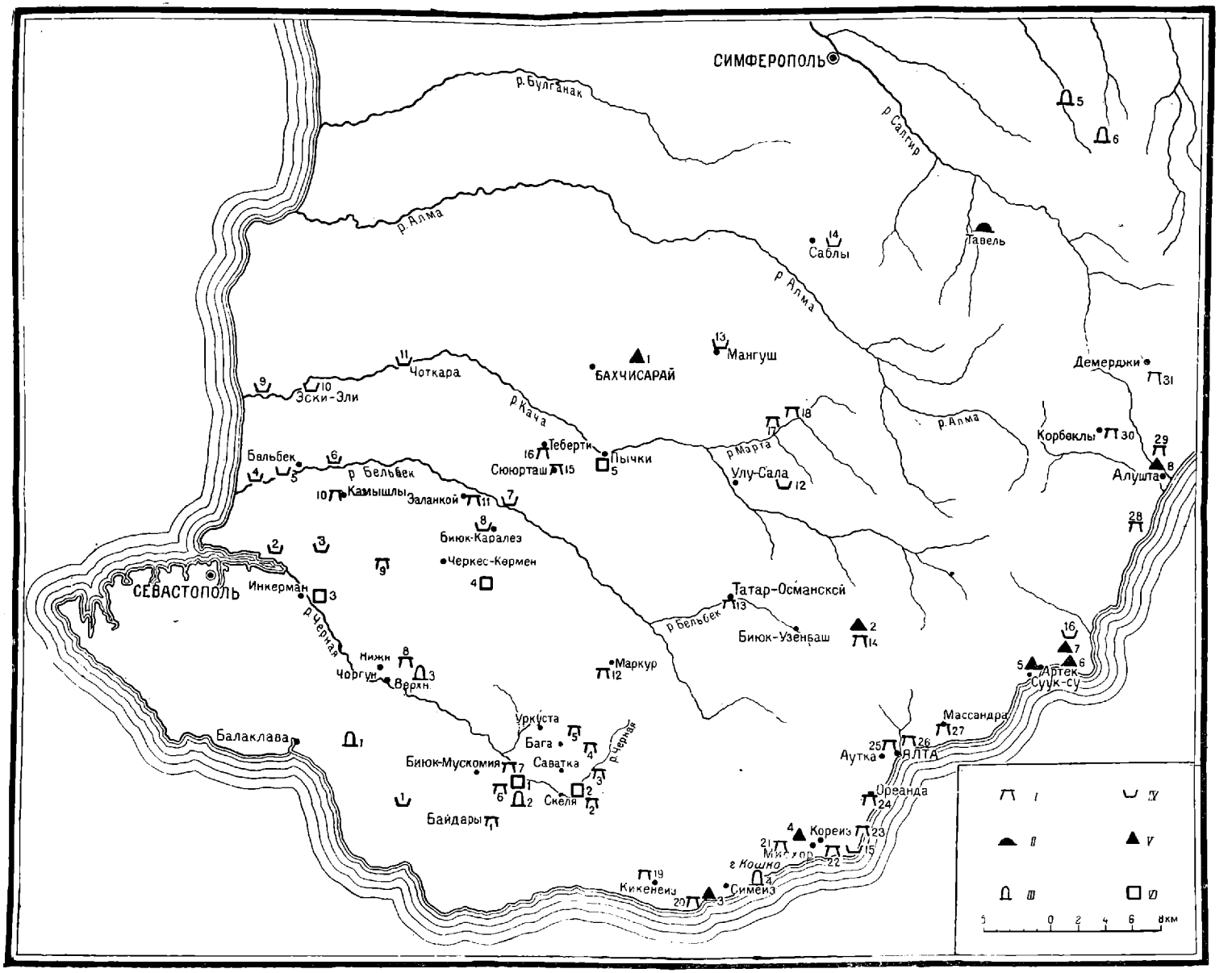

Рис. 1. Схема распространения могильников I тысячелетия до н. э. и I тысячелетия н. э. в юго-западном нагории Крыма.

вали могильную яму, но и спускались в нее на 0.10—0.15 м (размеры могильной ямы 2.24 × 0.75 × 0.45 м). На дне могилы лежал костяк хорошей сохранности головой на ЮЗ, руки вытянуты вдоль туловища. В ногах погребенного стояла остродонная амфора (рис. 4, *1*). На плечах имеется метка — знак ΠΙ, выполненная красной краской.[1] Здесь же находится раздавленный стеклянный бальзамарий (рис. 3, *3*).[2]

В каменной насыпи над могилой № 3 обнаружено два обломка жернова (?), обломки бронзовой отделки шкатулки (рис. 3, *4* и *6*),[3] небольшой бронзовый гвоздик (рис. 3, *5*). В могильной яме, вырезанной в материке (размеры 2.50 × 0.90 × 0.30 м), костяк средней сохранности лежал головой на ЮЗ, с вытянутыми вдоль туловища руками. Череп сильно деформирован. По сторонам черепа найдены обломки двух бронзовых височных колец (рис. 3, 7). У кисти правой руки стоял небольшой краснолаковый сосуд с двумя ручками, но сохранилась только одна, другая отбита еще в древности; излом сглажен (рис. 4, *2*).[4] В ногах погребенного краснолаковый кувшинчик (рис. 4, *3*).[5] У ног найден маленький бронзовый ключ-перстень (рис. 3, *9*),[6] повидимому, от небольшой шкатулки.[7]

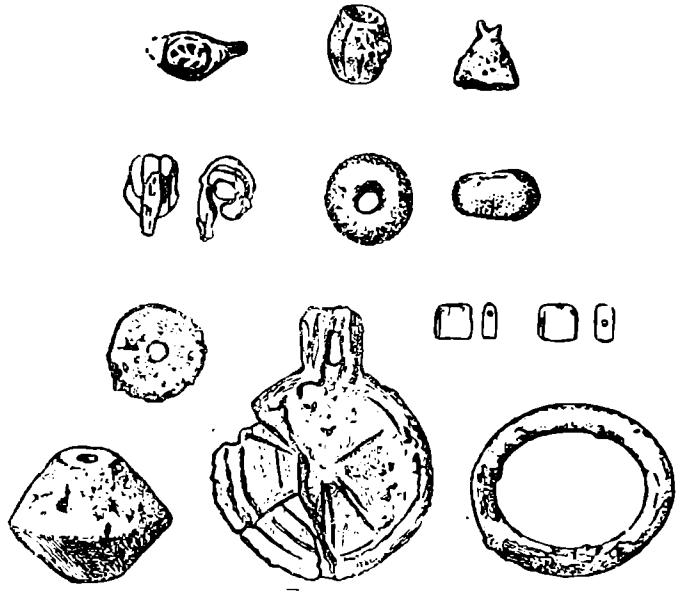

Рис. 2. Украшения из могилы № 1, раскопки 1937 г.

В этом погребении обнаружено значительное количество бус, на груди их было 20 шт.; остальные несколько сот найдены у нижних костей ног и ступней, поэтому можно предположить, что этими «ожерельями» из бус были связаны ноги покойника (рис. 3, *8*). Большинство бус стеклянные, зеленого, синего, фиолетового, красно-коричневого и молочного цвета. Часть бус из золотисто-желтого стекла, покрытого прозрачным стеклом.[8] По форме большинство бус — цилиндрические трубочки (длина 0.8—1.5 см, диаметр 0.5 см), широких плоских продолговатых бус немного, лигнитовых несколько штук. Характерно, что в Херсонесе в одновременных погребениях бус в форме трубочек почти не встречается. Нет таких бус и в погребениях могильника Бельбек I.

[1] Метки такой же краской встречаются на аналогичных амфорах в погребениях могильника Бельбек I. Одна из таких остродонных амфор найдена в погребении, вместе с двумя римскими монетами Гордиана II (238—244 гг.). Этот тип амфор широко распространен в Северном Причерноморье, см., напр., ОАК за 1912 г. (стр. 31, рис. 43—44). Время бытования амфор этого типа — II—III вв. н. э.

[2] По определению Т. Н. Книпович этот бальзамарий датируется II в. н. э.

[3] Шкатулки с металлическими отделками очень часто клались в могилу, (см., напр. ЗОО, т. XXI, стр. 271—292, табл. А—1).

[4] Сосуды почти тождественной формы и глины найдены в Херсонесе при раскопках некрополя у крестообразного храма в 1907 г. (ИАК, вып. 42, стр. 7, рис. 2, фиг. 8).

[5] Аналогичные кувшинчики также встречаются в Херсонесе в погребениях II—III вв. н. э. (там же, рис. 1, фиг. 5—7, 12 и 13).

[6] Формы аналогичных ключей распространены очень широко, в частности в Херсонесе их найдено большое количество (Н. И. Третеский. О древних херсонесских замках и ключах. ИАК, вып. 42, табл. VI, рис. 24—40).

[7] Ср. ЗОО, т. XXI, табл. А2, рис. 4, *a* и *b*.

[8] Аналогичные бусы имеют широкое распространение в погребениях римского времени в Северном Причерноморье.

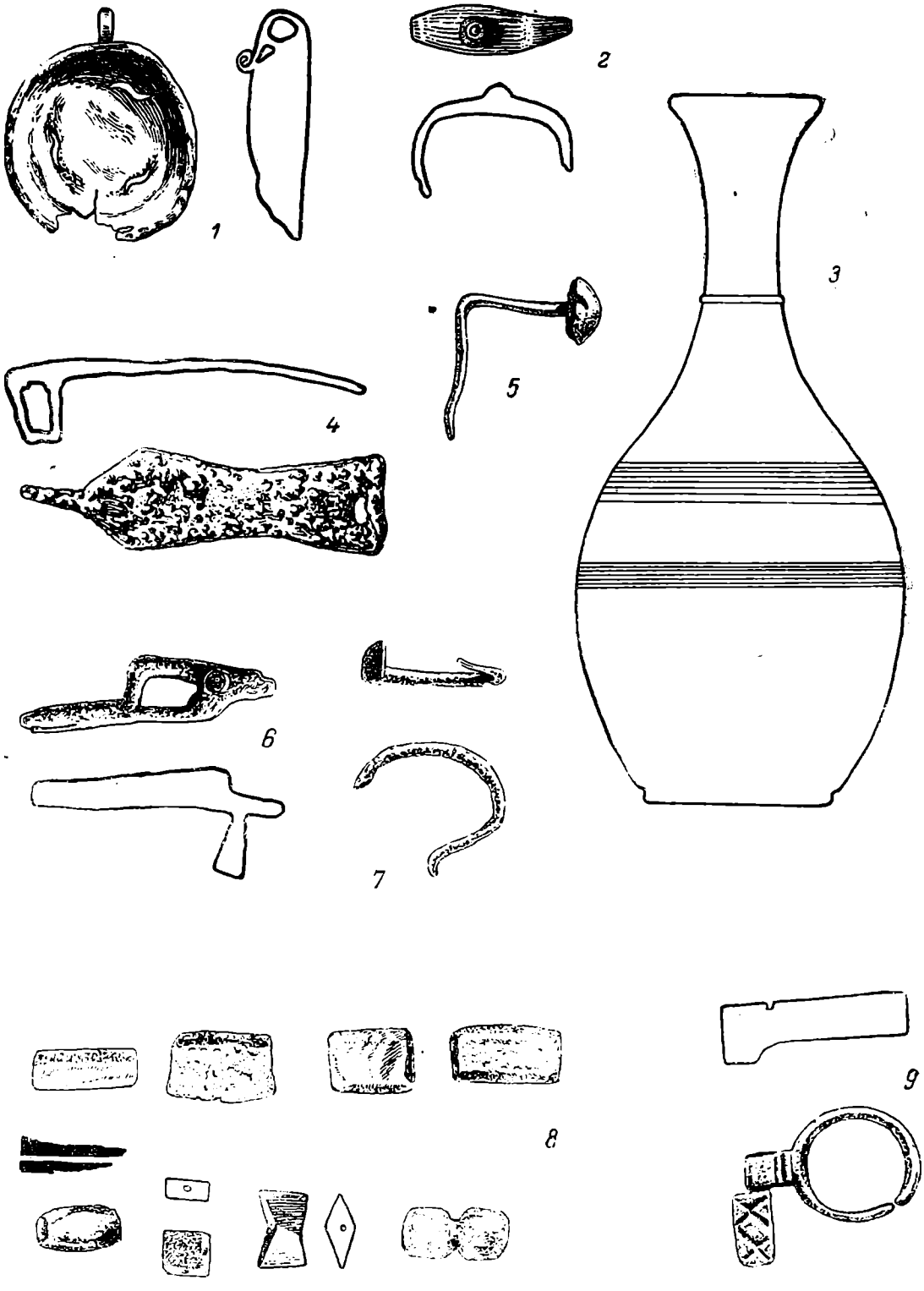

Рис. 3. Предметы из могил № 2 и № 3.

1 — фрагмент бронзовой фибулы; *2* — бронзовый перстень; *3* — стеклянный бальзамарий; *4* — фрагмент бронзовой отделки шкатулки; *5* — бронзовый гвоздь; *6* — фрагмент бронзовой отделки шкатулки; *7* — бронзовое височное кольцо; *8* — бусы; *9* — бронзовый ключ-перстень.

Вскрытые три погребения этого могильника не дают еще возможности точно датировать могильник в целом, но предварительные выводы все же возможны. Могильный инвентарь, в частности керамика, находит аналогии в керамике из херсонесских погребений II—III вв. н. э. и в керамике из

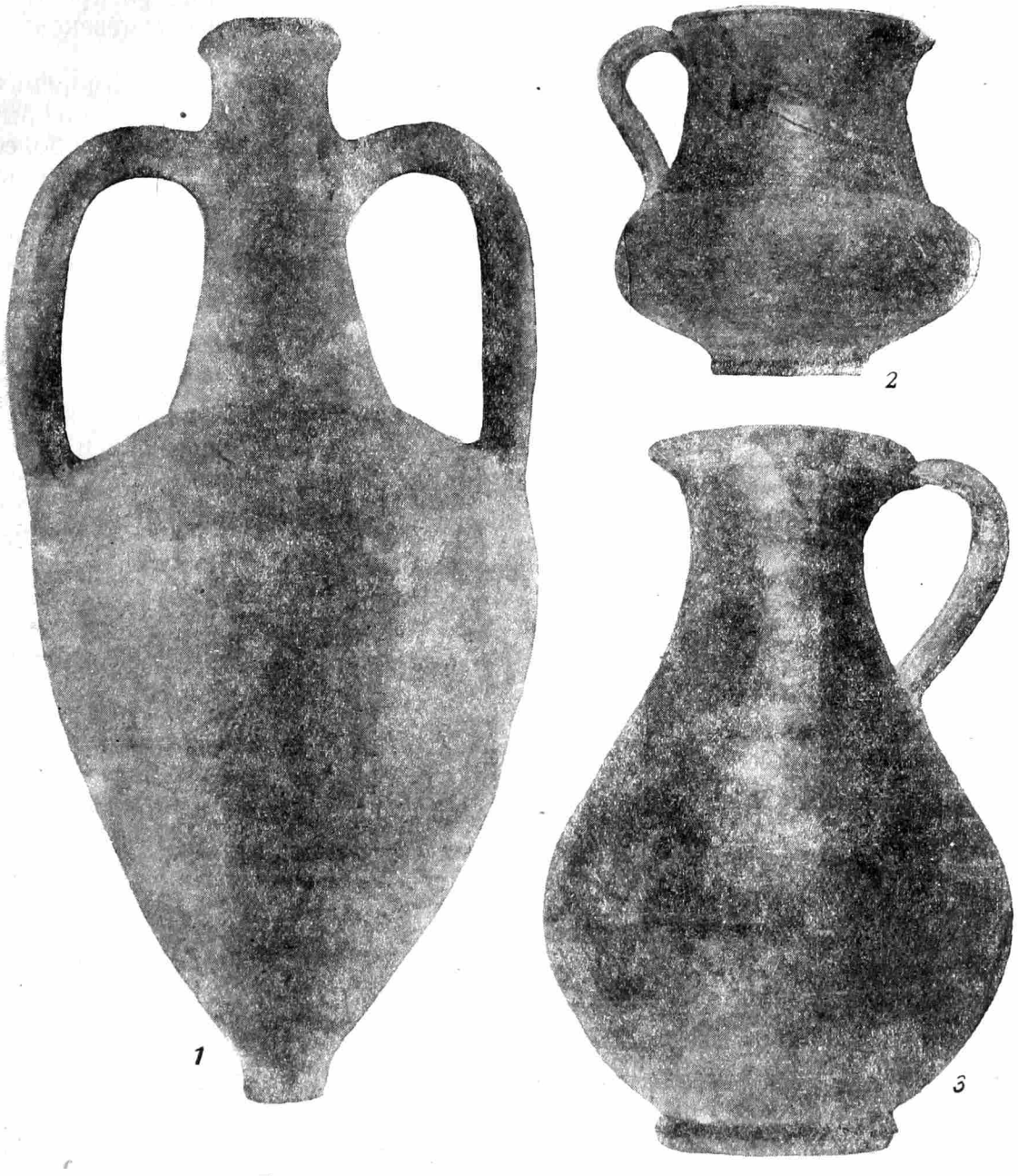

Рис. 4. Предметы из могил № №2 и 3.

1 — остродонная амфора; *2* — маленький кувшинчик; *3* — кувшинчик.

могильника Бельбек I. Сосуды аналогичной формы и техники широко изготовлялись провинциальными римскими мастерскими. Например, среди коллекции Трирского музея встречаются близкие формы и аналогичной техники сосуды, датируемые III в. н. э.[1] Таким образом эти три погребения могут быть датируемы II—III в. н. э.

Характерной особенностью описываемого могильника с погребениями

[1] S. Loeschcke. Römische Gefässe aus Bronze, Glas und Ton im Provinzialmuseum Trier. Trier. Zeitschr., т. II, 1928, табл. VI, рис. 2, 4, 12, 14 и др.

в грунтовых могилах являются каменные насыпи, роль которых остается пока невыясненной. Естественно возникает предположение, не связаны ли они с надмогильной тризной, поскольку в навале камней обнаружены угли, зола, кости животных и остатки шкатулок.

Весьма интересным является нахождение здесь деформированного черепа. Эта находка подтверждает, что деформация черепов, распространенная у варварского населения Крыма в период раннего средневековья, имела место и в более ранний период.[1]

Добытый материал несомненно отражает влияние античных приморских городов. В то же время он свидетельствует и о наличии местной культуры. Однако, своеобразие ее еще не вполне выяснено; для этого требуются более широкие исследования не только могильников (и прежде всего Бельбекского), но также и древних поселений данного района.

В подготовленных покойным Н. И. Репниковым «Материалах к археологической карте юго-западного Крыма» установлено наличие здесь 23 могильников (обнаруженных в большинстве случайно), заполняющих отрезок времени с I по V в. н. э.

По обряду захоронения и инвентарю могильники могут быть разделены на следующие две основные группы.

А. «Катакомбные» могильники I—II вв. н. э.; они известны в 6 пунктах.[2] Типичной формой погребений этой группы является земляной склеп с дромосом. На полу склепа обычно находятся 2—3 остова погребенных. Инвентарь состоит из бронзовых и серебряных украшений (фибулы, пряжки, браслеты и др.), значительного количества разнообразных бус, краснолаковой и местной грубой керамики, стеклянных сосудов.

Б. Рядовые могильники I—IV вв. н. э.; они обнаружены в 16 пунктах.[3] Хронологически они охватывают значительный период. Характерным является здесь сосуществование нескольких форм и обрядов погребения. В некоторых могильниках встречается исключительно трупоположение в грунтовых могилах,[4] в других — в каменных гробницах,[5] в третьих — в подбойных могилах,[6] в одном могильнике трупосожжение в амфорах,[7] в некоторых встречается смешанный обряд.[8]

В погребениях находятся разнообразные украшения из бронзы и серебра, бусы, многочисленная керамика, как местная грубая, так и провинциально-римская, много стеклянных сосудов; иногда встречается оружие. В некоторых погребениях найдены монеты римского времени.

Сосуществование здесь нескольких обрядов погребения допускает предположение, что в это время в данном районе обитали разные племена. Дальнейшие исследования этих могильников должны внести ясность в вопросы об этих племенах и свойственных им погребальных обрядах.

---

[1] Деформация черепов в южных районах нашей страны известна уже в эпоху бронзы, напр., на р. Маныче (М. И. Артамонов. Раскопки курганов в долине р. Маныча в 1935 г. Сов. археол., № 4, 1937, стр. 102—105, 121—123, рис. 47; стр. 131, рис. 59), а также на Кавказе (Сев.-Кавк. экспедиция ИИМК 1939 г. под руководством А. П. Круглова у сел. Джеми-Кент в Дагестане. См.: Краткие сообщения ИИМК, V, 1940, стр. 65); то же, повидимому, имело место в эту эпоху и в Крыму.

[2] 1) Балаклава, 2) Биюк-Мускомия, 3) Чоргунь, 4) гора Кошка над Симеизом, 5) Аталык-Эли и 6) Джафар-Берды.

[3] 1) Варнутка, 2) Панайотова бухта на берегу Севастопольского рейда, 3) у братского кладбища на северной стороне, 4) устье р. Бельбек, 5) Бельбек-Томак, 6) Бельбек I, 7) Бельбек II, 8) Биюк-Каралез 9) устье р. Качи, 10) Эски-Эль, 11) Чоткары, 12) Улу-Сала, 13) Мангуш, 14) Саблы, 15) Ай-Тодор, 16) Тоха-Дахер.

[4] У братского кладбища, Бельбек II, Биюк-Каралез, Эски-Эль, Улу-Сала, Саблы (на ряду с погребением и сожжение), Мангуш и Тоха-Дахер.

[5] Бельбек, Томас, Варнутка и устье р. Качи (?).

[6] Панайотова бухта.

[7] Ай-Тодор.

[8] Бельбек I. Не установлен обряд погребения в могильнике у устья р. Бельбек и у Чоткары.

Особняком стоит могильник у Кучук-Мускомии. Он открыт случайно при прокладке дороги в 1911 г. на склоне холма. Здесь на глубине 2.00 м обнаружены два сложенных из камней склепа полукруглой формы. Размеры их 3.50 × 1.40 × 2.00 м. Внутри они оштукатурены. Входное отверстие заставлялось плитой. В склепах обнаружены кости погребенных и обломки керамики.[1] Имеется основание предполагать, что данный могильник относится ко времени IV—V вв. н. э.

Все изложенное с достаточной ясностью указывает на важность планомерного исследования могильников и других памятников I—V вв. н. э., после чего только и может быть поставлен вопрос о преемственности и характере культуры юго-западного Крыма указанного времени в целом.

G. MOSBERG

SUR L'EXPLORATION DES CIMETIÈRES DE L'ÉPOQUE ROMAINE DANS LE SUD-OUEST DE LA CRIMÉE

Résumé

Les cimetières datant de l'époque de transition du bronze au fer sont connus en 31 points du sud-ouest de la Crimée. Nous avons en eux un mode stable de sépulture en ciste. On ne connait pas jusqu'ici de sépultures des II—I^{r} siècles d'avant notre ère et du I^{r} siècle de notre ère, sauf deux caveaux quadrangulaires formés de dalles sous un amas de pierres, explorés partiellement par N. Kulakovskij à Tavel.

Les cimetières se rapportant à la période qui va de la fin du Ve au milieu du VIIe siècle ont éte découverts en 8 points, dont le principal est Sououk-Sou, où des fouilles méthodiques ont fourni un matériel important.

L'époque ultérieure est représentée d'une manière suffisamment nette par des cimetières, connus en 5 endroits, qui datent des VIIe et VIIIe siècles et probablement du début du IXe siècle.

Les sépultures des I—Ve siècles dans le sud-ouest de la Crimée n'ont pas été objet de fouilles systématiques. Les fouilles de N. Pečenkin en 1903—1905 et de V. Blavatskij en 1931—1932 et en 1935 n'ont donné que des résultats très restreints.

Le matériel nouveau et encore inédit obtenu en 1937—1938 lors de l'exploration du cimetière II de Belbek (celui découvert par N. Pečenkin étant désigné comme le cimetière I) offre un intérêt considérable. On a découvert ici dans un champ au village de Nižnié-Karalezy trois sépultures, qui renfermaient un mobilier caractéristique des I—IIIe siècles. Le crâne d'un des morts était déformé.

On connait 23 cimetières des I—Ve siècles. La diversité des modes de sépulture qu'on y constate permet de supposer que la région était habitée par différentes tribus.

[1] ИТУАК, вып. 47, стр. 60—61 (протоколы).

М. И. АРТАМОНОВ

ДРЕВНИЙ ДЕРБЕНТ

(Предварительное сообщение)

Среди городов-музеев СССР Дербенту должно принадлежать одно из первых мест. Внешний облик этого города до сих пор характеризуется грандиозными оборонительными сооружениями, относящимися к той поре, когда он был могучей крепостью, запиравшей проход вдоль каспийского побережья, непроходимой преградой для стремившихся к богатому югу северных варваров. Укрепившись здесь, сасанидский Иран, а затем арабский халифат не только выдерживали натиск могущественных объединений степных кочевников, но и распространяли свою власть и влияние на весь восточный Кавказ.

Историческое значение Дербента воплощено в его замечательных архитектурных памятниках, которых не могли полностью уничтожить ни время, ни люди. Несмотря на отсутствие постоянной заботы об их охране, дербентские стены до сих пор высятся, возбуждая удивление своей грандиозностью и мощью.

С высоты Джалганского хребта Дербент кажется узкой белой лентой, протянувшейся между синей стеной моря и зеленым гребнем гор (рис. 1). Начинаясь у моря довольно широкой полосой построек и садов, город, постепенно поднимаясь на гору, сжимается в четкие рамки параллельных стен и упирается в крутой подъем одного из отрогов Джалганского хребта. Здесь, на скале, возле устья врезающегося в гору глубокого ущелья, возвышаются серые стены цитадели, которая господствует над плоскими крышами и сетью кривых переулков расположенного внизу древнего города (рис. 2).

Древний Дербент весь помещался между двумя длинными стенами, тянущимися параллельно, недалеко одна от другой, поперек прохода между морем и горами (рис. 3).

Арабские писатели X в., в сочинениях которых сохранились древнейшие описания этого города, согласно утверждают, что стены Дербента далеко вдавались в море, образуя искусственную гавань для стоянки приплывающих к городу кораблей взамен отсутствующего здесь естественного рейда. Вход в эту гавань был загражден цепью, закрывавшей доступ для непрошенных гостей.[1] Другим концом стены Дербента, по словам этих писателей, упирались в гору, доходя до такого места, где горы становились непроходимыми вследствие лесистости и крутизны (рис. 4).

Описаниям Дербента у арабских авторов, если исключить из них обычные преувеличения и путаницу, нетрудно найти соответствие в данных сохранившихся укреплениях этого города. Одна из длинных оборонитель-

[1] Н. А. Караулов. Сведения арабских географов IX—X вв. о Кавказе. Сб. матер. для описания местностей и племен Кавказа, вып. XXIX, Тифлис, 1901, стр. 11.

ных стен Дербента уцелела почти на всем своем протяжении и до сих пор образует северную границу города. Другая, параллельная первой, южная стена сохранилась только вдоль верхней или западной части города и небольшими участками в других местах. Разрушение ее началось после русского завоевания, когда растущая нижняя часть города европейского типа, не вмещаясь в древние границы, стала расширяться к югу.[1] От стен, выступавших в море, остались только гряды камней, прослеживаемые на морском дне. Правильно уложенные тесаные блоки хорошо видны под водою при спокойной поверхности моря. Лучше всего сохранилась цитадель, не застроенная современными зданиями.

Толщина уцелевших стен Дербента доходит до 4 м, а высота местами достигает 18—20 м. На некоторых участках стен сохранился зубчатый парапет, и на всем своем протяжении стены разделены более или менее

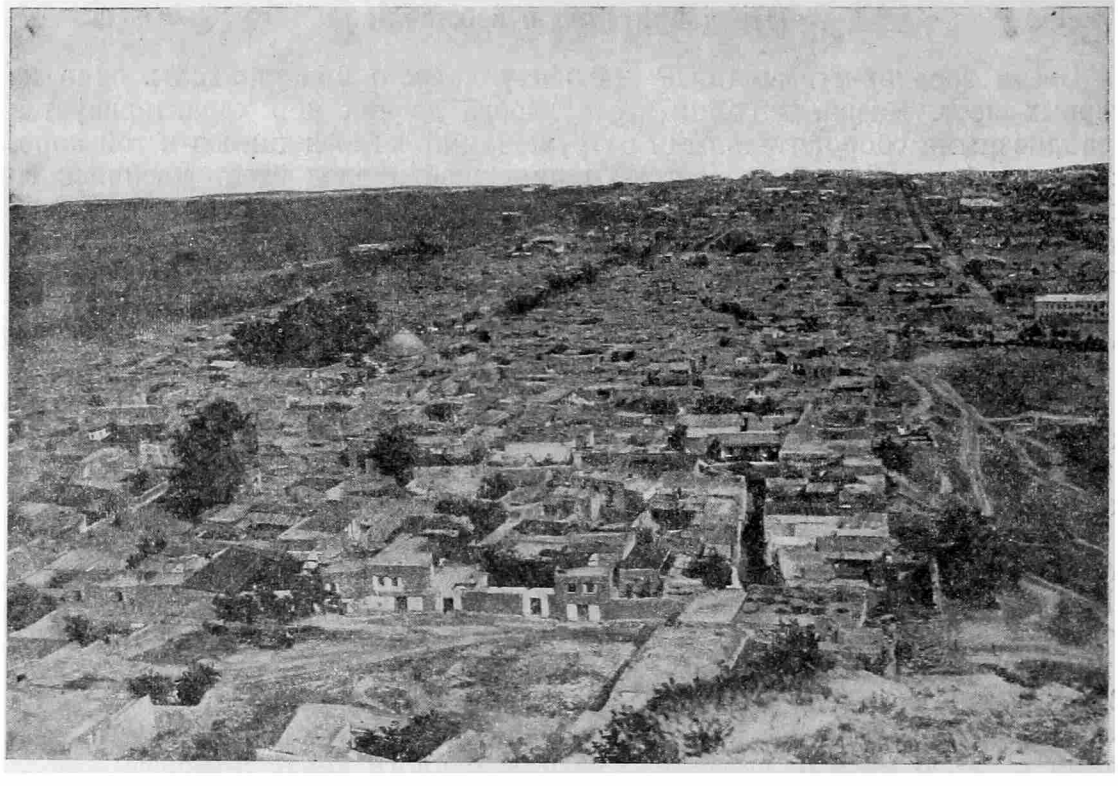

Рис. 1. Вид на Дербент из цитадели.

часто расположенными башенными выступами прямоугольной или полукруглой формы, иногда, а в цитадели постоянно, сплошной кладки (рис. 5). В наиболее важных в оборонительном отношении местах башенные выступы расширяются до величины фортов (рис. 6). С внутренней стороны на стены вели широкие лестницы, по которым гарнизон поднимался для отражения врагов (рис. 7 и 8).

Наиболее декоративной частью дербентских сооружений являются ворота. По сообщениям арабских писателей в древнем Дербенте в северной, хазарской, наиболее угрожаемой в военном отношении, стене было только трое ворот.[2] Они сохранились до настоящего времени. Одни из них — это ворота, находящиеся недалеко от цитадели; дорога от них ведет в глубокое ущелье, огибающее крепость с северо-запада. Они называются Джарчи-

[1] А. И. Козубский. История города Дербента, Темир-Хан-Шура, 1906, стр. 263—264.

[2] Н. А. Караулов, ук. соч., вып. XXXVIII, Тифлис, 1908, стр. 9.

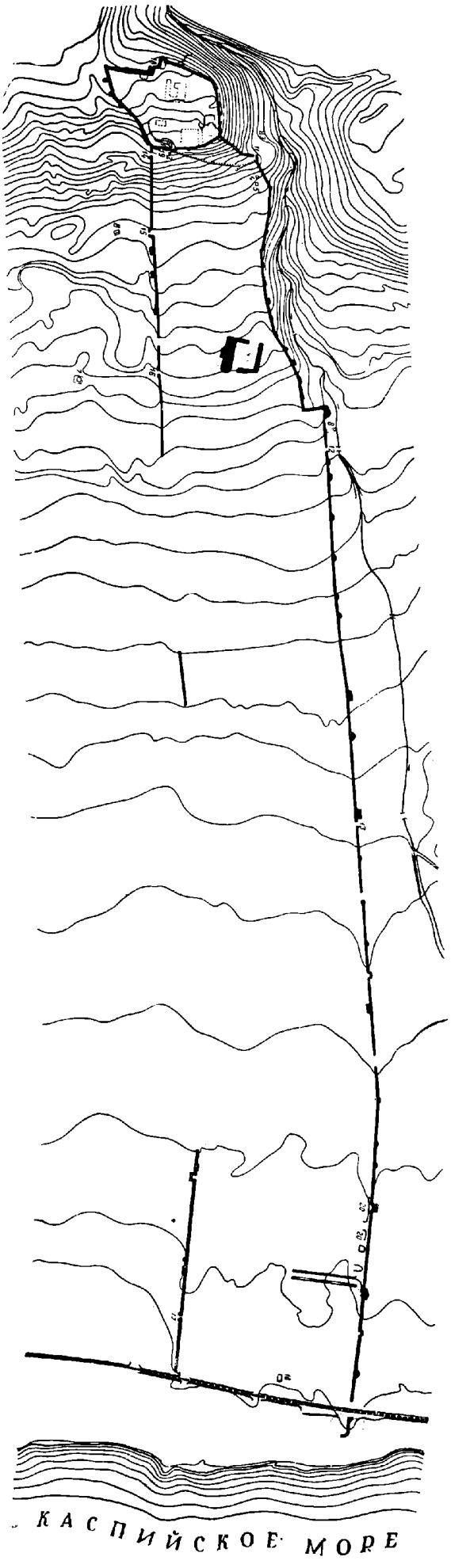

Рис. 3. План укрепления Дербента.

1—8 — родники; *9* — Джума-мечеть; *10* — Домик Петра I; *11* — Джарчи-капы; *12* — Кырхляр-капы; *13* — Шуринские ворота; *14* — Кала-капы; *15* — Баит-капы; *16* — Орта-капы; *17* — Дубара-капы; *18* — западные ворота цитадели; *19* — восточные ворота цитадели; *20* — остатки древней саманной стены.

капы — ворота вестника. Очень интересны по своему декоративному оформлению Кырхлярские ворота — Кырхляр-капы (рис. 9), названные по находящемуся вблизи них древнему кладбищу, по преданию заключающему в себе могилы первых в этих краях мусульман. По сторонам ворот-

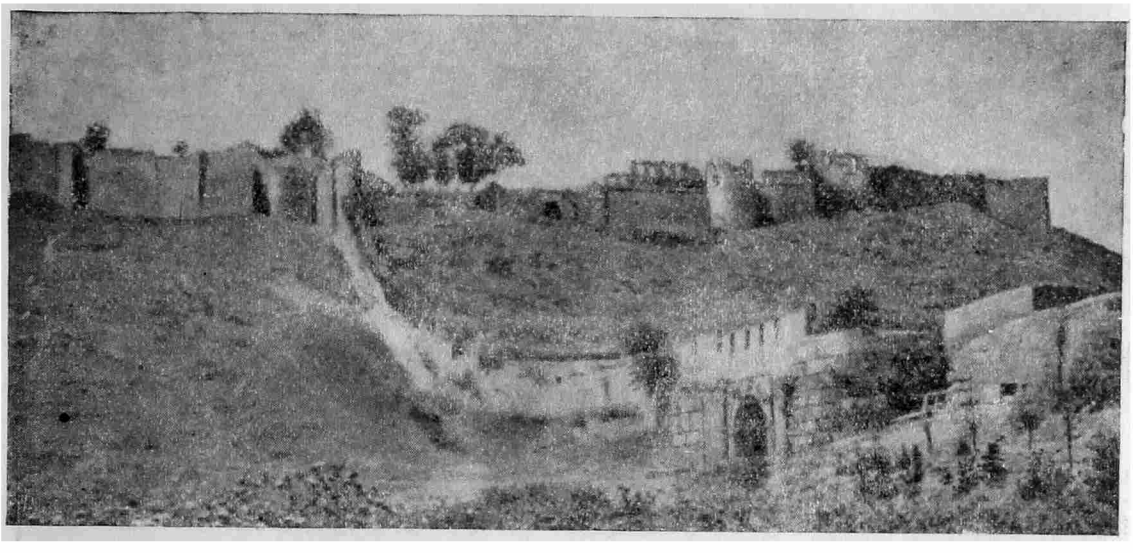

Рис. 2. Цитадель Дербента.

ного пролета снаружи сохранились капитель и два скульптурных изображения львов (рис. 10). Третьи ворота, Шурпинские, видимо переложены в позднейшее время.

В южной стене, обращенной к мусульманским странам, по словам арабских писателей, было много ворот. Несмотря на незначительную протя-

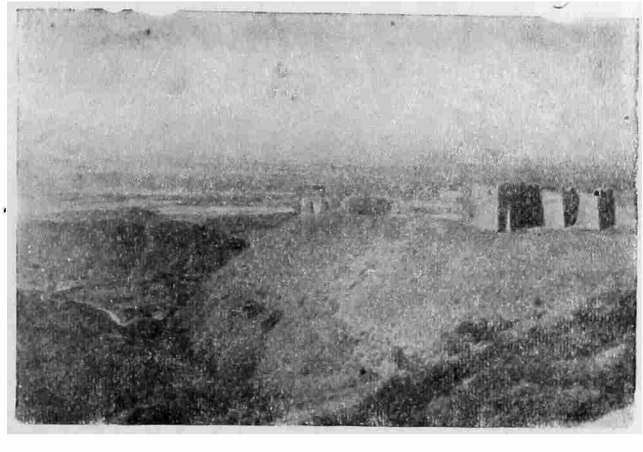

Рис. 4. Овраг у западной стены цитадели.

женность сохранившейся части этой стены, здесь уцелело четверо ворот. Одни у самой цитадели наверху — Кала-капы, ныне совершенно разрушены (рис. 11), другие — Баят-капы, расположенные вблизи подъема к цитадели, хотя и фланкированы древними круглыми башнями, но сами сильно перестроены. Наиболее интересны третьи ворота южной стены — Орта-капы,[1] находящиеся между четырехугольными башнями и состоящие

[1] Подробное описание ворот и чертежи их, сделанные по точным обмерам, см. у Н. Б. Бакланова (Архитектурные памятники Дагестана, стр. 35 сл.), где ворота ошибочно именуются Кырхлярскими.

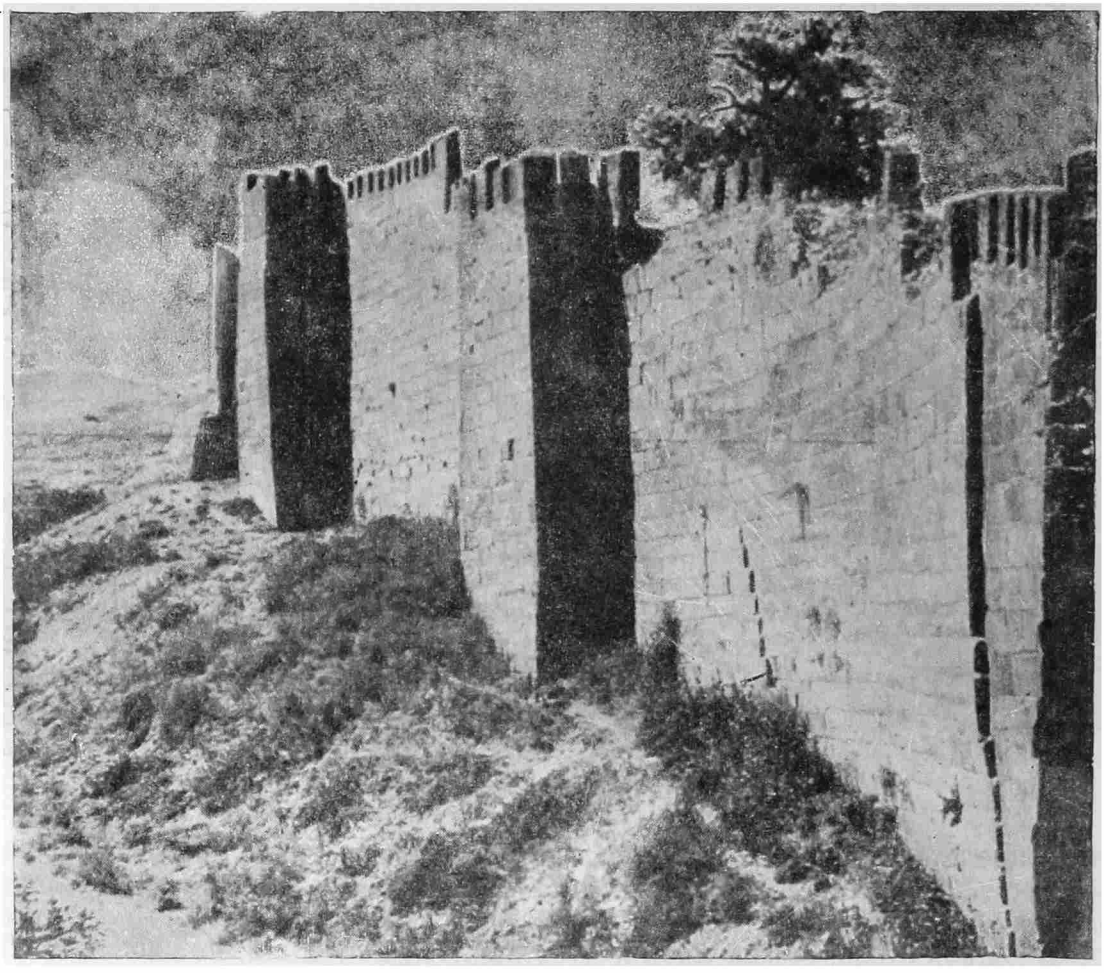

Рис. 5. Южная стена цитадели.

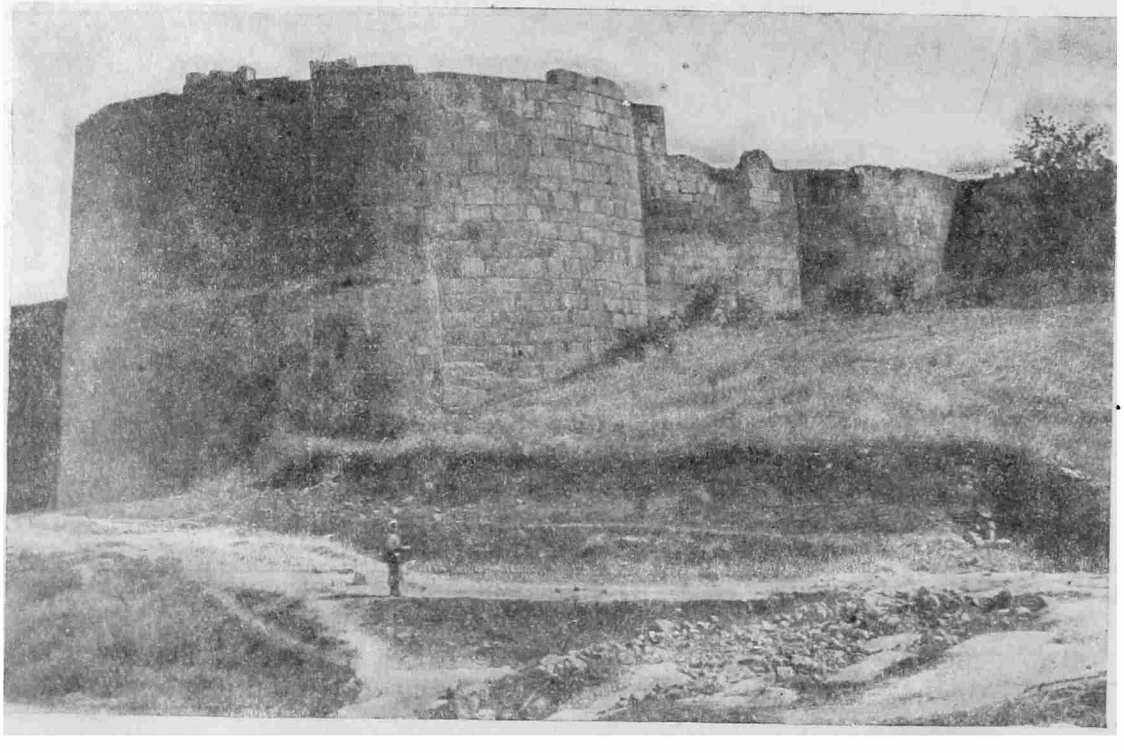

Рис. 6. Большая круглая башня северной стены.

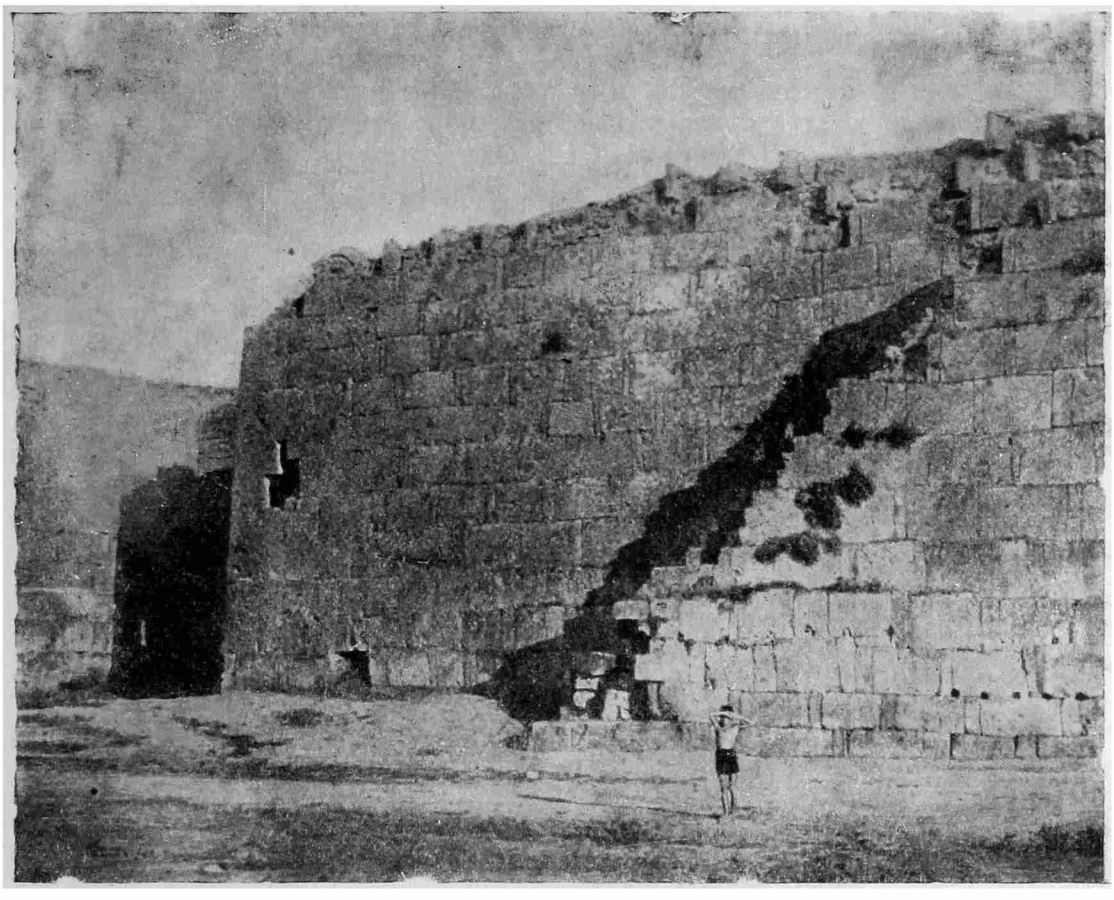

Рис. 7. Внутренняя лестница южной стены.

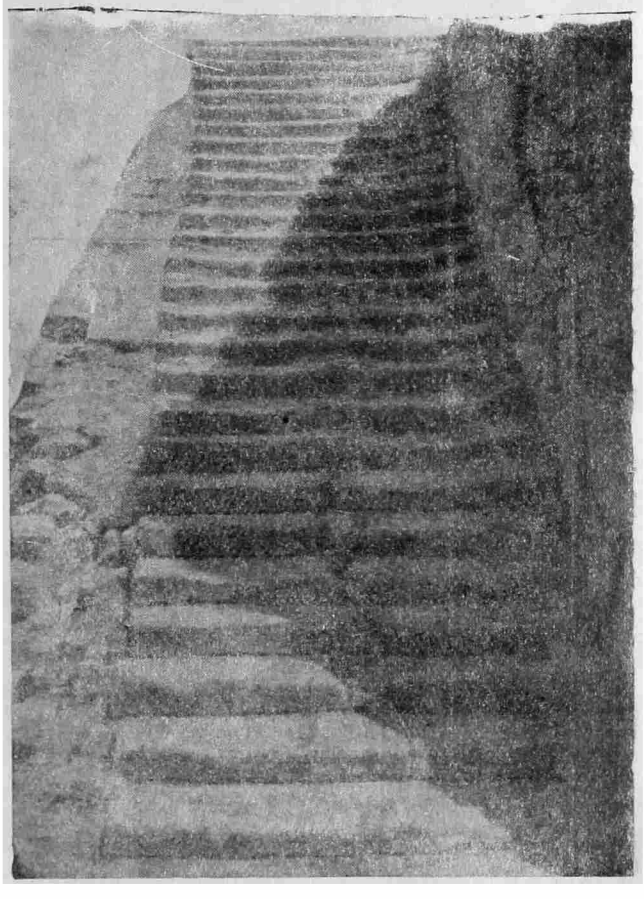

Рис. 8. Внутренняя лестница.

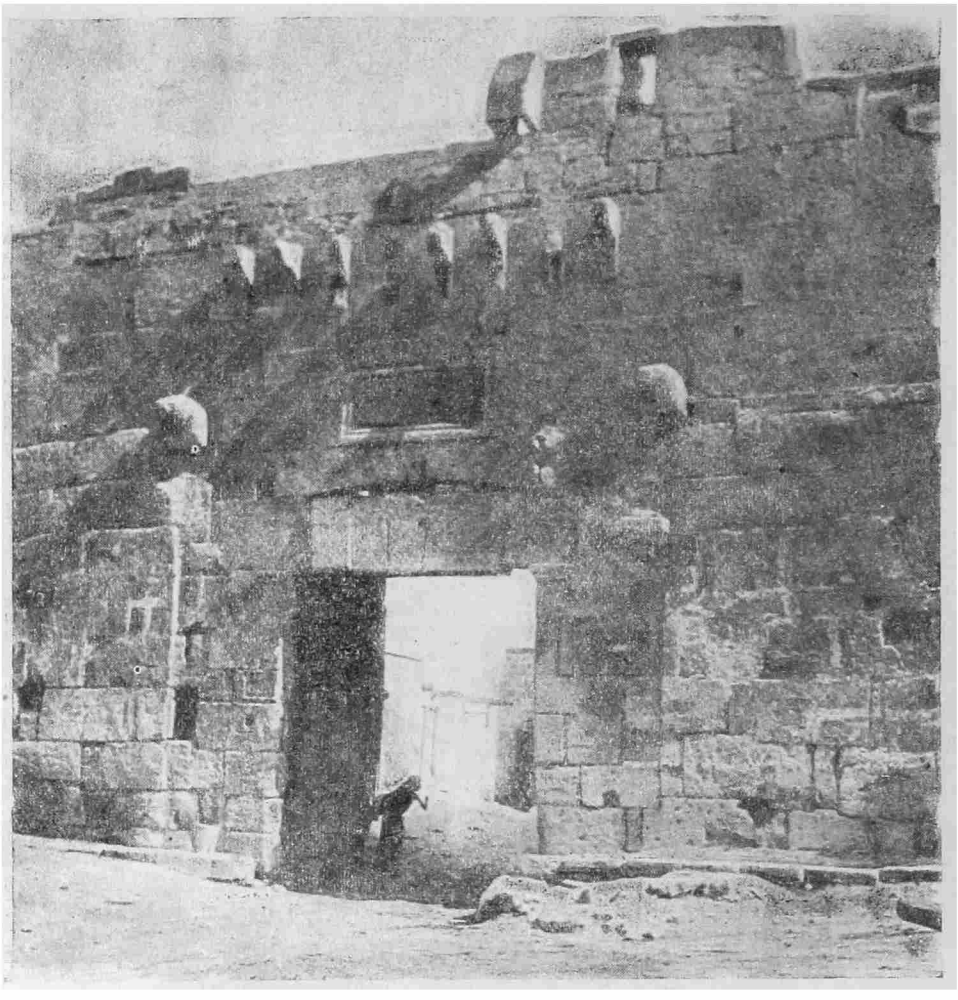

Рис. 9. Кырхляр-капы.

Рис. 10. Кырхляр-капы (деталь).

из двух следующих один за другим пролетов. Первый снаружи пролет оформлен в виде трех стрельчатых арок, разделенных двумя круглыми колоннами с четырехугольными низкими капителями, украшенными сталактитами. Над боковыми маленькими арочками помещаются также сталактиты — декоративные аркатуры, расположенные в три ряда в виде ступенчатого треугольника (рис. 12). Второй пролет совершенно иного типа, прямоугольный, перекрытый горизонтальным плоским сводом, покоящимся на профилированных карнизах. Над этим сводом имеется высокая дуговая разгрузная арка с глухим люнетом, выше которой помещается выступающее из стены скульптурное изображение льва, стоящего в фас на особом кронштейне и трактованного, так же как и скульптуры Кырхлярских ворот, очень обобщенно и схематично (рис. 13 и 14). От четвертых ворот южной стены, находящихся в нижнем городе и называющихся Ду-

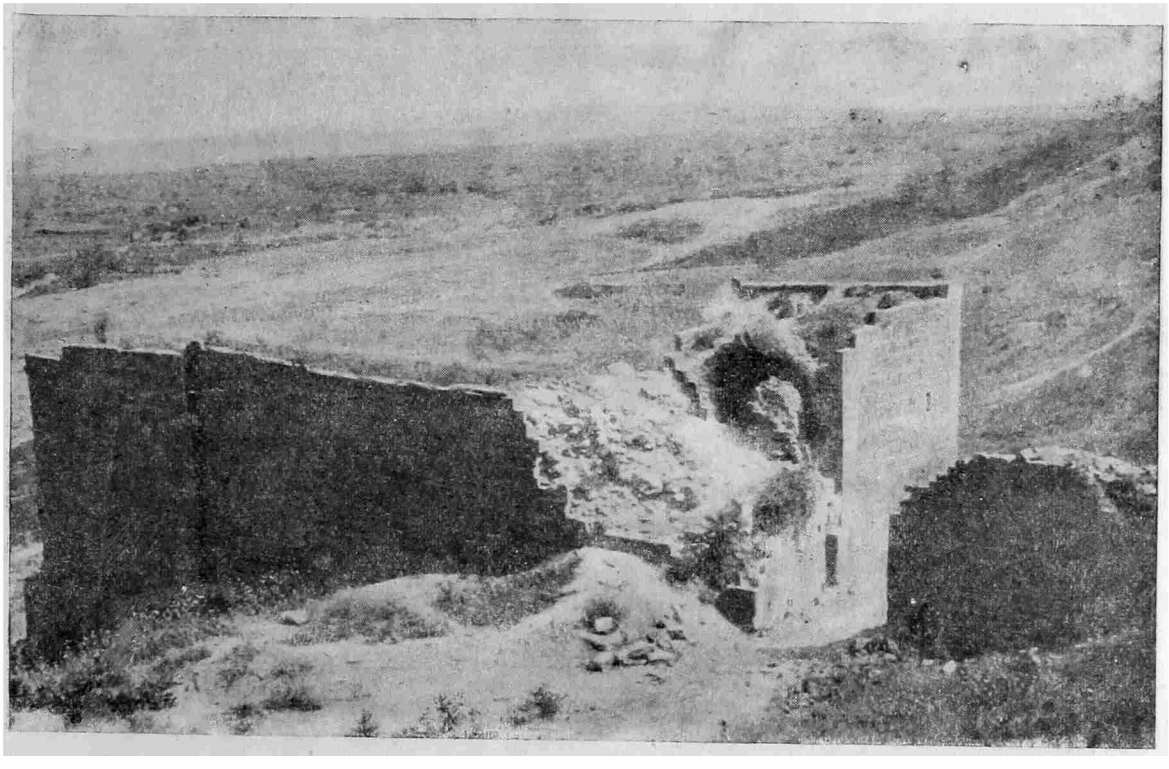

Рис. 11. Кала-капы.

бара-капы, уцелели два массивных пилона со следами перекинутой между ними арки (рис. 15). Кроме того, имеются двое ворот в цитадели: восточные, находящиеся в прямоугольной башне и носящие следы многочисленных переделок (рис. 16), и западные, фланкированные двумя башнями (рис. 17).

Древности Дербента не ограничиваются оборонительными сооружениями. В цитадели имеются развалины многочисленных зданий различного назначения. Особенно интересна находящаяся здесь колоссальная цистерна, вырубленная в скале и перекрытая куполом на четырех подпружных стрельчатых арках. Любопытны развалины бань, где еще до 1936 г. был цел один из куполов того же типа, что и у вышеотмеченной цистерны (рис. 19). В городе также имеется ряд древних зданий, мечетей, фонтанов, водоемов, минаретов и т. д. Наиболее замечательным и грандиозным сооружением является соборная мечеть, зеленый купол которой возвышается над плоскими крышами верхней части современного Дербента вместе с могучими кронами растущих на дворе мечети столетних чинар. По обеим длинным сторонам Дербента раскинулись обширные кладбища с целым лесом каменных надмогильных памятников.

Рис. 12. Орта-капы.

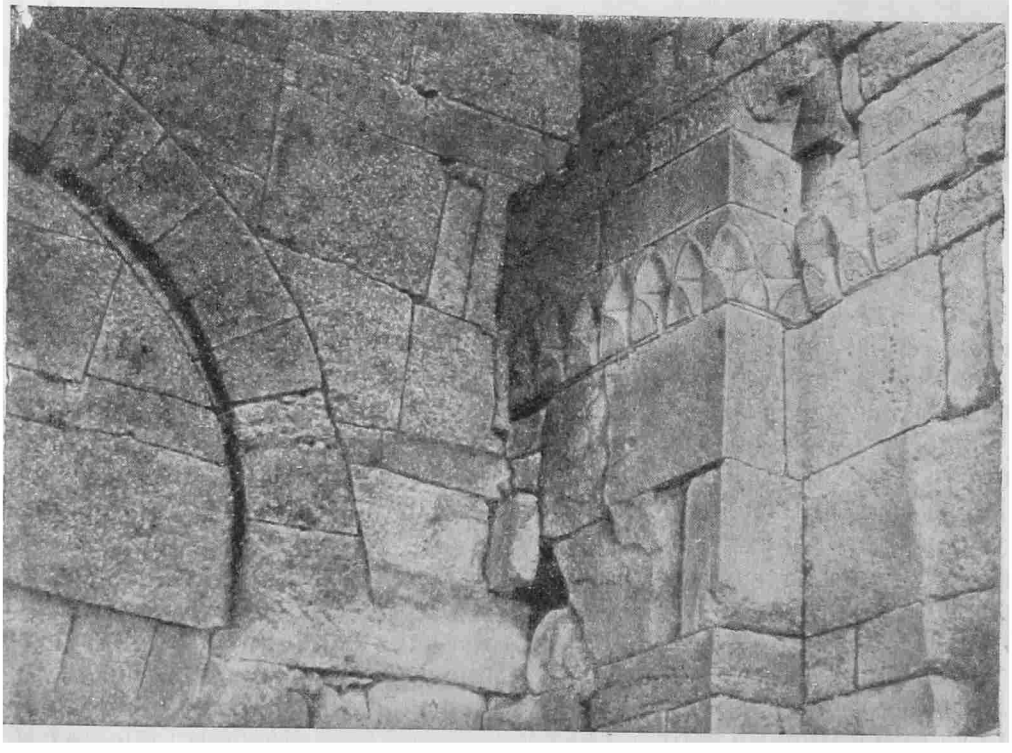

Рис. 13. Деталь внутренних ворот Орта-капы.

Несмотря на мощь Дербентской крепости, укрепления Прикаспийского прохода не ограничивались ею, а сочетались с грандиозной системой оборонительных сооружений, тянущихся от Дербента в глубь страны до Карасырта и известных под именем Даг-бары — горной стены. Эта стена имела целью преградить возможность обхода Дербента с запада по легко доступным долинам Улу-чая. Генерал Ермолов не учитывал этой стены, когда, отрицая военное значение Дербента, недоумевал, «почему древние считали его непреодолимою твердынею. .., когда удобно обойти его». В действительности, при попытке обойти Дербент, враги натыкались не только на естественные преграды в виде гор и лесов, но и на солидные оборонительные сооружения, общее протяжение которых должно быть исчислено не менее, чем в 40 км.

О горных укреплениях существует не совсем правильное представление. Полагают, что на всем своем протяжении они состояли из непрерывной стены, усиленной башнями и фортами.[1] В действительности, стена существовала и существует только в лощине между Джалганским хребтом и сел. Митаги, на протяжении едва ли больше 15 км (рис. 18). Здесь действительно тянется сплошная стена, усиленная башенными выступами и замкнутыми укреплениями. Нельзя не отметить, что здесь имеются и полые башни с помещением внутри, перекрытым ложным сводом (рис. 20 и 21). Дальше встречаются только отдельные участки, защищенные стенами, основным же видом оборонительных сооружений являются небольшие замкнутые четырехугольные укрепления — блокгаузы с круглыми башенными выступами по углам (рис. 22). Такие укрепления на большем или меньшем расстоянии один от другого расставлены вплоть до Карасырта, на вершине которого находится последнее сооружение этого рода.

Рис. 14. Лев над аркой Ортакапы.

В фортификационном отношении Дербент и так наз. «горная стена» задуманы и выполнены как одно целое; об этом лучше всего свидетельствует тот факт, что с разрушением «горной стены» в части, примыкающей к цитадели, пришлось внести некоторые дополнения в укреплениях этой последней. Горная стена, примыкая к юго-западному углу цитадели, защищала доступ к ее западной стене, и потому угловая башня не имела выступа, фланкирующего эту сторону. После разрушения горной стены здесь пришлось соорудить дополнительную башню со специальной целью защиты подступов к стене, оказавшейся теперь слишком слабой в оборонительном отношении. (рис. 23).

Изучение кладок дербентских сооружений показывает, что они весьма разнородны и относятся к разному времени. Крепость неоднократно частично перестраивалась и восстанавливалась. Основная и древнейшая каменная кладка в Дербенте выполнена из массивных тесаных блоков, имеющих более метра в длину, около 70 см в ширину и 25—30 см в толщину; блоки

[1] Е. А. Пахомов. До дослідження Дагест. стіни. Схидн. світ, 1930, № 10—11, стр. 325—331. — Он же. Крупнейшие памятники сасанидского строительства в Закавказье. Пробл. ГАИМК, 1933, № 9—10, стр. 37.

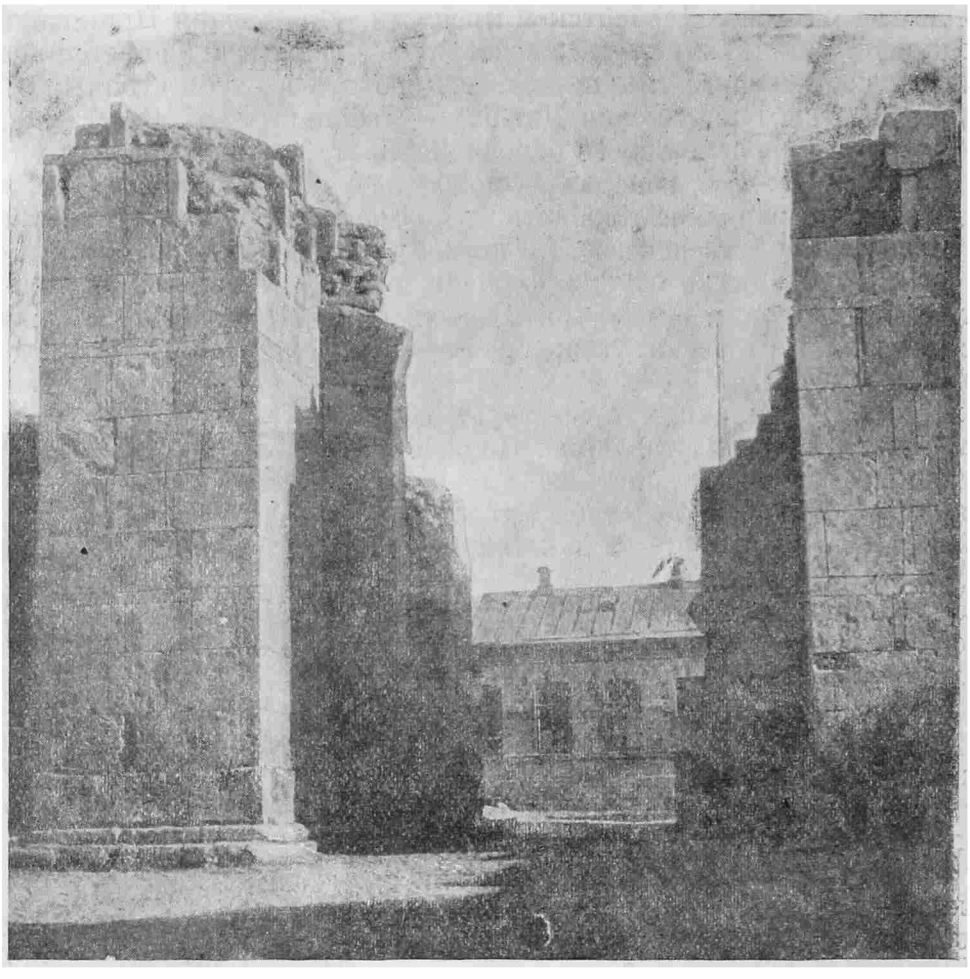

Рис. 15. Дубара-капы.

Рис. 16. Восточная стена цитадели.

уложены поочередно то широкой стороной (логом), то торцом (тычком) наружу. Из этих блоков выведены две параллельные стенки, пространство между которыми заполнено рваным камнем (бутом) на извести. Такая кладка прослеживается в основе всех дербентских укреплений; в той же технике возведена и горная стена; эта же кладка выступает в стенах соборной мечети (рис. 5, 6, 7, 9, 10, 12, 15, 17, 18, 22).

Сооружения с этой кладкой можно было бы признать древнейшими в Дербенте, если бы вдоль восточной части северной стены внутри города не сохранилось остатков еще более древней стены, возведенной из сырцово-саманных кирпичей. Эта сырцово-саманная стена свидетельствует, что проход вдоль каспийского побережья пытались закрыть сначала глиной, а затем неизмеримо усилили плотину против северных варваров монументальным сооружением из камня (рис. 24).

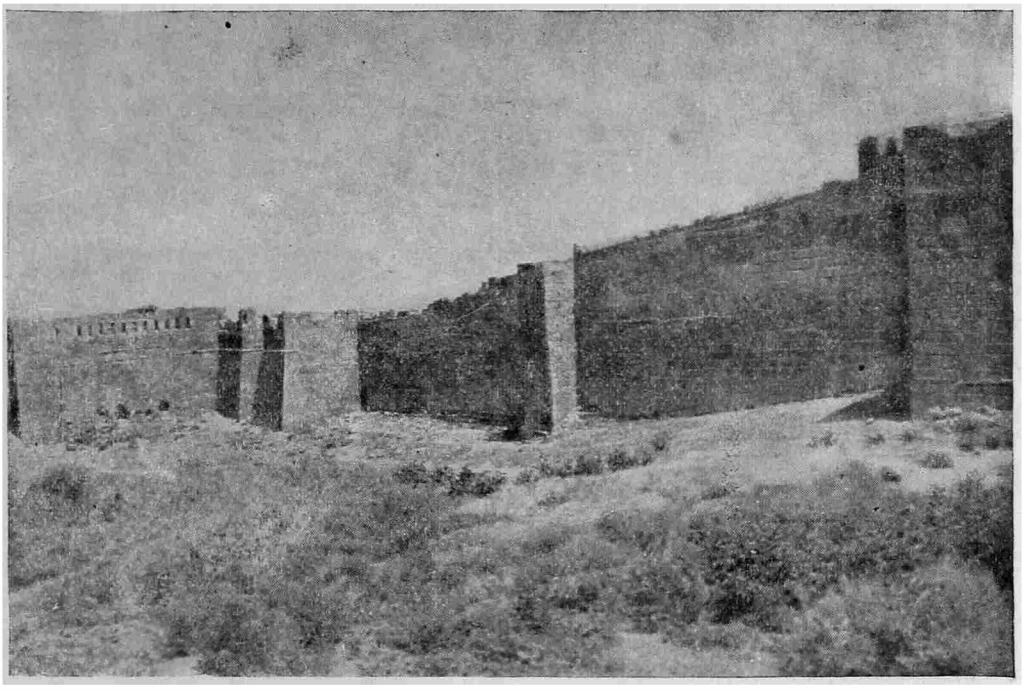

Рис. 17. Западная стена цитадели.

Позднейшие перестройки Дербента представлены многочисленными и разнообразными типами кладок из камня. Есть участки стен и башни, сложенные из рустованных и гладких, хорошо пригнанных блоков, скрепленных раствором с примесью смолы (рис. 11 и 23). Есть кладки из блоков неровных и плохо отесанных, есть, наконец, кладки из обломков камня. Различаются кладки не только по величине и пропорциям блоков, характеру обработки, составу цемента, но и по качеству камня, в том числе его цвету. Разные эпохи оставили свой след в разной технике строительства и в различных формах сооружений. Характеристика каждой из этих эпох, получивших более или менее яркое отражение в архитектурных сооружениях Дербента, составляет большую задачу и требует целого ряда специальных разысканий. Мы здесь остановимся только на некоторых, наиболее замечательных моментах в истории города, находящихся в связи с его памятниками.

Для хронологии каменных дербентских укреплений большое значение представляют находящиеся на блоках древнейшей кладки и только на них пехлевийские надписи, отмеченные в описаниях Дербента еще в XVIII в., но впервые собранные и изданные Е. А. Пахомовым только в 1929 г.

и тогда же предварительно прочтенные известным пехлевистом Г. С. Нюбергом.[1] Большая часть надписей обнаружена на блоках северной стены, причем, по мнению Нюберга, содержание их однородно или даже тождественно. Во всех повторяется одно и то же собственное имя, которое Нюберг читает Барзниш. Наиболее полную из этих надписей он переводит следующим образом: «Это и отсюда вверх в 700 г. сделал Барзниш, сборщик пода-

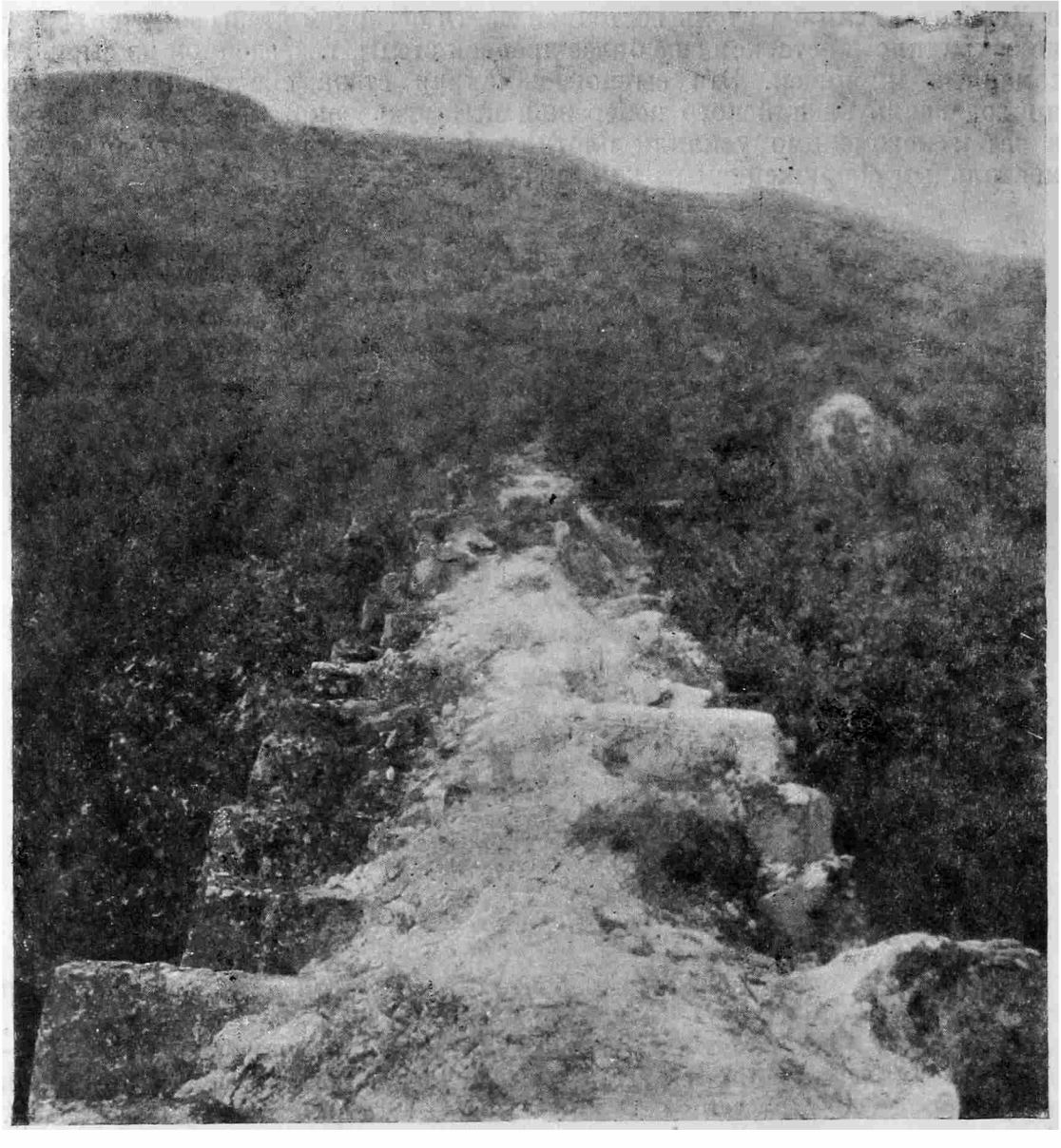

Рис. 18. Горная стена (Даг-бары).

тей азербайджанский». Все это, без сомнения, строительные надписи, сделанные во время сооружения стен и обозначающие лицо, производившее работы. Исходя из того, что в пехлевийской надписи 700 год не может означать даты по христианской эре, Нюберг полагает, что здесь мы имеем дело с аршакидским летосчислением, ведущимся с 247 г. до н. э. Получается,

[1] Е. А. Пахомов. Пехлевийские надписи Дербента. Изв. Общ. обслед. и изуч. Азербайджана, № 8, вып. V, Баку, 1929. — Г. С. Нюберг. Материалы к истолкованию пехлевийских надписей Дербента. Там же. — Е. А. Пахомов. К толкованию пехлевийских надписей Дербента. Изв. АЗГНИИ, т. I, вып. 2, Баку, 1930.

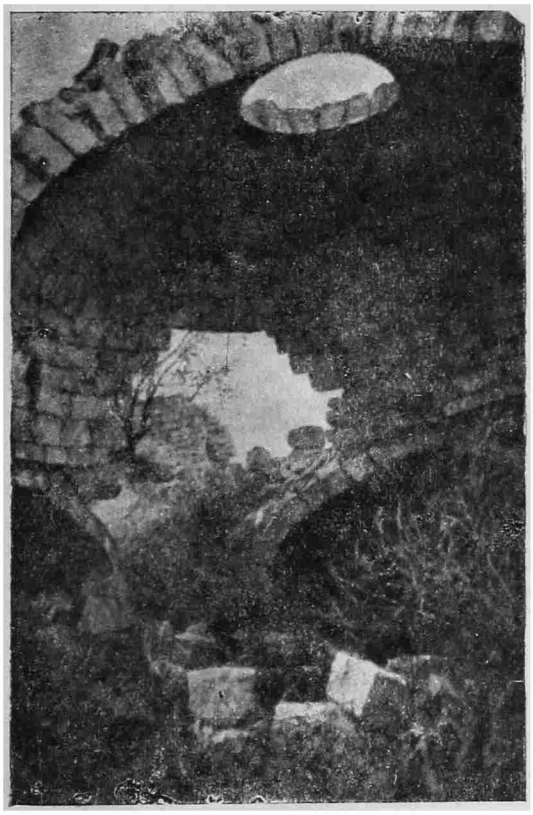

Рис. 19. Купол бани.

Рис. 20. Башня горной стены.

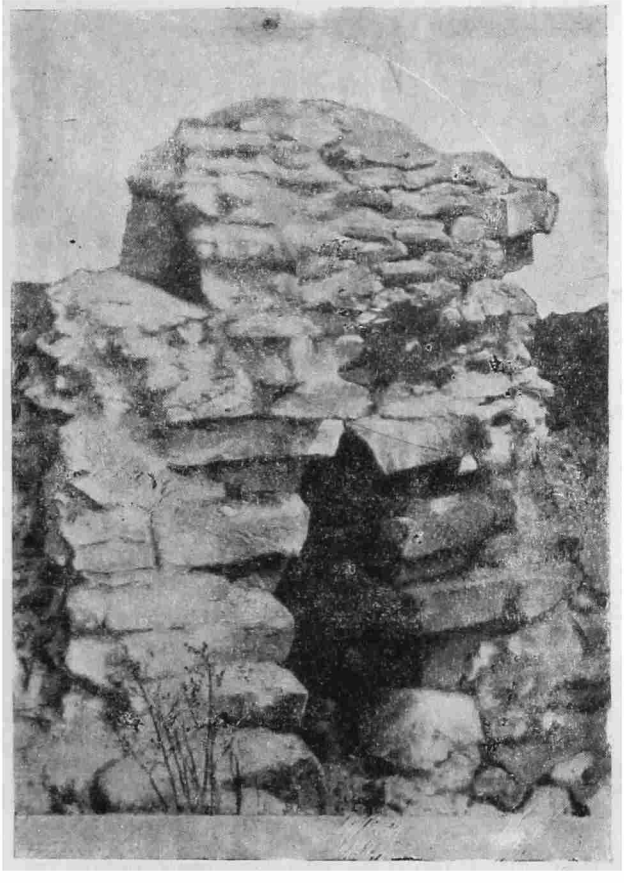

Рис. 21. Башня горной стены.

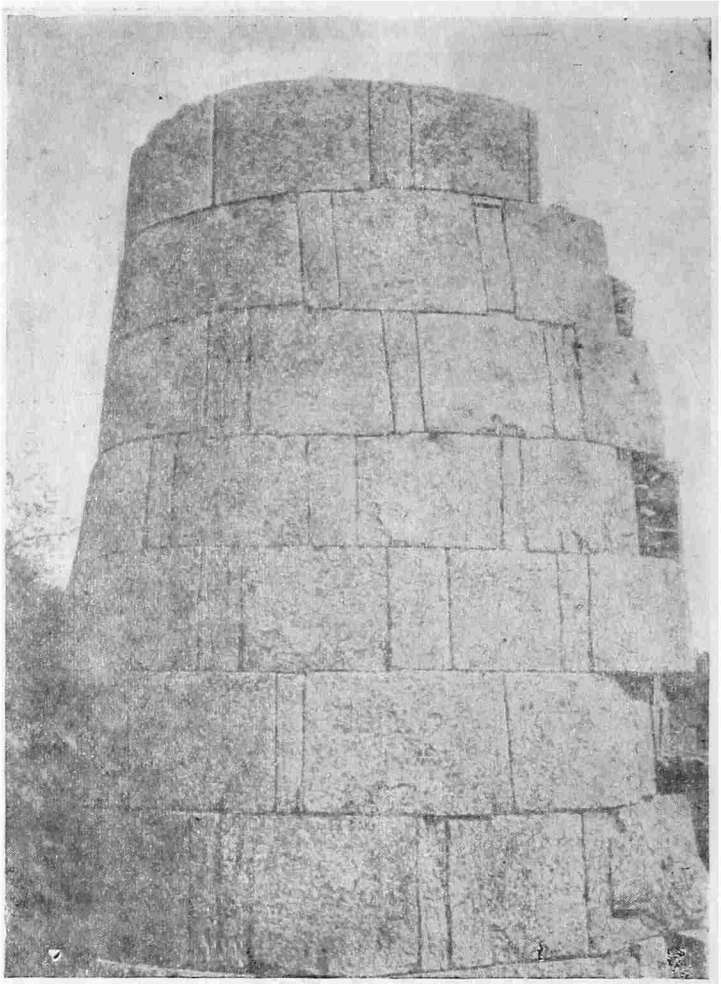

Рис. 22. Башенный выступ форта.

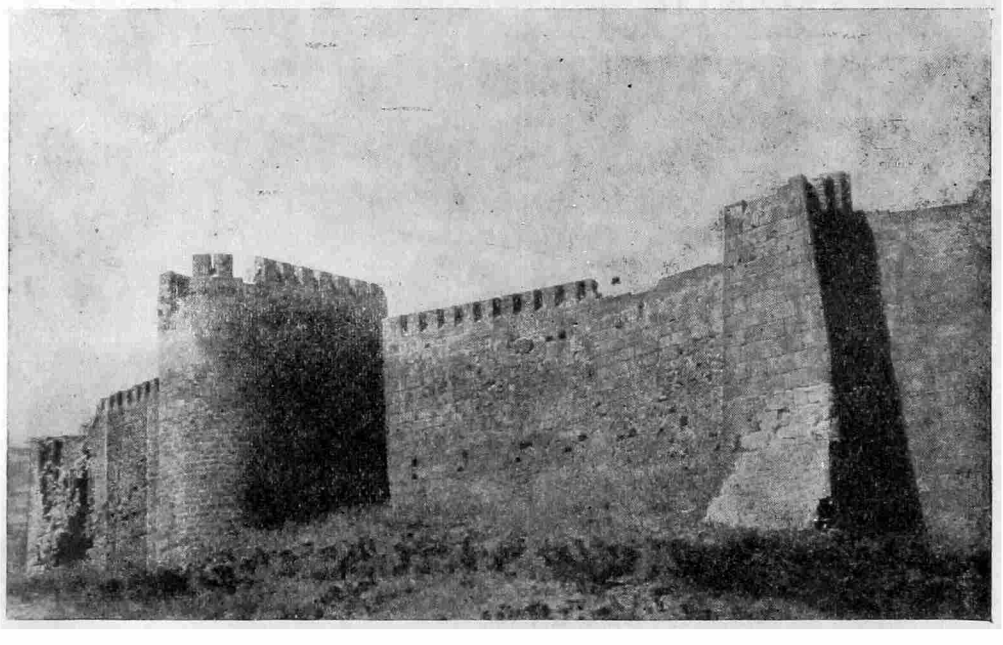

Рис. 23. Башни на южной стене цитадели.

что 700 год надписи соответствует 453 г. н. э., когда в Иране правил шах Иездигерд II (438—457), которому письменные источники действительно приписывают построение укреплений в Дербенте. Казалось бы, вопрос о времени построения каменной крепости в Дербенте решен самым несомненным образом. Однако такой вывод был бы чересчур поспешен. Дело в том, что существование особой аршакидской эры не подтверждается ни одним памятником; сами аршакиды вели счет по селевкидской эре, т. е. с 312 г. до н. э. Далее, чтение в надписи 700 года, по мнению Пахомова, сомнительно. Сам он соответствующее место предлагает читать как 37. Эта дата, по его словам, наиболее приемлемая графически, может означать порядковый год царствования не Иездигерда, который правил значительно меньше, а Хозрова I, соответствующий 567 г. н. э.[1]

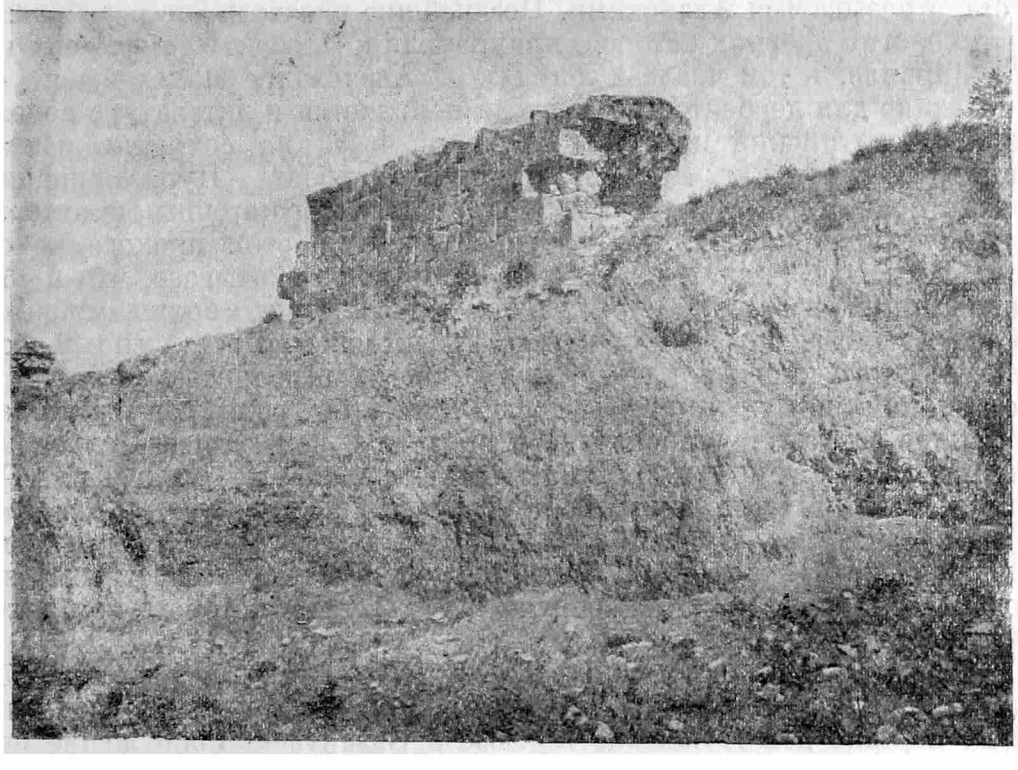

Рис. 24. Остатки древнейшей сырцово-саманной стены.

При оценке изложенных гипотез относительно года надписи, а следовательно и даты сооружения крепости, нельзя не учесть, во-первых, строительных признаков древнейшей части дербентских укреплений, а во-вторых, исторических данных о постройках в Дербенте. Древнейшая и основная квадровая кладка дербентских стен из массивных блоков, «плитами на образок и кордоном на ребро», известна по целому ряду построек, относящихся к классической, эллинистической и римской эпохам. Немудрено, что некоторые ученые склоняются к мысли о принадлежности Дербента еще к античной поре, на что как будто бы намекают и сохраненные арабскими писателями легенды, упорно связывающие дербентскую стену то с Александром Македонским, то с принимаемым за него Искандером Зулькарнаином.

Так как Александр Македонский в Дербенте наверное не был, а Искандер Зулькарнаин личность вполне мифическая, участие того и другого в сооружении дербентской стены можно оставить без рассмотрения. Страбон, Птолемей, Тацит, Плиний и некоторые другие писатели первых веков

[1] Е. А. Пахомов. К толкованию пехлевийских надписей Дербента. Изв. АЗГНИИ, т. I, вып. 2, Баку, 1930.

нашей эры упоминают Каспийские ворота на Кавказе. На этом основании некоторые ученые полагают, что к их времени дербентская стена уже существовала. Почти на таком же основании некий Марков утверждал, что она существовала еще в VII в. до н. э., так как у Геродота назван Каспийский проход, по которому скифы, преследуя киммерийцев, ворвались в Азию. Можно быть уверенным, что проход вдоль Каспийского моря существовал и еще раньше, но из этого отнюдь не следует, что дербентская стена столь же древняя, как и этот проход. Кроме того, упоминание прохода еще не доказывает существования в нем стены. К тому же, в большинстве сообщений писателей римского времени под именем «Каспийского» имеется в виду не проход вдоль Каспийского моря, а нынешние Дарьяльские ворота, которые в древности назывались Каспийскими по имени народа «каспов», населявшего Кавказские горы. Позже, по имени другого народа, они стали называться Аланскими. Позднейшие писатели, не разобравшись в терминологии древних авторов, приурочили к Дербенту то, что они говорят о Дарьяле, в том числе и легенду об Александре Македонском. Особое название для дербентского прохода появляется в литературе довольно поздно. Византийский писатель Прокопий в VI в., сохраняя название Каспийских ворот для Дарьяла, именует Дербент — Цур. Вариациями того же имени Чора, Чога или Джора называют его армянские авторы.

Наиболее раннее известие об укреплениях в этом проходе находим у армянского историка V в. Егише,[1] который рассказывает, что в 454 г. армяне взяли и разрушили укрепление в проходе Чора, с большими издержками построенные персидским шахом Иездигердом. Поставленный шахом правитель этого укрепления Себухт участвовал в религиозной войне персов с армянами и, будучи разбит последними, отступил в горы. Преследуя его, армяне захватили укрепление в проходе и передали его албанскому князю Вагану. Трудно допустить, что захваченная в 454 г. крепость Чора та самая, на камнях которой Нюберг читает дату построения в 453 г. Наоборот, из изложенных сообщений следует, что власть Персии в прикаспийском проходе при Иездигерде была непрочной, а крепость, построенная им, отнюдь не была тем мощным сооружением, остатки которого возбуждают удивление до сих пор.

Особое внимание Персии к защите северных границ наблюдается в VI в., когда ближайшим соседом и возможным врагом ее здесь выступают гунны-савиры, нередко действовавшие в союзе с Византией. Сооружение целой системы укреплений на этой границе арабские авторы приписывают шаху Коваду, добавляя, что эти укрепления были разрушены после построения каменной стены в Дербенте. Возведение же последней они относят к мероприятиям его сына Хозрова I Ануширвана, разгромившего савир, вторгшихся в Албанию (Азербайджан), и постройкой стены усилившего оборону от новых нападений хазар, ставших на место савир.

Первую половину правления Хозрова Ануширвана едва ли можно признать благоприятным временем для совершения тех грандиозных работ, какие были произведены при постройке каменной дербентской стены. В это время Персия почти без перерыва была занята войной с Византией и не находила сил не только для продвижения на севере, но для достаточно энергичной обороны против натиска варваров. В 552 г. савиры-хазары захватили Чора и овладели Албанией. Мир, заключенный с Византией в 562 г., развязал Хозрову руки для борьбы с савирами. Часть пришельцев была уничтожена, а часть покорилась и осталась на жительство в степях нынешнего Азербайджана, где их потом между 578—582 гг. встретили греки и откуда переселили в византийские владения за р. Куру. Много позже этих савир Константин Багрянородный знает под именем «савартиасфалов».

[1] История Егише Вардапета, пер. П. Шаншиева. Тифлис, 1853, стр. 128.

армяне под названием «севордик», а арабы — как «сиявардии». Для того чтобы предохранить страну от новых вторжений северокавказских варваров, в особенности от нападений нового варварского государства хазар, Хозров Ануширван усилил укрепления и возвел несокрушимые дербентские стены. Построение их следует датировать годами перерыва в войне Персии с Византией, т. е. 562—571 гг. Поводом для новой войны послужил отказ Византии в уплате очередного взноса на охрану северных проходов, обусловленного мирным договором 562 г. Весьма возможно, что средства, полученные от Византии, были обращены на постройку Дербентской крепости.[1]

В свете изложенных данных чтение даты, имеющейся в одной из пехлевийских надписей Дербента, предложенное Пахомовым, представляется наиболее вероятным. Построение Дербентской стены, согласно этой надписи, относится к 567 г. н. э. или 37 г. правления Хозрова. Многократное повторение в надписях имени азербайджанского сборщика податей, конечно, не случайно. Вероятно он был одним из главных деятелей строительства, средства и живая сила для которого черпались в соседнем Азербайджане. Моисей Каланкатуйский замечает, что цари персидские истощили эту страну, собирая мастеров и материалы для построения дербентских укреплений.

Что касается засвидетельствованных историей построек Иездигерда, то к остаткам их в Дербенте может относиться сырцово-саманная стена, сооруженная ранее каменной и, как сказано, частично уцелевшая в нижней части города вдоль северной стены. Между прочим, упорно сохранявшееся в Дербенте предание о том, что северная стена древнее южной, могло основываться именно на этом обстоятельстве — на существовании на месте северной стены Дербента более древней сырцово-саманной, перегораживавшей легко доступный проход вдоль берега и явившейся зерном, из которого развились мощные дербентские укрепления.

При наследниках Хозрова I Персия едва ли была в состоянии производить сколько-нибудь значительные постройки в Дербенте. Ормузд IV наследовал после отца тяжелую войну с Византией и скоро был убит. Хозров II только с помощью Византии вернул наследственный престол из рук узурпатора Бахрама Чубина.

Десяток спокойных лет царствования Хозрова II сменился новой войной с Византией, которая закончилась полным разгромом персидского могущества. В эту смутную, тяжелую для Персии пору внимание к Дербенту должно было ослабнуть, и эта могучая крепость, перед которой еще при Анушрване должны были отступить турки, при Ормузде была уже не в силах удержать хазар. При Хозрове II Парвизе хазары захватили Дербент, овладели Албанией и три года господствовали в ней. Вынужденные около 630 г. оставить Азербайджан, они, повидимому, сохранили власть над Дербентом. Арабское завоевание застает его хазарским городом.

Памятниками хазарского владычества в Дербенте, может быть, следует считать многочисленные знаки и изображения, имеющиеся на блоках древней кладки Дербентской стены,[2] близкие начертаниям на кирпичах Цимлянского городища — Саркела, Маяцкого городища и болгарской Преславы (Абоба-Плиска).[3] Особенно бросается в глаза сходство в изображении животных, большей частью лошадей, с характерным удлиненным туловищем (рис. 25). Рисунки эти в Дербенте помещены на стенах не выше человеческого роста, т. е. уже на готовой кладке.

---

[1] Литературу по вопросу о Каспийских воротах и времени сооружения Дербента см. в моей работе «Очерки древнейшей истории хазар» (Соцэкгиз, 1936).

[2] Н. Б. Бакланов. Архитектурные памятники Дагестана. Л., 1925, рис. 27.

[3] М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону. Л., 1935, стр. 90.

Если верить Дербент-намэ,[1] при арабах дербентское укрепление несколько раз возобновлялось и перестраивалось. Первый раз обновил разрушенные стены Маслама-бен-Абдул-Мелик, овладевший Дербентом при халифе Хишаме (724—743). Он же выстроил склады и мечети в самом городе. Это сообщение подтверждается Табари, от которого оно, повидимому, и заимствовано.[2] Вслед за тем Язид-бен-Асад, назначенный правителем в 733 г., исправил укрепления, находившиеся в составе «Даг-бары» — горной стены, и поселил в проходах мусульман, которые должны были защищать их от хазарских набегов. Последняя при арабах перестройка Дербента, по Дербенд-намэ, была произведена при Гарун-ар-Рашиде (786—809).

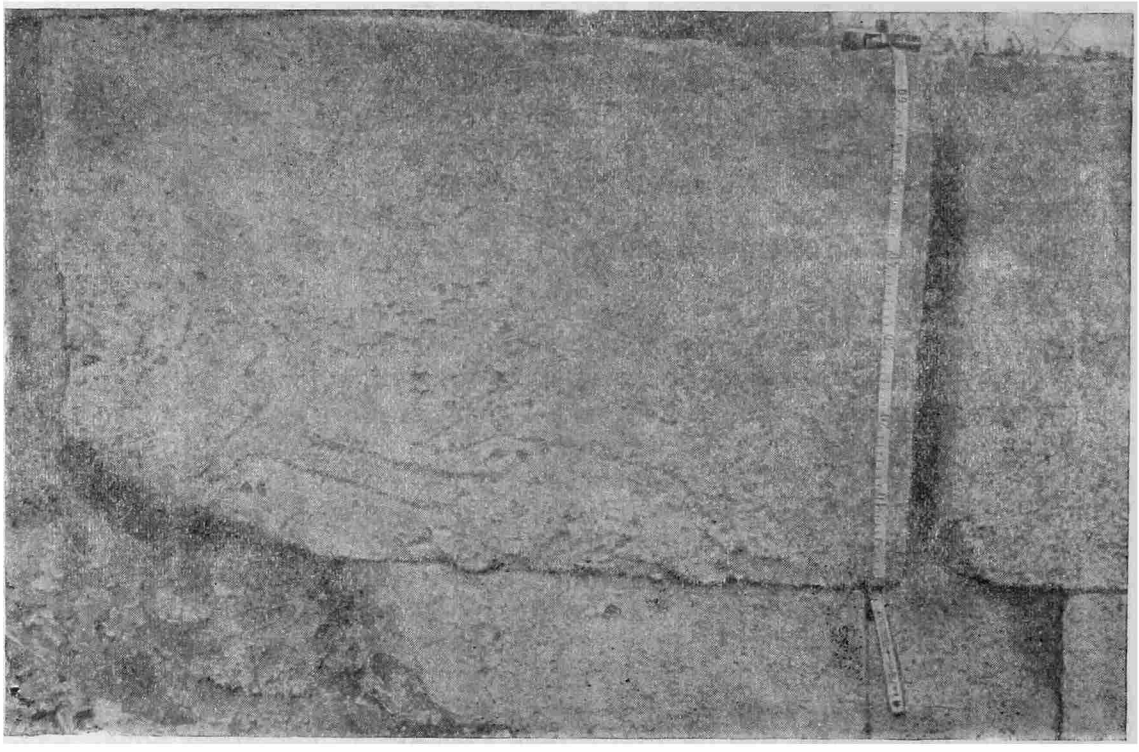

Рис. 25. Изображения лошадей на южной стене.

Впрочем, историк XI в. Хиляль ас-Саби сообщает о починке дербентских стен еще в первой половине X в.[3]

Из сохранившихся более новых, чем основная часть, дербентских укреплений к арабскому периоду можно отнести башни и участки стен, сложенные из рустованных блоков. Этого рода кладки занимают значительные участки северной и южной стен и, кроме того, представлены башнями возле юго-западного угла цитадели и возле ворот Кала-капы (рис. 11 и 23). Выше уже отмечалось, что первая из этих башен возведена после разрушения части горной стены, примыкавшей к крепости. Наши сведения, относящиеся к эпохе борьбы арабов с хазарами из-за Дербента, говорят, что последний неоднократно переходил из рук в руки и что укрепления его неоднократно разрушали и те и другие. Несомненно, что, закрепившись в Дербенте, арабы поспешили восстановить оборонительную мощь крепости, и указанные выше части укреплений скорее всего можно отнести к арабскому

[1] Derbend-nâmeh, by A. Kasem-Beg. St.-Pbg., 1851, стр. 89.
[2] Там же, стр. 188. — Дорн. Изв. о хазарах Табари. ЖМНП, ч. XLIII, 1844, стр. 85.
[3] В. В. Бартольд. Новые известия о стенах Дербента. Зап. Вост. отд. РАО, т. 21, стр. IV—V.

периоду, хотя бы потому, что в технике их еще живут традиции античного строительства и по своим признакам они с большим основанием могут быть приписаны раннему средневековью, чем другие поправки и перестройки Дербента.

Крупное строительство в крепости в XI в. доказывается надписью в воротах Орта-капы [1] и сходством пристроенной в это время части их со многими другими перестройками и починками в цитадели и городской стене. Наиболее характерной особенностью строительства этого периода является его декоративность. Постройки возводятся не только из утилитарных соображений, но и с целью украшения. Пристроенная часть ворот Орта-капы с тремя разделенными колонками-пролетами с арочным перекрытием не усиливает оборонительной мощи древних ворот, а преследует одну цель — украшение. Ту же заботу о декоративности можно проследить и по другим сооружениям того же типа (рис. 26). На этом основании можно заключить, что Дербент в XI в. имел несколько иное назначение, чем раньше. Из пограничной крепости он превратился в какой-то центр с самостоятельным значением и самодовлеющими интересами.

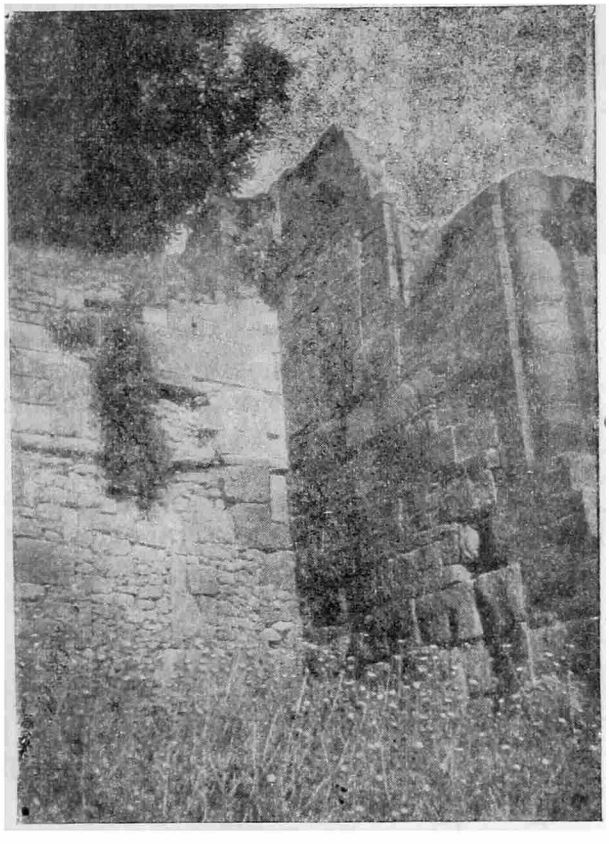

Рис. 26. Угол башни восточных ворот цитадели.

Действительно, это было время разложения обширного арабского халифата, образования из состава его многочисленных независимых владений. К этому времени в восточном Закавказье на первое место как в политическом, так и в культурном отношении выдвигается Ширван с особой династией шейбанидов или мезьядидов. Один из представителей этой династии Мухаммед-ибн-Язид около половины X в. захватил Дербент, который перед тем принадлежал его родственнику по имени Абдулла-ибн-Хишам, потомку одного из ансаров, род которого владел Дербентом со времени завоевания его арабами.[2] Сколько времени Дербент оставался во власти ширван-шахов неизвестно, но в первой половине XI в. в нем оказывается вновь свой правитель Абдул-Мелик-бен-Мансур, а затем Дербенд-намэ отмечает захват его одним из потомков Джеуна, т. е. Джеуна-бен-Наджм, который, после казни своего отца, бывшего правителем Дербента при Гарун-ар-Рашиде, заключил союз с хазарами и открыто восстал против халифской власти.[3] Этого Джеуна и его потомков В. В. Бартольд причисляет к роду ас-Сулами, который известен со времени утверждения арабов в Дербенте и в руках которого издавна находилось местное управление этим городом.[4]

[1] N. N. Chanikoff. Mémoires sur les inscriptions musulmanes du Caucase. Journal Asiat., 1862, т. XX, № 3, стр. 109.
[2] Н. А. Караулов, ук. соч., вып. XXXVIII, стр. 42.
[3] Derbend-nâmeh, стр. 129 и 130.
[4] Encycl. de l'Islam, стр. 267.

По словам Дербенд-намэ, потомкам Аглама-ас-Сулами было предоставлено право в случае смерти или низложения назначенного халифом правителя управлять городом до прибытия его преемника. Ан-Наджм-бен-Хашим, отец восставшего против халифов Джеуна, повидимому, должен считаться родоначальником династии хашимидов, правившей до захвата Дербента ширван-шахом, хотя, следуя историку Шегран-заде, эта династия происходит от дербентского правителя Шаррока-бен-Абдул-Хашема,[1] начало правления которого, указанное этим автором, совпадает с годом восстания Джеуна. Эмиры из рода Сулами оказываются во главе Дербента и в позднесельджукскую эпоху, в XII—XIII вв.[2] Есть данные полагать, что в эпоху распадения халифата Дербент выделился в особое феодальное образование со своей наследственной династией, представители которой принимали меры не только к укреплению, но и к украшению своего города.

По свидетельству арабских писателей, в XI—XII вв. Дербент был большим и богатым городом. Так Ал-Истахри, писавший около 930 г., говорит, что город этот больше Ардебиля и Тифлиса, что там много посевов и процветает земледелие и что этот город служит портом для товаров Хазарии, Серира, Табаристана, Грузии, Дейлема и других стран. Из Дербента, по его словам, вывозятся полотняные одежды и шафран. Там же продаются рабы из разных стран неверных.[3] Ибн-Хаукаль особо отмечает торговлю мехами, которые привозят в Дербент с Волги. В XI—XII вв. Дербент был цветущим городом, одним из наиболее значительных торговых пунктов Каспийского побережья. В связи с этим вполне естественно допустить, что именно к этой эпохе относится то строительство, памятники которого обнаруживают стремление к декоративности, тем более, что наилучше сохранившийся из них датирован надписью половины XI в.

В XIII в. Дербент много претерпел от татар и половцев. В смутных и трудных обстоятельствах этого времени в нем едва ли могли производиться какие-либо значительные постройки. Наоборот, по сообщению Рубрука, татары разрушили в нем верхние части башен и зубцы стен.[4] Сведения о починке укреплений относятся к XIV в., когда Тамерлан назначил правителем Ширвана и Дербента шейха Ибрагима Дербенти, основателя четвертой дербентской династии ширван-шахов, и приказал ему возобновить укрепления Дербента.[5]

Если Кантемир, читавший в надписи на воротах Кырхляр-капы 770 год гиджры, прав, то эту надпись следует связывать как с перестройкой самих ворот, так и со следами починок в цитадели и крепости, выполненных в той же технике, что и новая часть этих ворот, повидимому, по повелению Тамерлана, в конце XIV в.

Имеется известие еще об одних крупных работах по починке укреплений Дербента, произведенных в конце XVI в. при персидском шахе Аббасе I, возвратившем Персии этот город из-под власти Турции. При нем были починены древние стены и башни в тех местах, где они обвалились или были разрушены; кроме того, заново выстроены ныне не сохранившиеся стены, перегораживавшие город поперек в двух местах; сверх того, сооружена башня, преграждавшая обход города по морской отмели. Стены, выступавшие в море, к этому времени, очевидно, уже не существовали. Шаху Аббасу приписывают также постройку большого водоема и семи фонтанов. Все эти работы были выполнены мастерами, привезенными из Ирана.[6]

---

[1] B. Dorn. Versuch einer Geschichte der Schirvanschache. Mém. de l'Acad. des Sciences, т. IV, стр. 546.

[2] Е. А. Пахомов. О Дербентском княжестве XII—XIII вв. Изв. АЗГНИИ, т. I, вып. 2.

[3] Н. А. Караулов, ук. соч., вып. XXIX, стр. 11.

[4] В. де-Рубрук. Путешествие в восточные страны. Пер. Малеина, 1911, стр. 170.

[5] Е. И. Козубский. История города Дербента, стр. 50.

[6] Там же, стр. 58—59.

В заключение нельзя не остановиться на одном замечательном как по древности, так и по величине, сооружении, находящемся внутри города, а именно на соборной (Джума) мечети. Древность ее дербентцы оценивают

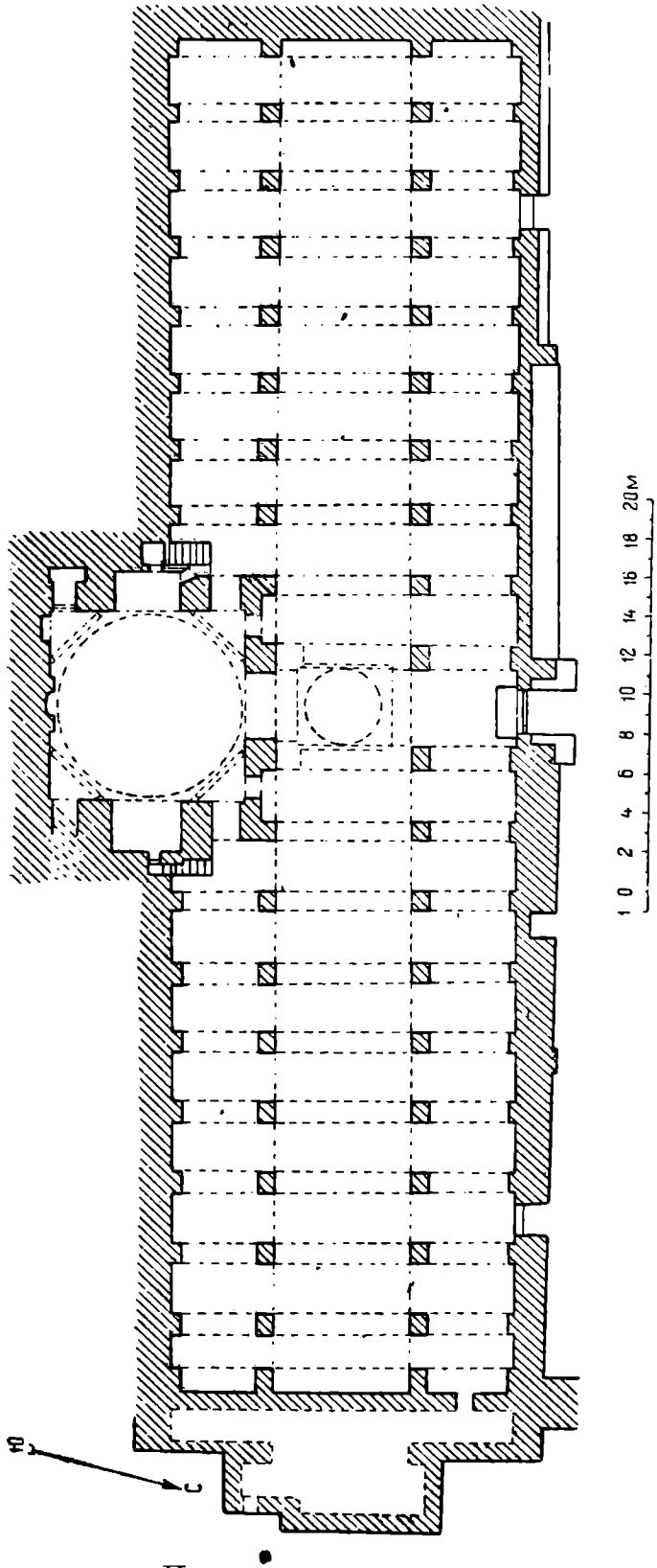

Рис. 27. Схематический план Джума-мечети.

более чем в тысячу лет. По размерам она вполне соответствует грандиозной дербентской крепости. Мечеть очень велика и имеет в плане форму длинного прямоугольника, разделенного столбами на три нефа и ориентированного

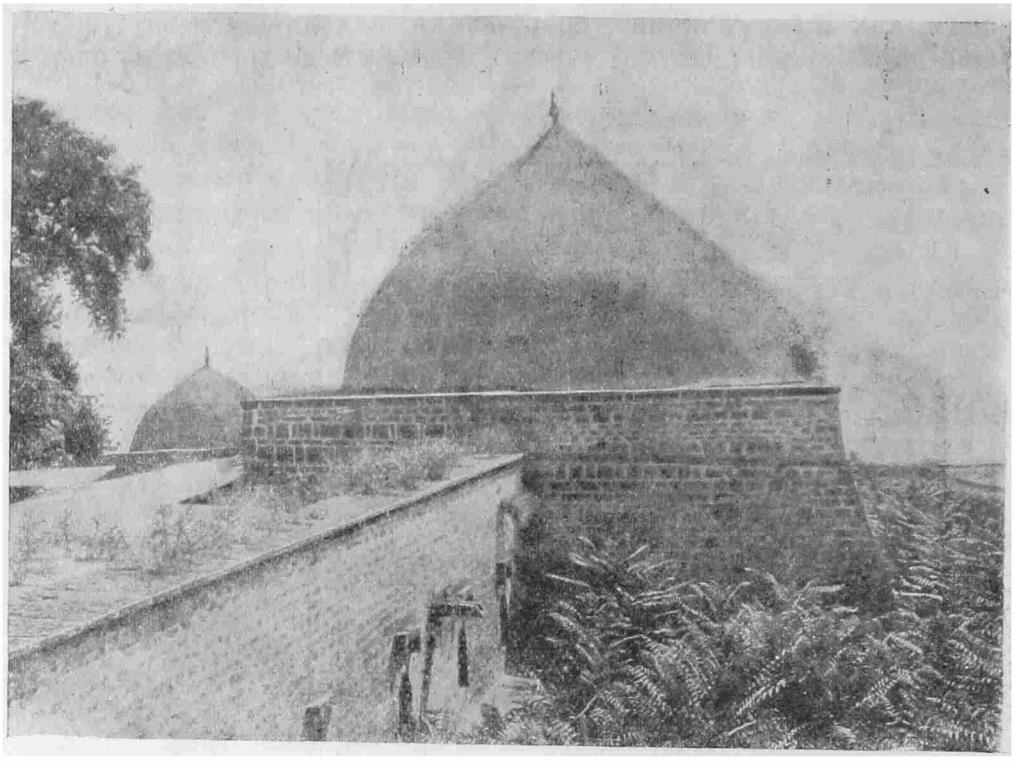

Рис. 28. **Купол Джума-мечети.**

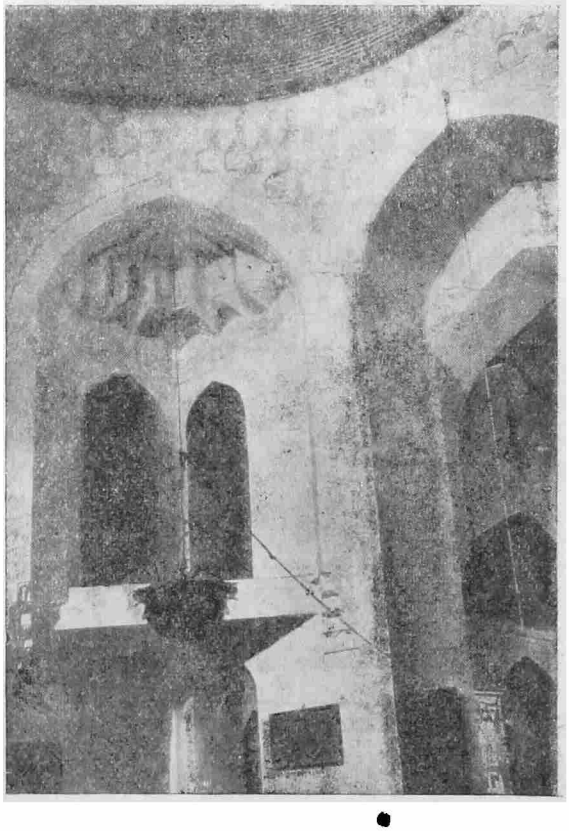

Рис. 29. **Внутренний вид мечети.**

с востока на запад (рис. 27). В середине южной длинной стены мечети к ней пристроено квадратное, открытое в трехнефный зал помещение, увенчанное куполом (рис. 28 и 29). Здесь находится михраб. Без сомнения, для мечети приспособлено здание, выстроенное одновременно с древнейшей частью каменных укреплений. Стены мечети возведены в той же технике, что и постройка Ануширвана. Судя по плану, это было здание типа базилики, что согласуется с преданием, по которому дербентская Джума-мечеть ранее была христианским храмом. Армянские историки относят распространение христианства в странах дербентских к IV в. Основание церкви в Дербенте они приписывают Григорию младшему, внуку правителя Армении. Вплоть до 552 г. в Дербенте находился будто бы престол албанского патриарха, только в этом году из-за хазарских набегов перенесенный в Партав (Бердаа). Предание приписывает устройство мечети, т. е. превращение в нее христианского храма в Дербенте, арабскому военачальнику Абу-Муслиму в VII в.

Над входом в мечеть имеется персидская надпись, гласящая, что мечеть была восстановлена архитектором Эддином в 770 г., т. е. в конце XIV в., вероятно, вместе с другими сооружениями, сделанными по повелению Тамерлана. К этому времени надо отнести своды и восточную стену мечети, сооруженные из плоских квадратных кирпичей. По свидетельству надписи, своды пришлось возобновить вследствие обвала.

Мы отнюдь не исчерпали всего богатства памятников прошлого в Дербенте. Но и сказанного достаточно, чтобы видеть, насколько они разнообразны и разновременны. Они развертывают нам не одну страницу из истории нашей страны. По степени сохранности и научной значимости трудно найти среди остатков сасанидской и мусульманской эпох памятник, равный Дербенту не только в СССР, но и за его границами.

M. ARTAMONOV

LE DERBENT ANCIEN

(Communication préliminaire)

Résumé

L'auteur signale l'importance des anciens travaux défensifs de Derbent, qui doit occuper une des premières places parmi les villes-musées de l'URSS. Derbent a conservé jusqu'à présent ses grandioses travaux de fortification, qui en faisaient une puissante forteresse fermant le passage le long du littoral de la Caspienne. Ces fortifications ne se limitaient pas à la ville même, mais étaient reliées à un vaste système de travaux défensifs s'étendant de Derbent vers l'intérieur du pays jusqu'au Kara-syrt et connus sous le nom de Dagbara — mur de montagne destiné à empêcher de contourner la ville du côté de l'ouest, par les vallées facilement accessibles de l'Ulu-čaj. L'auteur donne une brève description des ouvrages de fortification de Derbent.

Se basant sur les inscriptions murales pehléviennes publiées par E. Pahomov et sur l'histoire de Derbent et de ses constructions au début du moyen âge, l'auteur se rallie aux conclusions de E. Pahomov, suivant lesquelles le mur de Derbent fut achevé en 567 de notre ère ou l'an 37 du règne de Chosroes I. D'importants ouvrages défensifs furent construits à Derbent durant la domination arabe. Dans la suite, de gros travaux de fortification ne furent effectués qu'au XIe siècle, quand de forteresse frontière Derbent se transforma en centre d'une formation féodale ayant sa propre dynastie héréditaire. Les

travaux se continuèrent certainement au XIIe siècle, c'est-à-dire dans la période prospère de l'histoire de Derbent. Des travaux isolés furent accomplis aussi plus tard, au XIVe et au XVIe siècle.

Pour terminer, l'auteur donne une description sommaire de l'énorme mosquée-cathédrale de Derbent; son plan et sa technique constructive la font considérer par lui comme une basilique chrétienne des premiers temps du moyen âge transformée.

Н. Н. ВОРОНИН

СОЦИАЛЬНАЯ ТОПОГРАФИЯ ВЛАДИМИРА XII—XIII вв. и «ЧЕРТЕЖ» 1715 г.

I. ДАТА И ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА «ЧЕРТЕЖА»

До последнего времени изучение исторической топографии города Владимира исходило в основном из данных писцовых и переписных книг, а также периодически составлявшихся правительством описей городского строения и наряда; использовались и случайные данные, разбросанные в частных и публичных актах, летописные сведения, топонимика и, наконец, археологические данные о городе, его памятниках. Таковы исследования и материалы А. И. Бунина, К. Н. Тихонравова, В. В. Касаткина, А. В. Смирнова, Н. А. Артлебена и др.[1]

Что касается планов города, от которых исходили авторы названных работ, то наиболее ранним из них был план генерального межевания дачи г. Владимира 1769 г. (рис. 1).[2] Второй план, составленный в связи с предполагавшейся в 80-х годах XVIII в. (1781) перепланировкой города и зафиксировавший современное ему расположение улиц, урочищ и застройки города (рис. 2), был издан в атласе чертежей, приложенном к «Полному собранию законов»;[3] этот план не преследовал задач детального воспроиз-

[1] А. И. Бунин. К исторической топографии г. Владимира на Клязьме. ТВУАК, т. II.—Он же, О времени основания г. Владимира на Клязьме, АИЗ, 1898, № 5—6 и отдельно, М., 1898. — В. В. Касаткин. Часть г. Владимира от Кремля до Золотых ворот. ТВУАК, т. VII. — К. Н. Тихонравов. Город Владимир в начале XVIII столетия. «Владимирск. сборн.», М., 1857. — Он же. Земляные валы и городовые стены во Владимире в начале XVIII века. Там же. — Опись всему сгоревшему во время пожара во Владимире 30 сентября 1719 года. Там же. — Допросные речи Володимерцов посадских людей о повреждении земляных валов во Владимире, 1729 г. Там же. — Топографическое описание Владимирской губернии, составленное в 1784 г. Владимир, 1906. — К. Н. Тихонравов. О пожаре, бывшем во Владимире в 1719 г. ВГВ, 1847, № 40. — Н. А. Артлебен. Владимирский кремль-город по описной книге 1626 г. ЕВГСК, II, 1878. — «Описная книга» издана там же, т. I, вып. 2, 1876 г. — Важнейшие акты: Грамота 1635 г. о запрещении копать городскую осыпь, ТВУАК, II, стр. 59; Память 1647 г. о постройке тюрьмы во Владимире. ВГВ, 1874, № 38; Грамота 1649 г. об отписке на государя слобод на Владимирском посаде, АИ, IV, № 29; Порядная 1670 г. по строению городских укреплений, ДАИ, VI, № 10; Поручная 1670 г. во Владимирцах, порядившихся к городовому делу. АЮБ, II, ст. 794—797; Указ об обыске о пожаре 1719 года. ВГВ, 1864, № 3. Описи и писцовые книги: Опись укреплений г. Владимира 1754 г. Сборник Хилкова, № 79; Выпись с писцовых книг 1646 г. (соборные земли и дворы). ВГВ, 1878 г., № 7; Опись г. Владимира 1678 г. ДАИ, IX, стр. 220; Переписная книга Рождественского монастыря 1701 г. ВГВ, 1879, № 27; Извлечение из переписных книг г. Владимира 1715 г. ВГВ, 1843, № 32.

[2] План издается нами по фотокопии с черновика плана 1769 г. Межевого архива; подлинник крайне ветхий, стертый, имеет много неясностей, особенно в отношении юго-западной части городской территории.

[3] План издается с упразднением проектировки Екатерининской застройки города, т. е. дает лишь доекатерининскую планировку [ПСЗ (собрание первое). Книга чертежей и рисунков: планы городов. СПб., 1839, лист. 32].

ведения отдельных элементов города, его слобод, пригородных поселков, отдельных крупных зданий и пр.; план передает лишь основные магистрали города и планировку его кварталов. Оба плана были настоящими геодезическими чертежами в современном смысле слова. Эти планы приходилось брать за основу при попытках графической реконструкции древнейшей топографии города. В частности, А. И. Бунин, автор очень основательной работы «К исторической топографии города Владимира», основывался на плане 1769 г.; от плана 1781 г. исходил В. В. Касаткин в статье, посвященной территории «Нового города» от Кремля до Золотых ворот.

Естественно, что соединение письменных данных, далеко отстоящих во времени от екатерининского плана, с данными последнего не могло не повести к ряду неточностей и предположительных построений и часто создавало невозможность точно определить планировку важнейших участков города.

В связи с этим большое значение приобретает издаваемый нами план,[1] дающий богатейший материал для истории города (рис. 3 и 4).

Изобразительные приемы автора «чертежа» выдают в нем запоздалого представителя школы «чертежников», вышедших из рядов иконописцев, но, в то же время, обнаруживают его несомненное стремление дать план города «с птичьего полета» — в манере, хорошо известной западным граверам позднего средневековья, но эта тенденция безуспешно борется у него с традиционными приемами иконописного схематического ландшафта. Особенно это сказывается в центральной части плана — в изображении собственно «града Владимира» — кремля, где северная стена его дана в плоскости плана, тогда как остальные переданы с одной точки зрения; несколько точек зрения являются правилом для автора; он как бы ходит по улицам города, оборачиваясь лицом то на одну, то на другую сторону, или обходя кругом кварталы, рисуя условными группами домиков жилые полосы зданий, ставя их на самостоятельные полоски «земли»; к некоторым из них он подходит с угла и дает изображение здания даже с небольшой долей перспективы (кружечная изба, церковь Сретения, группа построек Рождественского монастыря и др.). Изображение каждого городского или монастырского комплекса разрешается, таким образом, как самостоятельная графическая задача; свои отдельные зарисовки чертежник вносит в общий план, не объединяя их ни единством точки зрения, ни перспективой, ни масштабом. Ниже мы остановимся подробно на реальности деталей плана и изображаемых зданий, указывающих, что автор работал по натуре. Однако более, чем натура, его рукой водит иконописный шаблон, который трансформируется, в условиях чертежа, в своего рода условные знаки. Таковы жилища «слобод посадских», таков весьма стандартный в отношении реальных подробностей военно-инженерного порядка «кремль», таковы мосты и некоторые схемы церквей. Живописный, а отнюдь не чертежный подход автора к плану очень убедительно показывает и раскраска последнего, выполненная наложенными крайне небрежно жидковатыми мучнистыми водяными красками; при этом раскраска так же условна, как и графические приемы изображения: здания, вне зависимости от дерева и камня, все (за исключением стен кремля, мостов, тюрьмы, изб Рождественского монастыря и постройки за Всехсвятской церковью) белые, крыши их зеленые, так же как «государев сад» и валы, или грязноваторозовые; река передается грязноватосиней краской, дороги коричневые. Под каждым изображаемым зданием растушевкой показана зеленовато-желтая земля.

Второй чрезвычайно характерной чертой, выдающей большую привя-

[1] Хранится в картографическом собрании рукописного отдела Библиотеки Академии Наук СССР № 3092. Подлинник размером 128 × 77 см на 8 склейных листах.

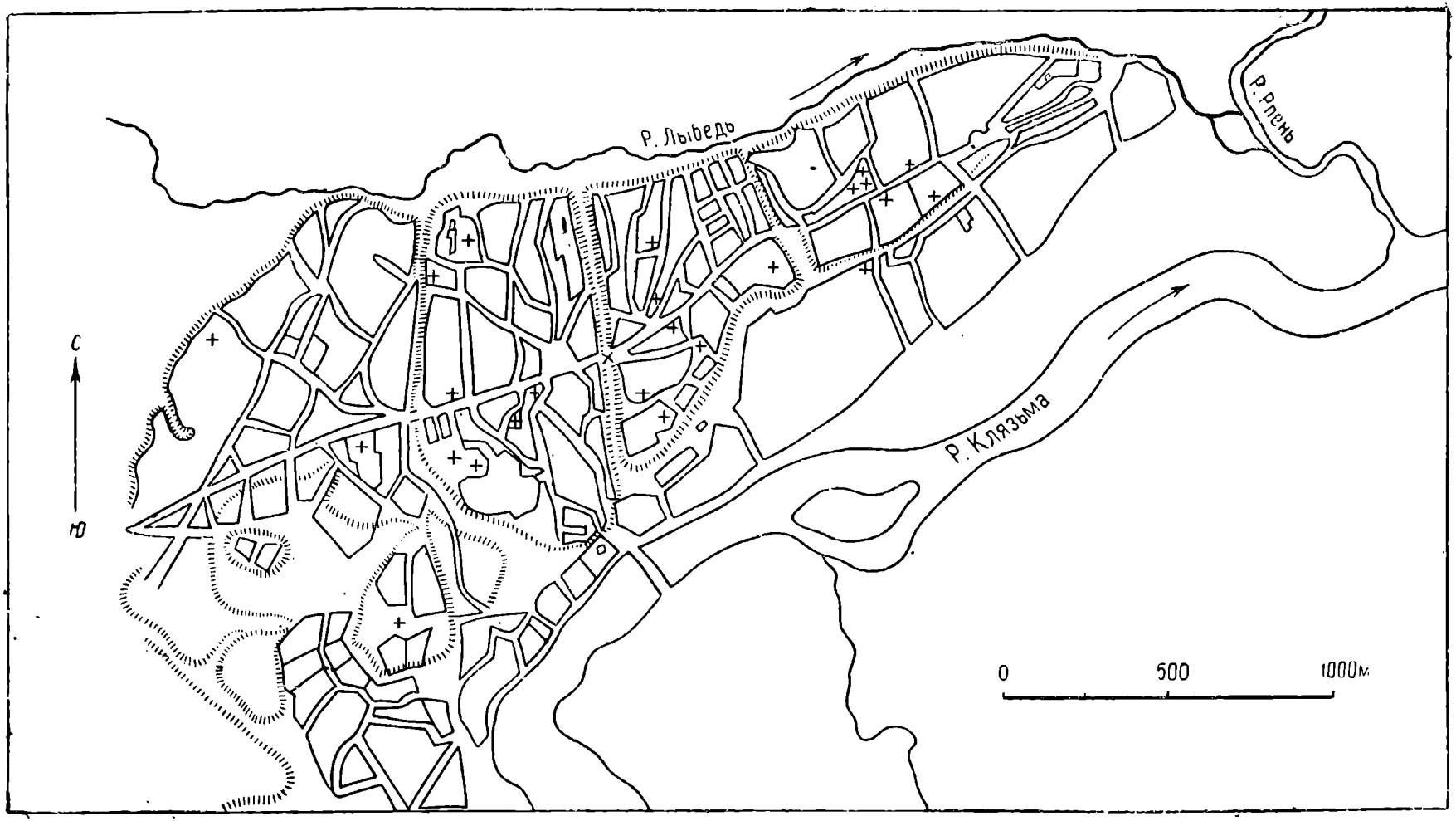

Рис. 1 План города 1769 г.

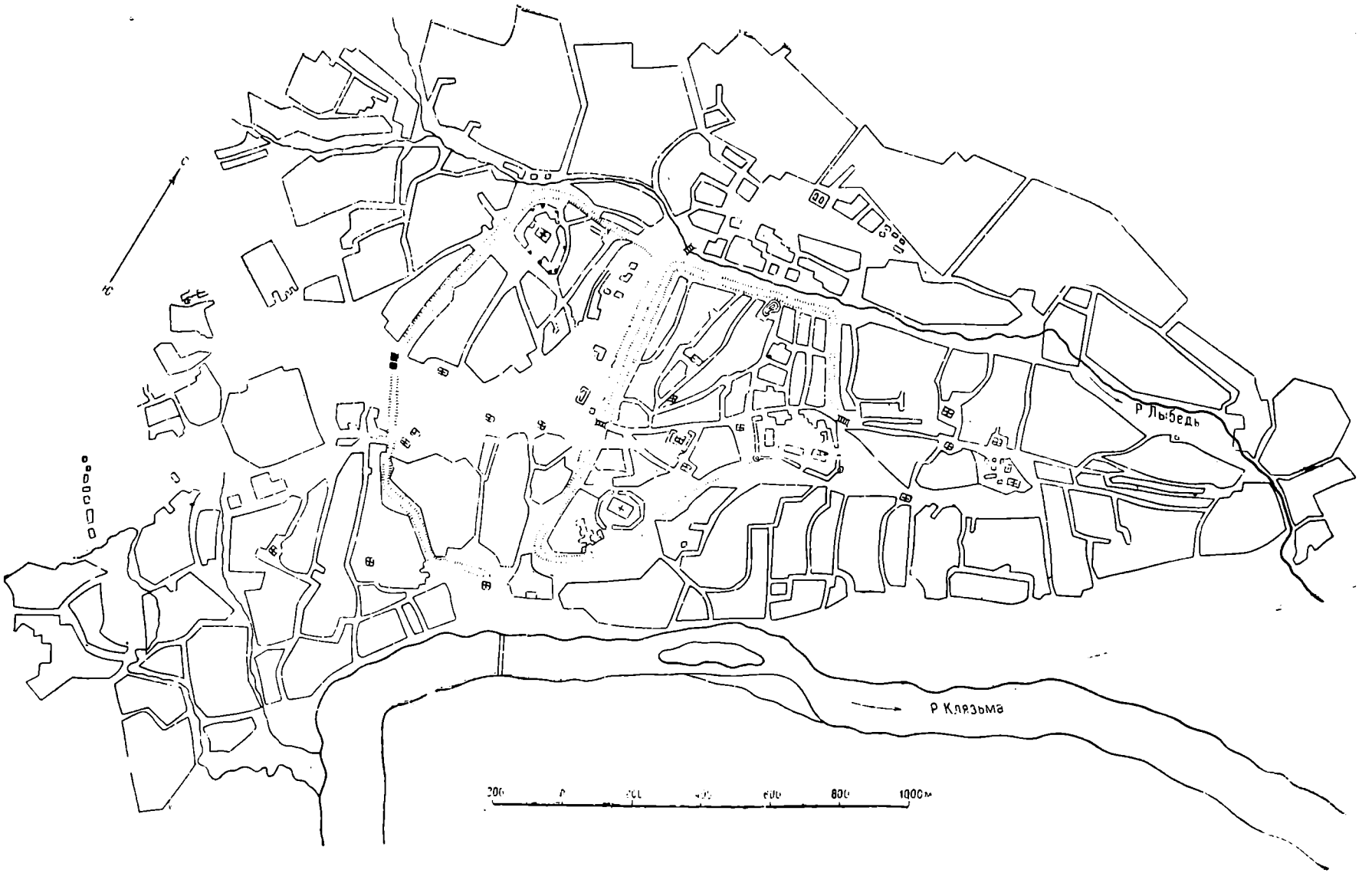

Рис. 2. План города 1781 г.

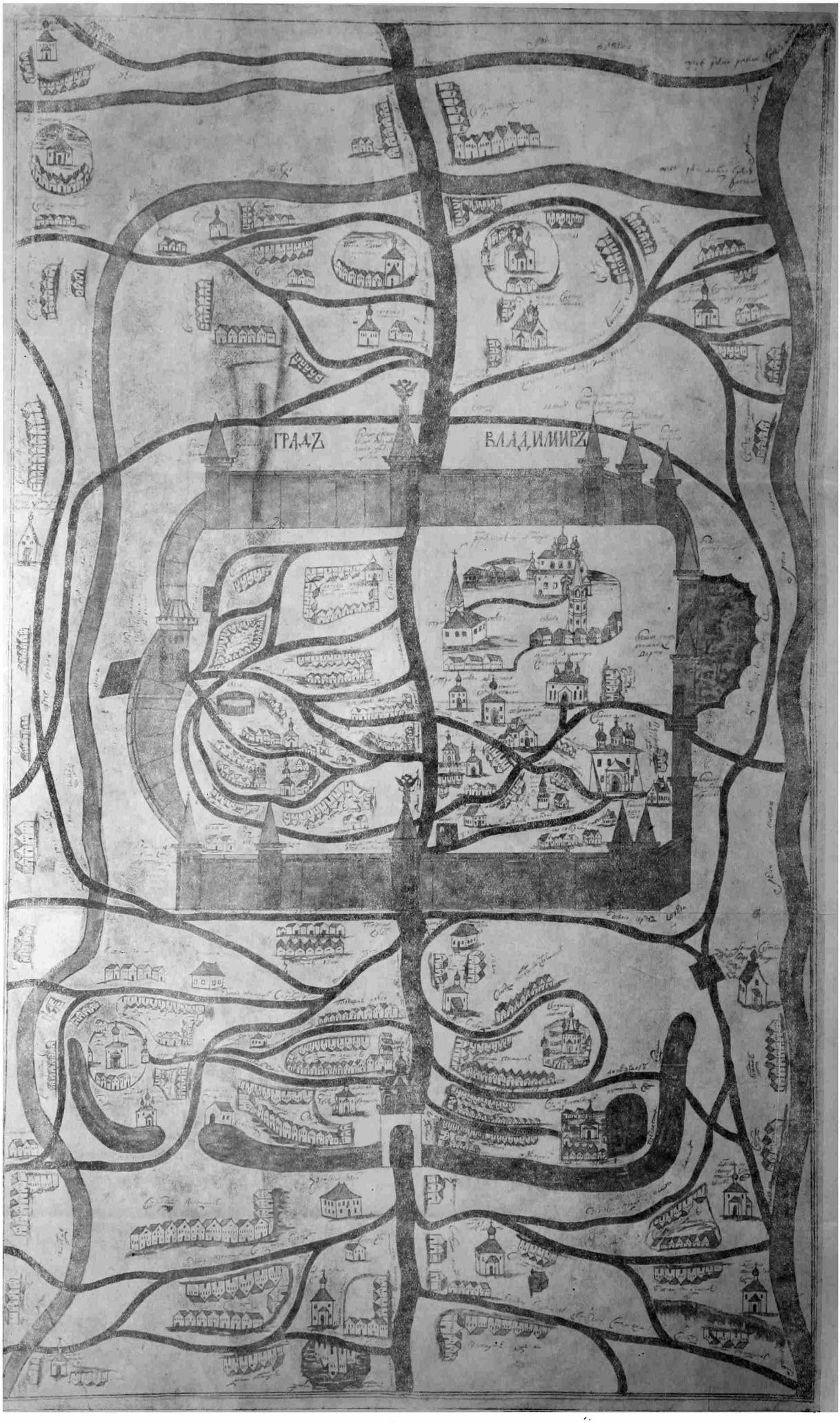

Рис 3. План города, 1715 г. (отд. таблица, фототипия

занность чертежника к старым изобразительным приемам, господствовавшим почти до появления петровских «архитектурных гезелей», является отсутствие масштаба. План снят «на-глаз» с очень большими погрешностями в пропорциях отдельных частей города; очевидно, не было промеров даже шагами. Такие «чертежи», представлявшие, по сути дела, лишь, очень приблизительную схему расположения объектов в пространстве, обычно сопровождались обширным цифровым текстом — «росписью», где расстояния и размеры обозначались в зависимости от задач, которые преследовал данный «чертеж» и «роспись». Такую «роспись» мы должны с несомненностью предполагать и при данном «чертеже». Поэтому масштабные погрешности, притом очень крупные, мало смущали автора плана. Достаточно сказать, что по оси большой дороги (вдоль всего плана) изображение кремлевской и золотоворотской части города, переданное относительно верно, совершенно не пропорционально отрезкам дороги за этими пределами: чертежник сжимает западную и восточную части города, сокращает их размеры, фиксируя основное внимание на укрепленной феодальной сердцевине города, изображенной в преувеличенном масштабе и с исчерпывающей полнотой.

В отношении пропорций особенно интересно изображение юго-восточного угла кремлевской части; здесь мы видим как чертежник, стремясь показать все детали этой части, попадает в очень трудное положение. Дело в том, что кремлевская южная стена между Димитриевским собором и Рождественским монастырем делает глубокий изгиб, и реальное изображение этой стены закрыло бы значительную часть зданий монастыря. Для художественной логики иконописца, привыкшего показывать даже внутренности зданий путем срезки части фасада, такое положение было неприемлемо. Как же он выходит из этого положения? Южную стену города он выпрямляет, но самый изгиб условно на ней все же показывает; город становится прямоугольным, увеличивается пустота внутри города; чтобы заполнить «порожнее место», постройкам Рождественского монастыря придаются фантастически крупные размеры; достаточно указать, что соборная колокольня (№ 65)[1] в натуре гораздо больше колокольни монастыря, тогда как на чертеже, наоборот, последняя превосходит первую в несколько раз. При этом особенно любопытно, что «земля», на которую поставлены постройки монастыря, совершенно точно повторяет плановые очертания монастырской территории, по которой и шли стены «города».

Наконец, в связи с этими же особенностями графического подхода автора стоит и нечеткая ориентация направлений по странам света. Чертежник совершенно не ориентировался по компасу, достаточно известному техникам XVI—XVII вв., принимая за руководящую линию «Большую дорогу», относительно правильно прорезывающую город посредине.

Анализ художественно-технических приемов чертежа и изобразительной логики его автора показывает, таким образом, что последний обеими ногами еще стоит на почве архаической чертежной техники, что это — иконник, выполняющий задание необычного порядка — «написать чертеж». Короче говоря, это человек, несомненно, XVII в., человек той поры, когда развертывавшееся строительство вступало в противоречие с рутинной организацией строительного ремесла, работавшего без проектного чертежа, лишь на основе накопленного навыка, и когда исполнение необходимых чертежей было передано, минуя строителей, в руки иконников.[2]

Обращаясь к внешним формальным признакам, позволяющим датировать наш план, в первую очередь необходимо остановиться на его легенде; все надписи сделаны весьма бойкой и четкой скорописью. Ее характер

[1] Номера в скобках соответствуют номерам рис. 4.

[2] См. главу о чертеже в моих «Очерках истории русского зодчества XVI—XVII вв.» (ИГАИМК, вып. 92).

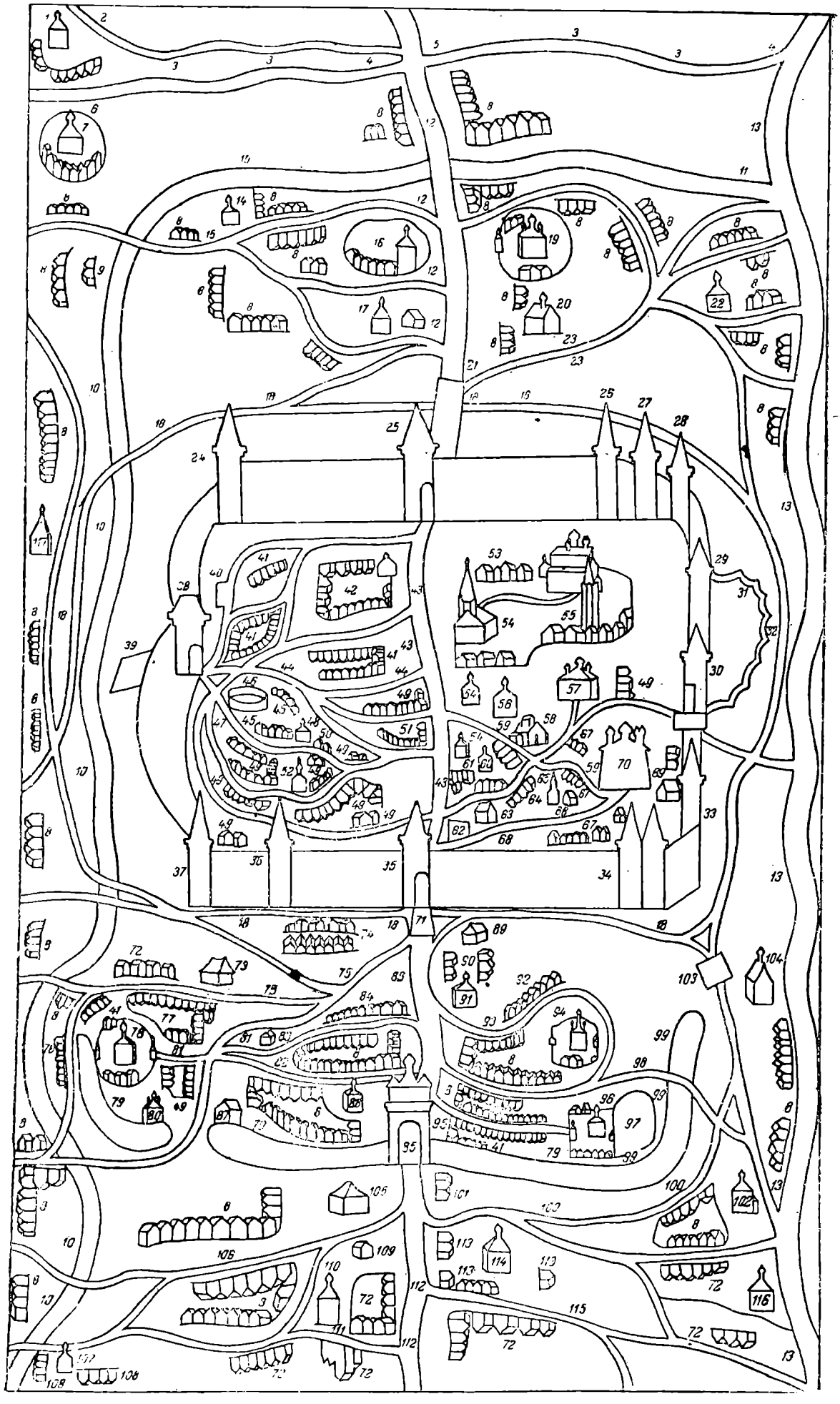

Рис. 4. Прорись к плану города 1715 г. (Подлинные надписи даны с раскрытыми титлами, по новой орфографии, но с сохранением особенностей языка. «Ѣ» сохранен лишь в случаях необычного употребления. №№ отвечают прориси «чертежа».)

1 — церковь архангела Михаила
2 — село Красное
3 — река Рпень
4 — устье реки Рпени в реку Клязьму
5 — мост Потанин
6 — Феодоровский монастырь
7 — церковь Феодора Стратилата
8 — Слободы Посадские (или «Посацкие»)
9 — винокурня
10 — Река Лыбедь
11 — устье реки Лыбеди в реку Клязьму
12 — дорога от Ивановского моста к Нижнѣму нову городу через реки Рпѣнь
13 — река Клязма
14 — церковь Зачатия святыя Анны
15 — дорога (от) винокурни в город
16 — монастырь Сергея чудотворца
17 — церковь пророка Ильи
18 — дорога круг города рвом
19 — монастырь Богородицки
20 — церковь святаго Иоанна Богослова
21 — мост Ивановскои
22 — церковь святых жен-мироносиц
23 — дорога от Ивановскова мосту в посадские слободы и к реке Клязме в разные переулки
24 — башня Науголная против зелени
25 — башня Ивановская, под неи проездные ворота
26 — башня наугльная, что за Рождественным монастырем
27 — башня другая отводная
28 — башня отводная
29 — башня Теремыш
30 — башня Потаинишных ворот
31 — государев сад
32 — дорога позади государева саду
33 — башня за Соборной церковью
34 — башня двойная
35 — башня Торговая, под ней проезжие ворота
36 — башня средняя
37 — башня наугольная, что против девичья монастыря
38 — башня Фроловская, под ней тайнишные ворота
39 — мост
40 — тайник
41 — слободы монастырские (или «монастырские слободы»).
42 — Слободы Рожественного монастыря
43 — большая дорога от торговых ворот ко Ивановским воротам
44 — дорога от Таинишных ворот на большую дорогу
45 — дворы всяких чинов
46 — озеро
47 — дорога от Таинишных ворот к Торговым воротам
48 — церковь Рождества Христова
49 — Осадные ворота
50 — церковь честного Воздвиженья креста
51 — дворы осадные всяких чинов грацких жителей
52 — церковь святыя Троица
53 — Рожественой монастырь
54 — Трапеза
55 — кельи
56 — церковь Николая Чудотворца
57 — церковь Димитрия Селунского
58 — Воевоцкой двор
59 — дорога мимо Бориса и Глеба к соборной церкви
60 — церковь Бориса и Глеба
61 — дворы всякого чина жителеи
62 — тюрьма
63 — Патриарши приказ
64 — дворы всякого чина людей
65 — соборная колоколна
66 — Приказная изба
67 — дворы соборных попов
68 — дорога от торговых ворот к соборной церкви
69 — Патриаршеи двор
70 — Соборная церковь
71 — Торговой мост через ров
72 — дворы посацкие
73 — таможня
74 — Кузнешные ряды
75 — дорога из посацких слобод от Юрьева пол(с)кого к городу
76 — Сборонои церкви слобода
77 — слободы всяких чинов жителеи
78 — Успенскии девичь монастырь
79 — вал городовой земляной
80 — церковь Никиты Мученика
81 — дорога от Успенского монастыря на большую улицу
82 — дорога на болшую улицу
83 — земская изба
84 — торговые лавки
85 — Золотые ворота
86 — дорога от Золотых ворот в город
87 — Никицкая трапеза
88 — церковь Николая Чудотворца Златоврацкого
89 — Пищая изба
90 — лавки
91 — церковь нарицаемая Пятница
92 — Слободы посадские и бобыльские
93 — дорога в слободы
94 — Георгиевский монастырь
95 — богаделна государева
96 — Спаскои Златоврацкой монастырь
97 — патриарший сад
98 — дорога к реке Клязме на перевоз
99 — (дорога) к церкви к Сретению Пресвятыя Богородицы
100 — дорога подле осыпа рвом
101 — Квасницы
102 — церковь Николая Чудотворца что в Галѣе.
103 — мост чрез ручаи к Сретению
104 — церковь Сретения Богородицы
105 — Кружечная изба
106 — дорога из посацких слобод в город
107 — церковь Николая Чудотворца
108 — Слободы Пушкарские
109 — Ямская изба
110 — церковь Петра и Павла
111 — дорога от Петра и Павла в ямскую слободу
112 — дорога со всех сторон в земляной город
113 — Слободы Ямские
114 — церковь всех святых
115 — дорога в посацкую и в соборную сторожевую слободу
116 — церковь Вознесения Господня
117 — церковь Воскресения Христова за рекою Лыбедью

таков, что позволяет с одинаковым правом говорить и о последней четверти XVII в. и первой четверти XVIII в. Это письмо, уже изживающее витиеватые формы букв, типичные для XVII в., стандартизирующее ряд написаний, устойчиво существующих в XVIII в., уменьшающее количество титловых аббревиаций и сокращений. Если эти надписи принадлежат самому чертежнику, то они дополняют и его характеристику; он несомненно не монастырский иконник из монахов, это — посадский ремесленник; названия церквей он пишет обычно без прилагательного «святого», «святых», что явно невозможно для иконника духовного, о том же говорит не церковно-книжное написание ряда имен и слов «церковь Сергея чудотворца» (№ 16) и др.

Таким образом анализ графических приемов автора плана и палеографические данные чертежа хотя еще и не позволяют нам уточнить датировку плана, но с совершенной несомненностью указывают на период последней четверти XVII и первой XVIII вв.

Обратимся к некоторым моментам содержания плана, которые дают возможность совершенно точно определить его дату. Из многочисленных фактов, которые могут быть привлечены, укажем лишь на наиболее убедительные и решающие.

Раннюю дату плана определяет изображение Успенского собора в кремле (№ 70); он показан уже с контрфорсами, которые были начаты постройкой на средства стольника Григория Андреевича Племянникова в 1708 г. и закончены двумя-тремя годами позже уже другим лицом — ямщиком Павлыгиным.[1]

В отношении поздней даты имеются также совершенно четкие данные: во-первых, деревянные укрепления средней части города изображены на чертеже еще полностью: Рождественский монастырь (№№ 53, 54, 55) стоит еще без ограды, он ограничен с юго-востока непосредственно примыкающими к нему городовыми укреплениями. Из опубликованных документов, фиксирующих разрушения города пожаром 1791 г., известно, что юго-восточный угол городских стен сгорел, и монастырь, потеряв свою естественную защиту, поставил по валу ограду.[2] На нашем чертеже изображены также и некоторые другие здания, которые сгорели в 1719 г.: земская изба (№ 83), таможня (№ 73), квасницы (№ 101), гостиный двор (№ 84, «торговые лавки») и др.[3] Таким образом план сделан между 1708 и 1719 гг., т. е. до пожара 1719 г. и после пристроек контрфорсов к Успенскому собору, начатых в 1708 г. В середине этого девятилетия, в 1715 г., в городе была произведена большая перепись ландратом князем Артемием Степановичем Ухтомским; его переписная книга позволяет утверждать, что план города составлялся в связи с переписью, т. е. в 1715 г. Здесь мы ограничимся пока одним предварительным замечанием, что чертежник действительно работал по натуре; так, напр., количество осадных дворов в северо-западном углу кремля по переписной книге равно 62, на нашем же чертеже их 65, т. е. налицо крайне незначительное расхождение с действительностью; это указывает на определенную связь чертежа и переписной книги Ухтомского; изображение отдельного двора, превращаясь в чертеже в условный знак, тем не менее каждый раз фиксирует отдельный двор.[4] Косвенным и дополнительным доказательством составления плана не ранее 1715 г. является изображение на нем слева за собором Рождественского монастыря маленькой часовни, показанной темной краской, — это часовня, построен-

[1] В. Доброхотов. Памятники древности во Владимире-Клязьменском. М., 1849, стр. 19—20. — А. Виноградов. История кафедрального Успенского собора, изд. 3, стр. 54, прим. 1.

[2] Владимирский сборник, М., 1857, стр. 68.

[3] Там же, стр. 189—190.

[4] Там же, стр. 63—64.

ная в 1715 г. из листового железа окольничим Никитой Ивановичем Акинфиевым.[1]

В связи с этой датой чертежа, совершенно точно фиксируемой его содержанием, следует внести поправку по линии датировки бумажных знаков чертежа. На каждом из склейных листов имеется филигрань типа, представленного в издании Лихачева на табл. 84,1 *в* и 2 *в*; даты приводимых автором документов, написанных на бумаге с указанным знаком, 1767 и 1770 год.[2] Наш чертеж, таким образом, значительно отодвигает дату этой филиграни назад.

Покончив с вопросом о датировке плана и его общей характеристикой, мы можем обратиться к его содержанию. План впервые дает нам более или менее точные графические данные по ряду вопросов истории города и его планировке: по вопросу о городских укреплениях, размещению основных групп городского населения, промышленных, торговых, правительственных зданиях и, наконец, дает некоторые чрезвычайно интересные материалы по истории памятников зодчества Владимира. Но, что особенно важно, наш чертеж позволяет совершенно по-новому поставить вопрос о топографии города в XII в. и последовательности возникновения его трех ячеек: кремля, «земляного» города и «ветчаного» города.

II. ЧЕРТЕЖ 1715 г. И ПРОБЛЕМА ДРЕВНЕЙШЕЙ ТОПОГРАФИИ г. ВЛАДИМИРА

Первое, что бросается в глаза при взгляде на наш «чертеж», это отсутствие уже в 1715 г. отчетливого деления территории города на три последовательно возникшие части: средний город, ветшаной (или «ветчаной») город, новый город, казалось бы достаточно твердо установленные в работах А. И. Бунина. Центр «чертежа» занят деревянными укреплениями кремля, ниже, к западу, отчетливо показаны сохранившиеся земляные укрепления андреевского «нового» города с Золотыми воротами; остальных ворот «нового» города — Орининых, Медных и Волжских — уже нет. На месте Орининых мы видим разрыв валов и стоящую справа «Никицкую трапезу» (№ 87), на месте остальных ворот разрывы валов: естественный рельеф местности, очевидно, позволял здесь ограничиться лишь деревянными стенами без возведения дополнительных земляных сооружений. Но наиболее интересно отсутствие в чертеже изображения укреплений восточной части города — валов так наз. ветчаного города. Здесь чертежник совершенно не показывает ни одним штрихом каких-либо остатков древнего «города» и валов; план не содержит даже воспоминаний о бывших укреплениях в наименованиях «улиц» и зданий. Это обстоятельство наводит на ряд сомнений в отношении общепринятой схемы исторического развития города и последовательности возникновения его ячеек.

Последним словом в этом вопросе является упоминавшаяся выше работа А. И. Бунина, вышедшая во втором томе «Трудов Владимирской ученой архивной комиссии», и его же статья 1898 г. «О времени основания г. Владимира на Клязьме», помещенная в «Археологических известиях и заметках». Что касается последней работы, то в ней, как нам представляется, А. И. Бунин совершенно правильно разрешил вопрос о времени возведения древнейших укреплений города (между 1098 и 1108 гг.) Владимиром Мономахом, а также окончательно показал несостоятельность версии об

---

[1] Топографическое описание Владимирской губернии, составленное в 17 4 г. Владимир, 1906, стр. 14, 112. Церковь погорела в пожар 1719 г.

[2] Н. П. Лихачев. Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве. ЗРАО, т. V, стр. 339 и ук. табл.

«основании» города князем Владимиром Святым.[1] Последующие попытки опровергнуть положения А. И. Бунина и восстановить связь «богоспасаемого» Владимира с именем «святого» основателя, исходившие главным образом со стороны церковников, не дали нового освещения известных фактов, повторяя зады исторической литературы начала XIX в.[2] Вторая статья А. И. Бунина «К исторической топографии города Владимира на Клязьме», где автор устанавливает последовательность роста частей города, требует критического разбора.

Обращаясь к документу, близко отстоящему от времени составления нашего чертежа, — «Реестру, что явилось в Володимире на земляных валах повреждения и рытвин и садов и огородов», составленному в 1729 г.,[3] мы находим несомненные свидетельства о наличии земляных валов в восточной части города, называемой «ветчаным земляным городом». Ряд заметок указывает, что этот вал простирался с южной стороны вниз по течению р. Клязьмы мимо церкви Жен-мироносиц (№ 22), Богородицкого монастыря (№ 19) и далее вниз по течению Клязьмы; вал был во многих местах разрушен огородами, постройками и водомоинами; не привлекая к себе внимания, как бесполезная для военных целей часть города,[4] восточный участок Владимира ветшал, его укрепления не поддерживались и город стал именоваться «ветчаным» — ветхим, развалившимся. Неудивительно, что в начале XVIII в. эта часть города и вовсе городом не считается, «опись» всему сгоревшему в пожар 1719 г. указывает Богородицкий и Сергиевский монастыри (б. Семинарская и «Красная» церкви) «за городом».[5] Сохранившимся теперь остатком укреплений восточной части города является зачатьевский полуразрушенный вал по берегу Лыбеди.[6]

Таким образом, несмотря на отсутствие в нашем чертеже изображений остатков земляных укреплений восточной части города, их существование не подлежит сомнению. Восточная ячейка Владимира ограничивалась валами по течению рек Клязьмы и Лыбеди. Спрашивается, когда же возникли ее укрепления?

С этим мы обращаемся к рассмотрению статьи Бунина. Ее основным материалом являются: 1) план генерального межевания дачи г. Владимира 1769 г., по которому и сделан опыт реконструкции древней топографии города, 2) опись укреплений г. Владимира 1729 г., изданная К. Н. Тихонравовым (Владимирский сборник), 3) дополнительные сведения актов и летописей.

Обрисовав конфигурацию городского плана и его трехчастность, Бунин на основании названия восточной части «ветчаным» городом или «старым», встречающегося в источниках с XVII в., заключает, что «это должен быть

---

[1] См., напр.: В. В. Касаткин. Очерк истории г. Владимира на Клязьме, Владимир, 1881, стр. 5. Впрочем, мнение об основании города Мономахом получило признание большинства писавших после Карамзина авторов. Специально с критикой версии о Владимире святом выступил А. Федотов (Известия о начале Владимира-Залесского. Вестн. Евр., 1827, № 1—3), возражавший И. Дмитриевскому, защищавшему версию об основании города Владимиром Святославичем (О начале Владимира, что на Клязьме... СПб., 1802). Дмитриевскому следовал Иосаф (Суздальские достопамятности. ВГВ, 1849, № № 3 и 10) и Доброхотов (Общий взгляд на г. Владимир. ВГВ, 1849, № 20).

[2] См., напр., статью свящ. П. Ильинского, «Об основании г. Владимира на Клязьме великим князем Владимиром Святым» (Влад. епарх. вед., 1916, № 32—35).

[3] Владимирский сборник, стр. 67.

[4] В распоряжении об охране валов 1729 г. упоминались только кремль и Андреевский западный участок: «земляной вал, на котором поставлена городовая деревянная стена, и другой вал же, что словет земляной город, хранить и смотреть того накрепко дабы... никакого повреждения земляным валам не чинили» (там же, стр. 66).

[5] Там же, стр. 189.

[6] Со стороны Клязьмы в прошлом веке сохранялись значительные остатки «Богословского» вала (Субботин. Город Владимир. ЕВГСК, III, стр. 104).

город, сооруженный Мономахом»; то обстоятельство, что средняя ячейка города примыкает к восточной своим рвом, указывает, по мнению Бунина, что эта поперечная линия укреплений не могла быть западной стеной Мономахова города, и заставляет признать этот вал и ров позднейшим, прорезавшим посредине древний Мономахов город, который, таким образом, охватывал территорию «среднего и «ветчаного» городов. Западная часть города совершенно не вызывает сомнений, — это Андреевская часть, укрепленная в первые годы княжения Андрея. Появление поперечного восточного вала, выделившего «средний» город от «ветчаного», Бунин связывает с сообщениями летописей под 1194 г. о закладке Всеволодом Большое гнездо «детинца» во Владимире. Эта очень остроумно построенная гипотеза отчетливо увязывалась и с конкретно-исторической обстановкой, в которой протекала жизнь княжого города.[1] Далее Бунин суммирует археологические находки, сделанные на территории города и в частности в «ветчаном» городе (клады, монеты), дополнительно аргументируя этим древность восточного участка Владимира. Эти положения Бунин иллюстрировал планом древнего Владимира,[2] в котором отразил и защищаемые им исторические взгляды; в эту схему, сделанную на основе плана дачи г. Владимира, генерального межевания 1769 г., Бунин внес и очертания кварталов и улиц XVIII в., показанные на плане.

Летописное указание о постройке города Мономахом упоминает еще о постройке им церкви Спаса; церковь Спаса (перестроенная в конце XVIII в.) находится теперь в Андреевской западной трети, около Золотых ворот; Бунин не считает поэтому возможным связывать мономаховскую постройку с указанным участком города, так как она при этом оказалась бы вне города начала XII в.[3] Он при этом прибегает к очень натянутому соображению, что церковь Спаса была выстроена в «ветчаном городе», затем обветшала, и взамен ее был устроен придел Спаса при церкви Успения в Богородицком монастыре (в «ветчаном» же городе, № 19), основанной вероятно (?) Андреем Боголюбским, куда последний ставит в 1155 г. вывезенную из Вышгорода икону богородицы.[4] Мы нарочно подробно остановились на этом сюжете, так как это одно из узких мест гипотезы Бунина. Прежде всего автор заранее отказался от возможности постройки мономаховой церкви вне города; затем версия о приносе Андреем иконы, если проверить ее по всем летописным текстам, относится в действительности не к церкви Спаса, а к владимирскому Успенскому собору, а самый факт датируется, по принятой Буниным версии, 1155 г. ошибочно;[5] если бы эта церковь, хотя бы и деревянная, была выстроена Андреем в «ветчаном» городе, как это допускает Бунин, то мы несомненно прочли бы о ней под 1213 г. когда все соседние церкви и дворы вокруг места, где должна была быть Успенская церковь, сгорели во время страшного пожара. Воскресенская летопись, описывая этот пожар, детально перечисляет эти постройки, не оста-

---

[1] А. И. Бунин, ук. соч., стр. 39—46. Не углубляясь специально в эту тему, я принял гипотезу Бунина в своей работе «Владимиро-Суздальская земля в X—XII вв.» (Проблемы, 1935, № 5—6).

[2] Бунин, ТВУАК, II; также в названной моей статье.

[3] Именно в этой связи некоторые местные историки считали, что древнейшим «городом» была западная треть Владимира. К ней иногда прибавляли и среднюю часть (Владимир, столица великих князей русских. ВГВ, 1839, № 49 и сл., стр. 208). В. Г. Добронравов считал, что к Мономаховой западной трети, где были церкви Спаса и Георгия, Андрей присыпал валы к востоку и затем выделял валом и рвом средний город (ИСОВЕ, I, стр. 8—9).

[4] Бунин, ук. соч., стр. 49—51.

[5] Дата 1155 г. приводится Лаврентьевской летописью (ПСРЛ, I, стр. 148 и 151: «в святой Богородици в Золотоверсей») и Львовской (ПСРЛ, XX, 118); Никоновская сообщает об этом под 1160 г. (ПСРЛ, IX, стр. 230), а Тверская под 1164 г. (ПСРЛ, XV, 236).

вляя сомнений, что Успенской церкви или церкви Спаса здесь не было;[1] существующая церковь Успения богородицы (б. Семинарская) построена в 1644—1649 гг., а первые сведения о ее предшественнице, деревянной церкви, встречаются в 1629 г. (патриаршие окладные книги).[2] Таким образом очевидно, что церковь Спаса была выстроена Мономахом не в «ветчаном» городе.

В решении вопроса, где же была поставлена церковь Мономаха, помогают две летописные версии о ее постройке. Летопись Авраамки говорит о Мономахе следующее: «Сии поставил град Володимер Залешьскыи в Суздальской земли, и осыпа его спом и съезда первую церков Святаго Спаса за 50 лет до Богородицына ставленья. Потомь прииде ис Кыева в Володимерь сын Мономашь Юрьи Долгая-рука и постави другую церков камену

Рис. 5. Миниатюра Кенигсбергской летописи: закладка ц. Спаса во Владимире.

Святого Георгия, за 30 лет до Богородична ставления».[3] Также именно об этих памятниках, а не о других, и также в соединении их в контексте рядом, в связи с указанием на дела Мономаха и Юрия, говорит Супрасльская летопись, называя Мономахову церковь каменной и добавляя, что она построена у Золотых ворот;[4] каменной же названа мономахова постройка и во второй версии летописи Авраамки и в хронографе редакции 1512 г.[5] Раскопки 1935 г. показали бесспорность нахождения древней церкви Георгия к западу от Мономахова города; на ее фундаментах действительно выстроена существующая Георгиевская церковь 1783—1784 гг. Рядом с ней находится также перестроенная после того же пожара церковь Спаса близ Золотых ворот, но о ней есть бесспорные данные летописей, что она была выстроена князем Андреем. Однако Супрасльский текст заставляет думать, что каменная церковь Мономаха обветшала и разрушилась ко

[1] ПСРЛ, VII, стр. 119.
[2] ИСОВЕ, I, стр. 96.
[3] ПСРЛ, XVI, стр. 309.
[4] Там же, XVII, стр. 1.
[5] Там же, XXII, стр. 386 и XVI, стр. 45.

времени Андрея и была им перестроена вновь. Миниатюра Кенигсбергской летописи, изображающая, согласно соответствующему тексту: «в том же лете заложена бысть церкви святого Спаса в Володимери» (лист 204 об., рис. 5), постройку Спаса во Владимире, на самом деле изображает не закладку, а разрушение каменного здания: слева сидит князь, справа три фигуры с топорами или кирками «секут» каменные (в перевязь) стены. Что здесь изображается церковь Спаса, а не другая постройка, ясно из помещения на заднем плане зубчатой четырехгранной башни — Золотых ворот. Перед нами, видимо, одна из миниатюр, воспроизводивших ранние (XIII в.) иллюстрации, которые делались по живой памяти, внося в изображения детали событий, в летописи не сохраненные.[1] Миниатюра эта является лишним косвенным доказательством в пользу того, что андреевская церковь Спаса поставлена на месте старого мономахова здания.[2] Следовательно, вопреки Бунину, Мономахова церковь Спаса была не в «ветчаном» городе, а на территории будущего «нового» города князя Андрея.

Второе сомнение, которое неизбежно возникает, заключается в том, что единственные ворота «ветчаного» города — Серебряные ворота — построены кн. Андреем. Ипатьевская летопись, упоминая о расширении городских укреплений Андреем, говорит, что «князь же Андрей бе город Володимерь силну устроил к нему же ворота златая доспе, а другая серебром учини».[3] Разница в глаголах может навести на подозрение что термином «доспе» обозначается новая постройка (Золотые ворота), а «учини» — лишь украшение (серебрение) главы или кровли постройки уже существующей (Мономаховых ворот). Однако другой источник, более поздний и также неправильно истолкованный Буниным, снимает наши сомнения. В Царственной книге и Никоновской летописи мы находим следующее описание пожара Владимира 13 апреля 1536 г.: «Того же месяца апреля в 13, в четверток седмыя недели святого Поста, на 9-мь часу дню, загореся град Владимирь, градская стена *промежь Рожествена монастыря и Андреевскых ворот*, на порожнем месте, и згорело стены от реки от Клязмы и разметали 170 городен да четыре стрельницы. . .» Во время пожара погорел Рождественский монастырь, кровли Успенского и Дмитриевского соборов, но от «города», т. е. средней части Владимира, осталось еще 265 городен и 7 стрельниц; присланный из Москвы горододелец Истома Курчев чинил только «город», т. е. укрепления средней части Владимира, и быстро закончил эту работу (за 4 месяца).[4] Бунин считает, что в данном отрывке Андреевскими воротами названы Волжские, находящиеся у р. Клязьмы, под юго-западным углом среднего города.[5] На первый взгляд это так и есть, так

---

[1] Что кенигсбергские миниатюры копировали древний оригинал — иллюстрированную летопись XIII в., доказано А. А. Шахматовым: «рисунки летописи, так же как и текст ее, вопроизводят иллюстрированный памятник XIII века и при том всего вероятнее первой четверти этого века» (Исследование о Радзивилловской или Кенигсбергской летописи. Изд. ОЛДП, CXVIII, вып. II, 1902, стр. 103). Число миниатюр, сохранивших древние черты и отмеченных А. В. Арциховским (Миниатюры Кенигсбергской летописи, Изв. ГАИМК, т. XIV, вып. 2, 1932), можно дополнить многими другими, так, напр., сценой убийства Андрея Боголюбского на текст «Петр же отня ему руку десную»: миниатюра изображает отсечение левой руки, как и было в действительности (Д. Г. Рохлин и В. С. Майкова-Строганова. Рентгеноантропологическое исследование скелета Андрея Боголюбского. Проблемы, 1935, № 9—10, стр. 160). Отсеченную руку держит жена князя, Улита, также отсутствующая в летописном описании этой сцены и участвующая в ней по версиям легенд (Сказание о начале Москвы).

[2] Разведки фундаментов церкви Спаса в 1935 и 1938 гг. не принесли новых данных, так как существующая церковь построена на новом месте рядом с несохранившейся древней.

[3] ПСРЛ, II (нов. изд.), стр. 582.

[4] ПСРЛ, т. XIII, 2, стр. 431. То же в Никоновской летописи ПСРЛ, т. XIII; 1, стр. 110—111).

[5] Бунин, ук. соч., стр. 46.

как горела стена среднего города. По точному же смыслу текста пожар возник промеж Рождественского монастыря и Андреевских ворот «на порожнем месте»; участок же около южной стены среднего города наиболее застроен, как это видно и на нашем чертеже:[1] здесь находятся Успенский и Дмитриевский соборы и Рождественский монастырь; поэтому этот участок не мог быть назван «порожним местом». Кроме того, здесь по прямой от р. Клязьмы «разметали 170 городень и да 4 стрельницы»; пространство, занимаемое 170 городнями, при средней длине городни в 7.5—10 м,[2] равно почти километру и значительно превышает длину южной стены среднего города; кроме того, что сгорело, в среднем городе осталось еще 265 городень, и починка этой средней части заняла очень короткий срок — 4 месяца. Отсюда можно заключить, что загорелось «на порожнем месте» именно в «ветчаном» городе, а там застройка была действительно редкая, и что, следовательно, горела и южная стена «ветчаного» города. При этой трактовке сведений Царственного летописца, а именно, что загорелось между Андреевскими воротами и Рождественским монастырем, мы можем сделать вывод, что Андреевскими воротами назывались Серебряные ворота «ветчаного» города, может быть еще существовавшие в развалинах в XVI в.[3] Однако состояние укреплений «ветчаного» города было настолько ветхим, что уже в конце XV в. (пожар 1491 г.) он называется просто «посадом», т. е. частью городского поселения, расположенного под Кремлем.

Для аргументации принадлежности Мономаху укреплений «среднего» и «ветчаного» городов Бунин незаметно распространяет название «ветчаного» или «старого» города и на «средний» город, тогда как ни один источник этого сделать не позволяет. Средний город в ранних известиях называется лишь «печерним», а позднее «городом» (в отличие от посада — «ветчаного» города) и, наконец, «кремлем» или «острогом» (в отличие от восточного «ветчаного» и западного «земляного» Андреевского «городов»).

Наконец, последнее и решающее соображение по вопросу о поперечном восточном вале и рве. Бунин, как указано выше, связал возведение этой линии с князем Всеволодом, который в 1194 г. строит детинец во Владимире. Текст Лаврентьевской летописи говорит: «Того же лета (6702) заложи благоверный Всеволод Юргевичь детинец, в *граде* Володимери, месяца июня в 4 день на память святаго Митрофана патриарха Костянтина града».[4] Двумя годами позже, в 1196 г., епископ Иоанн закладывает церковь Иокима и Анны «*у детинца на воротех*».[5] Другая летописная версия поясняет, что эти ворота детинца были в то же время «вратами святыя Богородица»,[6] т. е. воротами у Успенского собора. Ворота эти с надстроенной над ними в XVII в. шатровой колокольней видны на нашем чертеже

---

[1] Нужно при этом учитывать особенности изображения юго-восточного угла среднего города, т. е. что чрезвычайная «просторность» этой части плана вызвана беспомощностью автора в передаче сложных раккурсов стен участка между Дмитриевским собором и Рождественским монастырем, о чем говорилось выше.

[2] И. М. Красовский. Курс истории русской архитектуры, ч. I. Деревянное зодчество. Пгр., 1916, рис. 101.

[3] На какие-то развалины в восточной части города указывает П. Свиньин: «старожилы говорят, что лет за 30 (т. е. в конце XVIII в. н. э.), против Золотых ворот, в соответственность им, на другой стороне Кремлевского вала, были видны развалины ворот, подобных златым, и то были Серебряные» (Отеч. зап., 1824, № 51, июль, стр. 13). См. также: Энциклопедический лексикон Плюшара, т. XI, СПб., 1838, стр. 75; Тихонравов в ТВГСК, IX, стр. 17, прим. 11, и другие авторы. Место развалин указано неверно, так как «на другой стороне Кремлевского вала» с XVI в. стояли уже деревянные башенные ворота, показанные на нашем чертеже. Кроме того, у самих местных жителей не было уже точных представлений о месте ворот; так, Я. Протопопов писал, что они были в восточной стороне города, но в какой линии валов — неизвестно (ВГВ, 1842, стр. 87, прим.).

[4] ПСРЛ, I, стр. 173.

[5] ПСРЛ, X, стр. 23, 29—30; XX, стр. 140; XXIII, стр. 56.

[6] ПСРЛ, I, стр. 174; VII, стр. 106 и др.

№ 65), они были целы еще и в конце XVIII в. и были изображены на панораме города 1801 г.[1] (рис. 6). Раскопки ворот детинца в 1936—1937 гг.[2] показали, что, действительно, его каменная стена шла около Успенского собора. Несколько позже ворот детинца, рядом с Успенским собором, строится Дмитриевский собор при дворе князя Всеволода.[3] Далее находился дворцовый же Рождественский монастырь, построенный также Всеволодом.

Отсюда следует ряд выводов. Во-первых, Всеволод возводит свои сооружения и строит свой двор в южной возвышенной части среднего города, затем данные о церкви Иоакима и Анны и раскопки показывают, что *каменная стена детинца шла поперек среднего города*, ограждая княжескоепископскую «гору». Далее, Всеволод, по словам летописи, строит детинец «в граде», т. е., очевидно, внутри города; это позволяет предполагать, что средний «Печерний» город уже до постройки детинца имеет замкнутую фигуру, и что, следовательно, уже существовал восточный поперечный вал, иначе говоря *средний город и есть город Мономаха*. При этом становится понятным, почему в сторону «ветчаного города» был ров, аналогичный рву и оврагам западной линии «среднего» города.[4]

Последний вопрос, связанный с детинцем Всеволода, выводит нас из плоскости историко-топографической в сферу истории классовой борьбы этого времени. Это вопрос о торговище.

В своей работе «Владимиро-Суздальская земля в X—XIII вв.»[5] я ставил вопрос о причинах относительного общественного спокойствия в княжение Всеволода и указывал на ряд мер, которые предприняла княжеская власть в целях ликвидации последствий восстаний 1175 и 1177 гг. во Владимире, а также и для их предупреждения. В ряду этих мероприятий указаны были и усиление княжих городов Суздаля, Переяславля, и постройка детинца во Владимире. Восстание 1177 г., с которым Всеволоду пришлось столкнуться непосредственно, было поднято боярами и *купцами* — «бысть мятеж велик в граде Володимири: всташа бояре и купцы».[6] Поводом к восстанию послужила нерешительность и двурушничество Всеволода в расправе с пленными рязанскими князьями и боярами. Характерно при этом заявление восставших: «Княже, мы тобе добра хочем и за тя головы свое складываем, а ты держишь ворогы свое просты; а се ворози твои и наши». Эта формулировка чрезвычайно симптоматична, она говорит, что князь своей нерешительной тактикой нарушал интересы бояр и купцов.

Не подлежит сомнению, что владимирские «бояре» — бояре совершенно иной социальной породы по сравнению с их антагонистами — родовитой местной аристократией, старым боярством ростово-рязанского блока.

---

[1] Центр. военно-истор. архив. Фонд ВУА, д. № 18632, т. 4. Панорама была изготовлена в числе других для «губернского атласа». Копия находится во Владимирском музее.

[2] Раскопки детинца являются материалом специального исследования, подготовленного мною к печати.

[3] Об остатках «палат» у Дмитриевского собора см. статью Доброхотова (ВГВ, 1852, № 39, стр. 254). См. также изображения собора в издании Строганова и работе Н. В. Малицкого (Поздние рельефы Дмитриевского собора во Владимире. Тр. Влад. научн. общ., вып. 5, Владимир, 1923).

[4] По поводу местоположения детинца в литературе было полное разногласие, так, напр., «устроен был детинец в городе, т. е. восстановлены, и, вероятно, лучше устроены, чем было прежде, крепостные стены и башни вокруг города» (!?) (ВГВ, 1901, № 26). Бунин следовал в своей гипотезе Я. Протопопову, который писал, что Всеволод построил «детинец, называвшийся печерним городом и впоследствии разрушенный Батыем» (ВГВ, 1843, стр. 40). Так же предполагал Тихонравов (ВГВ, 1869, № 24, стр. 4).

[5] Проблемы, 1935, №№ 5—6.

[6] ПСРЛ, I, стр. 166.

Владимирские бояре — это тесно привязанный к князю узами вассальной зависимости слой, составившийся частью из старых наемных дружинников разноплеменных городских гарнизонов, организованных еще при Долго-

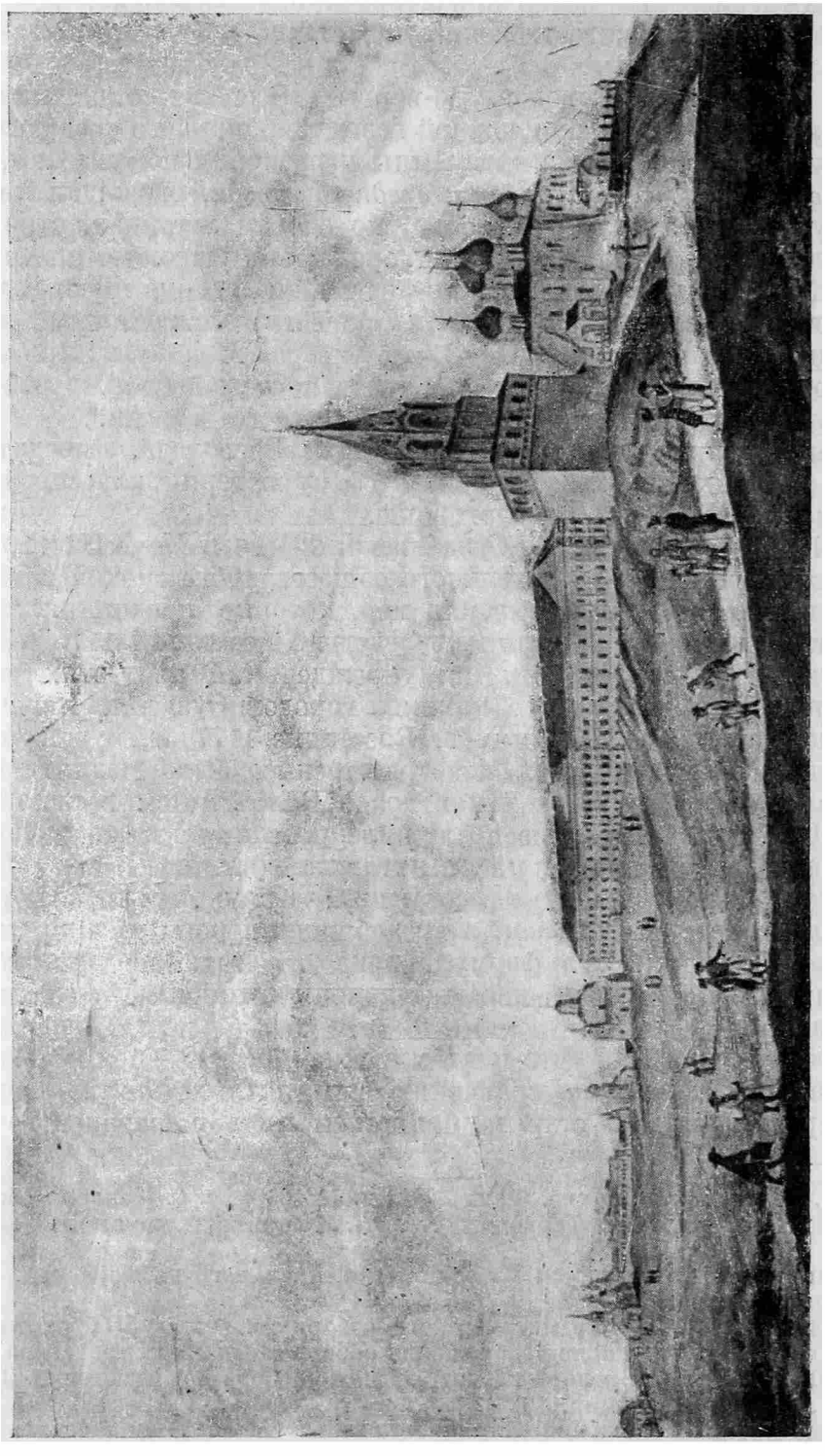

Рис. 6. Панорама Владимира 1801 г.

руком, частью из нижних слоев той же местной знати, коммендировавшихся князю. Эта военно-феодальная сила диктовала политику владимирских князей; ее интересы расходились с интересами старого боярства, боровшегося за свою гегемонию и независимость своих владений от княжеской власти.

Характерна также поддержка княжеской политики «купцами» владимирскими («всташа бояре и *купцы*»). Интересы представителей владимирского «торга» чувствуются и в политике Андрея и в борьбе Всеволода с Новгородом и в разгроме владимирской ратью Торжка. Мы неоднократно видим решительные действия Владимирского посада, купцов. «Мятеж велик» 1177 г., продолжавшийся три дня, был явно связан и с торгом. Возможно, с торгом же связано и городское движение во Владимире в 1185 г., вызванное страшным пожаром в городе. «И се пристраннее и страшнее, — пишет летописец, — яко на крестьянском роде страх колебание и беда упространися».[1] Оценка летописцем этих движений как грозного явления показывает, что Всеволоду пришлось, очевидно, и второй раз столкнуться с выступлениями горожан. Если владимирские купцы восстают вместе с владимирским боярством, то это значит, что князь нарушает также и их интересы: об этом ясно говорит приведенная выше их речь к князю. Таким образом князь и новое вассальное боярство в своей борьбе с сепаратистскими стремлениями старой аристократии встречали поддержку в городском бюргерстве. Эта политическая роль верхов городского посада и городских элементов вообще, которых старая аристократия расценивала как «мизинних людей», создавала почву для абсолютистских притязаний Боголюбского и преждевременных попыток его объединительной политики; это не может не напомнить указания Ф. Энгельса на «союз королевской власти и буржуазии», имевший место в Западной Европе в X в.[2] Несомненные элементы такого союза намечались и здесь; как и на западе, «он нарушается в результате конфликтов».[3] Всеволод, при котором княжеская власть достигла огромной силы, все меньше и меньше считался с этим союзом.

Где же находился владимирский торг? Летопись говорит о закладке в 1218 г. наследником Всеволода князем Константином церкви Воздвижения на торговище.[4] Местные предания и урочища связывают местоположение церкви и торга с клязьменским берегом за стенами города, в районе пригородной деревни Быковки, указывается и часовня на месте бывшей здесь церкви Воздвижения.[5] Название южных ворот андреевского города «Волжскими» показывает, что они действительно вели на торг: Клязьма — это путь к Волге, в булгарское царство, на восток. Наименование находящейся к юго-западу от Андреева «города» церкви Николы «в Галее» также указывает на нахождение судового пристанища в этом районе.[6] Любопытной параллелью из киевской топографии, подтверждающей сведения о нахождении владимирского торга к юго-западу от города на берегу Клязьмы, является указание Н. Закревского, что путь с киевского торгового Подола на «гору» шел (в 1068 г.) «через нынешние Гончары».[7] Во Владимире мы также видим большую слободу «Гончары», спускающуюся по склону городских высот мимо Вознесенского монастыря к д. Быковке. Вряд ли это случайное совпадение. Скорее и здесь и там перед нами следы древнейшей топографии двух городов. И самый культ воздвиженья связан и в Киеве и во Владимире с торгом. В 1212 г. кн. Смоленский Мстислав Романович поставил церковь Воздвиженья на пути с киевской «горы» на Подол, на Андреевском взвозе; на этом месте в XVIII в.

---

[1] ПСРЛ, I, стр. 166.

[2] Ф. Энгельс. О разложении феодализма и развитии буржуазии. Пролетарская революция, 1935, № 6, стр. 157.

[3] Там же.

[4] ПСРЛ, 1, стр. 186.

[5] «Описание некоторых древностей и памятников во Владимирской губ. ЖМВД, 1839, № 9, стр. 432. — Н. Д. Взгляд на достопамятности Владимира, стр. 25.

[6] Ср. в Ипатьевской летописи «Носады и галее» (ПСРЛ, II, стр. 625).

[7] Н. Закревский. Летопись и описание г. Киева. ЧОИДР, 1858, II, стр. 75.

стояла церковь Андрея, построенная Екатериной.[1] Археологические разведки в районе д. Быковки, произведенные в 1938 г., не обнаружили остатков древнего храма, что впрочем не снимает вероятности ее нахождения именно здесь. Однако, на нашем чертеже церковь Воздвиженья на торговище (№ 50) изображена в северной части среднего города, напротив Всеволодова детинца; кроме того, название позднейших западных ворот среднего города «Торговыми» (№ 35) также указывает, что торг действительно находился в мономаховом среднем городе. Когда же торг попал сюда? Остается предположить, что в результате событий 1175, 1177 и 1185 гг. владимирский торг был перемещен с берега Клязьмы и оказался на «горе» — в ближайшем соседстве с княжеским двором; при этом пришлось усилить охрану княжеско-епископской территории стеной детинца. Следовательно, в конце XII в. или начале XIII в. во Владимире повторилась киевская история 1068 г. когда Изяслав «взогна торг на гору».

Таким образом на смену бунинской теории образования городских укреплений Владимира XII в. выдвигаются два первых положения:

1) «Город Мономаха» — это средний город, отсюда его поперечные рвы. Название города «печерним» объясняется, возможно, тесными связями Мономаха с Киево-Печерским монастырем. Сам рельеф местности города (рис. 6) указывает, что гора, занятая Мономахом, является наилучшим в военно-стратегическом отношении участком района, и что для господства над широкой округой низменный восточный отрог высот («ветчаной» город) незачем было и укреплять.

2) Детинец Всеволода был внутри Мономахова среднего города и отрезал поперечной стеной с каменными воротами южный возвышенный участок, занятый княжеско-епископским двором и соборами; к нему примыкал с востока дворцовый Рождественский монастырь. Выделение детинца связано с борьбой Всеволода против городских восстаний 70—80 гг. XII в. и вероятным переводом владимирского торга с клязьменского «подола» на княжую «гору».

С этими выводами связывается и другой вопрос: о времени и причинах возникновения укреплений восточной части города. Предварительные данные для решения этой задачи мы уже наметили выше: во-первых, церковь Спаса, построенная Мономахом, была не в этой части города, и, во-вторых, единственные ворота «ветчаного» города — Серебряные-Андреевские — были построены Андреем Боголюбским.

У К. Н. Тихонравова, издавшего «реестр» 1729 г., на основании его сложилось вполне определенно убеждение, что восточная часть города — «ветчаной» город — есть наиболее поздняя его часть. Комментируя описание города, содержащееся в рассказе Лаврентьевской летописи о взятии города татарами в 1237 г., он пишет: «В это время, как можно видеть из приведенного свидетельства летописи, Владимир имел *двоейное укрепление*. Подле первоначального города, названного Печерним (кремль «чертежа». *Н. В.*), образовалось новое поселение, которое также обнесено было земляным валом и стенами по нему и называлось Новым городом (западная часть от кремля до Золотых ворот. *Н. В.*), а *впоследствии образовался еще посад по другую сторону кремля* (курсив мой. *Н. В.*), также окруженный земляным валом, эта часть называется в некоторых актах «ветшаным городом».[2] Из этого рассуждения К. Н. Тихонравова следует, что он, считая

[1] Там же, стр. 67 и 147. Не свидетельствует ли это распространение культа воздвижения об оживлении старой версии легенды о крещении Руси помимо Византии непосредственно Андреем Первозванным. Ср. также рассказ летописи об ослеплении Василька (Лавр. лет под 1097 г.) «сташа с ним перешедше мост Звиженьский на торговищи» (в Звенигороде южном). См. Максимович. О Звенигороде бывшем под Киевом. Соч., т. II, стр. 320—321.

[2] Владимирский сборник. Земляные валы и городовые стены во Владимире в начале XVIII ст., стр. 65.

«ветчаной» город позднейшей частью Владимира, относил ее возникновение уже к периоду после 1237 г.

Сообщения летописей о расширении укреплений городской территории князем Андреем очень коротки и неясны, они связаны с рассказом о постройке им Успенского собора и затем повторяются в перечне дел Андрея в связи с событиями 1175 г. «. . . Сверши же церковь 5 верхов и все верхы золотом украси и створи в ней епископью и город Володимер *болии* заложи». Так в Ипатьевской летописи,[1] в Никоновской — подробнее: «град Владимеръ заложи *велик зело, попремногу болши пръваго*. . .» [2] Другие летописные версии или повторяют эти сведения, или, не говоря о расширении Владимира, рассказывают о закладке Боголюбовского замка.[3] «Больший город» закладывается одновременно с собором, т. е. 8 апреля 1158 г.[4] Никаких других данных летописи не сообщают. Из того, что Андреем в западных валах Владимира строятся в 1158—1164 гг. главные городские Золотые ворота, и из того, что в рассказе о татарской осаде города в 1237 г. эта часть в отличие от старого «печернего» названа «новым» городом — совершенно ясно, что укрепления золотоворотской части сделаны Андреем. Но только ли они?

В рассказе о событиях 1237 г. летописи ничего не говорят о восточной части города, но можно ли отсюда делать вывод, что ее еще не было? Серебряные андреевские ворота подсказывают нам вероятный ответ. Эта часть города была обращена к Боголюбовскому княжому замку, через Серебряные ворота шла дорога в Боголюбов-город; через них в июне 1175 г. владимирские попы внесли в город тело князя Андрея. Серебряные ворота были единственными воротами «ветчаного» города: с юга и севера была река. Здесь князья не строят монументальных каменных храмов, в пожар 4 июня 1213 г. сгорело 4 деревянных церкви (Иоанна Предтечи, Иоанна Богослова, Ильи и Евпатия) и 200 дворов.[5] Это была явно «демократическая» часть города; не случайно именно эта часть города вскоре стала называться посадом. Находки здесь монетных и вещевых кладов, суммируемые Бунным, отнюдь не доказывают почтенного возраста укреплений «ветчаного» города, а говорят лишь о том, что здесь было древнейшее поселение, рядом с которым возникает Мономахов Владимир; [6] эти археологические данные показывают также, что, очевидно, и позже в этой части города жили торгово-ремесленное население и владимирские купцы. «Ветчаной» город — поселение владимирских «мизинных людей», притом докняжеское древнее поселение X—XI вв. Роль горожан в борьбе князей со старобоярской фрондой заставила Андрея оградить степой Владимирский посад. Это произошло, очевидно, одновременно с закладкой западного «нового» города. По Никоновской летописи, новые укрепления Владимира

---

[1] ПСРЛ, II, стр. 491.
[2] ПСРЛ, IX, стр. 211.
[3] Напр. Новг. лет., IV, ПСРЛ, IV, стр. 10.
[4] Таврич. лет., ПСРЛ, XV, 226.
[5] Воскр. лет., ПСРЛ, VII, стр. 119. Доброхотов указывает развалины фундаментов под южным склоном «ветчаного города»; здесь, на Богородицкой ул. «заметен квадрат из белых и диких камней, положенных довольно правильно; квадрат значительно углубляется в самую улицу»; автор считает их остатком фундамента деревянной церкви Онуфрия, но, судя по материалу, постройка могла относиться к древнему времени (ВГВ, 1850, № 1, стр. 1).
[6] Напомним, что за Серебряными воротами лежали урочища, своими наименованиями указывающие на архаичность поселения на восточном отроге владимирских высот: здесь была Ярилова долина, ручей Почайна, Княжой луг; эти урочища смыкались далее с поселениями, связанными с городищем Доброго села и его курганным могильником (Ф. И. Буслаев. Сказания московские, владимирские и новгородские. Летописи русской литературы и древностей, т. IV, стр. 8, М., 1862; ВГВ, 1839, стр. 208; 1849, № 33).

были «*попремногу болши пръваго*»: один лишь западный (золотоворотский) участок равен среднему городу.[1]

В дальнейшем, с упрочением княжой власти при Всеволоде, — отпадает необходимость опоры на «мизинных людей»; прочнейшим базисом несокрушимой феодальной мощи Всеволода становятся ростово-суздальские и рязанские вассалы. Посадская часть города Владимира не привлекает к себе забот, укрепления его не поддерживаются и восточный участок укреплений Владимира очень скоро становится действительно «ветчаным» — ветхим городом.

Таким образом основные ячейки города получили свои укрепления в два приема: средний город, как самодовлеющее и замкнутое со всех сторон[2] укрепление, вырастает при Мономахе; восточный и западный концы города ограждаются при Андрее. Если мотивы укрепления «ветчаного» города ясны из сказанного выше, то по поводу золотоворотской части города возникает ряд острых вопросов. Эта часть города не была посадом, который, как предполагалось раньше, и укреплялся Андреем; посадским был, как видели, восточный низменный «подол» Владимира. В то же время из наименования западной линии укреплений Владимира «новым» городом очевидно, что до Андрея эти западные высоты и вовсе не были укреплены. В новых валах Андрей строит главные ворота Владимира — Золотые. Приведенные данные указывают, что во время Андрея этот участок города считали очень важным и на него поэтому было обращено сугубое внимание власти. Что же здесь находилось?

В связи с этим вопросом и выступает перед нами примечательная особенность исторической топографии Владимира, ранее не привлекавшая внимания историков. Западные клязьменные высоты, на которых строится западный «новый» город Андрея Боголюбского, являются самым высоким местом в прибрежной владимирской гряде; отметка высшей горизонтали равняется 160 м, тогда как средний город в высшей точке поднимается до 150 м (рис. 6). На этих же западных высотах сосредоточены древнейшие культовые постройки; это, прежде всего, мономахова церковь Спаса, находившаяся, как видели, наверняка не в «ветчаном» и не в «печернем» городе; она была построена на месте существующей Спасской церкви, вернее где-то около нее; Спасская церковь и занимает самую верхнюю (не считая насыпи Козлова вала) точку береговых высот.

Далее князь Юрий Долгорукий строит церковь Георгия во Владимире. И эта, первая во Владимире уже вполне достоверная каменная церковь также находилась вне «печернего» города к западу от него, рядом с церковью Спаса, что доказано раскопками 1935 г. Только князь Андрей решается построить каменный собор в «печернем» городе, но это торжественный городской собор, хотя и одноглавый, но зато шестистолпный, с большой внутренней площадью, явно рассчитанный на большое городское население. Сам Андрей большую часть времени живет в своем боголюбском замке под Владимиром; но и во Владимире им строится небольшая четырехстолопная церковь Спаса, не дошедшая до нас, но, по некоторым данным, своими формами сближавшаяся с церковью Покрова на Нерли. Эта церковь одноименна мономаховой и построена Андреем, вероятно, взамен ее и рядом с ней. Она находится в ближайшем соседстве с главными воротами города — Золотыми. Следовательно, кроме городского собора, Андрей строит в западной части города княжескую церковь Спаса. Совокупность этих сведений о культовых княжеских постройках влечет за собой предположение, что в связи с каменными княжими церквами был

---

[1] В. Касаткин, не приводя оснований, относил укрепления «ветчаного» города ко времени Андрея (ук. соч., стр. 13).

[2] О валах юго-восточной части см. К а с а т к и н, ук. соч., стр. 13, прим. 3.

и княжой двор; иначе на кого же рассчитаны эти небольшие вотчинного характера постройки и для чего пышный городской въезд — Золотые ворота — сделаны именно здесь? На это может указывать также и смысл текстов Супрасльской летописи и летописи Авраамки, приведенных выше, где при именах Мономаха и Юрия упоминаются именно церкви Спаса и Георгия, а не другие. Почему? Не в качестве ли княжеских дворовых церквей?

Отсюда напрашивается вывод, что не только при Мономахе, но еще при *Юрии и Андрее княжеский двор во Владимире находился вне «печернего» Мономахова города*. Княжеское поселение во Владимире обособлялось от города точно так же, как это имело место в Смоленске — где Смядынь была княжеской частью, в Полоцке — где таким местом был, кажется, Бельчицкий монастырь, в Галиче — где княжой двор с церковью Спаса находился также вне города. Опять-таки, если сравнить топографию Киева и Владимира, можно понять название среднего города «Печерним»: по отношению к княжескому поселению он стоял на отлете, оба они вытянулись по Клязьме, подобно тому, как в стороне от княжеской «горы» над Днепром выступает «гора» Печерского монастыря.[1] Слабая связь Долгорукого со Владимиром позволила ему, видимо, ограничиться скромным деревянным ограждением княжого жилья около церквей Георгия и Спаса. При Андрее княжой город усиленно укрепляется — это одно из первоочередных строительных мероприятий Андрея (строительство западных укреплений начинается в 1158 г.); возводятся валы с четырьмя воротами: Золотыми, Медными, Ориниными, Волжскими.[2] Но только Всеволод, опираясь на решительное укрепление своей военно-феодальной силы, осваивает и «печерний» город, строит здесь княжой детинец, строит его лицом к лицу с беспокойным торговищем, переведенным с Клязьминского «подола» на «гору».

Что же заставило мономашичей так долго находиться в стороне от Мономахова города? Какая сила мешала им строить свои дворы и церкви внутри его стен?

По обычному представлению о Владимире, как о городе «младшем» по отношению к Ростову и Суздалю, младшем не только в силу своих традиционных прав, но и в силу своего исторического возраста, Владимир представлялся исключительно городом мизинных людей — «холопов и орачей» старобоярской знати Суздаля и Ростова; в нем бурно росли новые общественные силы, которым принадлежало будущее и которые не имели за своей спиной старых традиций; уместно вспомнить остроумную и правдоподобную гипотезу И. Дмитриевского, что имя «холопей» владимирцы получили «потому, что уповательно некоторые из ростовцев и суздальцев по бедности и угнетению от богатых, оставя свои места, перешли жить во Владимир, когда еще оной застроен был, желая найти себе тут жизнь спокойную».[3] С этой силой считались и Андрей и Всеволод.

---

[1] Е. Голубинский, наоборот, считал, что центром Мономахова города Владимира была его западная треть, и усваивал ей имя «печернего» города, «новой» же считал среднюю треть. Это никак не вяжется ни с одним фактом (см. История русской церкви, т. 1—2, стр. 319—20, прим. 2). Указание на аналогию с Киевом имеется у Тихонравова (Владимирский Рождественский монастырь, ВГВ, 1869, № 24, стр. 4).

[2] Можно предполагать, что Оринины ворота, выходившие на р. Лыбедь, были в то же время и «Медяными». В Львовской летописи читаем следующее: (татары) «внидоша по примету во град также и от Лыбеди во *Оринины ворота, в Медные*, от Клязьмы Волжские» (ПРСЛ, XX, стр. 157); здесь «Медные» как будто являются эпитетом Орининых ворот. но в Воскресенской летописи сказано: «ко Орининым воротам и к Медяным» (ПСРЛ, VII, стр. 141). По предположению Я. Протопопова, главная городская площадь помещалась около церкви Спаса и Золотых ворот (Владимир и княжение Всеволода. ВГВ, 1843, стр. 31).

[3] И. Дмитриевский, ук. соч., стр. 22.

Несомненно, Владимир не так стар, как Ростов и Суздаль, но, тем не менее, город прожил по крайней мере вековую жизнь до того момента, когда здесь выросла твердыня мономахова кремля. Едва ли рост нового по своей социальной природе города протекал мирно, без попыток ростово-суздальской знати «удержать попрежнему свое лакомое начальство» (И. Дмитриевский).

Антагонизм Владимира и старых городов возник задолго до прихода Мономаха и осложнил борьбу княжеской власти с сепаратистскими устремлениями ростово-суздальского боярства.

Юрий Долгорукий начал было эмансипироваться от суздальского боярства, положив начало княжему замку в Кидекше (в устье р. Каменки на берегу Нерли), построив здесь церковь Бориса и Глеба (1152); затем он строит церковь Георгия во Владимире, ориентируясь уже на Владимир, как центр княжества. Андрей строит в Мономаховом городе Успенский собор, но для себя церковь Спаса вне его. Тем не менее, правительственным центром эпохи Андрея фактически является Боголюбовский замок, где большей частью и живет князь со своим двором. Все эти передвижки княжеского двора особенно показательны на фоне нарастающей борьбы княжеской военно-феодальной группировки с местной старобоярской знатью, окончившейся убийством князя Андрея: боярская интрига переросла в широкое восстание, с избиением княжой администрации по городам и селам княжества. Центрами этого городского движения, поддержанного деревней, были Боголюбов и Владимир. Владимирская «дружина» занимала в 1175 г. двусмысленную позицию: не поддерживая прямо Кучковичей и старое боярство, она, тем не менее, усердно «грабит» княжой двор и княжих людей во Владимире. Заметна неопределенность ее политического курса, в ней явно борются противоречивые силы, определяя ее уклончивое поведение. То же сказалось и в дальнейшем: в событиях после 1175 г. владимирская дружина слишком быстро склоняется на предложения рязанского и ростовского старого боярства о приглашении Ростиславичей. Эти колебания владимирской дружины свидетельствуют о том, что за время Андрея княжеская внутренняя политика значительно ослабила союз князя с городским населением, вызвала явное недовольство последнего, породила неустойчивость его позиции во время старобоярского переворота 1175 г. и усиление боярского влияния во Владимире. Первые годы княжения Всеволода ознаменованы решительным разгромом старого боярства и притом не только «старых городов», но прежде всего самого Владимира; против Мстислава Всеволод ведет уже отборное ополчение, ядро которого составили феодальные послужильцы «и что бяше бояр осталося у него».

Очевидно, в связи с разрешением первоочередной задачи — разгромом и ослаблением старобоярской оппозиции — Всеволод смог распорядиться и Мономаховым городом во Владимире, получив возможность ограничить активность недовольных княжеской политикой городских слоев владимирских купцов и горожан, принесших на княжой двор в 1177 г. свои требования с оружием в руках и заверениями в преданности князю. Владимирский торг был переведен под стены детинца на княжую гору.

Подытожим наши наблюдения и выводы над древнейшей социальной топографией Владимира (рис. 7).

1) На месте будущего города Владимира на береговых высотах р. Клязьмы задолго до Мономаха, в IX—X вв., находилось значительное ремесленно-торговое поселение, занимавшее, очевидно, восточную низменную часть береговых высот. 2) В связи с событиями XI в. (борьба с Олегом Святославовичем за гегемонию в Суздальщине) Мономах между 1098 и 1108 гг. строит на соседних высотах княжеский город, называвшийся затем «печерним» городом. Это — средняя часть укреплений г. Владимира,

Рис. 7. Схема укреплений Владимира в XII—XIII вв.

I — город Мономаха; *II* — новый город Андрея; посад; *III* — новый город Андрея; княжеская часть; *IV* — детинец Всеволода. *1* — ц. Спаса; *2* — ц. Георгия; *3* — Успенский собор; *4* — Золотые ворота; *5* — Рождественский монастырь; *6* — Дмитриевский собор; *7* — Княгинин монастырь; *8* — ц. Воздвижения на Торговище; *9* — Серебряные ворота; *10* — Ориниы ворота; *11* — Волжские ворота; *12* — Медные ворота; *13* — Торговые ворота; *14* — Ивановские ворота; *15* — ворота детинца с ц. Иоакима и Анны; *16* — Вознесенский монастырь.

представлявшая первоначально самостоятельное замкнутое укрепление. 3) При Мономахе, Юрии и Андрее княжеское поселение, княжой двор находится рядом с заселенной местными горожанами крепостью на западных высотах клязьменского берега. Об этом свидетельствует размещение древнейших культовых построек города (церкви Спаса и Георгия). 4) В связи с этим андреевские укрепления опоясывают в первую очередь западный княжеский участок города, в эту же часть вводят главные ворота — Золотые. К тому же времени относится и укрепление валами восточной части города и постройка восточных Серебряных ворот. 5) Восстания 1175, 1177 и 1185 гг. и последующий по всему княжеству разгром старого боярства Всеволодом и ликвидация его влияния во Владимире позволили перенести княжий двор в средний город, но и здесь княжеский участок укрепляется: княжеский и епископский дворы ограждаются стеной детинца. Детинец занимает юго-западный угол среднего города. 6) В целях предупреждения повторения возможной оппозиции городского населения, связанного с торгом, и купцов, владимирский торг при Всеволоде переводится с клязьменского «подола» на княжую «гору» среднего города.

Так складывается к XIII в. феодальный Владимир.

III. ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНЫЕ ДАННЫЕ ЧЕРТЕЖА 1715 г. И ОБЛИК ГОРОДА В XVII—XVIII вв.

Помимо ценнейших сведений, которые дает чертеж о древнейшей топографии города, он содержит столь же интересные данные и о его архитектурных памятниках. При этом, конечно, необходимо все время помнить о крайней условности всех изображений чертежа, — стандартности некоторых из них, масштабных несоответствиях натуре и пр., о чем шла речь выше. Тем не менее, при всех своих дефектах, эти изображения позволяют сделать ряд интересных наблюдений.

1. *Золотые ворота.* Они изображены на самом переднем плане чертежа (№ 85) и им, соответственно их значению главных ворот города, чертежником уделено большое внимание. Золотые ворота с надвратной церковью Положения риз построены в 1158—1164 гг. Во время татарской осады Владимира 1237 г. ворота, очевидно, почти не пострадали; [1] далее, на протяжении двух веков, до середины XV в., мы не имеем никаких указаний о их ремонте; только под 1469 (6977) г. в Ермолинской летописи мы читаем: «того же лета в Владимире обновили две церкви камены, Воздвиженье в торгу, а другую на Золотых воротах, а предстательствомь Василия Дмитриева, сына Ермолина».[2] Из слов летописи видно, что Ермолин церкви не перестраивал, а только «обновил», следовательно ворота сохраняли еще свой облик почти неизменным. Сопоставление данных нашего чертежа с изображениями ворот на ряде миниатюр, а также западноевропейские аналогии и археологическое изучение самого памятника позволяют выдвигать предположение, что шатровое (вероятно стропильное) покрытие церкви было первоначальным, что крайне существенно для истории зодчества как XI—XIII, так и XV—XVI вв.[3]

2. *Ворота епископского двора и детинца с церковью Иоакима и Анны на них.* Здание построено кн. Всеволодом и еп. Иоанном в 1196 г. вместе со стенами детинца. Над воротами в XVII в. была надстроена шатровая колокольня; вместе с тем значительной переработке подверглись и фа-

---

[1] ПСРЛ, XX, стр. 57; ср. ПСРЛ, VII, стр. 141.

[2] ПСРЛ, XXIII, стр. 159.

[3] Аргументация этих положений развита в моей большой работе о Владимиро-Суздальском зодчестве (подготовляется к печати).

сады надвратной церкви. После 1806 г. здание было разобрано до основания. Изображение его на нашем чертеже (№ 65) является самым ранним изображением. Западный фасад соборной колокольни и южная стена даны здесь в большом раккурсе. Нижняя часть постройки — массивный четырехгранник, вверху его ряд окон, освещающих круговую галерею, затем идет кровля, над ней возвышается весьма суммарно нарисованный восьмерик со звоном и граненым шатром. Рисунок дает очень ценную подробность: на южной стене нижнего четверика видна темная вертикальная полоса с закруглением наверху — это арка воротного проезда, очевидно еще сохранившегося к началу XVIII в. Рисунок позволяет заключить, что древние ворота детинца 1196 г. послужили основой шатровой колокольни XVII в. Наши наблюдения дополняет рисунок соборной колокольни на панораме города, сделанной в конце XVIII в. (рис. 6). Здесь мы видим ее с северо-западной стороны. Проезд уже заложен, хотя по указаниям, имеющимся в местной литературе, он был ясно виден еще в конце XVIII в.[1] Это изображение подробно передает особенности постройки. Верх нижнего куба обработан ширинками и прорезан полукруглыми окнами. Выше идет другой четверик, его фасады членятся пилястрами на 4 части, над ним восьмерик звона и шатер с люкарнами. Несмотря на переработанность фасадов надвратной церкви, можно думать, что на воротах «под звоном» сохранялась древняя надвратная церковь Иоакима и Анны.[2] Судить о ее первоначальных формах, в связи с переработкой фасадов, очень трудно, но можно смело утверждать, что общая композиция ворот детинца была повторением, в уменьшенном масштабе, схемы Золотых ворот: внизу массивный куб, прорезанный аркой ворот, на его верхней площадке — меньший куб надвратной церкви; таким образом образуется верхний круговой обход, боевая площадка, огражденная, вероятно, так же как у Золотых ворот, зубчатым парапетом, который возможно был использован в XVII в. при устройстве окон галереи. Раскопки ворот и стены детинца, произведенные нами в 1936—1937 гг., подтвердили данные «чертежа» и внесли ряд новых деталей.

3. *Церковь Воздвижения на торговище.* Построена в 1218 г. князем Константином. Важнейший вопрос, который позволяет разрешить изображение ее на чертеже (№ 50), — это вопрос о месте нахождения торга, разобранный выше, в гл. II. Церковь была построена в очень короткий срок: ее заложили 6 мая, а освятили уже 14 сентября.[3] Это была самая маленькая постройка в ряду владимирско-суздальских памятников XII—XIII вв., на чертеже она меньше всех церковных построек. Это — одноглавая, с очень приподнятой четырехскатной кровлей, церковка, на ее фасаде дверь и два окна вверху; такова, между прочим, схема фасадов большинства изображенных церквей, — она, очевидно, условна. Однако малый масштаб постройки наталкивает на некоторые заключения. Не была ли церковь Воздвижения малой бесстолпной, а следовательно и без хор, т. е. «посадской» церковью, ранним прообразом московских посадских церквей начала XVI в.? Может быть в этой связи не покажется случайным и то, что именно эту захудалую церковь «обновляет» в 1469 г. московский строительный подрядчик Василий Дмитриевич Ермолин одновременно с «обновлением» церкви на Золотых воротах.[4] Конечно, это только предположение, но все же

---

[1] «В тридцати саженях от собора, в западной его стороне, находились обширные квадратные врата из белого камня с пространною в середине аркою, над которою находилась ц. Иоакима и Анны, заложенная 1 мая 1196 г.» (В. Доброхотов. Памятники древности во Владимире Кляземском. М., 1849, стр. 103—104).

[2] Она упразднена только в 1783 г.

[3] ПСРЛ, I, стр. 186.

[4] ПСРЛ, XXIII, стр. 159.

интересно отметить, что и в XV в. владимирский торг находился в среднем городе и церковь именуется, как и в XIII в., церковью «Воздвижения на торгу». В связи с большим интересом, проявляемым строителями Москвы XV—XVI вв. к архитектурному наследию владимирского великого княжения, а также в связи с огромным удельным весом в этом столичном строительстве торговых верхов московского посада, внимание Ермолина, а следовательно и его хозяина — великого князя Ивана III — к реставрации скромной церкви владимирского торга приобретает особый исторический интерес.

4. *Церковь Георгия.* Построена в 1157 г.; на нашем чертеже (№ 94) изображена в том виде, в каком ее застала перестройка конца XVIII в. В литературе существуют указания, что древняя церковь имела в это время шатровое покрытие главы и два дополнительных шатра над апсидами.[1] На рисунке мы видим здание с запада; характер его трехшатрового верха указывает на то, что перестройка церкви Георгия имела место во второй половине XVI в. Изменению подвергся не только верх, но и фасады (окна очевидно были расширены); однако схема фасада осталась в неприкосновенности: три щелевидных окна указывают на трехчленность стены, ниже, с боков западного входа, по одному окну (одно из них, северное, заложено), как в церкви Бориса и Глеба в Кидекше. Верхний ряд мелких окон, изображенных почти под кровлей, — повидимому, домысел чертежника. С северной стороны — маленькая деревянная звонница на двух столбах.

5. *Спасский Золотоворотский монастырь.* Здание монастырской церкви сейчас не существует, оно разрушилось после пожара в конце XVIII в., после чего выстроена была существующая церковь, не имеющая, как показали наши раскопки 1935 г., никаких старых частей; иначе говоря, она была выстроена на новом месте. Вопрос о месте древних фундаментов этой постройки имеет большое значение для истории города (вопрос о постройке ее Мономахом и перестройки Андреем разобран выше). Чертеж изображает эту церковь (№ 96) до ее пожара и сломки; условность рисунка не позволяет судить о подробностях архитектуры памятника; это кубическая одноглавая церковь, равная по размерам Георгиевской, с луковичным верхом, четырехскатным покрытием и папертью с запада. Следовательно, здание уже до XVIII в. терпело ремонты и многое утратило в своем древнем облике. Слева от него в раккурсе изображена церковь Николы, выстроенная в XVII в. в качестве «теплой» при «холодном» монастырском соборе. Из источников известно, что обе церкви были каменные, выстроенные «издавна».[2]

Существующая церковь Спаса находится сейчас не справа от Никольской, а слева; следовательно, древний собор находился на склоне горы, частично занятом сейчас городскими домами. Чертеж дает основание для дальнейших археологических поисков древних фундаментов Спасской церкви XII в., впрочем едва ли успешных.

6. *Прочие постройки XII в. и позднейшего времени в изображении чертежа 1715 г.* Для остальных построек города домонгольской эпохи чертеж не дает новых существенных фактов. Успенский собор (№ 70) изображен уже с угловыми контрфорсами. Любопытно, что Дмитриевский собор (№ 57) показан трехглавым (две задние главы счищены рисовальщиком), да и вообще он изображен совершенно не реально, — это очень расплывшееся здание, лишенное при этом характерных «полатных» пристроек,

[1] И. Дмитриевский. О начале Владимира, что на Клязьме. СПб., 1802, стр. 29.

[2] Топографическое описание города XVIII в. у Н. Ушакова. Спутник по г. Владимиру, стр. 131.

хорошо известных по изданным у Строганова и Н. В. Малицкого рисункам собора. Вряд ли на основании изображения чертежа можно ставить вопрос о позднейшем (после 1715 г.) возникновении этих частей здания. Напротив, собор Рождественского монастыря (№ 53) изображен весьма точно: мы видим его паперть, башнеобразную пристройку юго-западного угла; только двухэтажная пристройка с северной стороны, в действительности более низкая, чем собор, ошибочно подведена под общую с собором кровлю.[1] Особенности композиции этого участка чертежа (см. выше), заставившие изображать монастырь в непропорционально крупном масштабе, позволили дать очень реальное изображение здания и его подробности; рисовальщик смог даже показать веревку от колокола, спущенную с монастырской колокольни. Собор Княгинина монастыря (№ 78) дан в виде готовой схемы; чертежник внес его в план как условный знак и, поспешив, изобразил трехглавым, но потом, очевидно, сверившись с натурой, подчистил две главы и оставил одну.

Так же схематично, к сожалению, изображена церковь Вознесенского монастыря (№ 116), упоминаемого в летописях уже под 1197 г., и Федоровского монастыря (№ 7), основанного, по некоторым данным, кн. Андреем.[2]

Из построек позднейшего времени обращает на себя внимание шатровая церковь Рождественского монастыря (№ 54), до сих пор неизвестная.[3] Из прочих культовых построек, не перечисляя тех из них, которые изображены явно схематично, некоторый интерес представляют деревянные церкви с двухскатным верхом (ц. Воскресения за р. Лыбедью, № 117; ц. Сретенья за р. Клязьмой, № 104; трехглавая ц. Иоанна Богослова, № 20).

Подавляющая масса гражданских построек города представлена, притом довольно условно, несомненно деревянными домами посадского населения, крытыми на два ската.[4] Все посадские дома одноэтажны. Двухэтажны только здания правительственных учреждений — кружечная изба (№ 105), воеводский двор (№ 58), патриарший приказ (№ 63) и некоторые из поповских домов соборного причта. Печать бедности и однообразия лежит на общем облике «града Владимира».

В начале XVIII в. город сохраняет еще полностью свой феодальный характер. Это впечатление усугубляется еще и самими художественными приемами чертежника, занявшего центральную треть чертежа преувеличенным изображением собственно «града» — владимирского деревянного кремля, придав специфический облик всему городу. Стены кремля рисовальщиком выпрямлены, почти все башни сделаны одинаковыми, — с шатровыми верхами и двумя рядами окон; один ряд окон — только у проездных башен Торговой (№ 35) и Ивановской (№ 25), украшенных гербами, и у «потайнишных» башен: у северной — Фроловской (№ 38), с четырехскатной кровлей, и у южной — за Дмитриевским собором (№ 30). В кремле озеро, огражденное тыном, — источник воды на случай осады (№ 46). В северной же половине кремля сосредоточены и осадные дворы. Ни одного посадского двора здесь нет, только в восточной половине этой

---

[1] Ср. рисунок собора у Мартынова (Русская старина, вып. III).

[2] В. Доброхотов. Древний Боголюбов город, стр. 97—99. Церковь была перестроена Грозным.

[3] Это, очевидно, церковь Александра Невского на воротах монастыря, построенная на средства епископа ростовского Ионы; к его же времени, очевидно, относится и роспись заложенных «святых ворот», сейчас заштукатуренная (Мартынов, Русские достопамятности, т. III, М., 1880).

[4] Еще в середине прошлого века на главной улице города и в центре его западной части стоял деревянный дом с волоковыми окнами, резным коньком и подзорами (ВГВ, 1850, № 1, стр. 2.)

северной части, за дорогой, ведущей к Фроловской башне, расположены четыре монастырских слободы. Из военно-крепостных черт Владимира нужно отметить «соборную сторожевую слободу», в которую ведет дорога в нижней части чертежа (№ 115). Южная половина кремля занята Рождественским монастырем, соборами, несколькими церквами, многочисленными дворами соборных попов; здесь же несколько осадных дворов, затем правительственные учреждения: воеводский двор (№ 58), патриарший двор (№ 69), приказная изба (№ 66), патриарший приказ (№ 63) и, наконец, у Торговых ворот — тюрьма, изображенная в виде простого острога квадратной формы без кровли, с будкой дозорного часового наверху (№ 62). С юга к стене кремля примыкает государев сад (№ 31). Таков облик средней части города Владимира в XVIII в.; эта система заселения кремля возникла, конечно, не в XVIII в.; она имела место, по крайней мере, в XVI—XVII вв.

Особенностью планировки кремля, равно как и боковых торговой и посадской частей города, является стихийная застройка городской территории; некоторую закономерность можно ощутить только в кремле. Улицы, показанные на плане, за исключением большой дороги, перерезающей город посредине, не совпадают с современными улицами; кроме большой дороги, параллельных ей улиц нет, все улицы направляются или к ней или от нее. Собственно улиц в городе и вовсе нет, ибо улица предполагает образующие ее ряды построек. Это по существу «дороги», которые, в качестве дорог, не имеют собственного имени; их отличие друг от друга выражается лишь в том, куда и откуда они ведут: «дорога ис посацких слобод в город», «дорога круг города рвом», «дорога от тайнишних ворот на большую дорогу» и т. п. Правда, в некоторых наиболее застроенных участках дороги все же образуют улицы, но сама застройка настолько неустойчива и не прочна, что дорога так и остается дорогой. Если так дело обстоит в начале XVIII в., то нет решительно никаких оснований вносить в древнюю топографию города тех планомерных фигур кварталов, которые с плана 1769 г. перенес Бунин в свой план города XII в.

Восточная часть города, как указывалось выше, совершенно лишена каких-либо следов укреплений. Чертеж рисует очень слабо населенный городской участок: здесь даны лишь редкие группы посадских домов и восемь церквей и монастырей. Город по существу кончался р. Лыбедью, но в чертеж, в его левом верхнем углу, внесены и Федоровский монастырь и церковь Михаила архангела (дер. Архангеловка) и даже конец с. Красного (№№ 1, 2, 7). Такое же редкое посадское население и в Залыбедской части города; здесь помещено одно из двух «промышленных заведений» города — винокурни (№ 9).

Внутри земляных валов западной золотоворотской части, к северу от большой дороги, в районе нынешней торговой площади, помещался торг, куда из города попадали через Торговый мост и торговую башню (№№ 71 и 35); здесь тянутся два «порядка» «кузнешных рядов» (№ 74), стоит таможня (№ 73), земская изба (№ 83), расположены торговые лавки (№ 84); за большой дорогой — еще два ряда лавок около Пятницкой церкви (№ 90) и «пищая изба» (№ 89). Остальное пространство занято посадскими и «разных чинов людей» дворами. В земляном городе имелось три церкви (Николы Златовратского, № 88; Никиты с трапезой на самом валу, №№ 80 и 87; Пятницкая на торгу, № 91), три монастыря (Княгинин, № 78; Георгиевский, № 94; Спасский Златовратский, № 96); между Спасским монастырем и Козловым валом помещался патриарший сад (№ 97).

За Золотыми воротами — пригородные посадские и бобыльские слободы, а в них несколько деревянных слободских церквей; любопытно отметить, что ямская слобода (№ 113) с Ямской избой (№ 109) начиналась

сразу же за Золотыми воротами, как это указывают и письменные памятники. У Золотых же ворот стояла Кружечная изба (№ 105) и квасоварни (№ 101) — второе и последнее «промышленное заведение» Владимира начала XVIII в. В городе было три моста — из них два крепостных через рвы (№№ 71 и 21), третий — «через ручай» к церкви Сретения на берегу р. Клязьмы (№ 103). Через саму Клязьму и через Лыбедь нет никаких мостов, кривые «дороги» города подводят к бродам через Лыбедь и упираются в Клязьму.

Такова очень немногословная, но красочная картина города конца XVII — начала XVIII в., которую дает чертеж 1715 г. Это город скудных посадских и бобыльских слобод, многочисленных церквей и монастырей, с маленькой торговлей и «промышленностью», заключающейся в квасоварне, винокурне и кузнечном ряду. Этот облик города, нарисованный сухим пером чертежника 1715 г., резко противоречит тому облику, который рисовался благонамеренными патриотами города в их «научных трудах», помещавшихся на страницах губернских ведомостей и изданий архивной комиссии.

N. VORONIN

LA TOPOGRAPHIE SOCIALE DE LA VILLE DE VLADIMIR AUX XII—XIIIe SIÈCLES ET LE «PLAN» DE 1715

Résumé

Le «plan» de Vladimir ici publié doit être daté de 1715; il donne plusieurs nouveaux faits concernant la topographie de la ville, qui permettent de retracer d'une manière très complète l'histoire de son développement aux XII—XIIIe siècles.

1. Bien avant Vladimir Monomaque, aux IX—Xe siècles, il existait sur le futur emplacement de la ville de Vladimir une importante localité habitée par des artisans et des marchands, qui occupait évidemment la partie basse orientale des hauteurs bordant la rivière Kliazma.

2. Les événements qui marquèrent la fin du XIe siècle (lutte avec Oleg Sviatoslavic pour l'hégémonie dans le pays de Suzdali) engagent Monomaque à construire entre 1098 et 1108, sur les hauteurs avoisinantes, une ville forte qui reçut plus tard le nom de ville «Pečernij». C'est la partie moyenne des fortifications de Vladimir, qui constituait à l'origine une forteresse fermée indépendante de la ville.

3. Sous le règne de Monomaque, de Jurij et d'André, la résidence princière, la cour, se trouve à côté de la forteresse habitée par les citadins sur les hauteurs ouest des rives de la Kliazma, comme l'atteste la distribution des plus anciens édifices cultuels de la ville (église du Sauveur et de St Georges).

4. En conséquence, les fortifications élevées par André entourent en premier lieu la partie ouest de la ville, où réside le prince, et c'est là que s'ouvre la principale porte de la ville — la porte d'Or. C'est de ce temps que datent aussi les remparts de la partie Est de la ville et la porte Est — la porte d'Argent.

5. Les révoltes de 1177 et 1185, suivies de l'anéantissement des vieux boyards par Vsevolod dans toute la principauté et de la ruine de leur pouvoir à Vladimir permirent de transférer la cour princière dans la ville moyenne. Mais là aussi la partie de la ville ou réside le prince est fortifiée: les cours princière et épiscopale sont entourées par le rempart de la citadelle, qui occupe l'angle sud-ouest de la ville moyenne.

6. Afin de prévenir une nouvelle opposition possible de la part de la population urbaine ayant des rapports avec le négoce et des marchands, le marché de Vladimir est transféré sous Vsevolod de la partie basse de la ville, le «podol», sur la «montagne» du prince dans la ville moyenne.

Pour terminer, l'auteur passe en revue les données du plan relatives à certains monuments architecturaux de Vladimir datant des XII—XVII• siècles.

М. К. КАРГЕР

РАСКОПКИ И РЕСТАВРАЦИОННЫЕ РАБОТЫ В ГЕОРГИЕВСКОМ СОБОРЕ ЮРЬЕВА МОНАСТЫРЯ В НОВГОРОДЕ

(1933—1935)

Юрьев монастырь принадлежит к числу древнейших новгородских монастырей. В известных нам новгородских летописях Юрьев монастырь упоминается впервые в 1119 г.[1] в связи с постройкой каменной церкви Георгия. В. Н. Татищев[2] на основании неизвестных нам источников относил возникновение монастыря к 1030 г., считая основателем его князя Ярослава Владимировича, носившего, как известно, христианское имя Георгия. Едва ли это мнение справедливо. Во всяком случае, история монастыря до начала XII в. остается нам совершенно неизвестной, вследствие полного отсутствия каких-либо известий о нем. Юрьев монастырь выступает перед нами как один из крупнейших центров новгородской политической жизни только с конца первой четверти XII в. Следует напомнить местоположение монастыря. Он находится в 3 км от города, на левом берегу Волхова, почти у истоков последнего. За рекой, несколько севернее расположено Городище. Не поднимая вновь вопроса, чем было Городище до XII в.,[3] можно с несомненностью считать, что в начале XII в. Городище стало постоянной княжеской резиденцией.

В 30—40-х годах XII в. Новгород превращается в вечевую республику. Местное новгородское боярство завладевает всем государственным аппаратом, оттесняя князя на второй план. Падение роли княжеской власти в политической жизни Новгорода сказалось, между прочим, и в потере власти князей над Детинцем. Если до сих пор нет полной ясности в вопросе о том, являлся ли Детинец постоянной резиденцией новгородских князей в X—XI вв., то не может быть сомнений в том, что политически Детинцем в это время владел именно князь. Не случайно и отнюдь не на основании каких-либо трафаретных формул в качестве строителей Детинца в XI и даже начале XII в. летопись упоминает исключительно князей. Однако после постройки кремлевской стены в 1116 г.[4] участие князей в строительстве Детинца резко обрывается. Отныне не только все ремонты, но и крупные перестройки, вызываемые необходимостью обновления фортификационной техники, происходят без всякого участия князей. В строительстве внутри Детинца князья, начиная со второй трети XII в., также не играют никакой роли. С 30—40-х годов XII в. хозяином Детинца стала

[1] I, III, IV, V Новгородские летописи, Летопись Авраамки под 1119 г.; см. также: Тверская летопись и Никоновская летопись под тем же годом.

[2] В. Н. Татищев. История Российская с самых древнейших времен, кн. 2-я, 1773, стр. 222 и прим. 371.

[3] М. К. Каргер. Раскопки в Новгороде в 1934 г. Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг. Краткие отчеты и сведения, Л., 1941, стр. 18—22.

[4] I, III, IV, V Новгородские летописи под 1116 г.

та социальная группировка, которая вышла победителем в борьбе, развернувшейся в эти годы, а именно местное новгородское боярство в лице посадника, с одной стороны, и новгородского архиепископа — с другой.

Оборотной стороной именно этих явлений был бурный рост Городища, который падает как раз на XII в. Отныне и вплоть до московского завоевания Городище, заменяя Детинец, становится не только резиденцией князя, но и символом и оплотом княжеской власти.

Уже в 1103 г.[1] князь Мстислав закладывает на Городище каменную церковь Благовещения. В 1165 г.[2] князь Святослав Ростиславич ставит на городище деревянную церковь Николы, смененную в 1191 г.[3] другой деревянной церковью того же имени. Наконец, в 1198 г.[4] князь Ярослав Владимирович подле Городища закладывает знаменитую церковь Спаса на Нередице, придворную церковь княжеского монастыря.

Только в этой сфере городищенских политических интересов можно понять и всю историю Юрьева монастыря. Расположенный напротив Городища, Юрьев монастырь становится в XII—XIII вв. крупным политическим центром Новгорода. В монастыре ведется своя летопись; монастырский собор, заменяя Софию, становится княжеской усыпальницей.

В 1119 г. князь Всеволод, тот самый, на княжение которого падают очень крупные политические события, кончившиеся, как известно, сначала арестом, а потом изгнанием самого князя, закладывает совместно с игуменом Кириаком каменную церковь Георгия.

Георгиевский собор, на ряду с Николо-Дворищенским собором в городе (на Ярославовом дворище) и церковью Благовещения на Городище, должен был хоть в некоторой степени заменить утраченную для княжеской власти Софию, потерянную вместе с Детинцем.

Считается, что Георгиевский собор строился чрезвычайно долго. Летопись сообщает об его освящении только в 1140 г.[5] А. И. Некрасов [6] пытался объяснить эту медлительность постройки как результат какого-то внутреннего творческого кризиса строителя собора, мастера Петра, по мнению Некрасова «попавшего в тупик». Не видя в развитии новгородской архитектуры начала XII в. никакого тупика, видя в ней, наоборот, совершенно закономерное развитие, легко объяснимое причинами социальной истории Новгорода, мы не нуждаемся в натянутом объяснении задержки окончания постройки мотивами личного творческого кризиса строителя собора. Необходимо прежде всего отметить, что самый факт задержки окончания постройки до 1140 г. далеко не бесспорен. Если отнестись к источнику, сообщающему об этом, критически, то придется прежде всего установить, что под 1140 г. ни в одной из новгородских летописей сведения об окончании постройки собора нет. Это известие под 1119 г. (год закладки) сообщается только пространным текстом III Новгородской летописи — источником, как известно, очень поздним и не во всех отношениях доброкачественным. Если, помимо этого общего соображения, разобраться в самом тексте, нельзя не заметить в нем явного анахронизма. После сообщения о закладке собора и об основании монастыря, в известии III Новгородской летописи прибавлено: «и соверши великий князь Всеволод Мстиславич и освятиша в лето 6648 іуніа в 29 день на память святых апостола Петра и Павла, а мастер трудился Петр». По тексту летописи надо заключить, что собор закончен князем Всеволодом Мстиславичем и освящен в 1140 г.

---

[1] I, II, III, IV, V Новг. летоп. под 1103 г.
[2] Там же, под 1165 г.
[3] I, IV Новг. летоп. под 1191 г.
[4] I, II, III, IV, V Новг. летоп. под 1198 г.
[5] III Новг. летоп. под 1119 г.
[6] А. И. Некрасов. Великий Новгород и его художественная жизнь. М., 1923, стр. 24.

Соединение известий об окончании и освящении надо понимать так, что одно произошло вслед за другим (т. е. в 1140 г.). Но известно, что князь Всеволод, изгнанный в 1136 г. из Новгорода, в 1137 г. умер во Пскове и, следовательно, никак не мог ни заканчивать постройку собора, ни интересоваться его освящением в 1140 г., т. е. спустя три года после своей смерти.

Присматриваясь пристальнее к исторической обстановке, в которой протекала постройка и Георгиевского собора и Николо-Дворищенского, мы можем именно в этой обстановке найти причины задержки окончания постройки первого, если таковая задержка действительно была, и второго, который освящен только в 1136 г., хотя начат постройкой в 1113 г.

Изучая новгородскую политическую историю, мы убеждаемся, что, начиная с 20-х годов XII в., Новгород живет в чрезвычайно напряженной обстановке обострившейся внутренней борьбы. Летописцы сообщают далеко не о всех событиях, они явно замалчивают одни и преувеличенно трактуют другие. Но уже в 1130 г. отголоски борьбы прорываются даже на страницы летописи. В этом году епископ Иоанн отказывается от своей кафедры, очевидно, не по случайному капризу — в списке новгородских иерархов о нем замечено «сего не поминают». Что эти социальные катаклизмы непосредственно затрагивали княжескую власть, показывают начавшиеся еще в 1132 г. волнения, направленные против Всеволода, закончившиеся в 1136 г. его знаменитым изгнанием из Новгорода. Необходимо отметить, что и правивший после Всеволода Святослав Ольгович чувствовал себя в Новгороде, повидимому, не совсем спокойно. Только что прибыв в Новгород, кн. Святослав, очевидно не без политических намерений, изъявил желание жениться на новгородке. Повидимому, именно так поняли это намерение политически влиятельные сферы, которые выступили в лице архиепископа Нифонта, отказавшегося венчать нового князя из соображений, что последний «недостоить ее пояти».[1] В ответ на отказ, князь «веньцяся своими попы у святого Николы».[2] Вскоре на нового князя было организовано покушение («в то же лето стрелиша князя милостьницы Всеволожи»).[3] После полуторалетнего беспокойного правления князю пришлось вовсе покинуть Новгород. Нет необходимости доказывать, что некоторые задержки в постройке княжеских соборов могли объясняться неустойчивым положением их строителей.

Последняя из числа грандиозных княжеских построек начала XII в., Георгиевский собор, занимает по величине и строительному мастерству, несомненно, первое место среди новгородских памятников после Софии. Огромные размеры этого памятника будут понятны, если сказать, что его площадь в два раза превышает площадь современного ему собора Антониева монастыря, а новгородская церковь XV в. (церковь Двенадцати апостолов на Пропастех) помещается внутри площади Георгиевского собора почти шесть раз. Своими огромными размерами, смелыми вытянутыми пропорциями, пышными полатями (хорами), на которые ведет лестница в специально пристроенной прямоугольной в плане башне, Георгиевский собор явно напоминает Софию, несмотря на существенные отличия. По плану и общей композиции Георгиевский собор довольно близко напоминает другие новгородские памятники начала XII в. Это трехнефный шестистолпный храм с тремя апсидами на востоке и с прямоугольной башней у северо-западного угла. Как и собор Антониева монастыря, Георгиевский собор трехглавый (одна глава над центральным компартиментом, вторая над юго-западным углом, третья над башней). При изучении плана

[1] I Новг. летоп. под 1136 г.
[2] Там же.
[3] Там же.

собора (рис. 1) бросается в глаза исключительная четкость в пропорциях и незначительная толщина стен, оформляющих огромное пространство. Георгиевский собор с точки зрения строительного мастерства и техники, по сравнению с Николою на Дворище и собором Антониева монастыря, был, несомненно, более законченным и зрелым произведением. Прекрасная стенопись и драгоценные иконы дополняли пышное великолепие этого храма.

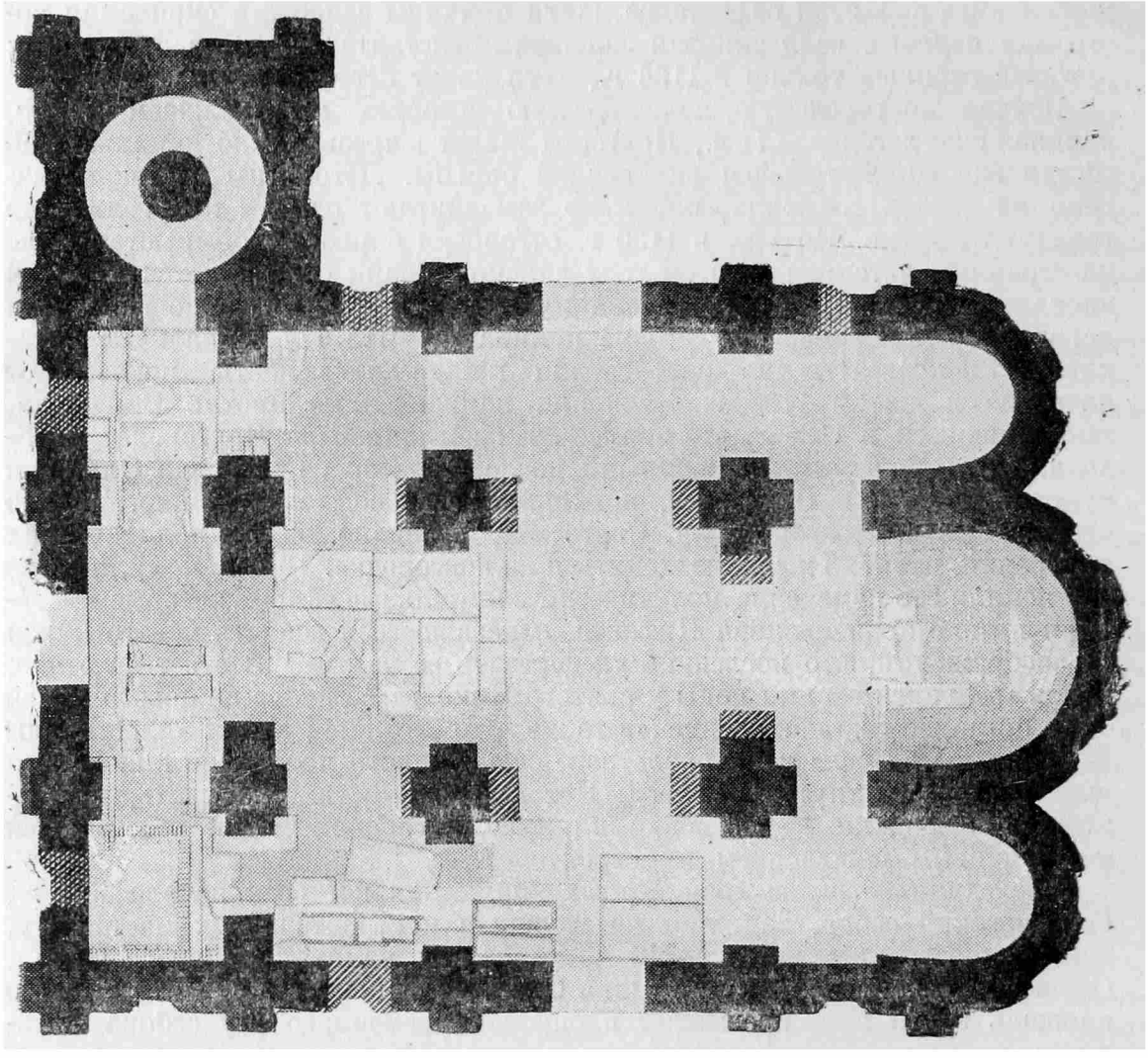

Рис. 1. План Георгиевского собора Юрьева монастыря (после реставрации).

Фасадные обработки собора строго конструктивны, как и во всех других новгородских памятниках XI—XII вв. Лопатки, стянутые полуциркульными арками, делят западный фасад на три, а северный и южный на четыре членения. Мощные лопатки не только выражают на фасадах внутренние структурные членения здания, но и сами несут несомненные конструктивные функции, укрепляя стену. Первоначальное посводное («по комарам») покрытие ныне заменено четырехскатной кровлей. На полукружиях закомар лежит кирпичная докладка до линии прямого карниза.

Юрьев монастырь оставался княжеским монастырем вплоть до московского завоевания, будучи постоянно предметом особых забот живших на Городище князей. Грамота Мстислава и Всеволода давала монастырю значительные земельные владения и ряд привилегий.

В 1166 г.[1] в монастыре была заложена церковь Спаса «на воротех». В 1333 г.[2] Юрьев монастырь окружают новой мощной каменной стеной в 40 саж. длиною, «с заборолами». В 1345 г.[3] поновляют и покрывают свинцом Георгиевский собор. В 1419 г.[4] в монастыре ставят новую церковь Рождества Богородицы. Чрезвычайно интересно отметить, что по приказанию московского князя Ивана III, жившего на Городище после разгрома новгородской рати, прибывший с ним знаменитый итальянский зодчий, строитель Успенского собора в Москве, Аристотель Фиораванте, строит деревянный мост, соединяющий Городище с Юрьевым монастырем.[5] Московские князья, считавшие, как известно, все владения новгородских князей своими личными владениями, именно с этой точки зрения рассматривали Юрьев монастырь как свою собственность.

Со времени падения Новгорода Юрьев монастырь стал быстро деградировать и хиреть, но тем не менее и в XVI—XVII вв. он являлся крупным помещичьим хозяйством. Еще в 1764 г. за ним числилось 4654 души крестьян, 3777 десятин земли и 15 приписных монастырей, почти каждый из которых владел собственными землями и крестьянами. К началу XIX в., после секуляризации церковного землевладения при Екатерине II, Юрьев превращается в захудалый монастырь с деревянными полуразрушенными зданиями без земель и доходов.

В таком захудалом виде монастырь попадает в начале 20-х годов XIX в. в руки знаменитого архимандрита Фотия. Вскоре после назначения Фотия и, как говорили современники, не без участия самого Фотия, Юрьев монастырь сгорел до тла. На средства своей любовницы, графини Орловой-Чесменской, поселившейся подле монастыря, Фотий заново отстраивает весь монастырь. Вложенные в монастырь орловские капиталы совершенно изменили древний облик монастыря. Новые церкви, монастырские стены, братские корпуса, выстроенные с 1823 по 1848 г., стерли с лица земли последние остатки древнейшего новгородского монастыря за исключением Георгиевского собора. Но и этот памятник не был оставлен в неприкосновенности. С 1825 по 1827 г. Георгиевский собор, по словам рукописного описания монастыря, составленного самим Фотием, был «вполне обновлен».[6] Что подразумевал Фотий под этим полным «обновлением», удалось установить до конца только в результате наших работ 1933—1935 гг. Можно без преувеличения сказать, что за предшествующие семьсот лет своего существования памятник претерпел гораздо меньше, чем за эти два года «полного обновления».

С северной стороны к собору был пристроен придел Феоктиста, с южной во всю длину собора — ризница, с запада — паперть с ампирным портиком. Все эти пристройки закрыли нижние части фасадов, верхние же части фасадов были искажены заделкой многочисленных ниш и переделкой оконных проемов. Четырехскатная кровля церкви, вместо старого посводного перекрытия, появилась, вероятно, еще раньше, и реставрация 20-х годов в этом отношении не внесла нового.

Но особенно Фотий «порадел» внутри собора. Древняя фресковая роспись собора была безжалостно сбита за ничтожнейшими исключениями и все стены расписаны вновь. Был настлан новый чугунный пол, скрывший старые гробницы и склепы, сооружен новый пышный иконостас и богатейшая надпрестольная сень. Тогда же переписана и закрыта окладом един-

[1] I, II, IV, V Новг. летоп. под 1166 г.
[2] I Новг. летоп. под 1333 г.
[3] I, II, III Новг. летоп. под 1345 г.
[4] I, III, IV Новг. летоп. под 1419 г.
[5] Софийск. II летоп., Воскресенск. летоп. под 1478 г.
[6] Рукописное описание Фотия ныне хранится в Центральном древлехранилище.

ственная икона Георгия, оставшаяся из древнейшего иконостаса. В таком виде памятник дошел до нашего времени, если не считать того, что стенопись фотиевской эпохи была вновь начисто сбита в 1900 г. и заменена новой росписью по цементной штукатурке, выполненной Сафоновской артелью иконописцев.

Исследование Георгиевского собора было начато нами еще в 1931 г., когда был сделан небольшой разведочный раскоп в южном нефе собора. Результат этой разведки позволил поставить вопрос о раскопках и исследовании собора в более солидном масштабе. Летом 1933 г. Гос. Академией истории материальной культуры была направлена в Новгород небольшая экспедиция под руководством автора настоящей статьи. В течение июля 1933 г. были произведены раскопки внутри и около собора. Одновременно было начато исследование фасадов собора. В августе—ноябре того же года Новгородским Гос. музеем были разобраны пристройки с северной, южной и западной сторон собора, что позволило продолжить исследование и реставрацию и тех частей фасадов, которые ранее были недоступны. В ноябре работы были прерваны и возобновлены только в сентябре следующего года. В течение сентября—ноября 1934 г. основные реставрационные работы были почти закончены и только небольшую часть работ, главным образом в верхних частях собора, пришлось отложить. В 1935 г. были закончены реставрационные работы внутри собора (пол) и произведены дополнительные раскопки.

Исследование памятника шло по двум направлениям, продиктованным результатами фотиевской реставрации.

I. ФАСАДЫ СОБОРА

Не раз отмечалось в литературе, что фасады Георгиевского собора отличаются даже среди современных ему новгородских памятников какой-то исключительной гладью стен, перебиваемой только выступами лопаток. Отмечавшие эту исключительную гладь стен, повидимому, не подозревали, что эта особенная гладь — больше результат фотиевских вкусов, чем пресловутой «художественной воли» строителя собора мастера Петра. Исследование началось с апсид. До тех пор гладь апсид прорезывалась только двумя поясами окон. Многочисленные зондажи в нижней части апсид позволили убедиться, что прекрасно сохранившаяся старая кладка собора во многих местах перебивается кирпичными заплатами начала XIX в., имеющими форму продолговатых окон с полуциркульным верхом (рис. 2). Удаление этих кирпичных заплат показало, однако, что это не окна, а пояс прекрасно сохранившихся двухуступчатых ниш с полуциркульным верхом. На центральной апсиде таких ниш раскрыто три (рис. 3), на боковых по две (рис. 4). Весь пояс состоит из семи ниш. Из них только две (северная ниша южной апсиды и южная ниша северной апсиды) немного повреждены в верхней части (рис. 5). Остальные сохранились полностью. В северной нише центральной апсиды сохранились фрагменты фресковой росписи с изображением Богоматери с младенцем (рис. 6). Ниже фигуры Богоматери был изображен плат (полотенце). В южной нише северной апсиды, расчищенной нами еще в 1931 г., значительно хуже сохранился фрагмент изображения Спаса на убрусе (рис. 7). В этой нише, так же как в северной нише южной апсиды, в XIX в. были пробиты душники внутрь собора.

В настоящее время ниши имеют высоту 2.2 м. Раскоп у северной апсиды показал, что ниши продолжаются ниже современного уровня земли еще на 0.35 м, имея, таким образом, общую высоту 2.55 м. Ниши не доходят до старого уровня почвы только на 0.72 м. Старый уровень почвы у стен апсид залит розоватым от примеси толченого кирпича известковым раствором, образующим как бы вымостку, предохраняющую фундаменты здания

Рис. 2. Юго-восточный угол Георгиевского собора (до реставрации).

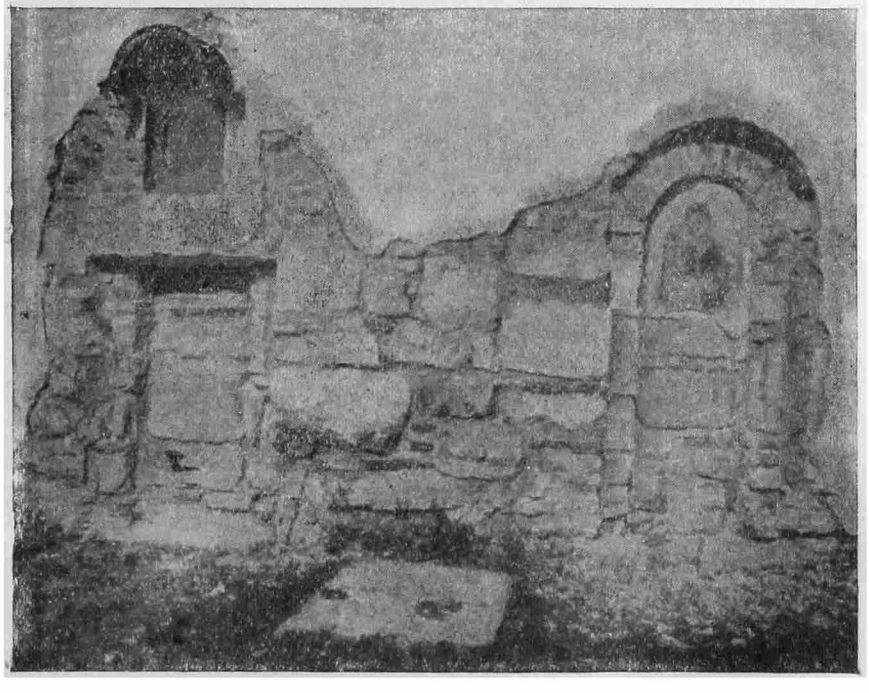

Рис. 3. Ниши на центральной апсиде (в процессе расчистки).

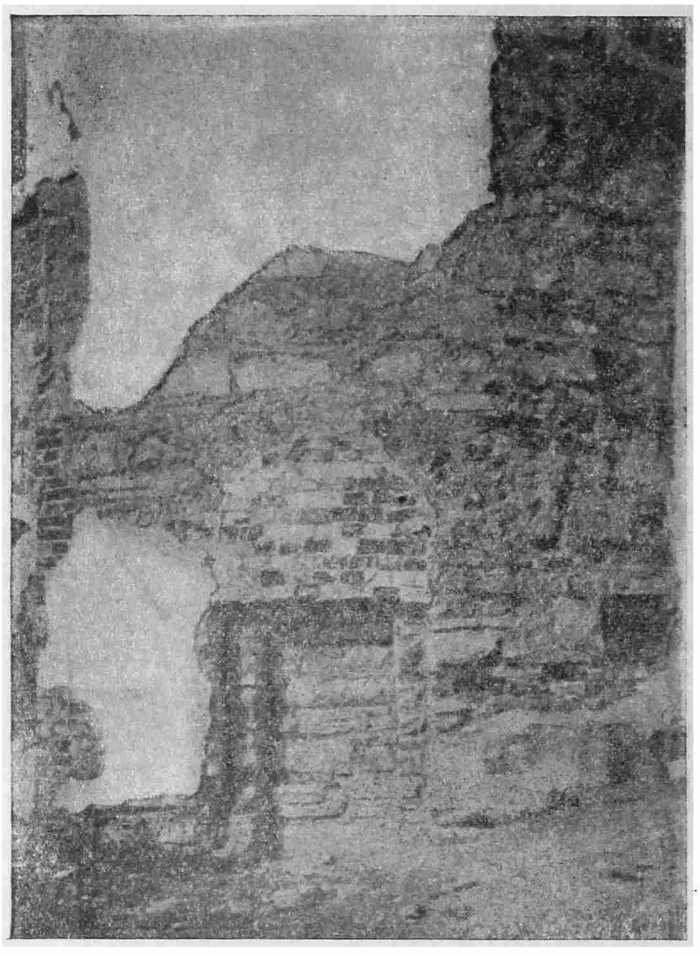

Рис. 4. Ниша на северной апсиде (в процессе расчистки).

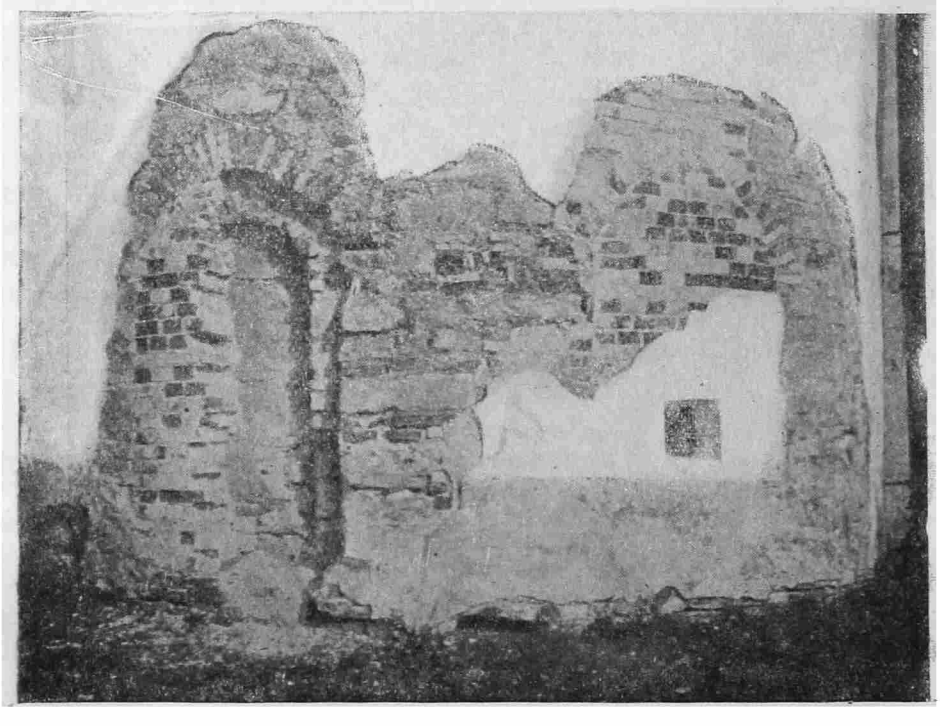

Рис. 5. Ниши на северной апсиде (в процессе расчистки).

от размывания. Ниже этой известковой заливки лежит фундамент из больших валунов, залитых известковым раствором с примесью толченого кирпича.

Рис. 6. Фреска в нише центральной апсиды (в процессе расчистки).

Над нижним поясом ниш следует пояс окон. Исследование показало, что, кроме существующих четырех окон этого пояса, еще три окна (по-одному в каждой апсиде) заложены кирпичем XIX в. (рис. 2). Центральное окно в средней апсиде, заложенное кирпичем и закрытое снаружи деревянным киотом с иконой Георгия, было нами раскрыто. Раскрытие боковых окон этого пояса по техническим условиям было отложено.

Раскрытие центрального окна подтвердило наблюдения над всеми остальными окнами апсид, показав, что профили всех существующих окон испорчены закладкой ниш с полуциркульным верхом, в которых они на-

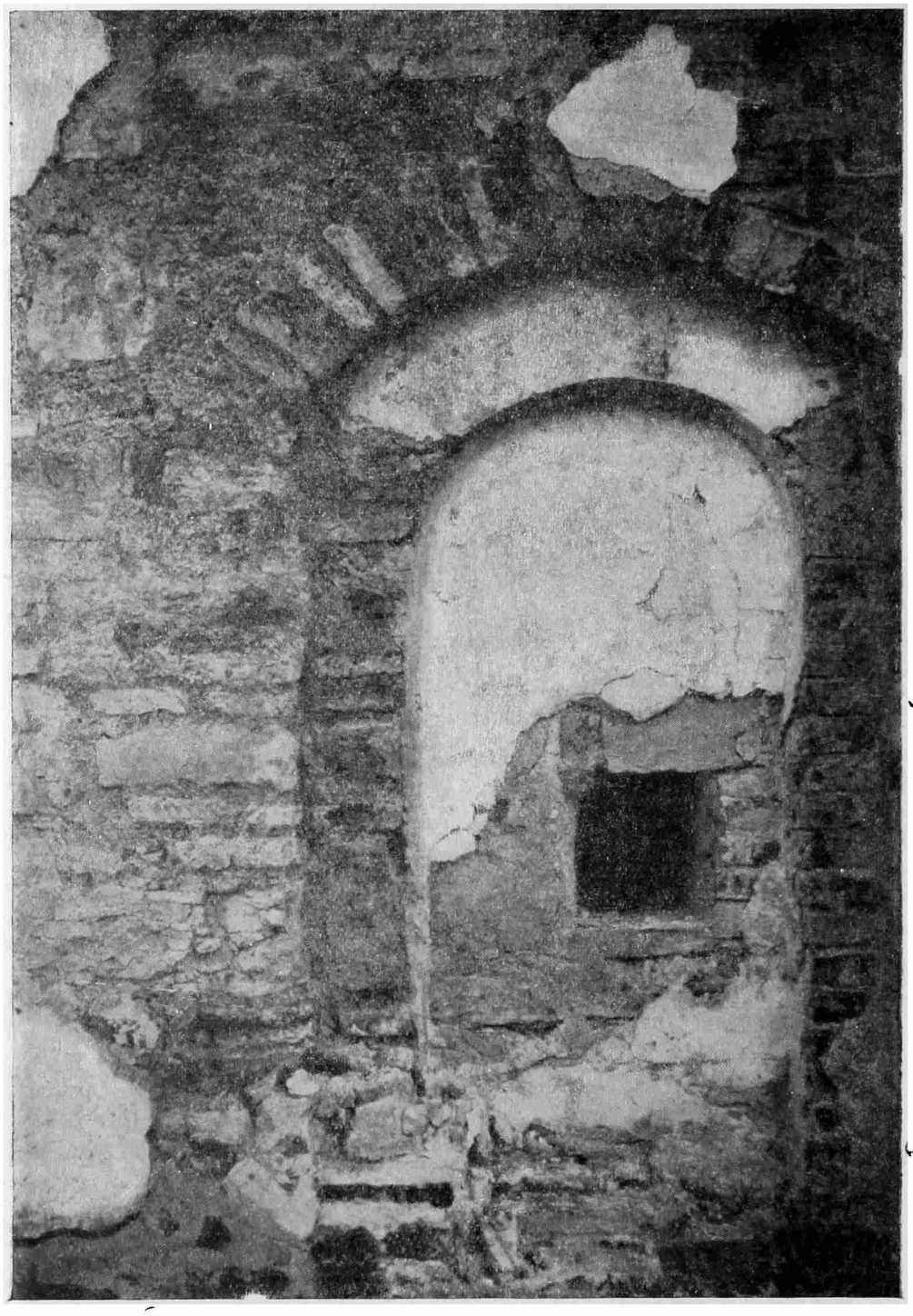

Рис. 7. Фрагмент фрески в нише северной апсиды (в процессе расчистки).

ходятся. Ныне эти ниши раскрыты. Кроме того, было установлено, что нижние части окон всех апсид заложены в начале XIX в., отчего окна значительно укоротились. Первоначально окна очень близко подходили к полукружиям нижележащего пояса ниш. Ныне эти закладки удалены и первоначальная высота окон восстановлена (рис. 8).

Выше пояса окон зондажи 1933 г. установили второй пояс двухуступчатых ниш — по две на боковых апсидах и три на центральной. В 1934 г все ниши этого пояса были раскрыты (рис. 8).

Вышележащий пояс окон должен дополниться тремя заложенными окнами. Ниши, обрамляющие все окна верхнего пояса, также заложены. Реставрацию верхнего пояса окон по техническим условиям пришлось отложить.

В результате реставрационных работ общая композиция восточного фасада значительно изменилась. Вместо ровной глади апсид, ныне мы видим чередование двух поясов ниш с двумя поясами окон. Кроме того, все окна имеют ныне более сложный уступчатый профиль. Декоровка апсид поясами двухуступчатых ниш и обработка окон такими же нишами сближает Георгиевский собор с киевскими и византийскими (константинопольскими) памятниками X—XII вв. Аналогичная декоровка апсид характерна и для других памятников Новгорода начала XII в. Чередующиеся пояса ниш и окон хорошо сохранились на фасадах церкви Николы на Дворище.

Более сложная система декоровки фасадов была установлена в результате исследования северного и южного фасадов здания. Нижние части этих фасадов, как сказано выше, были закрыты низкими пристройками XIX в. Своды этих пристроек опирались у стен собора на кирпичные стенки, приложенные к старым стенам собора; таким образом, внутри пристроек искать старые фасады было невозможно. Приходилось ограничиваться сначала только верхними частями фасадов до крыш пристроек и теми их частями, которые попали в чердачные помещения пристроек.

Прежде всего необходимо отметить, что сказанное относительно окон апсид относится и к окнам всех трех остальных фасадов. Все окна собора первоначально имели двухуступчатый профиль и находились в неглубоких (0.15 м) нишках, повторяющих в несколько увеличенном виде форму окна. Эти нишки были заложены в 20-х годах XIX в., вследствие чего фасадам была придана несвойственная им плоскостность. Верхний пояс окон северной и южной стен соответствует по высоте верхнему поясу окон апсид. Ниже, на уровне верхнего пояса ниш апсид, нами были раскрыты аналогичные ниши во всех членениях северного и южного фасадов, кроме центральных. В восточных членениях северного и южного фасадов ниши были заложены, в двух западных членениях южной стены (рис. 9) и в западном членении северной стены заложены были лишь верхние части ниш, а в нижних пробиты новые круглые окна (рис. 10). В настоящее время эти круглые окна заложены и полностью восстановлены ниши этих членений.

Средние членения северного и южного фасадов, соответствующие подкупольному пространству, вместо ниш имеют окна, несколько опущенные по сравнению с поясом ниш, в котором они, казалось бы, находятся. После удаления кирпичных закладок в нижней части этих окон и раскрытия ниш, обрамляющих окна, невязка этих окон с поясом ниш стала еще заметнее. Было ясно, что это нарушение симметрии связано с членениями нижних частей фасадов, изучать которые приходилось сначала только в чердачных помещениях пристроек. Под крышей пристроек зондажи установили наличие пояса заложенных окон, по-одному во всех членениях фасадов, кроме центральных. На чердак выходили только верхние части окон, нижние уходили за стенки пристроек (рис. 9, 10). Еще до сломки пристроек мы сделали попытку раскрыть эти окна. Попытка эта увенчалась важным открытием. На откосах двух западных окон южной стены и западного окна северной стены превосходно сохранились in situ фрагменты древнейшей стенописи собора (рис. 11).

Отсутствие окон в средних членениях обоих фасадов, наряду с наличием окон в этих же членениях в верхнем поясе ниш, не оставляло сомнений в причине этих нарушений симметрии. В нижних, пока недоступ-

ных частях средних членений нужно было ожидать древние порталы собора. О том, чего можно было ожидать в нижних частях других членений, красноречиво говорило исследование нижних частей башни. Нижние части

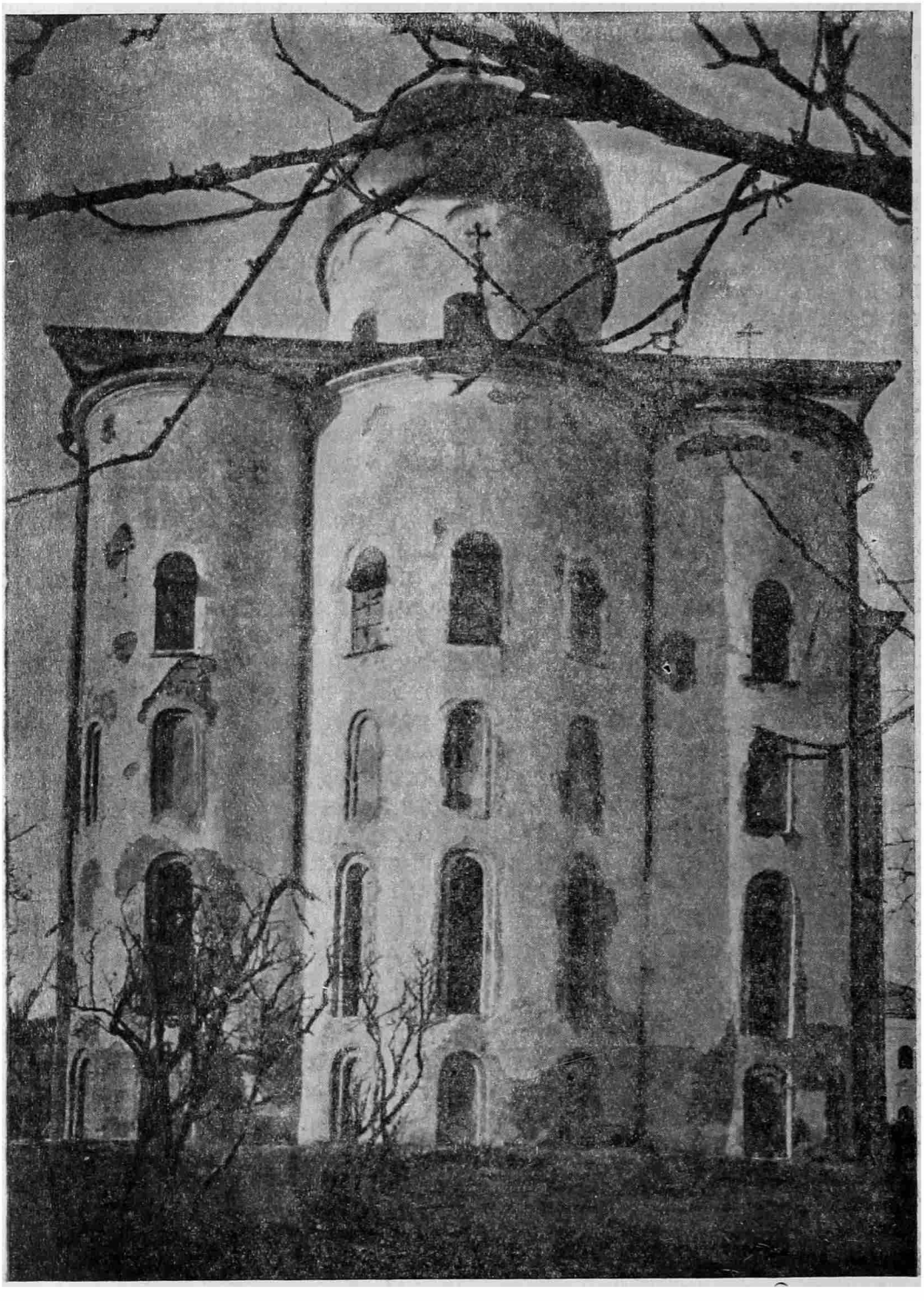

Рис. 8. Восточный фасад (после реставрации).

башни со всех трех сторон были доступны для исследования, не будучи заложены стенками пристроек. Раскопки вскрыли на всех трех стенах башни ниши на уровне земли (рис. 10, 12). Стало ясно, что эти ниши входят

в тот нижний ряд ниш, который был раскрыт на апсидах и опоясывал раньше весь собор.

Разборка боковых пристроек, начатая осенью 1933 г., позволила продолжить исследование и реставрацию нижних частей фасадов (рис. 13).

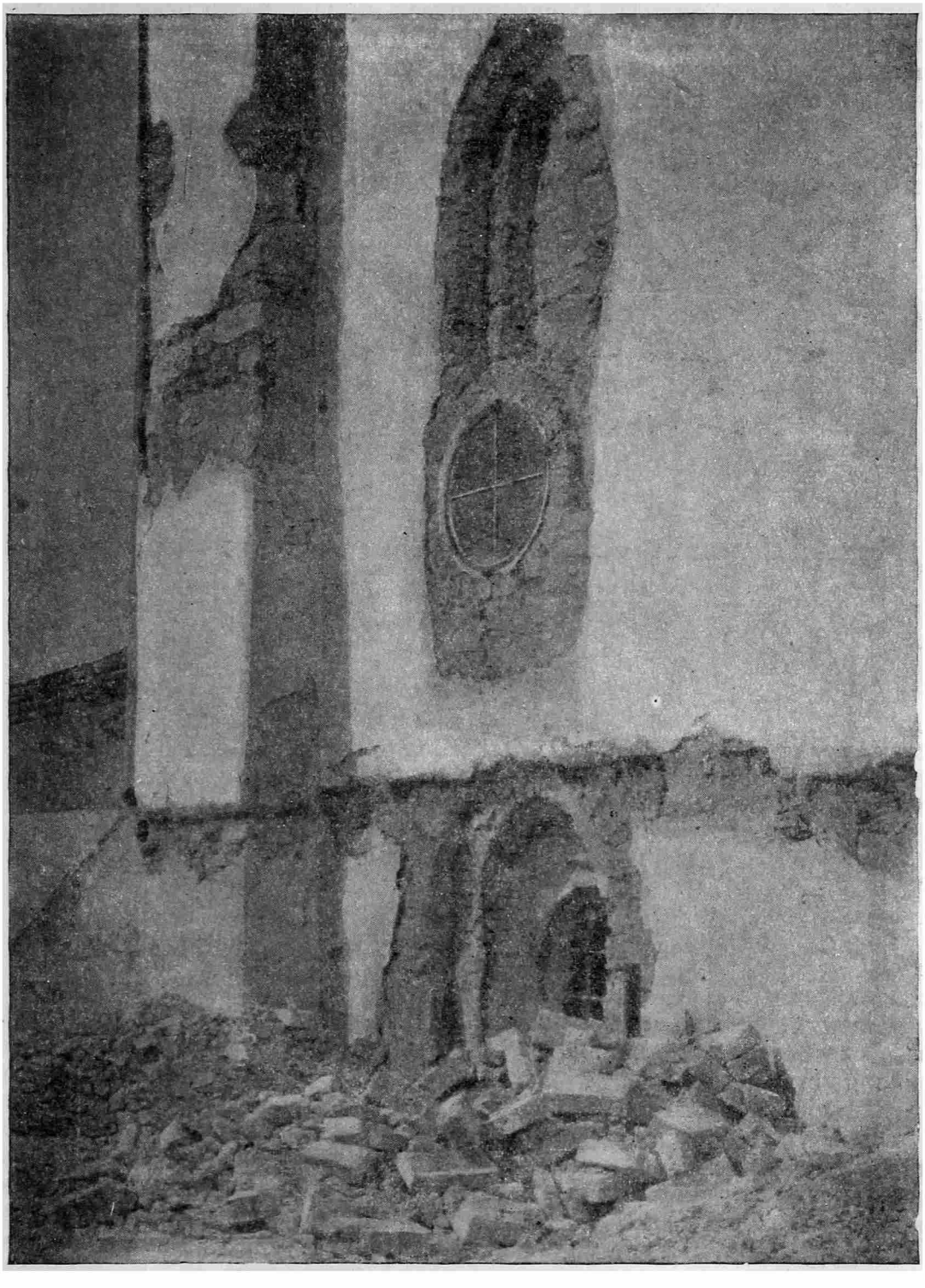

Рис. 9. Ниша и окно в западном членении южной стены (в процессе расчистки).

Раскрытие нижних частей фасадов, после удаления боковых пристроек, полностью подтвердило все высказанные предположения. В нижних частях восточного и западного членений южного фасада открылись ниши, ана-

логичные нишам нижнего пояса апсид и башни. В восточной нише южной стены раскрыто прекрасно сохранившееся изображение Вседержителя. Ниже этого изображения — плат (рис. 14). В восточном и западном членениях северного фасада такие же ниши, несомненно существовавшие ранее, были уничтожены при пробивке новых дверей из собора в северный придел (рис. 1). Сохранившиеся нижние части этих ниш позволяли восстановить их полностью (рис. 15). Такая же ниша во втором западном членении южной стены была уничтожена каким-то поздним проемом в стене, еще позже заложенным. Ныне эта ниша восстановлена (рис. 1).

Средние части северного и южного фасадов, как и ожидалось, были заняты древними порталами. Надо сказать, что современные южный и се-

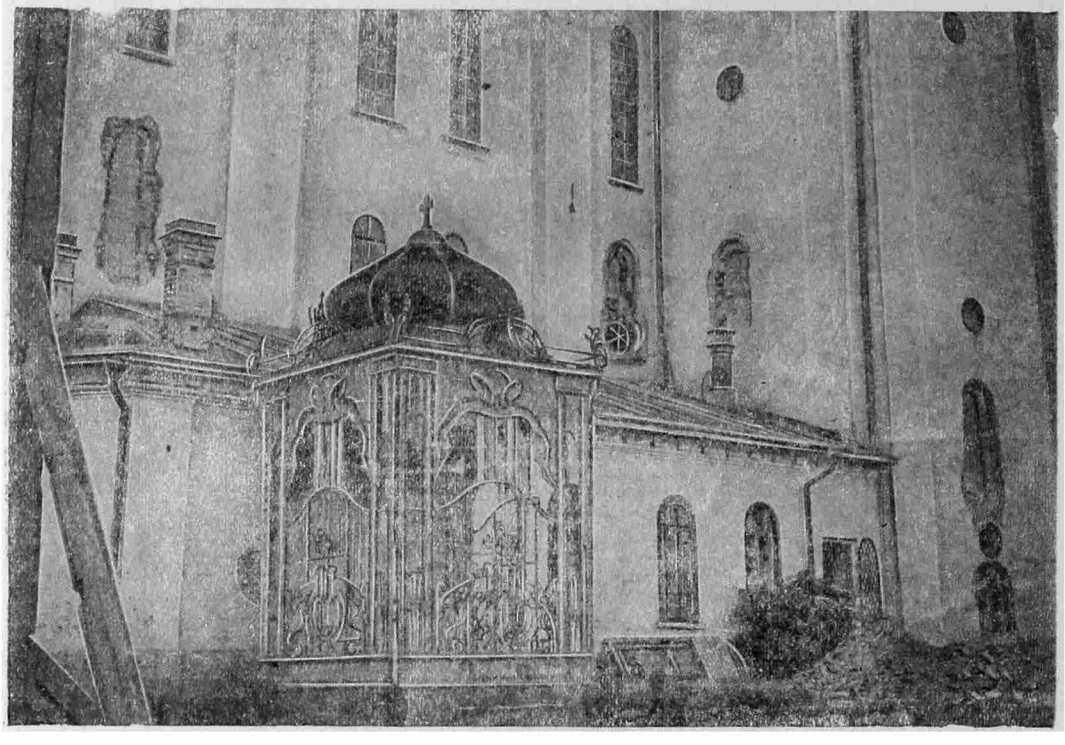

Рис. 10. Северный фасад (в процессе расчистки).

верный входы в собор оказались старыми проемами, испорченными только более низкими перемычками, уменьшившими входные проемы в высоту. Особый интерес представляют фасадные обработки этих старых проемов. Нужно помнить, что до настоящего времени не было известно ни одного новгородского портала древнейшего периода, ибо порталы Софии, Антониева монастыря, Николо-Дворищенского собора испорчены или целиком уничтожены.[1] Южный, северный и западный порталы Георгиевского собора теперь вполне восполняют эту лакуну. Порталы представляют широкие проемы с полуциркульным двухуступчатым верхом. Полукружия их выложены из крупного кирпича, причем так, что выступающие ряды кирпича чередуются с рядами кирпича, утопленного в кладке (рис. 16). На северном портале это чередование дополняется и подчеркивается красочной под-

[1] Одиннадцать лет спустя, в 1944 г. удалось частично обнаружить древний южный портал Софии и заложенный древний южный портал Николо-Дворищенского собора.

цветкой (рис. 17). Поверх старой розовой штукатурки на северном портале фрагментарно сохранился еще слой более поздней штукатурки, расписанной яркими полосами красного, желтого и зеленого цвета. Эту роспись к древнейшей поре относить, конечно, нельзя.

В наибольшей степени фотиевская реставрация исказила западный фасад собора. Высокая паперть с ампирным портиком закрыла более чем половину фасада собора. Те части западного фасада, которые оставались

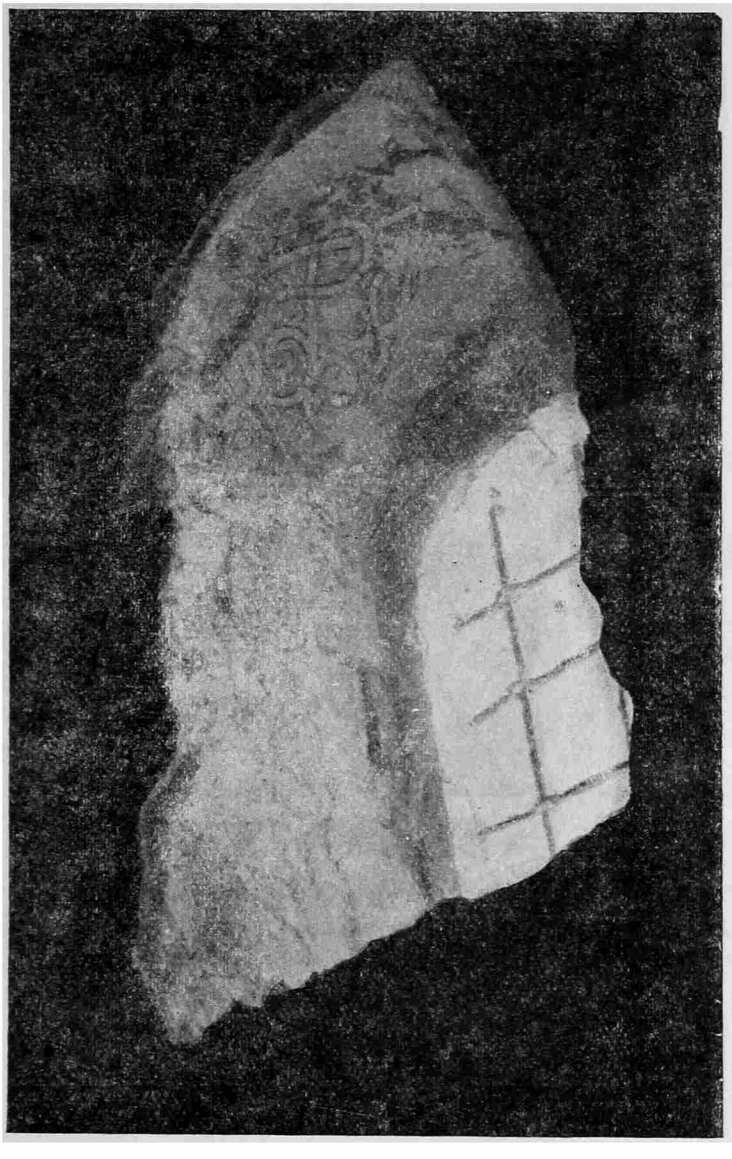

Рис. 11. Окно южной стены (в процессе расчистки).

незакрытыми папертью, были искажены заделкой ниш и древних окон (рис. 18). Еще до разборки западной пристройки, частично над крышей ее, частично на тех участках западной стены, которые попали в чердачное помещение паперти (т. е. между сводом и крышей ее), на уровне верхнего пояса ниш собора нами был раскрыт пояс двухуступчатых ниш с полуциркульным верхом (рис. 19).

В отличие от южного и северного фасадов, центральное членение западной стены было занято не окнами, а тремя нишами. Таким образом пояс ниш западной стены имеет пять, а включая нишу на западной стене башни, шесть ниш подряд. Объяснением этой особенности западного фасада служит то, что внутри собора на этой высоте к западной стене примыкают

своды хор, не допускавшие устройства окон в среднем членении. Ниже этого пояса ниш, в северном и южном членениях западного фасада раскрыто по окну. Нижняя часть этих окон была испорчена новыми широкими окнами, пробитыми в XIX в., а верхняя часть заложена. На откосах этих окон, по удалении кирпичной закладки, открылись in situ фрагменты древнейшей фресковой росписи, аналогичные по характеру фрескам окон, раскрытых

Рис. 12. Ниша на восточном фасаде башни (в процессе расчистки).

на южной и северных стенах. Новые окна были нами заложены, а древние полностью восстановлены (рис. 20).

В центральном членении западной стены открылся западный портал, аналогичный южному и северному порталам собора. Над ним и по сторонам его сохранились незначительные фрагменты росписи не старше конца XVIII в. Над порталом сохранилась композиция «Коронование богоматери». Фрагменты расписанной штукатурки заканчиваются вверху в форме фронтона, выше которого ясно видны следы примыкания какой-то пристройки над порталом, увенчанной двускатным покрытием (рис. 20).

В нижних частях северного и южного членений западного фасада раскопками открыты нижние части двухуступчатых ниш. Верхние части этих

ниш уничтоженные при пробивке в XIX в. новых окон, ныне восстановлены (рис. 20).

Стены башни, примыкающей к северо-западному углу собора, в результате фотиевской реставрации изменили свой облик до неузнаваемости.

Рис. 13. Южный фасад (после разборки южного придела).

Гладь стен башни, прорезанных только круглыми окнами-бойницами была, пожалуй, одним из наиболее характерных признаков памятника в представлении многих исследователей русского зодчества. А между тем и «гладь стен», и круглые окна-бойницы — результат реставрации XIX в.

Круглые окна, как показало исследование их, пробиты или совершенно заново, или представляют расширение и искажение старых прямоугольных окон.

Рис. 14. Фреска в нише на южной стене.

Выше уже говорилось, что на нижних частях стен башни еще до сломки северной и западной пристроек (внутри их) удалось найти и раскрыть старые двухуступчатые ниши с полуциркульным верхом. Выше их, на западной

стене башни были раскрыты еще три ниши (рис. 21). Вторая ниша по размеру повторяет находящееся рядом (в северном членении западной стены) окно, будучи по высоте почти вдвое больше ниш нижнего пояса. Над ней раскрыта ниша, входящая в верхний пояс ниш западной стены собора. Нижняя часть этой ниши была частично испорчена вновь пробитым круглым окном. Ныне это окно заложено и ниша восстановлена.

Еще выше, на уровне верхнего пояса окон, раскрыта ниша, в нижней половине которой на месте нового круглого окна был раскрыт старый хорошо сохранившийся прямоугольный оконный проем (рис. 20). Верхняя ниша по высоте несколько уступает размеру окон верхнего пояса западной стены, в который она вместе с тем явно входит. Обстоятельство это

Рис. 15. Северный фасад (после разборки северного придела).

объяснилось после исследования находящегося над этой нишей нового круглого окна. На месте его оказалось частично заложенное старое прямоугольное оконце, которое вместе с нижележащей нишей и равнялось по высоте окнам верхнего пояса западной стены (рис. 20).

На северной стороне башни над нишей нижнего пояса раскрыты еще две ниши, одна над другой. Средняя из них в нижней части испорчена вновь пробитым круглым окном, ныне заложенным. В нижней половине верхней ниши на месте нового круглого окна раскрыто частично заложенное древнее прямоугольное оконце (рис. 21). Раскрытие четвертой (верхней) ниши на северной стороне башни по техническим условиям пришлось отложить.

На восточной стене башни, примыкающей к северной стене собора, над нишей нижнего пояса раскрыта ниша, по высоте повторяющая нижние окна северной стены, в пояс которых она входит (рис. 15). В нижней части этой ниши оказалось старое маленькое прямоугольное оконце. Выше раскрыта еще одна ниша на уровне верхнего пояса ниш северной стены.

Раскрытие четвертой (верхней) ниши позволило установить, что в верхней ее части также сохранилось старое прямоугольное окно. Ниша эта не имеет полуциркульного завершения.

Фасады Георгиевского собора вместо несвойственной им плоскостности в результате реставрационных работ вновь приобрели живописную игру светотени, отнюдь не нарушающую основной конструктивности постройки.

Рис. 16. Южный портал (в процессе расчистки).

Ниши и уступчатые профили окон дополнительно подчеркивали основные структурные членения здания, выраженные на фасадах в первую очередь лопатками. Одним из больших достоинств Георгиевского собора, как архитектурного памятника, является прекрасная сохранность наружной поверхности его стен, позволившая провести большую реставрационную работу почти без всяких «доделок», работая почти исключительно методом расчистки. Для полной реставрации фасадов собора теперь нехватает только раскрытия ниш, обрамляющих окна верхнего пояса, и восстановления посводных покрытий. Кроме того, выше верхнего пояса окон, в тимпанах

закомар центральных членений южного и северного фасадов, должны быть раскрыты заложенные ниши (окна?) по одной на каждом фасаде, хорошо видные под новой штукатуркой.

Исследование и реставрация Георгиевского собора дали значительные новые материалы по строительной технике древнейшего периода новгородского зодчества. Кладка собора, прекрасно сохранившаяся почти повсюду состоит из рядов больших, плохо отесанных известняковых камней, чере-

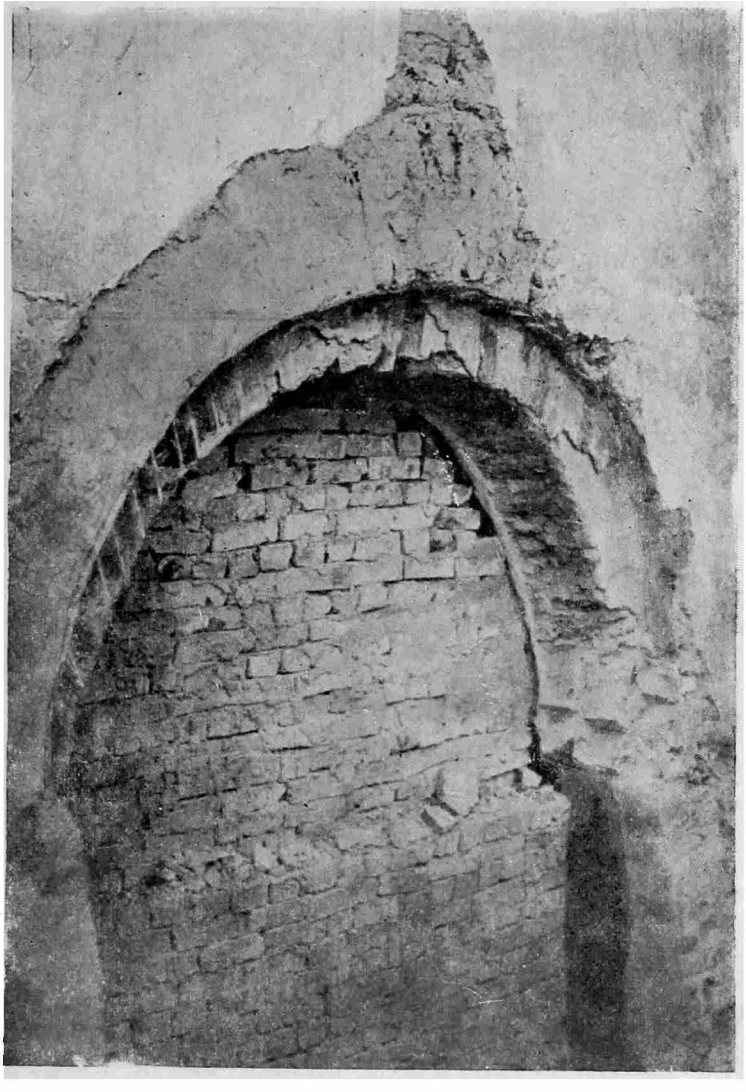

Рис. 17. Северный портал (в процессе расчистки).

дующихся с рядами кирпича. Чередование это очень невыдержанно, отнюдь не представляя прямых линий. Кирпич часто служит как бы заполнением между неровными камнями, иногда кирпич бывает поставлен на ребро. Цементирующий раствор состоит из извести с примесью большого количества толченого кирпича. Швы раствора очень толсты. Перемычки окон и ниш сложены из одного кирпича (без камня). Нормальный кирпич имеет размеры 0.25 × 0.25 × 0.05 м. В сводах употреблен другой кирпич, значительно бóльших размеров (0.5 × 0.5 × 0.05). Поверхность стен была издревле оштукатурена. Местами сохранилась еще старая штукатурка — розоватая от примеси толченого кирпича. К северу от северной ниши северной апсиды, на северо-западном углу башни и к западу от портала на южной стене в кладке найдены обрезки круглых жердей (диам. до

8 см), вставленные перпендикулярно в стену, залитые старой розоватой известью. Перед нами несомненно остатки «пальцев» лесов, вставленных в кладку при постройке и потом обрезанных заподлицо со стеной. Аналогичные приемы были установлены П. П. Покрышкиным[1] в барабане церкви Спаса-Нередицы.

О применении дерева не только во вспомогательных сооружениях при постройке (леса), но и в самой конструкции здания свидетельствуют другие

Рис. 18. Западный фасад (до реставрации).

чрезвычайно ценные данные, полученные при реставрационных работах в Георгиевском соборе.

Каменно-кирпичная кладка собора связана деревянной конструкцией. Через все стены собора проходят деревянные связи, лежащие вдоль стен, в толще кладки. Связи эти выходили наружу в проемах окон западной, южной и северной стен и были когда-то обрезаны. Что они были обрезаны не в древности, показывает то, что фресковые росписи этих окон никогда не покрывали торцов деревянных связей. Связи соединялись в углах со-

[1] П. П. Покрышкин. Отчет о капитальном ремонте Спасо-Нередицкой церкви. МАР, № 30, 1906, стр. 18.

бора одним из тех обычных способов соединений, которые известны в деревянном зодчестве.

Помимо связей, лежащих в толще стен, в соборе найдены остатки связей, соединявших стены и столбы. Остатки такой связи были найдены в северной лопатке среднего членения западной стены. Связь проходила почти через всю толщу стены и соединяла стену с северо-западным столбом собора.

В памятниках древне-русского зодчества известен еще один прием употребления дерева в каменно-кирпичных постройках. В тех немногочисленных случаях, когда проемы окон или дверей не завершались полуциркуль-

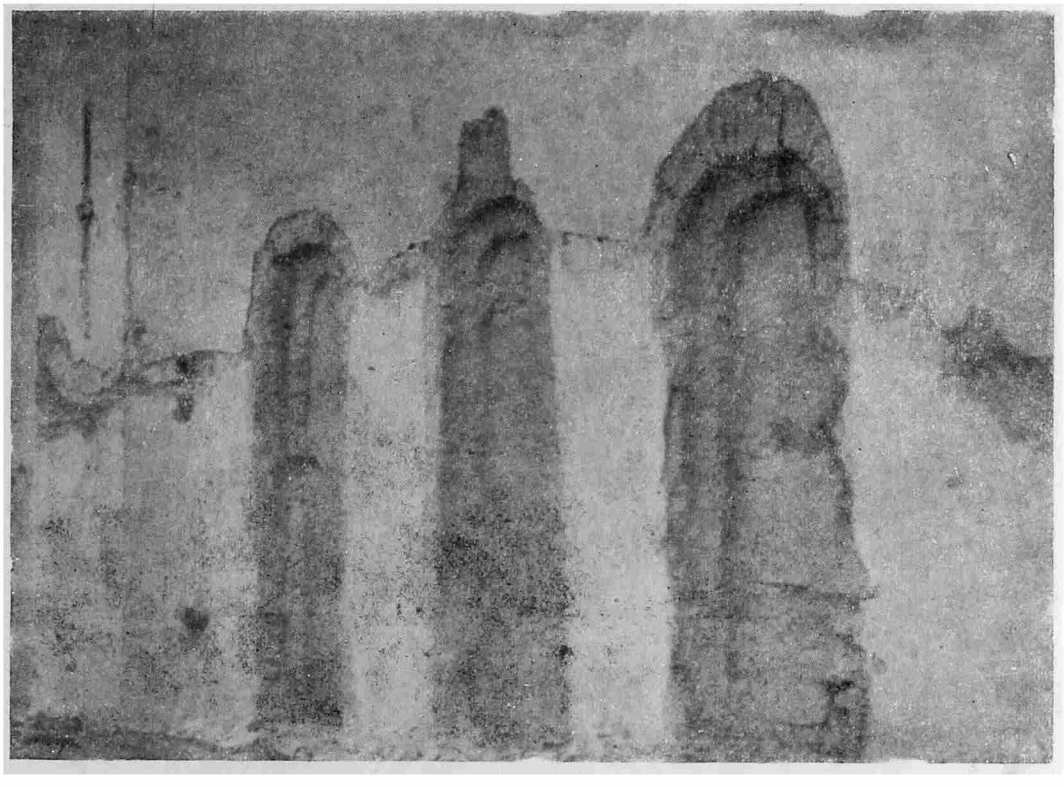

Рис. 19. Ниши на западном фасаде (в процессе расчистки).

ной аркой, как обычно, а имели форму прямоугольников, в верхней части проема клалась толстая деревянная балка, наружная сторона которой обычно оставлялась открытой. Такие деревянные балки в прямоугольных проемах известны в окнах церкви Спаса на Берестове (Киев), в окнах башни Новгородской Софии, дверных проемах Нередицы и пр.

Чрезвычайно любопытно отметить, что в прямоугольных окнах башни Георгиевского собора вместо деревянных балок всюду употреблены толстые каменные плиты, причем характерно, что все они, несмотря на чрезвычайно незначительный пролет, имеют разрыв посредине, демонстрируя явное преимущество деревянных балок.

В соборе найдено несколько голосников, по форме напоминающих некоторые голосники Софийского собора.

II. РАСКОПКИ ВНУТРИ СОБОРА

Второй задачей исследования и реставрации были раскопки внутри собора.

Прежде чем перейти к характеристике итогов этой части работ, необходимо отметить чрезвычайной важности обстоятельство, установленное

исследованием внутренней поверхности стен собора. План собора, для которого столь исключительной особенностью была неповторяющаяся в новгородской архитектуре форма столбов с неравномерно вытянутыми

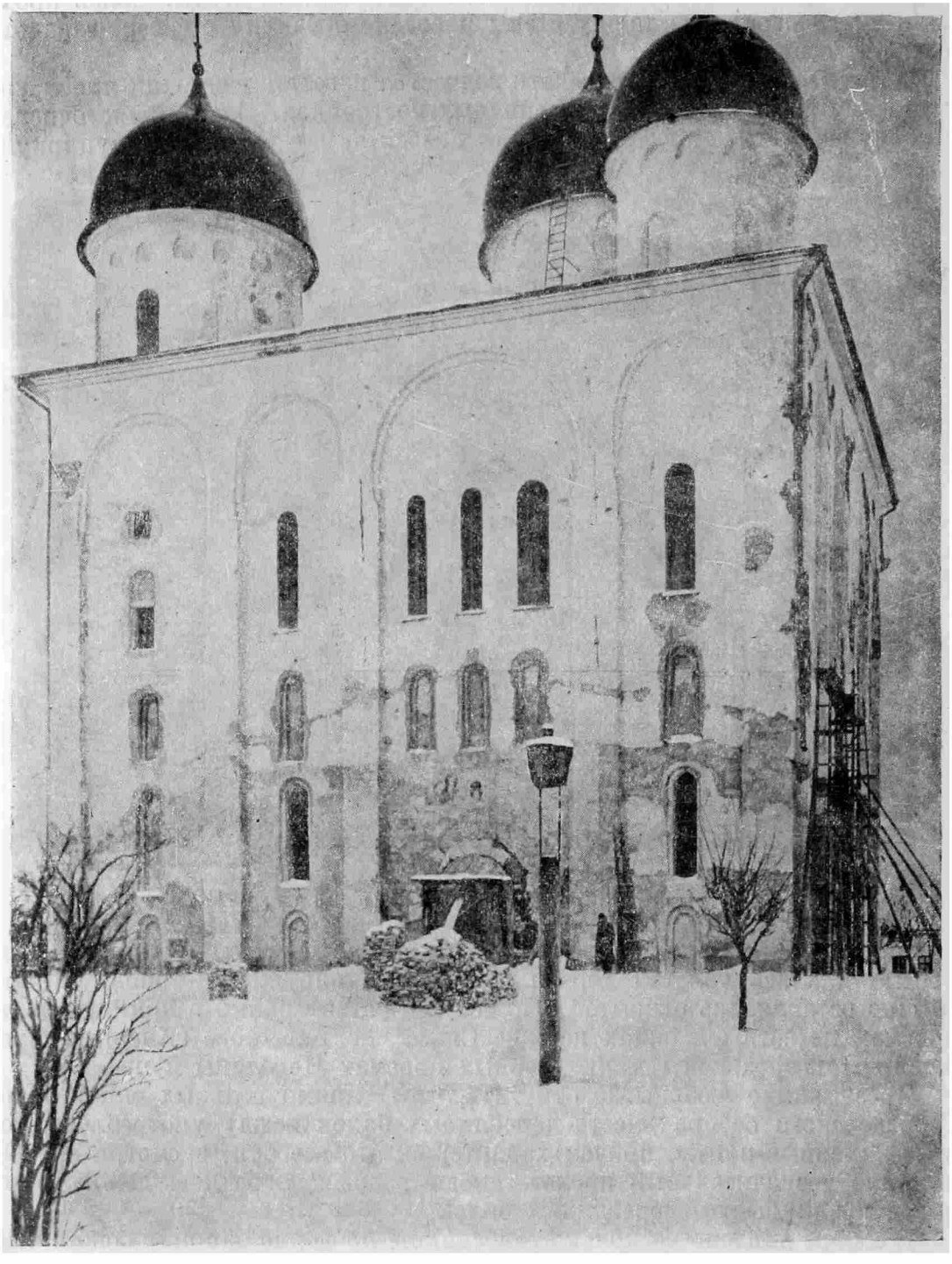

Рис. 20. Западный фасад (после реставрации).

рукавами креста, оказался сильно искаженным перестройками XIX в. Зондажи на столбах позволили установить, что к старым столбам собора для их укрепления были сделаны в XIX в. весьма значительные и неравномерные с разных сторон приставки, показанные на плане собора особой

ятриховкой (рис. 1). Столбы собора первоначально имели в плане форму равностороннего креста.

Рис. 21. Северо-западный угол собора (после реставрации).

Необходимо заметить, что насколько фасады собора прекрасно сохранили все свои древние особенности, что, как отмечалось выше, позволило вести реставрацию их почти исключительно методом «расчистки», настолько внутренняя поверхность стен и столбов потеряла навсегда свой древний облик. Безнадежно искать на стенах собора древнюю роспись, дважды сби-

тую со стен, невозможно также по техническим условиям восстановить древнюю форму столбов, столь сильно искаженную приставками XIX в.

Большие надежды возлагались нами только на раскопки внутри собора. Современный пол собора из чугунных плит был сделан в 20-х годах XIX в. Какова глубина залегания древнейшего пола, есть ли промежуточные полы, какова сохранность древних погребений в соборе — по всем этим вопросам экспедиция имела некоторые предварительные данные, полученные из нашей небольшой разведки 1931 г. (рис. 22). Эти данные позволяли с уверенностью ставить задачу систематических раскопок внутри собора, имея целью, с одной стороны, исследование и реставрацию архитектурного облика собора, с другой — исследование древних погребений внутри собора. Раскопки 1933 г. были начаты в южном нефе собора, как расширение разведки 1931 г. Раскопками был вскрыт южный неф собора от линии восточных столбов до западной стены, северный неф собора от солеи до западной стены и средний неф от восточных выступов западной пары столбов до западной стены. Таким образом в результате работ 1933—1935 гг. раскоп охватил сплошную площадь южного, западного и центрального нефа в их западной части (рис. 1).

Раскопки всей означенной площади дали следующую общую картину: непосредственно под чугунными плитами современного пола лежит известковая подмазка слоем от 3 до 6 см. Под ней оказалась вымостка, состоящая из кирпичей разных размеров (0.28 × 0.13 × 0.08 м, другие 0.23 × 0.11 × 0.04 м), положенных на ребро. Кирпичи сложены на глине. Все это (кирпичная подстилка, известковая подмазка и чугунные плиты) сделано одновременно и принадлежит фотиевской реставрации собора 1825—1827 гг. Непосредственно под кирпичным полом на всей территории раскопок лежит слой строительного мусора толщиной 0.25—0.30 м, состоящий из щебня, песка и почти на 70—80% из фрагментов штукатурки с фресковой росписью. Из них лишь небольшой процент представляет более или менее значительные фрагменты орнаментов, фонов, одежд, букв и лиц (табл. I и II). Остальные очень мелки или же одноцветны. Все (даже мелкие) фрагменты тщательно пересмотрены и собраны в ящики. Лучшие по сохранности экспонированы в Новгородском историческом музее.

Ниже этого слоя лежит древняя известковая заливка с примесью толченого кирпича. На эту заливку были положены большого размера плиты, границы которых и отпечатки нижней плохо обработанной стороны видны на заливке, так как плиты были положены на незатвердевшую еще известь. В нескольких местах эти плиты сохранились (рис. 1). Многие плиты найдены сдвинутыми в слое строительного мусора; некоторые даже перевернуты.

Ниже этого пола раскоп углублялся только в тех местах, где пол (известковая подмазка) оказался нарушенным. Углубление раскопа на нескольких участках позволило установить, что ниже известковой подмазки лежит слой песка со щебнем, представляющий подсыпку под пол. Ниже уровня древнего пола раскопками вскрыто на разных участках здания девять погребений.

Погребения I—II вскрыты у южной стены во втором (с запада) членении южного нефа. Ниже уровня второго пола был вскрыт парный саркофаг без крышки (рис. 23). Стенки и дно саркофага сделаны из известняковых плит, довольно гладко отесанных. Продольные стенки сделаны не из одной плиты. Западная часть представляет нормальных размеров саркофаг, к которому с востока были приставлены более тонкие плиты, чтобы, удлинив саркофаг, превратить его в парный (рис. 24). Днище саркофага несколько шире, чем сам саркофаг, образуя выступы (рис. 25). Под дном саркофага сделана розоватая известковая подмазка. Внутренность западного отделения саркофага была нами вскрыта еще

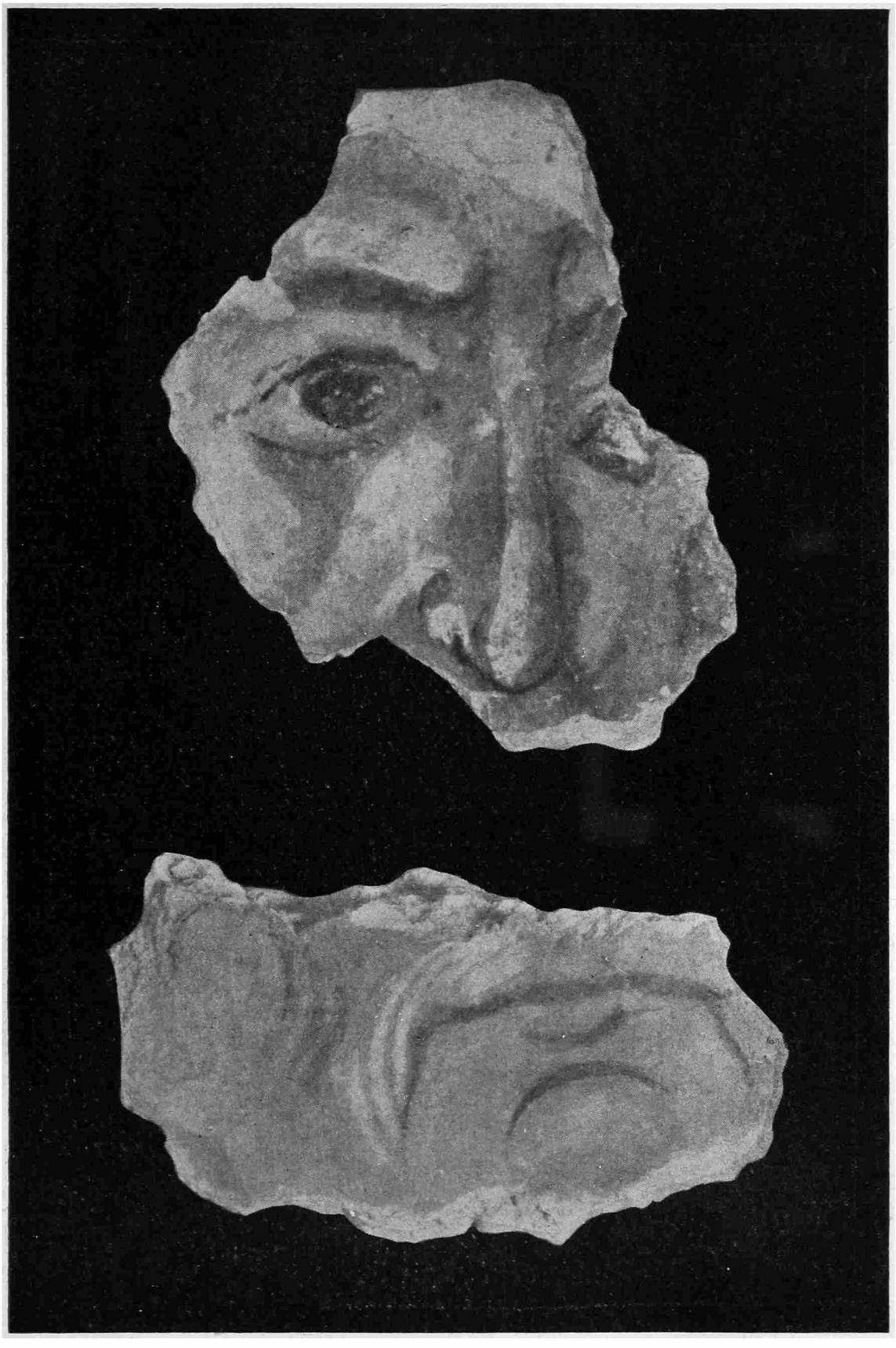

Табл. I. Фрагменты фресок.

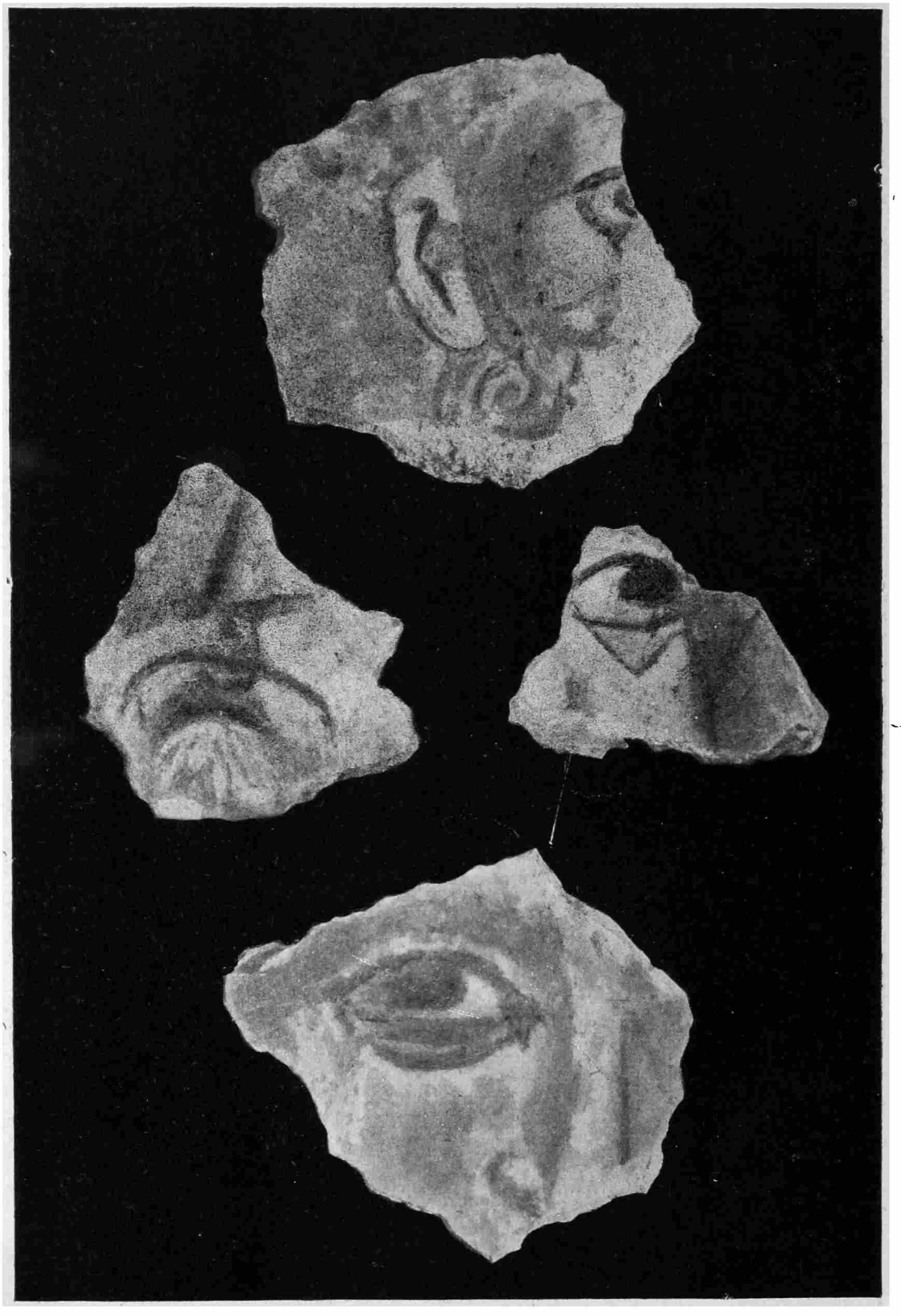

Табл. II. Фрагменты фресок.

в 1931 г. Это отделение оказалось до глубины 0.24 м сплошь забитым строительным мусором. На глубине 0.30—0.35 м вместе со строительным мусором встретились разрозненные крысиные кости и монеты. На глубине

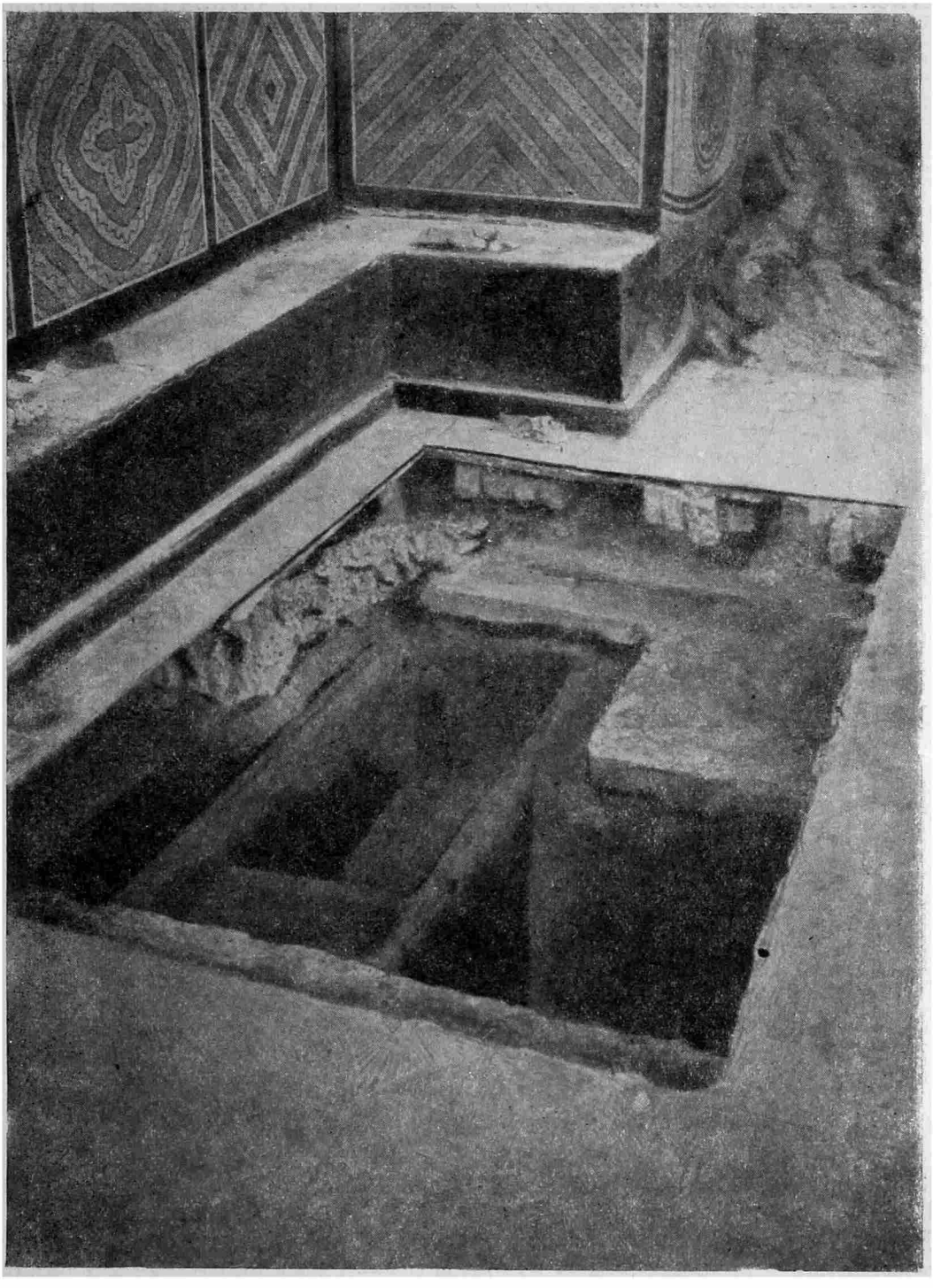

Рис. 22. Древний пол и парный саркофаг под ним (разведка 1931 г.).

0.35—0.40 м лежали разрозненные человеческие кости, обрывки тканей и большое количество крысиных скелетов. В юго-западном углу саркофага (почти у самых стенок) на глубине 0.45 м лежал разбитый детский череп без левой затылочной кости, которая нашлась в юго-восточном углу гробницы. Внутри черепа оказался кусок известки. Все остальные кости были

в беспорядке разбросаны в разных участках саркофага на глубине от 0.35 м до дна саркофага. Погребение оказалось, таким образом, совершенно нарушенным и, вероятно, разграбленным. Помимо костей, принадлежащих ребенку лет 5,[1] в саркофаге найдены фрагменты тканей, янтарный крестик, фрагменты железного ключа, куски кожи, синяя стеклянная пуговица,

Рис. 23. Каменные саркофаги в южном нефе (в процессе раскопок).

несколько мелких металлических украшений, костяной орнаментированный стерженек неизвестного назначения и два железных фрагмента.

Восточная половина саркофага (погр. II) вскрыта в 1933 г. И эта часть саркофага оказалась сверху (до глубины 0.2—0.3 м) забитой строительным мусором, среди которого попадались куски фресок, стекла и гвозди. Костяк, принадлежащий ребенку лет 8, был также разбросан в беспорядке, за исключением ног, оставшихся in situ. На берцовых костях сохранились парчевые опучки, перевитые вокруг костей. Череп лежал на месте, но был перевернут лицом вниз. Помимо костяка, в саркофаге найдены: парчевый

[1] Все определения костных остатков, в отношении возраста и пола, сделаны доктором Рубашевой на основании рентгенологического анализа.

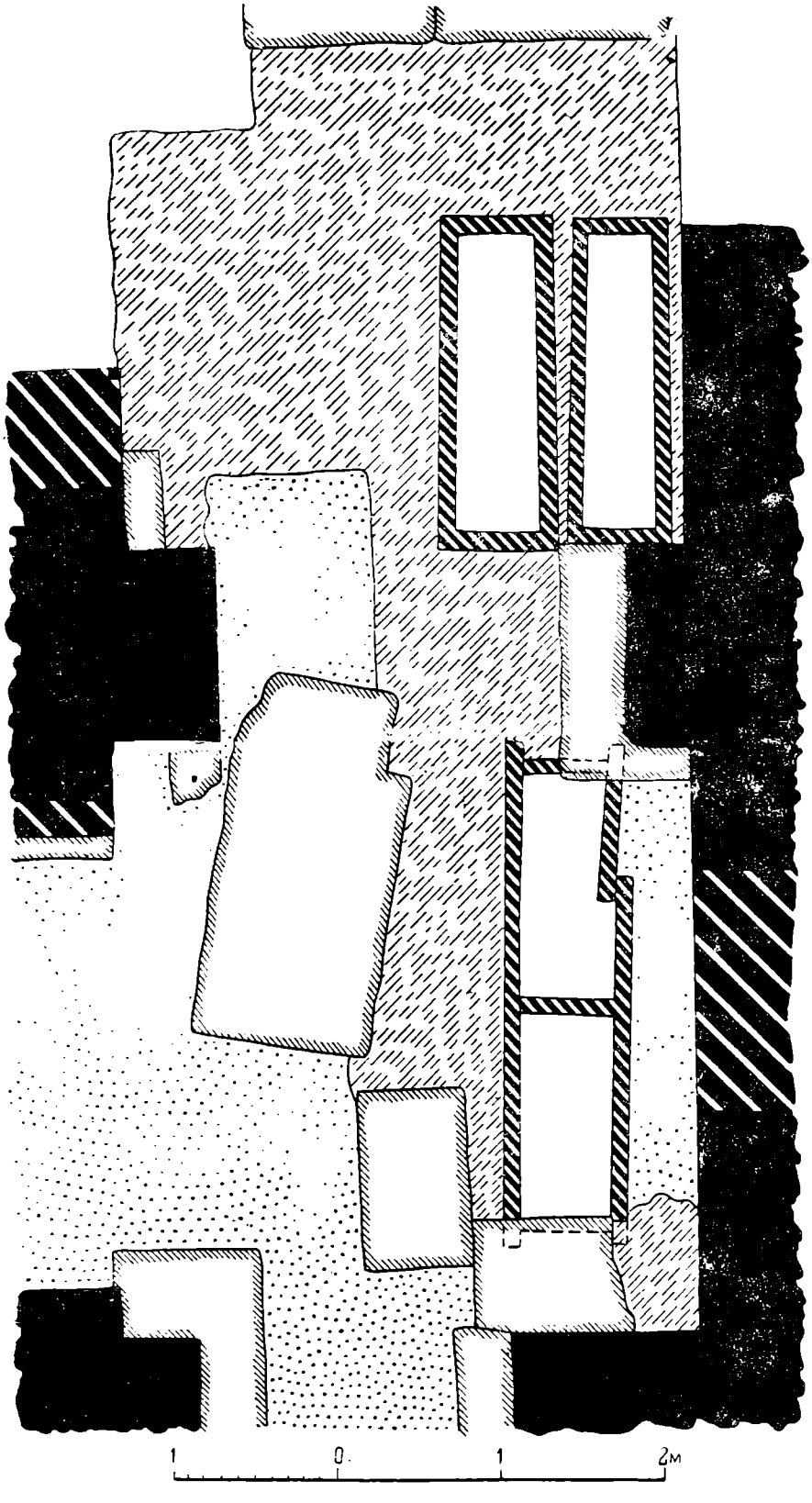

Рис. 24. Каменные саркофаги в южном нефе (план).

пояс (лежал несколько выше колен), парчевые онучки, фрагменты тканей, куски бересты, рыбьи кости и чешуя. Кроме того, найдено несколько больших кусков железа, назначение которых осталось неясным.

Из древнейших погребений в соборе только одно хранилось в памяти в начале XIX в. — это погребение княгини Евфросинии, жены князя Ярослава Всеволодовича. На чугунном полу во время фотиевской реставрации была выложена каменная гробница, поверх которой была положена мраморная плита с надписью: «Лѣта 1244 Мая въ Великомъ Новѣгородѣ почи о Господѣ блаженная Великая княгиня Ѳеодосія, честнѣйшая супружница великаго князя Ярослава Всеволодовича. Съ нимъ же благоговѣйно пожи и богоугоди, отъ него же породи святыхъ благовѣрныхъ князей Ѳеодора и Александра Невскаго и иныхъ седмь сыновъ и на конецъ житія иноче-

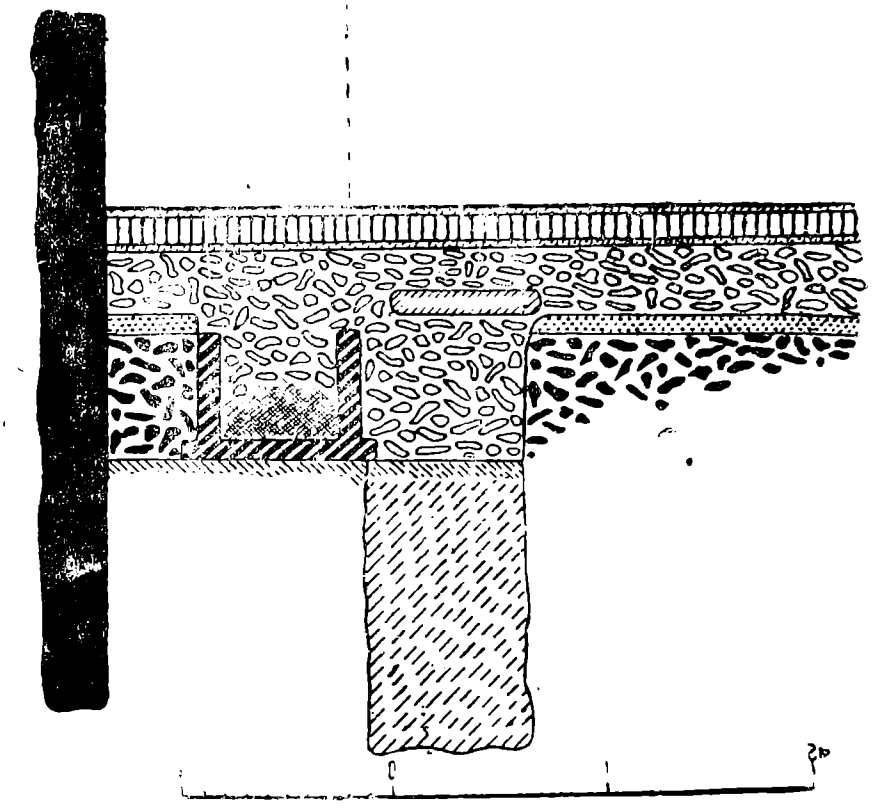

Рис. 25. Парный саркофаг (разрез по линии С—Ю).

скій образъ воспріимша въ немъ же дано бысть ей имя Евфросинія. Положена же бысть во обители святаго Георгія подлѣ сына своего святаго благовѣрнаго князя Ѳеодора на семъ мѣстѣ въ каменномъ гробѣ. . .»

Церковники до последних лет считали, что в этой каменной гробнице и покоятся «мощи» княгини Евфросинии. Вскрытие этой гробницы позволило установить, что она вся заполнена кирпичом, сложенным насухо. Кирпич лежал и ниже чугунного пола до уровня древнего пола. На этой глубине показалась сводчатая крышка каменного саркофага, стоящего почти вплотную к южной стене собора (рис. 26). С северной стороны, почти вплотную с этим саркофагом, оказался другой каменный саркофаг с плоской крышкой. Днища обоих саркофагов поставлены непосредственно на песок. Крышки их находились ниже уровня древнего пола и были расколоты (сводчатая пополам, плоская на множество мелких кусков; рис. 27); произошло это от тяжести, которую они на себе несли. При вскрытии саркофагов крышки снимались кусками. В саркофаге с коробовым верхом (погр. III)

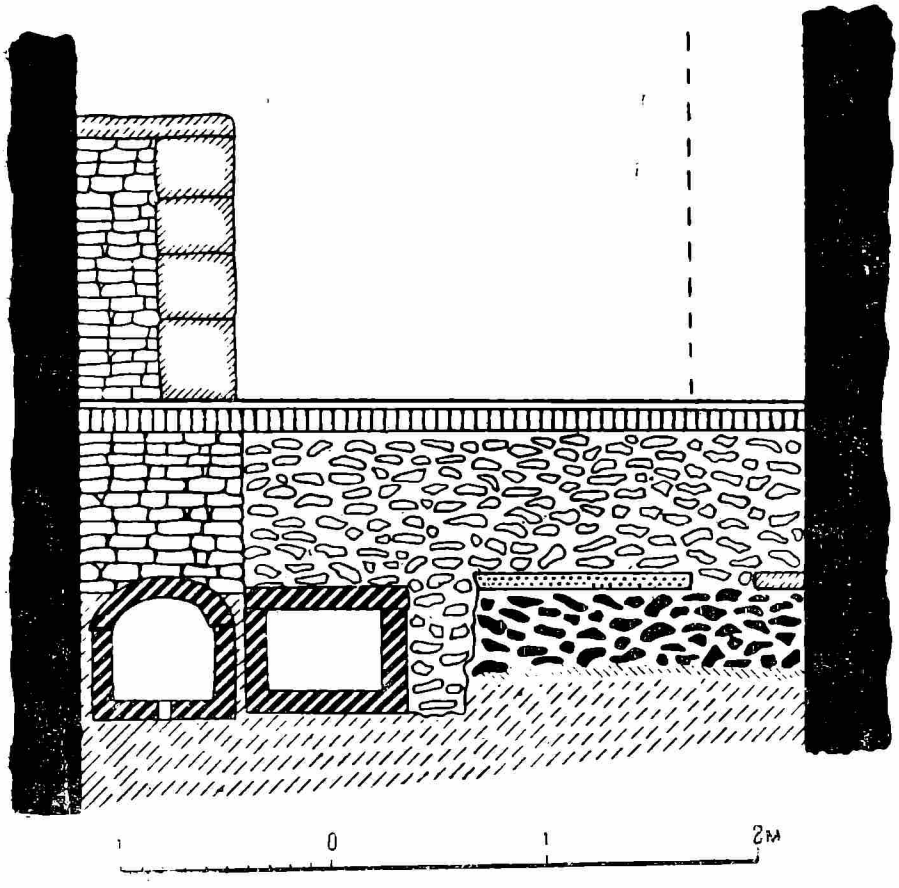

Рис. 26. Каменные саркофаги в южном нефе (разрез).

Рис. 27. Каменные саркофаги в южном нефе (до вскрытия).

кости оказались разбросанными в беспорядке, за исключением ног, которые лежали in situ. Помимо костяка, принадлежащего подростку лет 13—15, в саркофаге найдены фрагменты ткани и куски кожаной обуви. В саркофаг попало много извести и песку. Интересно отметить, что в центре днища саркофага обнаружилось круглое отверстие диаметром в 10 см. Аналогичное отверстие известно в каменном саркофаге, найденном под полом Спасо-Преображенского собора в Чернигове.[1]

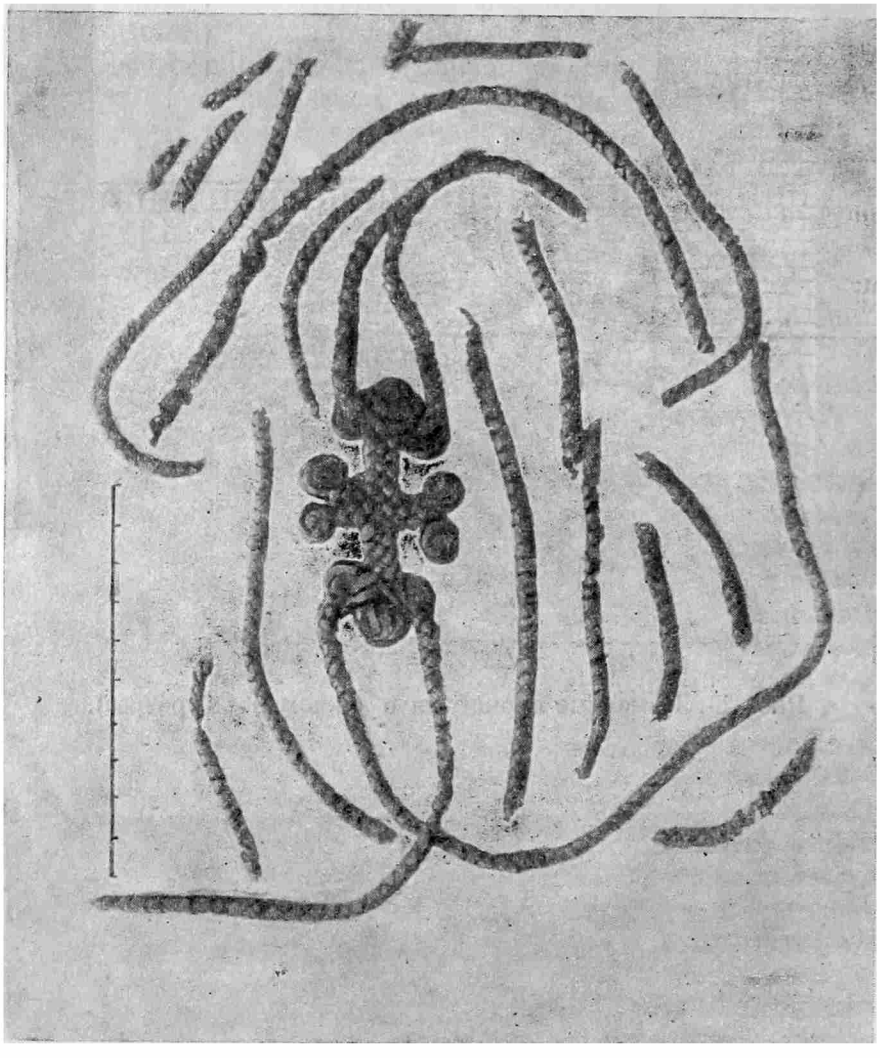

Рис. 28. Кожаный крест из погребения IV.

В соседнем саркофаге (погр. IV) оказался хорошо сохранившийся женский костяк, положенный головой на запад, со сложенными на груди руками. На костях сохранились засохшие части мышц (у бедра и у позвоночного столба). На груди лежал плетеный кожаный крест на кожаном витом шнурке (рис. 28). На ногах найдены две кожаных туфли. У позвоночного столба, ниже грудной клетки, лежали куски кожаного пояса с тиснеными изображениями (рис. 29). Кроме этого, в саркофаге найдено несколько фрагментов ткани.

Наиболее интересные погребения были вскрыты в северо-западном компартименте собора, недалеко от входа в башню. Здесь, ниже уровня дре-

[1] М. Макаренко: Чернігівський Спас. Археологічні досліди року 1923. Киев, 1929, табл. VII.

внего пола, из старого квадратного кирпича на извести с примесью толченого кирпича выложены два склепа, разделенные тонкой кирпичной стенкой (рис. 30, 31). Стенки и дно склепов оштукатурены розовой от примеси толченого кирпича известью. Склепы были закрыты на уровне древнего пола плитами, которые несколько шире самих склепов; для плит были устроены пазы. Сверху, кроме того, склепы были залиты известковым раствором с примесью толченого кирпича. Южной стенкой склепа служила кладка из валунов, идущая от северо-западного столба к северной внутренней лопатке западной стены (рис. 32). Стенка эта была оштукатурена. Днища склепов сделаны несколько покатыми на восток. Плиты, закрывавшие склепы, были разбиты, частично обрушились вниз, частично были вынуты. Склепы были засыпаны землей и щебнем, в котором попадались куски фресок, поздние монеты, стекло, гвозди и пр.

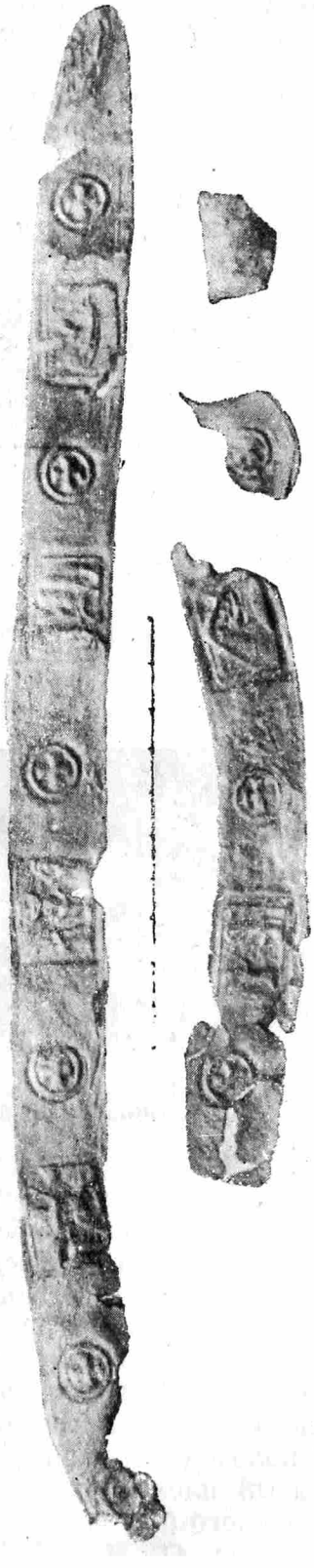

Рис. 29. Кожаный пояс из погребения IV.

В северном склепе (погр. V) на дне его раскрыто хорошо сохранившееся погребение мужчины лет 50 или старше (рис. 33). Костяк сохранился полностью in situ, сверху прикрыт перегнившими досками деревянного гроба. Куски перегнившего дерева в форме выдолбленной колоды найдены у ног. Погребенный положен головой на запад, руки сложены на груди. На черепе и на всем костяке найдено много фрагментов шелковой ткани с орнаментом. На ногах кожаная обувь.

В южном склепе (погр. VI) на дне его раскрыто одно из наиболее интересных по составу находок погребение. Сохранившийся костяк принадлежит мужчине лет 35—40 (рис. 34). Череп его пробит острым режущим оружием. На затылке таким же оружием срезан кусок кости. В нижней челюсти выбито острым предметом два зуба. При зачистке костяка найдено много кусков шелковых тканей, 28 жемчужин, рубин, обломок тельного крестика из яшмы и металлические бляшки. На ногах хорошо сохранилась кожаная обувь. По правую сторону от костяка у пояса найдена нижняя часть глиняного горшка, обернутого в бересту, орнаментированную круглыми дырочками; подле горшка много кусков от него же; из этих кусков удалось собрать высокий горшок (рис. 35). Возле него — яичная скорлупа, рыбьи кости и чешуя. У левой ноги костяка найдено много кусков перержавевшего железа, представляющего, повидимому, остатки ножен от меча. По обе стороны черепа симметрично сложены остатки еще двух погребений — два черепа и другие кости.

Погребение VII, вскрытое в западном нефе у юго-западного столба (рис. 36), по устройству склепа ближайшим образом напоминает только что

описанные. Склеп выложен из древнего плоского почти квадратного кирпича и облицован розоватой штукатуркой. Сохранившийся кусок каменной плиты, прикрывавшей склеп, лежит в аналогичных пазах. Склеп начинается от уровня древнего пола.

На дне склепа вскрыт костяк мужчины, немного нарушенный в верхней части (рис. 37). Таз и ноги — in situ. На ногах ниже колен свободно лежит железная цепь в 5 звеньев (рис. 38). Ниже — кожаная обувь. У таза — несколько фрагментов кожаного пояса с тисненными изображениями двунадесятых праздников, херувимов и архангелов в круглых медальонах (рис. 39). У ног костяка найдено много кусков перержавевшего железа, представляющих, повидимому, остатки ножен от меча. При зачистке днища склепа найдены рыбьи кости и чешуя.

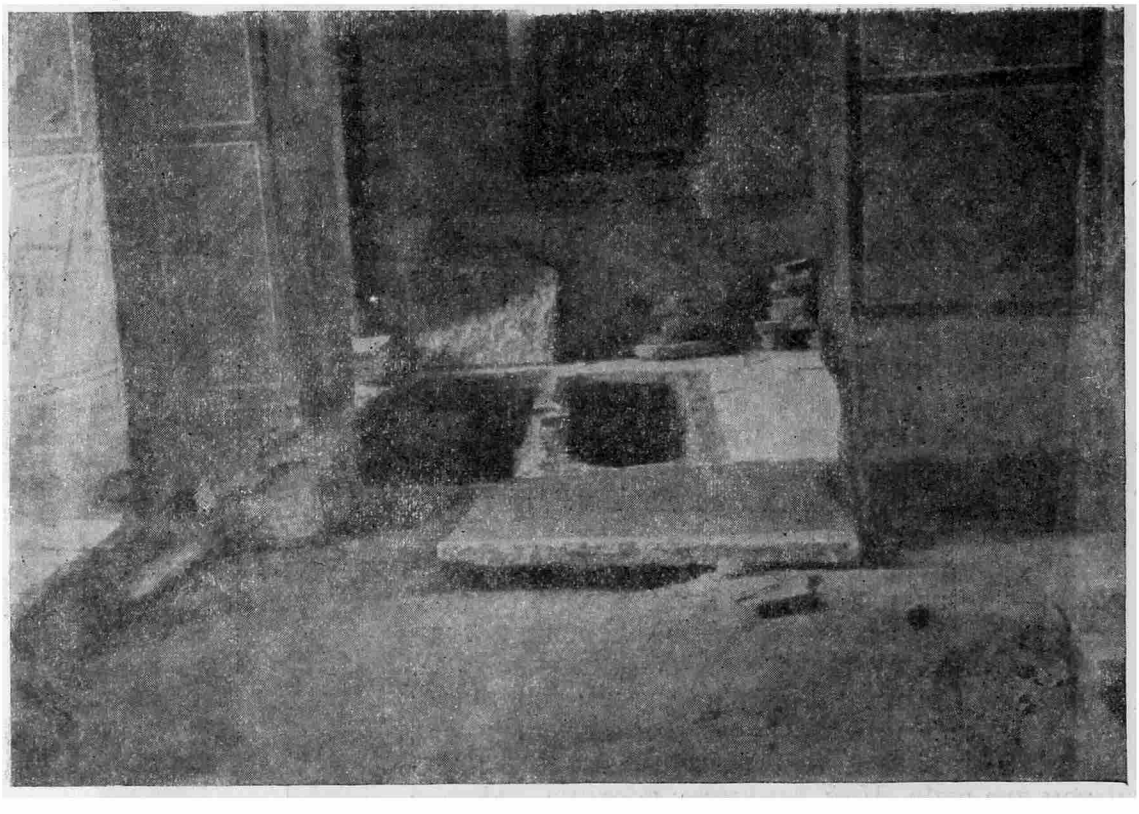

Рис. 30. Склепы в северо-западном компартименте (после раскопок).

Два последние погребения, раскопанные в западной части центрального нефа, к северу от погребения VII, по устройству могильного сооружения резко отличаются от всех описанных выше захоронений. В отличие от предыдущих, два последних погребения (погребения VIII—IX) не имеют ни каменных саркофагов, ни кирпичных склепов. Оба захоронения сделаны в деревянных долбленых колодах, обернутых берестой (рис. 40), поставленных одна подле другой под плитами пола собора. Известковая подмазка древнего пола при этом была пробита.

В колоде (погребение VIII) был обнаружен костяк пожилого мужчины, покрытый плохо сохранившимися обрывками льняной ткани. На груди погребенного был обнаружен плетеный из ремня крест на кожаном витом шнуре (рис. 41, внизу).

В северной колоде (погр. IX) был раскрыт костяк тоже пожилого мужчины, на котором отлично сохранилась монашеская одежда из льняной ткани. На груди и под позвонками было обнаружено два плетеных из ремня

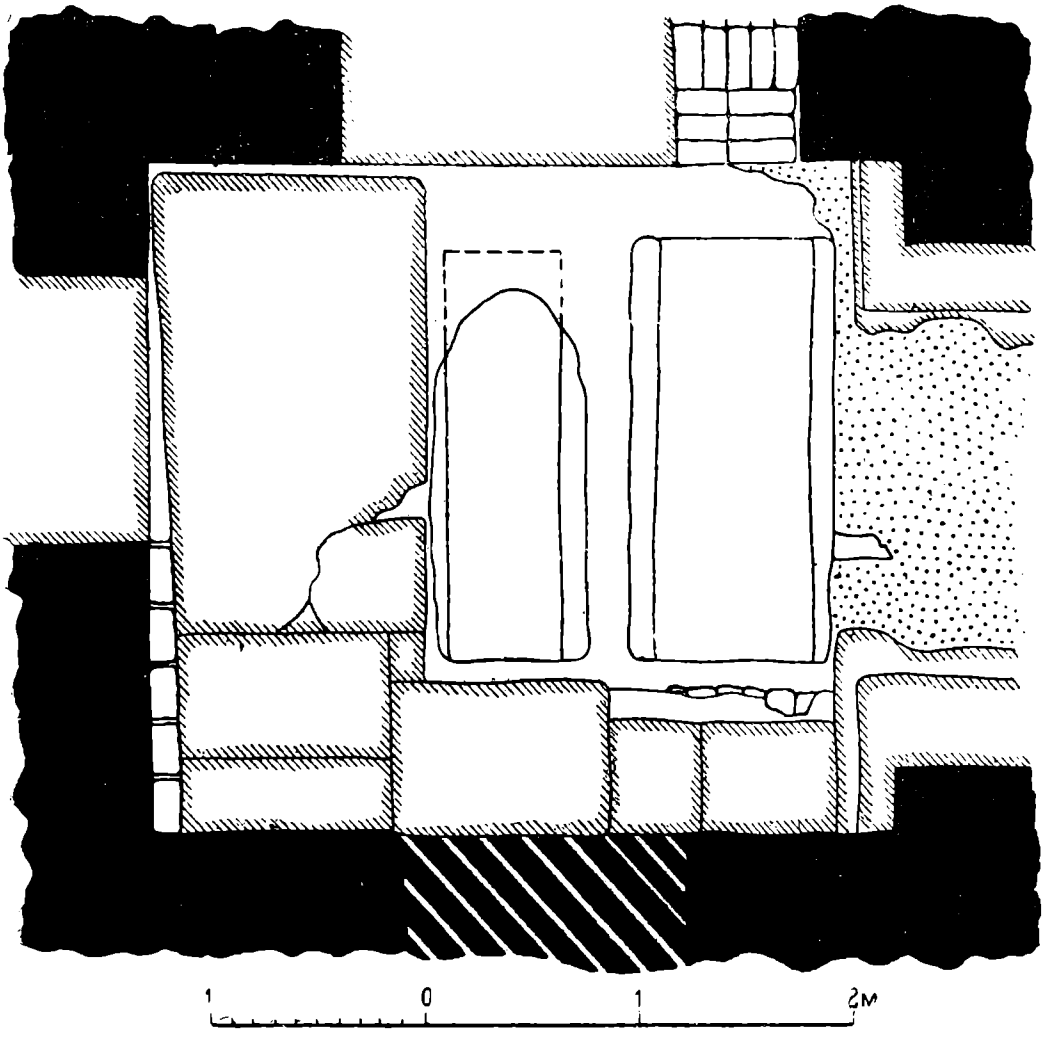

Рис. 31. Склепы в северо-западном компартименте (план).

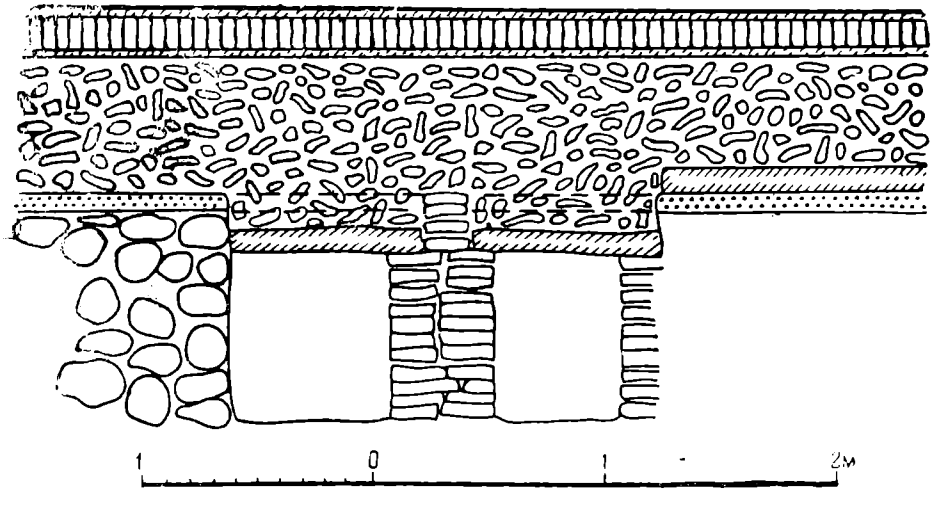

Рис. 32. Склепы в северо-западном компартименте (разрез).

креста, соединенных между собой витым кожаным шнуром. В отличие от аналогичных крестов, найденных в погребениях III и VIII, два креста из

Рис. 33. Погребение V.

погребения IX отличаются исключительной сложностью рисунка и большим мастерством исполнения (рис. 41).

Раскопанные погребения и найденные в них фрагменты шелковых и парчевых тканей, обуви, кожаных поясов, металлических вещей, украшений, керамики и остатков пищи сами по себе представляют значительный

интерес для реконструкции быта социальных верхов новгородского общества. Ценность этого материала станет особенно ясной, если вспомнить, что подобного материала для древнейшей эпохи новгородской истории до

Рис. 34. Погребение VI.

настоящей поры почти не существовало. Но научный интерес юрьевских раскопок значительно возрастает благодаря возможности установления не только точнейших датировок, но и персональной атрибуции всех погребений.

Смерть и погребение князей и посадников самым тщательным образом отмечалась в новгородских летописях наряду с важнейшими событиями внутренней и внешней истории. В древнейшую эпоху роль княжеской усыпальницы в Новгороде принадлежала исключительно княжеской Софии. В ней были погребены в 1052 г. основатель собора, князь Владимир Ярославич,[1] его мать, княгиня Анна (Ингигерда).[2] В 1096 г. там же был погребен убитый в сражении с Олегом Черниговским князь Изяслав Владимирович,[3] брат новгородского князя Мстислава Владимировича, в 1178 г.— Мстислав Ростиславич,[4] а в 1180 г.— другой Мстислав Ростиславич, внук Мстислава.[5] Но начиная с конца XII в., вместо Софии, по причинам, о которых была речь выше, в качестве княжеской усыпальницы начинает выступать Юрьев монастырь. С конца XII до начала XIV в. Юрьев монастырь является единственной княжеской усыпальницей в Новгороде. Позже, в XIV—XVI вв., в этой роли выступает кроме Юрьева другой городищенский монастырь — Спаса на Нередице.

Рис. 35. Глиняный сосуд из погребения VI.

За XII—XIII вв. летописью отмечено семь погребений в Юрьевом монастыре. Бросается в глаза совпадение этого числа с семью раскопанными нами погребениями в каменных гробницах и кирпичных склепах. Правда, Георгиевский собор раскопан не целиком, но в числе нераскопанных участков только небольшая площадь центральной части северного нефа может быть местом погребений. Новая надгробная плита указывает на наличие там погребения новгородского архиепископа Феоктиста, умершего в XIV в., но перенесенного в Юрьев только в XVII в. Остальная нераскопанная площадь собора приходится или на алтарные части, или на центральное подкупольное пространство, которое в древнерусских храмах никогда не использовалось для погребений.

Изучение инвентаря, антропологических данных погребений, с одной стороны, и анализ топографии погребений, в связи с топографическими указаниями летописей, с другой, позволяют, на наш взгляд, установить персональную атрибуцию всех раскопанных погребений. Разумеется, отсутствие

[1] I Новг. летоп. под 1052 г.

[2] О времени погребения кн. Анны-Ингигерды, жены вел. кн. Ярослава и матери Владимира Ярославича, летописных упоминаний нет. В летописях ее гробница упоминается впервые в 1439 г., когда арх. Евфимий «подписа ее гроб и положи покров» (I Новг. летоп. под 1439 г.).

[3] Лавр. летоп. под 1096 г.

[4] I Новг. летоп. под 1178 г.

[5] I Новг. летоп. под 1180 г.

прямых эпиграфических данных на самых гробницах и неполная сохранность инвентаря погребений не позволяет считать эту атрибуцию безусловной.

Из девяти раскопанных нами погребений в начале XIX в. считали необходимыми отметить только одно — гробницу княгини Евфросинии, жены князя Ярослава. Выше указывалось, что над ее саркофагом (точнее, над соседним саркофагом ее сына) был сооружен во время фотиевской реставрации каменный ложный саркофаг, покрытый мраморной плитой с резной золоченой надписью. Более чем вероятно, что до реставрации XIX в.

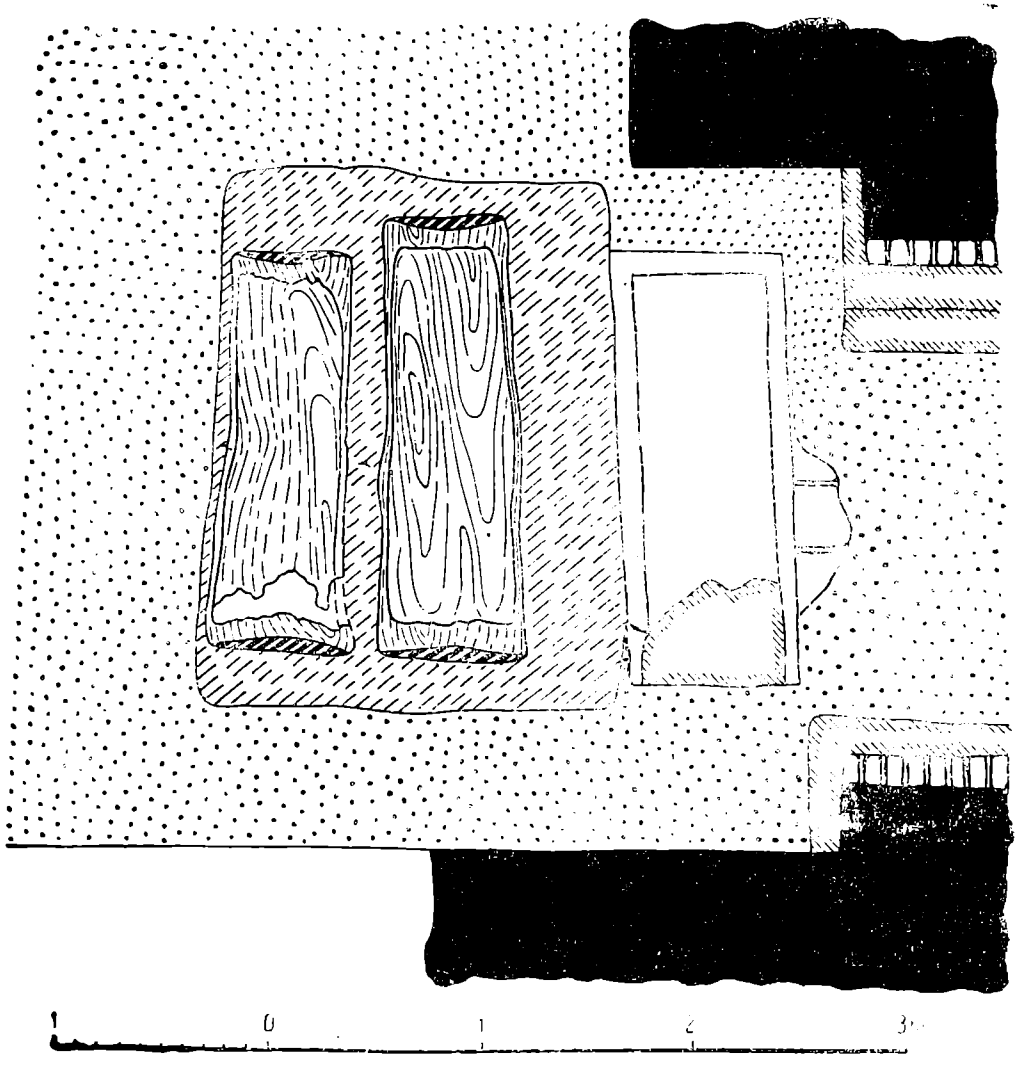

Рис. 36. Погребения в западном компартименте центрального нефа (план).

у некоторых гробниц и склепов еще сохранялись надписи или какие-нибудь указания на принадлежность погребений тем или иным лицам. Из всех этих указаний церковники XIX в., закрывшие старый пол собора и старые погребения слоем строительного мусора и новым чугунным полом, не случайно перенесли на новый уровень память только об одном погребении. Эта княгиня в начале XIX в. была уже почти канонизирована и представляла для собора необходимую ему святыню для поклонения. Гробница Евфросинии безусловно вскрывалась в начале XIX в. В ней найдены фрагменты фресок, сбитых со стен, как отмечалось выше, тем же Фотием.

Княгиня Евфросиния, известная в новгородских летописях под именем Ярославляя (по мужу), была женою новгородского князя Ярослава Всеволодовича. Ее собственное мирское имя Феодосия известно только из москов-

ских летописей (Никоновская летопись, Степенная книга). В новгородских летописях оно никогда не упоминается. Летописные сведения о ней крайне скудны. Впервые в качестве жены Ярослава Всеволодовича она упоминается в 1215 г., когда князь, засевший в Торжке, прислав в Новгород своих мужей Ивора и Чапоноса, «выведе княгыню к собе дъчерь Мьстиславлю».[1] Из этого сообщения мы узнаем также, что Евфросиния была дочерью князя Мстислава Мстиславича (Удалого). Князь Ярослав Всеволодович был на новгородском столе четыре раза, покидая его добровольно и вновь возвращаясь. Дважды (под 1224 и 1228 гг.) при отъезде его в Переяславль упоминается и княгиня. Из летописи же мы узнаем и о двух

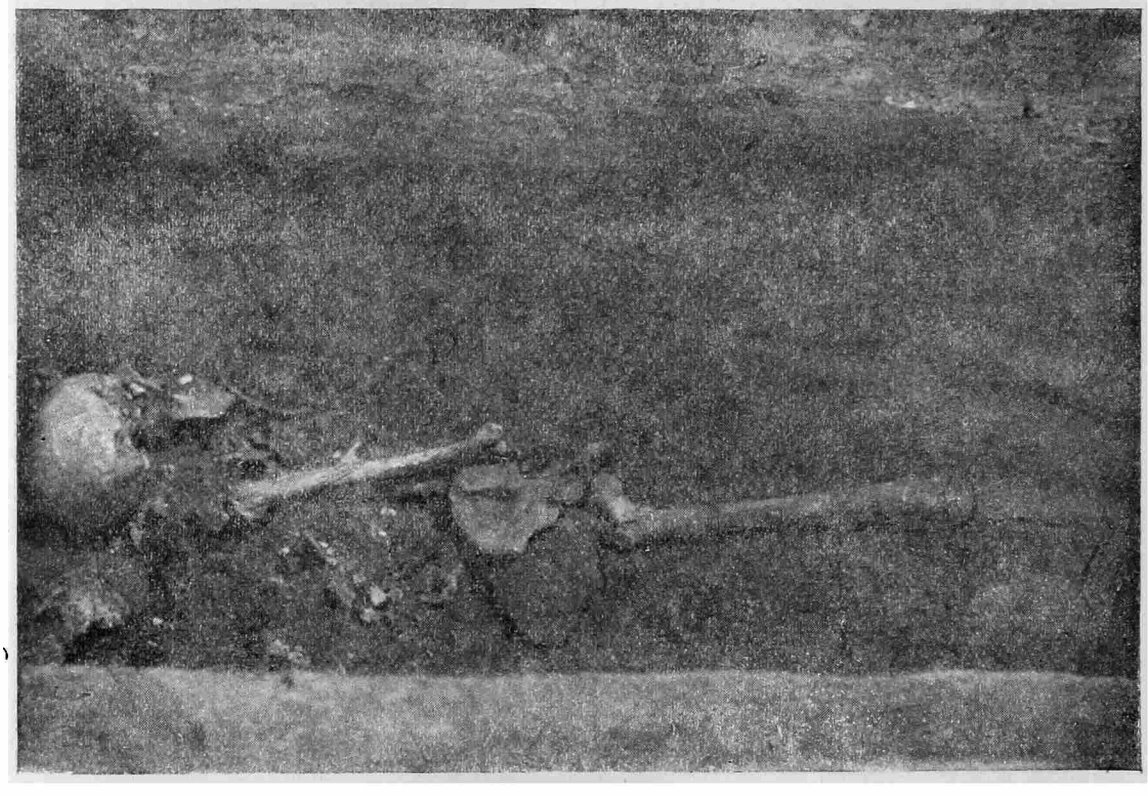

Рис. 37. Погребение VII.

сыновьях ее, князьях Федоре (о нем ниже) и Александре, известном в русской историографии под именем Александра Невского. Под 1244 г. в Новгородской летописи занесено следующее известие: «В лето 6752. Преставися княгыня Ярославляя постригшися у святого Георгия в манастыри ту же и положена бысть сторонь сына своего Феодора, месяца маия в 4 на память святые Ирины наречено бысть имя ей Ефросинья».[2] Может возникнуть сомнение, почему Ярославляя княгиня постригается и умирает в новгородском Юрьеве монастыре, тогда как князь Ярослав в это время сидит на столе во Владимире. Чтобы понять этот факт, нужно вспомнить, что еще с 1242 г. князь Ярослав находился в Орде «позван царемь татарьскиим Батыемь»,[3] где он и умер в 1246 г. Владимир незадолго до этого, как известно, был разрушен татарами. В 1244 г., т. е. в год смерти княгини, на новгородском столе сидел ее сын, Александр. Эти факты позволяют объяснить ее погребение в Новгородском Юрьеве монастыре.

[1] I Новг. летоп. под 1215 г.
[2] Там же, под 1244 г.
[3] Там же, под 1242 г.

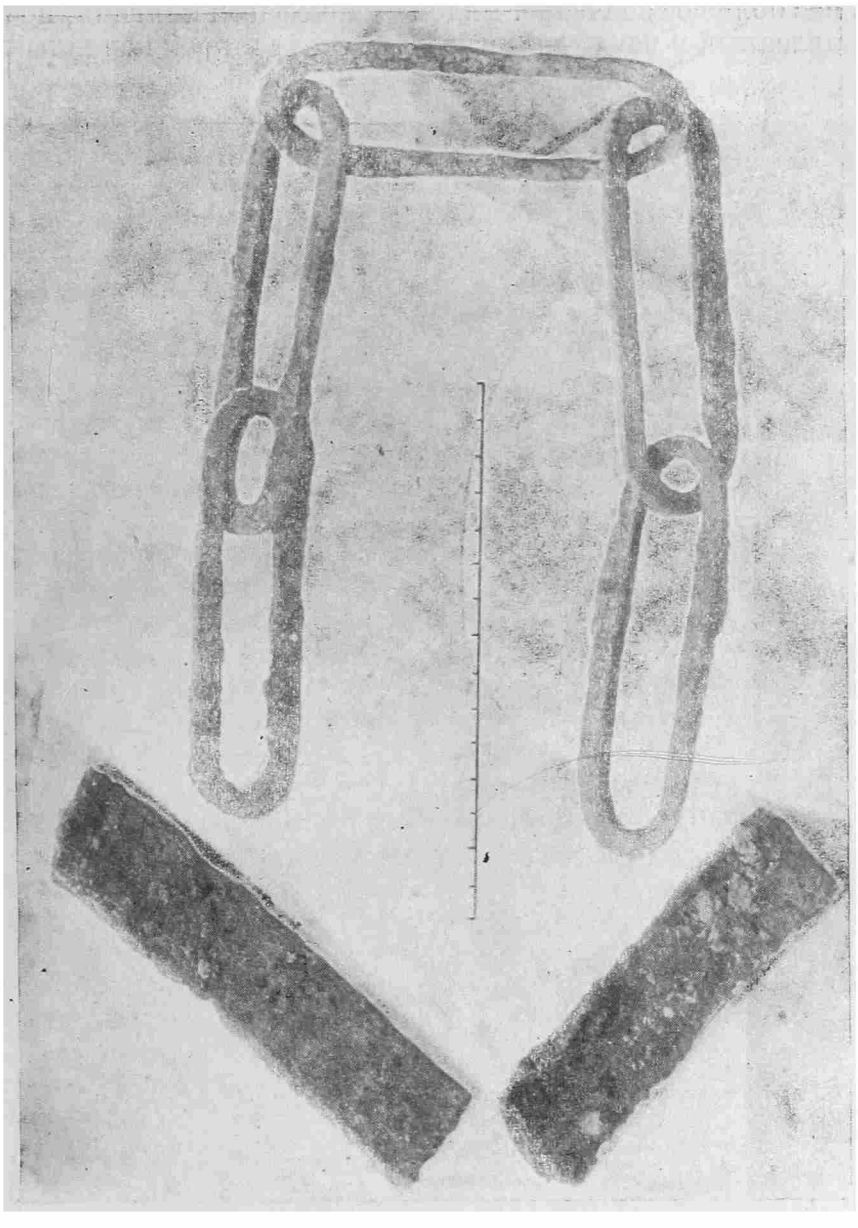

Рис. 38. Цепь из погребения VII.

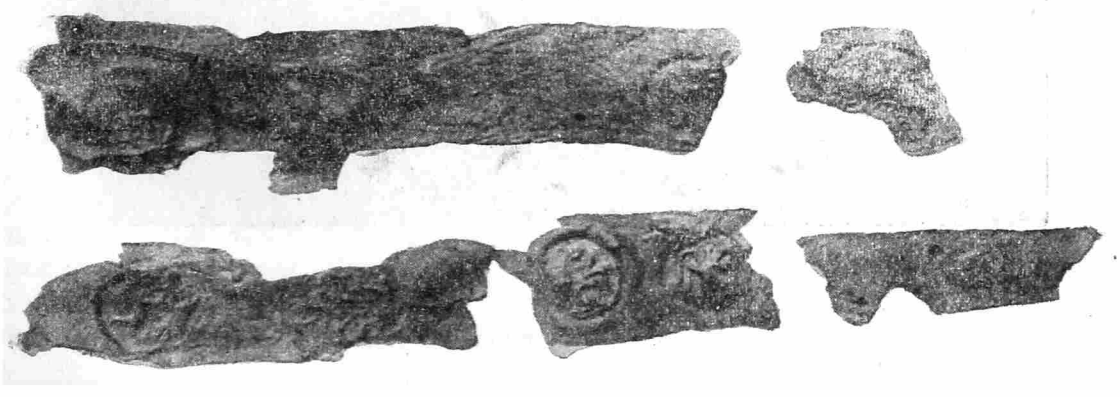

Рис. 39. Кожаный пояс из погребения VII.

Указание летописного текста на погребение княгини *подле* сына Федора имеет для нас большое значение. Рядом с саркофагом княгини, почти вплотную приставленный к нему, действительно стоит второй каменный саркофаг

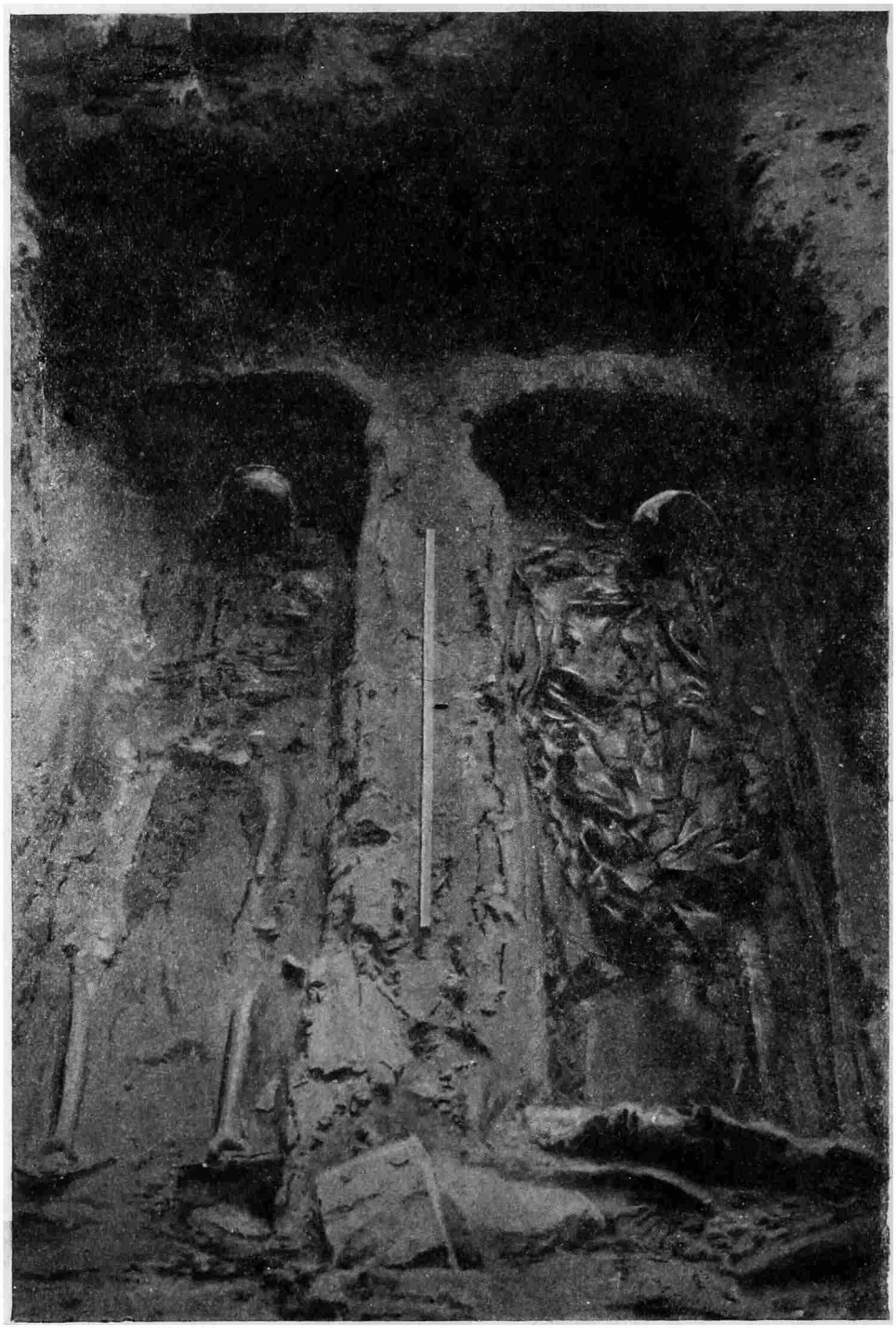

Рис. 40. Погребения VIII—IX.

с мужским погребением. Федор Ярославич умер в 1233 г., одиннадцатью годами раньше своей матери. В новгородских летописях под этим годом сказано: «томь же лете преставися князь Феодор, сын Ярославль вячший июня в 10 и положен бысть в манастыри святого Георгия и еще млад. И кто

не пожалуеть сего? сватба пристроена, меды изварены, невеста приведена, князи позвани и бысть в веселия место плач и сетование за грехи наши; нъ Господи слава тебе, царю небесный, извольшю ти тако н покой его с всеми правьдьными. В то же лето заложена бысть церквь на воротех от Неревского конца святыи Феодор».[1] Князь Феодор упоминается не раз в новгородских летописях, притом почти всегда со своим братом Александром. В 1228 г. князь Ярослав Всеволодович, уходя из Новгорода в Пере-

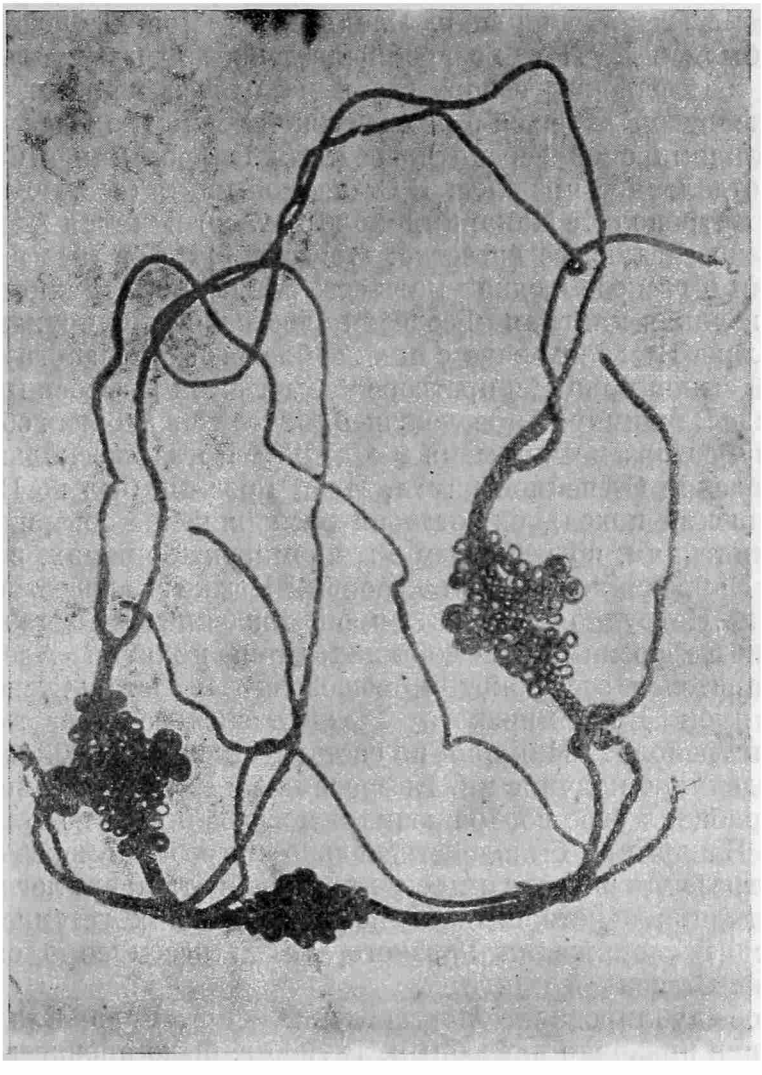

Рис. 41. Кожаные кресты из погребений VIII—IX.

яславль, «Новгороде остави два сына своя Феодора и Альксандра с Феодоромь Даниловицемь и с тиуномь Якимомь».[2] В ту же зиму Феодор Данилович с тиуном Якимом «побеже» ночью из Новгорода «поимше с собою два княжичя Федора и Альксандра».[3] В 1230 г. Ярослав, придя в Новгород и посидев там две недели, «иде опять в Переяслаль» . . . а сына своя два посади Новегороде Феодора и Ольксандра».[4] В 1232 г. у Ярослава, приехавшего из Переяславля в Новгород, псковичи просили князя Федора во Псков, в чем однако Ярослав отказал им, предложив взамен своего

[1] I Новг. летоп. под 1233 г.
[2] Там же, под 1228 г.
[3] Там же, под 1228 г.
[4] I Новг. летоп. под 1230 г.

шурина, Юрия.[1] В следующем году (1233) Федор Ярославич умер в Новгороде и погребен в Юрьевском монастыре.

Мы намеренно со всеми доступными нам подробностями излагали биографию Федора и его матери Евфросинии. Дело в том, что с их останками российская православная церковь попала в довольно конфузную историю. «Мощи» кн. Федора и его матери Евфросинии оказались одновременно в двух городах — в Новгороде и во Владимире. Гробница с «мощами» Евфросинии имеется в Георгиевском соборе Юрьева монастыря и одновременно в Георгиевской церкви г. Владимира. «Мощи» Федора из Юрьева монастыря были в XVII в. во время шведского владычества в Новгороде перенесены в Софийский собор, где и находятся поныне. Одновременно с этим тот же Федор оказался в Георгиевской церкви во Владимире. Происхождение владимирской версии погребения Евфросинии и Федора уходит в довольно отдаленное прошлое. В Степенной книге (составленной, как известно, при митрополите Макарии, около 1547 г.) в житии Александра Невского занесено следующее известие: «тогда же [т. е. в 1244 г.] в Новеграде с миром почи о господе чюдная мати сего блаженного великого князя боголюбивая и великая княгиня Феодосия, честнейшая супружница великого князя Ярослава Всеволодовича с ним же благоговейно и богоугодно поживе от него же 9 сынов породи и претворено бысть имя Евфросиния и положена бысть во граде Владимире в пресловущей обители св. Георгия об едину страну сына своего Феодора месяца маия в 4 день».[2] Когда, несколько лет спустя после составления Степенной книги, Иван Грозный был во Владимире (на пути в Казанский поход), он, отдавая распоряжение совершать панихиды князьям и княгиням, погребенным в владимирских храмах, в числе прочих упомянул и Евфросинию с сыном Федором.[3] Позже это известие повторялось неоднократно. Нетрудно установить происхождение этой легенды. Сведения о погребении Евфросинии и Федора находятся в житии Александра Невского. Составителем этого жития, вошедшего в состав Степенной книги, считается[4] инок Владимирского Рождественского монастыря Михаил, сотрудник митрополита Макария по составлению Степенной книги. К летописному сведению о кончине кн. Евфросинии в Новгороде именно он, безусловно, и прибавил свое соображение о погребении ее во Владимире. Поскольку во Владимире был действительно погребен Александр Невский, легенда о погребении вместе с ним его матери и брата могла легко привиться, в особенности при некоторой неполноте древнейших летописных текстов. Что касается распоряжения Грозного, то он несомненно опирался уже на материалы Степенной книги.

Конфузное дублирование новгородских святых во Владимире было в конце концов признано неудобным. В 1900 г. было произведено вскрытие владимирских гробниц.[5] «Гробница Федора» оказалась совершенно пустой, в «гробнице Евфросинии» было найдено, наоборот, сразу два скелета — женский и детский. Поскольку никаких аргументов в пользу владимирских «дублетов» Федора и Евфросинии не оказалось, и поскольку, с другой стороны, новгородские Федор и Евфросиния уже пользовались большей популярностью, чем их владимирские «дублеты», решено было поступиться интересами владимирских церковников в пользу церковников новгородских, реабилитируя одновременно и общий престиж церкви. Местонахождением подлинных Федора и Евфросинии был объявлен Новгород. В недав-

[1] Там же, под 1232 г.

[2] Степенная книга, 8 степень, гл. 2.

[3] Это распоряжение Грозного впервые опубликовано Доброхотовым: Памятники древности во Владимире, стр. 61—60. Перепечатано Виноградовым: История Владимирского Успенского собора, стр. 62—63. Упоминается Сперанским: Древние гробницы Георгиевской церкви. ТВУАК, IV, 1902, стр. 6.

[4] Макарий. История русской церкви, VII, стр. 439, 457.

[5] Сперанский, ук. соч.

нее время была сделана попытка доказательства противоположной мысли. В брошюре, посвященной мощам Софийского собора, изданной в 1931 г. Новгородским Государственным музеем,[1] доказывается, что не владимирские, а новгородские церковники выставляли «подложные» мощи. Попытка эта должна быть полностью отброшена, ибо ссылаясь чрезмерно часто на «исторические данные», авторы брошюры слишком мало уделили внимания этим историческим данным. Новгородские антирелигиозники оказались в путах тех самых неясностей летописных текстов, которые сознательно были использованы владимирскими церковниками. Приведенные выше подлинные исторические свидетельства убеждают в полной необоснованности этой новой попытки.

Раскопки 1933 г. однако, осложнили вопрос новыми данными. Гробница Федора оказалась не пустой, как можно было ожидать, если верить сообщениям документа XVII в. о переносе «мощей» Федора в XVII в. в Софию. Кому принадлежит костяк в раскопанной нами гробнице? Распутать этот вопрос довольно трудно. Можно было бы думать, что освободившийся после перенесения Федора в Софию его саркофаг был занят новым погребением. Эту мысль приходится отбросить, ибо находки в саркофаге не позволяют датировать это погребение моложе остальных. Естественнее предположить другое — перенесенные в Софию «мощи Федора» могли и не принадлежать Федору. Федор во время хозяйничанья шведов в Новгороде нужен был политически, как брат князя Александра — победителя шведов. Но ведь новгородский архиепископ под именем Федора мог перенести кого угодно другого. Обстоятельства «перенесения», подробно известные нам из документов XVII в., позволяют понять дело именно так.

Шведские солдаты, бесчинствовавшие в Юрьеве монастыре после захвата города, раскрыли какую-то гробницу. Новгородский митрополит Исидор получил разрешение у Делагарди перенести раскрытое погребение в Софию. В гробнице оказались двое, один из которых был признан Федором и под этим именем водворен в придел Рождества Богородицы в Софии. Вскрытие этих мощей в 1919 г. обнаружило плохо сохранившийся костяк, обтянутый кожей, принадлежащий мужчине лет сорока, что, понятно, мало подходит к юноше, умершему в день свадьбы.

В том же южном нефе собора, несколько западней, раскопками вскрыт не совсем обычного вида саркофаг без крышки, разделенный поперек каменной стенкой. Саркофаг этот, как описывалось выше, первоначально был, повидимому, заготовлен как одинарный и лишь потом был удлинен к востоку довольно небрежной приставкой более тонких стенок, благодаря чему его можно было использовать для двух детских погребений. В обеих половинах саркофага найдены детские погребения. Возраст детей, как говорилось, определяется для погребения в восточной части около 8 лет, для погребения в западной части саркофага — 5 лет. Летописные известия 1198 г. позволяют, нам кажется, с полной достоверностью установить атрибуцию этого двойного погребения. Под этим годом в I Новгородской летописи сказано: «той же весне преставися у Ярослава сына два: Изяслав бяша посажен на Луках княжити и бе от Литвы оплечье Новугороду и тамо преставися, а Ростислав Новегороде и оба положены у святаго Георгия в манастыри». Изяславу, хотя он и был князем на Луках, в 1198 г. было всего 8 лет от роду, так как он родился в 1190 г. Под этим годом в той же летописи сказано: «Родися Новегороде у Ярослава сын Михаил а княже имя Изяслав, а внук Володимирь». Никаких других фактов из биографии этого сына Ярослава Владимировича (строителя Нередицы) мы не знаем. Его брат Ростислав

[1] Андреев, Порфиридов и Семенов. Мощи Софийского собора-Новгород, 1930.

был моложе его на три года, родившись в 1193 г. («в то же лето родися в Новегороде у Ярослава сын Ростислав»).[1] Оба брата умерли одновременно в 1198 г. и погребены в Юрьевом монастыре. Более чем вероятно, что парный саркофаг с двумя детскими погребениями и принадлежит этим двум сыновьям Ярослава Владимировича. Определение возраста, произведенное на основании антропологического и рентгенологического анализа, полностью подтверждает наше предположение.

Среди известных по летописям Юрьевских погребений особый интерес представляют, однако, не эти четыре княжеских погребения. Юрьев монастырь служил усыпальницей не только для князей, но и для посадников, очевидно, близких к политическим группировкам Городища. Раскрытые в северо-западном углу собора (в западном нефе) два смежных склепа по типу погребений существенно отличаются от княжеских саркофагов. Вместо каменных саркофагов здесь деревянный гроб, поставленный в склеп под полом собора. Строительный материал и техника этих склепов не позволяют датировать их моложе XIII в. И квадратный плоский кирпич, и розоватый раствор в новгородской архитектуре XIV в. уже не употреблялись. Оба эти склепа сделаны одновременно, представляя как бы общий фамильный склеп, разделенный продольной кирпичной стенкой на две части. В летописных известиях XIII в. мы встречаемся только с двумя указаниями на погребение одно подле другого, более раннего. О первом из них (погребение Евфросинии подле Федора) уже была речь выше. Второе известие относится к погребению новгородского посадника Дмитра Мирошкинича подле отца своего.

И Дмитр Мирошкинич и его отец Мирон Нездинич, более известный под именем Мирошки, были видными представителями новгородского боярства конца XII — начала XIII вв. Мирон Нездинич под именем Мирошки встречается на страницах Новгородской летописи впервые под 1189 г., когда он получил посадничество, отнятое у Михаля («Томь же лете отъяше посадницьство у Михаля и вдаша Мирошки Нездиницю»).[2] С тех пор он упоминается неоднократно при исполнении ряда дипломатических поручений. В 1195 г. он послан новгородцами для переговоров к князю Всеволоду в Новый Торг.[3] Там он был задержан Всеволодом. В 1196 г. послы Новгорода требовали у Всеволода отпустить Мирошку и ряд других новгородских бояр, но безуспешно. Только под 1197 г. сообщается, что «Мирошка приде посадник седев два лета за Новгород».[4] В 1199 г. Мирошка вновь упоминается при исполнении дипломатической миссии. Вместе с владыкой и «вячшими» людьми он посылается из Новгорода к князю Всеволоду в Новый Торг за новым князем Святославом, сыном Всеволода. В 1203 г. Мирошка умер, постригшись в Юрьеве монастыре.[5] Его преемник, Михаил Степанович, оставался посадником только до 1205 г. В этом году посадничество было отнято у него и передано сыну Мирошки Дмитру Мирошкиничу.[6]

Посадничество Дмитра Мирошкинича было очень кратко. Он похозяйничал в Новгороде всего четыре года. Разразившееся в 1209 г. восстание, направленное против Дмитра, окончилось полной конфискацией всего имущества Дмитрова и Мирошкина дворов. В новгородских летописях достаточно подробно выясняются причины и ход восстания 1209 г. Восстание 1209 г. разразилось вскоре после возвращения из похода, в котором новгородцы выступали в качестве союзников владимирского князя Все-

[1] I Новг. летоп. под 1193 г.
[2] Там же, под 1189 г.
[3] Там же, под 1195 г.
[4] Там же, под 1197 г.
[5] Там же, под 1203 г.
[6] Там же, под 1205 г.

волода по его приглашению. Оказавшие серьезную услугу Всеволоду в битве под Пронском, новгородцы были отпущены домой с великими милостями. Князь Всеволод их «одарив без числа и вда им волю всю и уставы старых князь, его же хотеху новгородьци и рече им кто вы добр того любите а злых казните».[1] Не вполне понятно, почему князь взял к себе во Владимир своего сына Константина (новгородского князя) и Дмитра Мирошкинич «стреляна под Проньском» вместе с семью «вятьшими мужи». В отсутствие Дмитра и разразилось восстание 1209 г. Возвратившиеся новгородцы «створиша вече на посадника Дмитра и на братью его: яко ти повелеша на Новгородьцих сребро имати и по волости куны брати, по купцем виру дикую и повозы возити и все зло; идоша на дворы их грабежьм; а Мирошкин двор и Дмитров зажьгоша и житие их поимаша, а села их распродаша и челядь, а скровища их изъискаша и поимаша бещисла а избыток розделиша по зубу по 3 гривне по всему городу и на щит; еще кто потаи похватил, а того един Бог ведаеть и от того мнози разбогатеша; а что на дъщьках, а то князю оставиша».[2] Восстание 1209 г. в наиболее яркой форме раскрывает контуры борьбы, которая шла в городе уже и раньше, отражаясь на страницах летописей в частой смене посадников, владык и князей, смене нередко насильственной. Не вызывает сомнений демократический характер движения 1209 г.: восстание против Дмитра было делом не «вячших», а «меньших» людей.

Вполне законно предположение о том, что на ряду с участием городских низов в восстании участвовали и низы сельского населения. Поборы по волости, выставленные летописью как одна из причин восстания, дóлжно понимать именно как свидетельство об участии низов сельского населения. Посадник Дмитр выступает с характерными чертами феодала-землевладельца, с одной стороны (обладателя сел и челяди), и владетеля крупного ростовщического капитала (сокровища и «доски», т. е. долговые обязательства) — с другой. Самого Дмитра не было в Новгороде. Как сказано выше, кн. Всеволод увез его во Владимир. Вскоре после восстания Дмитра привезли из Владимира мертвым. Из летописного текста неясно, умер ли он от ран, полученных под Пронском, или же его смерть произошла не без участия встретивших его сограждан. Для нас важно заметить, что и в том и в другом случае его смерть не была естественной. Встреча его тела была, разумеется, не слишком благоприятной. Как говорит летописец, его «хотяху с моста съврещи нъ възбрани им архиепископ Митрофан».[3] Разумеется, не могло быть и речи о погребении его в Софии. В создавшейся обстановке местом его избирается княжеский Юрьев монастырь, где он и был похоронен «подъле отча».

Которое из двух смежных погребений принадлежит Дмитру и которое его отцу? Ответом на это является инвентарь погребений, с одной стороны, и антропологические данные костяков — с другой. Дмитр пережил отца всего на шесть лет. Следовательно, он умер значительно более молодым, чем его отец. Возраст погребенных определяется приблизительно так: лежащий в южном склепе умер в возрасте около 50 лет, в северном склепе — около 35—40 лет. Данные инвентаря еще более убедительны: Мирошка Нездинич умер в постриге. В его гробнице странно было бы найти оружие и жемчужные украшения. Для Дмитра то и другое совершенно естественно. На голове Дмитра есть несомненные следы насильственной смерти. Он умер от ранения в голову. На костях Мирошки никаких следов насильственной смерти нет. Сказанное позволяет нам считать северное погребение погребением Мирошки, южное — погребением Дмитра. Остается для нас пока

---

[1] I Новг. летоп. под 1209 г.
[2] Там же, под 1209 г.
[3] Там же, под 1209 г.

совершенно загадочным присутствие в склепе Дмитра симметрично выложенных в его изголовье костей еще двух человек. Эти кости нельзя признать принадлежащими каким-либо современникам Дмитра (его братьям, напр. как можно было бы предположить), ибо они выложены так, как можно было выложить только отдельные кости, а не тело. Остается только одно предположение, что при устройстве склепа для Дмитра напали на более старые погребения, кости которых и уложили в новый склеп.

Погребение VII по типу склепа совершенно аналогично только что описанным. Данные строительных материалов и техники также не позволяют датировать его позже XIII в. Сходство типа склепа позволяет предположить принадлежность этого последнего склепа тому третьему боярину XIII в. — Семену Борисовичу, о погребении которого в Юрьеве сообщает летопись. Семен Борисович фигурирует в числе политических деятелей Новгорода уже в 1215 г. среди других крупнейших новгородских бояр.[1] В 1224 г.[2] Семен Борисович выступает как строитель каменной церкви Павла с приделом Симеона богоприимца, явно посвященным своему патрону. В 1230 г.[3] вновь встречаем Семена Борисовича в обстановке ожесточенной борьбы в городе, в которой он принимает активное участие. В том же 1230 г. Семена Борисовича постигает участь Дмитра Мирошкинича. 9 декабря 1230 г. разразилось восстание, по социальной природе напоминающее восстание 1209 г. «Дом и села» Семена Борисовича были разграблены, сам он убит, а жена его захвачена. Одновременно той же участи подверглись дворы и села Водовика, его брата Михаля, Даньслава тысяцкого, Бориса, Творимириць и «иных много». Летописный рассказ о «разграблении» домов и сел нужно понимать, учитывая классовую солидарность летописца с потерпевшими боярами. Несколько позже, из той же летописи мы узнаем, что «добыток Семенов и Водовиков по стом разделиша». Вопрос о «разграблении», следовательно, нужно понимать не слишком буквально. Семен Борисович был погребен «У святаго Гюргя в манастыри». В числе находок в VII погребении интересно отметить фрагменты металла, представляющие, повидимому, куски ножен меча, вполне аналогичные тем, которые мы встретили у Дмитра Мирошкинича. Совершенно загадочной является цепь, лежащая на ногах у погребенного. Для объяснения можем предложить лишь догадку — не был ли Семен Борисович «окован» перед тем, как был убит; в этих оковах он и был погребен.

Осталось невыясненным, кто был погребен в деревянных колодах, раскопанных в западной части центрального нефа. Как уже отмечалось выше, оба погребения резко отличаются по устройству погребального сооружения от всех остальных захоронений в Георгиевском соборе. Судя по находкам кожаных крестов на шнурах, являющихся признаком монашеского погребения, оба погребенные были монахи. До последнего времени в юго-западном углу собора находилась мраморная плита с надписью о погребении архимандрита Юрьева монастыря.

Раскопки выяснили, что в юго-западном компартименте никаких древних погребений не сохранилось, так как этот участок пола был полностью разрушен в XIX в. при устройстве склепа Орловых (рис. 1). Может быть надпись на мраморной доске является отголоском какого-то предания, еще не забытого в начале XIX в., о том, что в западной части собора был погребен его первый архимандрит.

Не может быть сомнений лишь в том, что оба погребения в деревянных колодах, судя по форме кожаных крестов, найденных в них, относятся к XII—XIII вв.

---

[1] I Новг. летоп. под 1215 г.
[2] Там же, под 1224 г.
[3] Там же, под 1230 г.

LES FOUILLES ET LES TRAVAUX DE RESTAURATION DE LA CATHÉDRALE ST. GEORGES AU MONASTÈRE JURIEV A NOVGOROD

(1933—1935)

Résumé

Le monastère Juriev est l'un des plus anciens monastères de Novgorod. Sa fondation et son développement sont liés à l'histoire politique du «Gorodistché» de Novgorod, qui au début du XII-e siècle devient la résidence permanente du prince, le symbole et le rempart de son autorité. Le monastère est dès lors l'un des principaux centres de la vie politique de Novgorod; c'est là que se rédigent les chroniques, et la cathédrale St. Georges du monastère remplace celle de Ste Sophie comme lieu de sépulture des princes.

La cathédrale St Georges, fondée en 1119 par le prince Vsevolod, est l'un des plus remarquables monuments de l'architecture novgorodienne. Les anciennes constructions du monastère (églises, murs de défense, dépendances) furent entièrement détruites dans la première moitié du XIXe siècle, sauf la cathédrale St Georges. Celle-ci fut l'objet d'une restauration barbare, qui altéra l'antique aspect du monument. Elle fut entourée de trois côtés d'appentis qui cachèrent la moitié inférieure des façades, tandis que leur partie supérieure fut dénaturée par le murage des anciennes niches et fenêtres. De grands changements furent opérés à l'intérieur de la cathédrale: modifications de la forme des piliers, destruction des vieilles fresques, surélévation du plancher.

En 1933—1935, l'Académie d'histoire de la culture matérielle et le Musée de Novgorod chargèrent l'auteur d'exécuter des fouilles à l'intérieur de la cathédrale et aux alentours, suivies de grands travaux de recherche et de restauration. Les côtés nord, sud et ouest furent débarrassés des constructions annexes. Plusieurs dizaines d'anciennes niches et fenêtres, murées lors des travaux de restauration du XIXe siècle, furent dégagées sur toutes les façades de la cathédrale, de même que des portails admirablement conservés. Un grand nombre d'anciennes niches et fenêtres fut également rétabli sur les façades de la tour qui flanque l'angle nord-ouest de la cathédrale.

Le système décoratif des façades de la cathédrale, reconstitué à la suite des travaux de recherche et de restauration, rapproche la cathédrale St Georges des monuments architecturaux de Kiev et de la tradition artistique byzantine. Ces travaux ond fourni beaucoup de nouvelles observations concernant l'histoire de la technique constructive dans l'ancienne Russie.

Les fouilles ont mis au jour, sous le nouveau plancher du XIXe siècle fait de dalles de fonte, l'ancien plancher composé de grandes dalles en pierre sur un lit de chaux. Dans la couche de décombres située entre les deux planchers sur tout le territoire de la cathédrale, on a trouvé plusieurs dizaines de milliers de fragments de fresques abattues des murs lors des travaux de restauration du XIXe siècle.

Au-dessous de l'ancien plancher furent découvertes neuf sépultures, dont quatre dans des sarcophages en pierre, trois dans des caveaux de briques et deux dans des troncs d'arbre.

L'examen du mobilier funéraire et de la topographie des sépultures, l'analyse aux rayons X du matériel osseux et l'étude des renseignements fournis par les chroniques sur les funérailles accomplies à la cathédrale ont permis à l'auteur non seulement de dater exactement presque toutes ces sépultures, mais aussi de les attribuer à des personnages historiques déterminés.

L'auteur établit que quatre des séplutures sont des sépultures princières; elles renfermaient les restes de la princesse Euphrosine, femme du prince Jaro-

slav Vsevolodovič et mère du prince Alexandre Nevskij, morte en 1241, de son fils Fedor, frère cadet d'Alexandre Nevskij, mort en 1233, et deux jeunes fils du prince Jaroslav Vladimirovič, Rostislav et Michel, morts simultanément en 1198 et placés ensemble dans un sarcophage double.

Les morts reposant dans les caveaux de briques sont trois grands boyards de Novgorod ayant vécu aux XII—XIIIe siècles, sur la vie et l'activité polireque desquels les chroniques novgorodiennes communiquent une série de faits. Deux d'entre eux, Miron Nezdinič, dit Miroška, et son fils Dmitr Miroškinič furent ensevelis dans un caveau double, le premier en 1203, le second en 1209. Le troisième, Semen Borisovič, est mort en 1230. La sépulture de Dmitr Miroškinič et de Semen Borisovič eut lieu dans une atmosphère politique extrêmement troublée.

L'attribution exacte des deux sépultures de moines dans des troncs d'arbre creusés (XII—XIII-^{e} siècles) n'est pas possible.

La composition du mobilier et certains traits du rituel funéraire des sépultures du monastère Juriev fournissent de nouvelles données précieuses relatives à l'histoire de la société de Novgorod aux XII—XIIIe siècles.

В. И. ЛЕСЮЧЕВСКИЙ

ВЫШГОРОДСКИЙ КУЛЬТ БОРИСА И ГЛЕБА В ПАМЯТНИКАХ ИСКУССТВА

I

В собрании Московского Государственного исторического музея хранится писаный на пергаменте сборник, содержащий сказание епископа Ипполита о Христе и об антихристе, а также другие две статьи. Оборотная сторона первого листа сборника занята миниатюрой с изображением юного святого, держащего в левой руке модель храма.

До поступления в Исторический музей сборник находился в библиотеке Чудова монастыря. Там около 1853 г. его изучал К. Невоструев. В 1868 г. он напечатал свое исследование вместе с текстом первой статьи сборника.[1] Правописание сборника он признал русским, однако без следов новгородского говора. На основании ряда признаков автор пришел к заключению, что перевод, которым пользовался русский переписчик, был сделан в Болгарии и сборник относится к XII или, самое позднее, к началу XIII в.

За два года до издания К. Невоструева, в 1866 г., описание миниатюры сборника дал И. И. Срезневский, считавший ее современной рукописи и датируя ее также XII в.[2]

Рассматривая иконографические особенности миниатюры, И. И. Срезневский полагал, что здесь изображен юный святой, русский князь, бывший строителем храма. Среди всех русских князей, живших до XIII в., только у новгородского князя Всеволода автор нашел совокупность всех необходимых признаков. Все другие князья не подходили потому, что канонизация их произошла после XII в., а Борис и Глеб потому, что не были строителями храмов. Всеволод-Гавриил Мстиславич, внук Владимира Мономаха, умер в 1138 г., когда ему было уже за 30 лет. Он известен как строитель нескольких новгородских храмов и основатель главного псковского храма — св. Троицы. 1192 год считается годом канонизации кн. Всеволода-Гавриила.

В 1875 г. Г. Филимонов, оспаривая мнение И. И. Срезневского и ссылаясь на заключение Невоструева о болгарском происхождении текста рукописи, считал, что здесь изображен какой-то «южно-славянский» князь, повидимому болгарский.[3]

В 1881 г. В. Прохоров издал литографированный рисунок изображения князя на миниатюре;[4] литография эта очень неточная по рисунку и совершенно примитивная по цвету; описание в тексте довольно подробное, но

[1] К. Невоструев. Слово Ипполита об антихристе. М., 1868.

[2] И. И. Срезневский. Древнее изображение князя Всеволода-Гавриила. Зап. Акад. Наук, прилож. 3 к тому IX, стр. 41, 1866.

[3] Г. Филимонов. Иконные портреты русских царей. Вестн. Общ. древнерусск. искусства при Моск. публ. музее, №№ 1—12, М., 1874—1876, стр. 53 и 54.

[4] Материалы по истории русских одежд и обстановки жизни народной, издаваемые по высочайшему соизволению В. Прохоровым (первый выпуск). СПб., 1881, стр. 70, табл. V.

также неточное. В третьем выпуске того же издания (1884) на табл. XXVI (верхний ряд, первый рисунок слева) воспроизведена голова святого. Здесь уже и рисунок головы, и рисунок шапки, и раскраска представляют собой совершенную фантазию. К вопросу об имени изображенного на миниатюре князя издатель подошел с большим вниманием. Однако, не принимая мнения И. И. Срезневского на том основании, что Всеволод-Гавриил был бы изображен с бородой и без креста в руке[1] (специфический атрибут мучеников), В. Прохоров оставил вопрос об имени князя открытым.

Отказался определить имя изображенного на миниатюре князя и Н. П. Кондаков в своем исследовании «Изображения русской княжеской семьи в миниатюрах XI века».[2] Здесь переиздана в уменьшенном виде и в одном цвете литография из книги В. Прохорова. Фотография с этой миниатюры до сих пор не издавалась. Миниатюра занимает всю обратную сторону первого листа рукописи (2-ю страницу) (рис. 1 и 2). Эта беленая сторона пергамента разграфлена так же, как и другие страницы рукописи (графья едва различима на миниатюре). Сохранность живописи очень плохая. Большая часть красок осыпалась совершенно. Краски наложены очень толстым слоем. Наиболее толстый слой был на фоне. Здесь краски осыпались почти без остатка.

В обрамлении пятилопастной арочки с килевидным верхом на синем (цвета кобальта) фоне изображена прямо стоящая фигура юноши с золотым нимбом, в богатых княжеских одеждах, держащего в левой руке модель храма. Краски на лице его сильно осыпались, однако по сохранившейся части подбородка видно, что он безбородый.

Плохая сохранность миниатюры, неточность существующих описаний ее и, как увидим в дальнейшем, большое значение некоторых иконографических деталей, делают необходимым внимательное рассмотрение миниатюры.

В изображении длинной мантии князя лучше всего сохранилась золотая кайма и внутренняя сторона. Последняя — красно-коричневого цвета с параллельными рядами вертикально расположенных черно-синих штрихов; похоже на то, что художник изображает здесь мех. Кафтан светлозеленого цвета разделен синими полосами на большие квадраты. Внутри каждого квадрата большие круги колесовидных розеток цвета светлой охры. Ткани, орнаментированные подобными большими кругами, часто изображаются в миниатюрах Менология Василия II.[3]

На голове князя шапка, закругленная вверху, но не облегающая плотно голову, а вытянутая слегка кверху. Сферический верх шапки красно-коричневого цвета. На нем орнамент, исполненный охрой, и две почти параллельные узкие черные полоски в центре тульи, как будто она имеет перекрестье из этих полос, с белыми крапинками на них, изображающими, надо полагать, жемчуг. Шапка имеет широкий, зеленого цвета околыш. По сторонам околыша видны как бы наушники из меха, исполненные черной краской. Фасон этот не представляет исключения среди памятников живописи XI и XII вв. В Изборнике Святослава 1073 г. на выходной миниатюре с изображением княжеской семьи у всех мужских фигур шапки

---

[1] И. И. Срезневский, ук. соч., стр. 71—72.

[2] СПб., 1906, стр. 44—45.

[3] Menologio di Basilio II. Милан, 1907. Рисунок кругов на нашей миниатюре почти в точности совпадает с рисунками их в композициях, относящихся к 7 XI, 13 XII, 25 XII и 22 I. Интересно отметить, что в этой миниатюре имеются и другие детали, имеющие близкие аналогии в миниатюрах Менология Василия II. Имею в виду кафтаны со шнуровкой на груди и с воротниками, концы которых как бы свободно висят, а не идут по вырезу ворота. Пояса также имеют парные свисающие концы, как и на некоторых изображениях в Менологии.

с меховыми наушниками (рис. 3). Такого же фасона шапка и на голове св. Бориса в Учительном евангелии Константина.[1]

Рис. 1. Рисунок-реконструкция с выходной миниатюры в рукописи сказания о Христе и антихристе в Собрании ГИМ (Чуд. 12).

В правой руке князя написан красной краской большой четырехконечный крест с расширяющимися концами.[2] Модель храма в левой руке князя написана золотом.

[1] В. В. Стасов. Миниатюры некоторых рукописей византийских, болгарских, русских, джагатайских и персидских. 1902, табл. IV.

[2] Высказывавшиеся предположения, что крест является позднейшим добавлением, — совершенно неосновательны.

Краски на миниатюре неяркие. Количество цветов ограничено. Здесь есть синяя, зеленая (грязного тона, как ультрамарин с охрой), красная (грязноватый сурик), красно-коричневая, черная (в контурах шапки, волос, ног, арки). Золото всюду положено на охре. Краски плотные, кроющие,

Рис. 2. Фотография с выходной миниатюры в рукописи (Чуд. 12).

типа гуаши, покрывают ровным тоном большие поверхности. Постепенные переходы из цвета в цвет, повидимому, только в исполненной под мрамор арочке (грязносиреневого тона), да в лице святого. Лицо написано охристым тоном зеленоватого оттенка (светлая охра на зеленой прокладке?).

Контуры и рисунок носа, глаз, рта выполнены красно-коричневым цветом. Ясно видно красное пятно румянца (без резких границ). Тем же зеленоватым тоном (немного светлее), что и лицо, написаны руки.

О художественных достоинствах миниатюры трудно получить исчерпывающее представление из-за плохой сохранности памятника. Композиционная схема в целом традиционна и не является изобретением автора. Однако применение этой схемы в миниатюре выходного листа рукописи показывает большую опытность и мастерство художника. Вся композиция очень хорошо увязана с форматом листа и отличается большой сдержанностью и элегантностью пропорций. Оперируя заученными традиционными схемами построения формы, автор обладает твердой рукой в рисунке и хорошим декоративным чутьем в отношении цвета. Плоскостной статичный рисунок предельно прост и ясен во всех деталях. Цветовая гамма сдержанная, довольно темная и не яркая, без резких контрастов по силе цвета, однако с ясным расчленением на отдельные цветовые площади.

Рис. 3. Фотография с выходной миниатюры Изборника Святослава.

Несомненно, что эта миниатюра должна была бы занимать почетное место среди сохранившихся памятников древнерусского искусства. По своим художественным достоинствам она стоит выше миниатюры с изображением княжеской семьи из Изборника Святослава.

Весь стиль миниатюры вполне соответствует стилю русской живописи XII в. и именно самого конца его. Некоторая иконописная сухость рисунка, миниатюрность рук и ног лишают это произведение той монументальности, которой полны еще произведения конца XI и начала XII в. Стоит сравнить в этом отношении нашу миниатюру с миниатюрами в Изборнике 1073 г. и с русско-византийскими миниатюрами кодекса Гертруды.[1] Фигурная арочка обрамления также лишена монументальной простоты арочных обрамлений более раннего периода.

Таким образом отдельные признаки стиля миниатюры, имея, с одной стороны, аналогии в XII и даже XI в., с другой стороны, примыкают к стилистическим особенностям XIII в. Датировку рукописи Слова Ипполита XII в. или самым началом XIII в. необходимо принять и в отношении миниатюры. Кстати, она выполнена на одном общем листе пергамента со страницей 7, так что миниатюра не могла быть присоединена к рукописи впоследствии. Она возникла с ней одновременно.[2]

[1] Воспроизведены в упоминавшемся исследовании Н. П. Кондакова.

[2] Надо отметить, что краски заставки на следующей за миниатюрой странице, в начале текста рукописи, совершенно другие, чем на миниатюре. Исполняли миниатюру и заставки, очевидно, разные художники, что вполне естественно и не может

На фоне миниатюры, у правого плеча святого, вопреки категорическим утверждениям всех авторов, касавшихся вопроса об этой миниатюре, сохранились остатки надписи с именем изображенного.

Сохранились здесь части трех букв, расположенных вертикально. Вверху, на сохранившемся кусочке краски синего фона, видна нижняя часть буквы **И**, написанной черной краской. На этом же куске остался след от отпавшей краски, которой была написана буква **С**. Ниже этого кусочка фона сохранился еще один его кусочек. Здесь, у верхней границы, имеется нижняя часть третьей буквы. Видна горизонтальная полоска и идущая от левого конца ее вверх вертикальная. Рассчитав расстояния между буквами, легко убедиться, что выше сохранившихся остатков вполне достаточно места еще для четырех букв. Сочетание **ис**, если его посчитать находящимся в конце имени, может быть только у одного русского святого — у Бориса. Реконструировать всю надпись можно так: **БОРИСЪ** (перед именем наверно было **а**, а не **сты**, как, напр., в изображении Бориса на миниатюре из Учительного евангелия Константина, так как иначе не хватит места для надписи — мешает левая часть арочки).

Правильность предлагаемой реконструкции имени подтверждается тем, что мы имеем целый ряд изображений св. Бориса, иконографически тождественных изображению его на миниатюре в Слове Ипполита. Я имею в виду многочисленные кресты-энколпионы из медного сплава, находящиеся в собраниях различных музеев и известные по многим археологическим находкам. На одной половине этих энколпионов имеется совершенно такое же, как на миниатюре, изображение святого, держащего в левой руке храм, на другой половине — симметричное первому изображение святого с храмом в правой руке. На ряде подобных крестов имеются надписи с именами святых: Борис и Глеб.

Все кресты-энколпионы с изображениями Бориса и Глеба, держащих храмы в руках, имеют одну и ту же форму. Это четырехугольные кресты с закругленными концами. У начала закруглений концов находятся маленькие выступы — «бусины». Три верхние конца перекрестий заняты круглыми медальонами с оплечными изображениями. Фигуры святых Бориса и Глеба, занимающие почти всю вертикальную перекладину креста, выполнены всегда барельефом. Медальоны с оплечными изображениями бывают либо также барельефными, либо резные вглубь с заполнением чернью (рис. 4 и 5).

Кресты, где изображены Борис и Глеб с храмами в руках, бывают только энколпионы-складни, т. е. состоящие из двух половинок, соединяющихся вверху и внизу при помощи особых петель-ушек. Другой тип изображения Бориса и Глеба на таких крестах никогда не встречается. Эти кресты — литые из медных сплавов различных оттенков. На одном экземпляре в собрании Черниговского музея сохранились следы позолоты.[1] Другой экземпляр, изданный у Леопардова, описывается издателем как литой из серебра со сплавом меди и олова.[2] Большинство крестов было найдено возле Киева и в самом Киеве.[3] Известна находка одного креста в б. Полтавской губ.[4]

указывать обязательно на различное время, так как специалист по орнаментированию рукописей мог быть неопытен в иконных изображениях, требующих особого умения.

[1] Издан в «Каталоге украинских древностей коллекции В. В. Тарновского» (стр. 9, табл. I, № 51).

[2] Леопардов. Сборник снимков с предметов древности, находящихся в частных собраниях города Киева, вып. III—IV, табл. I, рис. 9.

[3] Возле Десятинной церкви был найден крест, изданный у Леопардова на табл. I в вып. III—IV. На Княжей горе у Канева найдены 4 креста, находящиеся в Черниговском музее (Каталог укр. древн., собр. В. В. Тарновского, №№ 51, 52, 53 и 54). Изданный в вып. 1 «Древностей русских» Ханенко (табл. VII, рис. 88) найден в районе Чигирина, б. Киевской губ. В вып. IV—III Ханенко (табл. II, рис. 21), издан крест, найденный на Княжей горе. В Эрмитаже есть один крест, найденный также в Киевской губ. (упоминается в Отчете Археол. ком. за 1940 г., стр. 119).

[4] Каталог В. Тарновского, № 1713 на стр. 33, крест находится в Черниговском музее.

Такой же крест был найден на городище Саркел у станицы Цымлянской на Дону.[1] В местностях, далеких от Киева, было найдено только несколько крестов этого типа. Важно также отметить, что более древний по техническим признакам вариант — кресты с инкрустацией чернью — известны только в находках недалеко от Киева. Аналогичные по своим архитектурным формам кресты-энколпионы с другими сюжетами на основании иконографических и палеографических данных датируются, обычно, в пределах от XI до XIII в. Такая же датировка их вытекает и из анализа стиля изображений. Большая простота форм, статичность и монументальность композиций во всех встречающихся сюжетах на крестах этого типа не позволяет выносить дату их в XIII век.

Возвращаясь к вопросу о храме в руках Бориса на миниатюре, необходимо, прежде всего, отметить ошибку в описании его форм, встречающуюся у всех без исключения исследователей: все пишут об одноглавом храме, а на миниатюре изображен пятиглавый храм. Ошибка передавалась по наследству, главным образом, потому, что писавшие об этой миниатюре авторы не удосужились внимательно рассмотреть оригинал, а доверялись неточному воспроизведению его в рисунке, изданном В. Прохоровым. Верхняя часть изображения храма сильно повреждена, однако детали главок храма видны довольно ясно (рис. 1).

Над квадратом стены храма изображено разделенное столбиком-горбылем окно центрального барабана. На правой половине окна ясно сохранился рисунок рамы, повидимому такой же конструкции, какая уцелела в Нередице, иначе говоря, доска с прорезанными круглыми отверстиями.[2] Справа от этого окна сохранилось изображение еще одного такого же двойного окна, но гораздо меньших размеров. Очевидно, что это изображено окно другого, меньшего по размерам барабана. Налево от центрального барабана золото, которым написана модель храма, совершенно осыпалось, но слабые следы рисунка левого барабана можно еще увидеть. Таким образом на миниатюре изображены три главы храма. Учитывая существующую в искусстве древней Руси систему изображения многокупольных храмов, необходимо признать здесь изображение пятиглавого храма. Система изображения была такова, что в многокупольных храмах рисовались не все главы, а только передний ряд их (ортогональная проекция). Поэтому для пятиглавого храма рисовали всегда только три главы его: центральную и две передние боковые.

В целом изображение храма на миниатюре Слова Ипполита дает следующую схему: квадратная стена храма имеет посредине дверное отверстие с двумя половинками раскрытых дверей. У верхних углов стены видны два окна с полукруглым верхом. По верху стены идет зубчатый карниз, над которым возвышаются три описанные выше барабана. Слева ясно видна пристройка (апсида?), имеющая, как будто, полукупольное покрытие и такой же зубчатый карниз, как и вверху центральной стены храма. Справа от этой стены сохранились следы второй, повидимому, пристройки. Центральная стена храма с двух сторон ограничена пилястрами, база которых близка по своему рисунку к базе колонок арочки, обрамляющей миниатюру. Высокий цоколь идет по низу стены таким образом, что изображенная в стене дверь оказывается чересчур высоко от основания храма. Создается впечатление, что святой держит в руке не модель храма, а игрушечное и условное изображение его, подобное, напр., средневековым реликвариям, имеющим форму храма.[3] Такой же схематичностью, условностью

[1] М. И. Артамонов. Средневековые поселения на нижнем Дону. ИГАИМК, 1935, стр. 19 и рис. 8, 14-а и 14-б.

[2] «Фрески Спаса Нередицы». Изд. Гос. Русск. музея, 1925, табл. LXXX.

[3] См., напр.: O. Dalton. Byzantine art and archaeology, стр. 556, рис. 341; Ch. Diehl. Manuel d'art byzantin. 1910, стр. 640, рис. 325.

и игрушечным видом отличается изображение храма в руках Ярослава на близкой по времени с нашей миниатюрой фреске в Нередице.[1] Сопоставление с этим изображением должно предостеречь от стремления увидеть в модели храма на миниатюре более или менее точное изображение реально существовавшего здания. Условность изображения достаточно очевидна; реальность передачи форм какого-то храма можно усмотреть лишь в главнейших признаках его конструкции: количество глав, наличие пристройки, а возможно и расположение и количество окон на фасаде.[2]

Обращаясь теперь к крестам-энколпионам, мы находим в них подтверждение разобранной архитектурной схеме храма. Во всех без исключения случаях храм, который, как и на миниатюре, святой держит в левой руке, изображается с тремя главами.[3] Вместе с тем храм, который на крестах изображается в правой руке другого святого, — всегда одноглавый. Силуэт его не симметричный, как и должно быть у храма, изображаемого с южного или северного фасада, так как сбоку будет видна апсида.

Часто возле изображения Бориса и Глеба на крестах-энколпионах имеются надписи с обозначением имен. Как обычно для памятников древнерусского литья, надписи делались малограмотными людьми, а часто и совершенно неграмотными. Вследствие этого рисунок отдельных букв постоянно искажается, встречаются нелепые их комбинации и совершенно невразумительные сокращения. Кажется, на одном только эрмитажном экземпляре $\left(№ \frac{1904}{51}\right)$ надписи имен даны без ошибок. Здесь у святого с храмом в левой руке написано **ГЛѢБЪ**, а у святого с храмом в правой руке — **БОРNG** (для **Ъ** на конце нехватило места). На всех других крестах имеются различные комбинации букв, по которым можно только догадываться, какое имя имел в виду мастер, вырезавший эти буквы. Здесь элементы имени Борис (**БО**, **Б**, **БОРЯ**) и элементы имени Глеб (**ГЪ**, **ГЛѢ**, **БЪ**, **ГО**) встречаются одинаково часто у изображения и того и другого святого. Есть случаи, когда у одного изображения помещена надпись с элементами сразу двух имен. Например: «**ГЪБО**». Ясно, что доверять таким надписям при определении имени изображения более чем рискованно. Приходится поэтому довериться миниатюре и считать, что то изображение, где пятиглавый храм находится в левой руке святого, будет изображением Бориса. Следовательно, то изображение, где одноглавый храм находится в правой руке, — изображение Глеба.

Храм в руке святого на рассмотренной миниатюре служил у исследователей основанием для категорического отрицания возможности считать изображенного князя Борисом. Это изображение никто не сопоставлял с изображением Бориса и Глеба на крестах-энколпионах.

Так как у нас нет никаких сведений о том, что Борис и Глеб были строителями храмов, мы действительно не имеем основания объяснять композицию их изображений с храмами в руках так, как это объясняется в подавляющем большинстве случаев в христианской иконографии.

Н. Петров высказал мнение, что на энколпионах изображаются Борис и Глеб, держащие каждый в руке модель «вверенного ему отцом в управле-

---

[1] Указанное издание фресок Нередицы, табл. LVI.

[2] На нередицкой ктиторской фреске (если считать изображенный там храм Нередицей) расположение окон передано правильно, хотя количество их соответствует восточному фасаду, а судя по абсиде, храм нарисован с южного фасада, где другое количество окон и не так симметрично расположенных, как на фреске.

[3] В большинстве случаев в изображении этого храма на крестах-энколпионах ясно показано трехчленное деление по вертикали фасада храма — черта совершенно реальная в архитектуре XI и XII вв. Такое деление присуще и фасадам Нередицы, однако оно не передано в изображении храма на фреске.

ние города (Ростова или Мурома)».[1] Категорическая форма такого суждения, однако, не подкреплена у Н. Петрова никакими объяснениями и соображениями. Не имея аналогий для подобного толкования изображения, удовлетвориться его догадкой невозможно.

Если считать здания в руках святых изображениями не символическими, а воспроизводящими какие-то реальные храмы, возможно еще одно объяснение: святые держат в руках храмы, им посвященные.

Интересующие нас изображения Бориса и Глеба именно так и расшифровываются. Доказательства и объяснения можно найти в письменных источниках по истории древнейшего периода культа Бориса и Глеба. Параллельное изучение относящихся сюда литературных и вещественных памятников за время XI и XII вв. дает возможность полнее осветить вопрос о путях эволюции этого культа. Вещественные памятники — произведения искусства — являются материальным воплощением идей и в конкретных формах отражают их эволюцию. Они помогают правильному пониманию таких фактов, которые были неверно оценены или даже просто не замечены при изучении только письменных источников.

Основными документами по истории этого культа в древнейший период его являются два литературных памятника, известные нам в списках, начиная с XII в. Оба они вместе с летописными текстами и другими материалами, относящимися к культу Бориса и Глеба, изданы Д. И. Абрамовичем. Это «Чтение о Борисе и Глебе» и «Сказание о Борисе и Глебе».[2]

Время написания «Чтения» А. Шахматов определял 80-ми годами XI в., автором его считал Нестора. Время составления «Сказания» различные исследователи относили то ко второй половине XI в., то к XII в., даже к середине его.

Вопрос об отношении «Чтения» к «Сказанию» до сих пор не получил окончательного разрешения в науке. Существующие по этому поводу мнения приведены у Д. Абрамовича.

Изучение эволюции древнейшего периода культа Бориса и Глеба дает, однако, новые основания видеть в «Чтении» памятник более древний и считать, что «Чтение» явилось одним из источников для составления «Сказания», а не наоборот.

Эти основания будут указаны мною в дальнейшем.

II

Внезапная смерть киевского великого князя Владимира летом 1015 г. послужила сигналом для столкновений между его сыновьями. Бывший ранее в опале у своего отца Святополк к моменту смерти Владимира находился близ Киева в Вышгороде, «иже есть от Кыева, града столнаго 15 стадий». Узнав о смерти отца, Святополк, поддерживаемый вышгородцами, занял киевский стол и сразу же предпринял меры к устранению возможных конкурентов. В первый момент самым опасным соперником был его брат Борис, находившийся во главе киевского войска и дружины отца в походе против печенегов. Летописные сведения, явно пристрастные в пользу Бориса, не дают ясной картины борьбы между ним и Святополком. Как ни расценивать уход войска и дружины Бориса, когда он, возвращаясь из похода к Киеву, остановился на Альте, — считать ли, что войско потеряло надежду заставить нерешительного Бориса выступить

---

[1] Н. Петров. Альбом достопримечательностей церковно-археологического музея при Киевской духовной академии. Вып. IV—V, Киев, 1915, стр. 30.

[2] Д. И. Абрамович. Жития св. мучеников Бориса и Глеба и службы им. Пгр., 1916. Ссылки в дальнейшем на тексты «Чтения» и «Сказания» будут иметь в виду это издание.

против Святополка [1] или предполагать, что войско и не собиралось оказывать сопротивление князю, занявшему киевский стол,[2] так или иначе нет основания предполагать какую-либо особую симпатию к Борису со стороны киевлян. То обстоятельство, что труп убитого по приказу Святополка Бориса погребли не в Киеве, а в Вышгороде, лишний раз подтверждает факт поддержки Святополка вышгородцами и дает основание предполагать нежелание нового киевского князя оставлять постоянное напоминание киевлянам о совершившемся братоубийстве.

Похоронен был Борис возле вышгородской церкви св. Василия без всяких, надо полагать, почестей на площади, возле того места, где останавливались обычно приезжающие в Вышгород варяги. Могила эта находилась на открытом месте, как это ясно видно из описания чуда с опалением ноги варяга, случайно наступившего на могилу.

Через полтора месяца, 5 сентября 1015 г., был убит и второй брат — Глеб. Убит он был в устье Смядыни, близ Смоленска. Здесь не было нужды доставлять киевлянам неопровержимые доказательства об устранении и этого конкурента на киевский стол, что было необходимо, повидимому, в отношении Бориса, и потому труп Глеба был оставлен на месте, «межю дъвема колодами» на пустынном берегу Смядыни. После смерти Святослава, пытавшегося бежать от судьбы своих братьев, у Святополка остался один, но зато самый сильный конкурент — Ярослав. Между ними началась борьба с переменным успехом. Борьба завершилась окончательной победой Ярослава, и в 1019 г. он «прея всю волость русьскую».

Решительно борясь со всякими попытками других князей нарушить целостность Киевской державы, Ярослав Мудрый столь же энергично принялся укреплять международное положение государства, начав борьбу за независимость Руси от Византии и в делах церковных. Важнейшим моментом здесь было, конечно, укрепление церковной организации и расширение своего собственного культового хозяйства. Наличие своих, а не полученных из Византии или других христианских стран, святынь играло, безусловно, большую роль. Ярослав, учитывая это обстоятельство, стал инициатором создания культа своих убитых братьев Бориса и Глеба. Киевское духовенство сразу же стало оказывать в этом деле поддержку Ярославу. До Бориса и Глеба на Руси не было собственных святых. Укрепляя признанием святости князей Бориса и Глеба авторитет Киевской державы, Ярослав и самого себя окружал ореолом святости родных братьев, поднимая этим самым свой личный авторитет в глазах народа. Руководители же православной церкви на Руси получали не только лучшие перспективы независимости своей церкви от церкви византийской, но и существенные материальные выгоды, связанные с обладанием всеми почитаемой святыни.

Подготовка канонизации началась с распространения слухов о чудесных явлениях на том месте, где погребен Борис, и там, где на Смядыни находилось тело Глеба. В специальном каменном саркофаге «со свещами, с темьяном и съ великою чьстью» тело Глеба привезли в Вышгород и похоронили рядом с Борисом возле церкви св. Василия.

Необходимо заметить, что все исследователи, касавшиеся вопроса о месте первоначального захоронения Бориса, пишут о погребении его не возле церкви св. Василия, а в самой церкви. В «Чтении» же и в «Сказании» всюду говорится о погребении его возле церкви.[3] Что Бориса, а затем и

---

[1] В «Чтении» и в «Сказании» описывается, как войско уговаривает Бориса свергнуть Святополка.

[2] М. Д. Приселков. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв., стр. 57—59.

[3] В «Чтении»: стр. 11 — «у церкви святого Василия»; стр. 15 — «положиша тело святого Глеба окрест Бориса, у церкви святого Василия». В «Сказании»: стр. 37—

Глеба похоронили в Вышгороде не в храме, а возле храма, ясно из описания «чудесных» явлений, наблюдавшихся у их могил. Нигде при описании таких чудес не упоминается церковь св. Василия как место «чудесного» явления. «Не ведяху мънози Вышгороде лежащю святою мученику», говорит составитель «Сказания», а автор «Чтения» вздыхает, что лежат забытые под землею тела святых, которым «на явлене подобаше месте положенома быти».

Вскоре после погребения Глеба в Вышгороде от случайно оставленной горящей свечи загорелся и сгорел до тла деревянный храм св. Василия. Узнав о пожаре, Ярослав, по совету архиепископа Иоанна,[1] решил построить на месте сгоревшей церкви другую и перенести в нее тела Бориса и Глеба. Уже на следующее утро после получения сведений о пожаре архиепископ Иоанн вместе со всем клиром и поповством направился с крестами в Вышгород. С ними пошел и Ярослав. На месте сгоревшей церкви поставили «клетку малу», в которой архиепископ отслужил всенощную. Из земли вынули гробы Бориса и Глеба. Произошло торжественное вскрытие мощей и гробы были поставлены в «клетку» на южной стороне ее «над землей на деснеи стране».[2] Какой вид имела эта «клетка» — трудно решить. Одно несомненно: это была небольшая постройка временного характера, уничтоженная, конечно, тогда, когда был уже построен храм, предназначенный для помещения в нем мощей Бориса и Глеба.

После открытия мощей Ярослав «повеле древоделям приготовять древо на согражение церькви, бе бо уже время зимно. Они же повеленое имъ от христолюбца приготоваша древо. И наставшю лету възградиша церковь во имя святою блаженую страстотерпцю Бориса и Глеба о клетце, в неи же стояста раце святою. Христолюбивый же князь украси церковь 5 верх и всякыми красотами, иконами, и инымн письмены».[3] В приведенном месте имеется странное выражение: «о клетце». Думаю, что надо это понимать в смысле «возле клетки». Делавшиеся попытки понимать это выражение в том смысле, что «клетка» входила в конструкцию строящегося храма, нельзя признать удачными.[4] 24 июля, в годовщину смерти Бориса, первый Борисоглебский храм был освящен, в него были перенесены из «клетки» мощи Бориса и Глеба и поставлены также «на деснеи стране». Год построения этого храма не указан, однако можно приблизительно рассчитать его дату: Глеба погребли в Вышгороде около 1021 г.; епископ Иоанн умер в 1037 г. Значит в этот промежуток времени был сооружен храм. Исходя из предположения, что перенесение мощей в этот храм было 24 июля в воскресенье,[5] с большим вероятием устанавливается дата освящения нового храма: 1026 г.

С этого года начинается история культа официально провозглашенных святыми князей Бориса и Глеба. Возможно, что и вопрос о времени при-

---

«положиша тело его, принесше Вышегороду, у црькве святааго Василия, в земли погребоша».

[1] О нем см. у М. Д. Приселкова, ук. соч., стр. 40 сл.

[2] «Сказание», стр. 54. Здесь клетка названа храминой: «и внесше в ту храмину, яже бяше поставлена на месте погоревшия цьркве».

[3] «Чтение», стр. 18. В «Сказании» также сказано, что Ярослав «възгради церьковь велику, имеющю верхов 5, и исписа вьсю, и украси ю вьсею красотою» (стр. 55).

[4] Если бы «клетка» включена была в конструкцию строившегося храма, то только с единственной целью: больше никуда не переносить гробы святых. Однако в «Чтении» сказано: «постави» в церькви «на деснеи стране» (стр. 19). В «Сказании» же прямо говорится о том, что «пренесена быста святая» (стр. 55). Если бы выражение «о клетце» являлось техническим термином, определяющим род архитектурной конструкции деревянного сооружения, тогда этот термин встречался бы еще где-либо, но сколько я знаю, он нигде больше не встречается.

[5] А. Шахматов. Разыскания о древних русских летописных сводах, стр. 58, прим. 1.

знания святости их главою греческой церкви надо разрешить в связи со временем построения первого Борисоглебского храма — 1026 г.

В биографиях Бориса и Глеба и в обстоятельствах их смерти не было ничего такого, что давало бы основания для почитания их народными массами. В это время христианство на Руси не было еще религией, имевшей глубокие корни в народной толще. Новая официальная религия медленно и постепенно принималась народом и принималась в тех своих частях, где она не шла в разрез с древними традициями языческого культа славян.

Обычные для всех, пожалуй, религиозных культов легенды о таинственных явлениях на местах погребения людей, погибших насильственной смертью, очень удачно сочетались с христианского типа легендами о чудесах на могилах отмеченных богом людей. Чудеса исцеления являются обязательным признаком святости в христианской религии. Путем усиленной пропаганды со стороны духовенства и самого Ярослава начинает развиваться культ святых целителей Бориса и Глеба. Культ Бориса и Глеба принимается народом, конечно, не сразу. Это отмечает, даже автор «Чтения»; «и пришьльцы мнози прихожааху отъ инех земль, и ови вероваху, слышаще си, а друзии не вероваху, къ акы лъжю мняху». Однако удачно организованный культ, не противоречащий традиционным религиозным представлениям славян, и такое привлекательное для народа свойство святых, их целительная сила, должны были, конечно, способствовать признанию и распространению культа Бориса и Глеба.

Чудесные исцеления связываются всегда с каким-либо предметом и с местом, где этот предмет находится, если последний не отличается портативностью (как, напр., носимый на теле амулет). Легенды о чудесных исцелениях новыми святыми были сразу же связаны с тем местом, где стояли гробы с их мощами — с храмом, построенным Ярославом.[1]

Второй храм в Вышгороде, куда были перенесены гробы Бориса и Глеба из первого храма, был построен Изяславом Ярославичем в 1072 г. В «Сказании» (стр. 55) сказано, что Изяслав решил построить новую церковь для Бориса и Глеба, так как старая была уже очень ветха. Из текста «Чтения» мы узнаем, что новый храм, также деревянный, был «въ верхъ въ одинъ» и находился «близъ ветхыя церькви первого места». Здесь гробы стояли в том же месте, где они были в «клетке» и в первом храме, — «на десней стране».[2]

В 1073 г. Изяслав был изгнан и киевский стол занял Святослав Ярославич. Он «умысли съзьдати цьрковь камяну святыма и съзьдавъ ее до 80 локъть възвыше, преставися» (1076). Постройку этого храма докончил Всеволод Ярославич, когда, после смерти вернувшегося Изяслава, он стал великим князем киевским. Постройка оказалась неудачной «и яко бысть свершена, и абие на ту нощь врутися еи верхъ и скрушися вся».

---

[1] В тексте «Чтения» есть указание на постройку при Ярославе еще одного храма в честь Бориса и Глеба. Имею в виду рассказ о чуде с заключенными. Ярослав приказал построить храм на месте, где было узилище. Храм «и доныне есть», — говорит автор «Чтения» (стр. 20). В «Сказании» подобное же чудо изложено гораздо подробнее и отнесено ко времени Святополка Изяславича. Никаких упоминаний здесь о постройке храма в связи с этим чудом нет.

[2] Из описания чуда с сухорукой женой можно установить более точное местонахождение гробов Бориса и Глеба в этом храме. Когда произошло чудо с сухорукой, «бе до неделя в тъ день и успение святыя богородица». По вычислению А. А. Шахматова, день Успения божьей матери (15 авг.) приходился в воскресенье в 1081 г., и, следовательно, действие происходило в храме Изяслава, построенном в 1072 г. Вошедшая в храм сухорукая «стояще в притворе церковнемь молящися». Здесь у нее упали «златии колци, иже ношаше в ушию своею, и кочьшися легоста у ракы святою». Следовательно, раки помещались там же — в притворе. Это не противоречит существовавшему в те времена обыкновению помещать гробницы в притворе. Надо полагать, что так же помещались гробы и в первом храме Ярослава.

После смерти Всеволода в 1093 г. на киевский стол сел его племянник, сын Изяслава Ярославича, Святополк Изяславич. Он также имел намерение строить в Вышгороде храм «на месте ветъхое деревяное, окрьстъ гробу святою, глаголааше: не дрьзну преносити от места на место».[1]

В течение XI в. культ Бориса и Глеба вышел уже за пределы местного культа. На торжестве перенесения гробов из первого пятиглавого храма Ярослава во второй одноглавый храм Изяслава, по словам автора «Чтения», присутствовало большое количество народа, не только вышгородцев и киевлян: «Беша же вернии князи и инии мнози пришли из областей своихъ детескъ несуще». В описании событий, имевших место при перенесении мощей, можно подметить, что при построении второго Борисоглебского храма в 1072 г. уже отсутствовало то полное единодушие между князем киевским и митрополитом, которое существовало в вопросе о культе Бориса и Глеба при Ярославе. Замечается элемент отрицательного отношения к этому культу со стороны главы церкви. Он держался совершенно пассивно при построении храма Изяславом. Князь должен был специально обращаться с просьбой к митрополиту освятить молитвой место постройки, специально просит его потом совершить перенесение мощей. Митрополит согласился на эти просьбы, но без всякого воодушевления, потому что «митрополитъ же бе неверьствуя, яко свята блаженая».[2] Причина какого-то разногласия между князем и митрополитом довольно ясна и заключается она, конечно, не в неверии митрополита. Митрополит Георгий был грек и греческая ориентация его в церковных вопросах заставляла оказывать хотя бы пассивное противодействие стремлению укреплять независимость церкви в Киевской Руси от церкви византийской.[3]

Что же касается роли князей в истории развития культа Бориса и Глеба, то здесь уже в XI в., после смерти Ярослава, наблюдается очень интересное явление, сыгравшее решающую роль в истории эволюции культа святых князей.

Мы уже видели, что каждый новый киевский князь строил в Вышгороде новый храм Борису и Глебу. Это нельзя объяснять просто тем, что ветхость храма, выстроенного предшественником, требовала новой постройки.

Причину этого стремления мы можем разгадать, рассматривая историю сооружения борисоглебских храмов в Вышгороде после 1072 г. Усердную деятельность князей в этом направлении нельзя рассматривать исключительно как проявление искреннего почитания ими своих родичей. Деятельность князей несомненно определялась более практическими соображениями. Каждый новый киевский князь не только стремился построить новый храм Борису и Глебу, чтобы перенести туда мощи святых из храма, выстроенного его предшественником, но и ревниво следил, чтобы кто-либо другой не нарушил его право владения мощами. На этой почве происходили столкновения между князьями и с этим мы встретимся в дальнейшем, рассмотрев вкратце судьбу кочевания мощей из одного храма в другой.

Для киевских князей XI и первой четверти XII в. захват святыни имел особое значение, потому что все они были близкие родственники святых Бориса и Глеба. Оставить мощи святых лежать в храме, построенном предшественником, значило предоставить преимущество в покровительстве святых не себе и своему потомству, а другой семье.

В истории построения борисоглебских храмов можно увидеть и еще одну причину, которая могла вызвать усиленную строительную деятельность князей. Я решаюсь высказать предположение, что с первого же момента возникновения культа Бориса и Глеба, со времен Ярослава, на-

[1] Сказание, стр. 62.
[2] Сказание, стр. 55.
[3] М. Д. Приселков, ук. соч., стр. 123—126.

чала проявляться некоторая, если так можно выразиться, неравноценность святых братьев в сознании почитающих их князей. Неравноценность эта выражалась в том, что какой-либо князь, сооружавший борисоглебский храм, по каким-то соображениям отдавал предпочтение одному из святых братьев. Чередование в преимущественном почитании то Бориса, то Глеба, уже само по себе могло привести к частому сооружению посвящаемых им храмов. Вообще, нет ничего странного в том, что оба эти святые, воспринимаемые нами обычно как нечто единое, не всегда и не везде так воспринимались. Вполне, напр., естественно, что на Смядыне — месте гибели Глеба — предпочтение отдавалось этому святому, а не Борису. В Смоленске мы действительно встречаемся с необычным сочетанием: глебоборисовский (то же и в Чернигове).

В описании событий 1072 г. существует одно странное разногласие между «Чтением» и «Сказанием». При перенесении мощей раки святых были открыты митрополитом. В «Чтении» сказано, что это произошло в первом пятиглавом храме, до переноса мощей в новый храм. Здесь митрополит «изя руку блаженаго Бориса, бе бо мощими лежай» и стал благословлять ею Ярославичей, оставив ноготь св. Бориса на голове у Святослава. Это же событие в «Сказании» изложено по-другому: раки были открыты митрополитом не в первом, а во втором, одноглавом храме Изяслава после перенесения туда мощей. Здесь митрополит, поцеловав голову Бориса, взял руку Глеба и, при благословении ею Ярославичей, оставил ноготь Глеба на голове у Святослава. На это разногласие обращал внимание Д. В. Айналов.[1] «Мне кажется, — писал Д. В., — что Сказание, как памятник более поздний и пользующийся Несторовым чтением, не могло войти в такое резкое противоречие с одним из своих первоисточников, если бы на это не было основательной причины в указанных семейных преданиях». Описанный выше случай заставляет усматривать какую-то специфическую связь одноглавого храма Изяслава именно с Глебом. Вполне вероятно, что составитель Сказания знал эту связь и в описании случая с ногтем святого мог сознательно заменить имя Бориса (если оно стояло в первоисточнике) именем Глеба. Стóит теперь вспомнить рассматривавшиеся уже изображения Бориса и Глеба с храмами в руках, чтобы найти еще одно указание на связь специально Глеба с одноглавым храмом. Выше указано было, что то изображение на крестах-энколпионах, где святой держит в правой руке модель одноглавого храма, является изображением именно Глеба. Однако, для того чтобы с очевидностью установить отношение этого изображения к одноглавому храму Изяслава, а также определить значение таких изображений в истории культа Бориса и Глеба, необходимо проследить судьбу этого культа в XII в.

Намерение Святополка Изяславича построить новый храм Борису и Глебу не было осуществлено. Автор «Сказания» объясняет это трудными временами, тогда «бысть забъвение о цьрькви сеи святою мученику и не единъ же можаше что съдеяти и о зьдании, и о вьсемь». Действительно для киевского князя время было трудное. Он уже не был тем полновластным хозяином Киевской державы, как Ярослав. Усиление отдельных князей затрудняло борьбу за целостность Киевского государства. Вместе с усилением отдельных земель ослабевали Киев и киевский князь. Теперь последнему приходилось мириться даже с тем, что в его Вышгороде начали хозяйничать князья других областей.

В 1102 г. двоюродный брат Святополка Исяславича переяславский князь Владимир Мономах, пробравшись тихонько ночью в храм, где стояли гробы Бориса и Глеба, снял мерку с саркофагов и «расклепавъ же дъскы сребрьныя и позолотивъ» их, также ночью оковал ими саркофаги.

---

[1] Д. В. Айналов. Судьба киевского художественного наследия, стр. 38.

Святополк помирился с этим самоуправством: окованные чужим даром святые оставались все же в отцовском храме и, значит, принадлежали прежде всего ему, сыну построившего храм. Пришлось стерпеть Святополку и еще раз, когда другой его двоюродный брат, черниговский князь Олег Святославович, в 1111 г. «умысли въздвигнути цьрьковь, съкрушивъшоюся Вышгороде, камяную. И приведъ зьдателя, повелѣ зьдати, въдавь имъ вьсе по обилу, яже на потребу». Храм был выстроен и украшен росписью. Но переноса мощей в этот новый храм Святополк не допустил, «акы зазьря труду» Олега, — говорит автор «Сказания», — «и не хотяше ею пренести, зане не самъ бяшее съзьдалъ, церькве тоя».

Только в 1115 г., когда киевским князем был уже Владимир Мономах, в столетнюю годовщину смерти Бориса и Глеба состоялось торжественное перенесение их мощей в храм Олега Святославича. Инициатором этого перенесения был, повидимому, не Владимир Мономах, а строитель нового храма Олег Святославич, более других заинтересованный в том, чтобы мощи святых находились в его храме. Между ними и Владимиром Мономахом разгорелся спор о месте, где должны быть поставлены раки святых. Олег настаивал, чтобы раки были поставлены в притворе у южной стены «идеже бяста оустроене коморе има».[1] Ссылаясь на существующую традицию, он ни за что не хотел позволить Владимиру Мономаху поставить гробницы среди церкви. Мономах же настаивал на этом, потому что им было устроено драгоценное украшение для гробниц и он хотел поставить их в наиболее выгодное место. Он выковал для рак «сребрьныя дъскы и святыя по нимь издражавъ и позолотивъ, покова воръ же серебрьмь и золотем, съ хрустальными великыими разнизании устрои, имущь врьху по обилу злато, светильна позолочена, и на нихъ свеще горяще устрои».[2]

Проявляя постоянное стремление к заботам о процветании культа Бориса и Глеба, князья не только способствовали распространению почитания этих святых среди широких масс, но и постепенно придали этому почитанию особый оттенок. Каждый князь стремился приобрести себе в лице святых специальных покровителей. Это заставляло князей стараться превзойти других в проявлении своего почитания святыни. Так как Борис и Глеб особо ценились в качестве источников чудесного врачевания, то строители храмов вначале очень заботились о том, чтобы не отделять святыню от ее первоначального местонахождения. «Не дрьзну преносити отъ места на место» — эта мысль была у каждого князя, строившего в XI в. борисоглебский храм в Вышгороде.

Такая точка зрения на местонахождение святыни объясняет одно странное обстоятельство в истории культа Бориса и Глеба. Почему в течение всего XI, а затем и XII в. центром этого культа продолжал оставаться Вышгород? Почему киевские великие князья, так ценившие обладание вышгородской святыней, ни разу не сделали попытки перенести мощи Бориса и Глеба в Киев? Специфичность культа Бориса и Глеба, как святых-целителей, являлась причиной того, что, несмотря на большое политическое значение установления культа первых собственных святых на Руси, центром этого культа оказался не Киев, а Вышгород. Погребая Глеба у вышгородского храма, Ярослав Мудрый не мог, конечно, предугадать такие последствия выбора места погребения. И только тогда, когда святые князья приобрели значение главным образом патронов, пособников в их военных предприятиях, — тогда нарушается и старая традиция в вопросе о месте нахождения рак с мощами. В 1115 г. Владимир Мономах, вопреки древней традиции, ни разу до него не нарушенной, собирался ставить раки святых не в притворах, а в центре храма. Споривший с ним Олег ссы-

[1] Ипатьевская летопись под 6623 г.
[2] Сказание, стр. 63.

лался на существующую традицию не потому, надо полагать, что этот довод для него был совершенно убедителен, а потому, что не он сделал чудесное украшение над раками и не хотел дать возможность Мономаху в наивыгоднейших условиях демонстрировать свое старание почтить святых. Почитая князей Бориса и Глеба как своих личных покровителей, князья почитали их как святых представителей своего класса, как защитников и покровителей в княжеских усобицах, предоставляя остальному народу почитать их исключительно как целителей.

По существу культ Бориса и Глеба уже с момента своего возникновения имел тенденцию развиваться сразу в двух направлениях в зависимости от тех потребностей, какие имели почитатели святыни. Борис и Глеб были необходимы князьям прежде всего как личные покровители, основная же масса населения почитала их исключительно как фетишей, могущих приносить реальную пользу в качестве универсального лекарства от всех болезней. Первое время все почитатели Бориса и Глеба, обращались ли они к ним, как к личным покровителям или просто как к универсальному лекарству, одинаково считали чудесное врачевание основным признаком святыни. Ясно, что и церковь признавала тогда врачевание единственной специальностью этих святых. И «Чтению» известно только это качество святых. Борис и Глеб — это источники, изливающие «целбам благодать неискудную», им дана «отъ бога благодать целебная в стране сеи».

По мере того, как в сознании князей все прочнее и прочнее укрепляется идея о том, что святые являются их личными покровителями, — княжеский сан святых выдвигается на первый план. Вместе с тем, обращаясь с молитвами к своим покровителям, князья, понятно, постоянно ожидают от них помощи в своих военных предприятиях. Так, естественным путем, святые приобретают новую специальность — воителей. Развившиеся в княжеской среде новые идеи проникают, наконец, и в церковь. Для представителей церковной мысли XII в. Борис и Глеб перестают уже быть исключительно целителями. Так, уже для составителя «Сказания» Борис и Глеб не только целители: «По истине вы цесаря цесарем и князя княземъ, ибо ваю пособнемь и защищениемь князи наши противу въстающая дьржавьно побеждают и ваю помощию хваляться. Вы бо темъ и намъ оружие земля руськыя забрала и утвержение и меча обоюду остра». Эти более поздние мотивы, звучащие в «Сказании», и являются одним из доводов в пользу старшинства «Чтения». Начинают ясно звучать эти мотивы не раньше самого конца XI в. или даже скорее начала XII, так как «Чтение», не знающее еще Олегова храма 1111 г., не знает и этих мотивов. Торжественное перенесение мощей 1115 г. является кульминационным пунктом в развитии популярности святых целителей и, вместе с тем, моментом, когда князья начинают почитаться как собственные святые, помощники князей во всяких их начинаниях, и специально помощники в военных делах.

Широко распространенный культ Бориса и Глеба стараниями князей, пропагандировавших этот культ, начал превращаться в свою противоположность — в замкнутый специфически княжеский культ. В нашем распоряжении имеются и материальные памятники — произведения искусства, явившиеся вещественным воплощением этого процесса, подкрепляющие высказанные соображения об эволюции культа Бориса и Глеба.

III

Все древнейшие изображения Бориса и Глеба по основным иконографическим признакам могут быть разбиты на три группы.

1. Изображения без всяких специальных атрибутов, кроме мученических крестов в руках. Княжеские одеяния являются естественной данью

реализму в изображениях святых, бывших князьями, и не имеют, конечно, ничего специфического в отношении каких-либо качеств изображенных святых. Оба изображаются безбородыми.

2. Изображения Бориса и Глеба с мученическими крестами и с моделями храмов в руках. Оба безбородые.

3. Борис и Глеб, изображенные в виде воинов. Наиболее древним типом этой группы являются такие изображения, где святые с крестами в руках имеют свои мечи на поясе. Имеются изображения князей, держащих мечи в руках. Иногда, на более поздних памятниках, они вооружены копьями. Борис, как правило, изображается с бородой.

К первой группе относятся изображения на ряде памятников ювелирного искусства (оклад Мстиславова евангелия, Рязанские бармы), на миниатюре из Учительного евангелия Константина и в росписи алтаря Нередицы. По признакам стиля памятники этой группы относятся в большинстве к XI и к первой половине XII вв. Роспись Нередицы стоит на грани XII и XIII вв. Необходимо иметь ввиду, что последний памятник отличается большим архаизмом стиля.

К этой же группе, надо полагать, относилось и древнейшее (первое?) изображение Бориса и Глеба, о котором упоминается в «Чтении». Там рассказано, что, построив храм Борису и Глебу в Вышгороде, Ярослав приказал изобразить святых на иконе «да входяще вернии людии въ церковь ти видяще ею образъ написанъ». Мы не имеем никаких данных, позволяющих восстановить с уверенностью композицию этой иконы. Однако можно утверждать, что изображение святых здесь было иконографически нейтральное, без указаний на какие-либо специфические качества, так сказать «специальность», святых.

В «Чтении» имеется фраза, иллюстрацией которой может служить миниатюра в Сильвестровском сборнике, изображающая Христа, венчающего Бориса и Глеба: «Сам же владыка, господь Иисус Христосъ, стрете я съ вои ангельскыми, венца я победьными венци». Очень возможно, что приведенный текст «Чтения» и указанная миниатюра по своему содержанию имеют общий источник — икону времен Ярослава.

Ко второй группе относятся рассмотренные в настоящей статье кресты-энколпионы, а также миниатюра в рукописи «Слово Ипполита». Эти изображения имеют специфический характер благодаря специальным атрибутам — храмам в руках. Все памятники этой группы иконографически тождественны и не имеют никаких вариантов. Это обстоятельство определенно указывает на то, что рассматриваемые изображения Бориса и Глеба с храмами в руках ни в какой мере не являются результатом свободного художественного творчества в данных памятниках, а представляют собою повторение какого-то конкретного произведения искусства. Не может быть никаких сомнений в том, что Борис и Глеб с храмами в руках, изображаемые отдельно на каждой половинке креста-энколпиона, представляют собой только части общей композиции копируемого оригинала (рис. 4, *1—2*; рис. 5, *1—3*). Гораздо органичнее композиция миниатюры в «Слове Ипполита», но и она требует дополнения, может быть, в фигуре Христа, которому предстоит Борис.

Среди находок, сделанных в различное время у Десятинной церкви в Киеве, имеется маленькая створка иконки-складня, литая из медного сплава. На ней находится такое же, как на крестах-энколпионах, изображение Бориса с храмом в руке. На другой створке несомненно должно было находиться изображение Глеба. Если представить себе на центральной части фигуру Христа, то мы получим обычную для византийского искусства композицию Христа с предстоящими. Этот складень в указанной реконструкции дает уже цельную, органически связанную с формой самого предмета композицию. Но и в отношении его можно быть уверенным, что

он не является первоисточником этой специфически иконной композиции. Как правило, в искусстве киевского периода памятники литья всегда повторяют композиции росписей, икон или миниатюр.

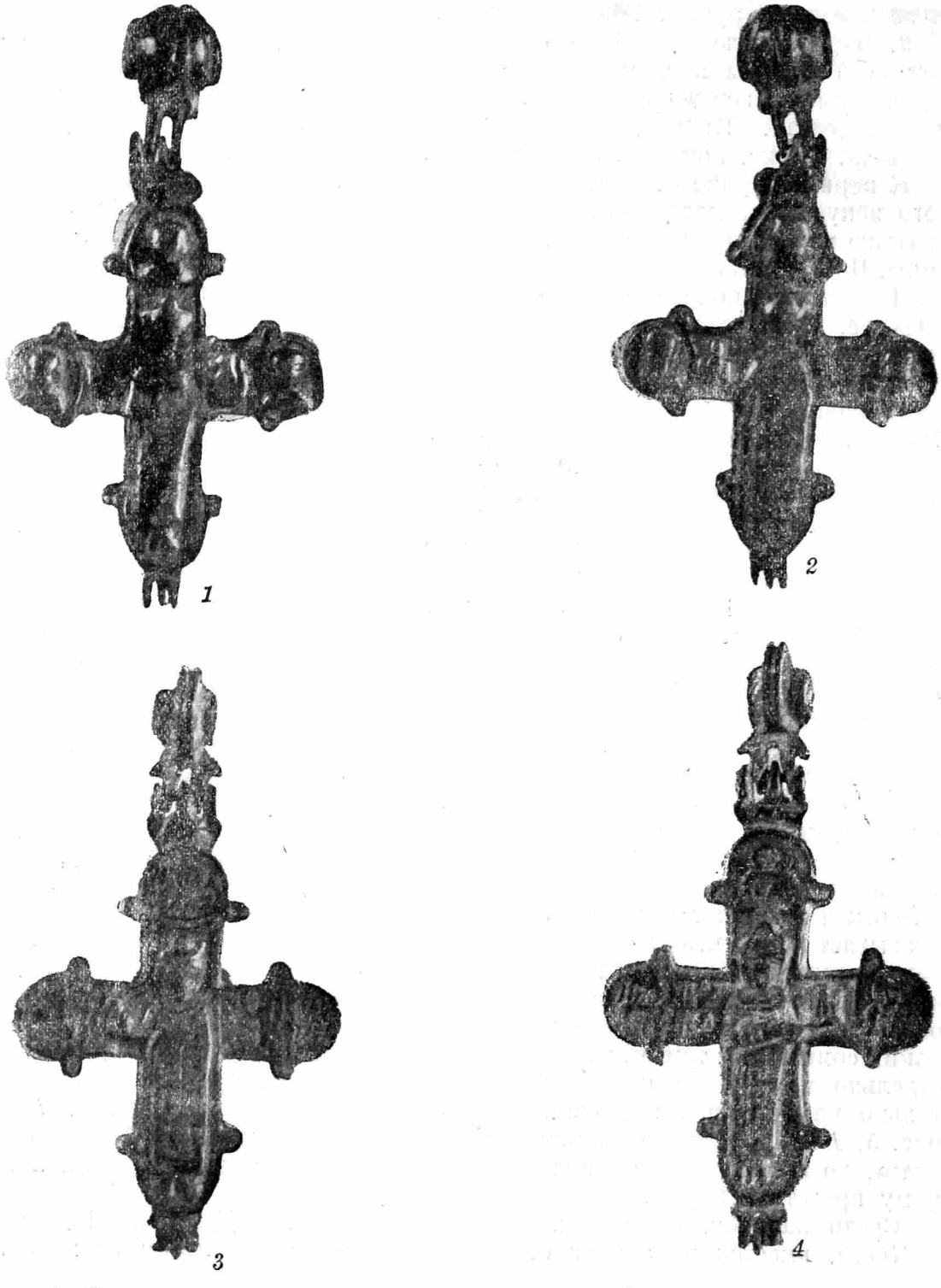

Рис. 4. Нательные кресты литые из медных сплавов (из Собрания Гос. Русского музея).

1 и *2* — № 4158; *3* и *4* — № 11783.

По признакам стиля кресты-энколпионы с изображениями Бориса и Глеба относятся к XI или самое позднее к XII в. По своему сюжету они связаны с вышгородским культом Бориса и Глеба.

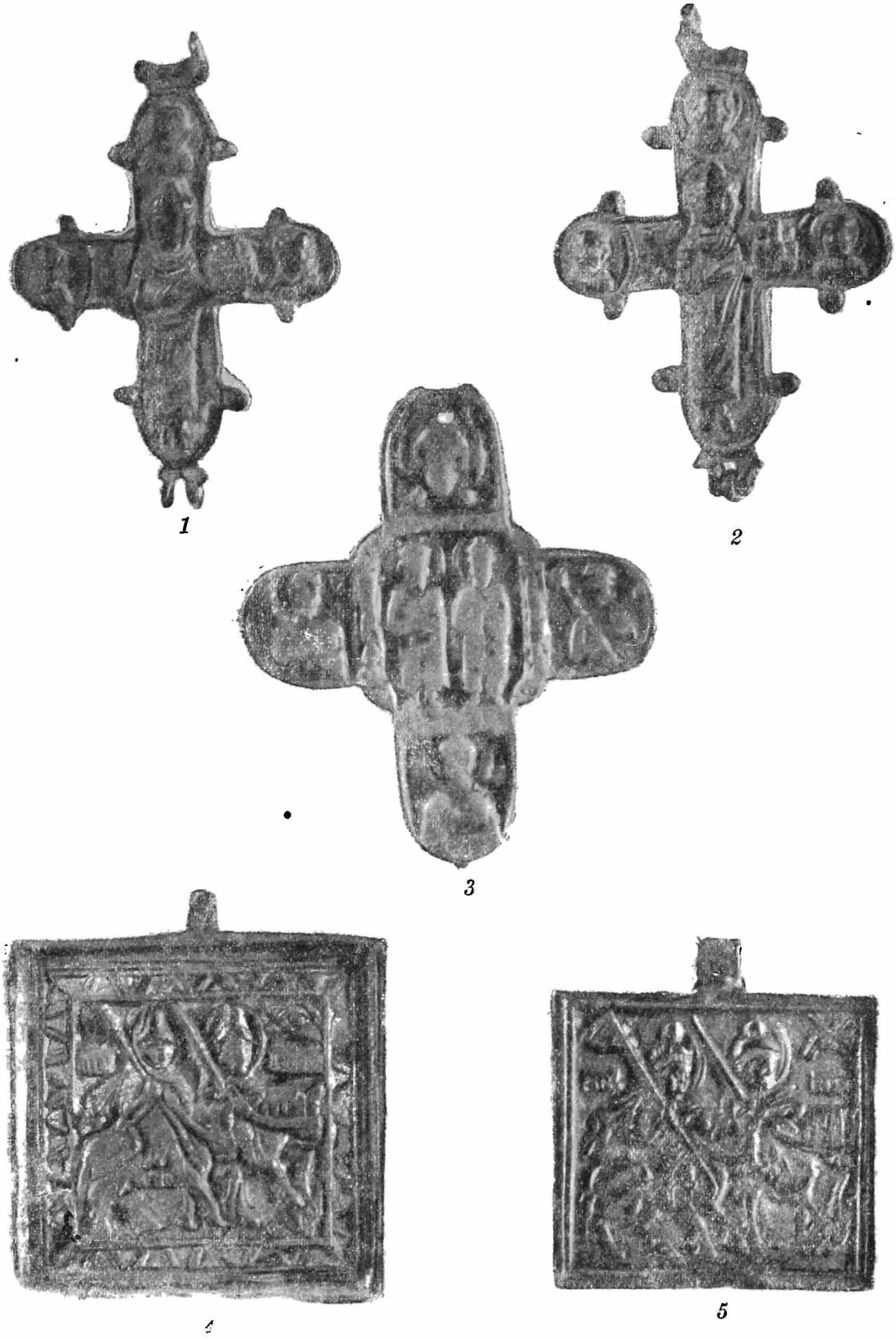

Рис. 5. Нательные кресты и образки из медных сплавов (из Собрания Гос. Русского музея).

1 — № 7742; *2* — № 11780; *3* — № 10354; *4* — № 10354; *5* — № 7993.

Отмеченная мною какая-то особая связь Глеба с одноглавым храмом 1072 г. и одноглавый же храм в руке Глеба на энколпионах нельзя считать случайным совпадением. Не случайно также и то, что первый борисоглебский храм (1026) был пятиглавый, и изображение пятиглавого же храма мы видим в руке старшего брата — Бориса. Все легенды о чудесных исцелениях, известные нам по «Чтению» и «Сказанию», связываются либо с первым, либо со вторым борисоглебским храмом в Вышгороде. Подобно тому, как целители Косма и Дамиан изображаются с лекарственными ларцами в руках, целители Борис и Глеб имеют в руках храмы, о которых в «Чтении» сказано, что они «яко же бо солнецьныя луча сияюща, тако испущаста целебные дары всем верным».

Можно с большей долей вероятности уточнить дату появления композиции, где Борис и Глеб изображаются с храмами в руках. Ясно, что это не могло быть ранее 1072 г. — времени постройки второго (одноглавого) борисоглебского храма в Вышгороде. Композиция должна была возникнуть до начала XII в., когда уже Борис и Глеб определенно имели вторую специальность — воителей — и эта специальность стала их основным качеством.

Наверное к моменту постройки храма 1072 г. была написана и новая икона (или сделаны росписи в храме) с изображением Бориса и Глеба. Нам известно и понятно, что в феодальном искусстве религиозные изображения очень неохотно допускают композиционные новшества. Композиция эволюционирует обычно за счет привнесения новых деталей в старую схему до тех пор, пока эта схема не изживает себя в идеологическом отношении. Возможно, что храмы в руках Бориса и Глеба были только новыми деталями в старой, времени Ярослава, композиционной схеме изображений Бориса и Глеба. Совершенно в духе времени и традиций русско-византийского искусства было изображение поднесения Христу храма, исполненное к моменту освящения нового храма. Естественно иметь здесь и изображение предыдущего храма, уже так прославленного совершавшимися в нем чудесами исцеления.

Может быть, к моменту торжества переноса мощей Бориса и Глеба из старого пятиглавого храма Ярослава в новый одноглавый храм Изяслава в 1072 г. и были изготовлены первые кресты-энколпионы, где воспроизводились новые изображения целителей Бориса и Глеба. В это время, когда в Вышгороде собралось большое количество народа, был, очевидно, большой спрос на целебные амулеты с изображением чествуемых святых.

Непосредственно с Вышгородом надо связывать и миниатюру в рукописи «Слова Ипполита». Это тем более необходимо делать, что ко времени ее написания уже должны были появиться изображения Бориса и Глеба с новыми иконографическими признаками, одинаково понятными и вышгородцам и почитателям святых в далеких от Вышгорода местах, более понятными, чем специально вышгородская композиция. С Вышгородом же и, во всяком случае, с Киевом можно связывать и само написание рукописи, перевод которой был сделан в Болгарии, а в русском правописании которой нет и следов северного (новгородского) говора.

Так как к концу XII в. вряд ли существовал еще пятиглавый храм Ярослава в Вышгороде, надо полагать, что лицо, для которого была изготовлена рукопись с миниатюрой, либо носило имя Бориса (Романа), либо считало Бориса своим специальным покровителем и было тесно связано с Вышгородом или с Киевом.

Третья иконографическая группа изображений Бориса и Глеба указывает на новый этап в развитии их культа. Конкуренция князей в вопросе владения мощами Бориса и Глеба, а также их стремление иметь этих святых (или одного из них) своими личными патронами должны были привести к изменению или, точнее, замене наиболее популярной системы их изображения. Если Святополк Изяславич мог вполне удовлетвориться изо-

бражением святых с храмами его отца и деда в руках, как доказательством его прямого наследования патроната святых князей, то по этим же причинам ни строителя Борисоглебского храма Олега Святославича, ни Владимира Всеволодовича Мономаха такие изображения удовлетворить полностью не могли. В XII в. возникает поэтому новая иконография Бориса и Глеба. В их изображениях появился признак, позволяющий сразу отличить Бориса от Глеба: старшего из братьев стали изображать с бородой (что соответствует описанию его наружности в статье «О Борисе, какъ бе възъръмь», приложенной к «Сказанию»). В качестве обязательного атрибута, указывающего на воинские качества, изображается всегда их оружие — мечи на поясе (рис. 5, *3*) (а в новое время иногда и копья) [1] (рис. 5, *4*—*5*; рис. 6). Сейчас нет данных, позволяющих точно установить первоначальную дату появления подобных изображений. Во всяком случае появились они вряд ли раньше 1111 г., когда в Вышгороде строился храм Олегом Святославичем, князем Черниговским. Возможно, что некоторые из указанных выше новых иконографических признаков впервые появились именно в росписях этого храма. Вероятно были они и в храме, построенном Владимиром Мономахом на Альте в 1117 г.[2] и в одновременно с ним сооруженном храме в Испичасе (в Константинополе), и в Черниговском Борисоглебском храме, построенном Давидом Святославичем около 1121 г.

Рис. 6. Образок литой из медного сплава с изображением Бориса и Глеба (из Собрания Гос. Русского музея № 8053).

Изображения Бориса и Глеба-воинов иллюстрируют собой последний этап в развитии вышгородского культа святых князей.

Наряду с этими изображениями в течение еще всего XII в. продолжали жить в быту изображения святых-целителей на энколпионах-амулетах.

V. LESIUČEVSKIJ

LE CULTE DE BORIS ET DE GLÈBE À VYŠGOROD DANS LES MONUMENTS D'ART

Résumé

Parmi les représentations des princes Boris et Glèbe dans les monuments de l'art vieux-russe le groupe où les saints sont figurés tenant en mains des

[1] Интересно отметить, что в изображениях конных Бориса и Глеба копье имеется только у Глеба. Борис же всегда изображается вооруженным мечом. Здесь, несомненно, играет роль древняя традиция, связанная с мечом Бориса, который был, как известно, у Андрея Боголюбского.

[2] Лаврентьевская летопись под 6623 г.

modèles d'églises restait énigmatique jusqu'à ce jour. Pareilles représentations se rencontrent sur plusieurs croix corporelles pliantes (encolpion) tout à fait pareilles par leurs formes architecturales et coulées en alliages de cuivre, ainsi que, dans un cas, sur une icone-triptyque également en alliage de cuivre et sur une miniature de la fin du XII-e siècle dans un manuscrit conservé au Musée Historique à Moscou. Cette miniature est connue dans la littérature scientifique depuis 1866, mais non encore déchiffrée. Une partie des auteurs y voyaient le prince Vsevolod-Gabriel de Pskov, d'autres renonçaient à identifier le personnage figuré. Contrairement à l'affirmation existante, il subsiste sur la miniature des vestiges d'une inscription avec le nom du saint représen'é (Boris).

La première partie du mémoire est consacrée à la description du groupe de monuments sus-indiqué.

La seconde partie donne l'historique du culte des saints Boris et Glèbe aux XI-e et XII-e siècles.

Les princes tués furent ensevelis à Vyšgorod, petite ville située près de Kiev.

Le créateur du culte des princes Boris et Glèbe fut leur frère, le grand duc de Kiev Jaroslav le Sage. En vue d'affermir sa propre autorité et l'indépendance de l'église russe vis-à-vis de Byzance, il s'efforça de populariser largement ce culte des premiers saints russes.

Simultanément avec la fondation officielle du culte de Boris et de Glèbe apparaissent leurs premières effigies. Elles répondent au schéma byzantin général des représentations de martyrs, mais les saints s'y distinguent par les caractères manifestes des princes russes dans le vêtement.

Dans les premiers temps, l'unique qualité bien établie des nouveaux saints est leur force de guérison miraculeuse. Cette vertu est d'une importance particulière pour leur large popularisation.

La première église de Boris et Glèbe à Vyšgorod fut construite aux environs de 1026 par Jaroslav le Sage. On plaça dans cette église en bois à cinq coupoles les cercueils de Boris et de Glèbe.

En 1072 environ, le successeur de Jaroslav, le grand duc de Kiev Isjaslav, éleva un second temple à Boris et Glèbe, également en bois, mais à une seule coupole, et y transféra les sarcophages des saints. A cette époque, le culte des saints guérisseurs et du lieu de leur sépulture avait déjà pris un grand développement. Naturellement, une nouvelle icone fut peinte pour la nouvelle église. Il est tout à fait probable que ce sont les représentations de Boris et de Glèbe de cette icone qui sont reproduites sur les croix corporelles avec figures des saints guérisseurs, où l'aîné (Boris) tient à la main un modèle de la première église (à cinq coupoles) et le cadet (Glèbe) — un modèle de la seconde (à une coupole). Les premières croix de ce type datent peut-être du temps de la construction de la nouvelle église et du transfert des reliques des saints. Dans la suite, ces croix, qui jouaient le rôle d'amulettes curatives, furent souvent copiées, avec maintien strict de leur forme et de la composition du dessin.

Chaque nouveau prince de Kiev aspirait à bâtir à Vyšgorod sa propre église dédiée à Boris et Glèbe et à y transférer les sarcophages des saints. Cette tendance s'expliquait par le désir d'acquérir un droit prééminent à la possession des reliques sacrées et d'avoir ces saints pour patrons.

Dans les milieux populaires de la Russie, Boris et Glèbe sont révérés comme des saints guérisseurs accessibles à tout le monde, tandis que dans les milieux princiers, on les vénère avant tout comme patrons des princes. Cette nouvelle tendance, qui existait déjà en germe, il est vrai, dans l'idée même de l'instauration du culte de Boris et Glèbe par Jaroslav le Sage, est assimilée aussi par les chefs de l'église. Une nouvelle iconographie des saints se crée. Il est fort probable que le nouveau schéma iconographique qui interprétait Boris et

Glèbe comme des princes-guerriers armés d'épées apparut pour la première fois en peinture ou sur une icone en relation avec la construction de l'église édifiée à Vyšgorod en 1111 par Oleg Sviatoslavovič, prince de Černigov. La miniature mentionnée plus haut se rapporte par sa date (fin du XIIe siècle) à l'époque où Boris et Glèbe sont communément figurés comme des princes-guerriers. Elle fut peinte soit pour quelque église de Vyšgorod, soit pour une personne liée à cette ville et portant peut-être le nom de Boris (Roman). Au XIIIe siècle, quand prend fin la période vyšgorodienne du culte et quand les reliques s'y rattachant périssent dans la dévastation de Kiev et de Vyšgorod, les représentations de Boris et de Glèbe guérisseurs tenant les églises-hôpitaux sacrées (liées spécialement à Vyšgorod) disparaissent graduellement de l'usage courant et il ne reste plus que les représentations des princes-guerriers.

В. П. ТАРАНОВИЧ

К ВОПРОСУ О ДРЕВНИХ ЛАПИДАРНЫХ ПАМЯТНИКАХ С ИСТОРИЧЕСКИМИ НАДПИСЯМИ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛОРУССКОЙ ССР

На территории Белоруссии, в пределах древнего Полоцкого княжества, издавна существует несколько огромных камней-валунов с высеченными на них изображениями креста и надписями, содержащими упоминание о Борисе. Эти камни в литературе известны под названием «Борисовых». Местное население называет их иногда «Борисоглебскими» или «писаниками». Таких камней в настоящее время известно шесть, из них три находятся в русле реки Западной Двины, а три на суше (рис. 1).

Первый (I) Борисов камень находится в русле р. Двины, в 5 верстах от г. Полоцка, в местности, называемой Прорыток-Герахты.

Второй (II) — в русле р. Двины, в 5 км ниже г. Дисны, у д. Наковники (рис. 2).[1]

Третий (III) — в русле р. Двины, в 7 км ниже г. Дисны, у д. Болотки (рис. 3 и 4).

Четвертый (IV) — в с. Высоком Городце б. Сеннекского у. Могилевской губ.

Пятый (V) — в Друе, заштатном городе б. Виленской губ., на берегу р. Двины.

Шестой (VI) — в д. Каменка б. Вилейского у. Виленской губ. на берегу р. Вилии.[2]

Кроме камней с именем Бориса на территории того же Полоцкого княжества сохранились еще два исторических камня, а именно:

Седьмой (VII) — с именем Рогволода, сына Борисова, по дороге между г. Оршей и мест. Кохановo (рис. 5).

Восьмой (VIII) — камень с надписью «Сулиборь хрьст», находившийся в русле р. Двины у д. Болотки, почти рядом с III Борисовым камнем[3] (рис. 1).

---

[1] *От Редакции.* Фотографические воспроизведения камней с надписями издаются здесь впервые; фотографии взяты из неопубликованной работы И. А. Шляпкина.

[2] На V и VI камнях изображения крестов сохранились хорошо, надписи же сильно пострадали. Так, на Друйском камне совершенно исчезло слово «Борису», а на Вилейском от фразы «Господи помози рабу своему Борису» остались отдельные буквы. Однако форма сохранившихся крестов, содержание надписей и характер букв дают, по мнению Сапунова и Е. Р. Романова, основание отнести V и VI камни также к числу Борисовых и утверждать, что надписи на них были иссечены в одно время с другими Борисовыми камнями (Материалы по истории и географии Дисненского и Вилейского уездов Виленской губернии. Витебск, 1896, стр. 122—123, 196—197).

[3] В 1879 г. камень «Сулиборь хрьст» в целях сохранения его от порчи и разрушения был перевезен в Москву и хранится ныне в Гос. Историческом музее. Лучшие изображения Двинских камней см. у А. Сапунова (Двинские или Борисовы камни, Витебск, 1890); Вилейского и Друйского камней—в «Материалах по истории и географии Дисненского и Вилейского уездов»; Высоко-Городецкого — у Е. Романова (Могилевские губернские ведомости, 1886 г., № 42); Оршанского камня — у М. П. Погодина (Древняя русская история до монгольского ига, т. III, М., 1871, стр. 156) и у П. Н. Батюшкова (Белоруссия и Литва, СПб., 1890).

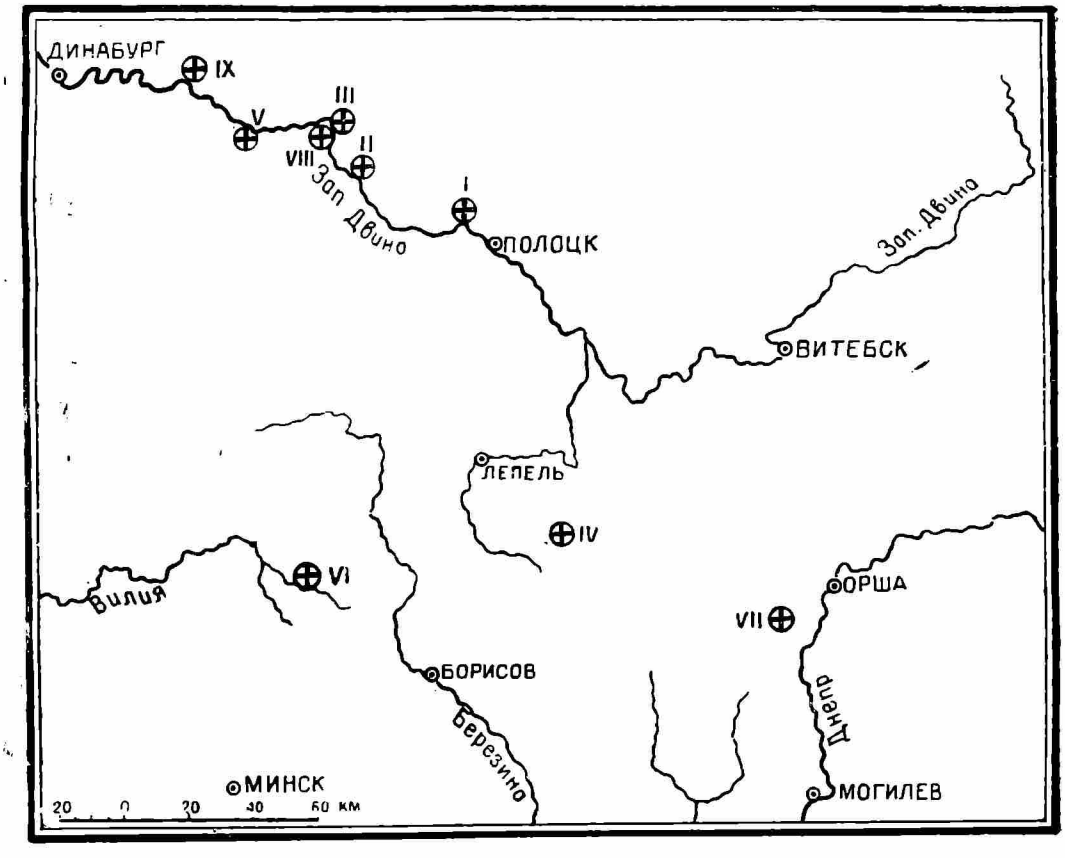

Рис. 1. Карта древних камней с надписями.
I — Борисов камень у Полоцка; II — Борисов камень у д. Наковники; III — Борисов камень у д. Болотки; IV — Борисов камень у с. В. Городец; V — Борисов камень у г. Друя; VI — Борисов камень у д. Каменки; VII — Рогволодов камень; VIII — «Сулибор хрьсть»; IX — камень «Святополк-Александр», уничтоженный в 1818 г.

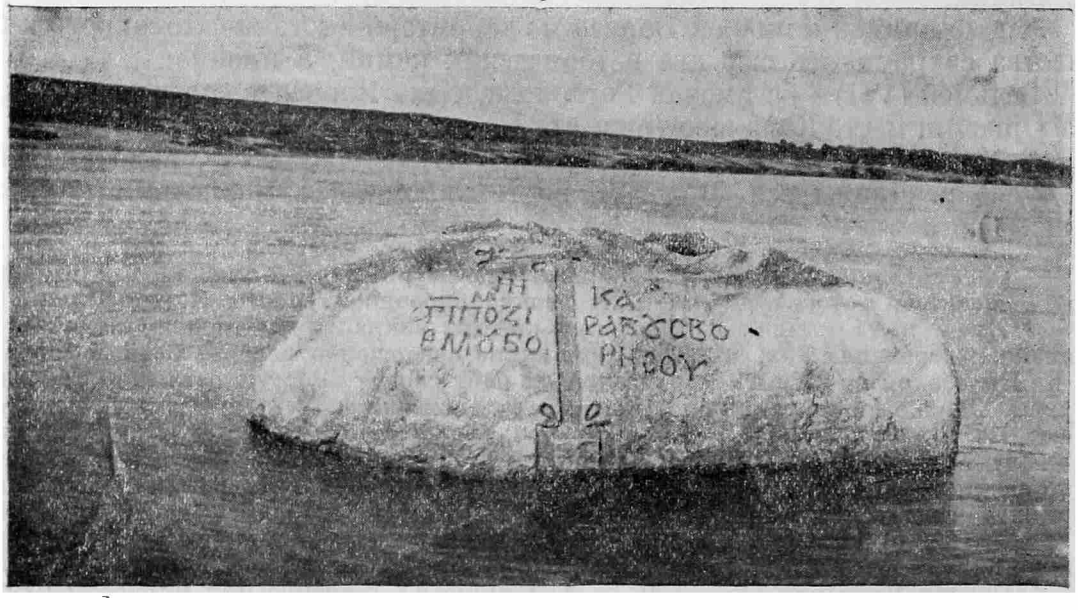

Рис. 2. II Борисов камень.

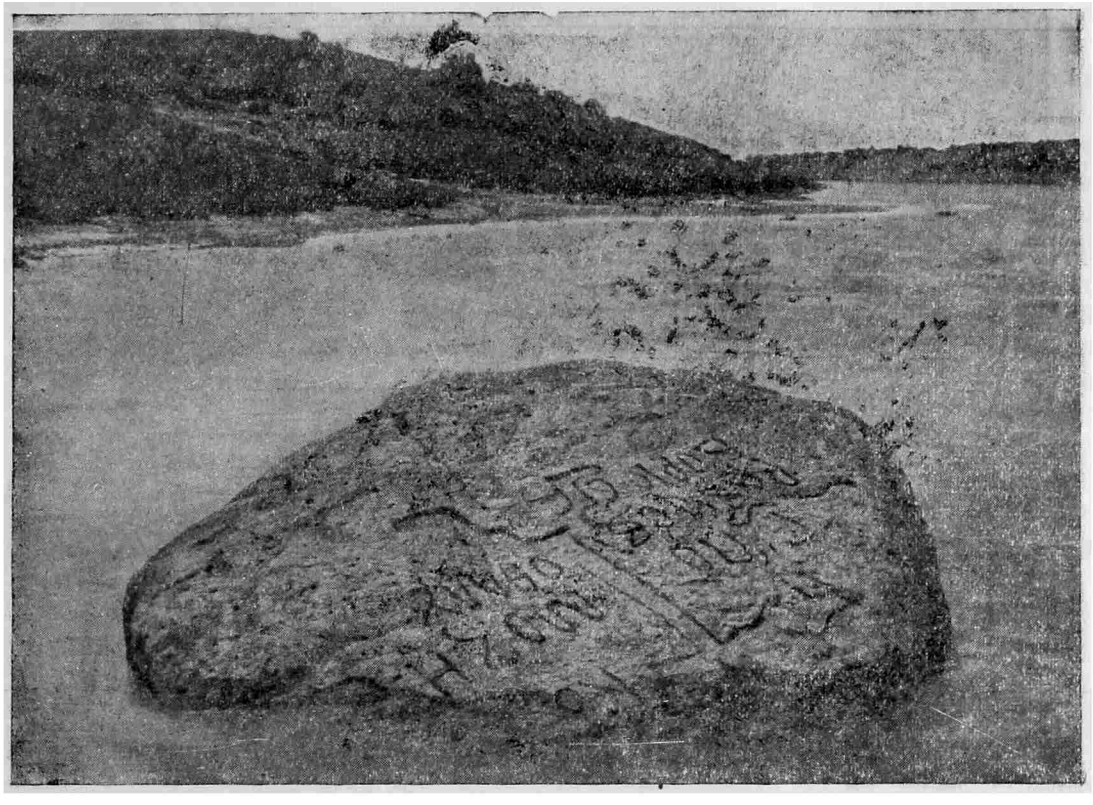

Рис. 3. III Борисов камень.

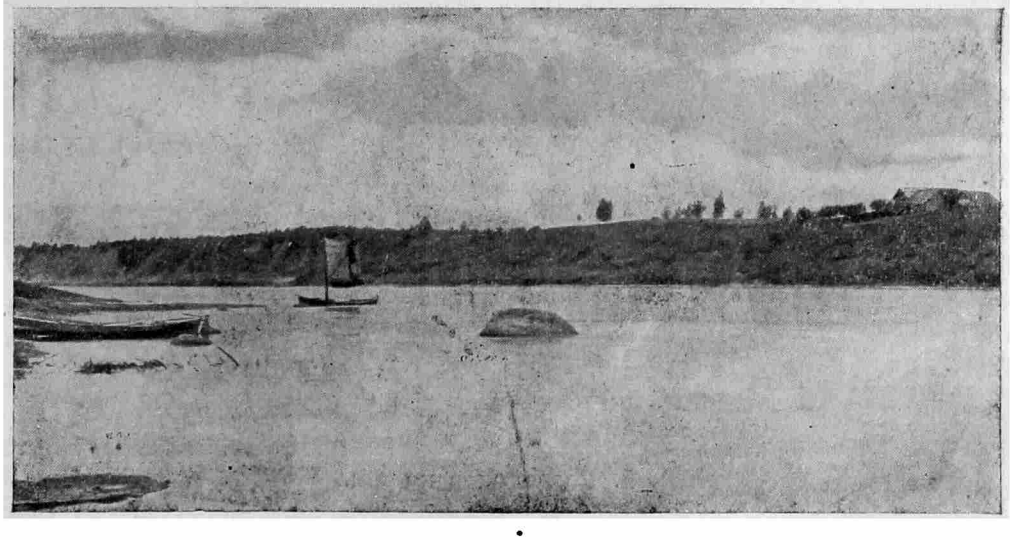

Рис. 4. Общий вид расположения III Борисова камня.

Сверх перечисленных восьми камней на территории Полоцкого княжества находится еще несколько камней с высеченными на них изображениями крестов, но без всяких надписей.

Рис. 5. Рогволодов камень.

Первое сообщение об одном из Борисовых камней сделано было в 1582 г. Стрыйковским в его «Хронике». Известие это, заключавшее в себе значительные неточности, повторено было рядом исследователей (Виюн-Кояловичем, Шлецером, Стебельским, Свенцицким). Исследователи Плятер, Сапунов и Данилевич полагали, что Стрыйковский имел в виду II Борисов камень, находящийся у д. Наковники; по мнению же Кеппена, Стрыйков-

ский упоминает о III камне, находящемся у д. Болотки. Если исходить из слов Стрыйковского, что камень, обративший его внимание, находится на расстоянии одной мили от г. Дисны (т. е. в 7 км), то будет правильнее принять мнение Кеппена. Впрочем, оба эти камня находятся настолько близко друг от друга ($1^1/_2$—2 км), что спутать их было нетрудно.

Следующим по времени открытием был Оршанский камень с именем Рогволода. В литературе он впервые упоминается в 1794 г. в книге М. Мальгина «Зерцало российских государей» (изд. 3-е, СПб., 1794, стр. 168), причем текст надписи на этом камне он привел в совершенно искаженном виде. В частности, окончание «волод» в имени Рогволод, Мальгин принял за начало слова «Володимир» и на основании этого он приписал надпись на Оршанском камне Василию Святославичу, внуку Владимира Мономаха.[1] Затем этот камень так же, как и два упомянутых выше, был забыт настолько основательно, что потребовалась исключительная настойчивость и личное участие в розысках со стороны государственного канцлера графа Н. П. Румянцева, чтобы вновь обнаружить этот камень. Это удалось сделать в 1818 г. ректору Оршанской иезуитской коллегии Дезидерию Ришардоту.

В этом же (1818) г., в связи с производством работ по очистке русла р. Западной Двины от камней, были обнаружены все двинские исторические камни (три Борисовых, 1 Сулиборь и 1 Святополк-Александр), причем последний в том же году был уничтожен (об этом ниже).

О Вилейском камне (близ д. Каменка) впервые упоминает археолог К. П. Тышкевич в 1867 г.,[2] однако он ничего не говорит о надписи на нем. Умалчивает он и о надписи и в следующем своем описании этого камня (1871). Прочитать эту надпись удалось А. Сапунову, который в 1896 г. опубликовал ее вместе с другой надписью, обнаруженной им на камне в г. Друе.[3]

Наконец, Борисов камень в с. Высоком Городце был обнаружен в 1886 г. Е. Р. Романовым, который содержание надписи на нем впервые опубликовал в «Могилевских губернских ведомостях» (за 1886 г., № 42).

Вопрос о происхождении надписей на перечисленных камнях уже давно привлекал внимание разных исследователей и послужил предметом научной дискуссии между историками, археологами и палеографами. Однако некоторые стороны его остаются еще и теперь спорными и требуют дальнейшего уточнения и научного анализа.

В 1935 г. были опубликованы материалы по экспедиции акад. И. И. Лепехина в Белоруссию и Лифляндию в 1773 г.[4] В этих материалах Лепехина содержатся, между прочим, краткие сведения о двух Двинских камнях с древними надписями, причем содержание этих надписей приводится им неверно. Это дает мне основание вкратце остановиться на вопросе об исторических камнях Полоцкого княжества, подвергнув, вместе с тем, анализу сообщение акад. Лепехина.

Опубликованные материалы экспедиции Лепехина содержат в себе краткие путевые донесения его в Академию Наук о ходе работ возглавляемой им «Белорусской» экспедиции. В одном из этих донесений, отправленном им из Риги 28 августа 1773 г. (рапорт № 6), он пишет так: «В 9 милях от Полоцка при деревне Болотки посреди самой Двины находятся два великие камня, на которых иссечен крест и русскими буквами надпись, изъявляющая ту достопамятность, что половцы [5] святое крещение восприяли от рос-

[1] Мальгин указывает, что Рогволодов камень был обнаружен в 1792 г., но кем и при каких обстоятельствах, установить не удалось.

[2] К. П. Тышкевич. О древних камнях-памятниках Западной Руси и Подляхии. Древности. Археол. вестн., 1867, январь—февраль, стр. 154 сл.

[3] См. в «Материалах по истории и географии Дисненского и Вилейского уездов», стр. 122 и 197.

[4] Труды Института истории, науки и техники Акад. Наук СССР, 1935, т. V, стр. 545—568.

[5] Ошибочно вместо «полочане».

сиян через Гинвилла князя полоцкого, который поял в супружество княжну Марию, дщерь великого князя Бориса Тверского».

В этом сообщении соответствует действительности лишь то, что в русле р. Двины у д. Болотки находились два камня с иссеченными на них крестами и надписями. Это камни: III Борисов и Сулиборь. Однако под вторым «великим» камнем нельзя разуметь камень «Сулиборь хрьст», так как: 1) он невелик; наоборот, он самый малый из двинских исторических камней, что дало возможность перевезти его в Москву, 2) он находился не посреди самой Двины, а у левого берега ее, 3) надпись на нем не имеет никакого отношения ни к Борису, ни к Гинвилу, с именами которых Лепехин связывал содержание надписей на упоминаемых им двух «великих» камнях. Следовательно, Лепехин имел ввиду II и III Борисовы камни.

Сообщение Лепехина о Двинских камнях с их историческими надписями, посланное в Академию Наук, не вызвало, повидимому, никакого интереса с ее стороны и было надолго забыто. Что касается содержания этих надписей, то оно приводится Лепехиным в совершенно произвольной форме, которая идет вразрез с действительным содержанием этих надписей, совершенно точно установленным позднейшими исследователями.

Значительное число появившихся в XIX и XX вв. новых исследований по вопросу о Борисовых камнях и их аналогах [1] дает возможность подойти к анализу сообщения Лепехина в свете более достоверных исторических данных по этому вопросу.

В русле р. Западной Двины, в некоторых местах на пространстве между г. Полоцком и г. Дриссою, при спаде воды можно видеть огромные гранитные валуны с высеченными на них изображениями крестов разной формы и уставными славянскими надписями, из которых три гласят: «Господи помози рабу своему Борису».

Надпись на одном из них Стрыйковский приводит в следующем виде: «Wspomozy Hospody raba swojeho Boryssa syna Ginwilowego». Однако эта редакция заключает в себе прямое искажение надписи, заключающееся не только в замене польским текстом славянского и в перестановке отдельных слов и изменении их падежей, но и в добавлении несуществующих на камне слов «syna Ginwilowego». Произвольное добавление этих слов некоторые исследователи (Тышкевич, Плятер) объясняют тем, что Стрыйковский, приводя надпись с упоминанием о Борисе, хотел одновременно указать читателям его «Хроники», что этот Борис был, по его мнению, сыном полоцкого князя Гинвила, литовского происхождения.[2]

Стрыйковский, несомненно, видел Борисов камень, но надписи прочесть не сумел и воспроизвел ее со слов одного купца из Дисны (co mnie ukazowal jeden kupiec z Dzisny). Отметим, что не только надпись на камне, но и приведенная Стрыйковским форма креста также передана неверно.[3] Кроме того, Стрыйковский знал о надписи только одного из Двинских камней; о существовании же других камней с подобными надписями он, повидимому, и не подозревал.

---

[1] См. список литературы.

[2] По мнению Стрыйковского и его последователей (Виюк-Коялович, Шлецер, Стебельский, Свенцицкий, Нарбут, Плятер и другие польско-литовские историки), Полоцк в 1190 г. был завоеван литовским князем Мингайло, который отдал его в удел своему сыну Гинвилу. Ему с 1199 г. наследовал сын Борис, а с 1206 г. после смерти Бориса княжил в Полоцке сын его Рогвольд. Последним князем этой литовской династии был сын Рогвольда Глеб. Однако, факт завоевания Полоцка литовцами в 1190 г. и существование там князей литовской династии (Гинвил и его потомки) отвергается русскими историками (Карамзин, Антонович, Данилевич, Иловайский, Сапунов, Соловьев и др.).

[3] По выражению А. Сапунова, изображение креста у Стрыйковского и его ближайших последователей (Коялович, Стебельский) фантастическое (А. Сапунов. Двинские или Борисовские камни, стр. 21, прим.).

Неосторожно брошенные Стрыйковским слова «syna Ginwilowego» в течение нескольких столетий повторялись без проверки и критики не только польско-литовскими историками (Стебельский, Коялович, Свенцицкий и др.). Данными Стрыйковского о надписях на Борисовых камнях руководствовался, повидимому, и Лепехин; только этим и можно объяснить тот факт, что надпись на Болоткинском камне он связывает с именем Гинвила, не упоминая даже о его сыне Борисе. От Стрыйковского же Лепехин заимствовал сведения о крещении полочан Гинвилом и его браке с дочерью тверского князя Бориса, не выдерживающие никакой исторической критики,[1] а также указание на «русские буквы» надписи. Лепехин, подобно Стрыйковскому, не только не читал надписей на двух Борисовых камнях, но даже не видел этих камней, так как он свое путешествие из Полоцка в Ригу совершил не по Двине, а по грунтовым дорогам.[2] Во время поездки Лепехин от местных старожилов или «знатоков тамошних мест» мог узнать о существовании в русле р. Двины камней с древними надписями и от них-то, вероятно, записал единственное для этого времени объяснение происхождения этих надписей, которое, как мы видели, даже по редакции довольно близко подходит к мнению Стрыйковского.

О каком же Борисе гласят надписи на Двинских камнях?

Некоторые историки связывают надписи на Двинских камнях с именем минского князя Бориса Всеволодовича, княжившего в конце XI в. и умершего в 1102 г.[3] С этим мнением нельзя, однако, согласиться, хотя бы потому, что минский князь едва ли имел основание и право делать надписи на камнях, находившихся в пределах Полоцкого княжества, которым в то время правила самостоятельная ветвь князей.

Согласно наиболее распространенному взгляду, надписи эти принадлежат полоцкому князю Борису Всеславичу, происходившему из династии Рюрика и умершему в 1128 г. Это последнее мнение, разделяемое большинством русских историков и археологов (Карамзин, Данилевич, Батюшков, Иловайский, Лихачев, Сапунов, Романов и др.), является наиболее приемлемым. К нему склоняют также и данные так наз. «Рогволодова камня».

Он находился в пределах Полоцкого княжества близ г. Орши; на нем высечено изображение креста и надпись: «В лето 6679 (т. е. 1171 г.) мая в 7 день доспен (т. е. иссечен — *В. Т.*) крест сей. Господи помози рабу своему Василию в крещении именем Рогволоду сыну Борисову». Отцом полоцкого (впоследствии друтского) князя Рогволода был Борис Всеславич. Полное тождество основной формулы надписей на Двинских Борисовых камнях и на Рогволодовом камне («Господи помози рабу своему. . .») наводит на мысль о том, что Рогволод при иссечении надписи 1171 г. последовал примеру своего отца, оставившего после себя несколько памятников с надписями, воспроизводящими эту же формулу.

Кто был Сулибор, увековечивший свое имя на одном из Двинских камней (Сулиборь хрьст), и Воротиша, поставивший Вилюйский камень (Воротишин хрьст) [4] — остается неизвестным. И. Шляпкин считал камень Сулибора межевым знаком позднейшего времени (XIII—XIV вв.). Кроме описанных эпиграфических памятников, на территории Полоцкого княжества существовало еще несколько камней с надписями.

А. Сапунов приводит выписку из «Дневных записок» смотрителя судоходства по р. Двине подпоручика Дебоналя о его работах по очистке русла

---

[1] Ср.: Стрыйковский. Хроника, стр. 241.

[2] См. мою статью «О путешествии академика Лепехина по Белоруссии и Лифляндии в 1773 г.» (Тр. Инст. истории науки и техники, V, 1935, стр. 567, прим. 19).

[3] Y. J. Kraszewski. Wilno od poczatkov jego do roku 1760. Wilno, 1840, стр. 460. См. также: Виленский вестник, 1864, № 56.

[4] Его изображение см. у Е. Р. Романова (Зап. сев.-зап. отд. РГО).

этой реки от камней. Из этой выписки видно, что Дебональ 2 октября 1818 г. подготовил к взрыву находящийся у Наровских порогов (в одной миле от г. Дисны) камень под названием «Борисоглебский», на котором был выбит крест, имя этого князя и год ѧфѧд. 25 октября Дебональ подготовил к взрыву и другой камень, находящийся несколько ниже по течению Двины у местечка Креславки (между г. Дриссой и г. Динабургом) со славянской надписью: «Да не убоится душа моя врага моего якос (sic!) твердою рукою десницы отросль Святополка Александр».[1]

О том, в какой степени пострадал от взрыва первый камень, Дебональ в своих записках не сообщает ничего, между тем как о втором он пишет, что «камень расстрелян в мелкие дробезги». Возникает вопрос о том, какова же судьба первого камня с приведенной выше датой. Так как ни на одном из существующих ныне Двинских камней этой даты нет, то можно было бы думать, что и этот камень также был полностью уничтожен. Но в таком случае Дебональ наверное не преминул бы упомянуть в своих «Дневных Записках» об этом служебном успехе, чего, однако, он не делает. Чем же объяснить это умолчание? Я склонен думать, что Дебоналем подготовлен был к взрыву 2 октября не тот камень, который находится в 7 км от г. Дисны (т. е. у д. Болотки), а тот, который находится в 5 км от этого города (т. е. у д. Наковники),[2] т. е. Борисов камень II, причем взрыв этого камня был не столь удачным, как взрыв Креславского камня: у него отлетела лишь верхняя часть (с верхней перекладиной креста), в каковом виде он существует и в настоящее время; надпись у нижней части креста уцелела полностью. Возможно, конечно, что на отлетевшей верхней части этого камня находилась и приведенная Дебоналем дата.

Приведу еще несколько примеров порчи и разрушения камней с надписями. Так, на Борисовом камне в с. Высокий Городец местная помещица Каминская приказала выбить посредине камня, на самом изображении креста, свои инициалы (Н. К.) и цифру года (1884).[3] Еще более разрушенным оказался Вилейский камень (у д. Каменка), причем была испорчена та часть надписи, которая заключала в себе основную формулу «Господи помози рабу своему. . .» Лицевая же часть надписи (у креста) со словами «Воротишин хрьст» случайно уцелела.[4] В надписи на Друйском Борисовом камне также почему-то исчезло слово «Борису» и хорошо сохранилось лишь начало надписи «Господи помози рабу своему. . .»[5] К сохранению Рогволодова и Борисова камня в с. Высоком Городце от дальнейшего разрушения были в свое время приняты меры в виде постройки над ними деревянных часовен.

Каково назначение и смысл надписей на Борисовых и других камнях?

Уже Стрыйковский в своей «Хронике» сделал попытку дать объяснение происхождения надписи на одном из Двинских Борисовых камней. Однако объяснение его не может удовлетворить нас; собственно даже неясно, о чем должен свидетельствовать, по мнению автора, камень с этой надписью:

---

[1] Сапунов. Двинские или Борисовские камни, стр. 7. — Он же. Западная Двина, стр. 191—192. Сапунов полагал, что Дебональ не сумел разобрать как следует дату первого камня и скопировал ее неверно (Двинские или Борисовские камни, стр. 28). Главный порок написания этой даты заключается в первой ее цифре ѧ, которой обозначается исчисление от Р. Х., тогда как в XII в., к которому относятся надписи на Двинских камнях, летоисчисление велось от сотворения мира (в начале даты должно было стоять ѕ). Можно думать, что и надпись на Креславском камне была скопирована Дебоналем неправильно.

[2] Такое предположение вполне допустимо еще и потому, что Наровские пороги, у которых Дебональ вел подготовку взрыва «Борисоглебского» камня, находятся именно у д. Наковники. (Сапунов. Западная Двина, стр. 172).

[3] Е. Р. Романов. Борисов камень, стр. 7.

[4] Материалы по истории и географии Вилейского и Дисненского уездов, стр. 197.

[5] Там же, стр. 122.

то ли о благочестии Бориса, то ли о строительстве им храмов, то ли, наконец, о факте перевозки по Двине материалов.

Мальгин (1794) принял Рогволодов камень за надгробный памятник. Срезневский (1863) считал, что указанный на Оршанском камне год (1171) обозначает год смерти князя Рогволода Борисовича. Тышкевич (1867) считал камни с надписями пограничными знаками владений полоцких князей. Следует заметить, однако, что границы Полоцкого княжества часто менялись — с одной стороны, в зависимости от исхода войн с соседями, а с другой стороны — от дробления этого княжества на более мелкие (Минское, Друтское, Логойское, Витебское и др.).

Рассматривая местоположение камней на прилагаемой карте, можно видеть, что сойти за пограничные знаки, и то только до некоторой степени, могут лишь Борисовы камни, находящиеся у д. Каменки и в г. Друе на западной границе этого княжества. Остальные же камни (Двинские и у с. Высокий Городец), как находящиеся внутри территории этого княжества, не могли служить его пограничными знаками.

Плятер и Киркор находили, что надписи на камнях были иссечены для увековечения памяти Бориса. Романов указывал, что кресты с надписями высекались в целях распространения христианства в народных массах или в память пребывания в данном месте князя. Сапунов считал, что иссечением крестов и благочестивых надписей Борис желал, так сказать, обезвредить камни, затруднявшие судоходство по р. Двине.

Ни один из названных исследователей почему-то не обратил внимания на то, что большинство рассматриваемых надписей составлено по одной и той же основной формуле «Господи, помози рабу своему», являющейся дословным переводом греческой формулы «Κύριε βοηθεῖ τῷ σῷ δούλῳ», которая широко применялась в Византии на монетах, печатях, медальонах, амулетах и т. д.; отсюда эта формула призывания помощи божьей распространилась и на Руси. Очевидно, что надписи на камнях были иссечены при жизни называемых в надписях князей и по их распоряжению.

ЛИТЕРАТУРА ПО ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ КАМНЯХ ДРЕВНЕГО ПОЛОЦКОГО КНЯЖЕСТВА

(Дается в хронологическом порядке)

1. Stryikowski Mat. Kronika Polsca. Litewska, Zmodzka i Wschystkiej Rusi. Издана в Кролевце (Кенигсберге) в 1582 г. Вторично издана в Варшаве в 1846 г. Сообщение о завоевании Полоцка литовским князем Мингайло, о княжении Гинвила, Бориса, Рогволода, об одном из двинских Борисовых камней (стр. 273—274 первого издания и стр. 241—242 второго издания).
2. Wijuk-Kojalowiz A. Historia Litwana. Dantisti, 1650, ч. I. Сокращ. пересказ Стрыйковского о том же камне (стр. 74—75).
3. Stebelski Ign. Zywoty ss. Ewfrosyny i Paraskewii. Wilno, 1781. т. I. Сокращ. пересказ Стрыйковского о том же камне (т. I, стр. 149—150, прим.).
4. Schlözer Aug. und Gebhardi Lud. Geschichte von Littanem Kurland und Liefland. Halle, 1785, ч. II. Сокращ. пересказ Виюк-Кояловича о том же камне (ч. II, стр. 37).
5. Swecki Tomasz. Opis starozytnej Polski. Warszava, 1828, т. II. Сокращ. пересказ Виюк-Кояловича о том же камне (т. II, стр. 279—280).
6. Мальгин Тимофей. Зерцало российских государей. СПб., 1794, изд. 3-е. О надписи на Оршанском камне (стр. 168).
7. Заслуги Румянцева в отечественной истории. ЖМНП, т. 49, 1846 г., № 1, Отд. 5, стр. 46. О Рогволодовом камне.
8. Карамзин Н. История Государства Российского. Изд. 1-е, СПб., 1816—1817; изд. 2-е, 1852. В прим. 103 к т. IV — критика мнения Стрыйковского о литовском происхождении полоцкого князя Бориса. Здесь же упоминание о надписи на двинском Борисовом камне. В примечании 386 к т. II, изд. 1852 г., приведено содержание надписи на Рогволодовом камне.
9. Северная Почта (газета). 1818, №№ 74, 89, 91. В № 74 — об открытии надписи на Оршанском камне патером Десидерием Ришардотом, который составил его

описание по поручению гос. канцлера Н. П. Румянцева. В № 89 — исторические разыскания о князе полоцком Рогволоде. В № 91 — об обнаружении II, III и IV двинских камней.

10. Dziennik Wilenski, 1818, т. II. Краткая заметка об открытии Рогволодова камня по сведениям, сообщенным Мальгиным и Ришардотом (т. II, стр. 394—395).
11. Кеппен Петр. Список русским памятникам, служащим к составлению истории художеств и отечественной палеографии. М., 1822. О Рогволодовом камне (стр. 45—48). О Двинских камнях (стр. 49—51).
12. Narbutt Theodor. Dzeje starozytne narodu Litowskiego. Wilno, 1838. О Борисовых камнях и Рогволодовом камне, о литовском происхождении князей Бориса и Рогволода. Дискуссия с Карамзиным (т. III, стр. 309—319).
13. Kraszewski Y. J. Wilno od poczatkow jego do roku 1760. Wilno, 1840. I. Dodatek «O Stryikowskim i iego Kronice». Автор полагает, что надпись на Борисовом камне принадлежит Борису Всеволодовичу (стр. 460). Статья о Стрыйковском была напечатана раньше в журнале «Wizerunki i roztrzania naukowe» (т. X, Wilno, 1839).
14. T[yschkewicz] Eust. Rsut oka na Zrodla archeologei kraiowej. Wilno, 1842. (Взгляды на источники отечественной археологии). О надписи на Борисовом камне (возражение Стрыйковскому, стр. 43, и рисунок камня на табл. VIII).
15. Plater A. O starozytnych kamieniach z napisami znai-duacychsie w rzece Dzwinie (od XIII wieku) kolo Polocka i Dziésny (см. в сборнике «Rubon», т. II. Wilno, 1842). О Двинских камнях (по Стрыйковскому) и о Рогволодовом камне (стр. 37—48, с рисунками).
16. Древние камни с надписями в реке Двине близ Полоцка и Дисны. Витебские губ. вед., 1846, № 14. Часть неофициальная. О двинских Борисовых камнях и о Сулиборе.
17. Друцкий-Подберескій Ромуальд. О древних камнях с надписями, находимых в р. Двине около Полоцка и Дисны. Журн. «Иллюстрация», 1847, № 36. О двинских Борисовых камнях и о Сулиборе (стр. 186—187, с рисунками).
18. Tyschkiewicz Eust. Opisanie powiatu Borysowskiego. Wilno, 1847. О камнях Борисовых и Рогволодовом (стр. 32—34, с 1 рис.).
19. Köppen P. Der Rogwolodsche Stein vom Jahre 1771 und die Steinschriften in der Düna. Bull. de la classe des sciences hist., philol. et polit. de l'Acad. Imp. des Sciences. St.-Pétersb., т. III, 1855, №№ 3, 4, 5 (267, 268, 269). О Рогволодовом камне, о двинском Борисовом камне (II или III?) и о камне Святополк-Александр (стр. 33—44, с 2 рис.). Sur la pierre datée le Rogvold de l'an 1771 et ses analogues. Эта же статья перепечатана вновь в Mélanges russes tirés du Bull. hist., philol. et polit. de l'Acad. Imp. des Sciences. St.-Pétersb., т. II, 4-e livr., 1855, стр. 390—405 с рис. Борисова и Рогвололодова камня.
20. Кеппен П. О Рогволодовом камне и двинских надписях. Учен. зап. Акад. Наук по I и II отд., СПб., 1855, т. III, стр. 59—70, с рисунками. Эта же статья издана в виде отдельного оттиска.
21. Турчинович О. Обозрение истории Белоруссии с древнейших времен. СПб., 1857. О Рогволодовом камне (стр. 266—267). О двинских Борисовых камнях (стр. 270—271).
22. Шпилевский П. М. Путешествие по Белоруссии. СПб., 1858. О Двинских камнях и о Рогволодовом камне (стр. 183—196).
23. Говорский К. Историческое описание полоцкого Борисоглебского монастыря. Витебск. губ. вед., 1859, № 42, неофициальная часть. Ср. его же в «Вестнике Западной России» (1864—1865, ноябрь, стр. 2—3, прим. II). Основание монастыря и иссечение надписи на камне приписано Борису Гинвиловичу.
24. Памятная книжка Могилевской губернии за 1861 г. Могилев, 1861. На стр. 48 (ч. IV) — краткие сведения о Рогволодовом камне. Открытие его относится к 1816 г.
25. Срезневский И. И. Древние памятники русского письма и языка (X—XIV вв.). СПб., изд. 1-е, 1863; изд. 2-е, 1882. О надписи на двинском Борисовом камне (в 1-м изд. стр. 27 и во 2-м изд. стр. 53). О надписи на Рогволодовом камне (в 1-м изд. стр. 33—34 и во 2-м изд. стр. 67). О записях в старинных книгах с формулой «Господи помози рабу своему. . . (в 1-м изд. стр. 20 и во 2-м изд. стр. 35—36).
26. Камни Бориса Всеволодовича и Василия Борисовича. Виленск. вестн., 1864, № 56. О двинских Борисовых камнях и о Рогволодовом камне (стр. 5).
27. О Двинских камнях и о Рогволодовом камне. ТМАО, т. I, вып. 1. Библиография, стр. 40. Сокращенное изложение предыдущей статьи.
28. Сементовский А. М. Памятники старины Витебской губернии. Памятн. книжка Витебск. губ. на 1867 г., СПб., 1867. О двинских Борисовых камнях и о Сулиборе (стр. 195—200, с 5 рис.). Эта же статья издана отдельным оттиском.
29. Тышкевич К. П. О древних камнях-памятниках Западной Руси и Под-

ляхии. Археолог. вестн., М., 1867, январь—февраль. О двинских Борисовых камнях, о Рогволодовом и Вилейском камне (стр. 154—160). Рисунок Вилейского камня (на стр. 192).

30. Погодин М. П. Древняя русская история до монгольского ига. М., 1871, т. III. Атлас исторический, географический и археологический. Изображение Оршанского (Рогволодова) камня (стр. 156). Объяснение к нему и двинским Борисовым камням (стр. 53).
31. Tyschkiewicz. K. Wilija i jei brzegi. Drezno, 1871. О Вилейском камне в с. Камень (стр. 32). На рисунке дано только изображение креста, надпись не воспроизведена.
32. Кусцицкий М. Ф. и Шмидт К. И. Заметка о двинских Борисовых камнях. Тр. I АС, М., 1871, т. I, стр. LXX—LXXVI, с рис.
33. З—н. Н. Ф. Дисна и ее древние русские памятники. Всемирн. иллюстр., 1874, №267. О Борисовых камнях «писаниках» у д. Наковники и Болотки (стр. 106, с 1 рис. на стр. 105).
34. Уваров А. С. Заметка о Рогволодовом камне 1171 г. ТМАО, т. VI, вып. 3, 1876, стр. 291.
35. Иловайский Д. История России. Т. I, ч. 2, М., 1880. О Рогволодовом и двинских Борисовых камнях (стр. 100—101). Отрицание факта покорения Полоцка литовским князем Мингайло (стр. 533—535).
36. Киркор А. К. О Двинских камнях, о Рогволодовом камне, о князьях Гинвиле, Борисе и Рогволоде. Живописная Россия, изд. Вольфа, т. III. Литовское и Белорусское Полесье, СПб., 1882, стр. 9—10 с рис. II Борисова камня на вкладн. листе, стр. 245—248, 294.
37. Срезневский И. И. Славяно-русская палеография XI—XIV вв. СПб., 1885, стр. 163. О кресте Бориса (1128) и о кресте Рогволода (1171).
38. Романов Е. Борисов камень в сел. Высоком Городце Сенненского уезда Могилевской губернии. Могилевск. губ. вед., 1886, № 42. Заметка об открытии камня. Автор приписывает иссечение надписи на этом камне Борису Гинвиловичу (стр. 182—183).
39. Витебская Старина, т. V. Материалы для истории Полоцкой епархии, ч. I, составил и издал А. Сапунов. Витебск, 1888, № 2, стр. 4—5.
40. Сапунов А. Католическая легенда о Параскеве княжне Полоцкой. Витебск, 1888. О надписи на Рогволодовом камне (стр. 29).
41. Сементовский А. М. Белорусские древности. СПб., 1890. О Двинских камнях и о Рогволодовом камне (стр. 92—98).
42. Батюшков П. Н. Белоруссия и Литва. СПб., 1890. О Двинских камнях и о Рогволодовом камне (стр. 15, 32—35, прим. 56 на стр. 4 и объяснения к рисункам на стр. 152—154).
43. Сапунов А. Двинские или Борисовы камни. Витебск, 1890 г. 31 стр. с рис. Двинские Борисовы камни. Сулиборь, Святополк-Александр.
44. Сапунов А. Река Западная Двина. Витебск, 1893. О двинских Борисовых камнях, Сулиборе, о камне Александра (стр. 191—192, 447—449 с рисунками).
45. Данилевич В. Е. Очерки истории Полоцкой земли до конца XIV столетия. Киев, 1896. О двинских Борисовых камнях (стр. 72, прим.). О Рогволодовом камне (стр. 92). Автор опровергает факт завоевания Полоцка литовским князем Мингайло (стр. 135, прим.).
46. Материалы по истории и географии Дисненского и Вилейского уездов Виленской губернии. Изд. А. Сапунова и кн. В. Друцкого-Любецкого. Витебск, 1896. О Двинских камнях (стр. 92—95), о Друйском камне (стр. 122), о Вилейском камне (стр. 195—197), с рис.
47. Романов Е. Р. Борисов камень в с. Высоком Городце Сенненского уезда Могилевской губернии. ТМАО, т. XIII, вып. 1, 1899, стр. 191—195, с рис.
48. Борисов Камень. Заметка о Борисовом камне в с. Высоком Городце и о Рогволодовом камне. АИЗ, год VII (1899), стр. 362—364. Перепеч. из «Могилевских Губернских ведомостей» (1899, № 84).
49. Шляпкин И. Двинский камень № 4. ЗРАО, т. XII, вып. 1—2, 1901, стр. 342—343. Объяснение надписи «Сулиборь хрьст». Автор полагает, что этот камень является межевым знаком поземельного владения XIII или XIV в. С 1 рис.
50. Россия, т. IX. Верхнее Поднепровье и Белоруссия. Изд. под ред. В. П. Семенова, СПб., 1905. О двинском камне Бориса Всеславича вблизи г. Полоцка (стр. 505) и о Рогволодовом камне (стр. 357).
51. Шляпкин И. А. Древние русские кресты. СПб., 1906. Изображения крестов на Рогволодовом и Двинских камнях (табл. V).
52. Рогволодов камень XII в. ИАК, вып. 31. СПб., 1909 (Вопросы реставрации, вып. 3), стр. 23—24, с 1 рис.
53. Романов Е. Р. Древние лапидарные памятники Западно-Русского края. Зап. Сев.-зап. отд. РГО, кн. 2, Вильно, 1911. О Вилейском камне в д. Каменка (стр. 57—64, с рисунками).

54. Романов Е. Р. Борисов камень в с. Высоком Городце Сенненского уезда Могилевской губернии. Вильно, 1912. О Рогволодовом камне и о Борисовом камне в с. Высоком Городце. 3 рис.
55. Михайлов М. И. Памятники русской вещевой палеографии. СПб., 1913. Пособие для слушателей СПб. Археологического Института, стр. 16—20. О Рогволодовом камне (со снимком).
56. Шляпкин И. А. Русская палеография. СПб., 1913. Надписи на Борисовых камнях автор относит к XII в. (стр. 37).
57. Кайгородов Нестор. Полоцк и его церковно-исторические древности. Светильник, 1914, № 2. В этой статье (стр. 12) упоминается Борисов камень, находящийся в 5 км от Полоцка. Воспроизведен фотоснимок.
58. Орлов А. С. Амулеты-змеевики Исторического музея. Отчет Гос. Историч. музея за 1916—1925 гг., М., 1926. Прилож. V. Об амулетах с надписью «Господи помози рабу своему. . .»
59. Лихачев Н. П. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Тр. Музея палеогр. Акад. Наук СССР, вып. 1, Л., 1928. О печатях с формулой «Господи помози рабу своему. . .» (стр. 103—134). О надписи на Борисовых камнях и на Рогволодовом камне, стр. 123.[1]
60. Таранович В. П. Экспедиция академика И. И. Лепехина в Белоруссию. и Лифляндию в 1773 г. Архив истории науки и техники, вып. 5, 1935. (Тр. Инст. истории науки и техники Акад. Наук СССР, серия I). Краткое сообщение академика Лепехина о II и III двинских Борисовых камнях (стр. 558).
61. Орлов А. С. Библиография русских надписей XI—XV вв. Изд. Акад. Наук СССР, М.—Л., 1936. На стр. 14—15 дано краткое описание Рогволодова камня; на стр. 41—45 — краткое описание камня Сулиборь; всюду даются библиографические указания.

V. TARANOVIČ

SUR LES MONUMENTS LAPIDAIRES ANCIENS À INSCRIPTIONS HISTORIQUES SUR LE TERRITOIRE DE LA RÉPUBLIQUE BIÉLORUSSE

Résumé

L'auteur passe en revue les pierres dites de Boris — énormes blocs sur lesquels sont taillées des croix et des inscriptions mentionnant Boris (très probablement Boris Vseslavič, prince de Polock, mort en 1128), connues au nombre de six sur le territoire de la Biélorussie, dans les limites de l'ancienne principauté de Polock (v. la carte). A ce même genre de monuments se rapportent une pierre avec le nom de Rogvolod, fils de Boris, et une autre avec l'inscription «Sulibori chrest». Ces inscriptions remontent au XIIe siècle.

L'auteur donne l'histoire de la découverte et de l'étude de ces monuments, ainsi que leurs différentes interprétations existant dans la littérature.

Une bibliographie complète des monuments décrits est jointe au mémoire

---

[1] В книге Н. П. Лихачева значится, что снимок Рогволодова камня дан проф. И. А. Шляпкиным в его издании «Памятники русской вещевой палеографии» (СПб., 1913, стр. 123). Однако книги Шляпкина под таким заглавием найти мне не удалось. Повидимому, автор имел в виду книгу под тем же заглавием, изданную М. И. Михайловым (см. п. 54), в которой действительно имеется снимок Рогволодова камня. Кроме того, Н. П. Лихачев в своей книге указывает, что Борисов камень в с. Высоком Городце имеет дату 1171 г. (см. прим. 2 на стр. 123). Однако исследователи, обнаружившие этот камень и прочитавшие надпись на нем, о существовании такой даты не говорят. Этот год обозначен на камне Рогволода.

А. Л. ЯКОБСОН

ИЗ ИСТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ АРХИТЕКТУРЫ В КРЫМУ

III. СРЕДНЕВЕКОВЫЕ БАНИ ХЕРСОНЕСА

Культурный облик средневекового Херсонеса, в частности, последних периодов его жизни, далеко еще не раскрыт и не изучен. Основное значение в этой работе имеет, конечно, вещественный материал в широком смысле слова, включая сюда материал и архитектурный, в некоторых отношениях даже особенно важный. Я имею в виду не столько выдающиеся архитектурные памятники — храмы или дворцы (к тому же, последних мы в Херсонесе пока и не знаем), сколько массовый архитектурный материал — прежде всего жилые усадьбы и связанные с ними постройки бытового назначения. Материал этот имеет, несомненно, гораздо большее значение: в нем отражена именно народная культура города со всеми впитывавшимися ею влияниями, но созревшая и окрепшая на месте. Поздне-средневековые бани Херсонеса в этом отношении представляют значительный интерес.

Предметом настоящей публикации служат две таких бани. Одна из них — общественная; она расположена внутри III жилого квартала в северо-восточной части городища (открыта в 1912 г.). Другая баня — частная — расположена во дворе сравнительно большой жилой усадьбы одного из северных прибрежных кварталов города (открыта в 1937 г.). Таким образом, помимо историко-культурного, эти памятники имеют и интерес социальный.

Первая из названных бань, как сказано, расположена на внутриквартальной площади (на дворе), занимающей центральную часть III квартала. К бане с улиц ведут два проулка: один со стороны III поперечной улицы (проулок XXIV),[1] другой — с главной продольной улицы. Баня ориентирована по оси квартала, т. е. с ЮВ на СЗ. Нижние части бани довольно хорошо сохранились. Пользуясь планом и фотографиями бани, выполненными после раскопок,[2] и изучив ее на месте, можно составить довольно полное представление об этом памятнике.[3]

Здание сложено из более или менее крупных блоков камня правильными рядами с подтеской лицевой поверхности (рис. 1). Камни положены на толстом слое известкового раствора с морским песком. Внутренняя поверхность стен была рассчитана, очевидно, на штукатурку, остатки которой местами сохранились до сих пор. Основная часть бани (рис. 2) представляет собой удлиненный прямоугольник (6.80 × 4.0 м), к которому с северо-

---

[1] См. план квартала в «Херсонесском сборнике», вып. III. Севастополь, 1931, стр. 76 (в дальнейшем цитируется: Хсб., III).

[2] План бани, изданный в Хсб., III на общем чертеже (стр. 76), неудовлетворителен. Пользуюсь чертежом их архива Гос. Херсонесского музея (картотека ГХМ, № 292), по которому дополнен обмер, выполненный мной на месте.

[3] В дневнике Р. Х. Лепера об этой бане сказано всего несколько слов (Хсб., III, стр. 96, раск. 6 III 1912). Несколько беглых замечаний о памятнике делает издатель дневников Р. Х. Лепера — К. Э. Гриневич (там же, стр. 77).

западной стороны примыкает небольшое прямоугольное помещение (3.0 × 1.6 м) с топкой в виде удлиненного и немного суживающегося к собственно бане канала, крытого, судя по остаткам, плитами. Дневник раскопок Р. Лепера отмечает, что «на уровне устья печки и перед ним на полу — слой золы, горения». Кроме этого центрального входного отверстия топки в собственно баню, по сторонам его имеются еще два подобных отверстия (рис. 3 и 4), назначение которых не совсем ясно, так как предположить существование здесь трех топок трудно; по всей вероятности, у основания канала топки имелись какие-то ответвления, направлявшие часть нагретого воздуха, ради равномерности отопления бани, в боковые отверстия.

С северо-западной стороны к топке примыкает небольшое квадратное помещение, расположенное ниже окружающего уровня почвы (дневник

Рис. 1. Баня IX—X вв. в III квартале Херсонеса, с северо-западной стороны.

раскопок отмечает, что «здесь 2-й пол много ниже, на уровне устья печи»),[1] что вполне естественно для такого помещения, являвшегося, несомненно, кочегаркой: здесь помещалось топливо для бани, а также, возможно, хранился банный инвентарь, как то наблюдалось в подобном помещении Анберд-ской бани в Армении (о ней ниже). Пристройка эта расположена не совсем точно по оси здания: она немного сдвинута к ЮЗ; это объясняется тем, что у северо-восточной стены этого помещения расположен колодец, вероятно более древний, откуда бралась для бани вода.

Собственно баня состоит из двух частей: помещения для мытья и передней для раздевания. Первое из них, мыльня, имела каменный пол из тонких плит, опиравшихся на многочисленные каменные столбики (рис. 3 и 4). Подпольное пространство между столбиками заполнялось нагретым воздухом, шедшим из топки. Таким путем осуществлялось подпольное отопление бани. Дым, миновав столбики, уходил дальше через два широких и низких сводчатых прохода (рис. 3) под помещение раздевальни, откуда через отверстие в нижней части юго-западной стены (сохранилось и сейчас) выходил наружу.[2]

[1] Хсб., III, стр. 96.

[2] Никаких намеков на вертикальный дымоход нет.

В северо-западной части мыльни, по сторонам боковых входных отверстий, имеются две больших прямоугольных ниши (шир. 1.13 и 1.09 м, глуб. ниш ок. 1 м), выступающие соответственно и наружу постройки.

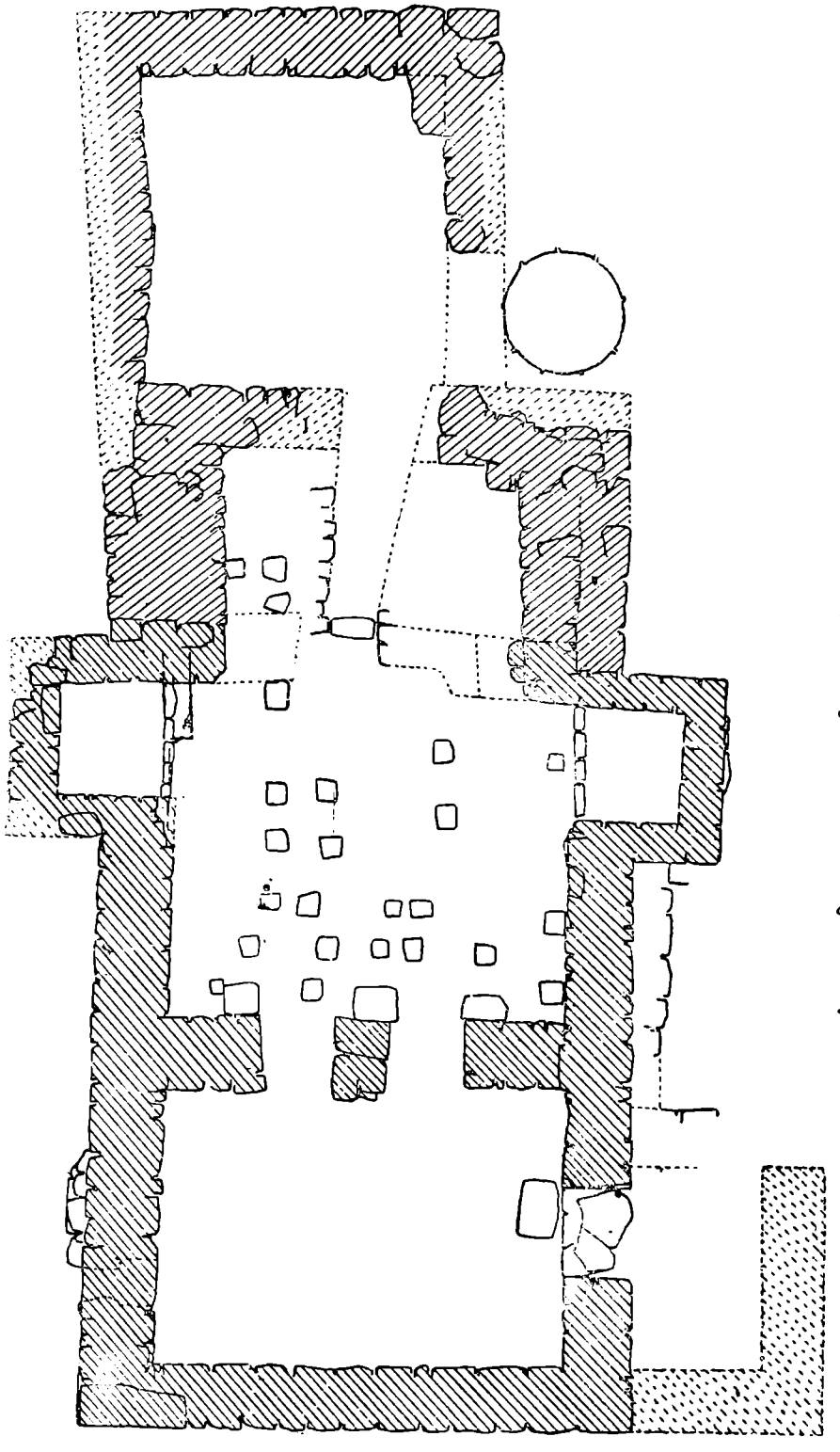

Рис. 2. Баня IX—X вв. в III квартале Херсонеса. План.

По замечанию К. Э. Гриневича, «вероятно, здесь стояли ванны и были приспособления для принятия душа».[1] Предположение относительно ванн нам представляется правильным: подобные этим ниши имеются, напр.,

[1] Хсб., III, стр. 77.

в очень близкой по своему устройству бане XI—XII вв. в Анберде (Армения) и в Ани;[1] зато мало правдоподобно предположение о душе. Ниши были хорошо оштукатурены с тщательно выглаженной поверхностью. В раздевальню с северо-восточной ее стороны вел вход, перед которым с наружной стороны здания имелся заслон, состоящий из стенки, параллельной северо-восточной стене бани и соединенный с юго-восточной ее стеной, образуя перед входом в баню своего рода сени, подобные сеням перед некоторыми помещениями в жилых усадьбах. Рядом с сенями параллельно северо-восточной стене бани шла узкая вымостка из мраморных и известняковых плит, обрамленная с обеих сторон поставленными на ребро камнями, что придает вымостке характер узкого прохода — коридора, ведущего к сеням бани.[2] Юго-восточным концом своим он поворачивал на ЮЗ и выходил в проулок, ведущий к бане с главной улицы.[3]

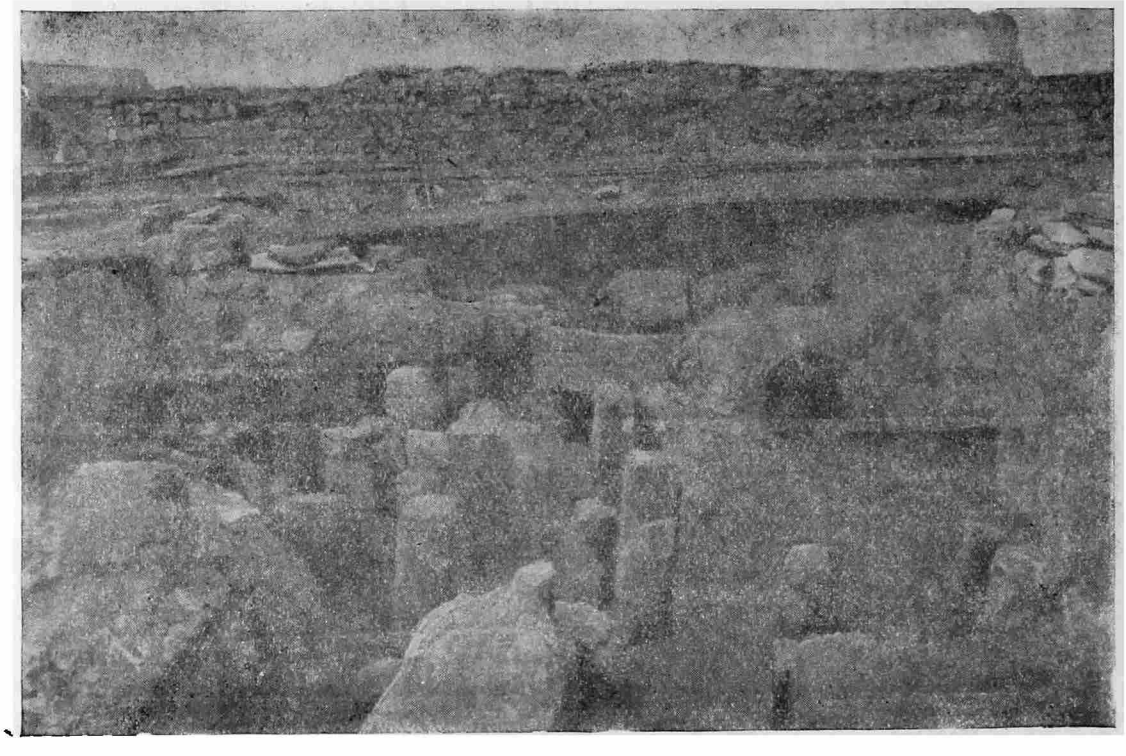

Рис. 3. Баня IX—X вв. в III квартале Херсонеса с юго-восточной стороны.

Верхние части бани, как сказано, не сохранились. Вследствие этого утрачены некоторые очень важные черты ее устройства, которые приходится дополнять по аналогиям. Это прежде всего относится к способу подогрева воды. Очень вероятно, что в бане имелись для этого специальные чаны, которые, при данном устройстве бани, могли помещаться над топкой, как бы во втором ее этаже;[4] впрочем, не менее возможно, что это верхнее помещение для нагрева воды не имело отверстия, куда вставлялся чан, и представляло собой резервуар со сплошным дном; в таком случае он покрывался водонепроницаемым известковым раствором в несколько слоев

[1] Правда, в Анбердской бане эта ванна сравнительно мала и рассчитана была лишь для мытья по пояс.

[2] Коридор был открытый; он приходится почти на уровне порога входа в баню.

[3] Предположение К. Э. Гриневича о том, что эта вымостка принадлежит крытому корридору — раздевальне перед баней нам представляется излишним: раздевальня помещалась, как это обычно в средневековых банях, рядом с купальней.

[4] Таково было устройство в дворцовой бане X—XI вв. в Ани (Армения) (Н. Я. Марр. Ани, Л., 1934, стр. 71)и в бане XII—XIII в. в Дманиси (Грузия) (Л. Мусхелишвили. Раскопки в Дманиси. Сов. археол., VI, 1940, стр. 273 сл.).

и наполнялся водой, которая подогревалась таким же путем снизу — из топки.[1] Последняя, таким образом, служила не только для отопления бани, но и для подогрева воды. Через специальные отверстия в стене (как бы окошки), отделяющей помещение с водой от бани, горячую воду, находящуюся в чане или резервуаре, можно было непосредственно черпать.[2] Впрочем, не исключена возможность, что вместо этого простого способа здесь пользовались глиняным водопроводом, но данные раскопок, крайне ничтожные, выяснить этот вопрос не позволяют. О характере перекрытия бани дневник также не содержит никаких указаний. Имея в виду сравнительно тщательную кладку бани на прочном известковом растворе, а также

Рис. 4. Баня IX—X вв. в III квартале Херсонеса с северо-западной стороны.

наличие сводчатых перекрытий в подпольной части, можно предполагать, что покрытие бани было сводчатым, но в виде коробового свода или купола— сказать невозможно.

Остается вопрос о дате бани. Дневник Р. Х. Лепера содержит на этот счет следующие данные: прежде всего «1-й пол покрывал все стенки» помещения *h*, примыкающего к топке бани;[3] относительно самой бани сообщается, что «здесь 2-й пол много ниже, на уровне устья печи и перед ним, на полу — слой золы, горения; этот пол отчасти (в ю.-в. части) на самой скале, отчасти (в западной части) на насыпной земле. С СВ помещение это отделено стенкой *h* в 1 камень, лежащей на земле на 5 см выше здесь 2-го пола». Северо-восточная стена этого помещения (*l*) лежит в толще «2-го

[1] Таково устройство в упомянутой выше Анбердской бане (Армения), и в бане армянского монастыря Татева (Зангезур; памятник не издан), позднейшей по времени (XVIII в.), но очень архаичной по своему устройству; наконец, в поздне-средневековой бане самого Херсонеса (раск. 1937 г.), о чем ниже.

[2] Таково устройство, напр., в Анбердской бане, в бане Дманиси; впрочем, помимо этого, там существовал и трубопровод.

[3] Хсб., III, стр. 96, раск. 6 III 1912.

слоя»;[1] здесь найдена монета имп. Василия I (867—886). Все эти данные дневника, хотя и не отличающиеся полной ясностью, все же указывают, что хронологически баня относится ко «2-му слою», т. е. слою с монетами IX—X вв. и поливной посудой с рельефными украшениями. Более ранней датировке противоречили бы данные дневника, а также сравнительный материал, частью приведенный (подробнее ниже). Более поздняя датировка еще менее вероятна, о чем свидетельствует характер кладки бани из больших камней правильными рядами на известковом растворе с морским песком.

Устанавливая дату бани в пределах IX—X вв., следует тут же отметить, что она продолжала существовать и в течение позднесредневекового периода, что косвенно доказывается отсутствием на ее месте более поздних построек, а также высотой сохранившихся ее стен, приходящихся, примерно, на уровне наличных стен соседних позднесредневековых домов. Лишь в какой-то позднейший момент жизни города, пришедшего в полный упадок, к бане начали пристраивать мелкие лачуги, как, напр., с юго-восточной ее стороны. Функционировала ли в этот момент баня — сказать трудно.

Другая баня находится на участке раскопок 1937 г.[2] и расположена во дворе большой жилой усадьбы, выходящей на IX поперечную улицу (рис. 5); вдоль этой улицы расположено три помещения этой усадьбы, причем одно из них (№ 2) с улицей сообщалось проходом. В соседнем помещении (№ 1) хранились пифосы с пищевыми запасами (найдены остатки зерна и рыбы) и амфоры. Из помещений №№ 1 и 2 имелся выход во двор, сохранившийся лишь в своей северо-восточной части. К помещению № 1 со стороны двора и пристроена впритык маленькая баня.

Она сложена из некрупного бутового камня со слабой подтеской лицевой поверхности, на грязи, лишь стенки каналов (как подпольных, так и вертикальных) сложены на известковом растворе. Как внутри, так и снаружи баня была оштукатурена (остатки внутренней и наружной штукатурки — известь с песком — во многих местах видны до сих пор). Стены бани сохранились на высоту не более 1 м (северо-восточная стена предбанника-раздевальни), постепенно понижаясь к юго-западной части. Западный угол бани полностью разрушен новейшим колодцем (вероятно XIX в., времен Крымской войны).

Подобно описанной выше, баня состоит, в основном, из двух помещений: крошечной раздевальни и собственно мыльни.

Раздевальня, немного более широкая, чем сама баня (1.55 × 3.00 м), вымощена небольшими каменными плитами и имеет вдоль северо-восточной и юго-восточной стен низкую каменную скамью (выс. 0.37 м) (рис. 6 и 7). Мыльня представляет собой узкое прямоугольное помещение (внутренняя ширина 1.73 м, длина до стенки резервуара с водой 2.57 м) с узенькими (шир. 0.20 м) и низкими (0.32—0.35 м) каменными скамьями вдоль стен (рис. 8 и 9). В толще обеих продольных стен устроены небольшие вертикальные каналы (ширина их 0.33—0.35 м) глубиной 0.12—0.15 м, шедшие на высоту лишь 0.72 м от пола. На этой высоте они были покрыты каменными плитами и отделялись от бани плоскими кирпичами, укрепленными вровень со стенами, образуя как бы тонкий заслон (рис. 6 и 10).

Вертикальные каналы продолжались вниз, под пол бани, где они переходили в горизонтальные поперечные каналы (выс. 0.80 м; их было соответственно три), соединявшиеся с центральным каналом (шир. 0.77 м), шедшим вдоль всей бани, начиная от топки, устроенной в юго-западном конце бани; устье топки, шириной ок. 0.60 м., выходит во двор. Длина топки 1.55 м

[1] Хсб., III, стр. 57, раск. 7 III 1912.

[2] Отчет о раскопках 1937 г., производившихся Г. Д. Беловым, еще не издан. За разрешение опубликовать памятник приношу Г. Д. Белову благодарность.

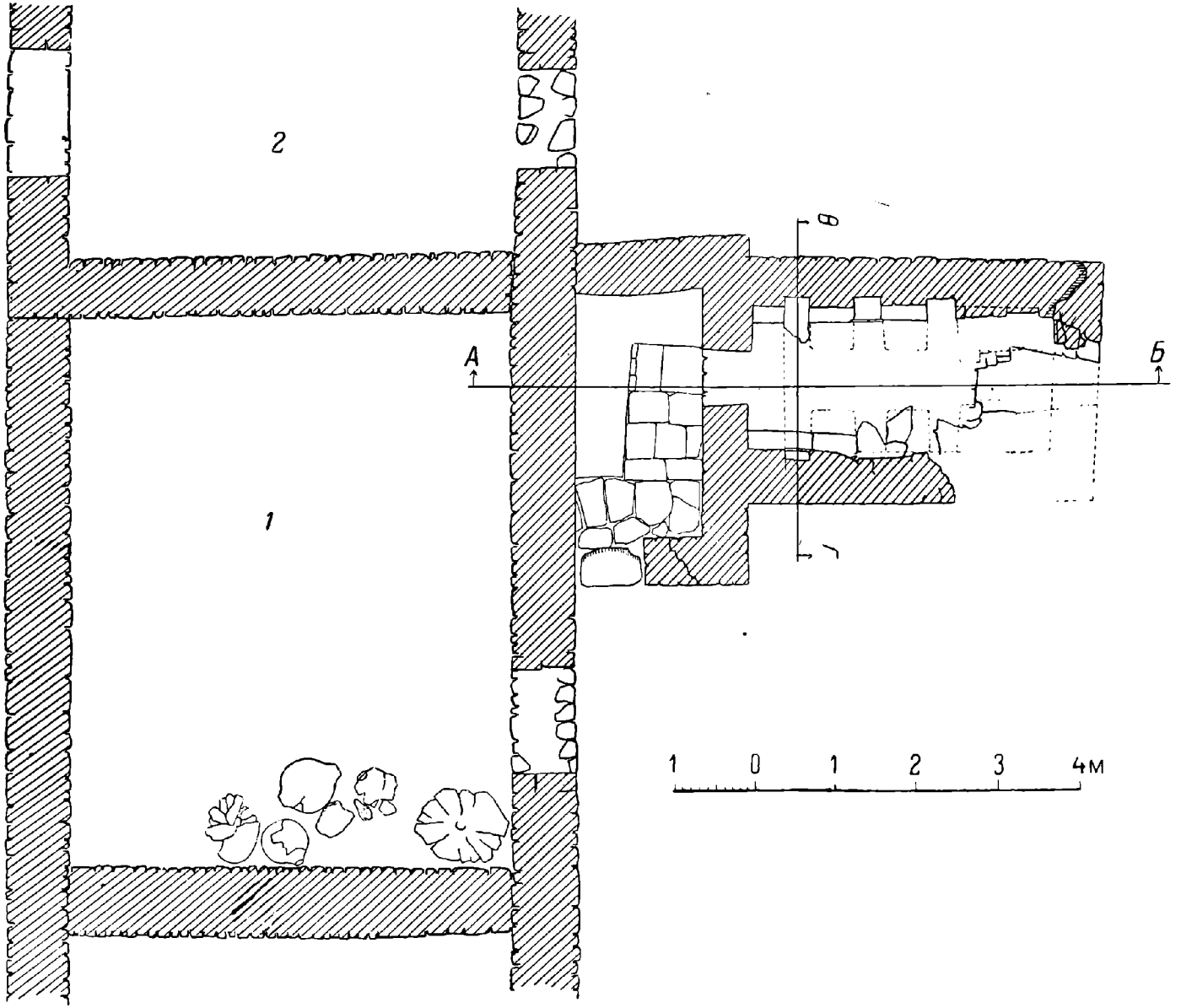

Рис. 5. Херсонес. Баня XIII в. на участке раскопок 1937 г. План.

(рис. 6 и 11); верхняя часть ее не сохранилась, но, судя по наклонным стенкам, она была сводчатой. Под был вымощен каменными плитками. Наружу топка выходила вероятно каменной аркой, за которой следовал сводик из обломков черепиц, идущий на протяжении 1.15 м; примерно посредине он был укреплен наклонно поставленными плитами (шир. 0.17 м; сохранилась лишь одна), которые, очевидно, были перекрыты другой плитой,

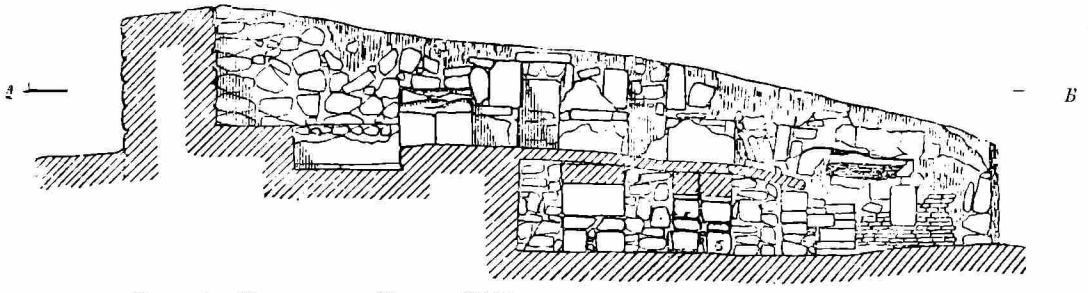

Рис. 6. Херсонес. Баня XIII в. на участке раскопок 1937 г.
Разрез по линии *А — Б*.

образуя как бы фальшивую арку. За черепичным сводиком следовал короткий сводик из крупного кирпича (дл. 0.40 м, выс. 0.33 м). Отсюда начинается упомянутый выше продольный канал, проходящий между двумя парами устоев, разделяющих поперечные каналы и ограничивающих центральный канал (ширина устоев 0.53 и 0.50 м). Устои эти попарно, поперек бани, соединены толстыми плитами (толщ. 0.17—0.18 м), перекрываю-

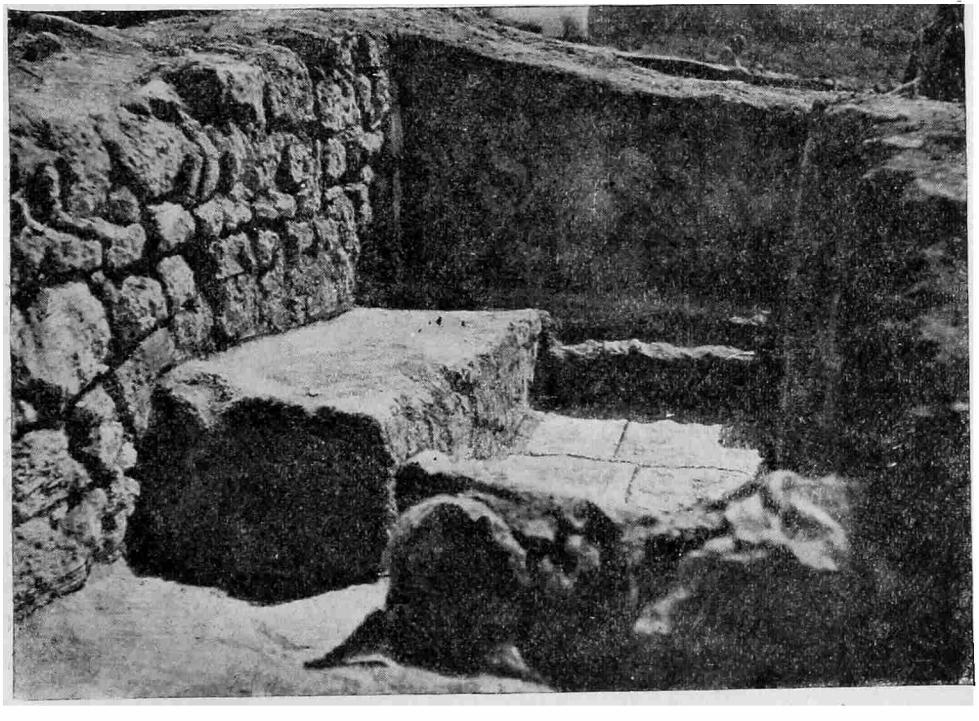

Рис. 7. Херсонес. Баня XIII в. на участке раскопок 1937 г. Раздевальня.

щими, таким образом, в соответствующих местах центральный канал; одно из этих перекрытий (юго-западное) представляет собой арку, другое (северо-восточное) является плоским перекрытием (см. разрез, — рис. 6). Устои и соединяющие их плиты перекрытия поддерживают большие и сравнительно тонкие (толщ. 6—8 см) мергелевые плиты, образующие пол бани, являясь для него достаточно надежным основанием. В виду этого поперечные каналы, к тому же довольно узкие, не было необходимости пере-

крывать толстыми плитами, которые поэтому здесь отсутствуют, благодаря чему подпольное обогревание бани усиливалось.

Как было указано выше, вертикально идущие каналы не были сплошными (во всю высоту бани), а прерывались на высоте 0.72 м от пола горизонтальными плитами. По крайней мере, таковым являлся крайний из них на юго-восточной стене (ближайший к предбаннику), где эта плита сохранилась. Таким образом вертикальные каналы, очевидно, не могли быть использованы в качестве дымохода. Мало того: судя по полному отсутствию копоти в этих каналах, бо́льшая часть дыма, вероятно, и вовсе не доходила до них. Дымоход, надо полагать, был устроен где-то вблизи топки или прямо над ней, т. е. в той части бани, которая сейчас уже разрушена. Что дымоход мог быть именно здесь, над топкой, показывает аналогичное устройство в маленькой баньке в армянском монастыре Татеве (см. ниже). Впрочем очень возможно и то, что не все вертикальные каналы прерывались плитами, и что таковыми были лишь каналы одной юго-восточной стороны бани, а противоположные три были сплошными, являясь дымоходами. Во всяком случае несомненно то, что баня отапливалась не по-черному.

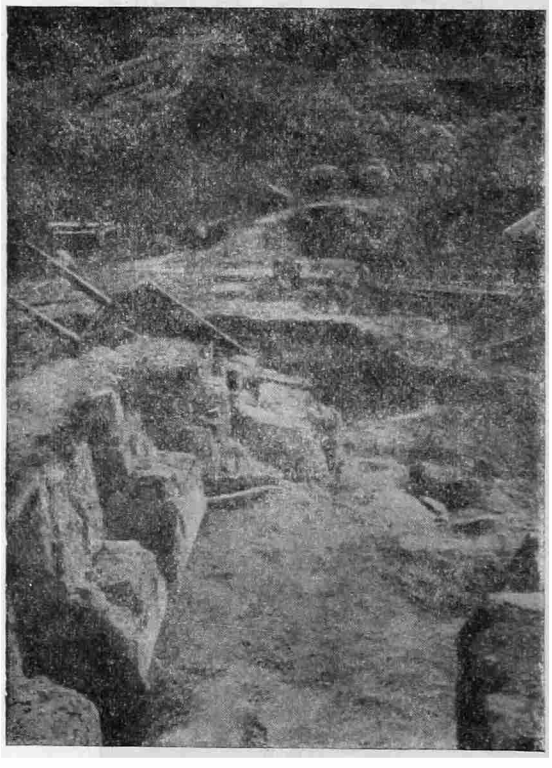

Рис. 8. Херсонес. Баня XIII в. на участке раскопок 1937 г. Общий вид с северо-восточной стороны.

Над черепичным сводиком топки, у юго-восточной стены бани, сохранился довольно большой кусок многослойного цемянкового пола (можно насчитать до 14 слоев) толщиной 0.14 м (рис. 11). Ширина сохранившейся части этого пола (считая вдоль стены) 0.75 м. Пол имеет сильный наклон к западному углу бани, разрушенному еще в XIX в., чем, собственно, этот наклон и объясняется.

Имеющиеся достаточно точные аналогии, о которых речь ниже, дают полную возможность объяснить этот цемянковый пол как многослойную обмазку резервуара для воды, расположенного как раз над топкой и отделенного от основного помещения топкой каменной стенкой, к сожалению не сохранившейся; сохранились лишь слабые следы ее притыка к юго-восточной стене бани. Вся стенка, как и цемянковый пол, очевидно, обрушилась в западную сторону, т. е. в сторону упомянутого колодца XIX в.

Таким образом отопительную систему бани можно представить себе в следующем виде. Огонь, разводившийся в топке, прежде всего нагревал расположенный как раз над ней довольно вместительный (ширина по нашей реконструкции 0.90 м), резервуар с водой. Дым выходил наверх по дымоходу, расположенному, вероятно, рядом с топкой. Теплый воздух из топки, а частью и дым, направлялся по центральному каналу, а затем по боковым, обогревая каменный пол бани, и попадал, наконец, в вертикальные каналы, обогревая таким образом стенки бани и продольные скамьи ее.

Горячую воду черпали из резервуара, для чего в стенке, отделяющей его от мыльни, было, вероятно, устроено, судя по аналогиям, небольшое

окошко (см. реконструкцию — рис. 12). Как снабжалась мыльня холодной водой — сказать трудно. Возможно, что при упрощенном устройстве этой

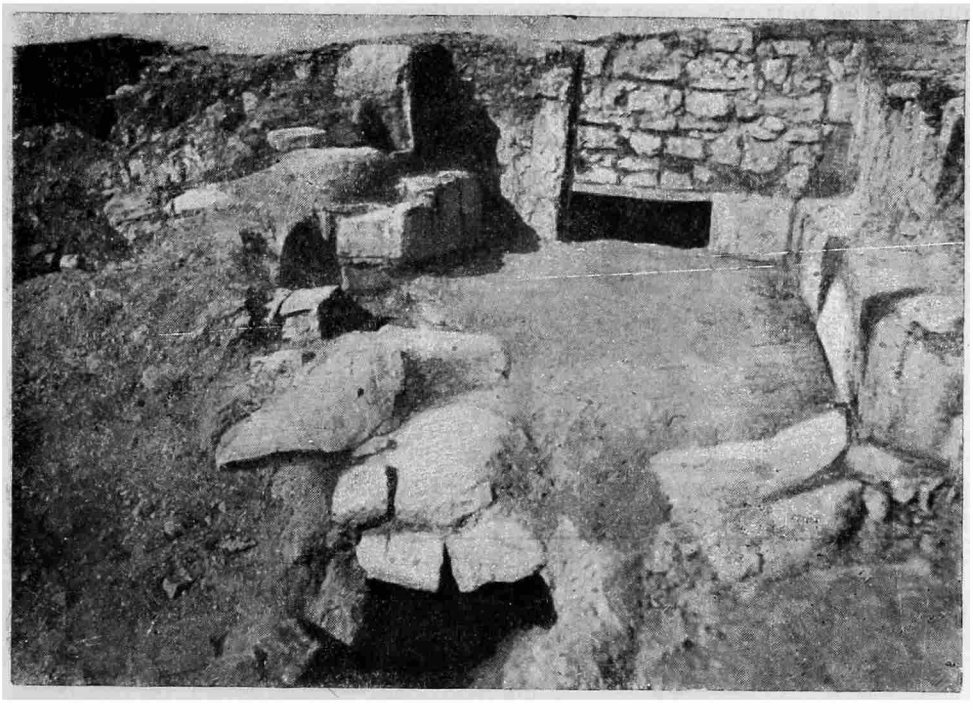

Рис. 9. Херсонес. Баня XIII в. на участке раскопок 1937 г. Общий вид с юго-западной стороны.

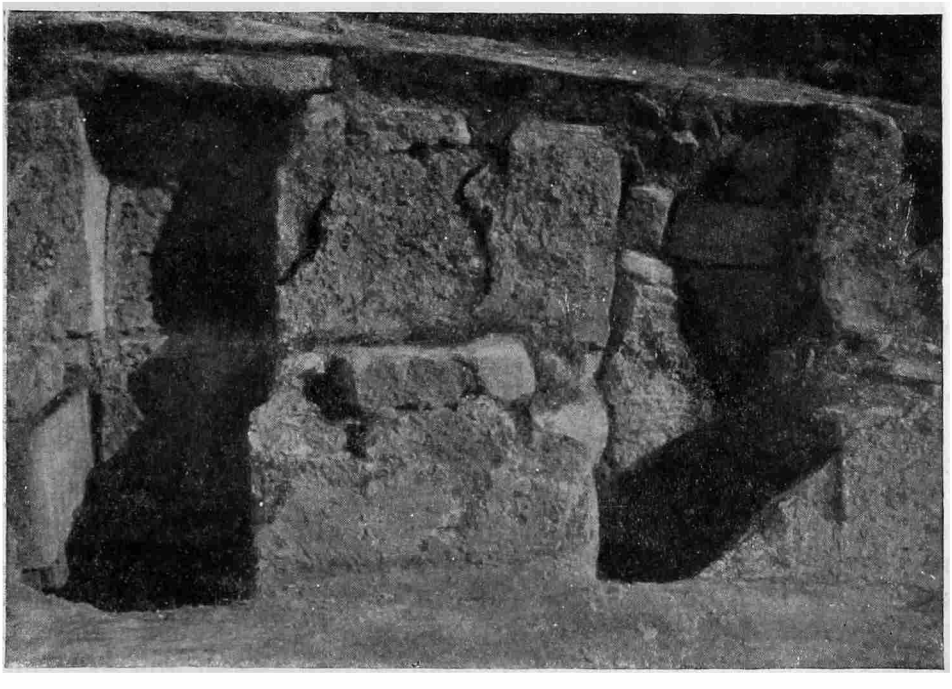

Рис. 10. Херсонес. Баня XIII в. на участке раскопок 1937 г. Вертикальные каналы бани.

бани холодная вода попросту ставилась в бане в особой бочке или кадке; во всяком случае никаких особых трубопроводов при раскопке бани не зарегистрировано. Грязная вода стекала, надо думать, в особое отверстие,

расположенное, вероятно, в западной, разрушенной, части бани.[1] Предбанник был холодный: подпольный канал до него не доходил.

Для реконструкции внешнего облика бани раскопки дают очень немного материала: за исключением характера бутовой кладки стен и штукатурки, покрывавшей наружные фасады и стены внутри бани, все остальные приходится реконструировать по аналогиям. Полагаем, что при данной небольшой ширине бани (1.75 м) и толщине стен (0.65 м) она, вероятнее всего, была перекрыта коробовым сводом, продолжавшимся и над резервуаром с водой, если последний не имел особого коробового свода, ориентированного, соответственно оси помещения, перпендикулярно оси коробового свода самой бани. Поверх коробового свода шла, очевидно, двускатная черепичная кровля. Предбанник, по всей вероятности, также был перекрыт коробовым сводом, хотя утверждать это трудно.

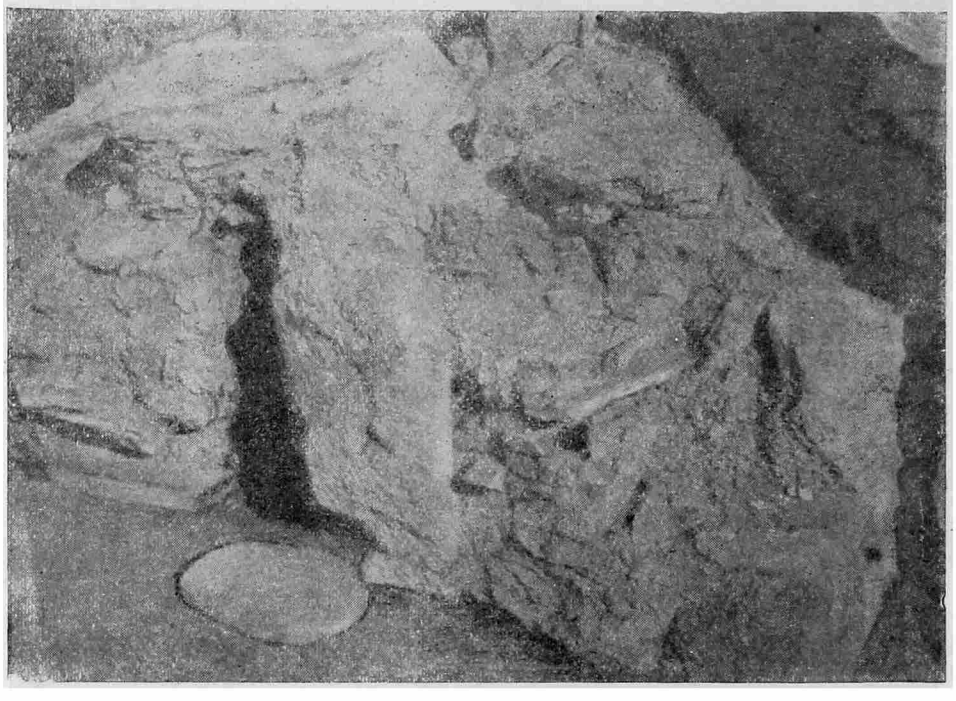

Рис. 11. Херсонес. Баня XIII в. на участке раскопок 1937 г. Топка.

Так, нам представляется, выглядела частная баня жилой усадьбы северного прибрежного квартала Херсонеса, раскопанная в 1937 г.

Не совсем ясен и здесь вопрос о времени существования бани: точных данных для ее датировки также не имеется. Ясно лишь одно: стратиграфически баня относится к последнему строительному периоду в жизни Херсонеса, т. е. к XIII—XIV вв. Данные технические, именно кладка бани, вполне подтверждают такую, хотя и очень общую, датировку. Керамика, происходящая из кладовой этой усадьбы (пом. № 1) также типично-позднесредневековая. К XIII в., по всей вероятности, относится и найденная в том же помещении шиферная иконка Благовещения. Большое значение для датировки бани могла бы иметь вогнутая монета, найденная при очистке топки. Но к сожалению она оказалась сильно испорченной окисью и определению, поэтому, не поддается. По мнению составителя описи монетных находок Л. Н. Беловой-Кудь, по общему типу монета относится к XI—XII вв.[2]

[1] Судя по небольшому, изначально существовавшему наклону пола бани в юго-западную сторону, сток грязной воды мог быть только с этой стороны, но так как в южном углу его нет, то, очевидно, он находился в западном углу.

[2] Приложение к отчету Г. Д. Белова о раскопках в 1937 г. № 119.

Однако указание это, в виду испорченности монеты, недостаточно надежно и использовать его не решаемся.

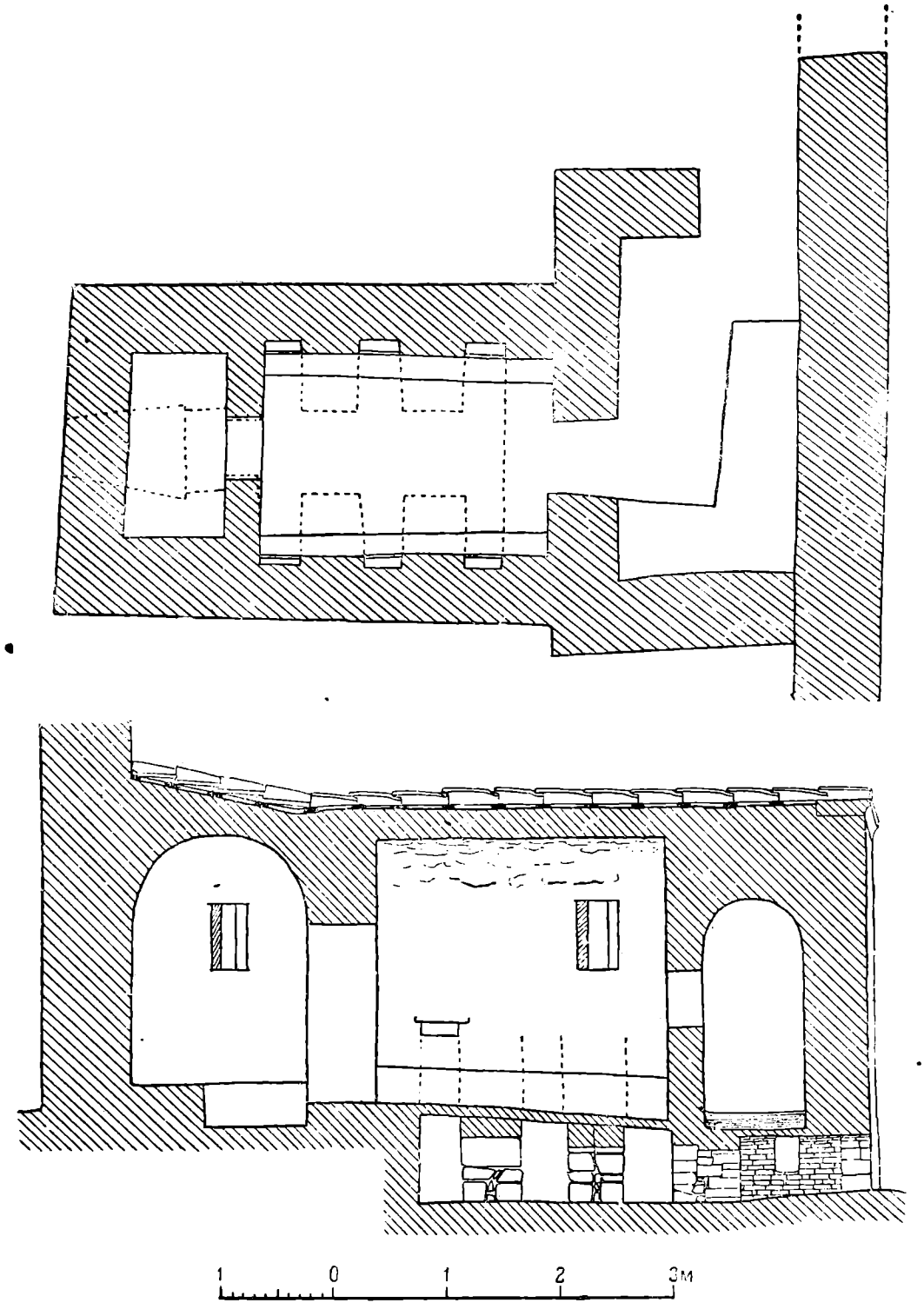

Рис. 12. Херсонес. Баня XIII в. на участке раскопок 1937 г. Реконструкция (план и разрез).

Обе описанные выше бани имеют, как видим, много общих черт планировки и всего устройства, что дает право при дальнейшем изучении рассматривать их вместе.

Прежде всего следует отметить, что средневековые бани такой композиции в виде двух помещений (раздевальни и мыльни) и с помещением для

топки, с подпольным отоплением и каменным полом на столбиках или на более массивных устоях, известны далеко за пределами Херсонеса.

Отсутствие исследований средневековых бань греко-восточных областей, с которыми Херсонес издавна был в культурной связи, лишает нас возможности привлечь этот материал. Зато не мало подобных бань известно в Закавказье, в частности в Армении. Наиболее близкой по устройству является баня в Анберде, родовом замке князей Пахлавуни на южном склоне Арагаца (рис. 13 и 14, *а* и *б*): те же три помещения, из которых два основных, квадратных в плане, — мыльня и раздевальня — перекрыты куполом на фальшивых тромпах. Баня исследована во время раскопок 1936 г.; ей посвящена статья акад. И. А. Орбели, откуда заимствуем краткое описание бани.[1] «Она состоит из двух комнаток под куполом, лежавших на тромпах (кстати сказать, высеченных из одного камня, т. е. фальшивых. *А. Я.*) с круглыми отверстиями в куполе. Пол обеих комнат был образован каменными плитами, края которых лежали на выступах основания стен и подпирались каменными же столбиками. Пространство под этими плитами сообщалось с топкой, обслуживавшей цементированный внутри каменный бак в третьем маленьком помещении, в котором нагревалась вода. Огонь, горячий воздух и дым из этой топки распространялись под плитами и горячий воздух из-под плит находил себе выход по толстым глиняным трубам, вделанным во все углы комнаток под облицовкой стен. Трубы эти, выходившие на крышу бани, должны были обеспечивать нагрев не только пола, но и стен бани». Добавим к этому, что в Анбердской бане в стене мыльни имелась и ниша для мытья, подобная нишам Херсонесской бани в III квартале, лишь меньше по размеру. На основании ряда признаков, в частности наличия тромпов, Анбердскую баню можно датировать временем не позже XI—XII вв.

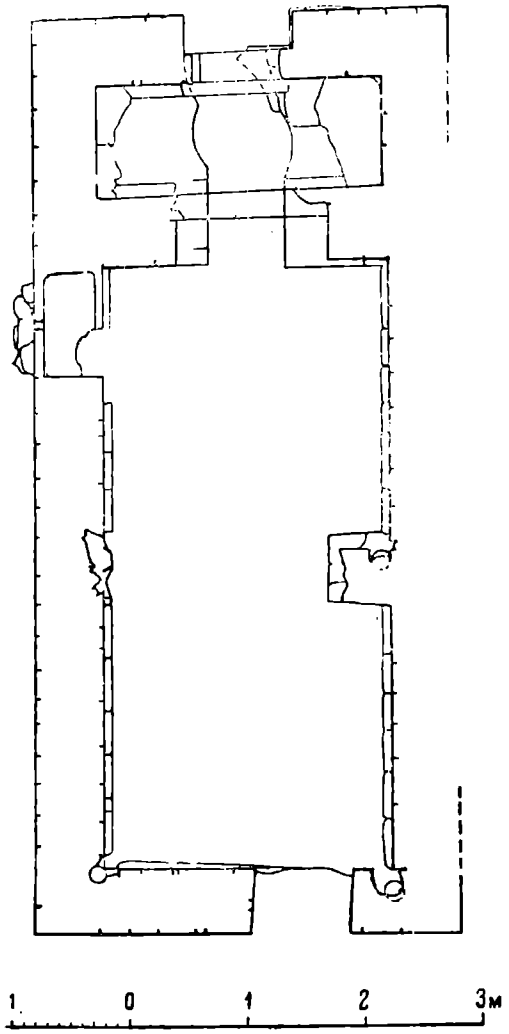

Рис. 13. Баня XI—XII вв. в Анберде (Армения). План (чертеж Н. М. Токарского).

В основном то же устройство, правда немного более сложное, воспроизводит небольшая дворцовая баня в Ани (Армения), входящая в комплекс дворца Багратидов,[2] относящаяся, вероятно, к более позднему времени, но не позднее XIII в. (рис. 15). Анийская баня состоит из 7 помещений.

[1] И. А. Орбели. Баня и скоморох XII в. Сб. «Памятники эпохи Руставели», изд. Акад. Наук СССР. Л., 1938, № 162—163. Публикуемые здесь чертежи исполнены Н. М. Токарским; за разрешение издания их приношу благодарность руководителю Анбердской экспедиции — акад. И. А. Орбели.

[2] Н. Я. Марр. Ани. Л., 1934, стр. 71, табл. XXXII. — И. Орбели. Краткий путеводитель по городищу Ани (Анийская серия, № 4), СПб., 1910, стр. 14.

Основными помещениями являлись две маленьких мыльни: бóльшая из них, восточная (3 × 4 м), имела две ванны, помещенные посредине боковых

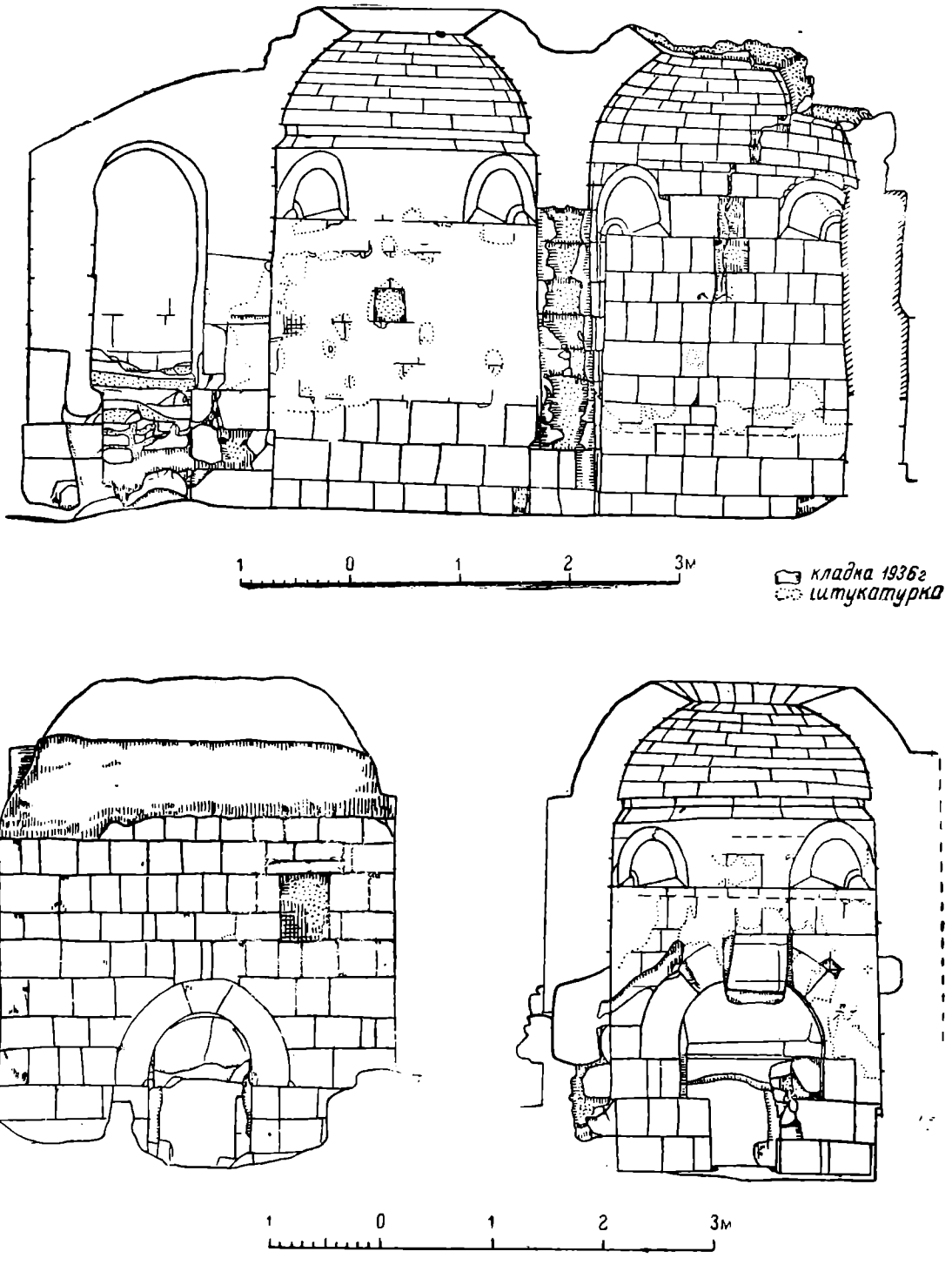

Рис. 14. Баня XI—XII вв. в Анберде (Армения).
а — продольный разрез; *б* — северный фасад и поперечный разрез (обмер и чертеж Н. М. Токарского).

ее стен; глиняные трубы вдоль этих стен снабжали ванны горячей и холодной водой. Кроме того, «в промежутке между двумя отделениями (купальнями. *А. Я.*) — узкая поперек комнатка, где был сооружен бассейн для холодной воды и помещался котел для кипячения воды».[1] Под котлом на-

[1] Н. Я. Марр. Ани, стр. 71.

ходилась топка. Нагретый воздух и дым расходились под каменным полом купален, состоявшим, как и в одной из херсонесских бань, из плит на каменных столбиках, и выходил затем наружу по вертикальным трубам, заложенным в стенах. Кроме того, «в стены были замурованы довольно толстые глиняные трубы, служившие для горячей и холодной воды; под полом шла более толстая труба для грязной воды; по такой же толстой трубе подавалась и чистая вода».[1] Каменный пол купален был покрыт толстым слоем водонепроницаемого известкового раствора. «Из восточного отделения через миниатюрную дверь со стрельчатым верхом выходили в переднюю, где находилась и маленькая ножная ванна из камня. . . Из передней выходили через северную дверь в раздевальню. В одном углу было углубление для водосточных труб, значительная же часть комнаты была занята для отдыха после бани. Узкий коридорчик из раздевальни вел в прихожую с водопроводными трубами, в том числе и теми, по которым

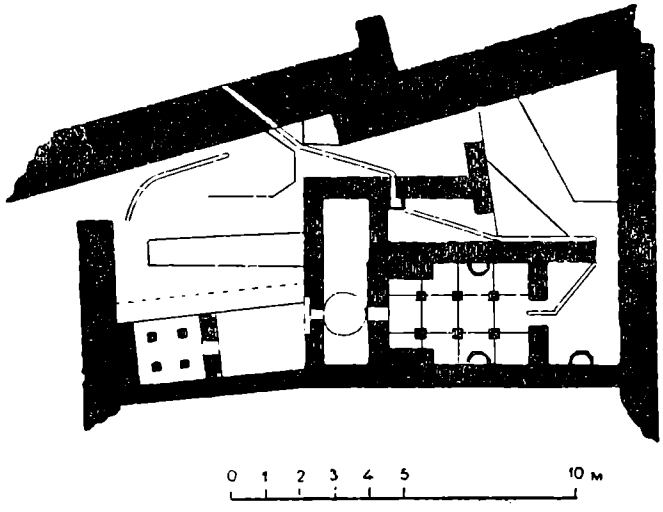

Рис. 15. Баня XII—XIII вв. в Ани (Армения).
План (по Н. Я. Марру).

текла, вероятно, чистая вода в бассейн холодной воды и в котел для горячей».[2] Мыльни, как вероятно, и другие помещения бани, были перекрыты коробовыми сводами.

Анийская баня отличалась, таким образом, от херсонесских лишь большей сложностью и благоустройством, но не принципом устройства. Еще ближе к Херсонесской (особенно к расположенной в III квартале) — баня XIII в. в Дманиси, в Грузии, исследованная во время раскопок 1936—1937 гг.,[3] также состоящая из трех помещений: мыльни, раздевальни и узкого помещения с котлом для подогревания воды, с топкой под ним. В мыльне, по сторонам ее, имеются две глубокие ниши, совершенно аналогичные нишам в Херсонесской бане, но здесь, кроме того, в середине мыльни расположен бассейн (ванна). Два основных помещения бани (мыльня и раздевальня), как и в Анберде, перекрыты куполами с отверстием в середине для освещения.

Вторая херсонесская баня, домашняя, раскопанная в 1937 г., значительно меньше описанных и, соответственно, гораздо проще их: боковые ванны здесь отсутствуют, отсутствует и вся система водопроводных труб для подачи горячей и холодной воды, значительно проще был устроен

[1] И. А. Орбели. Путеводитель. . ., стр. 14.
[2] Н. Я. Марр. Ани, стр. 71.
[3] Л. Мусхелишвили. Раскопки в Дманиси. Сов. археол., VI, 1940, стр. 273 сл.

дымоход, расположенный, вероятно, возле топки, и подпольный канал отопления (вместо столбиков — примыкающие к стенкам устои). Но все же общий принцип планировки и устройства бани сохранен полностью.

Важно отметить, что тип небольших бань, вроде Анбердской или Дманисской, был очень устойчив и дожил в своих основных частях почти без изменения до позднейшего времени. Например, этот тип целиком повторен в миниатюрной баньке XVIII в. в монастыре Татеве (Герусинский район Зангезура, Армения).[1] Вследствие своих небольших размеров, эта банька приобрела как раз те черты упрощенного устройства, которые мы только что отмечали в Херсонесской домашней бане. Благодаря хорошей сохранности, Татевская баня как бы дополняет представление о ней (рис. 16).

Баня (наружные размеры 7.60 × 3.0 м) также состоит из трех помещений: квадратной в плане раздевальни, или предбанника, затем квадратной же мыльни с отдушинами в виде гончарных труб, заложенных в верхней части стен; в простенке между этими помещениями имеется отверстие, куда стекала грязная вода. Горячая и холодная вода поступала в мыльню по узким гончарным трубам из соседнего маленького невысокого помещения или, вернее, камеры, расположенной выше пола купальни; кроме того, в стенке, разделяющей эти помещения, имеется небольшое прямоугольное окошко в сторону мыльни, служившее, надо думать, для черпания горячей воды из котла, который помещался в этой камере. Под сводом ее, с северной стороны, заложены две гончарные трубы для подачи в котел холодной воды. Под камерой помещается продолговатая (поперек всей бани) узкая топка с устьем в южной стене бани, крытая коробовым сводиком и с двумя отверстиями, одно из которых, прямоугольное, находится вблизи топки и является дымоходом (вспомним Херсонесскую домашнюю баню), а другое, цилиндрическое, выходит в упомянутую камеру и служило для подогревания воды в установленном над этим отверстием котле. Кроме того, от топки под баню идет прямоугольный в сечении канал, который затем пересекается подобным же поперечным каналом; оба они служили, очевидно, для подпольного отопления мыльни; образуемые этими каналами две пары каменных устоев поддерживали каменные плиты пола бани: подпольное устройство здесь, как видим, совершенно тождественно Херсонесской домашней бане. Все три помещения Татевской монастырской баньки перекрыты уже не куполом, а коробовыми сводами.

Закавказские аналогии херсонесским баням, как видим, достаточно близки. Дело нисколько не меняется от того, что Херсонесская общественная баня, относящаяся к IX—X вв., немного древнее, чем приведенные аналогии, начиная с Анбердской бани XI—XII вв.: тип этих бань сложился в Армении и Грузии, конечно, задолго до XI в.; он исходит, ведь, еще из античной традиции устройства терм.

Важен, прежде всего, сам факт наличия ближайших аналогий херсонесским баням именно в Грузии и, особенно, в Армении, что является еще одним свидетельством культурных связей Крыма и Закавказья, усилившихся, как известно, в XIII в., в период монгольского нашествия. С этого времени культурные связи с Арменией начали принимать характер непосредственного живого общения: сюда, в Крым, преимущественно из городов, направилась целая волна армянской эмиграции.

Вопрос об этих культурных связях, конечно, далеко не решается приведенными фактами. Эту связь можно проследить и на материале массового художественного производства и, прежде всего, на материале художественной керамики, именно поливной посуды.[2]

[1] Обследован нами в 1936 г. Публикуемый чертеж выполнен по обмеру Ю. П. Гремячинской.

[2] Кстати, очень показательным является тот факт, что найденные при раскопке Анбердской бани две бронзовые многогранные ступки, служившие для приготовле-

Разумеется также, что приведенные аналогии херсонесским баням не предрешают и вопроса о непосредственном источнике, с которыми связано

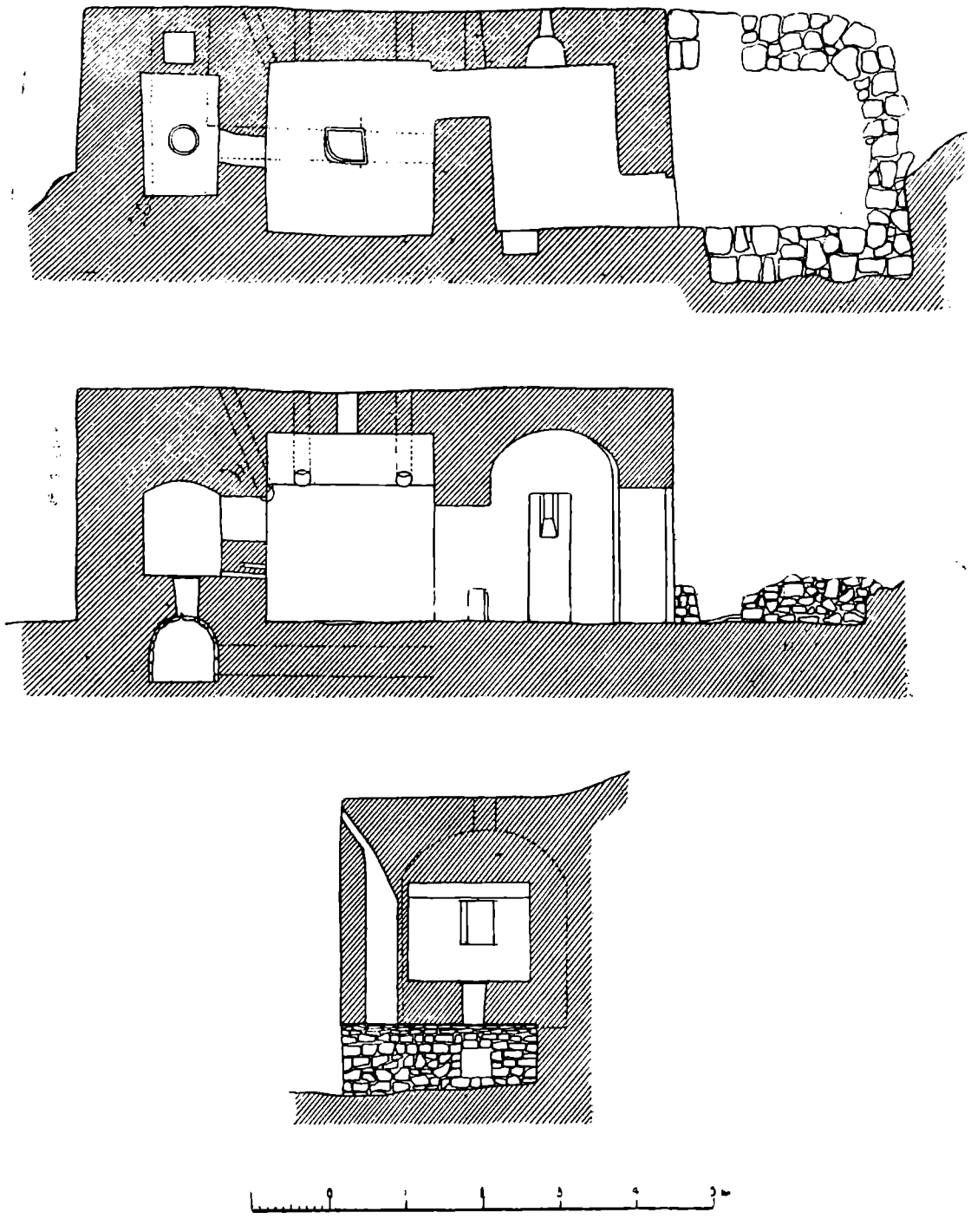

Рис. 16. Баня XVIII в. в Татеве (Зангезур, Армения). План и разрезы.

было появление такого рода бань в Херсонесе. Решение этого вопроса стоит в связи не только с памятниками Кавказа, но и исследованием этого рода памятников в греко-восточных областях, особенно Малой Азии. Но

ния благовоний и притираний, которыми пользовались знатные посетители бани — владетели Анберда, с ручкой в виде быка на одной из них, совершенно тождественны, до деталей, маленькой ступке, найденной в 1903 г. при раскопках средневекового Херсонеса, отличаясь лишь бóльшими размерами (издана в ИАК, вып. 16, стр. 72).

и наличия закавказских аналогий вполне достаточно, чтобы нащупать то направление, в котором следует искать этот источник. Говоря общо, это направление лежит в сторону Кавказа и Малой Азии.

По сравнению с приведенными выше памятниками Армении и Грузии, Херсонесская баня III квартала имеет существенное отличие: по своему размеру она больше их. Это объясняется тем, что в противоположность Анийской и Анбердской баням, являвшимся дворцовыми, рассчитанными, следовательно, на узкий круг посетителей, Херсонесская баня, расположенная на внутренней площади большого жилого квартала, являлась баней общественной.

Иная социальная природа домашней бани, раскопанной в 1937 г. Она, как сказано, сооружена во дворе сравнительно большой жилой усадьбы XIII — может быть нач. XIV в. и была, таким образом, частной. Появление частной бани лишь в позднейший период существования Херсонеса является, полагаем, не случайным. Конечно, трудно делать сколько-нибудь определенные выводы, пока Херсонес раскопан всего на одну треть и других частных бань здесь пока не известно. И все же решаемся высказать одно соображение. Не стоит ли появление в позднесредневековом Херсонесе частных бань в связи с усилившейся именно в этот позднейший период социальной дифференциацией в городе.[1] В этом нашло свое непосредственное отражение то развитие в Крыму феодальных отношений, в частности в юго-западном его районе, которое падает именно на указанное время. Наиболее важным фактом в этом отношении является возникновение феодального княжества Феодоро и рост его городов — Эски-Кермена, а затем Мангупа, теснейшим образом связанных с Херсонесом, продолжавшим в XIII в. оставаться торговым и ремесленным центром всей западной половины Крыма. Херсонес в XIII в., накануне своего захирения и гибели, переживал последний период своего оживления: город даже рос, вновь освоив запустевшие с конца X в. окраины, приобревшие теперь, повидимому, специфически ремесленный характер. Так, в условиях позднего средневековья в Херсонесе слагались новые черты социальной топографии.

Монументальными памятниками, отразившими социальную дифференциацию в позднесредневековом Херсонесе, являются не только рассмотренные бани. Сюда относятся и те, типично феодальные по своей природе двухэтажные церкви-усыпальницы, которые появляются здесь как раз в рассматриваемое время в XII—XIII вв.[2]

В качестве историко-культурного материала рассмотренные бани Херсонеса не менее важны. В обоих памятниках, отражающих, если так можно выразиться, массовую культуру города, отчетливо, как видим, выступают черты культуры средневекового Закавказья. Это, конечно, не значит, что именно отсюда занесен был в Херсонес и сам тип подобных бань, имевший распространение, надо полагать, не только в Армении и Грузии. В этом отношении особое значение для Херсонеса имела, несомненно, культура средневековых городов прибрежных районов Малой Азии, однако еще почти не тронутая исследованием; между тем хорошо известно, что именно с этими городами, больше чем с какими-либо другими, Херсонес исстари и непрерывно находился в теснейшем общении.

Впрочем, независимо от этого, проникновение в Херсонес отдельных черт культуры средневекового Закавказья, особенно в позднесредневековый период, не должно удивить: в XIII—XIV вв. кавказский культурный пласт в той или иной мере прощупывается в художественной культуре городов

[1] Подробно об этом, в гл. II подготовленной мной монографии, посвященной позднесредневековому Херсонесу в целом. Очень краткое изложение этой главы напечатано в «Кратких сообщениях ИИМК», V, 1940, стр. 31—38.

[2] См. мою статью «Из истории средневековой архитектуры в Крыму, церковь в сел. Лака» (Проблемы истории докапиталистических обществ, 1934, № 11—12).

Крыма почти повсеместно: он вскрывается и в архитектурной декоровке позднесредневекового Херсонеса и его массовой поливной керамике, а еще больше, в зодчестве противоположного края полуострова — в памятниках Старого Крыма и Феодосии.

A. JAKOBSON

CONTRIBUTION À L'HISTOIRE DE L'ARCHITECTURE MÉDIÉVALE EN CRIMÉE

III. LES BAINS MÉDIÉVAUX DE CHERSONÈSE

Résumé

L'auteur étudie deux bains du moyen âge à Chersonèse ayant une grande importance pour la connaissance de l'aspect culturel de la ville dans la période du IX-e au XIII-e siècles.

Les uns sont situés dans la partie nord-est de la ville, dans le quartier III et se trouvent sur la place intérieure du quartier. Ils datent du IX—X-e siècles et étaient publiés. Les autres furent exhumés par les fouilles de 1937 dans la cour d'une grande demeure particulière dans un des quartiers riverains de la ville; c'était par conséquent des bains privés. Ils peuvent être datés du XIII-e siècle. Les fonctions sociales différentes de ces deux bains reflètent le phénomène intense de différenciation de la société qui s'accentua surtout au XII-e et au XIII-e siècles — période du développement des relations féodales en Crimée.

Les deux bains offrent des traits communs dans leur aménagement. Ils se ressemblent par la même disposition des locaux (chambre de déshabillage, de savonnage, local pour le chauffage de l'eau au-dessus du foyer), le même système de chauffage souterrain et le même procédé de réchauffement de l'eau, tel que le reconstitue l'auteur. Ils diffèrent seulement par leurs dimensions et, en conséquence, par la construction du plancher (dans les bains du quartier III, les dalles du plancher reposent sur de nombreux petits poteaux, tandis que dans ceux découverts en 1937 elles s'appuient sur des soutiens massifs s'avançant hors des murs).

Pareil aménagement des bains de Chersonèse a des analogies très proches dans les monuments de l'Arménie médiévale (bains des XI—XII-e siècles à Anberda, bains des XII—XIII-e siècles à Ani) et de la Géorgie (bains du XIII-e siècle à Dmanisi). Ce type s'est montré très stable et a subsisté en Arménie presque sans modification jusqu'au XVIII-e siècle (bains du XVIII-e siècle au monastère de Tatev à Zangezur).

Toutefois, on n'a aucune raison de croire que le type de ces bains a été introduit à Chersonèse de la Transcaucasie. Il est beaucoup plus probable, historiquement, qu'il a son origine dans la culture des villes médiévales de l'Asie Mineure, avec lesquelles Chersonèse entretenait depuis longtemps des relations très étroites et ininterrompues. Les liens qui unissaient cette culture à celle de la Transcaucasie sont bien connus — ils peuvent expliquer l'existence d'anlaogies des bains de Chersonèse en Géorgie et, surtout, en Arménie.

МЕЛКИЕ СООБЩЕНИЯ

Н. Н. ГРИБАНОВСКИЙ

СВЕДЕНИЯ О ПИСАНИЦАХ ЯКУТИИ

Писаницы, т. е. рисунки на скалах, имеющиеся в некоторых районах Якутии, представляют собой источник, к которому до настоящего времени еще не обращались исследователи Якутии, но который мог бы пролить свет на самую отдаленную эпоху жизни населения края, дать интересный и достоверный материал для выяснения вопроса о древних его насельниках.

В различных местах на скалах по берегам р. Лены и многих ее притоков рукой какого-то народа начертаны знаки и рисунки, изображающие большей частью животных, сцены охоты и быта. Эти ценные памятники отдаленнейших времен встречаются во многих местах Якутии в системе р. Лены, по Олекме, Чаре, Токко, Мае, Нюе, Алдану, Мархе (приток Лены), близ ст. Бестях и Титары на р. Лене и, вероятно, в других неизвестных еще пунктах. Будучи разысканы, зафиксированы фотографически и изучены в сравнении с подобными же рисунками, находящимися вне пределов Якутии, они несомненно дадут возможность воссоздать одну из первых страниц истории края. По этим соображениям сбор материалов по писаницам и изучение их являются одной из актуальнейших задач, стоящих перед исследователями прошлого Якутии.

Привожу список литературы, дающей более или менее ясные указания на места нахождения писаниц:

1. Вас. Мальцев. Дневник священника Усть-Майской матфиевской церкви в учурскую поездку 1892 г. Якутск. епарх. вед., 1893, №№ 19 и 20. Указано, что на правом берегу р. Маи, между станцией Селенга и Цыпандино, находятся на скале на высоте двух саженей изображения человека, медведя и собаки, сделанные краской (автор осматривал и описал также майские пещеры под названием «Чертов дом»).

2. С. Я. От Якутска до Аяна (Путевые заметки). Вост. обозр., 1895, № 88. Приведено краткое описание рисунков, сделанных красной краской на скале «Кыллах» по р. Мае.

3. Протокол обыкновенного общего собрания Троицко-Савско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела РГО, № 3 от 20 марта 1895 г., Иркутск, тип. П. И. Макушина, 1895, стр. 33. Приведено сообщение Д. А. Клеменца «Северо-азиатские рунические письмена и чтение их». См. Приложение I (3—32). Автор сообщает, что около р. Лены, в одной из долин ее, находится скала с писаницами, на которых, кроме фигур людей, имеются какие-то черты и надписи. Затем, по словам одного якута, в системе р. Алдана имеется камень, покрытый письменами, в которых одни знаки отделены от других двоеточиями.

4. Д. [А] Клеменц. Северо-азиатские рунические письмена и чтение их. Иркутск, тип. П. И. Макушина, 1895, стр. 30. Отдельное издание сообщения, указанного под № 3.

5. Я. В. Стефанович. От Якутска до Аяна. Путевые наблюдения (Аянская экспедиция 1894 г.). Зап. Вост.-Сиб. отд. РГО (ОГ), 1896, т. II, вып. 3, стр. 1н + 184 + 1н, с картой и 5 рис. Указано, что на р. Мае на скале Кыллах имеется фигурное письмо, сделанное красной краской (рисунки приложены), стр. 64 и 65.

6. Н. А. Виташевский. Изображения на скалах по р. Олекме (Из наблюдений во время участия в Алданской экспедиции). Изв. Вост.-Сиб. отд. РГО, 1897, т. XXVIII, № 4, стр. 280—287. С табл. и рис. Резюме на нем. языке (стр. 288). Имеется отд. оттиск.

7. И. И. Майнов. Некоторые данные о тунгусах Якутского края. Тр. Вост.-Сиб. отд. РГО, 1898, кн. 2, стр. XIII + 214. С тремя табл. и двумя снимками. Сведения о том, что на Амге на скале Суруктах-Хая находятся старинные начертания; кроме того, со слов местного населения, автор указывает, что имеются изображения зверей и других фигур на утесах р. Синей, в верховьях р. Амги и в верховьях р. Мархи (стр. 204—206).

8. П. С. Алексеев. По сибирским рекам (Выдержка из путевого журнала). Вестн. Европы, 1900, № 1, стр. 225—248. (Переиздано в Правит. вестн., 1900, №№ 110 и 111). Приведены указания, что у станции Еланской над Леной на высоком утесе имеется изображение коня, жабы и быка красной краской; в соседней пади также на скале изображены разные рисунки красной краской (рис. 242 и 243).

9. Н. А. Виташевский. По тайге за золотом. По дневнику и письмам автора. Переработали Н. Я. Мануилова и Н. А. Виташевский. С 36 рис. С. М. Дудина, по фотографиям автора. СПб., изд. Девриена, 1905, стр. 272. Краткие сведения о надписях на скале, стоящей у впадения р. Крестях в Олекму; надписи частью сфотографированы, частью зарисованы; приведены рисунки и изображения на скале (стр. 220 и 221).

10. Памятники древности (Городская хроника). Сиб. вести, Иркутск, 1912, № 111. Краткие сведения о надписях по р. Нюе.

11. Памятники древности. Природа, 1913, кн. 2, стр. 258. На береговых скалах по р. Нюе (на границе б. Иркутской губ. и Якутской обл.) найдены древние надписи.

12. Памятники древности. Якутск. окраина, 1913, № 19. О древних надписях на береговых скалах по р. Нюе.

13. А. [А.] Гайдук. Якутская лесоустроительная партия. Изв. Якутск. отд. РГО, 1915, т. I, стр. 103—106. На левом берегу Олекмы, на 631 версте от ее устья, ниже речки Оюлах на $1^1/_2$ версты, у 916-й точки имеется старинная надпись и рисунки, сделанные красной краской на серой скале (стр. 105).

14. М. [П.] Овчинников. Из моих встреч с Д. А. Клеменцем. Сиб. архив, 1915, кн. XI, стр. 493—504.

О писаницах по р. Лене (503).

15. К. Р. Вниманию исследовательского общества. Авт. Якутия, 1924, № 48. Краткие сведения о надписях на скалах р. Мархачан.

16. Тунгиро-Алданский район. Авт. Якутия, 1924, № 285. Сообщается, что на скалах вдоль р. Олекмы и Токко имеются рисунки и знаки, изображающие зверей, людей и т. п.

17. Г. В. Ксенофонтов. Изображения на скалах реки Лены в пределах Якутского округа. Бурятоведение, 1927, кн. III/IV, стр. 64—70, с рис. на 10 отд. л. в конце книги.

18. Харах. Сквозь дымку веков. Авт. Якутия, 1929, № 69. Краткие данные о писаницах по р. Мае, Мархе и Лене.

19. Н. [Б.]. Кякшто. Писаница Шаман-Камня. СГАИМК, 1931, № 7, стр. 29 и 30. С рис. писаницы. О писаницах в системе р. Нюкжи (приток р. Олекмы); дана библиография по вопросу.

Кроме этих данных, появившихся в печати, в моем распоряжении

имеются сведения от вилюйского краеведа П. Х. Староватова, что изображения на скалах встречаются по дороге от г. Вилюйска к г. Олекминску.

Привожу также выдержки из письма от 6 III 1937 Е. Д. Стрелова — исследователя, много работавшего в Якутии: «. . . О рисунках по Мае и Олекме вы знаете сами, к этому надо добавить также рисунки между станциями Тит-Ары и Тоен-Ары на Лене. Об одном из них писал, кажется, Ксенофонтов: это большой рисунок на отвесном камне высоко над уровнем Лены. Изображены (по-моему) самец-лось, самка-лось и теленок-лось, а над ними знак вроде двух сложенных накрест рожков. Животные стоят друг к другу головами. Здесь нет сплошных скал и рисунок сделан на одном камне, выступившем на дневную поверхность. Это на левом берегу Лены. Рисунок можно видеть издалека, с реки. Я к нему поднимался и касался руками. Нарисован красной краской на глинистом сланце.

Недалеко от этого рисунка около устья речки, по правой ее стороне почти на уровне воды, имеется пещера, обращенная выходом на р. Лену. С наружной стороны этой пещеры на скале, обращенной к впадающей речке, есть рисунок, изображающий камлающего шамана (в поднятой руке бубен) и ряд каких-то знаков, написанных в строчку. Когда я осматривал этот рисунок, бубен ударами камня был уже кем-то попорчен, что затруднит несколько определение народа, которому принадлежит рисунок. Внутренность пещеры я не осматривал, так как там темно, а у меня с собой не было ни спичек, ни свечки.

Около ст. Бестях есть так называемые «Сурук-ан» («Писанные ворота»), где очень много рисунков. Сам я их не видел, но жители тамошние могут их показать.

От бывшего учителя Чаринской Школы Петра Мальцева я знаю, что на Чаре, в районе школы, на скале тоже он видел рисунок, кажется, оленя.

Наконец, от Олекминского жителя Агафонова я знаю, что в верховьях р. Мархи (приток Лены) есть на скалах очень много рисунков. Ехать к ним надо со ст. Мархачан, откуда в те места крестьяне ездят на промысла. Должен предупредить, что Ксенофонтов тоже видел рисунок около Тит-Ары, но, по его мнению, нарисован бык и олень: или мы видели разные рисунки, или он ошибается. Я хорошо помню, что рога — лосиные (лопатообразные), а не оленьи (кустовидные).

По моему мнению, все эти рисунки сделаны эвенками, так как почти все они находятся на территории, занятой эвенками, в местностях, где скотоводы-якуты не смогли бы жить.

Кроме того я помню, как во время экспедиции на Алдан при проезде по территории 7-ми кангаласских эвенкийских родов в тайге, на тропах, по которым кочуют эвенки с Лены к Алдану, я неоднократно встречал свежие затесы на деревьях с рисунками углем, по характеру близкие к рисункам на скалах. Эвенки (Мафусаловы) отрицали, что рисунки сделаны ими, в то время как я хорошо знал, что это их надписи. Наконец, в одном случае мне удалось добиться расшифровки одного рисунка (наша экспедиция шла следом за Мафусаловыми, кочевавшими от Лены к Алдану). На затесе было нарисовано два оленя и железная печка. Оказывается, эту «записку» оставил старик Мафусалов своему отставшему сыну, который ехал где-то позади нас. Рисунок означал приблизительно следующее: «На этой ночевке оставлены нами 2 оленя и железная печь. Найди оленей, захвати печь и следуй за нами».

Затем от колымского краеведа Н. Н. Березкина получены следующие сведения: а) по б. Колымскому округу — 1) на правом притоке р. Омолона, речке Хунханде, на скале в 4 м над водой, по правому берегу, в 27 км от устья, высечен бегущий олень без рогов, за оленем бежит собака с вы-

сунутым языком и сзади собаки человек на лыжах с луком и стрелой. Старик одул (юкагир) Г. М. Щербаков, сопровождавший Березкина при объездах б. Колымского округа, объясняет это так: здесь, на этой территории, в давние времена, когда еще люди Омолона не знали ружья, было очень много диких оленей и на них больше охотились гоном весной по насту; 2) по правому притоку р. Березовки — р. Лисьей, на скале в 3 метрах над водой, по левому берегу, в 55 км от устья, высечен человек вниз головой. Около него с одной стороны голова лося с рогами, а с другой — лук с порванной тетивой. Тот же Щербаков объяснил это так: здесь был убит лосем человек — лучший охотник рода и убит сам лось на этом же месте.

б) По б. Верхоянскому округу — по притоку р. Улахан-Саркырыр — р. Хара-Делон по левому берегу, в 4 м над водой, на скале «Суруктах» высечен человек — охотник с луком и стрелой, направленной на белку, сидящую на дереве. Старик эвенки (тунгус) Ахыллар объяснил это так: здесь в старину была родина белок и для охотника всегда их было большое количество.

в) По б. Сеймчанскому району, по левому притоку р. Буюнды-Чуриту, на правом берегу, в 18 км от устья, на скале в 1.5 м над водой высечен олень с рогами, за ним человек с луком и стрелой, направленной на оленя, и за человеком крест.

Указанные выше писаницы Н. Н. Березкин видел лично. Все они высечены на серых песчаниках осадочной породы, какая их давность и какому племени (народу) они принадлежат — никто не знает. Лично Березкин их приписывает эвенкам (тунгусам).

Затем Березкин слышал от одула (юкагира) Г. М. Щербакова, что последний видел несколько писаниц по тропе из Анадыря на б. Анюйскую крепость, причем некоторые из них напоминали ему изображения букв, а остальные изображения оленя, белку или соболя.

Писаницы, указанные в заметке и находящиеся в южных районах Якутии, в большинстве своем сделаны красной краской, а в северных районах все писаницы высечены на камне.

А. П. ОКЛАДНИКОВ

НОВАЯ «СКИФСКАЯ» НАХОДКА НА ВЕРХНЕЙ ЛЕНЕ

На верхней Лене, вблизи Байкала, как и во всем западном Прибайкалье, кроме Байкальского побережья — у Ольхона, до сих пор не встречено памятников, аналогичных монументальным надгробным сооружениям времени поздней бронзы и раннего железа, распространенным в степных районах Сибири. Тем не менее, здесь нередки находки, не только характерные для степных районов Сибири, но и тождественные им.[1] Встречаются здесь, как известно, и оригинальные бронзовые вещи особых «таежных типов», также безусловно древние, предшествующие местным памятникам развитого железа.

В 1936 г. краеведу А. М. Индриксону посчастливилось сделать на Верхней Лене новую интересную находку — он обнаружил литую бронзовую бляшку, которая заслуживает быть отмеченной как характерный и, вместе с тем, своеобразный по своим деталям образец древнего искусства степных племен Сибири.

Местность, где найдена бляшка, расположена на левом берегу р. Манзурки (по-бурятски Байнзурхэн), в 2 км к СЗ от д. Полозково. Она до сих пор сохраняет старинное бурятское название «Локтай». По словам старожилов, здесь прежде находились жилища «мунгалов». Это слово у русских на Лене одновременно соответствует как их непосредственным предшественникам, аборигенам этих мест — бурятам, так и всем более древним насельникам края, замещая обычное в других местах слово «чудь». У бурят-монголов древние жители края в преданиях и легендах также часто называются «хара-монголами». Крестьяне при распашке полей постоянно встречали здесь древние вещи: удила, шаманские принадлежности, наконечники стрел. Попадались также бронзовые орудия, нефритовые топоры. Описываемая бляшка найдена была, как и все остальные вещи, случайно на пашне.

Бляшка литая, ажурная и покрыта густой темнозеленой (почти черной) патиной, размер бляшки 9 × 5.7 см (рис. 1).

Лицевая ее сторона представляет сцену борьбы двух животных. Одно из них — горный козел. Об этом свидетельствуют загнутые назад широкой и плавной дугой рога, а также ноги с копытами, общие очертания тела, морда с резко выраженной нижней челюстью травоядного животного и массивными губами, а также узкая извивающаяся борода. Непонятно лишь наличие довольно длинного хвоста. На рогах сверху изображены дополнительные головы животных, следующие одна за другой. Они близко напоминают голову козла, имеют массивную морду с слегка загнутой верхней губой, крутой лоб и длинные уши. Глаза на них даны в виде ямок, тогда

[1] Таковы, напр., старые находки у с. Бирюльского, опубликованные в ОАК за 1913—1915 гг. (стр. 218—219, рис. 273). Об условиях находки см.: Труды Иркутской ученой архивной комиссии, вып. 3, 1916, стр. 15; А. П. Окладников. Неолитические стоянки на Верхней Лене. Краеведение в Иркутской губ., 1926, № 3 (здесь по позднейшим расспросным сведениям уточнено место находки).

как у самого козла глаз имеет вид выпуклости, окруженной желобком и валиком. Тело козла перевернуто посредине в виде буквы S, причем из двух широко раскинутых задних ног одна копытом соприкасается с рогом, а другая с лопатками животного.

Второе животное — хищник. Формы его гибкого и стройного тела переданы с превосходным знанием натуры. Хищник имеет большую кошачью голову, на которой отчетливо выделены круглые уши, ноздри и длинные узкие глаза с миндалевидным разрезом. Верхняя губа выпуклая и крупная. Нижняя губа обозначена менее отчетливо, чем верхняя, но зато на ней ясно виден острый массивный клык раскрытой пасти. На мощных лапах обозначены когти. Они особенно ясно видны на передней лапе зверя, которой он вцепился в козла. Хвост животного длинный, загнутый крючком. Хищник изображен в таком же положении, как и его жертва, — с перевернутым в середине телом.

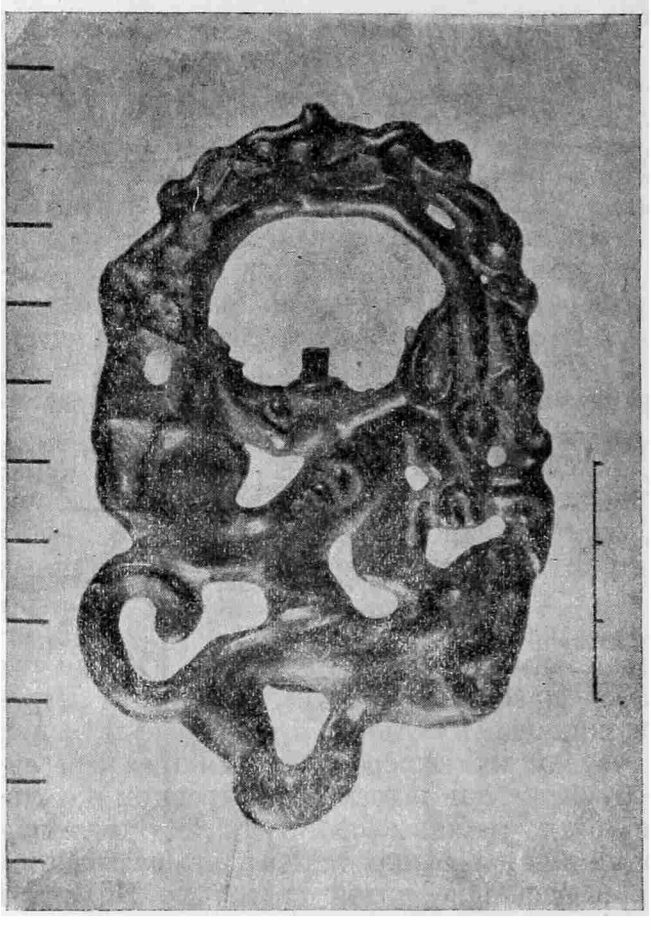

Рис. 1. Бронзовая бляшка с изображением тигра и козла (долина р. Манзурка).

Экспрессивная поза козла и хищника хорошо выражает напряжение переплетающихся в смертельной схватке животных. Суженные глаза хищника, его оскаленная пасть и прижатые назад уши усиливают это впечатление.

Для общей композиции нашей бляшки характерно несколько необычное соотношение обоих животных. Травоядное, напр. марал или лось, занимает обыкновенно пассивное, «жертвенное», место. Хищник нападает на него сверху, со спины и терзает свою жертву не только когтями, но и зубами. Здесь же хищник напал спереди и вцепился в козла только когтями. Последний бьет хищника копытами по морде и туловищу, как это видно из положения ног козла. Перед нами своего рода поединок, а не простая сцена охоты тигра на козла.

Оборотная сторона бляшки снабжена двумя шпеньками с овальными шляпками. Оба шпенька симметрично расположены по концам бляшки вдоль ее длинной оси и несомненно служили для закрепления на деревянной основе или, может быть, коже.

Реалистическая жизненность форм изображенных на бляшке животных в сочетании с чисто декоративной их стилизацией, а также ряд частных признаков не оставляют сомнения в том, что это изделие входит в группу памятников искусства степных племен Сибири и Монголии скифосарматского времени. Сцена, изображенная на бляшке, столь же типична, как и стиль, именно для этого искусства, основным содержанием которого являются звериные мотивы и прежде всего борьба зверей.

По свободной трактовке сюжета, мастерству и законченности формы, описанная бляшка может быть сопоставлена с лучшими из находок такого рода. Нам еще неизвестны точные аналогии этой бляшке по сюжету и форме, но если и не окажется таких вещей, которые вышли бы из той же литейной формы или были ее вариантами, то все же нельзя пройти мимо совпадения с многократно изданной М. И. Ростовцевым золотой пряжкой Metropolitan Museum'a в Нью-Йорке.[1]

На пряжке Metropolitan Museum'a (рис. 2) изображены, как известно, два тигра «в геральдической позе», убивающие двух горных козлов. Здесь, действительно, налицо своеобразное удвоение обычного сюжета сибирских блях.

Из последних ближе всего к ньюйоркской пряжке именно описанная манзурская бляха. На обоих изделиях изображена борьба тигра с козлом; в стилистическом отношении они тождественны вплоть до мельчайших деталей. Удвоением сюжета манзурской бляхи и является, следовательно, изображение на пряжке Metropolitan Museum'a.

Сравнение этих двух памятников позволяет ближе подойти и к их датировке. Звериный стиль обоих, жизненный и сильный, не носит еще следов огрубения или упадка и очень близок к стилю произведений искусства пазырыкской стадии на Алтае.

Тем существеннее, что в Пазырыкском кургане среди бутафорских украшений конского убора найдены резные парные изображения оленей, тоже удвоенные, как в золотой ньюйоркской пряжке. Удвоены также и наклеенные на пазырыкский саркофаг фигурки петушков.[2]

Ньюйоркская пряжка может быть отнесена, поэтому, к одному времени с пазырыкскими находками. Сложнее обстоит дело с датировкой манзурской бляшки. При общности стиля и сходстве даже в мелких деталях с золотой пряжкой, она несколько проще, чуть примитивнее. Но это вряд ли может объясняться хронологическими различиями: лучшая отделка золотой пряжки скорее всего зависела от материала; это была дорогая вещь, выполненная с особой тщательностью.[3]

Манзурская бляшка, впрочем, имеет еще одно и очень существенное отличие: вместо валикообразных выступов на рогах козла здесь посажены добавочные козлиные головы.

Среди драгоценных блях сибирской коллекции кунсткамеры имеются изображения фантастических животных, рога и хвосты которых тоже усажены добавочными головами.

Например, на известной золотой бляхе из Верхнеудинска изображено животное, рога которого заканчиваются головками хищных птиц.[4] Большой курган второго Катандинского могильника на Алтае дал вполне аналогич-

---

[1] M. Rostovtzeff. The Animal Style in South Russia and China. Лондон, 1929, табл. XXIX, 2. — М. И. Ростовцев. Срединная Азия, Россия, Китай и звериный стиль. Прага, 1929, рис. 16. — M. Rostovtzeff. L'art gréco-sarmate et l'art chinois de l'époque des Han. Arethuse, вып. 3. Paris, avril 1924, стр. 4. Местонахождение бляшки точно не установлено. М. И. Ростовцев указывает лишь, что она несомненно происходит из Сибири. Этот вывод подтверждается и публикуемой нами новой находкой.

[2] M. P. Griaznov. The Pazirik Burial of Altai. Amer. Journ. of Archaol., т. XXXVII, № 1, 1933, рис. 14, табл. I.

[3] Такого же рода изделие, как манзурская бляшка, отмечено, кстати, в дневнике Мессершмидта под 20 июня 1721 г.: это — «хорошо сделанное из меди изображение козла, на которого наскакивает лев», хранившееся у дворянина Вишневецкого, который жил сначала в Томске, а потом в Чаусском отроге. См. МАР, № 3 (Радлов. Сибирские древности, том I, в. 1, стр. 11).

[4] И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, вып. III. Древности времен переселения народов, СПб., 1890, рис. 59, ср. рис. 60 и 61.

ное изображение того же рогатого зверя, вырезанное на деревянной пластинке.[1]

Находки в Катандинском каменном кургане-куруме относят к Шибинскому этапу (II—I вв. до н. э.), золотая же бляха из Верхнеудинска может быть сближена с бляхами из ранних гуннских могил в Дэрестуйском Култуке около I в. до н. э., раскопанных Талько-Гринцевичем.[2]

Повидимому, именно в это время наиболее широко распространяется обыкновение изображать мифических животных с добавочными головами, как это мы видим и на манзурской бляшке.

Рис. 2. Золотая пряжка Metropolitan Museum'a с изображением двух тигров и двух козлов.

Судя по этой особенности, наша бляшка несколько моложе ньюйоркской пряжки. Об этом свидетельствует и то обстоятельство, что стилизованная форма рогов козла на пряжке очень близка еще к реальным рогам сибирского горного козла (*Capra sibirica*) с их характерными поперечными валиками на передней стороне. На бляшке же дугообразные выступы-валики превратились уже в самостоятельные козлиные головы; так возникла эта совершенно нереальная, фантастическая подробность. Но вряд ли обе вещи очень далеко отстоят друг от друга во времени. Манзурская бляшка трактована несравненно живее, реалистичнее примитивной Катандинской поделки и грубой, схематизированной Верхнеудинской бляхи. Она, повидимому, старше их и близка по крайней мере к концу пазырыкского времени.

Новая «скифская» находка в верховьях Лены таким образом снова напоминает, что многие племена тайги издавна находились в постоянном взаимодействии с соседними степными племенами. Ленско-кудинские же лесостепи, занятые позднее скотоводами-бурятами, вероятно, и в более древнее время были областью, где всего сильнее сказывалось влияние степных скотоводческих культур.

---

[1] Там же, рис. 39. Ср.: А. А. Захаров. Материалы по археологии Сибири. Раскопки акад. В. В. Радлова в 1865 г. Тр. Гос. Историч. музея, вып. 1, разряд археол., М., 1926, табл. IV, *3*.

[2] Ю. Д. Талько-Гринцевич. Материалы к палеонтологии Забайкалья. Тр. Троицкосавско-Кяхтинск. отд. РГО, т. III, вып. 2—3, 1900; т. IV, вып. 2, 1901. — А. А. Спицын. К вопросу о хронологии золотых сибирских блях с изображением животных. ЗРАО, т. XII, вып. 1 и 2. — Г. П. Сосновский. Дэрестуйский могильник. Проблемы, 1935, № 1—2.

С. М. СЕРГЕЕВ

О РЕЗНЫХ КОСТЯНЫХ УКРАШЕНИЯХ КОНСКОЙ УЗДЫ ИЗ «СКИФСКОГО» КУРГАНА НА АЛТАЕ

Окрестности г. Бийска, ныне входящего в Алтайский край, изобилуют памятниками старины в виде курганных и обычных могильников, городищ и стоянок древнего человека. Однако все они, за малым исключением, не только не изучены, но даже и не учтены. Настоящий очерк посвящен группе памятников, расположенных в 25 км к ЮВ от г. Бийска около с. Красноярского. Здесь, на небольшой сравнительно площади 1.5—2 кв. км на древних террасах р. Катуни и ее притока Каменки расположено несколько курганных могильников. Насыпи в составе этих могильников различны по размерам — то едва выдаются над поверхностью земли, то достигают высоты метра и более при диаметре до 20 м. При разведочных раскопках этих едва выдающихся над землей насыпей были встречены погребения, относящиеся к эпохе бронзы.

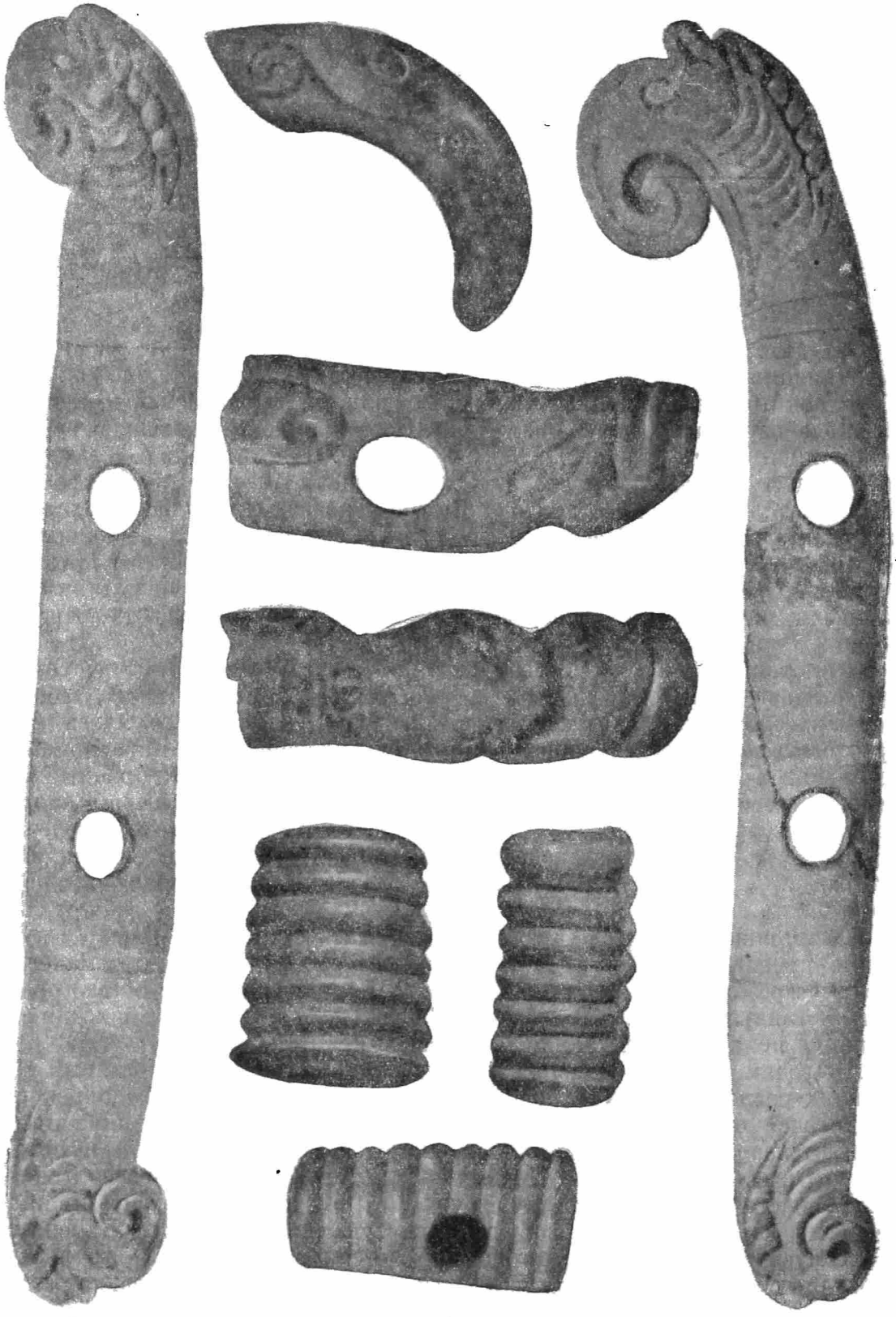
Несмотря на близость к городу, этот интересный район оставался совершенно неизвестным в археологической литературе. Лишь в 1929 г. небольшой археологической экспедицией Бийского краеведческого музея, под руководством автора настоящей заметки, здесь впервые были предприняты небольшие археологические разведки и пробные раскопки. Собранный материал относится к целому ряду культур, начиная от эпохи бронзы (андроновская и афанасьевская культуры) и кончая поздней эпохой железа.[1] В 1930 г. здесь работала экспедиция б. Общества изучения Сибири, под руководством автора, вскрывшая ряд курганов, относящихся к эпохе бронзы.[2]

В настоящей заметке приводятся результаты вскрытия одного из курганов, произведенного в 1929 г. и давшего весьма интересную находку в виде вырезанных из кости принадлежностей конской узды, богато орнаментированных фигурами животных. Насколько нам известно, находка эта является пока уникальной для Алтайского края.

Приводим краткую выдержку из дневника раскопок. Курганный могильник расположен в урочище Красный яр в 1 км от с. Красноярского, на древней сорокаметровой террасе правого берега р. Каменки. Здесь сосредоточено свыше сотни курганов. По внешнему виду эти курганы можно разделить на 2 типа. Первый — с насыпью, обложенной булыжником, в настоящее время частично скрытым под дерновым слоем и лишь местами, где слой этот разрушен, выступающим наружу. Каменную обкладку имеют преимущественно более крупные курганы. У небольших курганных насыпей, составляющих второй тип, каменная обкладка отсутствует. Почти все насыпи носят следы древних грабительских раскопок.

Курган № 1. Высота насыпи около 1 м, поперечник с В на З 8 м и с С на Ю 7 м. Курган раскопан двумя широкими траншеями, проложенными

[1] Собранный материал хранится в Бийском краеведческом музее.
[2] Собранный материал хранится в Гос. Эрмитаже в Ленинграде.

Резные костяные украшения конской узды из курганного могильника в урочище Красный Яр.

с С на Ю с последующим удалением земли на месте могильного пятна. Под дерном слой булыжника, которым и была покрыта вся насыпь. В южной части обеих траншей, на месте грабительского хода, слой булыжника продолжается на большую глубину. Отдельные камни были встречены на глубине 1.75 м от поверхности насыпи, вместе с костями человека. На глубине около 1 м открыто могильное пятно с не совсем ясным очертанием, испорченным грабительским ходом. Направление пятна с СВ на ЮЗ. Отдельные кости человека и крестцовый позвонок овцы, разбросанные по всей могиле, встречены на глубине 1.75 м. Основная масса костей человека и лошади в полном беспорядке лежали на глубине 1.85 м. Череп человека, разбитый на части, разбросан по всей могиле. Тут же немного ниже, в западной части могилы, череп и кости передних ног лошади. Около черепа две костяные псалии с вырезанными на концах головками грифона и ряд других обработанных трубчатых костей, входивших, повидимому, в состав конской узды. Остальные кости лошади перемешаны и найдены преимущественно в южной части погребения. Среди костей человека в западной части могилы крестцовая кость овцы и глиняная пуговица в виде усеченного конуса со сквозным отверстием в середине, покрытая точечно-ямочным орнаментом. Погребение человека обложено деревянными толстыми досками, остатки которых сохранились во всех сторонах могилы. Размеры обкладки, ориентированной с З на В: ширина 0.85 и длина 2.20 м. В восточной части могилы, в середине ее, сохранились остатки тонкого бревна, служившего, повидимому, подпоркой для кровли могилы; остатки кровли в виде гнилушек встречены по всей толще могильной ямы.

Лошадь была положена за пределами деревянной обкладки. Разбросанность костей затрудняет установить ориентацию трупоположения. Однако сосредоточение костей человека и лошади (череп и передние ноги) в западной части погребения, равно как и присутствие там же крестца овцы, полагаемой всегда в этом типе курганов у головы покойника, дает основания считать ориентировку погребений к З.

Как было уже указано выше, в вскрытом кургане № 1 были найдены 2 костяные псалии и 6 таких же предметов, входивших в состав конской узды (см. рис.). Набор этот, повидимому, неполон. Недостающие части его, надо полагать, были выброшены вместе с землей при ограблении кургана. Оставшиеся части набора состоят из:

1) Трех костяных трубочек (обойм), покрытых рядом поперечных глубоко вырезанных борозд, идущих кругом трубки и разделяющих ее как бы на ряд колец. На двух трубочках таких колец имеется по семи, а на третьей, слегка конусообразной, имеющей помимо продольного еще и поперечное отверстие, насчитывается девять колец. Последняя трубочка, повидимому, охватывала пересекающиеся под прямым углом кожаные части узды. Диаметр отверстия этих трубочек, равно как и нижеописанных обойм (1.2—1.4 см), указывает, что узда была сделана из закатанных в трубку кожаных ремней, причем места пересечения ремней не сшивались, как обычно, а завязывались узлами с последующей фиксацией их указанными обоймами.

2) Двух обоймочек в виде вырезанных из кости головок кабана с четырьмя пересекающимися под прямым углом округлыми сквозными отверстиями. Голова кабана с характерно выступающими клыками выполнена очень реалистично. Мастерски переданы характерные черты и в особенности конец морды этого крупного неповоротливого зверя, который когда-то водился и на Алтае. Необходимо отметить, что продольный выход трубочки проделан не в носу, а на горле, повидимому в целях большей крепости этой обоймы, скреплявшей ответственные части конской узды. Вторая обоймочка сохранилась гораздо хуже и распалась на несколько частей. Длина сохранившейся обоймочки 6.2 см и наибольшая ширина 2.3 см.

3) Одной подвески в виде клыка кабана с выгравированной на нем головой грифа. Рисунок отчасти стилизован. В толстом конце подвески — круглое отверстие для закрепления ремня. Наибольшая толщина 1.7 см, длина по хорде 5.6 см.

Подвески к узде в виде имитации клыка кабана, изготовленные как из кости, так равно и меди (бронзы), известны из ряда погребений на Алтае, датируемых началом эпохи железа (с. Сростки, с. Катанда). Однако все они не орнаментированы; наша находка в этом отношении является пока единственной.

4) Костяных псалий с выгравированными на концах их головками грифона. Нижние головки отличаются от верхних только несколько меньшими размерами, при полной тождественности рисунка. Грифоны сильно стилизованы, что особенно заметно в трактовке гривы, шерсти и сильно изогнутого клюва. Обе псалии почти одинаковой длины; они изготовлены из распиленной вдоль трубчатой кости. Общая длина 1-й псалии 17.4 см и 2-й — 17.0 см. Ширина обеих по 1.8 см. Толщина 1-й — 1.5 и 2-й — 1.1 см. Посредине каждой псалии по два округлых сквозных отверстия для укрепления удил и повода. На одной из псалий следы окиси железа — повидимому железных удил, которых, однако, в погребении не оказалось.

Костяные псалии известны на Алтае из погребений, датируемых началом эпохи железа; однако они или совершенно лишены каких-либо украшений, или последние выражены рядом поперечных нарезок-борозд (с. Сростки, гора Пикет). Особо стоят орнаментированные в виде скульптурных головок зверей деревянные, обложенные золотом, псалии из княжеских могил на Алтае (р. Урсул и Пазырык). Однако предназначены они специально для погребального парадного убора коня. Таким образом наши псалии являются пока уникальными для рядовых погребений на Алтае. Кроме сбруйного набора, в погребении была найдена глиняная пуговица в виде усеченного конуса со сквозным отверстием в середине и точечным орнаментом по поверхности. Диаметр у основания конуса 4.2 см, высота 2 см.

Глиняные пуговицы обычны в погребениях времени раннего железа на Алтае. Необходимо отметить, что исследователи в своих отчетах называют их пряслицами, с которыми они имеют некоторое сходство. Однако мнение это ошибочно. Глиняные пуговицы нам лично приходилось находить в ненарушенных мужских погребениях вместе с оружием, причем в одном экземпляре в области груди или ключицы. Застегивание шубы на одну верхнюю пуговицу мы видим и теперь у тюрко-монгольских племен.

Остается сказать несколько слов о датировке находки. Однако необходимо отметить, что древности Алтая и, в частности, курганы до сего времени не имеют точной хронологической классификации. Работа М. П. Грязнова [1] вышла до начала интенсивных археологических раскопок 1930-х годов. Некоторые дополнительные соображения были высказаны С. В. Киселевым в 1935 г.,[2] но они касаются главным образом группы больших каменных курганов Алтая, датируемых им первыми веками до и после нашей эры.

Наша находка, вероятнее всего, принадлежит несколько более раннему времени, причем ближе всего она стоит к курганам, раскопанным С. В. Киселевым в 1937 г. около с. Туяхты и условно называемым им «скифскими».

---

[1] М. П. Грязнов. Древние культуры Алтая. Изд. Общ. изуч. Сибири, Новосибирск, 1930.

[2] С. В. Киселев. Из работ Алтайской экспедиции Гос. Исторического музея в 1934 г. Сов. этногр., № 1, 1935.

А. А. МАНСУРОВ

СТАРО-РЯЗАНСКИЕ И ПРОНСКИЕ ГОНЧАРНЫЕ КЛЕЙМА

Во время археологических раскопок Старой Рязани в 1926 г. и древнего Пронска в 1928—1930 гг. среди многочисленных находок керамической посуды были обнаружены в довольно большом количестве днища с клеймами на них. Найденные сосуды с клеймами относятся к XI—XIV вв. В это время они имели довольно широкое распространение, о чем свидетельствует целый ряд их находок в различных древне-русских могильниках и поселениях. Так, они были найдены в Гнездовском могильнике близ Смоленска, в Заславских курганах и Ковшаровском городище в Белоруссии, в Новгороде, в Полецком городище близ Зарайска, в Костромских курганах и многих других местах. Известен целый ряд гончарных клейм, найденных в Рязанской области, т. е. в районах, непосредственно соприкасавшихся с Пронском и Старой Рязанью, напр., в Дядьковском и Толпинском городищах.

Однако, насколько мне известно, клейма обычно находились в небольшом количестве и поэтому значительное скопление их в Пронске и особенно в Старой Рязани вызывает большой интерес. В Пронске было найдено около двадцати днищ с клеймами, в Старой Рязани — около шестидесяти. На прилагаемых четырех таблицах приведены их изображения, за исключением тех, которые вследствие плохой сохранности не удалось разобрать, и тех, которые повторяли в уменьшенном или увеличенном виде один и тот же рисунок.

Изображение клейма следует рассматривать как знак ремесленника. Помещение их на посуде представляет собой явление сравнительно позднее и связано с производством гончарной посуды на продажу.

Заметим тут же, что в кустарных производствах гончарные клейма не удержались и сохранились лишь в редких случаях в виде пережиточной формы. Так, напр., глазачевские горшечники, выжигая клеймо, объясняют это стремлением угодить вкусу потребителей; при этом многие мастера употребляют один и тот же знак.[1] Возможно, что одной из причин, способствовавших уничтожению клейм, было применение способа снимания вылепленного горшка с круга посредством срезки проволокой или бичевкой. Не следует преувеличивать распространенность клейм и в древнерусской посуде. Судя по данным старо-рязанских и пронских раскопок, посуда с клеймами едва ли достигала одного процента.

Клеймо вырезывалось в центре гончарного круга, на котором лепилось днище сосуда. Мягкая глина заполняла углубления формы и оставалась в виде выпуклого рисунка на днище. Чтобы иметь возможность снять сформованный сосуд с круга, не повредив клейма, поверхность круга, прежде чем положить на нее глину, присыпали золой. Впрочем, присыпка золой

[1] Б. А. Куфтин и А. М. Россова. У гончаров Дмитровского и Воскресенского уездов Московской губернии (Сравнительный очерк промыслов по наблюдениям в 1924 г.). Моск. краевед, № 5, М., 1928, стр. 9—30.

применялась и вне связи с наличием метки. Среди многочисленных находок днищ в Старой Рязани было много со следами присыпки, но без всяких изображений.

Рисунки клейм обычно очень несложны, что следует поставить в связь не столько с уровнем резной техники, сколько с самими требованиями дела. Клейма должны быть лаконичными, легко воспроизводимыми и легко запоминающимися. Эта упрощенность вообще характерна для древне-русских

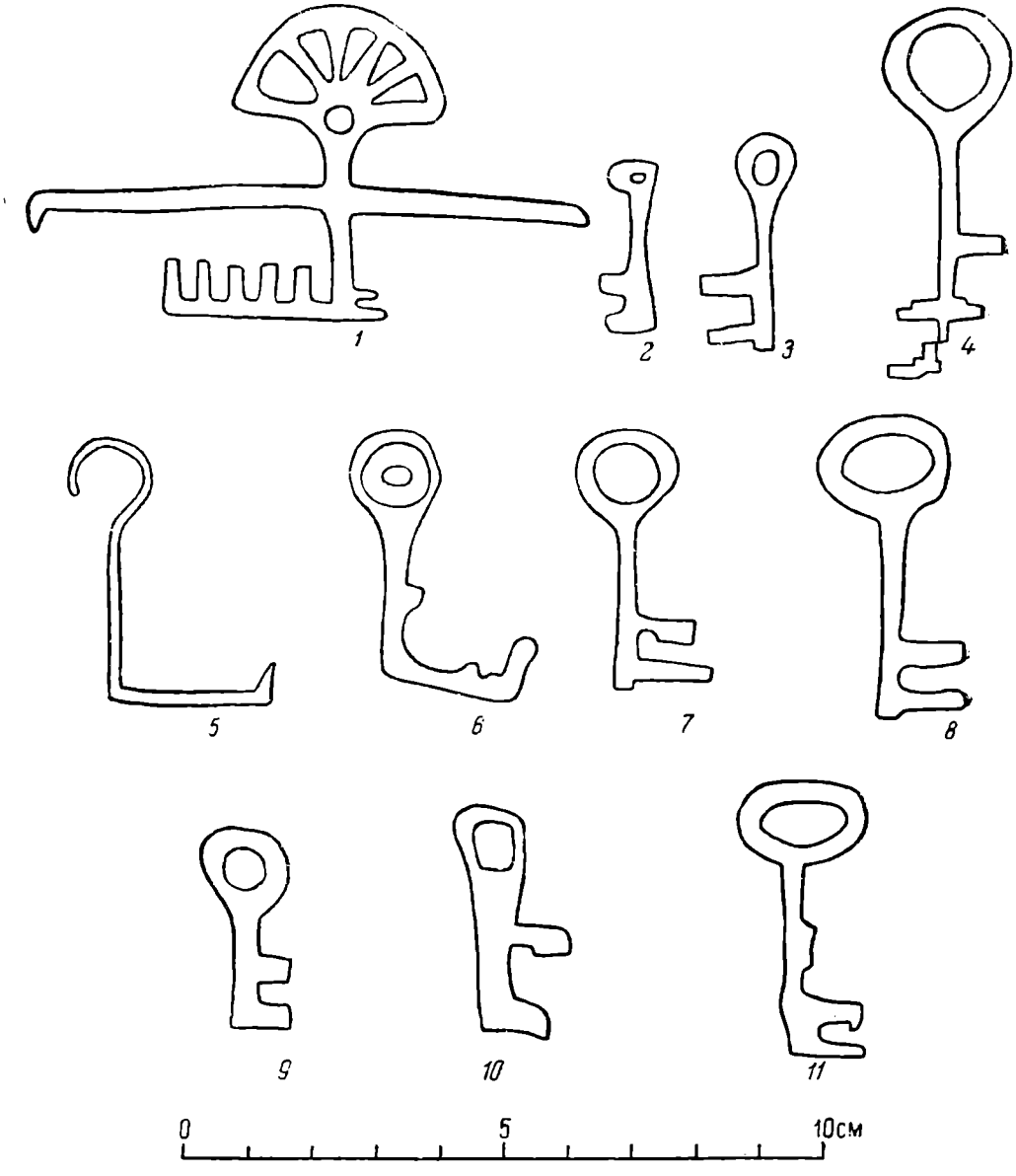

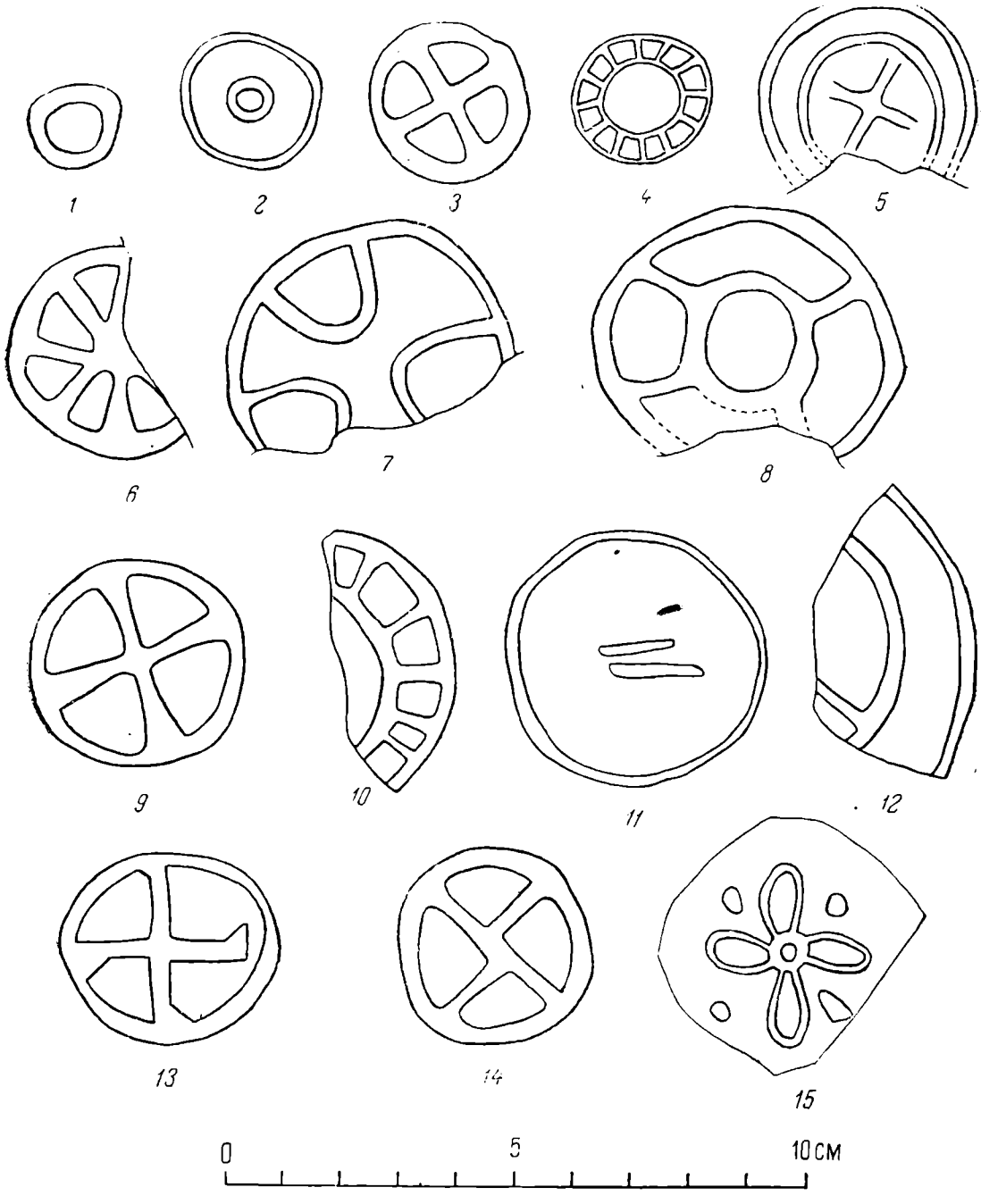
Табл. I. Гончарные клейма. Старая Рязань.

гончарных клейм. Между старо-рязанскими и пронскими клеймами можно заметить лишь некоторую разницу в том, что последние имеют обычно более тонкие линии. Возможно, что это зависело от употребления для гончарного круга в Пронске более твердых пород дерева, чем в Старой Рязани. Грушевые, яблоневые или кленовые доски допускали более тонкую резьбу, чем сосновые.

И Старая Рязань, и Пронск несомненно имели собственные гончарные производства, все предпосылки для которых были здесь налицо: оба города являлись центрами древних княжеств и важными торговыми

пунктами; имелись здесь и залежи глины. Большинство приводимых нами клейм можно поэтому рассматривать как знаки местных мастеров. Обратимся к самим изображениям клейм.

Прежде всего почти все они носят условный характер. Несомненно реальным сюжетом является лишь ключ в разных вариациях, повторен-

Талб. II. Гончарные клейма. Старая Рязань.

ный на днищах Старо-Рязанских сосудов одиннадцать раз (табл. I) В семи случаях он обращен бородкой вправо, в трех случаях — влево и в одном случае имеет двустороннюю бородку. Характерно, что, будучи одним из распространенных видов Старо-Рязанских клейм, ключ ни разу не был найден в Пронске. Его изображение в качестве клейм иногда находили в других памятниках. Так, в Боровском городище Раменского района Московской области было найдено клеймо, изображающее ключ

бородкой вправо. Этот рисунок отличался от старо-рязанских изображений тем, что он был выполнен не в виде сплошного рельефа, а лишь контурной линией, в связи с чем все изображение приобрело более широкую и грубую форму.

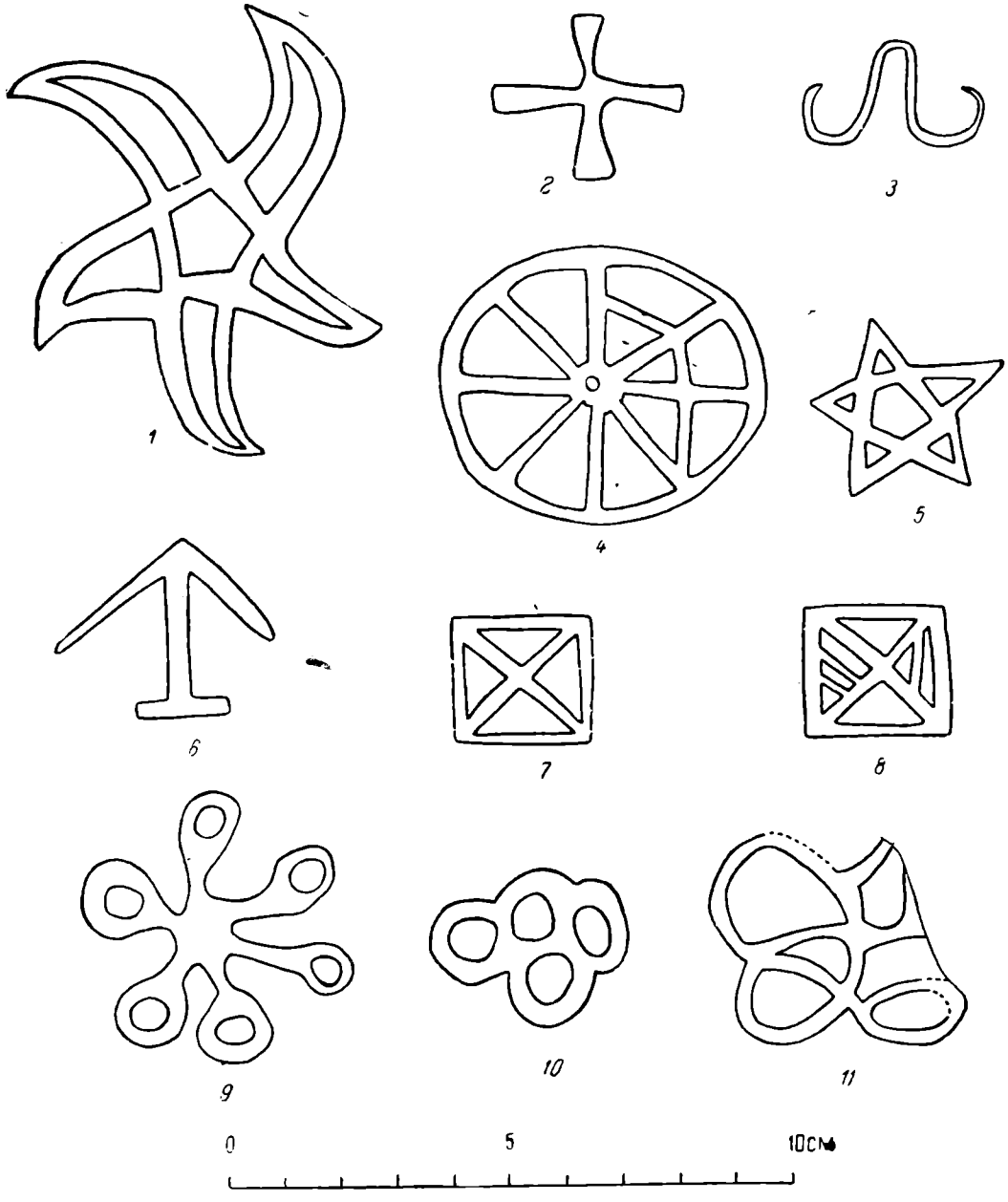

Табл. III. Гончарные клейма. Старая Рязань.

Огромное большинство других изображений представляют собой круг, квадрат и крест, различно усложненные и комбинируемые (табл. II, III и IV). Близкие аналогии этим рисункам мы находим почти во всех коллекциях гончарных клейм.

Трактуя эти изображения как пережитки солярного культа и рассматривая их в качестве изображений солнца или его лучей, Л. А. Динцес замечает: «на этих клеймах круг, иногда с лучами, или помещенными внутри звездой, крестом или крестом в движении, замещается квадратом с вписанным в него ромбом. Движущийся крест усложняется в форму

квадрата с выступающими по каждой стороне одним меньшим квадратом, либо в сетку того же абриса».[1] Нам кажется, что эту категорию изображений клейм, действительно, следует связать с древними культовыми представлениями, не связывая эти изображения с каким-либо реальным сюжетом.

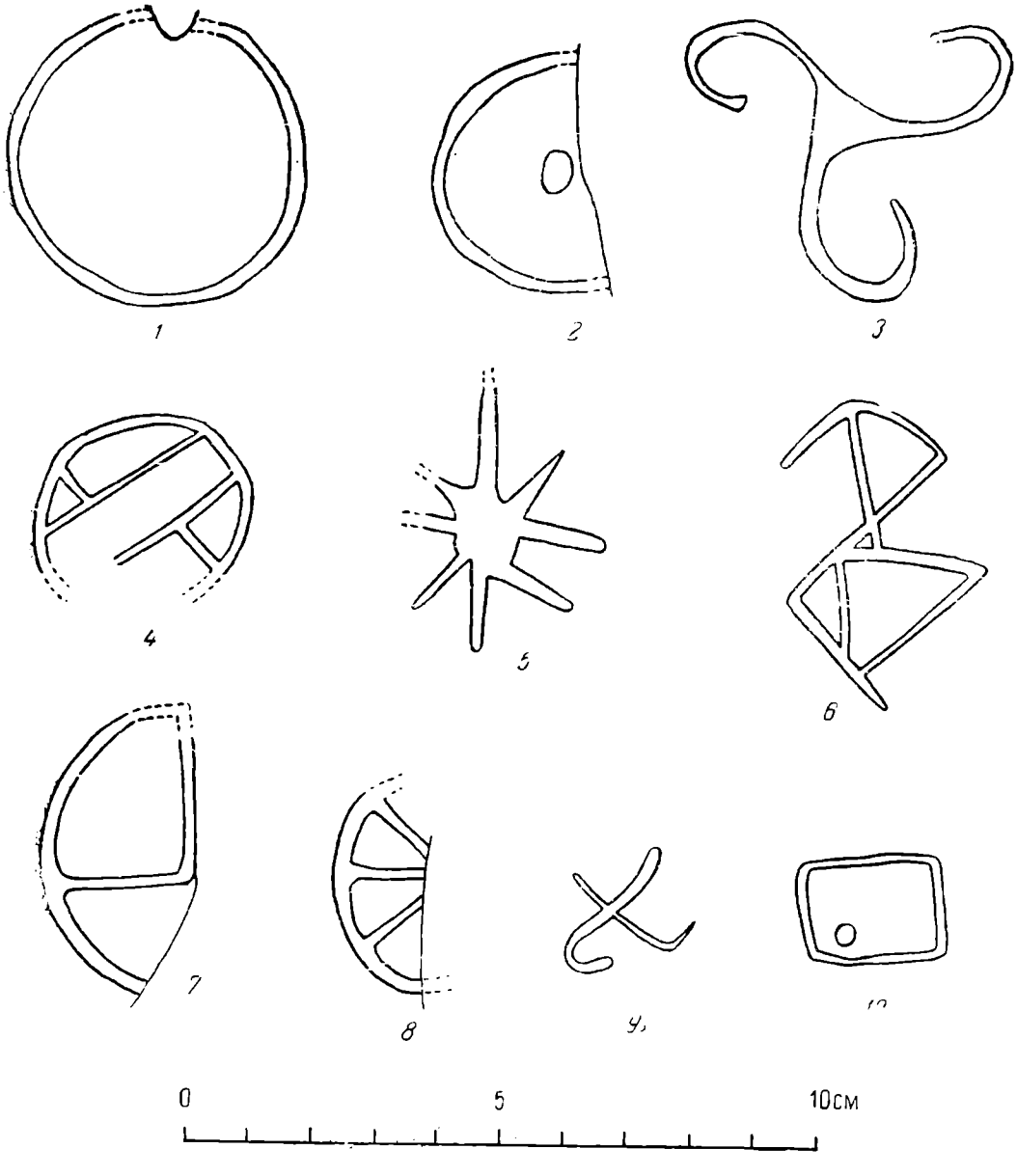

Табл. IV. Гончарные клейма. Пронск.

Из прочих клейм обращает на себя внимание пентограмма из Старой Рязани (табл. III, *1*) и фигура с тремя завитками из Пронска (табл. IV, *3*). Первая, между прочим, находит себе аналогии в этнографическом материале — именно в узорах боковой обшивки саней (каптанов), экспонированных на Этнографической выставке 1921 г. в Гос. Историческом музее в Москве.

Для более полного изучения клейм было бы важно выяснить их названия, принадлежность отдельным мастерам или целому роду и сопоставить их с изображениями знаков собственности — метами и гранями.

[1] Л. А. Динцес. Русская глиняная игрушка. Происхождение, путь исторического развития. М.—Л., 1936, стр. 57.

Однако первые два вопроса при наличном материале разрешить пока невозможно.

Зато некоторое сходство клейм с полевыми и луговыми метами несомненно. Такие изображения, как «прямой крест», «косой крест», «хлеб», изображаемый в виде круга, «лапа» (ср. табл. III, *6*), «два рубежа» (ср. табл. II, *11*) и другие, в этом отношении очень показательны.[1] Но распространялись ли эти семейные знаки на гончарные клейма — сказать пока нельзя.

Сложение рисунка клейма обусловлено было, во-первых, традиционностью формы, идущей из глубины веков, во-вторых, дальнейшей разработкой ее как путем стилизации, так и путем внесения в рисунок новых элементов. Для изучения традиционных форм гончарных клейм старорязанских и пронских материалов, конечно, недостаточно. Зато усложнение клейма путем внесения новых элементов можно проследить и на нашем материале.

Возможно, что рисунок на табл. I, *1* объясняется таким образом: к ранее существовавшему клейму в виде простого ключа по какому-либо случаю (напр., при выделении из рода ремесленника, начавшего самостоятельную деятельность) была прибавлена горизонтальная линия. Новое клеймо, сохраняя указание на принадлежность ремесленника к прежнему роду, вместе с тем приобретало самостоятельное значение.

Точно так же, вероятно, возникло усложнение круга двумя линиями внутри его (табл. II, *11*), усложнение креста в квадрате тремя полосками (табл. III, ср. *7* и *8*), усложнение четырехугольника помещенной в его углу точкой (табл. IV, *10*). Все эти предположения, сами по себе еще недостаточно обоснованные, косвенно подтверждаются, между прочим, бытованием подобных же приемов, применяемых относительно луговых и полевых мет их владельцами. При разделе хозяйства старая мета иногда остается в неприкосновенном виде лишь у одной выделившейся его части, а другая часть осложняет прежнюю мету каким-либо новым знаком.

В связи с изучением гончарных клейм на древней посуде Старой Рязани и Пронска, я хотел проследить существование мет у современных гончаров Рязанской области. Но ни у рязанских, ни у скопинских, ни у сапожковских, ни у касимовских гончаров меты не сохранились, не удалось также установить их применения когда-либо раньше.

---

[1] В. Д. Бакулин. К вопросу о гранях и метах. Вестн. Рязанск. края, № 4(8), Рязань, 1925.

Н. П. МИЛОНОВ

ТВЕРСКАЯ ПЕЧАТЬ XV в.

При раскопках 1936 г. в центре тверского Кремля (на территории Пединститута им. М. И. Калинина, Советская ул., д. 3) были раскрыты остатки бревенчатого дома, датируемые по найденному инвентарю XV в. Из числа найденных вещей особый интерес представляет маленькая деревянная печать (рис. 1 и 2). Она прекрасно выточена из вяза и тщательно отполирована; на рукоятке — отверстие для подвешивания, проходящее с головки ее под прямым углом в бок; на штамповальной стороне — поясное изображение человека, держащего в правой руке меч, в левой круглый большой щит, на голове круглая шапочка. Длина ручки печати 25 мм, диаметр штампа 15 мм. Ручка печати посредине перехвачена ободком. Сохранность печати хорошая.

Рис. 1. Печать XV—XVI вв., г. Калинин, Кремль.

Рис. 2. Сургучный оттиск печати XV—XVI вв.

В «Описании Тверского музея» Жизневского приводятся акты с печатями Великого Новгорода и тверских воевод (1587—1694).[1] Но ни одна из упоминаемых в «Описании» печатей, ни снимки с печатей на грамотах и актах Калининского (б. Тверского) музея не походят на изображение на печати, найденной нами. Изображение на ней сходно с изображениями на деньгах кн. Бориса Александровича (1425—1461).

По словам Рубцова, характерной для одной группы этих монет «является фигура воина или князя, вооруженного копьем и мечом, щитом и копьем и мечом и щитом, в различных сочетаниях и положениях, подобных тем, какие можно видеть на западноевропейских монетах того времени. Тип I. Человек с мечом и щитом. Лицевая сторона: вооруженный человек во весь рост, с мечом в правой руке и большим круглым щитом в левой; над непокрытой головой и по обе стороны колен по крупной точке (всего 3); ноги вправо; витой ободок».[2]

Совершенно сходное с найденной нами печатью изображение имеется на деньге, доставленной в Калининский музей в 1936 г. с окраины города (территории строящегося Шелкокомбината). Она также относится ко времени кн. Бориса Александровича. На лицевой стороне изображен, как на печати, человек с подогнутыми ногами; в правой руке меч, в левой — щит. Таким образом наша печать относится ко времени княжения тверского князя Бориса Александровича.

---

[1] Жизневский. Описание Тверского музея, стр. 186—187.

[2] Труды 2-го Областного тверского съезда 1903 г., 10—12 августа. Изд. Тверск. учен. архивн. комиссии, Тверь, 1906, стр. 225—227.

Н. Н. ВОРОНИН

ХУТЫНСКИЙ СТОЛП 1535 г.

(К проблеме шатровой архитектуры)

М. Красовский в своем «Очерке истории Московского периода древнерусского зодчества» по поводу церкви в с. Дьякове под Москвой писал, что между зодчеством XV и XVI вв. «разница так велика, как будто эти церкви выстроены совершенно различными народами, исповедующими лишь одну и ту же религию».[1] Действительно, между традиционной схемой крестовокупольного здания, знакомого строительству феодальной Руси до XV в., и блестящим фейерверком шатровых и столпообразных построек первой половины XVI в. нет связующих нитей. Как в отношении композиции масс, так и в отношении организации пространства шатровое зодчество принципиально отлично от старой купольной системы, оно начисто порывает с византийскими основами феодального культового строительства. Достаточно сопоставить ряд соборов домосковского времени и Москвы XV в. с важнейшими памятниками XVI в. — церковью в с. Коломенском (1532), церковью в с. Дьякове (1547), собором Василия Блаженного в Москве, чтобы увидеть их коренное различие.

Неудивительно, что к этому этапу в развитии зодчества было неизменно приковано внимание всех историков искусства как иностранцев, так и русских. Однако исследовательская мысль работала лишь в одном направлении: поисков тех эволюционных звеньев, тех исчезнувших памятников, которые позволили бы соединить плавной линией развития шатры XVI в. с их предполагаемыми «примитивами» XV в. «Иначе откуда же, — писал тот же М. Красовский, — могли появиться не только новые детали, но даже и новые приемы размещения и группировки главных масс? Ведь ни у одного народа зодчество не делало внезапного скачка, сразу и бесповоротно отменявшего царившие до него идеалы».[2] В этой мотивировке с бесподобной откровенностью сказалась основная позиция старой исторической науки, позиция, на которой стояли и историки архитектуры, — это эволюционизм, принципиальное отрицание диалектического, скачкообразного развития исторического процесса. По словам М. Красовского, для перехода от собора к шатру «в области искусства должна бы была произойти революция, что совершенно недопустимо!» [3]

Теория И. Е. Забелина, господствовавшая безраздельно до последнего времени и имеющая за собой много положительных данных, связывала появление шатровых форм в камне с воздействием деревянной шатровой архитектуры; при этом упразднялся так пугавший Красовского разрыв эволюционного ряда: постепенно развившиеся в дереве формы были усвоены каменным строительством.[4] Наиболее слабым местом концепции И. Е.

[1] Ук. соч., стр. 98.
[2] Ук. соч., стр. 98.
[3] Там же, стр. 144—146.
[4] И. Е. Забелин. Черты самобытности в древне-русском зодчестве. М., 1900.

Забелина было то важное обстоятельство, что деревянные шатровые постройки, сохранившиеся до нашего времени, относятся самое раннее к XVII в., т. е. ко времени на 150—200 лет позже первого каменного шатра в с. Коломенском (1532).

Не так давно А. И. Некрасов подверг ревизии теорию Забелина и попытался пойти прямо по пути, намеченному М. Красовским, т. е. пути поисков каменных шатровых «примитивов» в недрах XV в.[1] Однако нужно признать, что реконструируемые автором с огромным напряжением и натяжками «исчезнувшие» шатровые памятники не могут быть отнесены к XV в.; они принадлежат той же первой половине XVI в., в которой возникают столичные шатровые постройки; следовательно, можно признать, что вопрос о восстановлении эволюции шатра в камне остается пока решенным отрицательно.[2]

Не входя в настоящем сообщении в аргументацию своего взгляда на этот вопрос во всех деталях, я здесь формулирую в виде тезиса основной вывод моей работы о тверских зодчих: шатровая и столпообразная архитектура XVI в. не является результатом постепенного вызревания данных форм в процессе феодального строительства XV в.; изменения в организации пространства крестовокупольных зданий XV в. (ступенчато-повышенные своды, ступенчатое покрытие, исчезновение хор) являются лишь симптомами изменения художественной идеологии; они отнюдь не подготовили ни конструктивных, ни формальных приемов шатровой архитектуры; последняя возникает как качественно новое явление и отражает идеологию времени образования национального русского государства и оформления московского самодержавия, являясь ее выражением в области зодчества. Этот крупнейший перелом в развитии зодчества, решительно порывающего с византийской традицией, мог быть осуществлен в условиях концентрации на строительстве Москвы архитектурных сил Запада (итальянцы) и лучших строителей Московского государства — псковских, тверских и ростовских зодчих. Шатровая архитектура является прогрессивным движением в русском искусстве и может быть охарактеризована как зодчество национальное. Первостепенное значение для данной темы имеет построенная тверскими зодчими церковь Григория в новгородском Хутынском монастыре. Она позволяет нам осветить некоторые изложенные выше положения.

Под 1535 г. в отрывке летописи, помещенном в Воскресенском Новоиерусалимском списке, мы читаем чрезвычайно пространную запись о постройке этого здания: «Тое же весны лета 7043 месяца апреля в 11 день, божиею милостью основана бысть церковь камена святый Григорей Великия Армении, в святыя обители всемилостиваго Спаса и великого чюдотворца Варлаама на Хутыне, против южных дверей болшия церкви и чюдотворцова гроба. И поспешением святаго духа и молитвами пречистыя богородица и великого чюдотворца Варлаама и совершиша ю в два лета, о едином версе, велми чюдна, яко таковы несть делом в Новгородской области: яко околная стена, еже округ церкви, имея углов восмь, а двери пятеры, в высоту велми высока; на ней же в версе и колоколы уставиша, два колокола болших, егда начнут звонити яко страшным трубам гласящим, тако и прочие колоколы уставиша. Толико велми чюдно и лепо видети; но молитвами великого чюдотворца Варлаама совершися сие превеликое дело в мало время. И священа бысть сия чюдная церковь в лето 7044 месяца августа в 6 день. . .» Освящение производил сам архиепископ Макарий с хутынским игуменом Феодосием и другими новгородскими игуменами.

[1] А. И. Некрасов. Проблема происхождения древне-русских столпообразных храмов. Тр. Каб. ист. мат. культуры I МГУ, вып. V, М., 1930.

[2] Разбор положений А. И. Некрасова сделан мною в подготовленной к печати работе «Архитектура Тверского княжества».

Летопись отмечает далее, что и раньше в монастыре была церковь Григория против северных дверей, «но не велми высока и кругла яко столп. . . и не велика толко сажени единыя внутри и со олтарем; на ней же и колоколы в версе бывали».[1] Эта миниатюрная капелла со звоном наверху была построена в 1445 г.[2] Замысел новой постройки — церкви Григория — летопись приписывает игумену Феодосию. «А мастеры делали Тверския земли, болшому имя Ермола; а от дела дано уроком полъсемадесять рублев московская, а весь запас и наряд домовой».[3] Здание было разобрано в XIX в. и до нас не дошло.[4]

Ряд данных позволяет реконструировать внешний вид исчезнувшего памятника. На гравюре Олеария, изображающей монастырь с западной

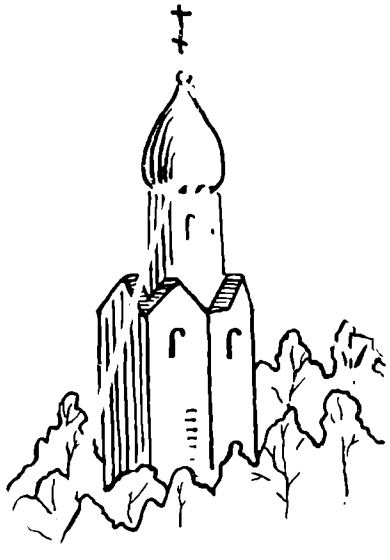

Рис. 1. Церковь Григория в Хутынском монастыре по гравюре Олеария.

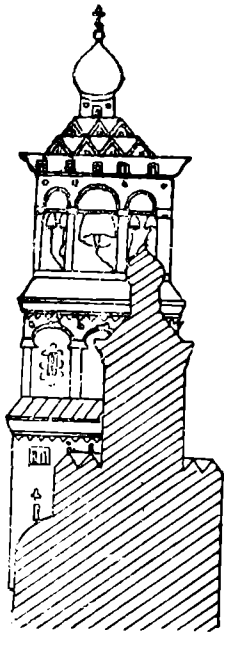

Рис. 2. Церковь Григория в Хутынском монастыре по изображению на иконе «Видение пономаря Тарасия».

стороны, с юга мы видим высокую восьмигранную постройку, завершенную главкой; окна в ее верхней части кажутся слишком незначительными для помещения звона (рис. 1). Нет сомнений, что это и есть описанный летописью восьмигранный столп Григорьевской церкви.

Другое, более детальное изображение исчезнувшего здания дает икона «Видение хутынского пономаря Тарасия», хранящаяся в Новгородском музее (рис. 2). Здесь мы видим очень высокую трехъярусную постройку, нижняя часть которой заслонена другой, находящейся на переднем плане церковью, вероятно надвратной церковью Ильи, построенной в 1418 г.[5]

---

[1] ПСРЛ, VI, стр. 296.

[2] ПСРЛ, IV, стр. 123 (ошибочно названа Варлаамовской). Ср. Д. И. Прозоровский. Великий Новгород..., ЗОРСА, т. IV, стр. 108. Вероятно это была небольшая центрическая постройка типа ротонд, известных, напр., в Чехии; ср. капеллу Логина в Праге, Мартина в Вышгороде. — Karel Guth. České rotundy. Obr. 50—33. Památky archeologické, 1924, Sešit 1 a 2.

[3] ПСРЛ, VI, стр. 296.

[4] Макарий. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде, т. I, стр. 429—454.

[5] ПСРЛ, III, стр. 236. — Д. И. Прозоровский, ук. соч., стр. 113.

Реальность данного изображения полностью подтверждается описанием памятника у Павла Алеппского. Здесь мы читаем: «Колокольня очень велика, прекраснейшей архитектуры: снизу она восьмиугольная, очень широкая, с восемью балконами наверху; под каждым балконом с наружной стороны комнатка, а под ним, в середине колокольни, красивая церковка во имя св. Григория, еп. Армении. . .; над этой церковью восемь арок суженных и высоких, где висят колокола; над каждой аркой по две двухскатных кровли; надо всем купол, под коим железные часы».[1] Расшифровывая это довольно причудливое описание, можно утверждать, что нижний восьмерик завершался, очевидно, галереей (балкон), с церковью в центре, пространство которой простиралось и в средний восьмерик, будучи, таким образом, чрезвычайно вытянутым вверх. Снаружи средний восьмерик был обработан арками на пилястрах; возможно, что в замках арок помещались акротерии, в чем сказалось влияние итальянских построек Москвы. Далее шел последний восьмерик вытянутых пропорций, собственно звон, завершавшийся карнизом, прорезанным квадратными впадинами, сходными с аналогичным мотивом карнизов Дьяковской церкви. Переход к главе был образован двумя рядами трехгранных кокошников («двускатные кровли» в описании Павла Алеппского), также очень напоминая прием перехода к барабанам церкви Дьякова. Реконструируемый в таком виде памятник представляется как бы вырезанным из дьяковской группы угловым «столпом», лишь более вытянутым и приспособленным для сочетания церкви со звоном. Исключительная близость к формам Дьяковской церкви и наличие итальянских деталей в обработке фасадов делают хутынскую церковь Григория прямым предшественником Дьякова и ставит ее в ряд первоклассных художественных документов первой половины XVI в. Комментируя с помощью приведенного выше летописного текста изображение памятников на Хутынской иконе, П. Л. Гусев замечает, что московский летописец, подчеркнувший необычайность для Новгорода столпообразных форм, «не может скрыть своего архитектурного торжества над новгородцами!».[2] Конечно, вряд ли летописец имел намерение хоть сколько-нибудь затушевать эту мысль, скорее напротив, он стремился всячески подчеркнуть новизну замысла Хутынского столпа. Не нужно забывать, что в новгородском Кремле уже высилась грандиозная Евфимьевская часовня.

Само по себе внимание летописца к Хутынскому столпу крайне симптоматично; эта незаурядная по тому времени постройка и в самом деле явилась весьма важным событием в Новгороде, и не случайно летописец описывает его с необычайной обстоятельностью. Самый заказ постройки заслуживает особого рассмотрения. Заказ этот приписывается хутынскому игумену Феодосию, но запись о расплате с мастерами вызывает в этом сомнение, ибо «домовым» было только обеспечение постройки материалами и присмотром («наряд»), деньги же за работу были заплачены «московские». Это, конечно, не просто указание на московские деньги в отличие от новгородских, что показывает противопоставление домовых (монастырских) средств средствам московским. Из этого мы можем заключить, что заказ постройки был связан с Москвой. Еще более знаменательно то, что эту церковь в загородном монастыре с необычайной пышностью освящает сам архиепископ Макарий со всеми новгородскими попами. Макарий был московским ставленником на новгородской кафедре, пустовавшей 17 лет после смещения поссорившегося с Иосифом Волоколамским архиепископа Сераиона. Находившийся в близких связях с Василием III и поставленный в Новгород по его указанию, Макарий был главным проводником

[1] Путешествие антиохийского патриарха Макария. . . перев. Муркоса, вып. IV, стр. 80.

[2] П. Л. Гусев. Новгород XVI века по изображению на Хутынской иконе «Видение пономаря Тарасия». Вестн. ист. и археол., вып. XIII, 1900, стр. 57.

московской политики и идей в Новгороде.[1] Вероятнее всего, что Макарий и был непосредственным заказчиком данной постройки и руководителем ее зодчих. Это предположение подтверждается и отмеченным выше сходством архитектурного замысла столпов церкви Дьякова и Хутынской церкви. Как доказано А. И. Некрасовым, Дьяковская церковь построена в 1547 г. и является монументальным памятником венчания Грозного на царство.[2] Хорошо известна та роль вдохновителя, которую играл митрополит Макарий в идеологической подготовке этого события.[3] Работа

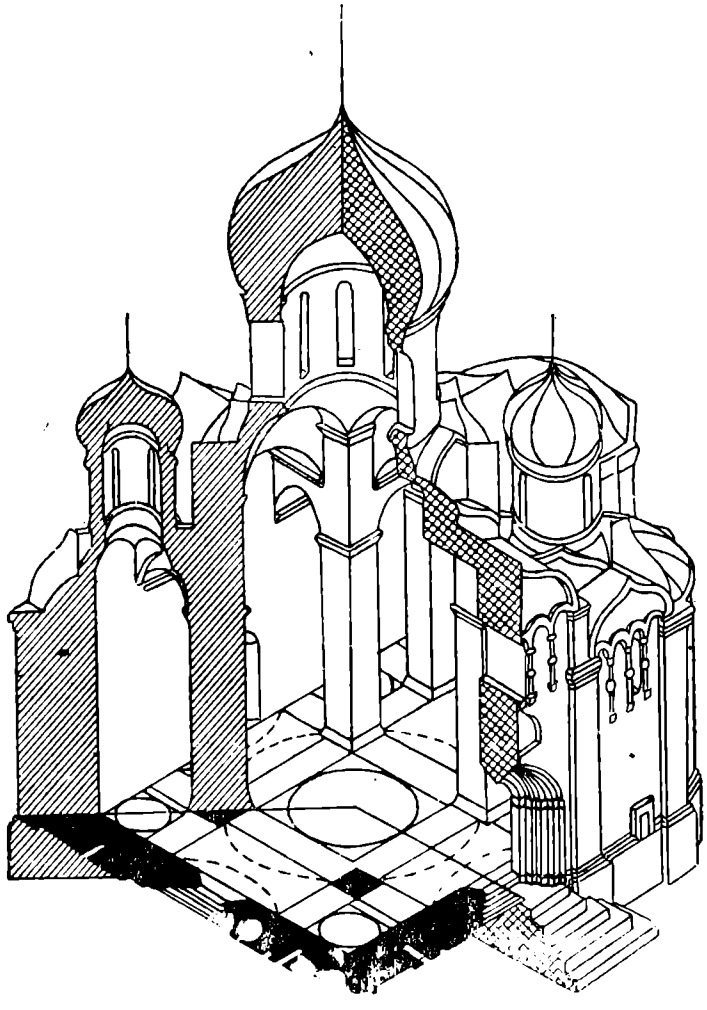

Рис. 3. Собор Старицкого монастыря. Реконструкция.

М. К. Каргера «Московские политические теории XV—XVI вв. в изобразительном искусстве» показывает, что идея венчания на царство московского великого князя развивалась Макарием еще в бытность его новгородским архиепископом: тогда же в предметах шитья и живописи, выполнявшихся по заказу Макария, появляются иконографические композиции, пропагандирующие идею самодержавия.[4] Не менее показательно, что сделанное в митрополитство Макария царское место в московском Успенском соборе завершено было шатровым верхом, аналогичным центральному шатру

[1] Е. Голубинский. История Русской церкви, т. II, стр. 746—747.

[2] Доклад А. И. Некрасова в Институте истории феодального общества ГАИМК в 1934 г. — Он же. Очерки по истории древне-русского зодчества XI—XVII вв. М., 1936, стр. 258 и сл.

[3] Голубинский, ук. соч., стр. 767 и сл.

[4] Доклад в Русском музее 15 мая 1936 г.

Василия Блаженного.[1] Мы в праве, поэтому, думать, что и здесь, в архитектурной концепции Хутынского столпа, сказались идеи Макария. Именно поэтому освящение и постройка этого здания приобрели в летописи значение крупнейшего политического акта.

Закономерен вопрос — можно ли Хутынскую церковь Григория считать *простейшей* постройкой того типа, развитой и сложный вариант которого дает церковь Дьякова? Совершенно ясно, что нет; Хутынский столп — это очень сложное и законченное по технике, форме и содержанию архитектурное произведение.

За пять лет перед Хутынской церковью тверскими зодчими строится Успенский собор Старицкого монастыря (рис. 3). В этом памятнике ясно видно, какие кардинальные изменения пережила старая схема крестовокупольного собора: центральный купол настолько сильно вынесен на ступенчатых арках, что, будучи окружен снаружи закомарами и кокошниками, он фактически превратился в центральный столп; что именно так понимали зодчие свою композицию, свидетельствует возвышение среднего деления фасада, разорвавшее традиционный аркатурный фриз, подчеркивающий горизонтальность линий здания; в то же время пониженные угловые главы не создают схемы «освященного пятиглавия», а мыслятся скорее как малые угловые «столпы». Разложение структуры крестовокупольного собора таким путем подводит к композиции, близкой Дьяковской церкви и Хутынского столпа.

Но все же между Успенским собором Старицы и этими памятниками огромная разница. Столпы и шатры в русском зодчестве эпохи образования национального государства и оформления самодержавия возникают, разрывая эволюционную линию развития.

[1] П. Снегирев. Памятники московской древности. М., 1842—1845, стр. 27.

М. П. ГРЯЗНОВ

ТЕХНИКА ГРАФИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ ФОРМЫ И РАЗМЕРОВ ГЛИНЯНОЙ ПОСУДЫ ПО ФРАГМЕНТАМ

Вряд ли нужно говорить о том, какое значение имеет правильная реконструкция формы и размеров глиняных сосудов, сохранившихся в виде одного или нескольких небольших фрагментов. Между тем, далеко не все археологи, занимающиеся изучением керамики, реконструируют по имеющимся в их распоряжении черепкам целые сосуды. Одних останавливает трудоемкость такой работы. Другие просто не знакомы с ее техникой. Отсюда вытекает необходимость, во-первых, ознакомить более широкие слои археологов с техникой реконструкции сосудов по небольшим фрагментам и, во-вторых, изыскать наиболее простые способы точной реконструкции сосудов.

Особое значение реконструкция сосудов имеет при публикации керамического материала. Исследователь, изучающий какой-либо материал по оригиналам, имеет возможность при рассмотрении черепков составить себе хотя бы и субъективное представление как о форме, так и о размерах сосуда, обломки которого находятся у него в руках. Другое дело, когда исследователь не имеет в своем распоряжении оригиналов, а пользуется материалом по изданиям его в виде фотографий или рисунков.

Ни фотографии, ни рисунки черепков, как бы хорошо они выполнены ни были, не дают сколько-нибудь удовлетворительного представления о форме и размерах сосуда. Даже в том случае, когда фотография или рисунок снабжены профилем черепка, все же нельзя составить себе правильного представления о главнейших особенностях сосуда. Чтобы убедиться в этом, приведем пример.

Пусть будет дан точный профиль черепка, как это показано на рис. 1, *1*. Не зная диаметра сосуда, нет никакой возможности представить его форму. В самом деле, если диаметр этого сосуда небольшой, то точно такой профиль может иметь небольшой узкий кувшин, как это показано на рис. 1, *2*. Если диаметр более крупных размеров, то это мог быть горшок (рис. 1, *3*). Наконец, при еще более крупных размерах диаметра это могла быть большая чаша с круглым выпуклым дном, подобная изображенной на рис. 1, *4*.

Даже и в том случае, когда известен диаметр, ни форма, ни размеры сосуда не могут быть определены хоть сколько-нибудь удовлетворительно. Необходимо знать точную ориентировку профиля черепка по отношению к его горизонтальной плоскости. Это убедительно показывают рис. 1, *5*—*7*. В зависимости от угла наклона профиля черепка, при одних и тех же размерах диаметра горла и при одном и том же профиле черепка, читатель может себе представить совершенно различные формы сосудов. В приведенном примере это может быть и маленькая чашка с круглым выпуклым дном (рис. 1, *7*), может быть небольшой горшок (рис. 1, *6*), наконец, это может быть и большая с выпуклыми боками корчага (рис. 1, *5*).

Таким образом правильное представление о форме и размерах сосудов можно дать только в том случае, когда изображаемый на рисунке профиль черепка правильно ориентирован относительно его горизонтальной плоскости и когда известен диаметр какой-нибудь определенной части сосуда. Только при соблюдении этих условий чертеж может вполне заменить оригинал. Даже больше: без составления такого чертежа нельзя достаточно объективно определить размеры и форму сосуда. Изучая какой-либо керамический материал в виде отдельных черепков и небольших фрагментов сосудов и желая знать форму и размеры этих сосудов, необходимо составить такие чертежи и только после этого приступать к анализу особенностей формы и размеров посуды и обусловливающих их особенностей системы хозяйства, быта и социального строя общества.

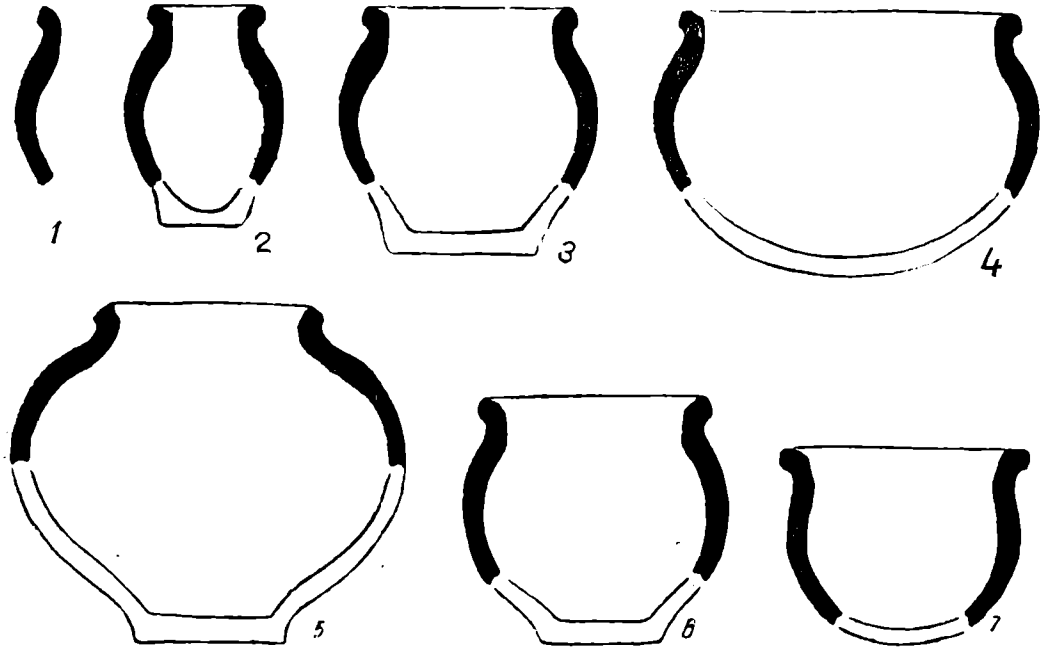

Рис. 1. Примеры возможных форм сосуда при одном и том же профиле черепка.

В наших центральных научно-исследовательских учреждениях, имеющих дело с обширными коллекциями керамики, а именно, в ИИМК в Ленинграде и Антропологическом институте МГУ в Москве, уже более десятка лет предпринимались работы по реконструкции формы и размеров древней посуды на основании отдельных небольших черепков. Однако ни в одном из этих учреждений, ни тем более среди археологов республиканских и краеведческих музеев, эти работы не получили всеобщего распространения. Причина тому — громоздкость применяемых способов реконструкции сосудов и необходимость пользования некоторыми приборами, не всегда имеющимися в распоряжении археолога, особенно в условиях работы краеведческих музеев (эклиметр, радиограф, штатив с двумя осями вращения и др.).

Основная трудность в деле реконструкции сосуда по черепку заключалась в точной ориентировке черепка относительно его горизонтальной плоскости и в технике точного проектирования профиля черепка на чертеж. Однако эта трудность существует лишь до тех пор, пока мы считаем необходимым изучаемый черепок обязательно ориентировать по географическому горизонту и только в таком неудобном для нас положении вычерчивать его профиль. Если отказаться от необходимости устанавливать черепок точно по линии горизонта и одновременно с этим применить

для вычерчивания профиля черепка проектирование его тени на экран, то можно получить наиболее точный, хотя и без применения точных инструментов, наиболее простой, не требующий каких-либо сложных приемов измерения и особых приборов и приспособлений и, наконец, отнимающий минимальное количество времени способ реконструкции сосуда по черепку.

Для применения этого способа реконструкции сосудов необходимо лишь одно чрезвычайно простое по своему устройству приспособление. Приспособление это состоит из стеклянного экрана с небольшой полочкой перед ним, зеркала (иногда можно и без него) и, наконец, какого-либо источника

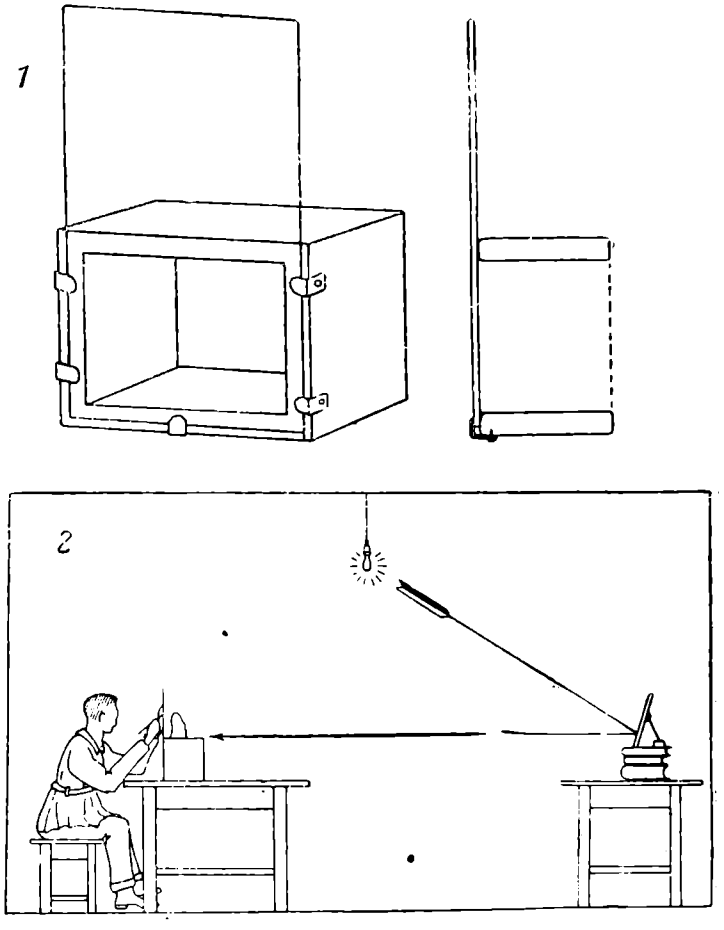

Рис. 2. Прибор для зарисовки профиля черепка.

света. Это все. Экраном служит стекло, неподвижно укрепленное в вертикальном положении. С одной стороны экрана должна быть небольшая полочка, верхняя поверхность которой перпендикулярна по отношению к стеклу. Это несложное приспособление можно сделать различными способами. На рис. 2, *1* дан один из примеров устройства такого приспособления, состоящего из небольшого ящика без дна с прикрепленным к нему металлическими лапками стеклом. Конструкция прибора настолько проста, что не требует особых пояснений. Источник света желателен такой, который давал бы пучок параллельных лучей. С этой целью очень хорошо пользоваться солнцем, для чего необходимо обыкновенное плоское зеркало, которое позволяет изменить в нужном для нас направлении ход солнечных лучей. Можно пользоваться и другим источником света, напр. электрической лампочкой, но в этом случае необходимо, во-первых, чтобы источник света был невелик по своей поверхности свечения и давал бы таким обра-

зом резкую четкую тень, и, во-вторых, он должен находиться на расстоянии не менее 10 м от экрана. Если размеры комнаты, в которой производится работа, не позволяют поместить источник света на 10 м от экрана, то с помощью зеркала можно преодолеть и это препятствие. Зеркалом можно удвоить путь, проходимый лучом от источника света до экрана. Кроме того, зеркало дает возможность пользоваться лампой, освещающей комнату, не передвигая ее на новое место.

Приступая к работе, нужно установить всю систему таким образом, чтобы лучи света падали на экран в перпендикулярном к нему направлении. Делается это чрезвычайно просто. Экран и источник света, или зеркало, если пользуются солнцем или висящей у потолка лампой, помещаются на столах в разных концах комнаты приблизительно на одинаковой высоте от пола, как это показано на рис. 2, *2*. Когда зеркало установлено так, что оно освещает экран, тогда приступают к установке экрана. На верхней поверхности полочки посредине должна быть начерчена перпендикулярно к экрану линия. Около переднего и заднего концов этой линии втыкаются две булавки и экран поворачивают так, чтобы тени, отбрасываемые на экран булавками, совпадали друг с другом. После этого поднимании или опусканием переднего или заднего края ящика, к которому прикреплен экран, добиваются такого положения экрана, при котором лучи света, идущие от зеркала или непосредственно от источника света, скользили бы по верхней поверхности полочки, т. е. были бы ей параллельны. Такое положение удобнее всего проверять с помощью двух горошин или подобных им предметов, помещаемых на концах упомянутой линии на полочке. Когда нижние края этих горошин на тени совпадут, то это и будет желаемое нам положение экрана. Опускание и поднимание ящика с экраном производится или путем особых сделанных для этого приспособлений, или путем простого подкладывания под один из концов его каких-либо плоских предметов. Так как на прозрачном стекле тени булавок и горошин не видны, то во время установки прибора к задней поверхности стеклянного экрана прикладывается лист тонкой бумаги, на котором эти тени будут отлично видны. Вот все устройство необходимых для нашей цели приспособлений.

Черепок, на основании которого предполагается сделать реконструкцию формы и размеров сосуда, ставят краем его венчика на полочку так, чтобы он касался всем своим верхним краем поверхности полочки. Обычно находящийся в таком положении черепок прочно стоит на горизонтальной поверхности полочки. Только черепки от сосудов с сильно выдающимися плечиками или черепки, у которых край венчика сохранился на небольшом по сравнению с остальной массой черепка протяжении, могут оказаться неустойчивыми. Тогда их нужно укрепить с помощью пластилина или просто придержать на необходимое для зарисовки время рукой. Черепок ставится так, чтобы на отбрасываемой им на экран тени был виден профиль наружной поверхности сосуда, частью которого он является.

На приложенном к задней поверхности экрана листе бумаги хорошо видна и может быть точно зарисована тень от черепка (*Б*) и полочки (*А*), как это показано на рис. 3, *1*. Для реконструкции формы и размеров сосуда необходимо как можно точнее обвести на приложенной к экрану бумаге контуры наружной поверхности сосуда по тени черепка и линию, соответствующую верхней поверхности полочки (a—a_1). Перевернув полученный чертеж (рис. 3, *2*), мы имеем на нем линию a—a_1, соответствующую плоскости касательной к верхнему краю венчика и профиль наружной поверхности сосуда в той части ее, какая представлена рассматриваемым черепком. На этом чертеже профиль черепка получается точно ориентированным относительно горизонтальной плоскости сосуда. Чертеж оказывается настолько точным, насколько это позволяют толщина линии карандаша и

твердость руки работающего. Следовательно профиль черепка и его ориентировка относительно горизонтальной плоскости оказываются выполненными на нашем чертеже с предельной точностью. Только в тех случаях, когда источником света служит простая лампа, дающая пучок расходящихся лучей, имеет место некоторое искажение действительных размеров и формы реконструируемого сосуда. Однако, при расстоянии в 10 м от экрана до источника света и не более 10 см от экрана средней части черепка, увеличение размеров черепка (если высота его около 10 см) не превысит 1 мм. Это искажение настолько невелико, что не имеет практического значения при решении поставленных нами задач. Чтобы избежать

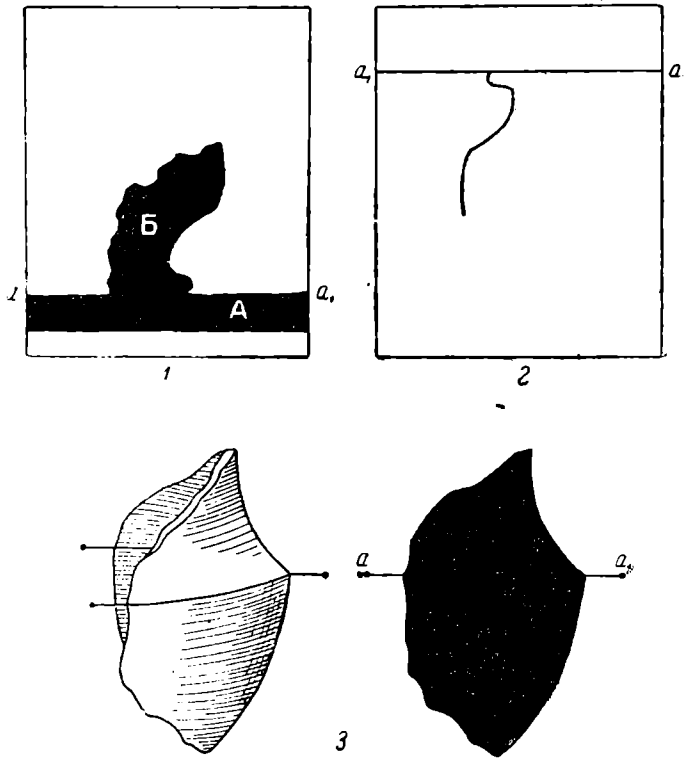

Рис. 3. Примеры зарисовки профиля черепков.

и этого искажения, нужно пользоваться пучком параллельных лучей (проще всего солнце) или же стараться помещать источник света как можно дальше от экрана, а черепок как можно ближе к экрану.

Мы рассмотрели случай зарисовки профиля черепка верхней части сосуда. В тех случаях, когда на черепке отсутствует край венчика, это делается несколько иначе. Очень просто обстоит дело с черепком, имеющим часть плоского дна. Тогда черепок ставится поверхностью этого дна на полочку перед экраном и в таком положении зарисовывается профиль его наружной поверхности. Все происходит здесь так же, как это было в первом рассмотренном случае, только нет необходимости готовый чертеж перевертывать. Сложнее, когда черепок происходит от средней части сосуда и на нем нет частей верхнего края венчика или дна. Зарисовка профиля такого черепка, правильно ориентированного относительно горизонтальной плоскости сосуда, возможна только в том случае, если на черепке имеются ясно выраженные линии, параллельные горизонтальной плоскости сосуда. Такими линиями могут быть линия перелома профиля сосуда, ребро, желобок, валик, горизонтальная линия орнамента или, наконец, горизонтальные штрихи на поверхности сосуда, получающиеся при изготовлении сосуда на гончарном кругу. С помощью пластилина в трех точках избранной

линии, а именно на концах ее и посредине, укрепляются три булавки с таким расчетом, чтобы точки соприкосновения их с черепком были хорошо видны на тени (рис. 3, *3*). Черепок устанавливается на комке пластилина, прилепленном к полочке, и поворачивается так, чтобы точки соприкосновения двух крайних булавок на тени совпадали друг с другом. Когда черепок укреплен в таком положении, на приложенном к экрану листе бумаги обводится профиль наружной поверхности черепка и вычерчивается линия a—a_1, соединяющая точки соприкосновения концов булавок с поверхностью. Эта линия и будет соответствовать проекции горизонтальной плоскости сосуда.

Описанным способом можно производить и зарисовку целых сосудов. Наш несложный прибор с успехом заменит собой и радиограф, и специально сконструированный для этой цели и применяемый в лаборатории Б. Марча при Детройтском институте искусств керамический пантограф,[1] хотя последний и имеет некоторые преимущества. Уменьшенные зарисовки, сделанные на керамическом пантографе, значительно удобнее, чем громоздкие рисунки сосудов в натуральную величину, сделанные по тени. Кроме того, употребление сменных игл на пантографе дает возможность сделать зарисовку профиля внутренних стенок сосуда (правда только в верхней его части). Однако работа по зарисовке профиля сосуда с помощью керамического пантографа (а также и радиографа) значительно сложнее, чем при зарисовке предлагаемым в настоящей статье способом и, надо думать, менее точна.

Таким образом основная задача в деле реконструкции формы сосуда по черепку разрешена. Мы имеем точно спроектированный на бумаге профиль наружной поверхности черепка и профиль этот точно ориентирован относительно горизонтальной плоскости сосуда. Теперь надо определить диаметр сосуда. Это проще всего сделать с помощью специально для этой цели изготовленных трафаретов.

Трафареты вырезаются из толстой плотной бумаги, целлулоида или металлических пластинок так, как это показано на рис. 4. На каждом трафарете помечается размер диаметра вырезанной на нем окружности. Размеры диаметра окружностей этих трафаретов лучше всего сделать в 5, 6, 7 см и т. д. до 40 см. Для более точного измерения мелких диаметров (до 10 см) можно сделать трафареты с окружностью диаметром в $5^1/_2$, $6^1/_2$ и т. д. см. Вычерчивание и вырезывание окружностей на изготовляемых трафаретах следует делать как можно тщательнее, особенно для трафаретов крупного диаметра.

Определение диаметра сосуда с помощью трафарета производится следующим образом. На наружной поверхности черепка выбирается какая-нибудь четко выраженная горизонтальная линия и к ней прикладываются поочередно трафареты до тех пор, пока не подберется такой, кривизна окружности которого наиболее близко соответствует кривизне окружности избранной линии. При этом нужно следить за тем, чтобы вырез трафарета на всем своем протяжении касался избранной линии. На чертеже профиля черепка необходимо отметить точку, на уровне которой произведено определение диаметра.

Таким образом диаметр сосуда оказывается определенным с точностью до 0.5 см, а для мелких сосудов даже с точностью до 0.25 см. Этот способ может быть несколько грубоват для посуды, сделанной на гончарном кругу, но для посуды, вылепленной без круга, такая точность более чем достаточна. В этом можно убедиться, измерив диаметр какого-нибудь целого сосуда в разных местах одной и той же его «окружности». Вылепленная

[1] B. M a r c h. Standards of pottery description. Occasional Contributions from the Museum of Anthropology of the University of Michigan, № 3, 1934, стр. 45—50.

без круга посуда никогда не дает правильной окружности в горизонтальном сечении. Диаметры отдельных сегментов «окружности» такой посуды могут отличаться друг от друга на несколько сантиметров. Поэтому вполне возможно такое положение, когда определение диаметра сосуда, произведенное каким-нибудь способом с точностью до 1 мм, по одному лишь черепку, оказывается больше или меньше истинного диаметра на 2 см. В таком случае пропадает всякий смысл более точного определения диаметра сосудов, вылепленных без гончарного круга. Подобные ошибки, но менее значительные, вполне возможны и при определении диаметра посуды, изготовленной на гончарном кругу.

Для того чтобы ускорить процесс вычерчивания реконструкции сосуда, лучше всего поступать следующим образом. На листе бумаги проводится вертикальная линия b—b_1 (рис. 5, *1*), делящая лист пополам, и другая линия a—a_1, перпендикулярная первой в верхней части листа. Сначала определяется диаметр сосуда и тогда на горизонтальной линии чертежа откладываются вправо и влево от вертикальной линии отрезки Dc и Dc_1, равные половине этого диаметра, и вниз от точек c и c_1 опускаются перпен-

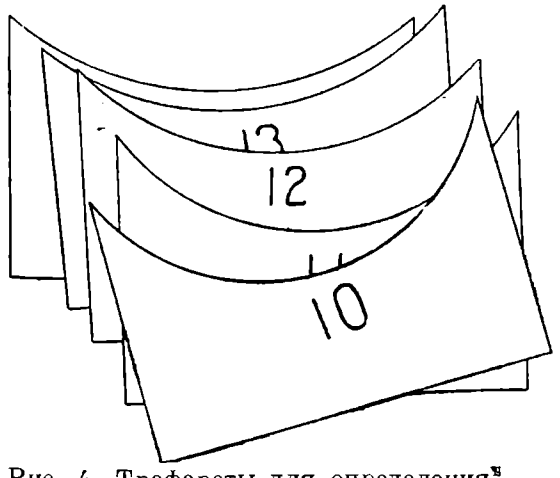

Рис. 4. Трафареты для определения диаметра сосуда по черепку ($^1/_2$ нат. вел.).

дикуляры. Подготовленный таким образом лист прикладывают к экрану и проектируют на него тень обрабатываемого черепка. Когда черепок установлен в требуемом положении, лист накладывают на стекло с таким расчетом, чтобы тень верхней поверхности полочки точно совпадала с линией a—a_1, а точка на профиле черепка, на уровне которой производилось определение диаметра, совпадала бы с одним из опущенных из точки c или c_1 перпендикуляром так, как это показано на рис. 5, *2*. В таком положении производят зарисовку наружного профиля черепка. Затем черепок поворачивают по вертикальной оси на 180° и проделывают ту же операцию.

В результате получается чертеж, подобный изображенному на рис. 5, *3*, на котором имеем точное изображение наружной поверхности сосуда, сделанное в натуральную величину. В тех случаях, когда это очевидно, можно дорисовать и недостающую на чертеже часть сосуда, продолжив пунктиром имеющиеся уже контуры.

Для того чтобы получить более точное представление о размерах сосуда (о его емкости) и более точное представление о профиле сосуда, нужно на чертеже дать профиль и внутренней поверхности черепка. Эта задача более трудная. Но и здесь можно ограничиться довольно простым приемом, не дающим, однако, той точности, какую мы имели при вычерчивании наружного профиля черепка. Определив в доступных для этого местах черепка

его толщину, нужно отметить это на чертеже, и зарисовку внутреннего профиля по этим данным произвести на-глаз. Следует отметить, что грубые погрешности при этом составляют редкие исключения.

Когда все это готово, чертеж приводится в окончательный вид. Нужные линии обводятся тушью. С одной стороны сосуда дается разрез его стенок. Дорисовываются край венчика и другие элементы формы сосуда. В средней части сосуда желательно изобразить в натуральную величину тем или иным способом черепок, на основании которого произведена реконструкция. Для облегчения процесса зарисовка черепка, контуры его можно нанести опять-таки с помощью тени на экране. Вместо рисунка можно вклеить фотографию черепка, сделанную в натуральную величину. Способ изображения

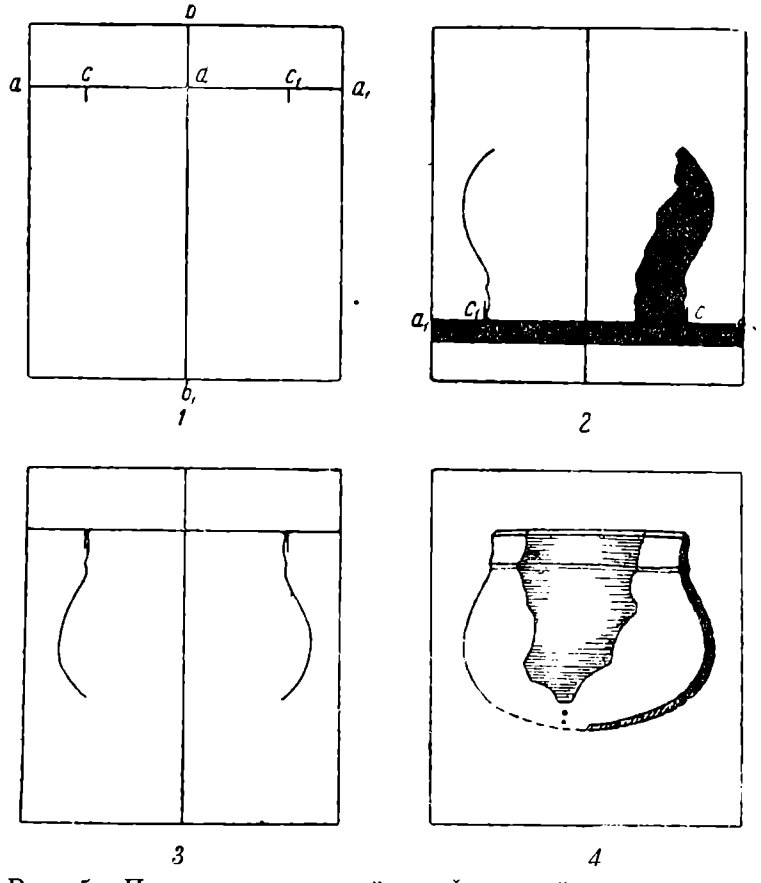

Рис. 5. Примеры чертежей графической реконструкции сосуда по черепку.

реконструкции сосуда может быть различным. На рис. 5, *4* показан только один из способов, дающих вполне достаточное представление как о самом реконструированном сосуде, так и о тех данных, на основании которых сделана реконструкция.

Если имеется несколько черепков от разных частей одного и того же сосуда, то реконструкция его может быть сделана более точно и достоверно. В этих случаях нужно сделать отдельные чертежи по каждому имеющемуся фрагменту и затем, налагая чертежи друг на друга, получить один сводный чертеж. Примеры таких реконструкций даны на рис. 6, *1* и *2*. Делается это настолько просто, что нет надобности подробно на этом останавливаться.

По выяснении размеров изучаемых сосудов, важно знать их емкость. Но определение емкости, вследствие разнообразия и сложности формы сосудов, представляет ряд затруднений. Однако, если не гнаться за особой

точностью, не представляющей необходимости для решения интересующих нас задач, определение емкости сосуда по составленным нами чертежам может быть произведено довольно легко с помощью несложного, вычерченного на кальке графика. График этот вычерчивается следующим образом

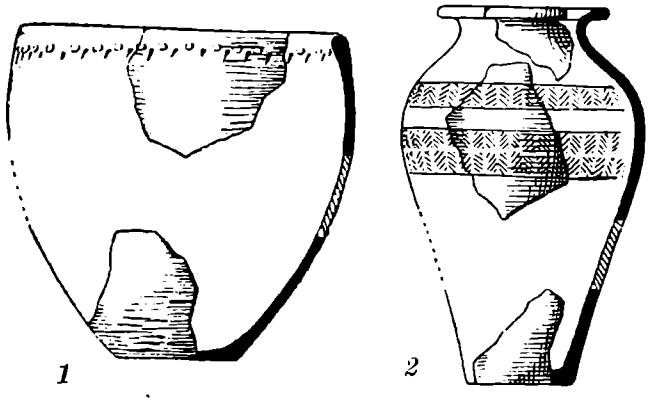

Рис. 6. Примеры полной реконструкции сосуда по нескольким черепкам.

(рис. 7). В верхней части чертежа проводится горизонтальная линия. Отступая на полсантиметра вниз от этой линии, проводится ряд параллельных линий, отстоящих друг от друга на один сантиметр. Таких параллельных линий нужно провести 40—60 или более, в зависимости от того,

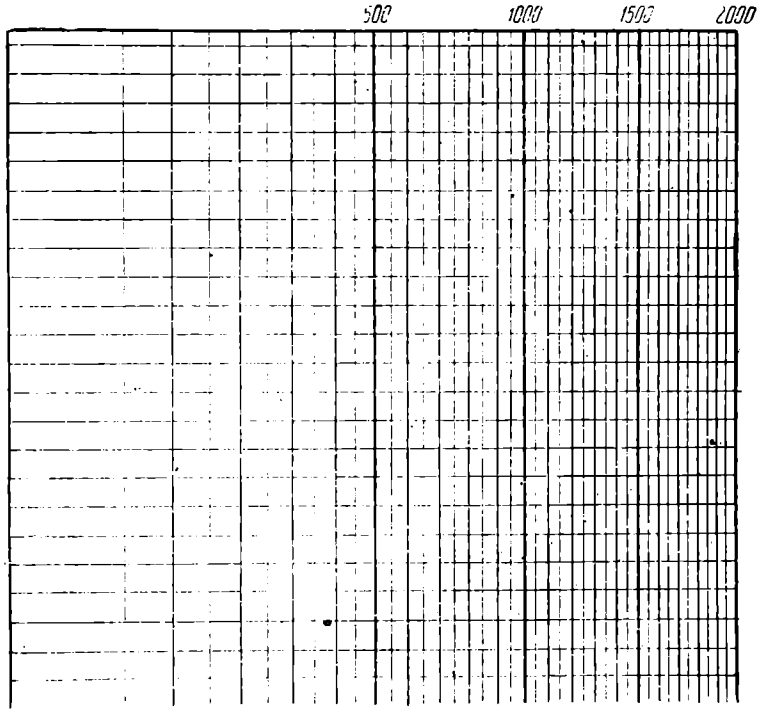

Рис. 7. График для вычисления емкости сосудов ($^1/_3$ нат. вел.).

насколько велика высота изучаемой посуды. Затем проводится ряд вертикальных линий с таким расчетом, чтобы они отстояли от крайней левой вертикали на величину радиусов цилиндров, высота которых равна 1 см, а объем последовательно 50, 100, 150 и т. д. куб. см. Величина радиусов таких цилиндров, выраженная в миллиметрах, дана в следующей табличке:

см³	мм	см³	мм	см³	мм
50	39.9	1050	182.8	2550	255.4
100	56.4	1100	187.1	2100	258.5
150	69.1	1150	191.3	2150	261.6
200	79.8	1200	195.4	2200	264.6
250	89.2	1250	199.5	2250	267.6
300	97.7	1300	203.4	2300	270.6
350	105.5	1350	207.3	2350	273.5
400	112.8	1400	211.1	2400	276.4
450	119.7	1450	214.8	2450	279.3
500	126.2	1500	218.5	2500	282.1
550	132.3	1550	222.1	2550	284.9
600	138.2	1600	225.7	2600	287.7
650	143.9	1650	229.2	2650	290.4
700	149.3	1700	232.6	2700	293.2
750	154.5	1750	236.0	2750	295.9
800	159.6	1800	239.4	2800	298.5
850	164.5	1850	242.7	2850	301.2
900	169.3	1900	245.9	2900	303.8
950	173.9	1950	249.1	2950	306.4
1000	178.4	2000	252.3	3000	309.0

В каждом из трех столбцов этой таблички дано по две колонки цифр. В левых колонках даны объемы цилиндров, выраженные в кубических сантиметрах, а в правых — соответствующие им радиусы, выраженные в миллиметрах. Пользуясь этой табличкой, следует вычертить на графике ряд вертикальных линий, отстоящих от крайней левой вертикали последовательно на 39.9; 56.4; 69.1 и т. д. мм, и надписать над ними соответствующие им объемы — 50, 100, 150 и т. д. куб. см, так как это показано на рис. 7.

Если изучается посуда мелких размеров, то для более точных определений объема сосудов можно вычертить график с более дробными подразделениями согласно следующей табличке:

см³	мм	см³	мм	см³	мм
10	17.8	110	59.2	210	81.8
20	25.2	120	61.8	220	83.7
30	30.9	130	64.3	230	85.6
40	35.7	140	66.8	240	87.4
50	39.9	150	69.1	250	89.2
60	43.7	160	71.4	260	91.0
70	47.2	170	73.6	270	92.7
80	50.5	180	75.7	280	94.4
90	53.5	190	77.8	290	96.1
100	56.4	200	79.8	300	97.7

Чтобы определить емкость сосуда, надо начертить описанным способом на кальке график, наложить на чертеж реконструкции сосуда с таким расчетом, чтобы верхняя горизонтальная его линия совпадала с линией, соответствующей верхнему краю венчика сосуда на чертеже, а крайняя левая вертикаль совпадала бы с линией, делящей сосуд по вертикали пополам так, как это показано на рис. 8. Когда это сделано, следует записать объемы цилиндров, высота которых равна 1 см, а радиусы равны расстоянию внутренней поверхности стенок сосуда от вертикальной его оси на

уровнях, отстоящх 0.5, 1.5, 2.5, 3.5 и т. д. см от плоскости, касательной к верхнему краю венчика. На графике объемы таких цилиндров уже определены, следовательно остается только записать их. Для примера, изображенного на рис. 8, мы имеем следующие цифры, начиная сверху (в куб. см):

1—250	9—350
2—250	10—350
3—250	11—350
4—250	12—300
5—300	13—300
6—300	14—250
7—350	15—150
8—350	16—100

Суммируя эти цифры, получаем 4450 куб. см. Это и есть емкость изображенного на приведенном чертеже сосуда. Таким образом процесс определения емкости сосуда сводится к наложению описанным способом гра-

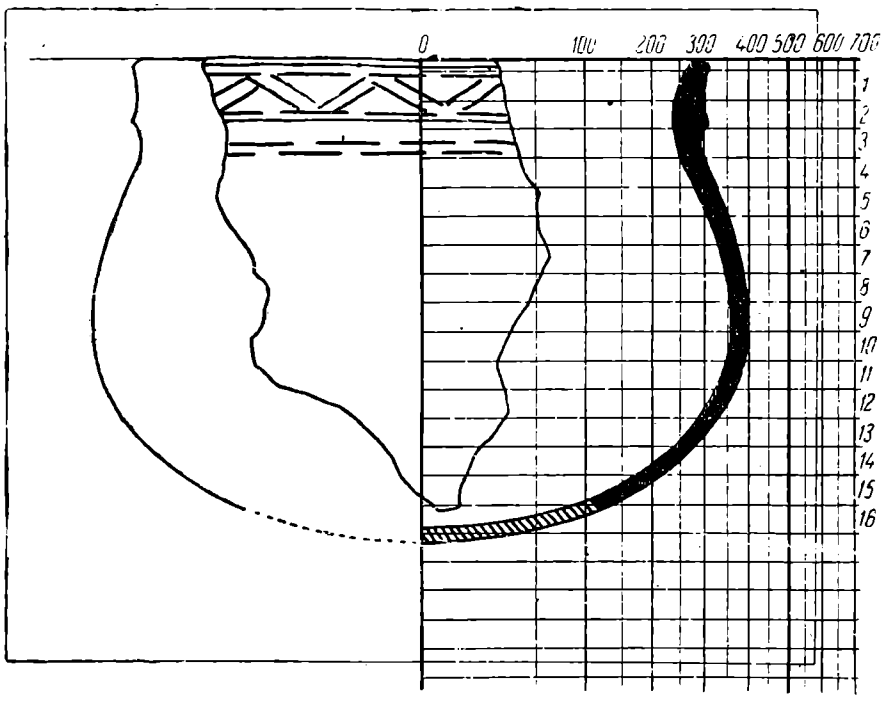

Рис. 8. Вычисление емкости сосуда с помощью графика ($^1/_3$ нат. вел.).

фика на чертеж сосуда, отсчету по начерченной вертикальными линиями шкале объемов отдельных сегментов сосуда, и, наконец, к суммированию полученных цифр. При определении объема отдельных сегментов сосуда следует принять за правило, что в тех случаях, когда расстояние внутренних стенок сосуда от линии, делящей сосуд пополам, не совпадает ни с одной из начерченных вертикальных линий, следует записать объем, определяемый наиболее близкой линией. В одних случаях это будет несколько больше действительного объема, в других — меньше.

Определение емкости сосуда, произведенное таким способом, является неточным. Поэтому прежде чем пользоваться полученными цифрами, важно узнать, с какой точностью они определены. Делается это просто. В нашем случае емкость сосуда, изображенного на рис. 8, вычислена на основании 16 определений объемов отдельных сегментов сосуда. Так как мы пользовались графиком с делениями, соответствующими объемам, отличающимся друг от друга на 50 куб. см, и избирали всегда ближайшее деление, т

ошибка отдельных определений не превышала 25 куб. см. Для 16 определений это составит не более 400 куб. см. Это максимальная теоретически возможная ошибка в определении емкости рассматриваемого сосуда. На практике же возможная максимальная ошибка значительно меньше, так как ошибки при отдельных определениях были как в сторону увеличения объема, так и в сторону уменьшения его, и следовательно взаимно погашали друг друга. С другой стороны, все эти отдельные ошибки были всегда меньше 25 куб. см, а иногда приближались к нулю.

Исходя из этих соображений, нужно принять как максимальную практически возможную ошибку определения емкости рассматриваемого сосуда в 200 куб. см и, таким образом, емкость сосуда определить как 4450 ± 200 куб. см. Таким же способом очень легко можно определить точность полученной цифры емкости любого сосуда.

Необходимо иметь в виду, что ошибка нашего определения должна быть несколько больше, так как не точен сам чертеж, по которому мы определяем емкость сосуда. Как выше отмечалось, диаметр сосуда определяется с точностью только до 0.5 см. Следовательно ширина сосуда на чертеже изображена с точностью до 0.5 см, а радиусы его с точностью до 0.25 см. Если начертить сосуд, изображенный на рис. 8, убавив его диаметры на 0.5 см, то емкость его, определенная нашим способом, будет равна 4200 куб. см. Если же диаметры увеличить на 0.5 см, то емкость сосуда будет равна 4600 куб. см. Таким образом, для рассмотренного сосуда, реконструированного по черепку, максимальная практически возможная ошибка в определении его емкости может достигнуть ± 450 куб. см, т. е. не более 10.1%.

При определении предложенным способом емкости сосудов, реконструированных по черепку, точность полученных цифр зависит от размеров сосуда. Нет надобности устанавливать степень точности определения емкости для каждого отдельного сосуда.

Обычно ошибки определения не превышают следующих цифр:

при	емкости	сосуда	в	3	л	не	более	±15%
»	»	»	»	5	»	»	»	±10%
»	»	»	»	10	»	»	»	± 7%
»	»	»	»	15	»	»	»	± 6%
»	»	»	»	20	»	»	»	± 5%

Такова степень точности определения емкости сосудов при пользовании графиком, изображенным на рис. 7. Если же пользоваться графиком с более дробными делениями для первых 300 куб. см, то ошибка в определении емкости сосудов даже мелких размеров не превысит ± 10%.

Надо иметь в виду, что емкость сосуда, определенная описанным способом, соответствует объему жидкости, налитой в сосуд до самых краев его венчика. Конечно, полезная емкость сосуда несколько меньше, так как никогда сосуд, в котором готовят пищу, не наполняется до самых краев. Однако трудно найти объективный способ определения уровня, до которого наполнялся тот или иной сосуд, и поэтому удобнее определять максимальную емкость сосуда, но обязательно помнить при этом, что действительная, полезная емкость сосуда должна была быть насколько-то меньше определенной нами.

Определение формы и размеров сосудов, произведенное предложенным способом, как это видно из всего сказанного, не требует никаких сложных приспособлений и приборов, отнимает совсем немного времени и позволяет поэтому использовать чрезвычайно обширный керамический материал. Изучая керамику какого-нибудь поселения или даже целой серии поселений и затратив несколько дней, а может быть и всего только один день, на реконструкцию сосудов по отдельным черепкам, исследователь получает

в свое распоряжение чрезвычайно ценный материал, позволяющий сделать много важных выводов об особенностях домашнего хозяйства, образа жизни, социального строя и других сторон жизни древнего общества. Мы должны стремиться к тому, чтобы использовать каждую представляющуюся возможность для наиболее полного и всестороннего освещения жизни древнего общества. Черепки глиняной посуды дают в этом отношении богатейший источник для восстановления картины далекого прошлого, но они ничего не скажут нам, если с нашей стороны не будет приложено никаких усилий для превращения их в полноценный источник по изучению истории общества. Труд, затраченный на графическую реконструкцию сосудов по их черепкам, окупится сторицей.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

АИ	— Акты исторические.
АИЗ	— Археологические известия и заметки.
АН	— Академия Наук СССР.
АЮБ	— Акты, относящиеся до юридического быта.
Бюллетень АИЧПЕ	— Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. Академия Наук СССР.
ВГВ	— Владимирские губернские ведомости.
ВДИ	— Вестник древней истории.
ВУАК	— Воронежская ученая архивная комиссия.
ГАИМК	— Государственная Академия истории материальной культуры им. Н. Я. Марра.
ГИМ	— Государственный Исторический музей (Москва).
ДАИ	— Дополнения к Актам историческим.
ДГС	— Древности Геродотовой Скифии, вып. I (1866) и II (1872).
ЕВГСК	— Ежегодник Владимирского ученого губернского статистического комитета.
ЖМВД	— Журнал Министерства внутренних дел.
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения.
ЗОО	— Записки Одесского общества истории и древностей.
ЗРАО	— Записки Русского археологического общества.
ЗОРСА	— Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества.
ИАК	— Известия Археологической комиссии.
ИГАИМК	— Известия ГАИМК.
ИИМК	— Институт истории материальной культуры им. Н. Я. Марра Академии Наук СССР.
ИОН	— Известия АН СССР. Отделение общественных наук.
ИОРЯС	— Известия Отделения русского языка и словесности Академии Наук.
ИСОВЕ	— Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии.
ИТОИАЭ	— Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии.
ИТУАК	— Известия Таврической ученой архивной комиссии.
МАР	— Материалы по археологии России.
ОАК	— Отчеты Археологической комиссии.
ОЛДП	— Общество любителей древней письменности.
Проблемы	— Проблемы истории материальной культуры (с 1934 г. — Проблемы истории докапиталистических обществ).
ПСЗ	— Полное собрание законов Российской империи.
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей.
РАНИОН	— Российская Ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук.
РГО	— Русское географическое общество.
РФВ	— Русский филологический вестник.
СГАИМК	— Сообщения ГАИМК.
ТМАО	— Древности. Труды Московского археологического общества.
ТВУАК	— Труды Владимирской ученой архивной комиссии.
Тр...АС	— Труды I—XV Всероссийских археологических съездов.
Тр. ИАЭ	— Труды Института антропологии и этнографии Академии Наук СССР.
ТСАРАНИОН	— Труды секции археологии РАНИОН.
ЧОИДР	— Чтения в Московском обществе истории и древностей российских.
AA	— Archäologischer Anzeiger.
BCH	— Bulletin de correspondance hellénique.
CIG	— Corpus inscriptionum graecarum.
Daremberg — Saglio	— Ch. Daremberg et E. Saglio. Dictionnnaire des antiquités grecques et romaines.
ESA	— Eurasia Septentrionalis Antiqua.
IosPE	— Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini, ed. V. Latychev.
RA	— Revue archéologique.
RE	— Pauly — Wissowa — Kroll. Realencyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft.

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, VIII

*

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР

*

РИСО АН СССР № 2220. М-06325. Тип. зак. № 809.
Подп. к печ. 16/IX 1946 г. Печ. л. 20+6 вклеек.
Уч.-издат. л. 31. Тираж 3000.

1-я тип. Издательства Академии Наук СССР
Ленинград, В. О., 9 лин., 12